

Исследования
по славянской диалектологии

14

Фонетический аспект
изучения славянских диалектов

Российская
академия наук

Институт
славяноведения

Исследования по славянской диалектологии

14

Фонетический аспект
изучения славянских диалектов

Учреждение
Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

**Исследования по славянской
диалектологии**

14

Фонетический аспект
изучения славянских диалектов

Москва 2009

Редколлегия издания:

к. ф. н. М. И. Ермакова
д. ф. н. А. Ф. Журавлев
д. ф. н. Л. Э. Калнынь
к. ф. н. Ф. Р. Минлос
М. Н. Толстая

Отв. редактор выпуска:

д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Рецензенты выпуска:

д. ф. н. Т. И. Вендина
к. ф. н. О. Е. Кармакова

14-й выпуск серийного издания «Исследования по славянской диалектологии» содержит статьи, в которых предметом анализа являются особенности фонетического строя отдельных славянских диалектов. Явления фонетики рассматриваются в разных аспектах — сегментном и суперсегментном, синхронном и диахроническом. Выводы основаны как на аудитивном обследовании диалектов, так и на использовании экспериментального анализа звучащей речи. В качестве аргументов привлекаются данные лингвогеографии. Обсуждается также проблема возможного отражения фактов фонетики в памятниках письменности. Включенные в ИСД статьи основаны на материале диалектов, репрезентирующих все славянские языковые группы. ИСД 14 представляет интерес для специалистов в области славянского языкознания, особенно для тех, кто интересуется фонетическим устройством языка.

The 14-th issue of the series “Studies in Slavic Dialectology” contains articles dealing with peculiarities of phonetic systems of individual Slavic dialects. Phonetic phenomena are examined in various aspects — segmental and suprasegmental, synchronic and diachronic. Conclusions are based on auditive research of dialects as well as on experimental analysis of sounding speech. The data of linguistic geography are taken into consideration. The problem of possible reflection of phonetic facts in written monuments is also discussed. Articles included in the volume are based on the material of dialects representing all Slavic linguistic groups. “Studies in Slavic Dialectology”-14 may be of interest for the specialists in the field of Slavic linguistics, especially those studying phonetic system.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
<i>Л. Э. Калнынь.</i> О психологическом факторе в изучении диалектной фонетики	7
<i>Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. Пожарицкая.</i> Фонетическая реализация заударных гласных в различных просодических условиях: пограничные тоны (на материале говоров рязанской группы)	15
<i>Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов.</i> Дмитровское диссимилятивное яканье в говорах Белгородской обл.	53
<i>И. И. Исаев.</i> Гласные слободского говора	67
<i>Т. В. Попова.</i> Некоторые вопросы восточноболгарского вокализма	92
<i>Р. Ф. Касаткина.</i> Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл.	107
<i>М. Н. Толстая.</i> Позиции аккомодации и гармонии гласных в закарпатском говоре с. Синевир	115
<i>С. Л. Николаев.</i> Количественная оппозиция гласных в 1-м предударном слоге в <i>a</i> -основах в тверском говоре д. Гниловка	144
<i>А. В. Тер-Аванесова.</i> Коротко о фонологии и морфонологии вологодского слободского говора	158
<i>Н. Н. Пишеничнова.</i> Еще раз о долгих шипящих в восточнославянских диалектах	177
<i>В. П. Русак.</i> Фонетический фонд белорусского языка как оптимальная совокупность образцов речи	183
<i>Н. Е. Ананьева.</i> Морфологические последствия некоторых фонетических явлений в польских периферийных говорах	194
<i>М. М. Алексеева.</i> Основные фонетические процессы в современных переселенческих лемковских говорах в Польше и в Украине	202
<i>Ф. Р. Минлос.</i> Орфография и фонетика Строевского списка Псковской летописи	212
<i>М. И. Ермакова.</i> Фонетика, отраженная в графике ранних памятников серболужицкой письменности	224

<i>Л. Э. Калнынь.</i> Диахронические характеристики некоторых особенностей русской диалектной фонетики в контексте славянской лингвогеографии	246
<i>С. Л. Николаев, М. Н. Толстая.</i> Материалы по фонетике западнорусских говоров. Рефлексы праславянских корневых гласных	293

Предисловие

В основу 14-го выпуска ИСД положен материал Круглого стола¹, проведенного в Институте славяноведения РАН в апреле 2008 г. на тему «Фонетический аспект изучения славянских диалектов». В соответствии с этим, объектом исследования в статьях данного выпуска ИСД является только фонетический уровень языка.

Изучение фонетики в диалектологии занимает особое место. Именно звучащая речь в ее сегментных и суперсегментных характеристиках является начальным объектом наблюдения при обследовании любого диалектного идиома (как и бесписьменного языка вообще). Это находит отражение и в программах обследования диалектов для составления диалектных атласов отдельных языков или их групп. Именно вопросы, относящиеся к фонетике диалекта, составляют первый раздел русской, белорусской, болгарской программ, а также программы ОЛА.

Фонетика диалектов является удобным объектом исследования благодаря своей обозримости. В каждом наблюдаемом говоре может быть установлен фиксированный набор звукотипов, которые подвергаются дальнейшему анализу в разных аспектах. Возможные формы и направления в исследовании славянской фонетики показаны в статьях, включенных в данный выпуск ИСД.

В открывающей выпуск статье Л. Э. Калнынь указано на необходимость учитывать при полевом обследовании диалекта возможность несовпадения звукопредставления информанта и эксплоратора в отношении одного и того же сегмента. Адекватность полевой записи звучащей речи может быть достигнута, если такое несовпадение установлено и скорректировано.

Значительное внимание уделяется проблемам организации вокализма в диалектах.

Экспериментальный анализ звучащей речи позволяет выделить в русских диалектах ряд суперсегментных параметров. Это — особая система пограничных тонов, сопровождающих заударные гласные в конце синтагмы (Ю. В. Горячева, С. В. Князев, С. К. Пожарицкая); специфическое движение артикуляции гласных в зависимости от вокального компонента следующего слога (И. И. Исаев); рассмотрение предупредного вокализма как содержащего в своем современном устройстве признаки динамики системы (Е. В. Корпечкова, Д. М. Савинов). Внимание привлекают особенности включения гласных в звуковую последовательность в закарпатском говоре (М. Н. Толстая), воз-

¹ Круглый стол проведен при поддержке гранта РГНФ «Русские диалекты в общеславянском контексте» (№ 06-04-00287а).

возможность количественной оппозиции предударных гласных в русском говоре (С. Л. Николаев).

Два типа редукции безударных гласных — горизонтальный и вертикальный — констатирует в восточноболгарских говорах Т. В. Попова.

Явления консонантизма рассматриваются в статьях А. В. Тер-Аванесовой (фонология русского говора с особым отношением согласных к признаку палатализованности) и Н. Н. Пшеничновой (рефлексы *skj, *stj, *sk', *zgj, *zdj, *zg' в восточнославянских диалектах).

Сопоставление фонетики одного говора (с. Лека) в хронологически разные периоды его существования проводит Р. Ф. Касаткина, сделав при этом вывод, что динамика фонетики говора определяется внутренними закономерностями, а не внешним влиянием.

О «Фонетическом фонде белорусского языка» и о возможностях его использования для получения информации о диалектных формах языка сообщает В. П. Русак.

Влияние фонетики на устройство морфологических компонентов языка рассмотрено в статье Н. Е. Ананьевой. Воздействию межъязыковых контактов на фонетику диалекта в разных языковых ситуациях посвящена статья М. М. Алексеевой.

Имеются две статьи, в которых проводится анализ орфографии памятников письменности, с тем чтобы выявить в них сведения о фактах реальной фонетики тех идиомов, которые предположительно лежат в основе памятников. Ф. Р. Минлос использует для этого русский памятник, М. И. Ермакова — серболужицкие.

Другая статья Л. Э. Калнынь посвящена возможностям коррекции некоторых представлений о диахронических характеристиках явлений русской диалектной фонетики в контексте современной лингвогеографии.

В статьях, включенных в ИСД, используется материал диалектов, репрезентирующих все группы славянских языков.

В ИСД традиционно уделяется внимание публикации диалектных материалов. В данном случае диалектные тексты включены в статью И. И. Исаева.

В публикации С. Л. Николаева и М. Н. Толстой материалы по фонетике нескольких западнорусских говоров систематизированы по позиционным рефлексам праславянских гласных.

О психологическом факторе в изучении диалектной фонетики

Сведения о диалектах, являющиеся объектом изучения, получаются в ходе непосредственного наблюдения над речью носителей диалекта в диалектной среде. Между языком эксплоратора и обследуемым диалектом обычно существуют различия разного диапазона, чем создается ситуация контакта разных языковых идиомов. В данном случае не имеет значения то, что оба идиома могут быть компонентами одного национального языка или разных, в том числе и близкородственных, языков. Важно то, что эксплоратор оказывается перед необходимостью восприятия чужой для него не только системы, но и артикуляции. Это обстоятельство создает проблему *психологического фактора* при восприятии диалектной речи. С особенной очевидностью это проявляется на уровне фонетики, поскольку именно звуковая сторона речи является первым уровнем непосредственного восприятия любого идиома в условиях речевого контакта.

При наблюдении над звуковой составляющей идиома в ходе речевого контакта эксплоратора и информанта может возникнуть ситуация, когда их звукопредставления в пределах тождественного сегмента не совпадают. Это выражается в том, что эксплоратор не замечает (не слышит) некоторые нюансы произношения информанта, или, наоборот, фиксирует такие факты, которые не попадают в зону внимания самого информанта.

На подобную ситуацию еще в 1909 г. обратил внимание Л. В. Щерба, выделив проблему, связанную с *субъективным методом* записи фонетических текстов (Щерба 1974: 135). Учитывая, в частности, свой опыт описания серболужицкого диалекта, Л. В. Щерба отмечал: «опыт научил меня, что переносить наблюдения над своим произношением чужих звуков на туземцев очень опасно при неимении каких-либо объективных данных» (Щерба 1915: 18). И далее — «даже изощренное ухо слышит не то, что есть, а то, что оно привыкло слышать применительно к ассоциациям собственного мышления» (Щерба 1974: 138).

Позже на это же обратил внимание С. С. Высотский — он указывал на необходимость изучения «проблемы звукопредставления говорящего и его собеседника, вплоть до пресловутого «речевого намерения» и его реализации» и далее — «в сфере этой проблемы оказывается каждый исследователь, когда он, руководствуясь своим слуховым впечатлением, обусловленным воздействием фонологической системы родного языка, выбирает знаки транскрипции для записи каждого замечаемого им звукового оттенка» (Высотский 1977¹:

9). И в другой работе: «Непредвзятый подход к изучению любого языкового материала заставляет с большим вниманием интерпретировать даже такие его разделы, где, казалось бы, уже все знакомо по предварительным сведениям об этой языковой системе. Особой осторожности требует рассмотрение диалектных фактов, поскольку многие черты их сходства с материалом разговорной формы национального языка могут отвлечь внимание исследователя от существующих в диалекте специфических явлений» (Высотский 1977²: 24).

Таким образом, оба автора считают, что при обследовании диалекта надо стараться избегать ориентации только на звуковое представление эксплоратора, поскольку в этом случае могут быть не замечены специфические диалектные черты. Л. В. Щерба в этой связи писал: «...мы всегда должны обращаться к сознанию говорящего на данном языке индивида, раз мы желаем узнать, какие фонетические различия он употребляет для целей языкового общения ... поэтому-то для лингвиста так драгоценны все хотя бы самые наивные заявления и наблюдения туземцев» (Щерба 1974: 137). В то же время Л. В. Щерба считал необходимым фиксировать и такие явления, которые «не находятся непосредственно в сфере сознания говорящих, то, что происходит в мире физиологическом и физическом» (ibid).

Сказанное означает, что, с одной стороны, фонетические записи действительно, могут фиксировать явления, которые при более тщательной проверке подвергаются коррекции, так как они имеют другой вид в звукопредставлении информантов. Однако эксплоратор может заметить и такие нюансы фонетики, которые, хотя и не осознаются информантами, но, тем не менее, не могут быть оставлены без внимания. В частности и потому, что имеют значение для классификации, в том числе и типологической. В этом отношении показательно описание ударного вокализма севернорусских говоров, сделанное С. С. Высотским в его известной статье (Высотский 1967). Виды диалектного вокализма были охарактеризованы автором с точки зрения фактического размещения гласных, репрезентирующих фонологический подъем выше нижнего. Артикуляционное варьирование подъема этих гласных, иногда осложненное асимметрией уровня подъема в переднем и непереднем ряду, дает восемь территориально локализованных «трапецидов гласных». По фонемным характеристикам эти трапециды идентичны, что дает основание С. С. Высотскому заметить: «...формальное сопоставление различных систем вокализма по количеству фонологических подъемов дает очень мало для раскрытия специфики диалектных систем, фактически искажает представление об их подлинных отношениях с системой русского языка в целом» (Высотский 1967: 64).

Различия в артикуляции гласных, лежащие в основе разных «трапециодов», могут аудитивно восприниматься эксплоратором, обследующим соответствующий говор. Что касается самих носителей говора, то в этом случае они вряд ли могут осознавать существо отличия своего произношения от стандарта. Однако имеются косвенные указания на то, что ощущение такого отличия у них присутствует.

Выделенные С. С. Высотским варианты фонетического устройства вокализма в севернорусских говорах отражают особенности их артикуляционной базы. Автоматизм комбинации органов речи и переключения артикуляции делают артикуляционную базу весьма устойчивой. В частности, элементы артикуляционной базы не поддаются избирательному изменению или замене (изменяться может лишь общая звукообразующая установка, что возможно при специальной постановке произношения). Одним из подтверждений этого является устойчивость севернорусского оканья. Гласные *о* и *а* здесь включены в иную иерархию контраста по подъему, чем это имеет место в литературном языке. В частности, орфоэпический гласный *а* воспринимается носителями диалекта как более широкий и открытый в сравнении с аналогичным гласным в диалекте. Это препятствует установлению в ощущении носителей диалекта отношений эквивалентности между диалектным и орфоэпическим сегментом, а в речи препятствует освоению аканья. Нам приходилось наблюдать, как носитель окающего диалекта (Пинежский р-н), пытаясь имитировать аканье, при произношении предударного гласного *а* на месте *о* широко открывал рот, так реагируя на нижний подъем орфоэпического *а* — гласный *а* в диалекте имеет более высокое образование.

В подтверждение того, что восприятие звуков речи носителями диалекта, с одной стороны, и исследователями, изучающими этот диалект, с другой, может различаться, приведем примеры из фонетики *гуцульского* и *болгарского* говоров. В обоих случаях речь идет о том, что русскоязычный эксплоратор и информанты по-разному воспринимают соотношение таких артикуляционных категорий, как участие голоса и уровень напряженности в образовании шумных согласных.

Разный уровень напряженности обычно сопровождает образование шумных согласных, различающихся участием голоса. В фонемном плане признак напряженность/ненапряженность может конкурировать с признаком глухость/звонкость. Этому соответствует определение фонем или как глухих/звонких, или как *fortis/lenis* (сильные ~ слабые, напряженные ~ ненапряженные) (Брок 1910: 50). Так, по мнению Л. Л. Касаткина, в части севернорусских говоров основным признаком согласных является их напряженность/

ненапряженность, а глухость/звонкость выступает как признак сопутствующих. Подтверждение такой иерархии названных артикуляций автор видит в особенностях их синтагматики (Касаткин 2005: 73).

Объединенные в одном согласном артикуляции разного уровня напряженности и наличия/отсутствия голоса могут по-разному отражаться в сознании говорящих и слушающих, если они являются носителями разных идиомов.

В *гуцульском* говоре (Раховский р-н Закарпатской обл.) шумные звонкие согласные перед паузой (позиция #Ø) заменяются согласными с ослабленным участием голоса, но не глухими. Это выражается в том, что с голосом артикулируется не весь согласный, а лишь его начальная стадия — соответственно завершающая стадия артикулируется без голоса. Встречаются и такие случаи, когда звонкая часть сведена до минимума или даже совсем отсутствует. Но и при этом отчетливо воспринимается акустическое различие между согласным, заменившим собою звонкий перед #Ø, и глухим согласным. В этом случае можно говорить о появлении безголосого согласного *lenis*, механизм возникновения которого так описан О. Брокком: «...голосовые связки при звонких звуках образуют в гортани преграду, невольно уменьшающую давление выдыхаемого ток в ртовой полости, а эта преграда в гортани может до известной степени сохраняться, хотя бы и исчезло звучание голоса» (Брок 1910: 50).

В этой ситуации заслуживает внимания модификация фрикативного фарингального согласного *h* перед #Ø. Слова *pih*, *mih*, *oborih* на русский слух производят впечатление оканчивающихся на гласный *i*, а не на спирант. Однако когда эксплоратор произносит эти слова без конечного согласного, носители диалекта воспринимают такое произношение как неправильное. В их сознании согласный в этих словах присутствует. Более тщательный анализ это подтверждает.

Для носителей диалекта различие между глухими и звонкими согласными состоит в разной степени их напряженности, а различие в голосе является сопровождающим признаком. Звонкие шумные согласные перед паузой утрачивают голос, но не повышают напряженность до уровня глухих согласных, т. е. произносится безголосый *lenis*. Для фарингального *h* это выражается в том, что он произносится в виде слабого призвука близкого к нулю звука. Этому способствовало и то, что в говоре фарингальный спирант *h* не имеет глухого оппонента *fortis* — спирант *x* локализован в задненебном ряду. Показательно, что русское произнесение словоформы с *задненебным* фрикативным звонким *ɣ* вместо *h* воспринимается носителями диалекта как произнесение с *x*, т. е. *vátaɣa* воспринимается как *vátaɣa* — задненебная локализация

ассоциируется в их сознании только с *х*. Впрочем, возможно и другое — если различие между *h* и *х* воспринимается носителями диалекта как различие между *fortis* и *lenis*, то согласный *γ* в русском произношении с его более напряженным артикулированием звонких согласных воспринимается как *fortis* и отождествляется с *х*.

Ослаблению конечного фарингального особенно способствует позиция после узкого гласного *i*, который как бы притягивает к себе спирант. В результате получается произношение типа *mi^h* с некоторым продлением гласного. Но в сознании говорящих на диалекте конечный спирант присутствует.

В (АУМ 2, карта 128) приводятся как примеры ослабления конечного *h*, так и его отсутствия — *por'í^h*, *p'í^h*, *sn'í^h* и *por'í*, *p'í*. В АУМ 3 имеются указания на оглушение или частичное ослабление голоса конечного спиранта *h* в слове *pih*, но нет указаний на его утрату (АУМ 3: 243).

В рассматриваемом гуцульском говоре есть такое явление, когда согласный перед паузой действительно заменяется нулем звука. После гласного *i* перед паузой утрачивается среднеязычный спирант *j* — *l'i*, *tv'i*, *pob'i*, *hn'i*, *č'i* и под. После других гласных *j* сохраняется — *daj*, *herój*, *kurúj*, *kónej*. Процедура утраты спиранта состоит в ослаблении участия голоса и ассимиляции предшествующему гласному *i*. Но было бы ошибкой считать, что в сознании носителей диалекта спирант отсутствует. Появление его после других гласных дает повод считать, что после *i* звукопредставление носителей диалекта ассоциирует *j* с нулевой реализацией, а не с его отсутствием. Именно поэтому произнесение эксплоратором слов без конечного *j* после *i* носителями диалекта воспринимаются как не соответствующие их собственному произношению.

Это были примеры того, как восприятие эксплоратора может быть не вполне адекватно звукопредставлению информанта.

Пример обратного соотношения, когда восприятие эксплоратора отражает объективную реальность, хотя и не осознаваемую информантом, приведем из *восточноболгарского* говора (с. Кортен Старо-Загорско), описанного в (Калнынь, Попова 2007).

Речь пойдет о спирантах — заднеязычном *х* и губном двухфокусном *φ*. Эти согласные локализованы вблизи голосовых связок. При их произнесении в позициях V–V, V–Son перепад голоса по линии [звонкий ~ глухой ~ звонкий звук] не реализуется полностью, и спиранты оказываются в зоне действия голосовых связок. Результатом этого является произношение *γ* (звонкий фарингальный слабонапряженный) и *w* (звонкий двухфокусный билабиальный) на месте *х* и *φ*.

Явление выглядит следующим образом:

В то же время особенность этого явления состоит в том, что оно совершенно не замечается самими говорящими — это показывают разнообразные проверки (обсуждение артикуляции с информантами, имитация произношения). В чем причина несовпадения звукопредставления у эксплоратора и у информанта в этом случае?

По-видимому, это связано с высоким уровнем напряженности артикуляции глухих согласных в рассматриваемом говоре. У конечных согласных это выражается в усилении рекурсии, особенно заметном у шумных язычных согласных (зубных, передбязичных, заднеязычных). У смычных согласных это создает эффект сильного придыхания после основной артикуляции — *ném⁺* (так обозначаем усиление рекурсии), *m'et⁺*, *l'is⁺*, *uv'és⁺*, *puказál'ic⁺*, *нош⁺*, *k'eréč⁺*, *dob'itъk⁺*, *b'almъk⁺*. Напряженность согласного *c* перед #Ø обуславливает эффект долгого спиранта — *мос:ʃ*, *кръс#*, *той мно́гу c'и прós:ʃ*.

То, что носители говора не замечают озвончения спирантов *x*, *φ*, можно объяснить следующим образом. Спиранты в позициях V–V, V–Son хотя и принимают голос, но сохраняют при этом такой уровень напряженности, который в сознании говорящих не ассоциируются со звонким согласным, и поэтому голос проходит незамеченным. Это, по существу, голосный/звонкий *fortis*.

Рассмотрение фактов несовпадения в идентификации конкретного фонетического явления информантом — носителем диалекта, с одной стороны, и исследователем этого говора, с другой, показывает следующее.

В примерах, локализованных в разных говорах, речь идет о том, что идентификация шумных согласных происходит на основе конкуренции в артикуляции согласного степени напряженности и наличия/отсутствия голоса. В обоих случаях оказывается, что в звукопредставлении носителей говора для идентификации согласного определяющим является уровень напряженности согласного, а наличие/отсутствие голоса как бы производно от степени напряженности.

Поэтому в гуцульском говоре безголосый/глухой *lenis* воспринимается информантами как звонкий согласный. В болгарском же говоре голосный/звонкий *fortis* воспринимается информантами как глухой согласный.

В обоих случаях исследователь говора, в звукопредставлении которого для артикуляции шумных согласных приоритетное значение имеет наличие/отсутствие голоса, может идентифицировать соответствующие сегменты не так, как это делают носители говора.

Рассмотренные примеры синтагматики заднеязычного спиранта в двух говорах подтверждают правоту Л. В. Щербы, считавшего, что при обследовании диалектной фонетики в зависимости от ситуации правильным может

быть как звукопредставление информанта (гуцульский говор), так и эксплоратора (болгарский говор).

Учитывая психологический аспект ситуации, можно получить более адекватное представление об устройстве звучащей речи. В случае возникновения неясностей следует стремиться выявить оценку произношения самими информантами и, конечно, пользоваться средствами экспериментального анализа.

Литература

- АУМ 2 — Атлас української мови. Т. 2. Київ, 1988.
 АУМ 3 — Атлас української мови. Т. 3. Київ, 2001.
 Брок 1910 — *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
 Высотский 1967 — *Высотский С. С.* Определение состава гласных фонем в связи с качеством звуков в севернорусских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
 Высотский 1977¹ — *Высотский С. С.* Фонемный состав слова как основа для изучения звукового строя говора // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М., 1977.
 Высотский 1977² — *Высотский С. С.* Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку М., 1977.
 Калнынь, Попова 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007.
 Касаткин 2005 — Русская диалектология. Под ред. Л. Л. Касаткина. М., 2005.
 Стойков 1942 — *Стойков Ст.* Български книжовен изговор. София, 1942.
 Стойков 1951 — *Стойков Ст.* Говор с. Твърдицы (Сливенской околии в Болгарии) и с. Твардицы (Молдавская ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. Вып. 8. М., 1951.
 Стойков. Програма 1969 — *Стойко Стойков.* Програма за събиране на материали за Български диалектен атлас. София, 1969.
 Щерба 1915 — *Щерба Л. В.* Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.
 Щерба 1974. — *Щерба Л. В.* Субъективный и объективный метод в фонетике. // Л. В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Summary

The Psychological Factor in the Research of the Dialectal Phonetics

The study of dialect phonetics exhibits the presence of psychological factor reflected in different perception of the same phonetic phenomena by dialect speaker and researcher. Either of the perceptions may turn out to be correct, and the article presents the examples.

**Фонетическая реализация заударных гласных
в различных просодических условиях:
пограничные тоны
(на материале говоров рязанской группы)**

Южнорусский (точнее, юго-восточный русский) говор д. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл. находится в фокусе интересов диалектологов-фонетистов так же давно, как и севернорусский говор Харовского р-на Вологодской обл. Но если фонетика харовского говора поражает слух носителя литературного произношения прежде всего своими сегментными особенностями (такими, например, как неполное смягчение согласных и многообразие тембральных характеристик гласных), то «экзотика» деулинского говора заключается прежде всего в распределении длительностей гласных в составе слова — настолько своеобразном, что при первом прослушивании смысл сказанного не всегда легко воспринимается именно за счет особенностей их просодии. Одной из самых ярких особенностей этого рода является «парадоксальное сочетание процессов наращивания вокалических пазвуков и выпадения этимологических гласных» (Кодзасов 2000: 92). Наряду с этим наблюдается как удлинение, так и сокращение заударных гласных в речи одного и того же диктора в слове, которое повторяется в разных частях высказывания. Тем самым, реализация гласных заударных конечных слогов (открытых и закрытых) в д. Деулино варьируется от нуля звука до гласного, по своим качественно-количественным характеристикам равного или превышающего гласный ударного слога.

Факты подобного рода не раз отмечались диалектологами и для других говоров Рязанской группы, в частности, тамбовских. Так, сплошное прослушивание записей из фонохрестоматии тамбовских говоров (Тамбовские говоры. Фонохрестоматия) позволяет обнаружить соответствующие примеры едва ли не у каждого второго диктора¹:

1. [ф шыс'а́тъм уа́дү́ жéз'д'ил за л'э́сам^а || в уо́р'кьфску облѣ́с'т' ||]

2. [вауо́н л'э́с^а куп'ил'и ||]

(Тамбовская обл., Уваровский р-н, д. Березовка, Милосердов И. И., 1927 г. р.)

3. [ваз'ила во́ду ньбы́ка́х / ктрѣ́ктара́м | ибы́ла плуу́ач'истк^аи ||] во́т ы плуу́ач'истк^аи бы́ла ||] (текст № 46)

¹ Транскрипция здесь и далее наша. Подчеркнутые буквы обозначают те звуки, которые находятся в центре внимания. — Ю. Г., С. К., С. П.

4. [у нас каров^ъ была у адн'их с мам^ај ||] (текст № 47)

5. [дъ и на быкахъ ы нъкар^{овъ}н | нъкар^{овъ}ъ ваз'йл'и ||] (текст № 47)
(Тамбовская обл., Уваровский р-н, с. М. Алабушка, Мухина Екатерина Семёновна, 1927 г. р.)

6. [н'ькак^ој влас'т'ъ н'ету ||] (текст № 50)
(Тамбовская обл., Уваровский р-н, с. М. Алабушка, Куксова Валентина Михайловна, 1928 г. р.)

7. [кум м'йшк^ъ зъбал'ёл | в јам'и ||] (текст № 85)

8. [ш'аз зъкрывајут | эт сонц с'ад'т | фс'о нъзамок || таудá рáн'ш у фс'эх сарáи был'и | н'ъ зъмыкал'и || там ы м'ас^ъ кадúшк'ъм'ъ была ||] (текст № 88)

9. [јесл'и сонц св'ёт'ът' идóшт' ид'от | эт аб'изат'ыл'нъ ўварит' пом^ах || ил'и нъцв'аты | знач'т' пагиб'ът' цв'ёт ||] (текст № 89)

10. [тагбút'т'ъ здаровы | жив'йт'ъ баўáта | наскóл'къ пазвóл'ът' вáм вáш^ъ зарпáтá || а јесл'ъ зарпáт^ъ вáм жыт' н'ъпáзвóл'ът' | такштóш н'ъжив'йт'и | н'иктó н'ън'ивóл'ът' ||] (текст № 91)
(Тамбовская обл., Уваровский р-н, с. Моисеево-Алабушка, Чарыков Василий Сергеевич, 1920 г. р.)

11. [замúт'ъм муч'йц^ъј этáј ||]
(Тамбовская обл., Токаревский р-н, с. Абакумовка, Анна Гавриловна Михалева, 1919 г. р.)

12. [там тóжъ хóд'ут' зұармóшкáј ||]
(Тамбовская обл., Ржаксинский р-н, с. Калинка, Любовь Прокофьевна Родионова, 1912 г. р.)

13. [дá | мыл^ъ н'ёбълá || а мы ш':олкъм с'т'ирáл'и ||]
(Тамбовская обл., Бондарский р-н, д. Хмелина, Анна Ивановна Бухнина, 1920 г. р.; текст № 14)

14. – А какой год рождения?
– А.. [шгынацътъвъ ўóдá ||]
(Тамбовская обл., Знаменский р-н, д. Алексеевка, Ксения Петровна Константинова, 1916 г. р.; текст № 18)

15. [а ужъ вьјна ид'от' | мужукá вз'áл'и | св'экра вз'áл'и | выб'ё холáт:]

16. [...тут стар'иг был | д'áд'а | он м'ин'е пъжал'ёл || јá | была атр'инаца... | ој | ад'ин м'ес'ъц д'ёвч'к'и | и он пр'ив'ол мн'е лóшат' || ну он св'акрóф'к'и двајурдн^ъј брат || он пр'ив'ол мн'е лóшт' и ўвар'йт || сјэд'ди худ' зътарнóфкáј ||]

17. [пáјэд'ъм с табóј | ја т'иб'е н'амнóу^ъ пъмауу || так | пáјэхъл'ъ с'н'им | лóшт'ъ | была звáн'ьј бабáј ||]

18. [пр'ијэхъл'ъ к ск'йрду | он в'ес' | в'ес' | зън'ис'онај | в'ес' сравн'атај ||]

19. [тап'ёр' мы скр'áпк^ъј н'амнóу^ъ с'н'им прарýл'ъ ||]

20. [а он | таска́ът' насáн'и || иво́т накла́л'ъ тахть н'амно́шка: ||]

21. [д'едушка | мы н'ѣда́ѣд'им || он љ́вар'ѣт | па́ѣд'ѣм пажа́ла: ||]
(Тамбовская обл., Жердевский р-н, с. Сукмановка, Аграфена Ильинична Фаламеева, 1920 г. р.; текст № 26)

22. [во́т | куда́ пѣпа́д'от' но́са:м | та́ма и́о дал'а́ | во́т || пѣпа́д'от' је́сл'ъ на
э́т кра́ || там бу́д'ѣт' жэ́н'их ||]

(Тамбовская обл., Гавриловский р-н, с. Гусевка, Анна Петровна Козлова, 1926 г. р.; текст № 28)

23. [ја́кѣвл'ѣвѣ́ кла́вд'ѣ ѣ́вѣ́вна | э́тъ ра́н'шь ја́ была́ | ма́ја д'ави́ч'ѣ
фа́м'ил'ѣ | а ш'а́с ја́ до́ч'кѣ́ | бы́кѣва́ ||]

24. [ма́т' тѣ и в'аза́ла | и ка́с'ѣла́ || каро́ву куп'ѣл'и | хот' ста́л'ъ н'амно́ш-
кѣ́ л'ил' | во ч'о́ || каро́ва́ || была́ уна́с | ма́т' быва́лч'ъ см'ата́нк'ъ нѣ́б'ар'от' |
ма́сл'ѣцъ са́б'јот' | дѣ́ како́ј фу́нт | два́ л'ѣ пѣ́н'ис'от' на́ры́нѣк прада́с'т' ||]

25. [ну и пр'и́ѣхѣлѣ́ суды́ | ја́ там рабо́тълѣ́ дѣ́ икр'ѣ́тѣ́ фката́фск'ѣ́: ||]

26. [сва́д'бѣ́ уна́с | л'ил' | н'ѣ́было́ з'д'ѣ́а:м ||]

27. [хто́ жа на́з бу́д'д дѣ́пака́иват' | ну вро́д'ѣ́ да ста́ръс'т'ѣ́ дѣ́ глѣ́бо́ка: ||]

28. [је́с'л'ѣ́ п ја́ л'ил' | н'ѣ́ па́ѣхѣлѣ́ б ѣ́ он н'ѣ́па́ѣхал ||]

29. [хот' | л'ил' | и фка́лхо́з'ѣ́ ш'а́с р'ѣ́тѣ́ ста́л'ѣ́ дава́т' ||]

(Тамбовская обл., Знаменский р-н, с. Новознаменка, Быкова Клавдия Ивановна, 1931 г. р.; тексты № 36, 39, 40).

В. Н. Теплова, которая изучала заударный вокализм акающих говоров на основе карт Диалектологического атласа русского языка (ДАРЯ), выделяет следующие типы реализации фонем <о> или <а> в конечном открытом слоге после твердых согласных и намечает ареалы их преимущественного распространения:

1. последовательное произношение [ѣ], характерное для небольших «островков» говоров на западе, крайнем юге, юго-востоке южнорусского наречия и в центральной части территории среднерусских говоров. Среди них В. Н. Теплова отмечает и такие говоры, где фиксируется «нулевая» редукция гласных;

2. сосуществование [ѣ] и [а], характерное для абсолютного большинства акающих говоров. По поводу дистрибуции [ѣ] и [а] В. Н. Теплова пишет следующее: «Сосуществующие звуки в разных говорах находятся в разичном их соотношении. В большинстве говоров они могут употребляться в одних и тех же словах и, по-видимому, независимо от условий положения слова с описываемыми гласными во фразе, поскольку в ответах обычно представлены отдельные слова с тем и другим знаком на конце... В части ответов звуки [ѣ] и [а] в заударном конечном открытом слоге употребляются как в конце синтагмы или фразы, так и в слове, когда за ним следует контекст... Вместе с

тем данные атласов свидетельствуют о том, что существуют говоры, в которых употребление звуков [ъ] и [а] в соответствии <о> и <а> в конечном заударном открытом слоге связано с положением слова с указанным гласным во фразе, когда редуцированный [ъ] произносят при наличии дальнейшего контекста, [а] — в конце предложения или синтагмы, перед паузой... В части говоров сосуществующие звуки [ъ] и [а] в заударном конечном открытом слоге находятся как бы в неравноправном употреблении, когда один из них господствует, другой же — отмечен в единичных примерах» (Теплова 1983: 48);

3. произношение только [а], имеющее островной характер распространения.

Что касается первого и третьего типов, то наши наблюдения позволяют усомниться в реальности существования их «в чистом виде»; скорее всего, реальность заключается в том, что удлинение и «прояснение» тембра заударного гласного в сторону [а] или [и] в открытом слоге в разной мере свойственно разным говорам. В пользу этого свидетельствует и «островной» характер распространения типов 1 и 3, о котором говорит В. Н. Теплова.

Одной из основ этого явления, по мнению Р. И. Аванесова, является зависимость фонетической реализации гласных от их фразовой позиции: «Одни и те же заударные конечные слоги слова в одном и том же говоре могут произноситься неодинаково в зависимости от того, приходится ли это слово на конец предложения, фразы, речевого такта, т. е. оказывается ли оно перед паузой, или данное слово произносится без паузы, слитно со следующим словом при помощи одной струи выдыхаемого воздуха. В первом случае (перед паузой) во всех говорах наблюдается большее или меньшее удлинение гласных конечного слога» (Аванесов 1949б: 61). В. Н. Теплова также считает, что в конечном открытом слоге «решающими оказываются причины интонационно-синтаксического характера»: находится ли конечный гласный слова в конце фразы, речевого такта, т. е. перед паузой, или за этим гласным следует контекст» (Теплова 1983: 44–45).

Эта зависимость как яркая фонетическая особенность говора д. Деулино была отмечена и В. Н. Чекмонасом: «Во всех заударных слогах, судя только по данным словаря, может быть как гласный полного образования *а*, так и *ъ*, ср.: *ан'ч'утка* – *ан'ч'уткъ*, *батóжйа* – *батóжйъ*, *ба́бъ Дун'а*, (*она*) *прѣдава́ль* – *прийѣхала*; в *ба́бах* – с *ба́бъй*; с *ба́пкай Да́шай* – с *Сукóнкъй р'а́дм*; *лаба́стайа* – (*она*) *сал'йднъй* и т. д. Примеры такого рода можно найти на любой странице словаря. Они показывают, что редукция-нередукция заударных слогов обусловлена здесь фразово-интонационными факторами» (Чекмонас 1993: 168).

Тем не менее, подробный интонационный анализ имеющегося у нас корпуса деулинского материала (а он сформирован в результате сплошного про-

слушивания диалектных текстов общим объемом 6 часов 20 минут и близок к исчерпывающему) показывает, что продление происходит далеко не во всех случаях, когда гласный оказывается в конце фразы/синтагмы (см., в частности, ниже примеры 396–5, 396–11, 397–5, 400–3 и др.). В связи с этим можно предположить, что кроме положения слова во фразе существуют и другие факторы, регулирующие продление/сокращение заударных гласных. Одним из них может быть тональное оформление фразы.

В современной фонетике основными компонентами описания фразовой просодии являются тональные акценты и пограничные тоны (Pierrehumbert 1980). Пограничным называется особый тон, который реализуется на последнем слоге синтагмы; он может быть высоким (обозначается символом H%) и низким (обозначается символом L%): «Boundary tone — a special type of tone, which falls on a very last syllable of a tone-group and handles any tonal movement associated with this syllable. Two types are recognized, denoted H% and L%» (Trask 1996: 56). В большинстве моделей описания интонации современного русского литературного языка (далее — СРЛЯ) используются только тональные акценты, поскольку противопоставления различных пограничных тонов в нем не существует (присутствует только низкий): "Pitch boundary H%, a pitch movement at boundaries that rises to the high pitch target after the last pitch target reached, does not occur in Russian" (Odé 2008: 438)²; см. также (Krivnova 2003).

Однако в русских диалектах ситуация может быть иной. Пограничные тоны, или «фразовые завершители», которые реализуются на заударных слогах слов, несущих фразовый акцент, были описаны П. С. Кузнецовым на материале архангельских (верхнепинежских и верхнетотемских) говоров (Кузнецов 1949). Инструментальный анализ показал, что неконечная синтагма в этих говорах организована таким образом, что максимум (или, по меньшей мере, некоторый всплеск) интенсивности часто приходится на конечный заударный слог; причём такому динамическому контуру с максимумом в конце обычно соответствует и повышение тона к концу синтагмы³ (Князев, Левина, Пожарицкая 1997: 200–201). Позднее сходные данные были получены и для «завершённых утвердительных высказываний» в рязанских говорах (Касаткина 2002).

² «Высокий пограничный тон H%, то есть тон, восходящий на границе просодических составляющих к более высокому уровню после достижения последней целевой точки, в русском языке не встречается».

³ Общеизвестно, что частота основного тона связана с интенсивностью: повышение подвздошного давления ведет к увеличению разницы давлений над и под глоттисом и, соответственно, к повышению частоты основного тона (Кодзасов, Кривнова 1977: 186).

Аналогичное просодическое оформление регулярно наблюдается и в говоре д. Деулино, причём именно в этих позициях, по нашим данным, и происходит обычно значительное продление гласных, а также чаще всего встречаются конечные нефонологические гласные (типичный пример высокого пограничного тона см. на рис. 1). В связи с этим можно высказать гипотезу о том, что продление заударных гласных как в открытых, так и в закрытых конечных слогах в конце синтагмы связано с наличием на этом гласном пограничного тона, причём только и исключительно высокого⁴.

Ниже приводятся данные о типе просодического оформления конечных слов в синтагмах, содержащих продлённые и/или редуцированные гласные в произношении двенадцати информантов из д. Деулино (всего 59 фраз). В скобках приводятся данные о значении частоты основного тона (далее — ЧОТ) на акцентированном и конечном гласных в синтагме и их просодическая транскрипция в терминах Дж. Пьерхамберт, включающая следующие транскрипционные знаки:

* = тон на акцентированном слоге, % = пограничный тон

Н* — восходящий тональный акцент (экстремальное значение ЧОТ выше уровня базового тона)

Л* — нисходящий тональный акцент (экстремальное значение ЧОТ ниже уровня базового тона)

Н% — высокий конечный пограничный тон

Л% — низкий конечный пограничный тон

%Н — высокий начальный пограничный тон

%Л — низкий начальный пограничный тон

Н — высокий базовый тон

Л — низкий базовый тон

-- — отсутствие конечного пограничного тона (не всегда противопоставлено Л%)

При определении наличия или отсутствия Н% (высокого конечного пограничного тона) мы исходили из того, какова максимальная частота основного тона на конечном заударном гласном (обычно — в абсолютном конце вокалического участка фразы); если она была выше ЧОТ в конце вокального отрезка, ассоциированного с тональным акцентом⁵ (обычно — ударного глас-

⁴ Как известно, повышение тона требует значительно больше времени, чем его понижение на аналогичную величину (Ohala and Ewan 1973; Ohala 1978; Sundberg 1979).

⁵ Конкретное значение превышения значения не имеет, поскольку при низком пограничном тоне всегда наблюдается понижение; тем не менее в подавляющем большинстве случаев оно составляло 20–70 Гц, в единичных случаях — всего 5–15 Гц.

ного), нами фиксировалось наличие высокого конечного пограничного тона, если тональный минимум приходился на конец вокалического участка фразы, соответствующий пограничный тон не фиксировался; соответственно, в этом случае использовался знак "--" (отсутствие конечного пограничного тона) или "L%" (низкий конечный пограничный тон)⁶. Если по каким-либо причинам — преимущественно технического характера — решение не могло быть принято на этом основании (например, невозможно было точно определить точку максимума/минимума тонального акцента), мы считали высоким тот пограничный тон, абсолютное значение которого в конце синтагмы превышало уровень базового тона, и низким тот пограничный тон, значение которого в конце синтагмы было меньше этого уровня. Различия между высоким и низким пограничными тонами хорошо видно на интонограмме фразы [картóшк^а: (Н%) || луч'кú н'амнóшк^а (L%) ||] (д. Бессоновка Кирсановского р-на Тамбовской обл.), приведённой на рис. 2.

Особого обсуждения требует и вопрос о наличии/отсутствии синтагматической границы в некоторых сложных случаях — мы считали, что между двумя словами, несущими на себе разные фразовые акценты, таковая имеется.

Д. Деулино

А-3927 (ответы на вопросы по лексике). Диктор Ткачева М. П., 1887 г. р., 76 лет, неграмотная⁸.

392-1. И. А. Оссовецкий: *Ну а вот сапоги бывают добрые?* (ЛЯ: [дóбрѣ] 271-177-134 L*L%) **Информант 1:** [сѣпау'и || сѣпау'и уш н'а знáју как'и́ь ан'и́ бѣвáјут']. **Информант 2:** [дѣ фс'ъ равнó сѣпау'и н'адóбрѣи (196-155-191 L*N%) | свал'áл плóха | (нрзб) пр'ич'и́ну | плах'и́ја (145-121-133 L*N%) | плах'и́ја (148-114-141 L*N%) | н'адóбрѣи (170-119-129 L*N%) | дá ||]

392-2. И. А. Оссовецкий: *Что такое «нагольный»?* **Информант:** [ч'ó | дура́к шо л' науóл'нѣј (нет паузы) бѣвáл так на кó-н'т' скáжѣм]. **И. А. Оссовецкий:** *Что?* **Информант (громко):** [дура́к науóл'на́ј (325-146-169 Н+L*N%) || дá-дá ёть дура́к науóл'на́ј (252-155-218 L*N%) ||]

392-3. И. А. Оссовецкий: *Это как это значит?* **Информант:** [дѣ кáк | рас'т'ён'ѣѣ (343-159 Н+L*--) харóшѣја (179-103-153 L*N%) | вóт как | а вот н'ёт мы ўвар'им фс'о прапáла (118-102-144 L*N%) ||]

⁶ Ещё раз отметим, что употребление знаков "--" и "L%" в настоящей работе не всегда строго дифференцировано; вопрос о возможности разграничения соответствующих тонов в говоре Д. Деулино требует, по нашему мнению, отдельного исследования.

⁷ Шифр по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН.

⁸ Примечание: запись плохого качества, и частота основного тона определяется по ней с некоторым трудом.

⁹ И. А. Оссовецкий — автор записей из д. Деулино.

392–4. [а вот како́ј муш'и́нь по́м'а:р (189–212–138–144 L*N%) || и жан'е каза́л | ну та́м маркву́ вм'ес'т'ь с ма́т'ьр'ју́ је́л ||]

392–5. [н'е́т | н'и́ч'ао́ | уш ко́шку вот пр'ивы́к'л (178–231–153 L*-) | ко́ш-к'ь б'е'у́јут ч'ужы́ја (142–160–101–158 L*N%) | нъ п'ы́талок к'ьк ч'ьла́в'е́к хр'а́снут с п'ы́талка́ | ја́ вот е́тј уш ма́јеј е́тј пр'иказа́ла а (133–199–153–158 L*N%) ||]

A–393 (ответы на вопросы по лексике). Диктор Тишкова А., 1918 г. р., 45 лет, малограмотная.

393–1. [ф п'ис'а́т п'е́рвам (?–171–203 LH%) | а адна́ждь (262–470–232–208 L+H*LL%) || бы́л'ь мы на с'ьнако́с'и: (176–252–221–244 L*N%) || тут у нас зав'о́ць а́дно м'е́сть тако́з | лу́х ||]

393–2. [зна́ч'ьт' в'арбо́фк'ь фк'рым | в'арбу́јут' || с'ьмф'иро́п'ьл'ск'ь зна́ч'ьт' о́бл'ьст'и: (238–396–347–402 L+H*LN%) || го́... и: суда́кск'ив'ь | суда́кск'и ра́јо́н || и д'ир'е́вн'у во́туш забы́ль (196–288–175–168 L*L%) | кака́ь д'ир'е́в-н'ь во́пш'ьм | ф каку́ју д'ир'е́вн'у в'арбу́јут' ||]

393–3. [ну и вот да́јут' зна́ш'ьт тако́ј на́кас | што́б'ь (250–436–316 L+H%L, незапланированная пауза! — Ю. Г., С. К., С. П.) || је́хајт'а и п'ьсма́тр'и́т' фс'о па́дробна́ | и расказа́йт'ь (234–222 L*) пр'и́је́хајт'а: (196–221 LH%) |] как'и́ь та́м но́выь па́р'а́тк'и | ка́к та́ма што́ ||]

393–4. [на́ч'ьл' у́ва́р'и́т' | вот у́ва́р'и́т' је́д'и́т'а (168–413–141–185 L+H*LN%) || и сма́тр'и́т'а (195–316–218–185–206 L*N%) ||]

393–5. [уч'и́т'и́т'а (255–466–266–79–116 L+H*LN%) | фс'о́ | фс'о́ па́дробнь (323–216–181 H+L*L%) | уч'и́и́т'а (257–172–191 L*N%) | је́с'л'ь ва́м ц'ьл'ь-сабра́зн'ь (217–470–456 L+H*N--, ИК–4!) | бу́д'ьт' п'ьр'ја́ж:а́т' || зна́ч'ьт' (197–233–194 H*L%) | да́ ва́м вы́ ту́т жа́лв... ва́м пло́х'ь жы́т' | а та́м ва́зможнь ва́м лу́чш'ь бу́д'ьт' (272–457–190–171 L+H*LL%) || то сма́тр'и́т'ь п'ьр'ја́жај-т'а || а је́с'л'ь вы́ уч'и́о́т'ь (276–366–225 H*LL%) || што́ ва́м та́м ху́ж'ь бу́д'и́т' | то́ н'а тра́т'т'ь (247–447–266–144 H*LL%) | н'ь зьб'ива́јт'ь го́л'ьву са́м'ь с'и́б'е́ и н'а д'е́л'ьјт'ь уш'и́:е́рп у́суда́рству ||]

393–6. [е́ть фс'о́ за ш':о́т г'ьсуда́рств'ь | н'ама́ль трудо́w | н'ама́ль ср'е́цт у́тра́т'и́ма (169–183 H%) || а ва́зможнь у́ва́р'и́т' ат:у́д'ь буд'ьт'ь б'а́жа́т' та́да хт'о́ к'ьк сум'е́ьт' ||]

393–7. [а вот ф сас'е́дн'ьь куп'е́ пр'и́шл'и́с' е́ть са мно́ја || му́ж ж жа́ној и ад'и́н мал'ч'и́шкаа (259–149–189 L*N%) с маск'ьы́ | ан'и́ је́х'ьл'ь (247–220–218 L*--) | в алу́пку адды́ха́т' ||]

A–394. Диктор Тишкова А., 1918 г. р., 45 лет, малограмотная.

394–1. [и п'ы́талок-ть (282–482–313–269 H*LN%) | о́н н'и́ та́к шо́ ис та́к'и́х да́со́к | а и круу́л'ашы́: та́к пра́т'о́снь (279–324–290–272 L*L%) н'а́мн'о́шка

(283–264–279 L*N%) и так'иь прóсть вот паты:лк'и: (255–322–266–282 L*N%) || ко́й ис ч'аво во́пш':ьм (175–255–214–187 L*L%) | ну а с'т'е́нь фс'о пьб'и-л'о́на: (219–381–328–335 L+N*LN%) | пол в'ес' вы́мазън үл'и́на:а: (171–447–330–353 L+N*LN%) | ја́о н'а мо́жут' | н'ич'ао | пьб'ил'а́т' пьм'ату́т' | и фс'о ф пар'а́тк'и ||]

394–2. [ан'и́ з'д'е́льл'ь над о́кнъм'^ь (231–462–356–307 H*L%) | нав'е́с^ь (408–261–185–171 H+L*LL%) так'иь-т во́та | што́б у н'и́х со́нцъ ту́да н'и та́к пръ́н'ика́ль в до́м-та: (247–144–183 L*N%) | у н'и́х у ва́фс'е́х так'и́-тъ нав'е́сь в ег'и́х || а дама́ | квар́т'и́р'-т'^ь бал'шы́йъ | з'д'е́льнъ как ра́н'ь иш':о тата́рь жы́л'ь | и па-в'ид'м как у́ввар'а́т' у́ввар'а́т' у н'и́х фс'о там кавра́м'ь бы́ль ув'е́шънъ | н'ич'аво́: у н'и́х тако́въ на ст'ана́х-т ш':ас у н'и́х там н'ич'ао н'е́т | а н'и́х-т үр'а́т' ... по́л үл'и́на:а: (197–459–150–174 H*LN%) фс'о выма́зъ'^ьл'ь (156–175–154 L*L%) | а у н'и́х там ...]

394–3. [там на́м ет хъ́з'а́к^ь (235–288–265) L*--|хахлу́шка (246–205–239) L*N%|хара́шó у́тoв'ьт | фкúснь так нъу́тoв'ьл'^ь на́ма (221–170–205 L*N%)||]

394–4. [то́л'к'а ад'и́н в'ьнау́ра́дн'ьк тьм рьспа́ложа́н | и иш':о́ ан'и са́д'ут' таба́к | таба́к вот | тако́й махóр... | н'и махóрьч'на:а: (239–479–167–189 H*LN%) | а во́т дл'а е́т'ьх |пы́п'и́ро́с | хьро́шъ́й то́нк'ь́й таба́к | и вот е́тъ та́бак са́д'ут' и ја́во пь́ст'ип'е́нь-т пь́сма́тр'е́л'^ь (211–331–189–182 L*L%) | ка́к ан'и́ што́ с'н'и́м д'е́льбу́т' ||]

394–5. [и е́тъ до́м'ьк'ь стро́жут' то́жъ с'т'е́ны ло́жут' ис ка́мн'а | а пь́талóк то́ж' тако́й бр'ив'е́на:а: (249–472–164–191 L+N*LN%) | ну кру́гл'а́ш | и ан'и́ иво́ праг'о́свь́ют' | и зна́ч'т' бу́дът ш':ика́ту́р'ьт' там бу́д'т пь́талóк ||]

394–6. [а вот сма́тр'и́тъ скажу́ вот | как хат'и́т'^ьа (173–333–408–165–190 L+N*N*LN% [=ИК–5])| вазмо́жн^ь (196–339–285–482–422–336 L+N* N+N*--)| там бу́д'ът жы́з'н'и то́ шть плаха́ ||]

А–395. Диктор Тишкова А., 1918 г. р., 45 лет, малограмотная.

395–1. [вот адна́ждъ мы пр'и́шл'и́ ф правл'е́н'и:а: (253–213–228 L*N%) || и там вот ... ||]

395–2. [и ктó как'и́-н'т' на н'и́х нъ ка́ко́м апо́рк'ь как'и́-т | как'и́-т е́тъ вoт та́:пъч'к'и зашы́ты е́т'ьм'и про́львч'к'ьм'ь зат'а́нуты: (311–251–281 L*N%) || р'и́б'а́т'и́шк'ь е́тъ б'е́у́бъ́т' фс'е́ уóлыны: (224–309–278–317 L+N*LN%) | пýзъ-т у н'и́х рва́ны:и: (225–304–278–311 L+N*LN%) | кал'е́нк'ь-т уóлыны: (179–339–301–328 L+N*LN%) | рва́нъ б'е́у́бъ́т' р'ьб'ьт'и́шк'ь-ты: (221–312–254–281 L+N*LN%) ||]

395–3. [и тут вот он на́м на сабра́н'ь-т у на́с ја́ пь́луч'и́л вот сто́л'к'-т тыш': д'е́н'^ьа:х (175–405–172–191 L+N*LN%) | ја́ пь́луч'и́л вот сто́л'к'-т во́тк'^ьи: (205–464–163–184 L+N*LN%) ||]

А–396. Диктор Ткачева М. П., 1887 г. р., 76 лет, неграмотная.

А–397. Диктор Нелидкина К. В.

396–2. [ну и хад'й^л_л^б (356–444–403 Н*L%) хад'й^л_л^б (216–270–212 Н*L%) | и знат' таска́ јеј кака́-н'т' присти́у^л_л^а (197–303–123–139 L+ Н*LН%) || ушла с н'и^м (204–154 L*--) д'э́та| и пашла́ дэ́та с н'и^{ма} (148–125–152 L*Н%) | в л'эс кы́бы сказа́т' к т'о́тк'^б (157–120 L* L%) пайд́у | а сама́ знат' в л'эс ||]

396–3. [пр'ихо́д'т' б'из р'иб'е́нк^а (164–140–156 L*Н%) || үд'э ш ты үр'т' р'иб'е́нк^б (153–130 L*--) д'эла | ма́т'ть у н'о үвар'ит' ||]

396–4. [ну у т'о́тк'ъ пра́вд можт' мат' пав'е́р'ьла^а (175–143–169 L*Н%) | мо́жт' и пра́вда пьжыл'е́л^б (136–120 L*--) т'отк' вз'ала́ || у т'о́тк'^б (239–384–269–242 L+Н*L--) у т'о́тк'^и: (273–232–237 L*Н%) | псыла́ют' жо — ана н'е-й^дэ́т' ||]

396–5. [а ана ака́зъвъц^б (164–329–212 Н*L%) | јао́ вз'ала́ | ја́мку вы́ръла^а (215–317–287–316 Н*LН%) | дь и в з'е́мл'у зары́ла^а (150–72–170 L*Н%) ||]

396–6. [жыво́ва^а (303–170–196 %Н L*Н%) | жыво́ва^а (141–291–205–212 %L Н*LН%) | тр'ьцат'и́н'ид'е́л'нъва^а (246–336–136–162 %Н Н*LН%)| па́р'ьн' үр'ьт' св'е́жа^й (145–235–114–149 %L Н*LН%)| ра́жа^й (133–213–113–119)| тол-ста́й (117–220–101–119 %L Н*LН%) ||]

396–7. [а та́к-ть уш л'у́д' ста́л' дьзнава́цца^а (187–93–186 L*Н%)¹⁰ || ана́ јао́ үгт зъхап'и́л^б (170–97 L*--) ||]

396–8. [ну б'и́л'^б_з б'и́л'^б_з б'и́л'^б_з б'и́л'^б_с (123–346–178 Н* 243–197 L* 197–306 –169 Н* 214–203 L*) | ну шо́ш | сазна́ла^с (349–145–170 Н*LН%)| сазна́ла^с ||]

396–9. [| ја јао́ үр'ьт зары́л^б в л'асу́ (151–131 L*) || ды ка́к ш ты | д'э ш ты жао... зары́ла^а (235–142–156 L*Н%) ||]

397–11. [ан'и́ фс'е́ над'е́лл'^б (276–292–181 %Н Н*--) | е́т'ьха | так'и́хъ| па́л'к как'и́х-та на па́лк' на е́т'^б кы́к п'е́шн'^б на фс'е́ над'е́лл'^и (164–276–194–207 Н*LН%) | и фс'е́у з заво́д^б (213–290–139 %Н Н*--) | л'ас'н'и́ч'ь^й рабо́ч'ь^х сн'а́л^б (114–217–196–219 (L+Н*LН%) | фс'е́х на́ маст ||]

397–12. [ан'и́ фс'е́ ет'и́ как пы́плыва́ют' е́т ба́рк-т | ани жо́ фс'е́ ко́л'ут' | е́ту ба́рку ||]

397–13. [ьт' убра́лас' пайд́у аш'о́ там ап'е́т' наро́т сид'а́т' | пайд́у пьүл'ад'ү дль ин'т'ир'эс ||]

397–14. харо́шъ үвар'и́т' с так'и́м'ь з' д'аржа́лк'им'^и: (156–250–225–233 Н*LН%) | вот гл'ид'и́'ь мы хад'и́л'и́ и стаи́т' харо́шъя́ стра́с'т'... ||]

¹⁰ Ср. выше пример № 396–5 а ана ака́зъвъц^б (164–329–212 Н*L%).

397–15. [ну: | ан'и мн'е как сказа́л'ь плóт'н'ьк'ь | ан'и ту́та рабо́тъл'и (175–316–123–144 Н*LN%) | их н'а зна́ју ко́л'к'ь (197–247–149 Н*) | ан'и у уру́н'ь (193–229–143 Н*) вод жы́л'и (143–161–131–170 Н*LN%) ||]

397–2. [н'ет | ја́ жь^о у т'óтк'ь (207–174 L*) аста́в'ил^а (169–182 Н%) || ан'и св'е́р'ьл'ьс' к т'óтк'ь (177–198–143–154 Н*LN%) ||]

397–3. [пр'ишл'и ўва́р'йт' ана́ ја́мк'ь (143–172–152 Н*) з'д'е́л'на (135–161 LN%) ||]

397–5. [а ру́ч'к'ь каро́т'ьн'к'ь д'е́н'ьк пхал'ь ф карма́н штóл' с сабо́ј бра́ла хтó жо зна́йт' || да || тайл'ьс' ат л'уд'е́ј-т' (118–154–89 L*) ||]

398–6. [нашл^а там како́в'–т сае́ ф т'у́р'м'е́ тако́в жа (111–142–119–175 L*N%) | т'у́р'е́мн'ик^а (125–173–147–181 L*N%) | с н'им ч'э́вој–т там ка́кт' пазна́л^а:с' (152–121–194 L*N%) | с н'им рьсп'иса́л'ьс' (153–220–169 Н*--)| и | ста́л'и жы́т' ||]

397–7. [дъ како́ј гр'ът му́ш–т'ь харо́шай | бо́знът како́ј харо́шай | како́ј–т он тата́р'ин штóл' та (167–187–164–182 L*N%) (*cf* 397–5 ат л'уд'е́ј-т'ь) | н'а ис'т' в'ич'ину́ | с'в'ин'ьн' н'а ис'т' | тата́р'ин дум'и́ща он | она ска́зв'ьла ||]

397–9. [а кады́^{уш} с'астры́ – ја туды́ н'и хад'ыл (L*) ни ул'ид'е́–ла (L*N%) ||]

A–399. (ответы на вопросы по лексике). Диктор Нелидкина К. Г.

399–1. [дъ патóм стóл нам ста́в'ил'и: (220–195–231 L*N%) | ўжы́нъл'и: (218–197–234 L*N%) ||] (– *А что вы ужинали?* (169–110–96 L*L%), ЛЯ)

399–6. [и ро́ш ыд'о́ш | м'н'а́ н'и в'идн'ь бы́л'ь (169–151 L*L%) | б'ьл'ша́:ја ро́ш ||]

399–7. [ток адна́ ста́јал'ь (191–181--)| ч'ас'т'и́... | гд'е вóт наш кла́дб'иш:а (144–216–176 Н* Н L%) | и ту́т вóт | пад на́с б'ьла́ ч'аст'и́ч'к'ь ||]

399–8. [а то вóт ш'ас и́ш како́ј л'э́с зас'е́л да са́мъ дъ ўаршо́шн^а:ј (133–112–148) (123–151–140–152 L+Н*LN%) | и б'ир'из'н'а́к | *Информант № 2*: пр'ам о́кълъ ўаршо́шн^ь:ј (280–215–151 Н+L*--)| бы́ль ро́ш ||]

A–400. Диктор Избенникова Е. М., 1901 г. р., 62 года, неграмотная.

400–2. [што бы́ла | бл'ины́ | ъкуна́л'и (182–161–175 L*N%) | квас с рыба́ј (218–177–213 L*N%) | ш'и с рыба́ј (233–188–218 L*N%) ||]

400–3. [дъ ит' та́к–т'ь хва́тк'ь н'и ја́д'и́мь (215–136–174 L*N%) | стару́х' та́к–т'ь хва́тк'ь н'и ја́д'и́м (241–134–182–143 L*L%) ||]

400–4. [а то́н'цы – эт то́нк'и́ (301–180–223 L*N%) | то́нк'и́ (163–224–191 Н*) бл'ин пр'э́снај (219–130–202 L*N%) | {обы́де́ношн'ый? (144–236–103–91 Н*) абы́д'о́шн^а:ј (181–98–179 L*N%) | пр'ам ўтрь́м зы́т'ира́иш ы| стано́в'иш || а бл'ин – эт на́ на́ц' (185–131–173 L*N%) ||]

400–5. (*И опять коза читала?* (127–181–113 Н*) [ч'ита́л (174–123–114 L*) ка́з^а ||]

А-402. Диктор Урускина А. А., 1983 г. р., неграмотная.

402. [ja | stórʒʲm rabótʲgʲla | i d'év'yt' l'ét ubórʃ'caj (287–393–165–174 H*N%) | dv'anáčyt' l'ét stórʒʲm (343–408–310–277 H*) rabótʲgʲla (149–167 H%) ||]

А-404 (ответы на вопросы по лексике). Диктор Попова П. Т., 1915 г. р., 48 лет, малограмотная.

404-1. И. А. Оссовецкий: *А какой это «басистый»?* **Информант:** [бас'ístʲj? 205–407–166–154 (H*LL%) | бас'ístʲj et znáish et vot ыd'ót' č'ýlav'ék | kóč'ytʲm ыd'ót' étʲ et nazýváyčʲ bas'ístʲaj (231–192–310 L*N%) |]

404-2. [скар'ej dʲ zʲ Sán'aj (H%) | Sán' našl'í | Sán' za jódam (H%) | pr'in'és mn'e jóda (H%) | abl'íl m'n'e jóda:m (H%) ||]

404-3. [a útrʲm č'ó š ja d'élʲlʲ (211–289–218–178 H+L*L%) | vstá:la: (286–250–271 H+L*N%) | umýla:s' (296–274–256 H*L%) | p'éc'kʲ zʲtap'ýla: (281–253–239 H*L%) || drof nʲkʲalá p'éc'kʲ zʲtap'ýla: (266–238–224 H*L%) || vadý pastnav'ýla: (201–271–230 H*L%) | vadá k'ip'ýt ||]

404-6. [damój pr'íshlá uš on dóma: (202–238 H%) ||]

404-7. [da s'én_ (265–489–344–309 H+L*--) mnoč n'í nakós'ym karóv'ni: (285–269–284 L*N%) | vot i plóxa: (226–188–198 L*N%) ||]

А-405. Диктор Попова П. Т., 1915 г. р., 48 лет, малограмотная.

405-1. [aná i daváj | pa fs'ákʲmu Kláškʲo ruját' || Marýs'k'a | **И. А. Оссовецкий:** *Клашку?* | Kláškʲu: (253–210–237 L*N%) ||]

405-4. [g'ip'ér'č' étʲa: (327–249–277 L*N%) || pr'íhód'ít' onʲ ||]

405-6. [ja u n'ix d'én'ýʲ zʲn'ímála: (170–146–161 L*N%) | zʲn'ímálʲ d'én'ýʲi: (135–108–184 L*N%) | u Ivána: (269–162–170 L*N%) | dvácz p'át' rubl'ej zan'ímála: (169–127–133 L*N%) ||]

405-7. (*А на Головановку далеко ль отсюда?*) [vʲs'amnácz l'í dvácz:t' (232–188–204 L*N%) ||]

Анализ материала показывает, что продление гласных наиболее часто в позиции конца синтагмы (неконечной чаще, чем конечной) в нарративных (не диалогических) текстах, то есть в положении, которое в говоре дер. Деулино часто маркируется высоким пограничным (терминальным) тоном на отрезках, следующих за фразовым акцентом любого типа, в том числе нисходящим (L+H*LН%; (H+)L*N%). Наоборот, максимальная степень редукции гласных наблюдается в слогах с низким пограничным тоном или вовсе без пограничного тона (то есть в таких, на которых продолжается падение тона после акцента или простая его деклинация).

Особенно показательными представляются, на наш взгляд, те примеры, в которых конечный в синтагме заударный гласный одного и того же слова,

оформленного одним и тем же фразовым акцентом, произносится по-разному носителем русского литературного произношения (И. А. Оссовецким) и носителем диалекта; в первом случае фиксируется редуцированный гласный при низком пограничном тоне, во втором — полный (продлённый) при высоком пограничном тоне. Таковы примеры 391–1 (*добрые* vs. *недобрые*), 399–1 (*ужинали*), а также 400–4, 404–1 и 400–5 (*обыдёношный* [рис. 10], *басистый* [рис. 14], *читала* — но еще и с разными фразовыми акцентами). При одном и том же пограничном тоне одинакова и фонетическая реализация гласных в признании носителя литературного языка и диалекта (404–1, *басистый*, рис. 13).

Ещё более убедительными кажутся примеры различного произнесения конечного в синтагме заударного гласного одним и тем же информантом в одном и том же слове в зависимости от типа пограничного тона — см. примеры 400–4 (*тонкий*, рис. 11), 400–3 (*едим*, рис. 12), 399–8 (*горшечный*, рис. 17), 396–3 (*ребёнка*), 396–4 (*у тётки*), 396–2 (*с ним*), 397–11 (*наделали*, рис. 16) и др. — или в одной и той же форме разных слов (эти примеры весьма и весьма многочисленны).

Интонограммы некоторых отрывков, представляющихся нам наиболее показательными, приведены на рисунках 3–17.

Следует отметить, что несмотря на то, что более 90% всех отмеченных нами случаев продления заударных гласных в говоре д. Деулино соответствуют высказанной нами гипотезе, встречаются иногда и противоречащие ей факты. Так, в примере 404–3 в словах *умылась*, *затопила*, *затопила*, *поставила* продление конечного заударного гласного наблюдается вне связи с высоким пограничным тоном (хотя в паре *делала* – *встала* распределение длительностей отвечает предложенной гипотезе); это явление, возможно, следует объяснить тем, что интонация перечисления, с которой произнесены эти слова, является еще одним фактором, вызывающим продление гласного. Аналогичное удлинение гласного с низким пограничным тоном наблюдается в слове *кладбище* из примера 399–7; но здесь оно не может быть объяснено наличием интонации перечисления.

Обобщенные результаты исследования зависимости фонетической реализации конечного в синтагме заударного гласного от наличия/отсутствия высокого пограничного тона на нем, подтверждающие сформулированные выше выводы, приведены ниже в таблицах 1–6.

Таблица 1. Общее число продленных (а:/и:/ы:/у:/), полных (а/и/ы/у), редуцированных (ъ/ь), сверхкратких и нулевых (^{ь/ь/θ}) заударных гласных в конце синтагмы, произнесённых с высоким пограничным тоном (Н%), низким пограничным тоном (L%), без пограничного тона (*--)

	а:/и:/ы:/у:/	а/и/ы/у	ъ/ь	ъ/ь/θ
Н% (112)	37	65	9	1
L% (44)	4	1	20	19
*-- (16)	0	0	12	4

Таблица 2. Процентное соотношение продленных (а:/и:/ы:/у:/), полных (а/и/ы/у), редуцированных (ъ/ь), сверхкратких и нулевых (^{ь/ь/θ}) заударных гласных в конце синтагмы, произнесённых с высоким пограничным тоном (Н%), низким пограничным тоном (L%), без пограничного тона (*--)

	а:/и:/ы:/у:/	а/и/ы/у	ъ/ь	ъ/ь/θ
Н% (112) – 65,1%	21,5 %	37,8%	5,2%	0,6%
L% (44) – 25,6 %	2,3 %	0,6 %	11,6%	11,1 %
*-- (16) – 9,3 %	0	0	7%	2,3%

Таблица 3. Зависимость фонетической реализации конечного в синтагме заударного гласного от наличия/отсутствия высокого пограничного тона на нем (в процентах от общего числа случаев произнесения гласного с соответствующим просодическим оформлением)

	а:/и:/ы:/у:/	а/и/ы/у	ъ/ь	ъ/ь/θ
Н% = 112 (100 %)	33%	58%	8%	1%
L% (44) + *-- (16) = 60 (100 %)	6,7%	1,6%	53,4%	38,3 %

Таблица 4. Зависимость наличия/отсутствия редукции конечного в синтагме заударного гласного от наличия/отсутствия высокого пограничного тона на нем (в процентах от общего числа случаев произнесения гласного с соответствующим просодическим оформлением)

	гласный полного образования	редуцированный гласный
Н% (100%)	91%	9%
L%; *-- (100%)	8,3%	91,7%

Таблица 5. Зависимость фонетической реализации конечного в синтагме заударного гласного от наличия/отсутствия высокого пограничного тона на нем (в процентах от общего числа случаев произнесения соответствующего гласного)

	а:/и:/ы:/у: (41– 100%)	а/и/ы/у (66 – 100%)	ъ/ь (41 100%)	ъ/ь/ѐ (24 – 100%)
--	----------------------------------	-------------------------------	-------------------------	-----------------------------

Таблица 6. Зависимость фонетической реализации конечного в синтагме заударного гласного от типа пограничного тона на нем (в процентах от общего числа случаев произнесения гласного с соответствующим просодическим оформлением) **в открытом и закрытом (О/З) слогах**

	а:/и:/ы:/у:	а/и/ы/у	ъ/ь	ъ/ь/ѐ
Н%				
О (80) – (100%)	30 (38%)	45 (56%)	4 (5%)	1 (1%)
З (32) – (100%)	9 (28%)	19 (60%)	4 (12%)	0
Л%; *--				
О (52) = (100 %)	3 (6%)	1 (2%)	23	25
З (8) = (100 %)	0	0	(45%)	(47%)
			7 (88%)	1 (12%)

Данные, приведенные в табл. 6, позволяют сделать дополнительно вывод о том, что зависимость фонетической реализации конечного в синтагме заударного гласного от типа слога не очень значительна: в закрытых слогах нет полных гласных в случае низкого пограничного тона или отсутствия пограничного тона, в то же время среди гласных, маркированных высоким пограничным тоном, несколько меньше продлённых и больше редуцированных; всё это представляется вполне очевидным — в закрытых слогах вероятность редукции несколько больше, а вероятность продления несколько меньше, чем в открытых, однако этот фактор явно не является столь же мощным, сколь наличие/отсутствие высокого пограничного тона. Отсутствие в закрытых слогах свёрхредуцированных явно объясняется особенностями восприятия при транскрибировании.

Просмотр примеров показывает резкую диспропорцию разных по тембру гласных, которые можно условно считать продленными: среди гласных с высоким конечным пограничным тоном (Н%) существенно превалирует [а:] (20 примеров из 37, в том числе 13 в открытом слоге и 7 в закрытом), реже, но тоже достаточно часто встречается [и:] (14 примеров только в открытых сло-

гах), только 2 [ы:] ([зат'ануты:] и [р'ѣб'ѣт'ишк'и-ты:] в (395–2) и 1 [у:] ([клáшкy:] в (405–1). Из 65 гласных, которые мы в таблицах обозначили как «полные», 56 приходится на [а] (38 в открытом слоге и 18 в закрытом) и 9 — на [и] (8 в открытом слоге и 1 в закрытом слоге); среди гласных с низким конечным пограничным тоном (L%) имеется только 4 [а:] и 1 [а]. В этом есть, несомненно, элемент случайности по отношению к фонетике, поскольку конечные <о> и в особенности <а>, которые реализуются звуком [а], являются элементами множества аффиксальных морфем; гиперфонема конечного гласного флексии им. п. мн. ч. прилагательных также реализуется в [а], если ей предшествует ударный слог ([бал'шы́ја, ч'ужы́ја, плах'и́ја]), и [и], если он отстоит дальше влево ([н'адбóры, уóлыи:]); [и] является реализацией не только <и>, но и <е> в некоторых категориях слов ([на с'ы́нако́с'и:, во́гк'и:, каро́в'и]), а [ы] и [у] присутствуют в речи значительно реже — это общеизвестный факт.

В наших материалах встречаются и единичные случаи делабиализации и «расширения» [у] ([д'ѣдушка | мы н'ѣ дајѣд'ѣм || он у́варит' | пајѣд'ѣм пажа́дай] в (21), «расширения» [ы] ([а пр'и то́м наш наро́т-тъ в'ит' н'и́уд'ѣ н'ѣ бал] в (394) и [и] ([он ы́jó пракало́л | ваду́ каку́-т вы́пус'т'ал | вада́ вышла] в (371) в закрытом слоге в конце синтагмы. Этому последнему посвящена специальная карта ДАРЯ (№ 25 «Различение или совпадение гласных на месте *e* (из **e* и **ь*) и *и* в заударном конечном закрытом слоге перед твердыми согласными»), которая фиксирует мену [и] на [а] в достаточно обширном ареале юго-восточных говоров, куда входит и Деулино. Р. И. Аванесов в описании однотипного с нашим говора с. Кидусово и д. Нагорная Спасского р-на Рязанской обл. также отмечает как делабиализацию и расширение [у] ([за́мыш, голап', óкан', К'и́дшьва]), так и мену [и] на [а], по поводу которой пишет следующее: «Звук *a* в заударном слоге представлен в соответствии с ударенным *и* в следующих случаях: [вы́л'ал] (ср. [л'и́л]), [н'ѣ п'ал], [вы́п'ал] (ср. [п'и́л]), [бро́с'ал], [па́дбро́с'ал], [к'трау́л'ал], [папо́рт'ал], [из'ѣз'д'ал]. Наличие *a* только в одной определенной морфологической категории (прошедш. вр. глагола ед. ч., муж. род) ставит под сомнение фонетический характер этой замены». (Аванесов 149а: 171). Конечно, морфологические рамки лишают данное явление фонетического статуса; однако нельзя не увидеть в этих фактах и проявления фонетической тенденции, которая, как это часто бывает в диалектах, закрепляется в определенной морфологической категории, но не приводит к полной ее перестройке и оставляет факультативные варианты (например, стяженные флексии глагола или так называемый «переход среднего рода в женский»). К сожалению, Р. И. Аванесов дает свои примеры вне контекста, но в комментариях к карте № 25 есть упоминание о том, что [а] на

месте [и] появляется в этих формах в определенных фразовых позициях, в частности, в конце синтагмы.

Отметим ещё раз, что в говоре д. Деулино в словах без заударных слогов с фразовым акцентом на ударном гласном часто фиксируются нефонематические вокалические пазвуки — поскольку в этом случае пограничный тон может быть реализован только на последнем сонорном согласном или нефонематическом гласном (в говоре, описанном Р. И. Аванесовым, нефонематические гласные не отмечены).

На рисунке 12 в качестве иллюстрации приведены осциллограмма, интонограмма и динамическая спектрограмма синтагм [тáк-т^б хвátкь н'и яд'и^ммь] (215–136–174 L*N%) || и [тáк-т^б хвátкь н'и яд'и^ммь] (241–134–182–143 L*L%) || из фразы [дъ ит' тáк-т^б хвátкь н'и яд'и^ммь | стар'ух' тáк-т^б хвátкь н'и яд'и^ммь] в произношении Е. М. Избенниковой, неграмотной, 1901 года рождения (запись И. А. Оссовецкого, июнь 1963 г.) с пограничным (средним ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным в конце слова ед'и^м (слева) и без пограничного тона и — соответственно — без подобного гласного в той же синтагме в конечной позиции во фразе (справа). На рисунке 15 можно видеть осциллограмму и график изменения частоты основного тона отрывка [раб'ч'х сн'áл^ммь] (114–217–196–219 (L+N*LN%) | фс'эх на маст ||] (пример № 397–11, диктор Нелидкина К. В.), на которых хорошо виден пограничный высокий тон на конечном нефонологическом гласном.

Чаше всего продление заударного гласного встречается в конце неконечных синтагм — в конечных зачастую нет пограничного тона или, возможно, он низкий. Впрочем, остается пока открытым вопрос о том, различаются ли в говоре д. Деулино низкий и высокий пограничные тоны, или в нем представлен один, как и в современном русском литературном языке, но, в отличие от СРЛЯ, только высокий пограничный тон.

Вопрос о семантике описанных выше типов просодического оформления синтагмы нельзя пока считать окончательно решённым. Так, по мнению ряда авторов, фигура L+N*LN% обычно маркирует разные виды контраста (Pierrehumbert and Hirschberg 1990: 97) и определённые типы темы (Steedman 2000: 665).

Более обоснованным нам представляется мнение Т. Е. Янко (Янко 2007), которая в своем подробном исследовании аналогичной интонации на материале английского языка приходит к следующим выводам: «Судя по имеющимся у нас примерам, L+N*LN% — типичная интонация диалогических реплик, приветствий и прощаний (не конечных, а предполагающих ответную

реплику прощания)» (Янко 2007: 621); «Особенностью всех обсуждаемых примеров служит известная автономия синтагм, завершающихся конструкцией $L+N*LN\%$... В конкретных ситуациях общения значением акцента $L+N*LN\%$ становятся различные типы апелляции говорящего к слушающему» (Янко 2007: 624).

Следует, однако, отметить, что обсуждаемый здесь интонационный контур $L+N*LN\%$, вопреки мнению Т. Е. Янко, не аналогичен тому, что в русской фонетической литературе принято называть четвертой или шестой интонационными конструкциями. В ИК–4 и ИК–6 в отличие от $L+N*LN\%$ не наблюдается понижения/повышения после восходящего акцента (а только стандартная деklinация тона) — таким образом, они не содержат высокого пограничного тона.

Как уже отмечалось выше, проблематика настоящей работы частично пересекается с содержанием заметки Р. Ф. Касаткиной, которая, сравнивая реализацию «завершенных утвердительных высказываний» в современном русском литературном языке и в говорах д.д. Деулино Рязанского р-на и Новосёлки Рыбновского р-на Рязанской обл., отмечает: «Существенные различия выявились между двумя сопоставляемыми интонационными фрагментами в оформлении заключительной части высказываний. В диалектных высказываниях при аудировании было заметно акцентирование заударного слога. Анализ акустических характеристик диалектных записей показал, что на заударном слоге в обоих случаях наблюдалось усиление параметров — либо тонального, либо динамического и тонального... Соответственно на графиках, отражающих литературное произношение, все перечисленные эффекты отсутствовали. Однако сказанное вовсе не означает, что акцентирование конечного безударного слога не свойственно этой системе — достаточно вспомнить хотя бы ИК–4 в системе Е. А. Брызгуновой, где значительный подъем основного тона и удлинение конечного (даже безударного) гласного является как раз характеризующим признаком этой интонационной конструкции. И, как показано в работах Е. А. Брызгуновой, эта конструкция может употребляться не только при оформлении вопросительных высказываний с союзом *а* и для выражения незавершенности, но и при оформлении утвердительных высказываний (см. например, Брызгунова 1980, 115). В рассмотренных диалектных примерах дополнительное акцентирование конечного безударного слога обычно сопровождает реализацию не ИК–4, а ИК–1 — именно это и создает значительное отличие от литературного языка... В мелодическом оформлении высказываний, относящихся к другим иллюкутивным типам, в рассмотренных говорах никаких особенностей отмечено не было» (Касаткина 2002: 136, 142).

Наши данные позволяют утверждать, что наличие особого типа фразового завершения в южнорусских говорах характеризует не только конечные синтагмы высказывания и при том далеко не только те, что оформлены ИК–1, но и те, что традиционно описываются как ИК–3, ИК–4, ИК–5 (см. 394–6) и, вероятно, ИК–6. Эта просодия не является частью фразового акцента (как, например, в ИК–4 и ИК–6) и является не единственным (или хотя бы стандартным) способом оформления завершения высказывания, а особой системой пограничных тонов, в которой противопоставлены по крайней мере два типа просодического оформления — высокий пограничный тон и низкий (или отсутствие пограничного тона), и одним из компонентов этого противопоставления является различная фонетическая реализация конечных заударных гласных в синтагме.

Среди говоров рязанской группы существуют, однако, и такие, в которых зависимость фонетической реализации гласных от фразовой позиции в той или иной мере утрачена (или утрачивается) и нулевые реализации оказываются возможными в сильных фразовых позициях, где следовало бы ожидать гласные редуцированные, полные или даже продленные. Таков, в частности, говор дер. Бессоновка Кирсановского района Тамбовской обл., в котором нами зафиксированы следующие примеры (информант — Переплётова Екатерина Ильинична, 1915 г. р., образование — 1 класс; запись О. Онипенко, 2007 г.):

1. [дрáк пaйд'от']
2. [пaдрúшк с'ид'ит']
3. [γот ы два м'эс'ц]
4. [у их с'эм^б || вот эту с'эм^{бн} абмалóт'ут' | мáслу б'йл'и | кьнапл'áнь мáсль была з'ил'óна | ана харóша | фкúсна была]
5. [и с'ид'эл^б нóч'ју пр'á:л'и || с'ид'эл' дь как'их пор | н'и ч'асóф н'э был н'ич'авó || и ф'ит'ил'óч'к^а γар'эл'в^а мáль^о | он мáсль нал'јут' нь какун'т' тар'эльч'к || иш' вáтк'бт н'э был || ис какóјн'т' ис тр'áп'к' тák вот скатáјут'...]
6. [мý вот трúд'имс' ф калхóз' ||]
7. [срóд дь вáјны кóс н'аднá бáб н'и бралá || н'ь аднá бáб^б н'и бралá кóс' штб эт вз'ат' кас'йт' ||...]
8. [дá | эту кóс^о | кóс^о адб'ивáл'и...]
9. [ну патóма мн'е тáхть аднавá прихад'йл'с']
10. [вон да éнтъвъ пас'óлк | хад'ил'и]
11. [он плóх мн'е ијó ад'б'ил]
12. [давáј мне свáју кóсу | я таб'э ш'ас ыјó атабју и налáж^о |...он мн'е эт налáд'ил кос || патóм...]

13. [ну вот и кас'йл' | в'азал'и и нь саб'ё таскал'и снапы | и тр'инац снапоф клал'и (184–281–253–255) | и таскал' (209–172–158) ||]

14. [вырыјут' картошк | ил'и там рош уб'ир'ош | прос | ну и жн'ивъ стайт' | а в'асној | ўтръм [ран]]

15. [намој ијо и алад'јѣ Jim ньп'акү эт мы тут сыт' ш'ш'итаъмъ]

16. [н'и мьладыи н'и старыи | н'и w каво радьс'т'ъ н'икакој н'ет || ни w каво н'ет радьс'т']

17. [у н'их н'ич'аво н'ёт || а фс'е уш абут' ад'ёт ...]

18. [ал'н'аныи | простын был'и ал'н'аныја | из ал'на | ткал' | и вот так'и простын был'и | и навъл'ч'к' так'и был'и]

19. [да | сам' фс'о шыл'и | и лапт' || ја уш ф школу хад'ыл' в лапт'ах...||]

20. [патом мн'е д'ёт | упакојн'ик д'ет Вас' | калотк'и з'д'елл д'ир'ав'анны ... и вот ја в эт'их хад'ыл' ф школ ... из рубах'и старъј сашјут' – эт сумк]

21. [мноу вјо – в м'ишоқ ы в боч'к | в боч'к | в м'ишоқ ы в боч'кь ана стайт']

22. [и патом этъ пъм'ало такајъ на палк' | тр'апк | ...]

23. [вот астајоц там т'ёста | ... и в вад'ё ана л'ажыт' | ф ч'ашк'^в [глухой] када пьдымаиц | т'ёста ...]

24. [офцы | бъл'шынства баран'ин была у нас | пар'ёжым јих | и ф кадушк]

25. [рыб лав'ил'и | лав'ил'и рыб | гр'ёбн'ъм лав'ил'и | вот эт'им лав'ил'и рыбу ...]

26. [ја рас схад'ыл' а бол'ш н'и хад'ыл]

27. [а эт была барын' тут наш была]

28. [тут ад'ин | мушч'ин | сас'ёт наш он был]

29. [рыу туд была у нас || он рыуъ ту сламал || драва ваз'ил фк'ирсанъф || фп'акарн' аддавал аттуд хл'ёб бралъ]

30. [што вы стайт' || с ч'астушк'им'и? ...]

31. [а бвал ... пайдут' стакан'ч'к куп'т']

32. [пайдут' там | куп'т' || стакан'ч'к хто | два стакан'ч'к куп'т' а хто и полстакан'ч'к куп'т' || ...]

33. [тол'к с п'ён'с'ьј н'икуда н'и ход'им...]

34. [ис калхозъ паслал'и уч'ицъ нь зат'ехн'ик || кон'чила зат'ехн'ик и въ фтарој ана устроилъс' раббт']

35. [двац с л'ишн'им л'ёт ...]

36. [энтъ от Мар'ёја | а ёнтъ от ф Тул' жив'от Раи́за | а этъ ум'арла какáј Тат'јан]

37. [уб'ирал'и | и фс'о ваз'ил'и в ўсударствъ | а нам н'ич'ао н'и давал'и]

38. [з'арно́ ав'о́с вып'и́свъл' | ...нас'и́л на м'е́л'н'иц || калхóс Л'е́н'ин | малóл'ь на эту | нъ муку́]
39. [ана бвал хл'еп палүч'т']
40. [и шкóл^б хад'ил'ь ан'и трóь у м'ьн'а шкóл^у хад'ил'и | надът' абуват' ад'ават'?]
41. [м'етс'астрóј кóн'ч'ил || патóм ф Къзахста́н]
42. [тр'и пра́внук | ад'и́н внү́к | н'ёт два́ внү́к | тр'и́ внү́к]
43. – *Ну, расскажите, что у вас тут растёт?*
– [карто́шка | луч'ку́ н'амно́шк^б | лук плахо́ј како́јта]
44. [у́тръм ра́н]
45. [и капу́ст в бо́ч'ки и ауурцы́ в бо́ч'к'и ...]
46. [скат'и́н д'аржа́л' | фс'е́ д'аржа́л' скат'и́н | у фс'е́х каро́в был'и || по́ дв'и каро́w бы́ль | ло́шъд' был'и | ... т'ел'а́д был'и | прас'а́т | ү́с'и | о́фцы]
47. [п'ашкóм нас'и́л ма́сла | ја́јцы нас'и́ль пръдава́ла]
48. [т'ал'а́д д'аржа́л' и || хтó дл'ь с'ио́'е хтó пръдава́л' ь]
49. [а по́сл'и вр'е́м' как'и́-т ф'ил'м плах'и́и | ја́ вр'е́м' пьүл'ажу́ и л'ажу́]
50. [ф Сара́тгф правд' је́з'д'ил там сын жы́л ф Сара́тгв'и | я́ туда је́з'д'ил]
51. [в'азáл' платк'и́]
52. [в'азáл' | да | в'азáл'ь | в'азáл'ь]
53. [пр'а́м кружо́ч'к'ьм' кружо́ч'к'ьм'... скат'ар'т'а́ в'азáл'и]
54. [вот ана́ атту́д н'и́тк'ь пр'иваз'и́ль | с'и́иц пькупáль приваз'и́ль]
55. [патóм је́з'д'ьл он || пааз'оркам тут је́з'д' ил^ь || и на к'ирса́нф пајеха́л || э́та антóнаф]
56. [камү́н была | ф камү́н' фс'е́ събира́лис' жыт' || камү́н (251–165–144 L*L%) | и фс'у камү́н э́ту рьза́р'и́л'и | и камү́н фс'а распа́льс']
57. [и пуска́т' ра́н'шь нъч'ават' хад'ил' и: (252–204–235 L*N%) || пуска́л' ь их (206–255–203–177 L+N*LL%)]
58. [а ра́н'шы пуска́л' | хъладно́ виз'д'е́ был | ... вот је́д'им из л'е́с... | ш'и́и үар'а́ч'и́и вы́нул' ...]
59. [а паз'óмк ста́ль пръхад'и́т' утрам ан'и фста́л' | спа'си́бъ сказа́л']
60. [нъч'авáл'... вот пол' ... ид'и́т']
61. [пајеха́л' мы ... адну́ же́н'ш'ину пасла́л']
62. [то на рабо́т пр'ид'о́ш | то пьс'т'и́ра́т' | то јис'т' үа́то́в'ыш | то́ нъ үаро́т | то́ скат'и́н]
63. [шы́вы] – вы́с'т'и́рым | ф п'еч'к | жа́р'ит' ... вына́иш атү́д || ска́лка | руб'е́л']
64. [пашла́ в апт'е́к'] прин'асла́ | усы́пъл фс'о | ... | и фс'е́ сраз фс'е́ пръ-вал'и́льс' кудáј-та ... | клапы́ пакóј н'и дава́л' | я́ тож туда́ ду́стьј насы́пъл]

65. [Казáнска...]
66. [Н'икóла зймн'а | а в'óшн'а ...]
67. [сѣб'ирáл' | нар'ажáл'ис'и | үул'áл' хто ид'е знáйт']
68. [рáн'ш үул'áл' | хад'íл'и пѣ дарóу'и там ... хад'íл' үармóшкѣ | хад'íл' | п'ес'н'и п'él'и | пл'асáл']
69. [ну вот пр'áл' на н'их | пр'áл'и]
70. [и пр'ал']
71. [пѣдражím пѣдражím – и ап'áт' в р'éч'к]
72. [с'ирд'éч'кѣ вот эт у льпухóф јел' | ан'ís ... јél'и| ... был'| рвал']
73. [прос кас'íл'и]
74. [карóв бýла]
75. [с энтѣв пас'óлк пр'и...]
76. [фс'о кр'áд д'óрүјут' | арбúз| у м'ин'é было скóл'к'и арбúзѣв пасá-жньнѣ]
77. [пл'итн'óвы бýл'и дварý]
78. [дѣ кудá ш ты јо д'él']
79. [ет мајá пáлк]
80. [с пáлкѣ | ты ш пáлкѣ тák-ѣт кѣвыр'áл]
81. [дв'енóст]
101. [и в'азúт кудý папáл]
102. [и ап'áт' кајú-т пас'т'íлк сатк'óш прадáт' нѣ базáр]
103. [и патóлш'... эть толет]
104. [мн'é уш стó п'ёрвај үот]
105. Отдельный интерес представляет перечень имен, практикуемых в деревне, в разговоре с эксплоратором:

[рáн'шы]? {ну как звали там в деревне?} [ну фс'ех зват' Ивáн | Вас'íл'и | М'ишк | С'ирү'ej | Куз'мá | Захáр | Ил'јá |] {ну какие еще-то?} [Н'ик'йт | Матв'ej | тák | иш'ó-тѣ как'и ш тут им'ана-т^b || П'атрá | Ф'óдър || так | иш'ó как'и ш тут ||] {а вот у меня у бабушки отчество Уваровна, у нее папа был Увар} [Увáр | да | бýл' тада | Ус'т'ín | ишо Фамá | Хр'ес'т'и ||] {а женские какие?} [вот Хр'ес'т' бáбѣ || Хр'ес'т' и Ус'т'ín'и || Хаврóшк ||] {Танька?} [Тáн'к | Ливдак'ej | Кѣт'ар'ín | Мар'ej | Нѣстас'ej | Анна | Ол'үа | П'ялаү'ejа | Ар'ýна | Áнна | Áнна эт ја үвар'ýла | Ал'аксáндра | Тат'јáна | Матр'óна | Мáрфа | Дáр'и | Кул'ýна | Хаврóшк ја үвар'ýл | иш'ó как'и ш тут им'анá | Лил'éна ||]

Имена произносятся с интонацией перечисления, с низким пограничным тоном, с ярко выраженной частой, но факультативной утратой конечного гласного.

Как видим, редукции до нуля в этом говоре может подвергаться **любой конечный гласный**:

на месте фонем <а>, <о>: [драк] (1), [баб] (7), [плох] (11), [прос] (14, 73), [ран] (14, 44), [Вас'] (20), [эт] (20, 27, 79), [мноу] (21), [баран'ин] (24), [барын'] (27), [наш] (27), [мушч'йн] (28), [нъ зат'эхник] (34), [Тат'јан] (36), [үъсударств] (37), [тр'и правнук], [два внук], [тр'и внук] (42), [вр'ем'] (49), [правд] (50), [с'ищ] (54), [камун] (56), [из л'ес] (58), [пол'] (60), [атуд] (63), [каров] (74), [с'энтв] (75), [был] (5, 58), [хад'йл] (20, 26), [нас'йл] (38, 47), [бвал] (31, 39), [кон'ч'ил] (41), [јез'д'ил] (50), [усып'ыл] (64), [насып'ыл] (64), [д'ел] (78), [кввыр'ал] (80);

на месте фонемы <у>: [срод] (7), [кос] (7, 8, 12), [налаж] (12), [ф школ] (20), [рыб] (25), [на мел'н'иц] (38), [скат'йн] (46, 62), [работ] (64), [ф п'еч'к] (63), [сраз] (69), [пакój] (69), [кр'ад] (76), [как'уй-г] (82), [фс'у камун] (56);

на месте фонем <и>, <е> (и соответствующих гиперфонем): [абут ад'ет] (17), [прóстын] (18), [каров], [г'ил'ад], [прас'ат] (46), [фил'м] (49), [с'ид'эл'] (5), [кас'йл'], [таскал'] (13), [ткал'] (18), [вып'исвъл'] (38), [д'аржа́л'] (46), [в'азал'] (51), [кружоч'к'ъм'] (53), [пуска́л'] (58), [вынул'] (59), [фстал'] (59), [сказал'] (61) нъч'авал'] (62), [пая́хъл'] (63), [пасла́л'] (63), [н'и дава́л'] (66), [үүл'ал'], [хад'йл'], [пл'асал'] (70), [пр'ал'] (71), [јел'], [был'], [рвал'] (72), [сам'] (19), [лошъд'] (46), [стайт'] (30), [ид'йт'] (62), [в апт'эк'] (66), [ф калхóз'] (6).

Утрата гласного может происходить как **после одиночного согласного** в конце слова (см. примеры выше), так и

после сочетания согласных: <а> [падру́шк] (2), [м'ес'ц] (род.п.)(3), [тру́д'имс'] (6), [пас'óлк] (10, 75), [сумк] (20), [палк] (79), [толст] (83), [тол'к] (33), [капу́ст] (45), [дв'енóст] (81); <у> [тар'елъч'к] (5), [карто́шк] (14), [в бóч'к] (21), [ф каду́шк] (24), [в р'еч'к] (71), [пас'т'ылк] (83); <и> [тр'ап'к'] (5), [радъс'т'] (16), [на́вълъч'к'] (18), [ла́пт'] (19); <е>: [на па́лк'] (22), [бол'ш] (26), [патóлш'] (84), а также и

внутри сочетания согласных: [с'ем'^h], [с'ем'^hн'ъ] (4), [стакан'ч'к кúп'т'] (31, 32), [работт'] (34), [двац] (35), [палуч'т'] (39).

Утрата конечного слога в окончании прилагательных дает эффект, совпадающий с результатами стяжения гласных после утраты интервокального <ј> в северных говорах: [къянапл'анъ], [з'ил'онъ], [харóша], [фкúсна] (4), [д'ир'ав'анны] (20), [Казанска] (65), [з'имн'а] (66), [в'ошн'а] (66), [пл'итн'óвы] (77). По-видимому, это происходит и в окончании формы вин.падежа <ују>, но в наших текстах встретились только примеры [какун'т'], [үор'къфску].

Обращает на себя внимание частая утрата гласного после [л] и в особенности [л']:

[ла], [лъ] → [л]: [был] (5, 58), [хад'ыл] (20, 26), [нас'ыл] (38, 47), [бвал] (31, [39]), [кón'ч'ил] (41), [јéz'д'ил] (50), [усыпѣл] (64), [насыпѣл] (64), [д'ел] (78), [кѣвыр'ал] (80);

[л'и] → [л']: [с'ид'эл'] (5), [кас'ыл'], [таскál'] (13), [ткál'] (18), [вып'исвѣл'] (38), [д'аржál'] (46), [в'азál'] (51), [пускál'] (58), [вынул'] (58), [фстал'] (59), [сказál'] (59), [нѣч'авál'] (60), [пajэхъл'] (61), [паслál'] (61), [н'и давál'] (64), [гул'ал'], [хад'ыл'], [пл'асál'] (68), [пр'ал'] (69) [јел'], [бл'], [рвал'] (72).

Однако приписать этому явлению чисто фонетический статус мешает то обстоятельство, что мы не имеем сведений о частотности разных грамматических форм в речи: неясно, происходит ли редукция гласного потому, что она связана с качеством предшествующего согласного, или потому, что соответствующие формы наиболее частотны (а они безусловно высокочастотны).

Следует отметить, что, по-видимому, утрата конечного гласного в большинстве случаев все-таки нефонематична, поскольку согласуемые формы сохраняют исходный род (см. пример 56: [камун была | ф камун' фс'е събирáлис' жыт'| камун | и фс'у камун эту рѣзар'ыл'и | и камун фс'а распáлс']).

Следы той же системы, что описана выше (зависимость фонетической реализации конечных заударных гласных от просодического оформления, точнее, наличия/отсутствия высокого пограничного тона в конце синтагмы), сохраняются и в этом говоре, что хорошо видно, в частности, на основании примеров №№ 13, 43, 56, 57:

(13) [ну вот и кас'ыл' | в'азál'и и нѣ саб'е таскál'ѣ (214–189 L*--)] снапы́ | и тр'ина́ц снапо́ф клáл'ѣ (184–281–253–255 L+H*N%) | и таскál' (209–172–158 L*L%) ||]

(43) – Ну, *расскажите, что у вас тут растёт?*

– [карто́шка (176–212–182–217 L+H*LN%) | луч'ку́ н'амно́шкѣ (214–196 H+L*L%) | лук плахо́ј како́јта ||]

(56) [камун была | ф камун' фс'е събирáл'ѣз' жыт'| камун (251–165–144 L*L%) | и фс'у камун эту рѣзар'ыл'ѣ (179–160–144 L*L%) | и камун фс'а распáлс' ||]

(57) [и пускáт' рáн'шѣ нѣч'авáт' хад'ыл'и: (252–204–235 L*N%) || пускáл'ѣ их (206–255–203–177 L+H*LL%) ||].

В словах *клали* (пример № 13), *картошка* (пример № 43), *ходили* (пример № 57) на последнем (заударном) гласном в конце синтагмы наблюдается высокий пограничный тон, что препятствует редукции гласного и вызывает его

продление; в словах *таскали* (пример № 13), *немножко* (пример № 43), *пускали* (пример № 57), *коммуна*, *разорили* (пример № 56) на таком же последнем (заударном) гласном в конце синтагмы наблюдается низкий пограничный тон, что вызывает сокращение и редукцию этого гласного.

В заключение необходимо отметить, что еще более мощным, нежели просодическое оформление синтагмы, фактором, регулирующим качество заударных гласных в южнорусских говорах, является соотношение инициации, фонации и артикуляции в речевой базе диалекта — обсуждению этого вопроса на материале нефонологических гласных в говоре дер. Деулино посвящена работа [Горячева, Князев, Пожарицкая 2008].

Иллюстрации

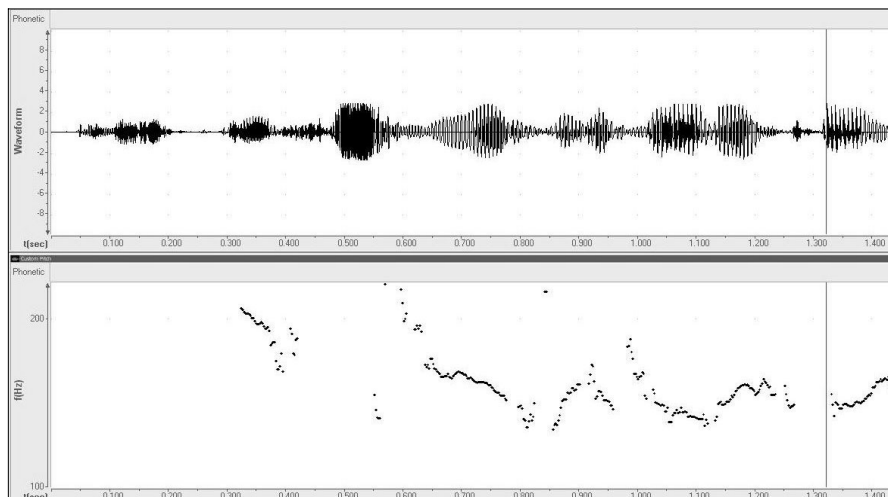

Рисунок 1. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенного отрывка из фразы [п_р'ихо́д'т' б'из р'иб'ён_ка (164–140–156 L*N%) || γд'ё ш ты γр'т' р'иб'ён_кь (153–130 L*—) д'ёла | ма́т'ть у н'о γвар'ит'] (Пример № 396–3). Курсор находится в начале выделенного гласного.

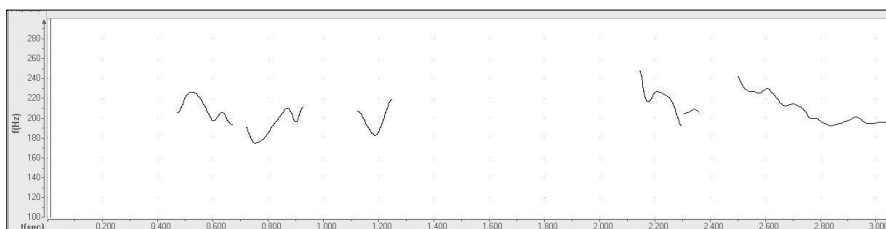

Рисунок 2. График изменения частоты основного тона во фразе [карто́шка: (Н%) || луч'кú н'амно́шк^а ||] (дер. Бессоновка Кирсановского района Тамбовской обл.). На последнем слоге первого слова – высокий пограничный тон, на последнем слоге последнего слова его нет.

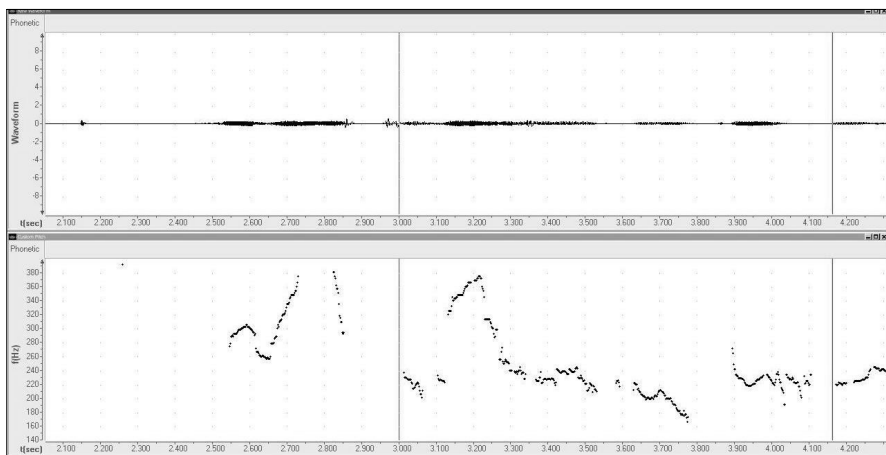

Рисунок 3. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) фразы [а адна́ждѣ (262–470–232–208 L+Н*LL%) || был'ъ мы на с'ьнако́с'и: (176–252–221–244 L*Н%)]. Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

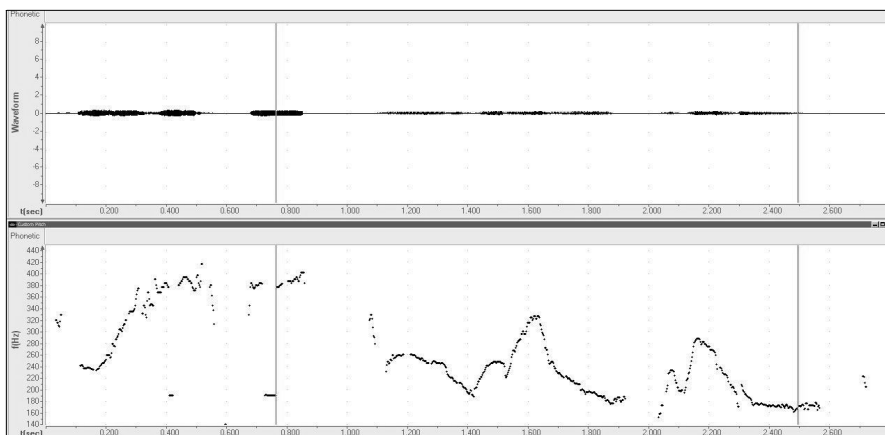

Рисунок 4. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из фразы [знач'ѣт' в'арбо́фкѣ фкрѣм | в'арбу́жут' || с'ѣмф'иро́пыл'скѣ знач'ѣт' обѣст'и: (238–396–347–402 L+N*LN%) || ѹб... и: судакск'ивѣ | судакск'и раѹн || и д'ир'ѣвн'ѹ вѹтѹш забѣль (196–288–175–168 L*L%) | какѣ д'ир'ѣвн'ѣ вѹш'ѣм | ф каку́ѹ д'ир'ѣвн'ѹ в'арбу́жут' ||] (Пример № 393–2). Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

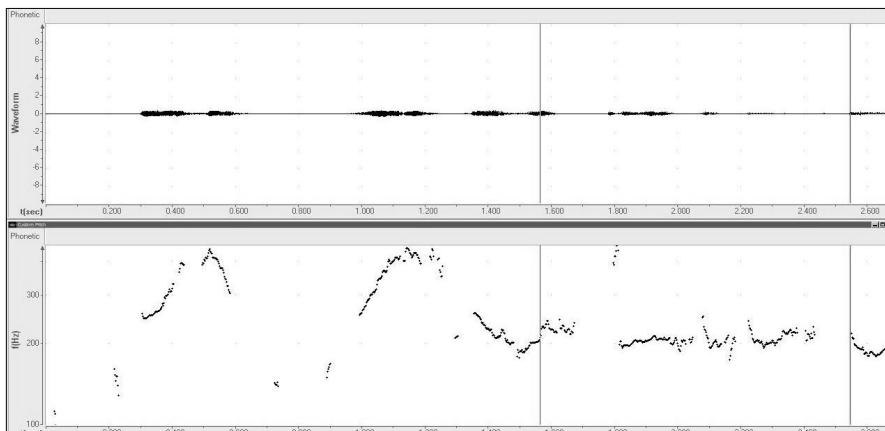

Рисунок 5. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из фразы [ну и вот даѹт' знѣш'ѣт' тако́ѹ накас | штоб' (250–436–316 L+N%L) || ѣхаѣт'а и пѣсма^тр'ѣт' фс'ѹ падрѹбна | и рас^кажѣт'ѣ (234–222 L*) пр'иѣхаѣт'а: (196–221 LN%) | как'ѣ там нѹвѣѣ пар'ѣтк'и | как тама што ||] (Пример № 393–3). Курсоры находятся в начале двух последних выделенных гласных.

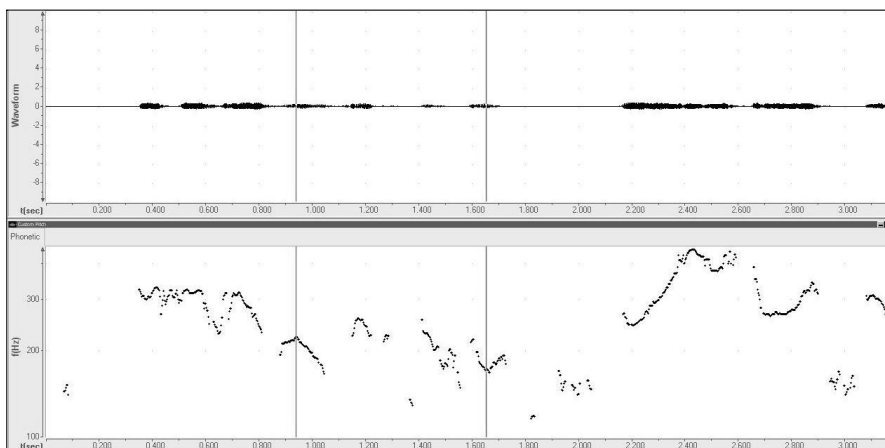

Рисунок 6. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из фразы [учт'й:т'а (255–466–266–79–116 L+H*LN%) | фс'ó | фс'ó падрóбнь (323–216–181 H+L*L%) | уч'т'й:т'а (257–172–191 L*N%) | јес'л'ь вám цъл'ьсабрáзнъ (217–470–456 L+H*N—, ИК–4!) | б́уд'ьт' п'ьр'јаж:áт' || знáч'ьт' (197–233–194 H*L%) | дá вám вы т́ут жáлв... вám плóхъ ж́ыт' | а т́ам вазмóжнь вám л́ушъ б́уд'ьт' (272–457–190–171 L+H*LL%) || то смат'й:т'ь п'ьр'ьјажáйт'а || а јес'л'ь вы уч'т'óт'ь (276–366–225 H*LL%)| што вám т́ам х́ужъ б́уд'ит' | тó н'а грáт'т'ь (247–447–266–144 H*LL%) | н'ь зьб'ивáйт'ь гóльву сáм'ь с'иб'ё и н'а д'эльјт'ь уш':ёрп ѓьсудáрству ||] (Пример № 393–5). Курсоры находятся в начале первых двух выделенных гласных.

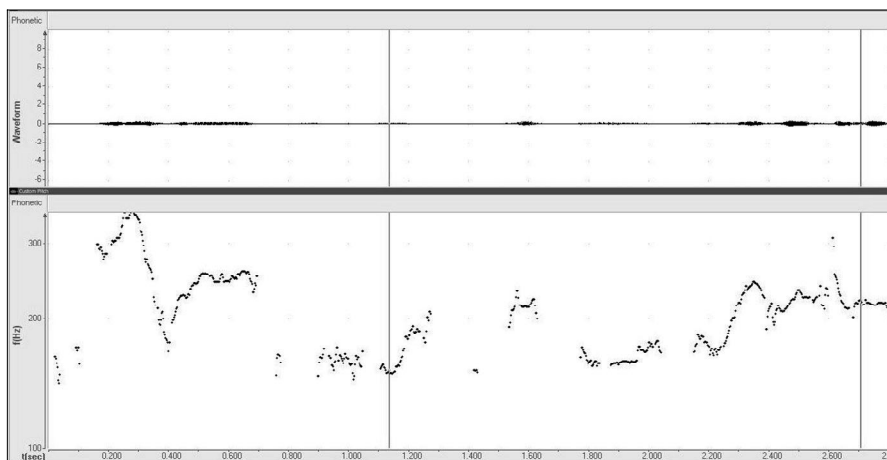

Рисунок 7. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из фразы [а вот ф сас'эдн'ъ куп'э пр'ишл'ис' ётъ са мно́ја || му́ж ж жа́ној и ад'ин мал'ч'и́шка (259–149–189 L*N%) с масквы́ | ан'и́ ј́ехыл'ь (247–220–218 L*—) | в алу́пку аддыха́т' ||] (Пример № 393–7). Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

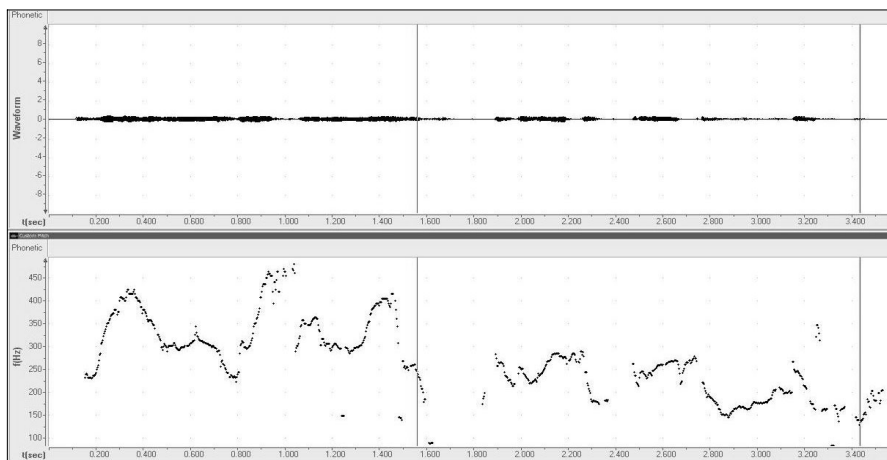

Рисунок 8. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из фразы [ан'и́ з'д'ёл'ь над о́кнѣм'ь (231–462–356–307 H*L%) | нав'ёс'ь (408–261–185–171 H+L*LL%) так'иѣ-т во́та | што́б у н'и́х со́нцѣ

туда н'и так прын'икаль в дом-та: (247–144–183 L*N%) | у н'их у вафс'эх так'и-тъ нав'есъ в ст'их || а дамá | кварт'ир^b-т^b бал'шы́йъ | з'д'ельнь как ран'ь иш':о татарь жыль'ь | и па-в'ид'м как у́вар'ат' у́вар'ат' у н'их фс'о там кавра́м'ь былъ ув'ешънь | н'ич'аво: у н'их таковъ на ст'анáх-т ш':ас у н'их там н'ич'ао н'ёт | а н'их-т үр'ат' ... пол' ул'йна́й (197–459–150–174 H*LN%) фсо выма́зъл'ь (156–175–154 L*L%) | а у н'их там ||] (Пример № 394–2). Курсоры находятся в начале двух последних выделенных гласных.

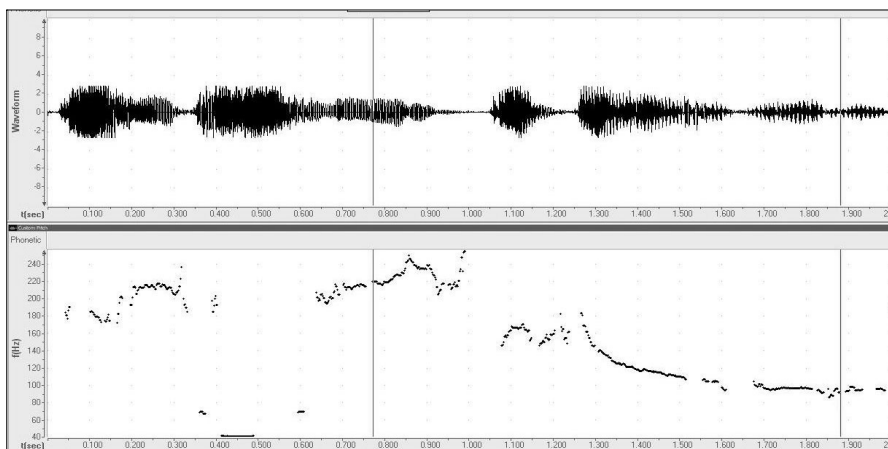

Рисунок 9. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из диалога носителей диалекта и литературного языка [дь патом стóл нам стáв'ил'и: (220–195–231 L*N%) | у́жньл'и: (218–197–234 L*N%) || (– А что вы ужинали? (169–110–96 L*L%), ЛЯ)] (Пример № 399–1). Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

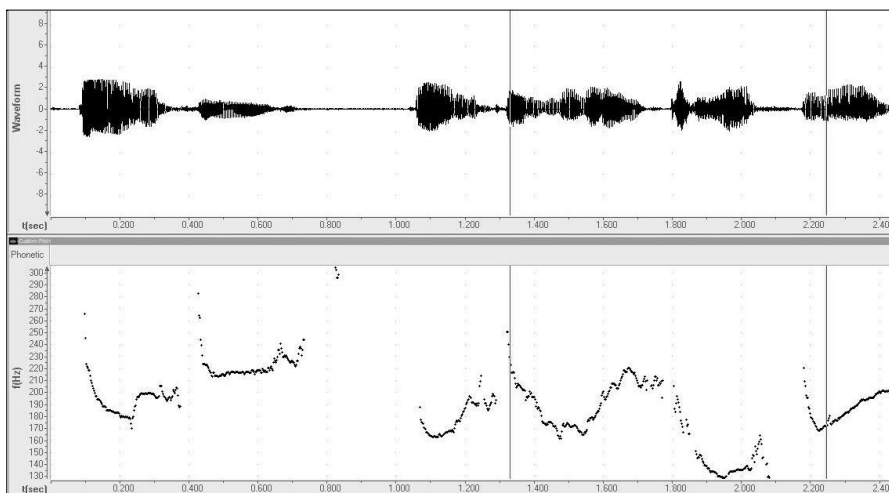

Рисунок 11. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенного отрывка из фразы [а тóнк'цы – эт тóнк'и́] (301–180–223 L*N%) | тóнк'ы́ (163–224–191 Н*) бл'ин пр'эсна́й (219–130–202 L*N%) | {обыд'ёношн'ый? (144–236–103–91 Н*) абыд'о́шна́й (181–98–179 L*N%) | пр'ам у́тр'ьм зыт'и́раиш | станóв'иш || а бл'ин – эт на́ нац' (185–131–173 L*N%) ||] (Пример № 400–4). Курсоры находятся в начале двух последних выделенных гласных.

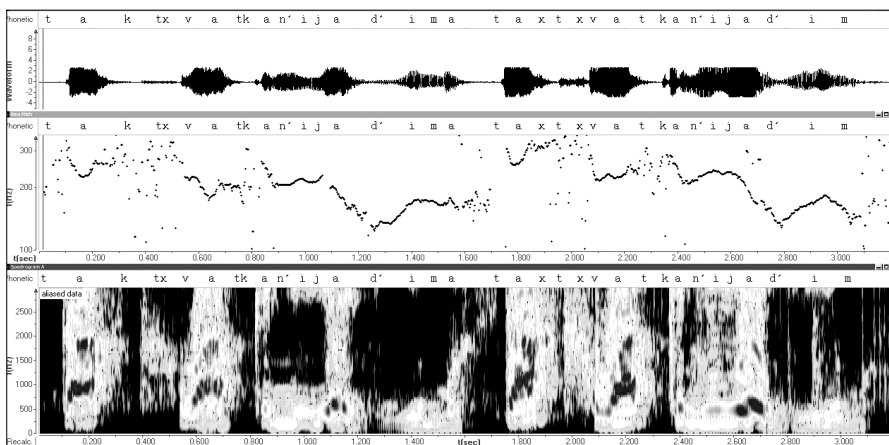

Рисунок 12. Осциллограмма (вверху), интонограмма (в центре) и динамическая спектрограмма (внизу) двух синтагм *Так-то хватко не едим* из фразы *Так-то хватко*

не едим – старухи, так-то хватко не едим, произнесенных с пограничным (ровным) тоном в конце неконечной синтагмы и нефонологическим гласным [а] в конце слова едим (слева) и без пограничного тона и без гласного в той же синтагме в конечной позиции во фразе (справа). Диктор – Елизавета Максимовна Избенникова, неграмотная, 1901 г. р.; запись И.А.Оссовецкого, июнь 1963 г.; шифр А-400 по каталогу Отдела фонетики ИРЯ РАН. (Пример № 400–3).

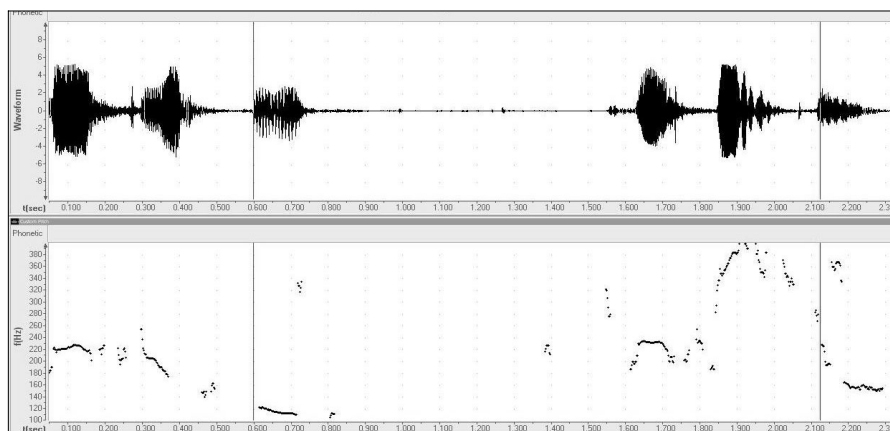

Рисунок 13. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из диалога литературного языка и носителей диалекта [И.А.Оссовецкий: А какой это «басист[ъ]и»? Информант: бас'истъј 205–407–166–154 (Н*LL%) | бас'истъј ет зніаши ет вот ыд'от' ч'блав'эк | коч'ътм ыд'от' ётъ ёт называыць бас'истај (231–192–310 L*N%) | И.А.Оссовецкий: Басистый? ||] (Пример № 404–1). Курсоры находятся в начале выделенных гласных. В обоих случаях низкий пограничный тон и редуцированный гласный.

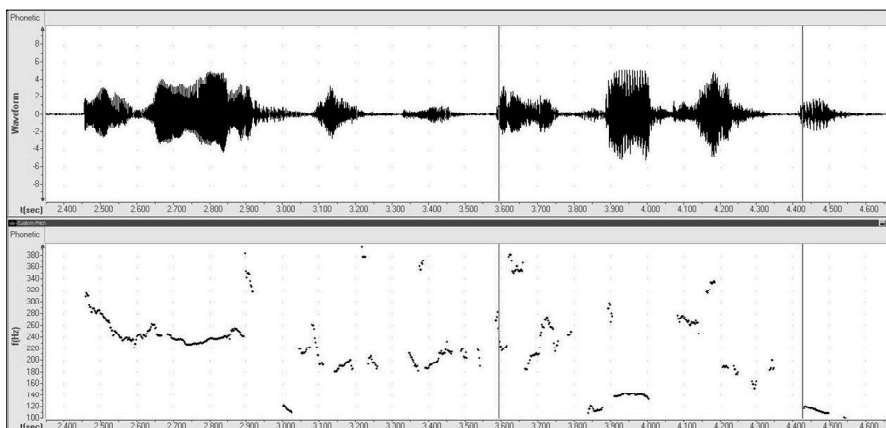

Рисунок 14. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенных отрывков из диалога литературного языка и носителей диалекта [И.А.Оссовецкий: *А какой это «басистый»?* Информант: бас'истъj 205–407–166–154 (H*LL%) | бас'истъj ет зн'аиш ет вот ыд'от' ч'ьлав'эк | коч'ыгъм ыд'от' ётъ ёт назыв'аьць бас'истаj (231–192–310 L*N%) | И.А.Оссовецкий: *Басист[ъ]й?* ||] (Пример № 404–1). Курсоры находятся в начале выделенных гласных. В первом случае (диалект) – высокий пограничный тон и гласный полного образования, во втором (ЛЯ) – низкий пограничный тон и редуцированный гласный.

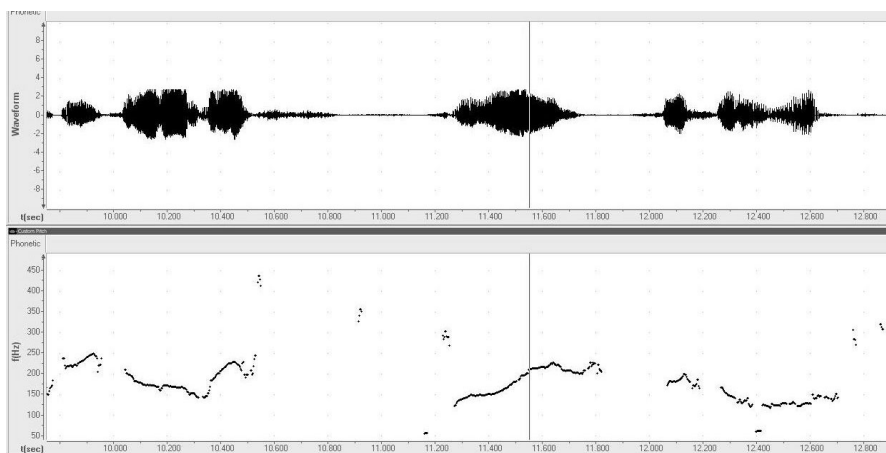

Рисунок 15. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенного отрывка из фразы [ан'и фс'ё над'ёлл'ь (276–292–181 %N

Н*—) | эт'ьха | так'йхъ | пал'к как'йх-та на палк' на эт'ь кьк п'эшн'ь на фс'э над'элл'и (164–276–194–207 Н*LN%) | и фс'эу з заводь (213–290–139 %Н Н*—) | л'ас'н'ич'ь | раббч'ьх сн'аль (114–217–196–219 (L+N*LN%)) | фс'эх на маст|| (Пример № 397–11). Курсор находится в начале выделенного гласного.

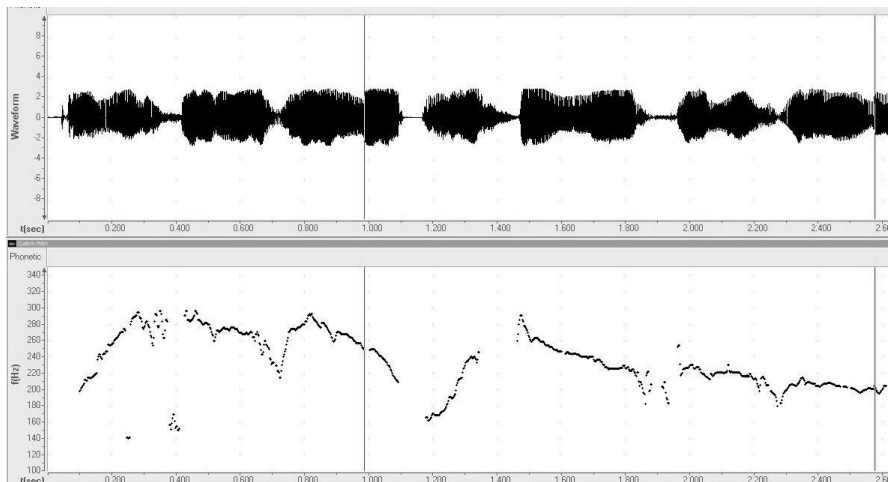

Рисунок 16. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенного отрывка из фразы [ан'и фс'э над'элл'ь (276–292–181 %Н Н*—) | эт'ьха | так'йхъ | пал'к как'йх-та на палк' на эт'ь кьк п'эшн'ь на фс'э над'элл'и (164–276–194–207 Н*LN%) | и фс'эу з заводь (213–290–139 %Н Н*—) | л'ас'н'ич'ь | раббч'ьх сн'аль (114–217–196–219 (L+N*LN%)) | фс'эх на маст|| (Пример № 397–11). Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

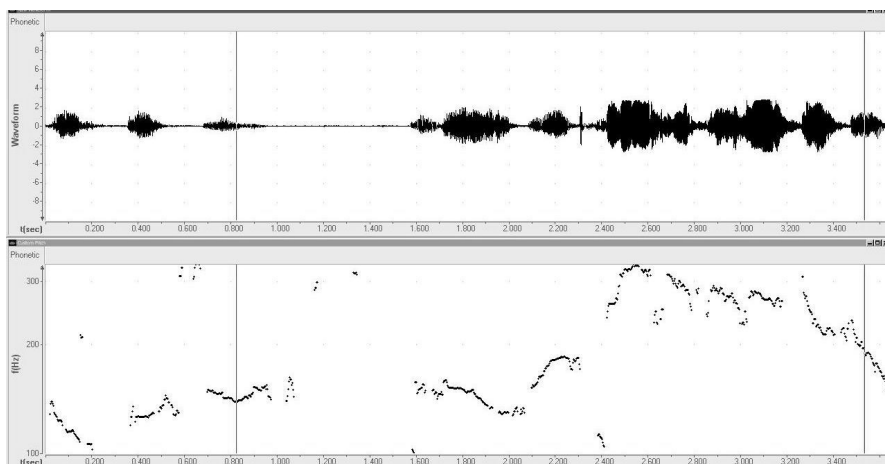

Рисунок 17. Осциллограмма (вверху) и график изменения частоты основного тона (внизу) выделенного отрывка из фразы [а то вот ш:'ас йш' какóй л'ёс зас'ёл да сáмгј дь ҃аршóна:ј (133–112–148) (123–151–140–152 L+H*LN%) | и б'ир'из'н'ák | Информант № 2: пр'ám óкълъ гаршóшнъј (280–215–151 H+L*L%) бълъ рóш ||] (Пример № 399–8). Курсоры находятся в начале выделенных гласных.

Литература

- Аванесов 1949а — *Аванесов Р. И.* Очерки диалектологии рязанской мещеры. I. Описание одного говора по течению р.Пры // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* Том I, М., 1949.
- Аванесов 1949б — *Аванесов Р. И.* Очерки русской диалектологии. М., 1949.
- Брызгунова 1977 — *Брызгунова Е.А.* Анализ русской диалектной интонации // *Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии.* М., 1977.
- Брызгунова 1980 — *Брызгунова Е.А.* Интонация // *Русская грамматика.* Т. 1. М., 1980.
- Горячева, Князев, Пожарицкая 2008 — *Горячева Ю.В., Князев С.В., Пожарицкая С.К.* Соотношение инициации, фонации и артикуляции как элемент речевой базы диалекта (на материале говора д. Деулино) // *Фонетика и нефонетика. К 70-летию Сандро В. Кодзасова.* М., 2008.
- ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка* Центр европейской части СССР. В трех выпусках / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика., М., 1986, карта № 25 «Различение или совпадение гласных на месте *e* (из **e* и **ь*) и *и* в задарном конечном закрытом слоге перед твердыми согласными».
- Касаткина 2002 — *Касаткина Р. Ф.* Заметки о южнорусской интонации // *Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII).* М., 2002.
- Князев, Левина, Пожарицкая 1997 — *Князев С.В., Левина А.Н., Пожарицкая С.К.* О говорах Верхней Пинеги и Выи // *Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания.* Выпуск VII. МГУ, 1997.
- Кодзасов 2000 — *Кодзасов С.В.* Скрытая просодия слова и звуковые изменения (на материале говора д. Деулино Рязанской области) // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия. Доклады и тезисы научной конференции.* 29 мая – 2 июня 2000 г. М., 2000.
- Кодзасов, Кривнова 1977 — *Кодзасов С.В., Кривнова О. Ф.* Фонетические возможности гортани и их использование в русской речи // *Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики.* М., 1977.
- Кузнецов 1949 — *Кузнецов П. С.* О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // *Материалы и исследования по русской диалектологии.* Т. 1. М., 1949.
- Тамбовские говоры. Фонохрестоматия — *Щербак А. С.* (ред.), *Пискунова С. В., Моисеева Л. В., Евстигнеев А. Н.* Тамбовские говоры. Фонохрестоматия (<http://93.186.97.70:81/kraeved/upload/dir/bibl/govor/introduction.htm>)
- Теплова 1981 — *Теплова В. Н.* О задарном вокализме после твёрдых согласных в русских говорах // *Диалектология и лингвогеография русского языка.* М., 1981.
- Теплова 1983 — *Теплова В. Н.* О вокализме задарного конечного открытого слога после твердых согласных в акающих говорах русского языка // *Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования.* М., 1983.
- Чекмонас 1993 — *Чекмонас В.* «Слоговые интонации» и длительности безударных гласных в горе д. Деулино // *Исследования по славянскому историческому языкознанию. Памяти профессора Г. А. Хабургаева.* М., 1993.
- Янко 2007 — *Янко Т.Е.* Интонация речевых действий. Многозначность или диффузность значений? // *Труды международной конференции «Диалог 2007».* М., 2007.

- Krivnova 2003 — *Krivnova O.F.* F₀-cues to Text Phrasing in Russian (Acoustic Analysis and Perception) // Proceedings of International Workshop (SPECOM-2003). М., 2003.
- Odé 2008 — *Odé C.* Transcription of Russian Intonation, TORI. An Interactive Research Tool and Learning Module on the Internet // Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavistics, Ohrid: Linguistics (SSGL 34). Amsterdam – New York: Rodopi, 2008, 431–449.
- Ohala 1978 — *Ohala J.J.* Production of Tone // *Tone: A Linguistic Survey*. Ed. Victoria A. Fromkin. New York, 1978.
- Ohala and Ewan 1973 — *Ohala J.J., Ewan G.* Speed of Pitch Change // *Journal of the Acoustical Society of America*. 53, 1973.
- Pierrehumbert 1980 — *Pierrehumbert J.* The Phonology and Phonetics of English Intonation. PhD thesis, MIT. 1980.
- Pierrehumbert and Hirschberg 1990 — *Pierrehumbert J., Hirschberg J.* The Meaning of Intonational Contours in the Interpretation of Discourse // *Intentions in Communication*. Cambridge: MIT Press, 1990.
- Steedman 2000 — *Steedman M.* Information Structure and the Syntax-Phonology Interface // *Linguistic Inquiry*, 31. 2000.
- Sundberg 1979 — *Sundberg J.* Maximum Speed of Pitch Changes in Singer and Untrained Subjects // *Journal of Phonetics*. 7, 1979.
- Trask 1996 — *Trask R.L.* A Dictionary of Phonetics and Phonology. London, Routledge, 1996.

Summary

Phonetic Realization of Final Unstressed Vowels as a Function of Boundary Tones in Some South Russian (Ryazan') Dialects

The phonetic realization of poststressed vowels is analyzed as a function of prosodic structure of intonational phrase in some South Russian (Ryazan') dialects. The presence of two boundary tones in these dialects is postulated as opposed to the only low one in Standard Russian; the lack of intonational group final unstressed vowel's reduction being associated with high boundary tone.

Дмитровское диссимилиативное яканье в говорах Белгородской обл.*

В июле 2006 года сотрудники Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН И. И. Исаев, О. Г. Ровнова, Д. М. Савинов со студентами Московского гуманитарного педагогического института обследовали говор села Берёзовки Ивнянского района Белгородской области. Населенный пункт расположен на севере Белгородской обл., приблизительно в 50 км к северу от Белгорода. Ранее село относилось к Обоянскому уезду Курской губернии.

Выбор места для обследования неслучаен. Это село входит в сетку обследования Диалектологического атласа русского языка, и в 1952 году материал по программе атласа здесь собирали И. А. Оссовецкий и студенты Курского педагогического института (Архив ДАРЯ, Ю-492). Данные ДАРЯ свидетельствуют о том, что Берёзовка находится на территории распространения довольно редкого типа предупредительного вокализма после мягких согласных — дмитровского диссимилиативного яканья (ДАРЯ 1986: карта 8). Этот тип яканья был определен на основании следующих примеров¹:

Перед а: с'в'икра́, з'имл'а́, в'исна́, с'истра́, б'ида́, н'и з'ива́й, л'ита́т', с'т'ир'иу́ла, уз'и́ла, м'ита́л, в'иза́нку, п'итна́тцѣт', даро́уу зѣп'и́ла², пѣт'ир'а́л, с'им'и́а.

Перед е (из *ѣ, *ь и *е): т'ѣмн'ѣт', н'и пѣв'ил'ѣл, пѣл'ид'ѣт', на с'т'ик-л'ѣ, у в'идр'ѣ, у ѣн'из'д'ѣ, пѣб'ис'ѣдѣват', н'ид'ѣл'у; т'ип'ѣр'иш'а, д'ир'ѣу-н'а, ииш'м'ѣн', н'ис'ѣт', нѣпр'ид'ѣт', с'м'и́еѣцѣ.

Перед о (из *ω): в'асно́й, с м'атло́й, т'в'атбо́у, д'ало́у, к с'адбо́й стару́х'и, п'атрбо́у д'ен', ѣау́р'ий, т'аплó, с'т'аклó, в'аслó, в'адрó, ѣн'аздó, п'атнó, р'аднó, рѣс'с'в'алó.

Перед о (из *о и *ѳ): в'аслóм, за с'алóм, з'арнóм, в'адрóм, р'аднóм, п'ат-нóм, с'адбо́й мужы́к, н'амóй (м. р.), р'аднóй холст; в'ирхóм, с м'ишкóм, м'идóк, л'идóк, б'илóк, л'исóк, в'инóк, с н'иу́б.

Перед о: т'ил'онкѣ, с'т'ир'ох, б'ир'озѣу́ка, в'из'онк'и, з'ил'онѣй, з'им-л'о́у; пл'аш'ó, м'ажбо́у.

Перед у, ѣ, и: к ѣаму́, т'ялу́шку, н'и пѣв'арну́, пр'ив'азу́, пр'адут', н'аску́, пѣб'ал'у́, пѣс'т'ал'у́; у с'астры́, к с'астры́, с'адѣи, ѣазы́к, с'в'атѣх, л'а-

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 07-04-00243а.

¹ Написание примеров дается в соответствии с рукописным источником.

² Ср. у Даля с пометой «южное»: Запѣсть и запѣть 'удерживать, останавливать кого-либо, не допускать до чего-либо, мешать' (Даль 4, I, стб. 1533).

жы́т', д'ажы́; с'ард'ита́й, н'акл'и́, кр'ас'т'и́л'и, б'ау'и́т', ул'ад'и́, б'ар'и́-т'а, р'аз'и́нвыи, ув'с'ан'и́, зьпр'ат'и́л'и, л'ас'н'и́ш'и́й, м'ашк'и́.

После твердых согласных в говоре отмечается диссимилятивное аканье жиздринского типа с противопоставлением в первом слоге [а] || [а³], то есть *а*-широкого и *а*-узкого (ДАРЯ 1986: карты 1, 2):

Перед *а*: *ска́з'а́л'и, скла́да́йут', ста́кан, ба́ра́ны, ва́н'а́йа, та́да́, н'и́д'да́ла́.*

Перед остальными гласными: *т'эпар'и́шиа, ва́лы, па́лын', свайу́, паи́л'у́т', н'икаму́, да́мн'о, ва́лоў, за́бо́та, са́по́х, аднаў'о, ув'адн'о́м, да́л'о́ка, ба́л'е́йа, ст'эра́н'е́, у с'ел'сав'е́т'а, мау'е́т'.*

В единичных случаях на месте [а³] в положении перед ударным *а* могут выступать также звуки [а], [э] и [ы]: *ув'анба́р'а, н'э́б'э́р'э́зда́х, т'э́да́, трыва́.*

Материал, собранный в 2006 году, позволяет скорректировать данные Диалектологического атласа, прежде всего уточнить типы аканья и яканья, характерные для говора Берёзовки, а также сделать некоторые выводы относительно развития вокалических систем. После твердых согласных в говоре отмечается диссимилятивное аканье со следующими отношениями между ударными гласными и гласными первого предударного слога. Перед ударными *а* обычно произносится звук [э], реже — более открытый [а]; перед гласными верхнего подъема всегда отмечается широкий [а]; этот же гласный фиксируется и перед ударным *е* (из **е* и **ё*). Перед гласным *о* отмечаются звуки [а] и более узкий [а], приближающийся по качеству к предударному гласному, находящему в позиции диссимиляции перед ударным *а*. При этом в ряде случаев даже широкий [а], находящийся перед *о*, уступает по длительности ударному гласному. Изредка в этой позиции фиксируется звук [э]. На рис. 1–7 представлены осциллограммы и спектрограммы гласных [а], [а] и [э] в позиции перед различными ударными гласными. На графиках видно, что предударные гласные отличаются перед гласными *у, и, е, с* одной стороны, и *о* и *а* — с другой.

Перед *а*: *капа́л'и, дрэва́м'и, дэ́рэу́йэ, пэ́мэу́йу, сэма́ныи, зэма́шныи, на́у́а, зэ́бра́ла́, пэ́шла́, ба́л'а́т', дэ́ја́рэк, сэ́ја́ны, ма́ја; пэ́забра́ла́, са́ра́йу, ка́са́м'и, ка́пна́, кэ́рава́и.*

Перед *е* (из **ё*, **ь* и **е*): *зэба́л'е́л, ш'ила́в'е́к, нэ́уа́р'е́, са́с'е́т, па́је́ла, кла́д'е́ш, хэ́ла́д'е́ц, ка́р'е́ц, ка́н'е́шнэ́.*

Перед *о* (из **ω*, **о* и **ь*): *па́д'у́ру; ба́уно́, са́ло́мэ, за́ко́н'ш'и́л, пла́тк'о́м, пла́тош'ку, ба́л'ш'о́й (м. р.), сна́пош'к'и, па́то́м; ка́ро́ўку, за́рабо́ту, ма́ло́жэ́, дэ́рау́оуэ, ша́хв'о́р, ка́т'о́нэк.*

Перед *и, ы, у*: *ка́рм'и́лэ, ва́с'м'и́, ма́лат'и́лкэ, пау́и́блэ, ва́ды, пра́бы́л'и, ма́шы́нэ, свайу́, нэ́ма́ст'у́, пэ́мау́у́, ста́ру́хэ́.*

Таким образом, в говоре отмечается особый тип аканья, при котором гласные типа [э] и [а] произносятся не только перед ударным *а*, но и перед ударным *о* любого происхождения (несколько чаще перед *о* из **о* и **ѣ*). Поскольку гласный не-[а] последовательно употребляется только в позиции перед ударным *а*, а перед *о* звуки [э] и [а] — лишь возможные варианты наряду с более часто встречающимся [а], то условно эту модель можно охарактеризовать как жиздринское диссимилиативное аканье с элементами (перед ударным *о*) прохоровского диссимилиативного аканья, на существование которого впервые указала Т. Ю. Строганова³.

После мягких согласных перед ударным *а* независимо от твердости / мягкости следующего согласного произносится звук [и], перед гласными верхнего подъема *и*, *ы*, *у* — звук [а]. Также не отмечено исключений перед ударным *е* разного происхождения: в этой позиции всегда произносится [и]. Значительно более трудно интерпретировать закономерность произношения гласных [и] и [а] перед *о*: в этой позиции вне зависимости от происхождения ударного гласного в первом предударном слоге возможны как [и], так и [а].

Перед *а*: *в'изáл'и*, *в'иснá*, *с'им'инá*, *выр'изáл'и*, *л'ижáлэ*, *м'ишкá*, *з'ирнá*, *д'ир'ив'áшк'и*, *стр'иш'áйуцá*, *т'ил'áтэк*, *з'имл'á*, *в'итр'áк*.

Перед *е* (из **ѣ*, **ѣ* и **е*): *з'ерн'е*; *с'ил'е*, *пэул'ид'элэ*, *пэс'ид'элэ*, *н'ив'эстэ*, *пэ з'имл'е*, *д'ит'ей*, *б'ир'еш*, *н'ис'ет*, *пр'ив'из'ет*, *р'им'ен*.

Перед *о* (из **ѡ*): *з'арнó*, *с'алó*, *в'ис'алó*, *в'аснóй*, *м'ашкóй*, *л'асóй*, *с'в'атóй* (ж.р.), *м'ет'с'астрóйу*, *д'ив'анóстэ*, *п'атрóй*, *кэт'ахóукэ* (улица в Берёзовке); *с'истрóйу*, *б'ил'мó*.

Перед *о* (из **о* и **ѡ*): *с'адóй* (м.р.), *с'в'атóй* (м.р.), *д'ир'в'анóй* (м.р.), *з'имл'анóй* (м.р.), *шэрс'т'анóй* (м.р.), *с'алóm*, *в'адрóm*, *хр'анкóm*; *м'ишók*, *л'исók*, *п'исók*, *б'илók*, *б'илкóm*, *л'искóm*, *п'искóm*, *б'ил'мóm*, *б'иуóm*, *в'ирхóm*, *п'ишкóm*, *с'в'икрów'йа*, *с'в'икóлэш'ку*, *м'ишóш'ик*, *пэур'ибóш'ик*, *йиуó*, *н'иш'иуó*, *у н'иуó*.

Перед *о*: *з'амл'óйу*; *з'имл'óйу*, *п'ин'ók*, *пл'иш'ó*, *б'ил'jó*, *тр'ип'jó*, *п'ин'к'óm*, *пл'иш'óm*, *б'ил'jóм*; *йайцó*.

Перед *и*, *ы*, *у*: *б'ар'ит'а*, *зэл'ал'и*, *м'ашк'и*, *нэ з'ами*, *р'аз'инкэ*, *с'астр'ицэ*; *д'ир'в'анби*, *с'астры*, *йазык*; *б'арут*, *в'азут*, *зэв'арнул'и*, *у м'ашку*, *с'астру*, *зэб'арут*, *пр'ин'асу*, *кр'апл'ус'а*, *п'аши'урэк*, *иш'м'ан'у*.

В результате обобщения и систематизации материала выявлены следующие взаимоотношения между элементами системы: **перед ударным *о* из **ѡ***

³ Этот тип назван прохоровским по соседнему с Ивнянским Прохоровскому р-ну Белгородской обл., где он и был впервые отмечен.

обычно произносится [а], однако в этой позиции также возможен звук [и] в следующих случаях:

а) В Тв. п. существительных 1 скл. (наряду с [а]): *с'истро́йу*;

б) В позиции перед мягким согласным: *б'ил'мо́*.

Перед ударным о из *о и *ь гласный [а] отмечен:

а) в И. п. прилагательных м. р.: *с'адб́й, с'в'атб́й*;

б) в Тв. п. существительных ср. р.: *с'ало́м, в'адрóм* (в единичном примере в Тв. п. от существительного м. р.: *хр'анко́м*);

Звук [и] **перед ударным о** из *о и *ь фиксируется в следующих формах:

а) у существительных с финалью -ок: *л'исо́к, н'исо́к*;

б) в Тв. п. этих существительных, а также у существительных 2 скл. в позиции перед мягким согласным: *л'иско́м, н'иско́м, б'ил'мо́м*;

в) в наречиях, образованных от Тв. п. существительных 2 скл.: *б'иу́ом, в'ирхо́м*;

г) в Р. п. местоимений типа *его*: *йиу́о, н'иш'иу́о, у н'иу́о*;

д) у существительных с ударением на основе: *с'в'икрoв'йа, с'в'икoлэш'ку, м'ишoш'ик, пэур'ибош'ик*.

Перед ударным 'о обычно произносится звук [и], гласный [а] в этой позиции возможен только как вариант в форме Тв. п. существительных 1 скл.: *з'имл'о́йу* и *з'амл'о́йу*.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что в первом предударном слоге после мягких согласных отмечено употребление звуков [и] и [а] перед ударным *о*. Распределение гласных в этой позиции необъяснимо в синхронном плане и не может быть однозначно интерпретировано в рамках принятой классификации моделей диссимилятивного яканья. Однако сама нерегулярность, возникшая в результате утраты прежних фонетических закономерностей, является следствием развития исходной системы и дает материал для изучения вокализма говора в развитии. С одной стороны, отмечаемое в некоторых позициях распределение звуков [и] и [а] перед ударным *о* в зависимости от его происхождения свидетельствует о генетической связи существующего типа вокализма с архаическим яканьем обоянской разновидности. С другой стороны, однотипные закономерности произношения гласных перед ударным *е* разного происхождения, а также наличие [а] перед *о* из *ь в некоторых грамматических категориях являются элементами новой системы вокализма: формируется суджанское диссимилятивное яканье.

Особенностью исследуемого говора является наличие в нем пяти гласных фонем, лишь спорадически на месте этимологического *ё* отмечаются нисходящие дифтонги типа [е̞е]: *зэбал'е̞ел, ш'илав'е̞ек* (см. рисунок 7). Сущест-

вующее распределение звуков [и]||[а] в первом предударном слоге перед гласными среднего подъема определяется не качеством ударного гласного, а особенностями конкретной позиции и формируется под влиянием следующих факторов: фонологических (положение перед мягким согласным), грамматических (особенности звукового оформления различных форм существительных и прилагательных) или лексических (наличие постоянного ударного гласного основы). Закреплению произношения гласного в первом предударном слоге способствует наличие в говоре противопоставления [и] – не-[и]. Звук [е] не характерен для этой позиции, а при появлении может быть классифицирован только как один из вариантов звукотипа не-[и].

Происходящие изменения не затрагивают диссимилиативную основу говора, они лишь способствуют перераспределению звукотипов перед ударными гласными среднего подъема. Процесс еще не закончен, в позиции перед *о* исследуемый говор пока не выработал стереотип произношения предударных гласных, что определяет возможность дальнейшего перераспределения нагруженности звукотипов и изменения модели диссимилиативного вокализма. Об этом свидетельствует появление вариантов в идентичных грамматических формах: *л'искѡм*, но *хр'анкѡм*, *с'устрѡйу*, но *м'ет'с'астрѡйу*. При этом распространение гласного [и] перед ударным *о* из **ω* связано не только с воздействием икающей нормы литературного произношения, но обусловлено логикой изменений самой системы вокализма — в частности, тенденцией унификации звукового состава основы. В этом аспекте особую значимость приобретает факт наличия / отсутствия двух этимологических *о* (из **ω* и из **ο*) в парадигме единственного числа.

На произношение различных падежных форм существительных наибольшее влияние оказывают особенности звукового оформления именительного падежа как самого употребительного и наиболее независимого грамматически — во всяком случае, для этой части речи. Именно именительный падеж предопределяет закрепление одного из звукотипов ([и] или не-[и]) в формах творительного падежа существительных I и II склонения, выбор гласного зависит от падежной парадигмы, а также от родовой принадлежности конкретного слова. Например, в диссимилиативной системе вокализма формы *с'устрѡ*, *в'иснѡ* дают право на существование вариантам *с'устрѡйу*, *в'иснѡйу*; формы *с'алѡ*, *в'адрѡ* — вариантам *с'алѡм*, *в'адрѡм*, а *пл'иш'ѡ*, *б'ил'мѡ* — вариантам *пл'иш'ѡм*, *б'ил'мѡм*. Подобная направленность влияния также связана с низкой частотностью в речи форм творительного падежа. По данным М. Н. Петерсона, описавшего синтаксис говора с. Дорофеева Орехово-Зуевского р-на, падежные конструкции с творительным падежом составляют всего 6% от об-

шего количества падежных конструкций [Петерсон 1939, 59]. Впрочем, любой диалектолог на собственном опыте знает, как мало шансов встретить в речи информанта формы творительного падежа при пассивном ожидании.

Взаимовлияние произносительных особенностей различных падежей, в результате которого происходит устранение чередования [и]~[а] или сохранение однотипной закономерности перед ударным *о*, характерно для форм словоизменения единственного числа. Наличие ударного *о* в парадигме множественного числа не играет значительной роли, что связано с общей тенденцией к «выделению форм множественного всех существительных в особый, самостоятельный тип склонения», впервые обозначенной В.Н. Сидоровым (Воронцова 1979: 16). Так, на сохранение предударного гласного в форме *м'ишкѡм* решающее влияние оказывает форма *м'ишѡк* (как и *с'алѡм* ← *с'алѡ*), однако для нее абсолютно не значимо наличие формы *м'ашкѡѷ*, что лишний раз подтверждает идею о противопоставленности множественного числа единственному, в данном случае — по звуковому оформлению основы. Тогда как возможное сохранение чередования [и] || [а] перед *о* в пределах одной парадигмы (*с'алѡ*, но *с'илѡм*) является избыточным средством различения форм словоизменения, и потому устраняется системой.

Другая модель грамматической аналогии действует у прилагательных и местоимений. Имена прилагательные только в форме И. п. м. р. имеют *о* из *ѡ, для всех остальных форм как мужской, так и женской разновидностей склонения под ударением характерен *о* из *ѡ. Поскольку в парадигме преобладают формы с ѡ в окончаниях, а И. п. прилагательных имеет значительно меньшую, чем у существительных, грамматическую независимость, выравнивание гласного основы происходит по модели косвенных падежей: *с'адѡй* (как лунь) ← *с'адѡѷ* или у *с'адѡй*.

У местоимений в форме Р. п. (типа *его*) при отходе от архаического вокализма предударный [и] обычно сохраняется, то есть обобщения с основой Д. п. не происходит (Савинов 2002: 266–267). Видимо, это связано с высокой частотой появления (по выражению С.С. Высотского, «приболтанностью») формы Р. п. местоимений в речи. Кроме того, наиболее часто употребляемую форму *его* со значением принадлежности можно рассматривать как неизменяемое притяжательное местоимение, которое лишь генетически связано с формой Р. п. личного местоимения *он*.

К.Ф. Захарова писала, что в тех говорах, где звук [и] мог употребляться «не только в соответствии с (и), но и в соответствии с ⟨а, о, е⟩, создавались условия для преимущественного распространения иканья». Именно этой особенностью, по мнению автора, «объясняется легкое проникновение иканья в

говоры с диссимилиативным яканьем» (Захарова 2000: 60). С этим нельзя не согласиться, однако появление в первом предударном слоге звука [и] как основного варианта, противопоставленного [а], само по себе не служит объяснением распространения иканья, но свидетельствует о внутренней перестройке системы предударного вокализма. При переходе системы противопоставления от [а] – не-[а] к [и] – не-[и] прекращается действие прежних фонетических закономерностей, поскольку образуется новая фонологическая модель. В зависимости от различных условий звук [и], являющийся основным вариантом фонемы /и/, противопоставляется гласному [а], реализующему фонемы /а/, /о/, /е/. Поэтому даже в системе архаического яканья обоянской разновидности, поддержанного семифонемным вокализмом, появление того или иного варианта зависит уже не только от фонетической позиции, но также от различных фонологических или лексико-грамматических условий. Подобная система, как правило, изменяется лишь за счет закрепления или распространения одного из звукотипов в определенных формах или словах, а также за счет распространения [и] перед фонологически мягкими согласными.

Разумеется, произношение более переднего гласного в некоторых позициях характерно и для задонского диссимилиативного яканья, однако в говорах с этим типом вокализма обычно еще не окончательно сформирована корреляция согласных по твердости / мягкости. Переход в передний ряд и повышение подъема предударного гласного напрямую зависят от качества ударного. В качестве примера можно привести говор села Роговатого Старооскольского района Белгородской области, обследованный нами в 2007 году. Здесь появление в первом предударном слоге упрежденного гласного, зачастую неоднородного звука, связано с позицией перед ударным *е* или перед дифтонгами с начальной *е*-образной фазой: [еи], [ео], [еа]. Развитию системы противопоставлений [и] – не-[и], видимо, сопутствует и окончательное формирование корреляции согласных по твердости / мягкости. При переходе к новой системе происходит распространение [и] на месте [е] в позиции перед мягким согласным, то есть происходит фонологизация фонетической закономерности.

Эта фонологическая модель зависимости от твердости / мягкости согласного наиболее проста и потому достаточно продуктивна в говорах с диссимилиативным яканьем. Она приходит на смену фонетической зависимости, стирая многие характерные черты прежней системы вокализма. Например, архаическим типам диссимилиативного яканья свойственно появление *ω* после мягких согласных в некоторых суффиксах и флексиях, что объясняется аналогией с твердой разновидностью парадигмы (Захарова 1959: 11). Перед

’*ω*, так же как и перед исконной фонемой *ω*, произносится звук [а]: *б[’а]ль[’ω]* и *пл[’а]ч[’ω]* (как *с[’а]л[’ω]*), *з[’а]мл[’ω]й* и *с[’а]мь[’ω]й* (как *в[’а]сн[’ω]й*), то есть различие предударных гласных полностью основывается на фонетической зависимости от подъема ударных гласных. После утраты фонемы *ω* произношение в этой позиции гласного [а] обычно сохраняется, закрепляясь за определенными грамматическими формами.

Однако новая фонологическая модель нарушает этот параллелизм закономерностей произношения предударных гласных в положении перед мягкими и перед твердыми согласными. В результате действия этой тенденции основным произносительным вариантом в этой позиции становится звук [и]: *пл’иш’ó*, *б’ил’jó*, *тр’ип’jó*. Особенно отчетливо на зависимость от мягкости согласного указывают произношения *б’ил’мó*, где под ударением произносится *о* (из *ω*), но *йайцó* и *м’ажóйу*, где *о* находится после отвердевших *ц* и *ж*. Сегодня действие этой закономерности ограничено только положением перед ударными гласными среднего подъема, однако в дальнейшем новая модель может также распространиться и на другие позиции.

Фонологические факторы оказываются сильнее грамматических и лексических, эта тенденция жива и продуктивна, а изменения системы происходят на наших глазах. Об этом свидетельствуют варианты *пл’аш’ó* (отмечен в 1952 году) и *пл’иш’ó* (запись 2006 года), *з’амл’óйу* (отмечен один раз у представителя старшей возрастной группы) и *з’имл’óйу* (более частотный вариант). Необходимо подчеркнуть, что на гласный оказывают влияние не какие-то акустические характеристики мягкого согласного (например, собственная длительность), а именно фонологическая модель: [и] произносится перед мягким согласным. Это подтверждает, например, появление звука [и] перед сочетанием согласных с последним мягким — дистантное фонетическое влияние в данном случае сомнительно. Кроме того, при постепенном переходе от грамматического выравнивания к фонологической зависимости в первом предударном слоге отсутствуют промежуточные ступени типа [æ], [e], [e^h] — вместо [а] сразу появляется [и].

На отсутствие живой фонетической зависимости также указывает произносительная система частиц, предлогов и приставок, находящихся в позиции предударного слога: в этой позиции отношения между предурными гласными могут быть только фонетически обусловленными, поскольку отсутствуют условия для лексикализации и грамматикализации произношения гласных. Собранный материал свидетельствует о том, что этой позиции последовательно проводится принцип иканья (за исключением единственной формы *н’амнóуэ*):

Перед а: б'исплáтнэ, н'и ул'án'а, н'ихáй, н'и знáйу, н'и ржáвл'инэи.

Перед е, о: н'и дéлэ, н'и јéл'и; н'и јéжжэ; н'и хóш'у, н'и пóмн'у, н'иуóднээ, н'иплóхэ.

Перед и, ы, у: н'и пр'ín'итэ, н'и в'íd'а, н'и рýлэ, н'и бýду, н'и нýс'т'ит', н'и нýжнэ.

После твердых согласных, так же как и после мягких, стереотип произношения гласного перед ударным *о* не выработан: в этой позиции возможен как [а], так и [а]. Думается, данный тип аканья свидетельствует о былом распространении в говоре архаического вокализма, отойдя от которого система еще не выработала новую произносительную модель. При этом диссимилиативная основа аканья сохраняется. Нельзя согласиться с исследователями, которые считают, что наличие в системе диссимилиативного яканья гласного [а] в позиции перед ударным *а* само по себе свидетельствует об ощущимом ослаблении диссимилиативного принципа вокализма. Как показывают последние исследования, подобная система отмечается во многих южнорусских говорах и проводится довольно последовательно (Касаткина 2000).

Таким образом, говор Берёзовки показывает логику развития архаического вокализма и представляет основные факторы, способствующие этому развитию. Аканье и яканье в исследуемом говоре имеют очень похожие закономерности произношения, что свидетельствует скорее об общей фонетической основе их исходного типа вокализма, нежели о единстве последующих изменений. Их общая судьба — утрата былой фонетической зависимости от семифонемного вокализма и разрушение позиционного чередования — определяет общую динамику и направление развития: поиск и тестирование нового произносительного стереотипа перед гласными среднего ряда, формирование новой, понятной модели предударного вокализма. Существующие сегодня типы вокализма можно определить как жиздринское диссимилиативное аканье с элементами прохоровского типа после твердых согласных и су-

Таблица 1.

Гласные под ударением	а	о	'о	е	ё	о	у	и
Типы предударного вокализма								
Диссимилиативное аканье Обоянского типа	и				а			
Диссимилиативное яканье Дмитровского типа	и					а		
Диссимилиативное яканье Суджанского типа	и	а (и)	и			а		

джанское диссимилятивное яканье с элементами архаического после мягких (см. таблицу 1). Как известно, суджанский тип представлен в русских говорах в нескольких структурных разновидностях (Захарова 1970: 20, 23), поэтому выделение в говоре особой дмитровской модели диссимилятивного яканья нецелесообразно.

Литература

- Воронцова 1979 — *Воронцова В. Л.* Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М., 1979.
- Даль⁴ — *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 4-е изд. / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.–М., 1912. Т. I–IV.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под. ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.
- Захарова 1959 — *Захарова К. Ф.* Архаические типы диссимилятивного яканья в говорах Белгородской и Воронежской областей // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 1. М., 1959.
- Захарова 1970 — *Захарова К. Ф.* Типы диссимилятивного яканья. АКД. М., 1970.
- Захарова 2000 — *Захарова К. Ф.* «Слабые» фонемы предупредного вокализма в русских говорах // Фортунатовский сборник. Отв. ред. Е. В. Красильникова. М., 2000.
- Касаткина 2000 — *Касаткина Р. Ф.* Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания, 2000, № 6.
- Петерсон 1939 — *Петерсон М. Н.* Говор села Дорофеева, Московской области, Орехово-Зуевского района (б. Рязанской губ., Егорьевского у.) // Труды МИФЛИ. Т. V. М., 1939.
- Савинов 2002 — *Савинов Д. М.* Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002.

Summary

Dissimilative Jakanje of the Dmitrov Type in the Dialects of the Belgorod Region

The article describes Belgorod dialect with dissimilative jakanje of Dmitrov type. Akanje and jakanje have many pronunciation features alike which prove, as the authors assert, their common phonetical base of the initial vowel-system. The further development dynamics is determined by searching for and testing the new pronunciation stereotype before the first row vowels, as well as the forming the new model of the pretonic vowel-system.

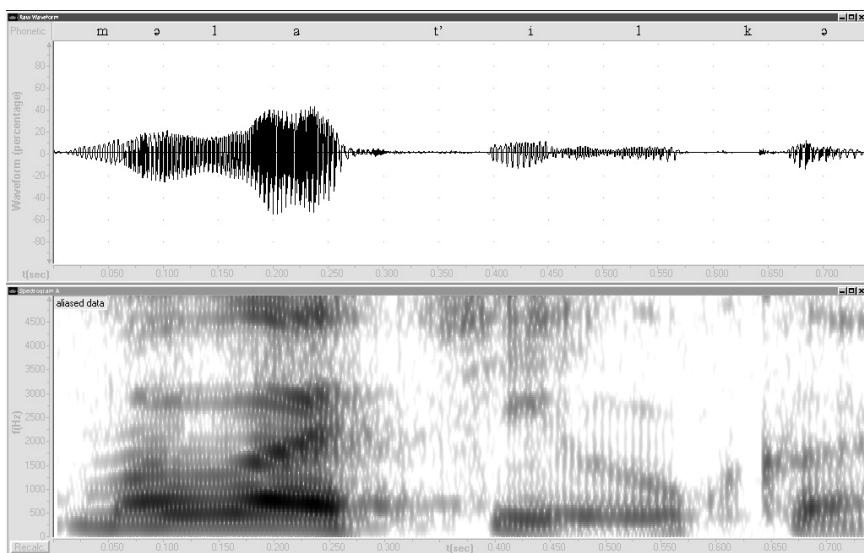

Рис. 1. Осциллограмма и спектрограмма формы *мэләт'ылкә*

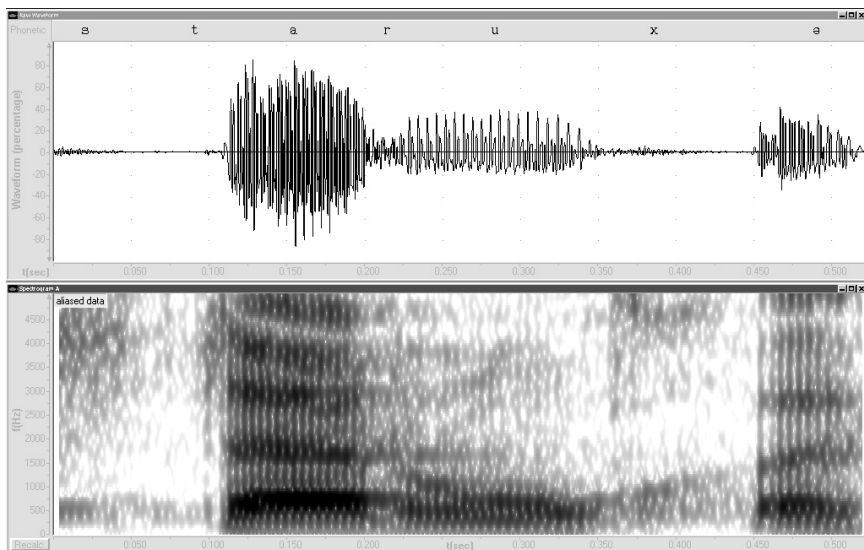
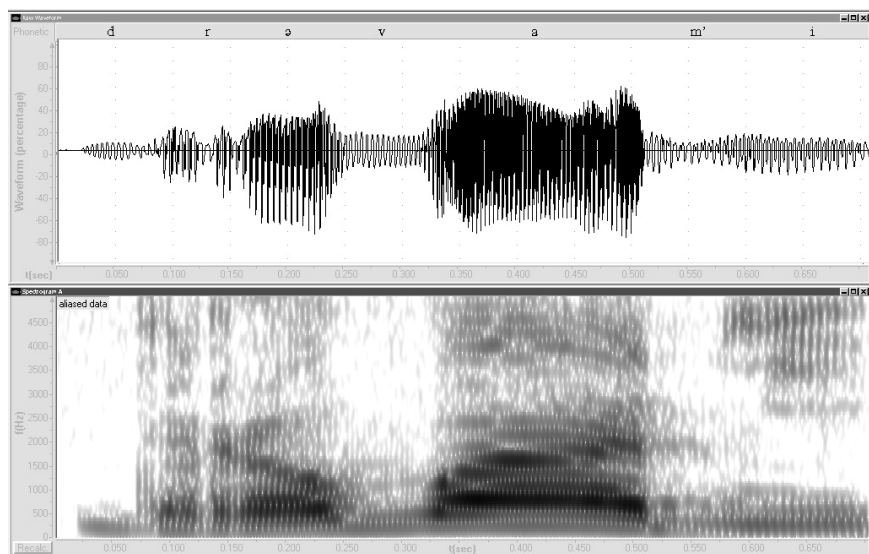
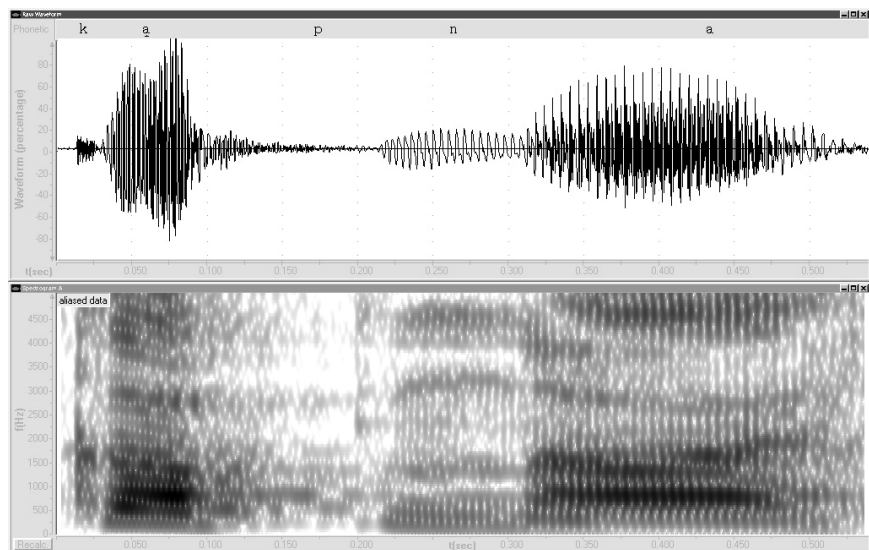

Рис. 2. Осциллограмма и спектрограмма формы *старухә*

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма формы *дрэвám'и*Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма формы *кáни*

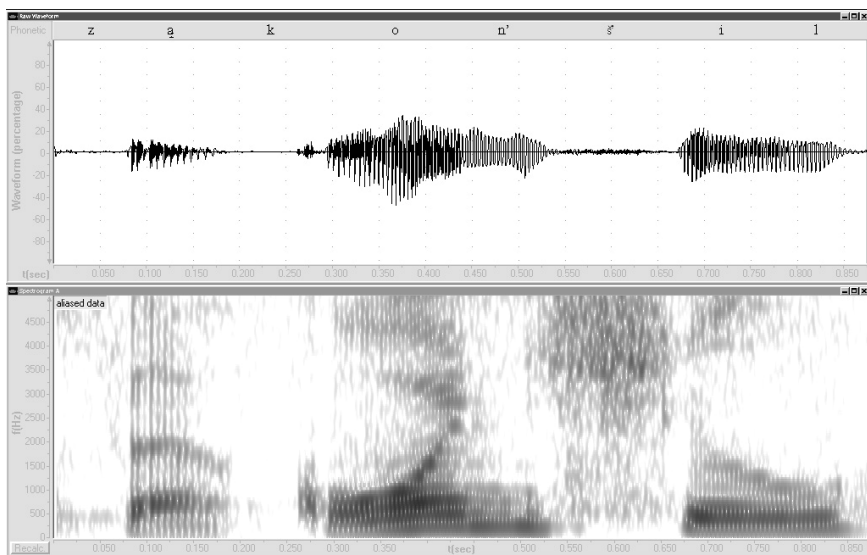

Рис. 5. Осциллограмма и спектрограмма формы *zakón'yi'ul*

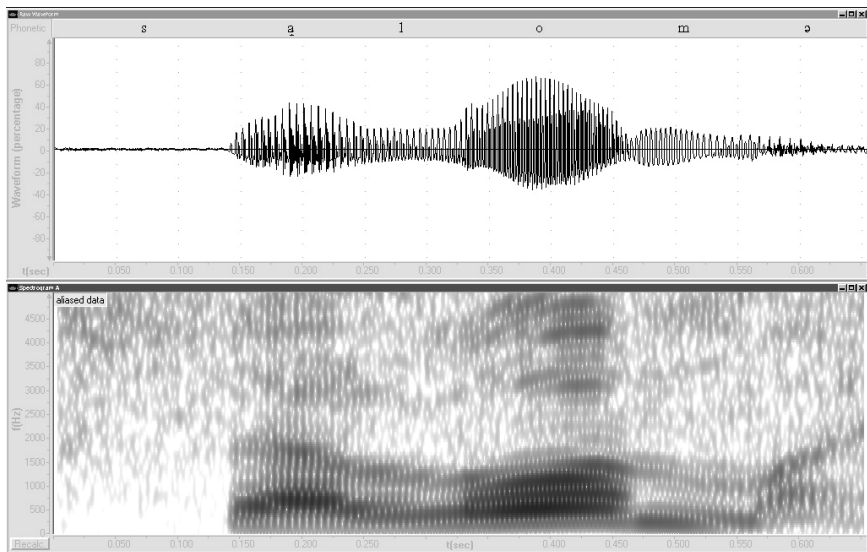

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма формы *salómə*

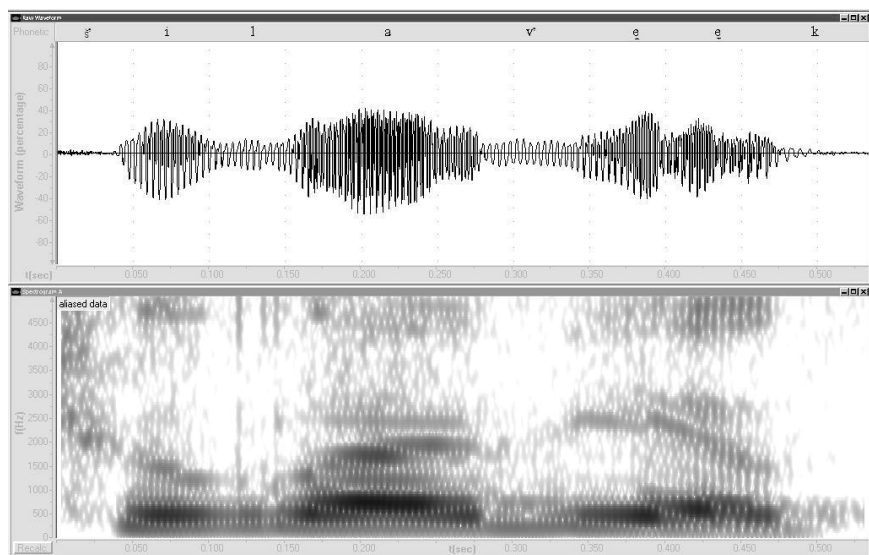

Рис. 7. Осциллограмма и спектрограмма формы *ш'лава* $\tilde{e}e_k$

Гласные слободского говора¹

Работа выполнена в рамках исследовательской темы Отдела диалектологии и лингвистической географии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Говор Харовского района Вологодской области». В Слободской сельсовет этого района было проведено несколько диалектологических экспедиций; материал, записанный в этих поездках, использован в статье.

Методика проведения анализа.

1. Количество слов, иллюстрирующих фонетические позиции в тексте, различно. Это определяется действующей синтагматикой говора и динамикой его развития. При сборе материала, как правило, набираются неравночисленные группы примеров на различные позиции. Частотность самих фонетических позиций в тексте значима для формирования совокупного фонетического образа говора.

2. Тенденции развития предупредного вокализма могут быть установлены даже на количественно ограниченном материале (несколько десятков примеров из спонтанной речи на интересующую исследователя позицию), при условии, что все необходимые для анализа позиции представлены. Для моделирования системы и ее модификаций (вариаций) могут быть использованы несимметричные массивы данных. Например, в речи диктора А встречено 100 примеров, *удовлетворяющих запросу*, в речи диктора Б — 300 примеров, а в речи диктора В — 5000 примеров. Для устранения обнаруженной несимметричности обрабатываются не абсолютные числа, а их относительные соответствия — процентные выражения.

3. Анализ материала показывает, что соотношение частот вариантов в количественно различных массивах будет практически одинаковым. Такая методика выявления сосуществующих вариантов была предпринята для анализа системы гласных в позиции первого предупредного слога после мягких согласных в говоре деревни Уляхино Гусь-Хрустального района Владимирской области (Исаев 2004). Кроме того, для выявления динамических компонентов внутри синхронного среза может быть использована методика вычисления коэффициента корреляции для групп информантов, представляющих различные речевые состояния говора. Такая методика позволяет математически подтвердить направление развития фонетической системы.

¹ Финансовая поддержка РГНФ: гранты № 05-04-18004е «Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН», № 03-04-00470а «Русская деревня XX века в рассказах ее жителей: язык, культура, личность», грант Президиума РАН «Диалектологические экспедиции Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН».

На статистической картине предударного вокализма хорошо выделяются «шумы». Это малочастотные элементы относительно свободного варьирования, которые могут представлять предшествующую или формирующуюся систему. Последнее свидетельствует о поиске системой наиболее уязвимой позиции для того, чтобы генерализовать в ней малочисленный, но *активный* и системно *допустимый* вариант и превратить его в «доминанту». Частотность доминанты значительно выше прочих вариантов.

4. Активность и системная допустимость — взаимодополняющие основы конкуренции между сосуществующими вариантами. Те фонетические варианты, которые обладают только одним из этих признаков, оказываются со временем вне пределов «конкурентной борьбы».

5. Для установления фонетической природы сосуществующих вариантов могут быть использованы компьютерные программы акустического анализа звука, однако основной целью исследования является описание поведения вариантов одной единицы, то есть ее функционирование в речи различных слоев говора. Это может быть сделано методом вычисления процентного соотношения вариантов в различных позициях.

6. При анализе статистической картины вариантности в говоре возникает сложность с оценкой высокочастотных слов (одно и то же слово, например, *тебе*); для статистических подсчетов это одна единица или разные? Надо полагать, что разные, так как их частотность наилучшим образом создает фонетический «фон» для становления фонетических тенденций в говоре или развития нового элемента. Этому способствует многократное транслирование одного фонетического образца, которое вырабатывает привычку носителя языка именно к такой синтагматике звуков и зависимости «звук» ↔ «позиция».

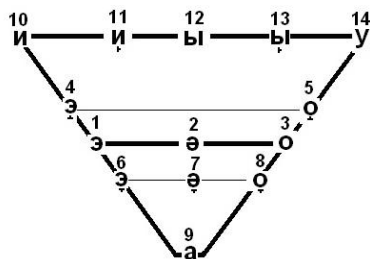
Гласные ударного слога

Часть, посвященная описанию гласных в слоге под ударением, является компилятивной. Она основана на работах, выполненных прежде Р. Ф. Касаткиной (Пауфошима 1983) и Л. Л. Касаткиным (Касаткин 1999: 154–170) и является лишь замечаниями к материалам новых экспедиций 2003–2004 года в Харовский район Вологодской области.

В этой части представлены динамические спектрограммы (сонограммы) типичных слов с указанием длительности компонентов полифтонгов, представляющих различные гласные фонемы в сильной фразовой позиции.

Рис. 1. *сóхи*, [сээ́эх'х'и]. Ударный гласный (полифтонг) реализует собой этимологический **o*-открытый (**o* под автоматическим ударением [Зализняк 1985: 168–179]). Общий вариант (модель) этого гласного обычно представля-

ется как неоднородный гласный [ou̯] — дифтонг с повышением подъема языка и усилением лабиализации в процессе артикулирования. Представление этого гласного в виде [ou̯] является лишь «структурной схемой», которая может наполняться различным фонетическим содержанием. Если сделать более детальную транскрипцию на основе анализа этого гласного², то будет получен иной результат — полифтонг [эə̞⁰o̞]. Сложный гласный разворачивается на всем пространстве от переднего ряда [э] до заднего [o̞] со скольжением из среднего подъема в средне-нижний [э–ə̞⁰–o̞]. Если описывать движение языка во время артикуляции этого гласного по условной схеме (ниже), то получится следующая формула: 1–2–7–8.

Длительность сегментов распределяется следующим образом (в секундах и процентах от общей длительности ударного гласного). Начальный нелабиализованный сегмент переднего ряда среднего подъема [э] — 0,04 с, что составляет 20% от общей длительности; неоднородный гласный с понижением подъема во время артикулирования и появлением лабиализованности в конце, в котором трудно выделить отдельные составляющие сегменты [эə̞⁰] — 0,07 с. (35%); гласный заднего ряда средне-верхнего подъема со слабой лабиализацией [o̞] — 0,09 с. (45%). Последний сегмент позволяет слушающему оценивать ударный гласный в слове *сѡхи* как дифтонг со вторым лабиализованным сегментом. В этом гласном выдерживается необходимый для точного восприятия контраст крайних звуков. В некоторых случаях (слабая фразовая позиция, высокий темп речи) контраст полярных частей полифтонга не может быть достигнут, тогда гласный, который в сильной фразовой позиции представлен широкой шкалой звуков, в слабой фразовой позиции может быть оценен как дифтонгоид со слабой неслоговой частью или же монофтонг.

Динамическая спектрограмма показывает интенсивность (громкость) частей полифтонга. Гласный [э–ə̞⁰–o̞] является *нисходящим*, то есть таким

² Все инструментальные исследования звуков речи выполнены с использованием программы акустического анализа PRAAT (<http://www.fon.hum.uva.nl/praat/>).

гласным, в котором распределение силы во времени носит спадающий характер. Это же показывает и артикуляционная «формула подъема» гласного 1–2–7–8.

Рис. 2. *зако́на*, [зако́бѐна^а]. Ударный гласный представляет этимологический *о-закрытый (*ω) (*о под автономным ударением [Зализняк 1985]). Полная модель гласного в сильной фразовой позиции — [yo]. Эта схема может быть реализована и на малом артикуляционном поле, например, в виде полифтонга [qбѐ], в котором пространство полифтонга несколько сужено за счет того, что вся амплитуда сложного гласного смещена вниз. Движение языка дает на нашей схеме кривую 5–3–2, распределенную в двух подъемах — средне-верхнем и среднем. Сегменты этого гласного примерно сопоставимы по длительности: [q] — 0,04 с. (28 %), [o] — 0,05 с. (36 %), [ѐ] — 0,05 с. (36 %). Гласный полифтонг является *восходящим*, то есть таким, в котором «распространение силы в его протекании носит нарастающий характер» (Пауфошима 1983: 23).

Рис. 3. *сѣду*, [с'ѣ́ду]. Неоднородный ударный гласный [ѣ́а] представляет фонему /а/. Особенность реализации этого гласного состоит в том, что сегмент гласного переднего ряда после мягкого согласного составляет примерно 42 % от общей длительности гласного. Такое распределение длительности (и примерно равной звучности) внутри дифтонга делает его почти равновесным, или истинным: [ѣ́] — 0,08 с. (42 %); [а] — 0,11 с. (58 %). Здесь происходит артикуляционное скольжение по шкале 6–9 с понижением подъема гласного. Так как возможности согласных ограничены нерегулярной палатализацией, то сам ударный гласный с очевидно выраженной передней фазой подчеркивает дизность всего слога. Подробнее об этом (Касаткин 1999: 365–375).

Рис. 4. *не возмѣ́т*, [нѣ́ возми́ѣ́т]. Гласный [и́ѣ́о] представляет фонему /о/, этимологический *е. После твердого [м] гласный [и́] получает позиционную отодвинутость назад [и́], следующие сегменты расположены в средне-нижнем ряду. Соотношение сегментов следующее: [и́] — 0,03 с. (20 %), [ѣ́] — 0,06 с. (40 %), [о] — 0,06 с. (40 %). Наличие слабо лабиализованного гласного [о] длительностью 40 % от общей достаточно для восприятия всего гласного как лабиализованного.

Рис. 5. *бе́днай*, [б'ѣ́днѣ́й]. Здесь представлен континуант этимологического *ѣ. Структурная схема этого гласного — [и́ѣ́]. Ударный гласный реализован сложным сочетанием [jѣ́], в котором начальная фаза переднего ряда обнаруживает характерный консонантный шум. Вполне вероятно, что это вызвано теми же причинами, что и в случае с *сѣду*. Соотношение сегментов показывает, что консонантная часть занимает почти половину общего звучания: [j] — 0,07 с. (43 %), [ѣ́] — 0,03 с. (19 %), [ѣ́] — 0,06 с. (38 %). Примеры с [j]

в препозиции гласному переднего ряда встречаются в говорах с неразвитой палатализацией согласных. В экспедициях последних лет такие системы встречены мною дважды — в селе Роговатое Старооскольского района Белгородской области и в говорах Приозерной Мещеры во Владимирской области.

Рис. 6. в избе, [в_ыз'б'иэ]. Ударный гласный здесь также восходит к *ѣ и представляет собой наиболее близкую к идеальной модели реализацию — [иэ]. Все же назвать этот гласный истинным (равновесным) дифтонгом нельзя, так как соотношение сегментов в нем нарушает искомую гармонию: [и] — 0,06 с. (27 %); [э] — 0,16 с. (73 %).

Материал показывает, что большинство «особых» реализаций гласных фонем достаточно далеко отстоит от образца и обнаруживает в соотношении сегментов вполне определенные тенденции устранения артикуляционной неоднородности. Это выражается в том, что часть дифтонга (полифтонга), которая совпадает с реализацией гласного в слабой фразовой позиции, значительно длительнее и/или сильнее другой части гласного.

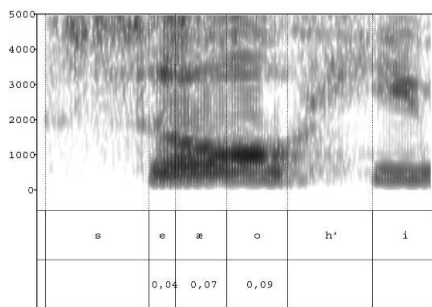

Рис. 1. [сээ̃ѣх'и] (соби)

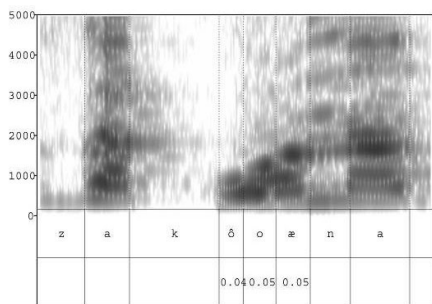

Рис. 2. [закѣѣна̃] (закон)

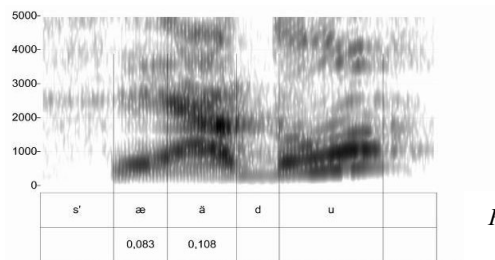

Рис. 3. [с'ǎду] (сяду)

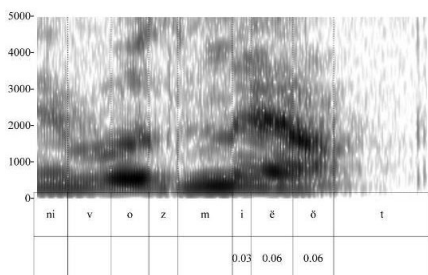

Рис. 4. [нѣ_возмиѣт] (не возмѣт)

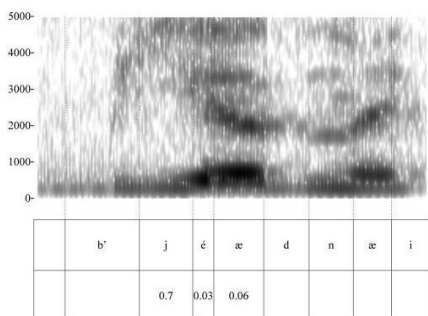

Рис. 5. [б'јѣднѣи] (беднай)

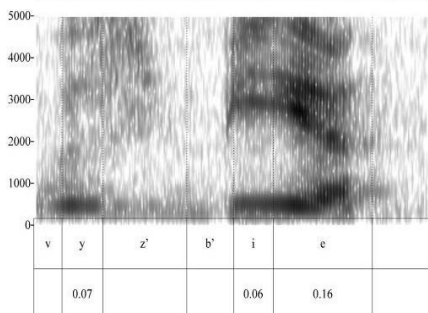

Рис. 6. [в_ыз'б'иѣ] (в избе)

Гласные первого предударного слога после твердых парных согласных

Как и большинство говоров Вологодско-Кировской группы, харовский говор характеризуется полным оканьем, то есть различием гласных фонем неверхнего подъема /o/ и /a/ в безударных слогах³. Качество и этимология ударного гласного не влияют на гласный, произносящийся в этой позиции. Качество согласного, следующего за предударным гласным (рис. 6 — *в_ыз'б'и* и *в_ыз'б'иэ*) также кардинально не влияет на предударный гласный, изменяя гласный лишь на уровне вариаций, а не вариантов (после мягкого или полумягкого согласного гласный может получать в конце звучания некоторую передвижку вперед и вверх). В предложениях, которые выступают в функции абсолютных клитик в первом предударном слоге и подчиняются общим фонетическим правилам, отклонений нет.

В харовском говоре приходится опираться на соответствия с литературным языком и другими говорами, имеющими выраженную корреляцию согласных по признаку «твердость–мягкость». Нельзя, думается, утверждать, что говор не имел в прошлом фонологического противопоставления согласных по этому признаку. Если относительно ударного слога мы можем предположить, что контраст «дизного–недизного» слога выражается передними и непредними гласными, то вокализм предударных слогов четко иллюстрирует две системы, основанные на различении твердых и мягких согласных.

В транскрипции использованы два знака ударения: словесное — *дв́а* и знак фразового ударения (акцентного выделения) — *бабáш:к'и*.

В соответствии /a/ перед твердыми — *дв́а разá, бабáш:к'и, навáл'и вáл'и, в_глазá, глазóк от, давнó, на_кóн'эх, н'и_к:ладб́вэч'к'и, ф_такóу-тэ, од:ад́ут, посаж́у, глазóк от*; в соответствии /a/ перед мягкими — *нав_э́рно, дал'óко, ваз'м'и́, наб'и́л'и, доста́у, кэ́рч'у́нэв*⁴.

В соответствии /o/ перед твердыми — *вот_тáк' ид'óт, ўдо́вá, за́готов-л'áл, до_мáт'ицы, горá, кода́, потóм, коробо́к, боли́щ, поворо́ч'и́мыт, хоро́шó, в_обóр'их'э, к_однóу, посл'эд'н'э, покрь́то*. В соответствии /o/ перед мягкими — *хоз'áину, гор_у́ч'и́цэ*⁵, *доста́у, за_пров'ино́з за_ка'ко́у, род'и́лэз, унос'и́у*.

³ Нужно отметить, что полное оканье в этом говоре разрушено, но разрушение это коснулось, главным образом, заударных слогов, а предударные слоги сохраняют различение достаточно последовательно, но, конечно, уже не безысключительно.

⁴ *Карачуново*, название волости. В говорах Слободского сельсовета, в которых записан материал, сохраняются старые названия административного деления на волости.

⁵ Несколько делабиализованный [y] между мягкими, ср. *гор_у́ч'и́вэ*. Здесь гласный перемещается из заднего ряда в передний, частично теряя лабиализацию, но сохраняя подъем образования гласного.

Как и во многих других окающих говорах, в слове *работа*, его формах и образованных от него словах в предударном слоге произносится лабиализованный гласный среднего подъема [o]: *на рабо́ту*, *⟨в⟩ рабо́т и́щих* как. Гиперфонемную ситуацию фонетико-фонологическая система говора разрешает в пользу наиболее частотного варианта — [o]: *зови́ду*.

Однако не все случаи употребления /o/ и /a/ в предударном слоге характеризуются различием этимологии гласного. Некоторое количество примеров может быть приведено в качестве иллюстрации разрушения системы вокализма с различием гласных. Важно, что большая часть отклонений от этого принципа организации предударного вокализма имеет вполне определенные тенденции, фонетическая система говора находит несколько наиболее уязвимых мест — фонетических позиций, системно способствующих проикновению и развитию нового элемента в говоре.

Первая группа отклонений вызвана, по-видимому, повышенным влиянием фонетического контекста на характер реализации предударного гласного. Здесь могут быть выделены два принципиально различных механизма этого процесса. Первый — прогрессивное и регрессивное влияние окружающих согласных в рамках одного слога или на стыке слогов. Эта тенденция реализуется в первом предударном слоге в сочетаниях */твердый губно-губной согласный/ + фонема /o/ в одном слоге* или *фонема /o/ + /твердый губно-губной согласный/ следующего слога*: *пуму́гаи* (помога́й). Однако изменение [o] в [y] или в [ø] обусловлено не только усиленной коартикуляцией фаз рекурсии и экскурсии звуков⁶ внутри слога или на стыке слогов, но и релевантными признаками предударного гласного /o/ — рядом и лабиализацией (в результате ассимиляции изменяется только подъем гласного, сохраняя ряд образования и лабиализацию). Но все же в этом случае нельзя говорить о чистой контактной внутрислоговой ассимиляции, так как во втором предуд-

⁶ Можно выделить пять артикуляционных фаз работы органов речи при произнесении *отдельного* звука: 1) состояние покоя до произнесения звука; 2) выход органов речи на «работу» (экскурсия органов речи); 3) занятие органами речи положения, необходимого для произнесения звука («ядро»); 4) уход органов речи с «работы» (рекурсия органов речи); 5) состояние покоя после произнесения звука. В потоке речи, в линейной последовательности звуков крайне редки 1 и 5 фазы, а 2 и 4 фазы речепроизводства одного звука связаны соответственно с 4 и 2 фазами предыдущего и следующего звуков. При этом стык рекурсии одного звука и экскурсии другого может быть разной степени «диффузности». Повышенная коартикуляция звуков заключается в том, что экскурсия последующего звука значительно вторгается на территорию рекурсии предыдущего звука, оставляя собственную тень на всем тембре следующего звука. Это характерно для примеров типа [*э́* ду́ма́ми] (за до́ма́ми). В примерах типа [*нү́стаф*] процесс идет в обратном порядке с тем же результатом.

дарном слоге после твердого губно-губного согласного в соответствии с /o/ также произносится гласный [y], что может вызывать межслоговую у-ассимиляцию гласных. Это явление известно во многих русских говорах.

Второй механизм — влияние качества гласного под ударением на предударный гласный. В примерах типа [дом^оби], [в^умускв^у] коартикуляция соседних звуков (контактная ассимиляция) осложняется действием дистантной ассимиляции — уподоблением предударного гласного гласному под ударением. Эта тенденция, захватившая незначительное количество слов, может быть отмечена, по всей видимости, в таких случаях как [зэ^ока^окби] с лабиализованным [a^о] в первом предударном слоге, представляющим фонему /a/, перед лабиализованным ударным [б]; [тракторá^атэ] с лабиализованным гласным [о], пониженным в средне-нижний ряд перед ударным гласным нижнего подъема [á] (здесь, возможно, действует дополнительный фактор — а-ассимиляция — гласный [а] во втором предударном слоге, когда первый предударный [о] оказывается как бы обрамленным звуками [а], приобретая пониженное образование); [анá] с предударным [а] при [онó] в соседней фразе (неразличение оказалось возможным в конце фонетической фразы при пониженной интенсивности всей второй части фразы⁷).

В случаях с разрушением системы различения безударных гласных действует тенденция к выравниванию, сингармонизму вокалической структуры слова, которое достигается различными способами.

Важно, что мягкий или смягченный согласный, а также неслоговой гласный [и] справа оказывает смягчающее действие на качество предударного гласного в том случае, если левый фонетический контекст позволяет усилить лабиализацию гласного. Примеров типа [пой'зд'ил'и] очень мало.

В нескольких случаях в форманте *по-* в предударном слоге при ударном гласном [б] в соответствии /o/ отмечены примеры *пад'бмт'и*, *патбм'уш*. Эти случаи могут оцениваться двояко. С одной стороны, здесь присутствует тот же «губной» фонетический контекст, который может действовать как фактор гиперкоррекции, вызывающий «обратное» действие этого фонетического условия под нажимом акающего произношения. С другой стороны, общим в этих случаях оказывается не только фонетический контекст, но и морфема, что тоже может содействовать проникновению в говор нового представителя фонемы /o/.

Есть примеры аканья, которые не удастся объяснить действующими тенденциями развития фонетики говора: *нэ'нач'э́т, ваз'м'и, рад'илэ, н'и'дашлб*,

⁷ Слабая фразовая позиция способствует проникновению новых фонетических черт в говор.

pad'í, z:alóvuškə́i (с золовушкой), *kar'ávə́cə, n'ə n'í pandrá́iləs* (мне не понравилось). То же слово встречено и в окающем произношении *n'í p-ndráv'íləs*.

При цитировании чужой речи слова с корнем *-говор-* могут подвергаться значительной редукции: [говр'át] (говорят) и даже [гыт] и [гэт]. Стремление к экономии речевых усилий сказывается именно на тех компонентах, на которых эти усилия можно сэкономить. Высокая частотность и минимальная семантическая нагруженность этого слова, употребленного в функции *указателя* на цитирование, фонетически обесценивает его, позволяя максимально редуцировать фонетический состав слова.

Не так, как абсолютные клитики, ведут себя в потоке речи относительные клитики. Гласный в проклитике *да* в первом предударном слоге реализован в редуцированном гласном непременного ряда: *də r'ánišy gət* (да раньше, говорит). То же и в проклитиках *так* и *вот*: *tək:ág:ət* (так как, говорит), *wym ták* (вот так).

Гласные первого предударного слога после мягких согласных

Для описания позиции первого предударного слога после мягких согласных важно различать два положения гласного первого предударного слога — перед мягким согласным и перед твердым согласным.

В первом предударном слоге после мягких согласных сложилась непрослая система неразличения гласных фонем неверхнего подъема. Здесь функционируют два варианта [э] и [и], распределение которых по словоформам определяется причинами комплексного характера. Основной функциональной системой предударного вокализма после мягких согласных является *сильное еканье*⁸: гласные фонемы неверхнего подъема вне зависимости от этимологии и позиции реализуются в звуке [э]: *dət'əy||, v'əd'ᵛᵛ||, f'p'zrə́d-ot* (перёд-от), *b'ər'əm'inəs, gnət'ə́t, d'ər'én'ə́tə* (деревня-то), *də́rəw'n'ə, d'ər'əw'n'í, n'ə́^фс'эм, f'c'émjə́, sə́βə́* (себе), *pləm'én'í:ica, t'əl'ə́gu, n'ə́^до^леч'én'ia, n'ə́ч'əwó, n'íч'əwó, b'ə́góm, za'z'ər:nóm* (за з'ер:нóm), *p'e-b'ónkə́^а, c'p'ə́b'ónkəm^{то}, ч'əwó, n'ə́^сtaló, t'c'ə́sə́w'n'ə́, t'c'ə́sə́w'n'ý, polusl'ə́nuᵛᵛ, t'ə́žə́lə́cə́, c'v'ekróv'ju, c'v'ekróv'í, c'ə́wógə́dy, pr'ig'nə́l, c'ə́dmóᵛ, c'əl'p'ó, c'əl'p'ó, n'ə́^рó^дí:icə́, n'ə́^мnógə́, n'ə́^сkoᵛᵛ^{иш}, k'p'ə́b'ónku, za'p'ekóᵛ, b'ə́z^нə́v'ísty* (без невесты), *p'ə́v'ít, n'ə́v'ís^{тə}* (невест-то),

⁸ Такой тип вокализма, при котором гласные фонемы неверхнего подъема не различаются, совпадая в общем варианте [e], предложено называть сильным еканьем (Касаткин 2002: 252). Это название, наряду с сильным яканьем, оправдывает выделение, например, умеренного еканья.

в'эс'л'и, исп'эчч'и (но [п'ик'ет]), кв'эл'ит, повэс'л'и⁹, вл'эн'ивсэ (влепился), нэ'сдйлат, нэ'ч'ис'т'ид дорóг'и, об'јав'јлосэ, н'и'дэв'эзл'и, р'эк'и, н'э'в'и-д'ит, н'э'в'ид'эш, н'э'в'ы́хэ́т, н'эдóл'эч'илэс'э, на'б'эр'эгү, ф'п'эр'эдү'дак, у'хл'эвү⁹ (в хлеву), б'эр'эгүд гор'үч'ицэ, в'мэти'унт'э, п'эр'эјхэл'и, п'и'л'и-л'и, пэ'так'им'л'эсám, пэт'эр'аитцэ'дак, поб'эжáv (побежал) (без оглушения [в] в конце слова), пом'эрлá'ыш:э, пр'и'эж:áл'и', приц'эжд'эјцэт, р'э-б'ат, с'эстрá, сјэдáл'и, тэл'áт, м'эн'á, у'м'эн'á, н'э'знáлэ, н'э'знáцу, н'э'отрáвл'инэ, н'э'тáк, з'елá (взяла), нэ'знáц, у'м'эн'á, ум'эрлá, ү'ежэ:áү, ф'п'эс'ат п'áтам.

Сфера действия еканья в харовском говоре очень широка: отклонения от него немногочисленны, однако все они не случайны, имеют предпочтительность употребления в некоторых позициях. Легче объясняются те из них, которые представлены достаточным для объяснения количеством примеров и позволяют увидеть действие речевой тенденции в ряду однородных фактов. Труднее объясняются те, которые представлены единичными примерами. В таких случаях приходится лишь предполагать причины отклонений.

В единичных примерах отмечен гласный [а], представляющий /а/ в первом предударном слоге после мягких согласных: [а'пл'асáл'н'и'тó'итэ как тон'эр].

Гласный [и], факультативно представляющий гласные фонемы неверхне-го подъема, отмечен в нескольких группах слов. Эти группы, видимо, не представляют собой закрытого списка; более того, те же слова встречены в екающем оформлении предударного слога. Отклонения от основного типа вокализма наблюдаются именно в этих группах и характеризуются, по замечанию А. Б. Пеньковского (Пеньковский 1965), не обязательностью употребления, а лишь предпочтительностью.

Для установления дистрибуции предударных [э] – [и] была использована речь двух человек, относящихся к различным группам носителей говора. Первый информант — Васинцева Зоя Дмитриевна, 1930 года рождения (запись сделана мною в экспедиции 2003 года); второй — Лопатина Нина Леонидовна, 1922 года рождения (запись сделана Л. Л. Касаткиным в 1970 году). Дополнительный материал привлекался из записей речи Фокиной Ольги Ивановны 1912 года рождения (запись сделана М. Н. Преображенской и Ю. С. Азарх в 1967 году) и из речи Таисии Фелюфеевны Лебедевой 1925 года рождения (запись сделана мною в 2003 году).

⁹ Особенности в реализации согласных на стыке. То же ниже.

Сопоставлены две идиоподсистемы гласных предударного слога, в которых гласные неверхнего подъема представлены звуком верхнего подъема переднего ряда [и] или гласным, сдвинутым к среднего ряда [и].

В речи этих информантов на правах вариантов функционируют звуки [э], [и] как представители гласных фонем неверхнего подъема.

Основная функциональная система как старшей, так и младшей нормы говора — сильное еканье. Однако вариант [э] не генерализован в этой позиции, то есть не является единственным ни в речи Н. Л. Лопатиной, ни в речи З. Д. Васинцевой. Он представлен в большинстве примеров, заключающих в себе позицию первого предударного слога после мягких согласных. В старшей норме процент употребления гласного [э] колеблется от 87 % до 55 % в различных позициях. О позициях, в которых обнаружено колебание в выборе [э] или [и], — ниже.

В примерах, подвергнутых рассмотрению, не установлено очевидное распределение предударных [э] – [и] в зависимости от того, к каким гласным (о – ѡ или е – ё) восходит ударный гласный; хотя количество примеров с гласным [и] перед ѡ и ё несколько выше, чем перед о и э.

Известно, что в северных говорах в предударном слоге может сохраняться противопоставление гласных е (о) – ё (н'эсу́ или н'осу́ - в л'ису́). В харовском говоре это противопоставление не работает. Среди примеров с предударным [и] лишь 20 % содержат предударный *ё.

В этих примерах не установлена зависимость предударного [и] от качества следующего согласного. Среди слов, произнесенных с гласным [и] в предударном слоге, примерно 50 % приходится на позицию *t'at'á* и столько же на позицию *t'atá*. Это соотношение (50 % *t'at'á* || 50 % *t'atá*) выдерживается, даже если ввести дополнительный фактор — положение предударного гласного перед различными ударными гласными.

Гласный типа [и] встречен перед всеми ударными гласными. На этом фоне выделяется группа с предударным гласным [и] перед ударными гласными среднего подъема.

Таблица частотности предударного [и]
от общего количества примеров в каждой из позиций (Н. Л. Лопатина)

[и] перед	й, у	э	ё	о	ѡ	á
частотность	12 %	38 %	65 %	44 %	50 %	13 %

Единственный критерий, который помогает установить зависимость появления предударного [и] на фоне сильного еканья, — положение по отно-

шению к ударному гласному. На этом фоне может быть выделено несколько групп:

1. Местоимение *его* с предударным [и] перед [ó]: *c juwó, at juwó, jiwón.э, c' x'iwó* (глухой [j] = [x']). Гласный [и] встречается и тогда, когда ему предшествует /j/, [и] или [ø] на месте [j]: *цwó, а у uwo уш, по iwó* (за ним). Эта группа примеров, вероятно, не может свидетельствовать в пользу высказанного предположения об усиленном влиянии гласного ударного слога на предударный гласный, так как сам согласный предударного слога может вызывать предударный [и], ассимилируя гласный. Необходимо заметить, что кроме произношения [jwó] есть и случаи [jэwó], однако число таких примеров чрезвычайно мало.

2. Местоимение *тебе* перед монофтонгом [é] или дифтонгами из *ɤ̃: *т'цб'цэ, т'цб'цэ^а уш, т'цб'э*. Эта группа однородных примеров — самая многочисленная. Произношение [т'иб'э] не является единственным, есть случаи произношения [т'эб'э], однако такие примеры, так же как и в случае с *его* (см. выше), единичны.

3. Отдельную группу представляют примеры словоформы *детей* (gen pl), в которых в предударном слоге отмечен гласный типа [и]: *д'итэц, дитэц, дитэц, дитэц, дитэц, дитэц*. Здесь важно, что гласный предударного слога получает очевидный сдвиг гласного к среднему ряду после зубных [ц]. Это вызвано тем, что артикуляция зубных (переднеязычных) согласных в этом говоре смещена в альвеолярную область, что заставляет все тело языка смещаться к среднему ряду. Именно это, как кажется, и вызывает прогрессивную зависимость качества предударного гласного. Такое изменение характеризует только [и].

4. Особым образом ведут себя также и слова частицей *не* или приставкой *не-*: *и н'и фстр'эт'цэ, н'и н'од'н'aw'* (в контексте *н'и н'од'н'aw' и головы*), *нимнош:кэ, ни трон'*. Есть единичные отступления. Так, например, встречен пример с неоднородным предударным гласным /э/: *н'и^а окон* при эмпазе во фразе *н'и^а окон | н'и дв'и'р'эц||*. Это скользящий звук, начинающийся звуком переднего ряда верхнего подъема и понижающий подъем образования к концу — [иза], но перевес времени в пользу начального компонента делает все это сочетание воспринимаемым на слух как неоднородный звук типа [и]. Есть и другой случай — *нэ^а трон'*|| (произнесено очень тихо, в слабой фразовой позиции, что, возможно, повлияло на оформление предударного гласного в виде «[э], склонного к [и]»; ср. с предыдущим *ни трон'* под акцентным выделением). Частица/приставка *не* в положении первого предударного слога может встречаться и в другом фонетическом оформлении — [н'э].

5. Не образует единой группы, как кажется, ряд следующих примеров. Подгруппы примеров (а), (б), (в) представлены повторяющимися единицами, а подгруппа (г) — единичные примеры в рамках общей закономерности. Подгруппа примеров (д) включает слова неисконные для говора.

а) *св'ікрѡвушк'и*, *сви'крѡѡ'*, *св'і'крѡѡ*, это слово встречено и с гласным [э] *св'экрѡѡ'*, *свэкрѡѡ'*; б) *ниѡіл'у*, *н'ид'іл'*, в этих примерах этимологический *ѣ представлен звуком [і́], но реакция гласного первого предударного слога на него такая же, как на [э́]; в) *сс'иѡѡдн'и* *ѡот*, *сс'иѡѡдн'и*¹⁰; г) *отв'ид'ѡѡт*, *с'илѡ*, *л'и'хкѡ*, *н'ив'эсту*, *м'ис'т'еѡ'к'э*, *н'и'дв'и'р'эѡ*, *н'эч':иѡѡ*, *ч'иѡ* (чего), *на'сѡѡѡ*; д) *эл'им'э'нты*, *ат'эл'им'э'нтѡѡ'тѡ*.

Отдельно должен быть поставлен пример *н'и'ч':ѡѡ* (ср. *н'эч':иѡѡ*), в котором отсутствует (не реализован) гласный первого предударного слога. Думается, что отсутствие гласного предударного слога здесь не является случайным. В этом слове интенсивность предударного слога значительно превышает интенсивность ударного (он длительнее), что позволяет перенести «вокальный акцент» (тембр редуцированного гласного) на гласный, обладающий большей интенсивностью и тем же тембром. Совпадение первого и второго предударного гласного в варианте [и'] говорит, скорее всего, о действующей закономерности, в соответствии с которой гласные неверхнего подъема в первом предударном слоге после мягких согласных совпадают в общем для них варианте [и] в положении перед ударным гласным среднего подъема.

В этом отношении реализация гласного в предударном слоге в слове [сыс'эр] во фразе [в'эс сыс'эр ѡб'эзд'и'ѡ||] (весь СССР ѡбездил) кажется очень интересным. При возможном [сэс'эр] выбирается закономерное для говора [сыс'эр] перед [э́]. Здесь, вероятно, не является помехой и то обстоятельство, что это слово пришло из литературного варианта языка, так как даже из литературного языка элементы приходят в говор в соответствии с тенденциями, то есть возможностями системы.

Группы 1) и 2) — самые многочисленные среди прочих, но они не обладают уникальностью и очень напоминают группы отступлений от основного принципа предударного вокализма в южнорусских говорах и тех среднерусских говорах, которые генетически являются южнорусскими.

Та же система реализована в идиолекте З. Д. Васинцевой.

1. Самая многочисленная группа — слова с отрицательной частицей *не*, которая объединена в одно фонетическое слово со следующим компонентом: *н'и'ишлѡ*, *н'и'ндрѡв'улѡ*, *н'и'знѡѡт*, *н'и'вѡѡхѡд'ѡѡ* (не выехать дак),

¹⁰ В примерах *сс'иѡѡдн'и* *ѡот* можно видеть поиск дополнительной артикуляции (мягкости) [с'], который идет через дифтонгоидное скольжение [сс'].

н'э" думалэ, н'и д'элэл'и, и н'и фс'о, н'и т'эснэ, н'и з'нџ как, н'и вышлэ. Сюда должны быть отнесены менее многочисленные примеры с этимологической или современной приставкой *не-*: *н'имношкэ, н'ив "эскэ.* Материал показывает, что в представленном ряду нет зависимости качества гласного предударного слога от качества следующего согласного. Такую зависимость можно было бы предполагать в системах с формирующимся принципом умеренности, которые известны в говорах периферийного типа¹¹. Важно отметить, что в тех же самых словоформах чаще будет отмечен предударный [э].

а) Звук типа [и] в этой позиции встречен в некоторых местоимениях: *м'ин'а, н'ич':ив'о.* Фонетика местоимений в русских диалектах часто выявляет отклонение от основного типа вокализма. Направление отклонений может быть как в сторону младшей нормы, так и в сторону старшей нормы.

б) Следующий ряд представлен единичными примерами. В слове *сейчас* в потоке речи в диалектах и литературном языке в предударном слоге неслоговой [и] может редуцироваться. Поэтому наряду с [си'ч'ас] мы встречаем [си'ч'ас]. То же происходит и в говоре, но здесь мы встречаем лишь [сы'ч'аз да] или [сы'ч'ас]. В икающем произношении зафиксировано и относительно новое для говора слово *меди́чка* [м'ид'џч'к'э] — «медсестра», а также слово *н'и д'ир'и-в'ан:ыци* (не деревянные). В последнем слове следует обратить внимание на то, что все гласные безударных слогов реализованы в гласном звуке верхнего подъема переднего или среднего ряда [и] ([ы]).

в) Наибольший интерес для описания представляет последняя группа слов, в которой [и] в безударном слоге встречен тогда, когда в слоге под ударением находится гласный среднего подъема: *д'ит'џ, св'икр'оў, э жыр'ит'ом, н'ик'ет* ('пекёт', но [исп'эжч'и]), *тр'ис'эот* (*тр'и'с'эот*), *с'в'икр'оў тэ.* Эта группа — единственная, в которой представлен фонетический критерий, влияющий на реализацию гласных фонем неверхнего подъема в предударном слоге после мягких согласных.

Осцилограммы и динамические спектрограммы плохо иллюстрируют особенности предударного вокализма. Поэтому материал говора оценивался в основном на слух. Выборочная проверка материала была проведена с привлечением дополнительного аудитора.

«Эталонная» спектрограмма предударного гласного [и] показана на рис. 9, слово [ни'дџл'к'у]. Гласный [и] ударного и безударного слога отчетливо просматриваются. «Эталон» спектрограммы для гласного [э] — рис. 11.

¹¹ С. В. Бромлей показала, что мещерские и вологодские говоры, «являются наиболее яркими представителями говоров периферийного типа» (Бромлей 1985: 19). К такому выводу С. В. Бромлей пришла на основании анализа выраженности консонантных признаков в этих говорах, в которых возможна, например, мена [w'] || [j].

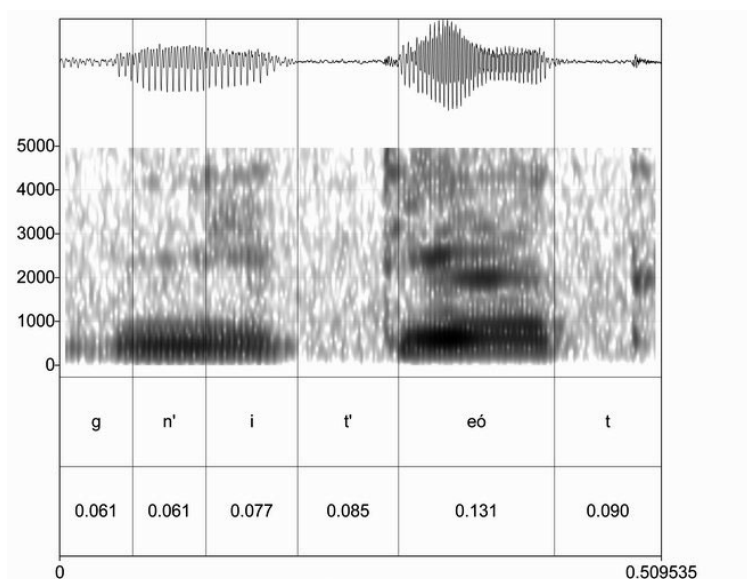

Рис. 7. [ґнѣтѣот]

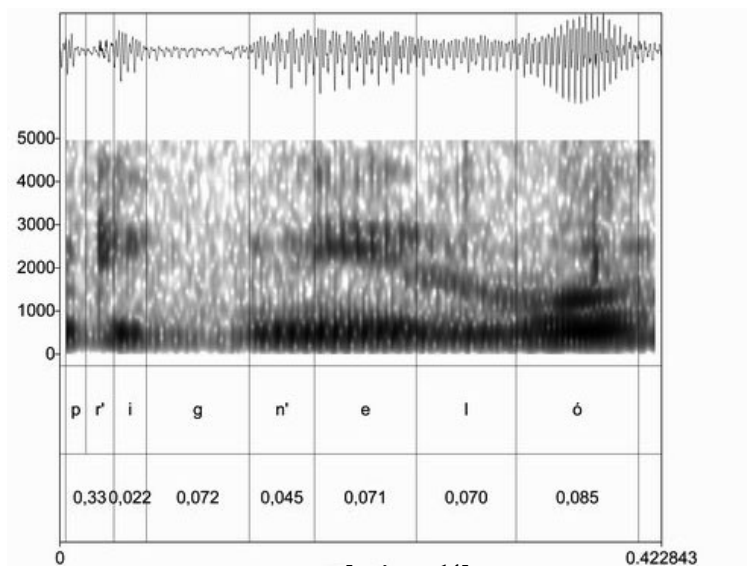

Рис. 8. [пр'игнелó]

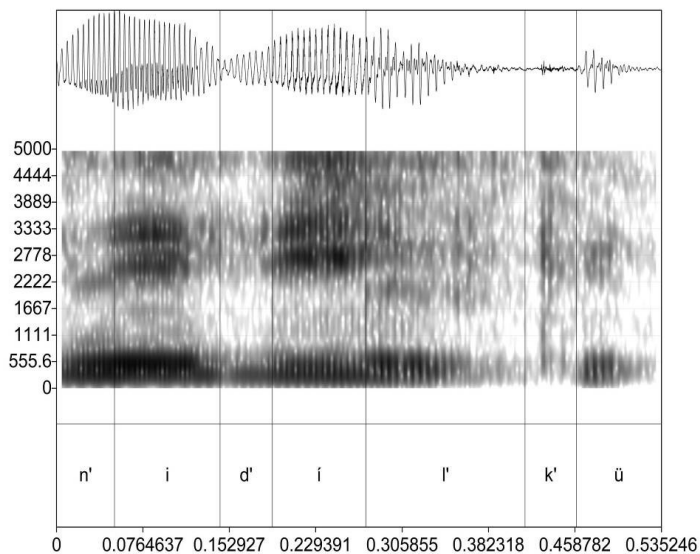

Рис. 9. [нидйл'к'у]

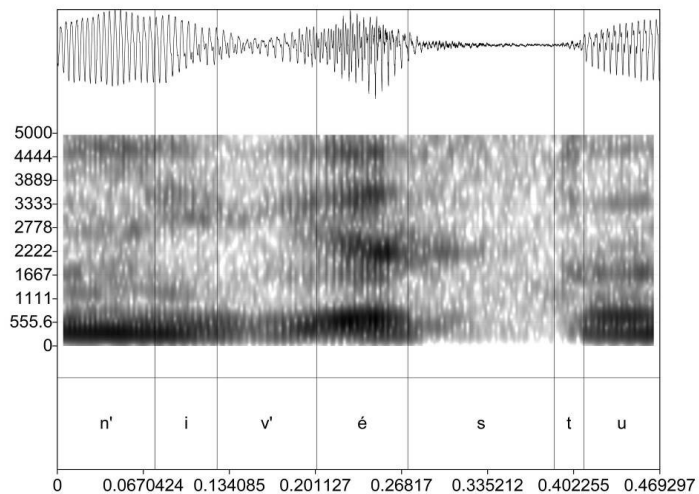

Рис. 10. [нив'эсту]

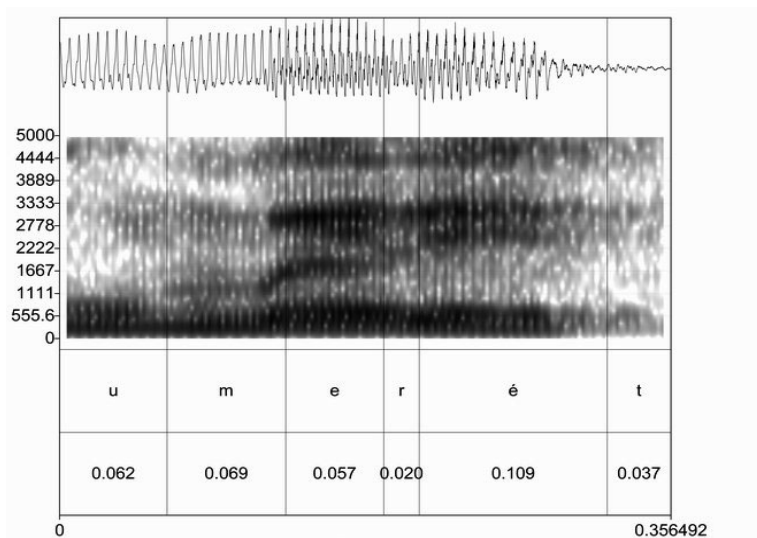

Рис. 11. [умѣрт]

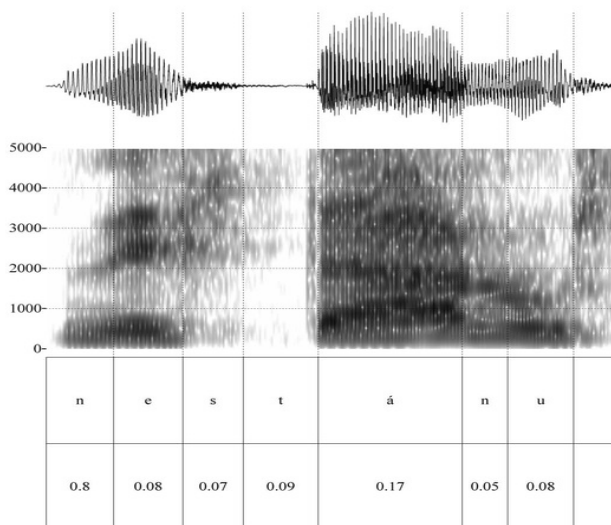

Рис. 12. [нѣстáну]

* * *

Карты тома «Фонетика» [ДАРЯ] и известные фонетические описания показывают, что такие системы гласных, в которых существует зависимость гласного первого предударного слога после мягких согласных от качества (этимологии) гласного под ударением, распространены на территории значительной части южного наречия. Эти системы основаны на различных принципах организации — ассимиляции или диссимиляции. В говорах с диссимиляцией может действовать дополнительный критерий — положение гласного перед твердым или мягким согласным. В этом случае может быть констатирована умеренность в предударном вокализме, то есть отсутствие диссимиляции в ряде позиций (диссимилятивно-умеренное и умеренно-диссимилятивное яканье). В других говорах принцип умеренности может выступать на фоне системы с неразличением гласных неверхнего подъема в предударном слоге (умеренное яканье).

На территории северного наречия и окающих среднерусских говоров известны две основных модели предударного вокализма. *Первая модель* — неразличение гласных в первом предударном слоге — локально представлена а) в восточной части северного наречия в говорах вокруг костромского акающего острова, в Поветлужье, около Йошкар-Олы, а также юго-западнее Вельска и в междуречье Ваги и Северной Двины примерно на 44 долготы; б) в западной части северного наречия в новгородских говорах. *Вторая модель* предударного вокализма — полное или частичное различение предударных гласных — занимает подавляющее большинство территории северного наречия. Действие второй модели может быть осложнено положением предударного гласного перед твердым или мягким согласным, то есть консонантным окружением, как и в южнорусских говорах.

Вокализм нашего говора в этом отношении представляет собой особый тип предударных вокалических систем. По территории его распространения мы могли бы предположить систему, в которой частично различаются предударные /э/–/о/–/а/ в положении перед твердыми и мягкими согласными; с'vc'v: y c[э]стры – в л[э]су – н[а]ток, с'vc'v: н[э]сём – б[и]лю – зл[э]ди. Изоглосса, выделяющая такой тип вокализма, рисует обширный ареал, который начинается восточнее оз. Воже и спускается на юго-восток северного наречия через Тотму к верхнему течению Ветлуги, восточнее Кологрива и южнее Никольска.

Можно допустить, что в процессе межслогового взаимодействия звуков ведущую роль играют именно гласные. Из трех возможных моделей взаимодействия гласных в межслоговом пространстве (1. «без последствий», 2. ас-

симиляции и 3. диссимиляции) в слободском говоре использованы, как кажется, все три (после твердых и мягких согласных).

Нет абсолютной ясности, какой из двух противоположных типов межслового взаимодействия установлен между ударным и предударным слогом в отмеченных примерах — ассимиляция или диссимиляция. Сомнения основаны на недостаточно прозрачном поведении гласных средне-верхнего подъема: функционируют они в говоре как гласные верхнего подъема или как гласные среднего подъема? Впрочем, можно предположить, что это именно диссимиляция, так как в случаях, описанных выше, как будто бы проявляет себя фонетическая модель при которой перед гласным средне-верхнего или среднего подъема [о, уо, э, иэ], которые объединяются в один блок, нежелателен гласный среднего подъема [э].

По причине малого количества материала и только одного аспекта исследования, предпринятого для установления отношений между гласным ударного и предударного слога¹² можно сделать самые предварительные выводы об «этиологии» этого явления: гласные III и IV подъема [о, э; уо, иэ] по каким-то причинам заставляют предударный гласный диссимилировать. Обнаруженное явление, по всей видимости, живое, так как конкуренция вариантов [и]–[э] показывает системный поиск уязвимой позиции. Не удалось установить, проходит ли жизнь этого процесса на стадии расцвета, или же на стадии угасания.

Надо полагать, что такой тип вокализма представлен не только в харовском говоре, но имеет место и в некоторых других говорах северного наречия. Задача диалектологов — обнаружить другие такие говоры, чтобы установить типологию этого явления и территорию его распространения.

Возможность влияния ударных гласных на предударные в северных говорах подтверждена в экспедиции 2008 года в Любытинский район Новгородской области, где мы с И. А. Букринской и О. Е. Кармаковой наблюдали изменение системы с этимологическим различием [э]–[о]–[а] на систему [и]–[е] в первом предударном слоге после мягких согласных. Наиболее архаичная система — различие трех гласных [э]–[о]–[а] — выдержана в говоре непосредственно, на смену ей приходит другая, имеющая только два гласных: [и]–[е]. Позиционное распределение этих гласных еще не сформировано полностью, но тенденция отчетливо видна уже сейчас: этимологический принцип уступает фонетическому. Гласный [и] употребляется преимущест-

¹² Качественные отношения являются одной возможной стороной описания диссимиляции, необходимо провести также исследование количественных характеристик гласных и их вероятной зависимости от фразовой фонетики.

венно перед гласными верхнего подъема, чаще всего перед [й], а гласный [е] замещает все остальные позиции. Фонетическое распределение сказывается и на активно вытесняемом гласном [о]: его этимолого-фонологическое употребление также связано с дополнительным фонетическим критерием — наличием губного согласного в слоге под ударением, в прочих случаях, как правило, его замещает гласный [е].

Литература

Бромлей 1985 — *Бромлей С. В.* Различия в степени вокализованности сонорных и их роль в противопоставлении центральных и периферийных говоров // *Диалектография русского языка*. М., 1985. С. 8–31.

ДАРЯ — *Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР* / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. 1. Фонетика. М., 1986.

Зализняк 1985 — *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Исаев 2004 — *Исаев И. И.* Исследование процессов развития в вокализме одного владимирского говора (статистический анализ фактов междиалектного взаимодействия, отраженных в динамической синхронии) // *Материалы и исследования по русской диалектологии. II (VIII)* / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2004. С. 58–69.

Калнынь 1987 — *Калнынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как основная произносительная единица // *ICPhS. The Eleventh International Congress of Phonetic Sciences. August 1–7, 1987. Tallinn, 1987.*

Касаткин 2002 — *Касаткин Л. Л.* Катагощинское яканье в говоре семейских — старообрядцев Забайкалья // *Проблемы фонетики. IV*. М., 2002. С. 252–260.

Касаткин 1999 — *Касаткин Л. Л.* Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.

Красовицкий 1996 — *Красовицкий А. М.* Система согласных одного вологодского говора. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1996.

Пауфошима 1983 — *Пауфошима Р. Ф.* Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.

Пеньковский 1965 — *Пеньковский А. Б.* Об изучении процессов развития в живой диалектной речи // Тез. докл. на X диалектологическом совещании 11–14 мая 1965 г. / Ин-т рус. яз. АН СССР. М., 1965.

Материалы к хрестоматии Слободских говоров

Климова А. В.

Дер. **Дяги́лево** Катромского сельсовета

Харовского р-на Вологодской обл.

Запись И. И. Исаева

[в друг]о́м миѣ́стѣ| трѡ́ицѣ дѣтѣ́х|| вы́т:а́к|| и́а зз'и́му жы́ла у дѡ́цыр'и||
 вѣ́т| хѡ́лѣднѣ| ѱ́ мѣнѣ́ ф_пѣ́рѣ́д-от л'и́ѣтнѣ́х|| зѣ́мѡ́вкѣ́ тѣ́ бы и́ѣ́з' да́к
 у_мѣ́н'а та́м ни́ѣцѣ́ н'ѣ́т|| хоз'а́ину двѣ́тиц'а́тыи гѡ́бѣ́т пои́дѡ́у ка́к и́а ѱ́до́ва|| а
 к_л'ѣ́ту то́ у́ж до́мѡ́и при́ѣ́хѣ́лѣ|| дѡ́маи́у хот' лу́ч'к'у́ поса́жѣ́у| да ка́ртѡ́-
 шы́ч'ѣ́к| да и́а хѡ́т' ту́т на ѱ́лоу́ч'к'у́ вѣ́идѡ́у|| а та́м у_дѡ́цри-то <...> нѣ́ ро-
 бо́ту уи́дѡ́т| а мн'ѣ́ н'ѣ́ч'ѣ́во́ нѣ́ сѡ́йла́т|| <...> н'ѣ́ вѣ́ид'ѣ́шь| н'и́ по́гул'ѣ́т
 н'ѣ́куды́ н'ѣ́ сѡ́дѡ́ иш| тѣ́ ѱ́д'ѣ́иш сѡ́д|| а в_ка́мѣ́н:ом то́ до́м'ѣ́ мнѣ́ сѣ́ бо́л'ѣ́
 голо́ва́ бол'и́т|| а с'ѣ́во́гѣ́ды и́а ѡ́т ѡ́пѣ́рѣ́ц'и́цу з'ѡ́д'ѣ́лѣ́лѣ ѡ́т мо́ицѣ́ глѣ́зу|| ну
 глѣ́зѡ́к ѡ́т н'ѣ́ в'и́д'ѣ́т|| та́к вѡ́т| ка́плѣ́т| ка́пл'ѣ́т вѡ́д ѡ́днѣ́ нлѣ́м'ѣ́н':и́ца
 в_госѣ́сах пр'и́ѣ́хѣ́лѣ| да́к ка́пл'ѣ́т ка́жныи́ д'ѣ́н' двѣ́ ра́за во́т ѣ́тѡ́т глѣ́с
 пра́выи́|| с'ѡ́ бы хѡ́т' в'и́д'ѣ́л||

н'ѣ́т| и́а ро́д'и́лѣ́з д'ѣ́г'и́л'и́в'ѣ́|| да́|| с'ѣ́м'к'и́ло́м'и́трѣ́в ѡ́т'с'ѣ́дѣ́ вѡ́т||
 то́п'ѣ́р' то <...> на́в'ѣ́рно и до́ро́г'и́ н'ѣ́т|| с'ѣ́дмо́и гѡ́т и зо́в'ѣ́дуи́у
 т'с'ѣ́сѡ́уи́нѣ́х|| ѡ́ткрѣ́ваи́цу т'с'ѣ́сѡ́и́н'у по_пра́зн'и́кам|| вѡ́д ба́т'у́шка
 при́ѣ́ждѣ́жа́ѣ́т|| св'и́т'ѣ́к <...> по́сла́л| да́к и́а св'и́ц'к'и́ про́даѣ́у| на св'и́ц'-
 к'и́ ико́ны по́купѣ́и́у|| и с'ѡ́ да́ки мы́ ста́ру́шк'и́|| н'ѣ́ мнѡ́гѣ́ пра́вдѣ́ у_на́с
 ста́ру́х

Лебедева Т. Ф.

Дер. **Ватоло́во** Слободского сельсовета

Харовского р-на Вологодской обл.

Запись И. И. Исаева

бы́л'и ра́н'иѣ́ во́т та́к'и́ѣ́ <...>|| ка́г дл'ѣ́ л'ѡ́д'ѣ́ та́к'и́ ѡ́ дл'и́ скѡ́та́||
 та́киѣ́ тра́вы со́б'и́ра́л'и́| да́ фс'ѡ́ во́т:а́к|| ка́к'и́ѣ́ то́ бы́л'и л'ѡ́д'и́|| а то́
 в'ѣ́т ѣ́ жы́воѡ́т'и́нѣ́ н'ѣ́ ч'ѣ́лов'ѣ́к| на́рушѣ́л'и́ та́м ѣ́::| ѣ́::| зар'и́ѣ́жѡ́т| зѣ́и́цѡ́т
 и́то н'ѣ́ ч'и́во́ нѣ́:| м'ѣ́сѣ́ хо́рѡ́иѣ́| н'ѣ́ ѡ́тра́вл'и́нѣ́ вѣ́т'и́|| <та́кие то́ сда́вали,
 то́ ре́зали во́т та́к во́т та́м>||

А травы какие?

А во́т ја́ нѣ́ зѣ́и́цѡ́у| ѣ́то|| во́т ја́ ч'ѣ́во́| за́по́мн'и́лѣ́ то́лко́ ко́лхо́знѣ́х|| а
 до́ ко́лхо́зоѡ́в нѣ́ зѣ́и́цѡ́у| ка́г бы́ло та́м|| а уш| бы́л'и в'ѣ́т'ѣ́р'и́на́ры|| ка́к|
 ко́лхо́зы ста́л'и́ да́|| и ра́нишы́ бы́л'и та́к'и́ѣ́и́ѣ́ л'ѡ́д'и́ ко́то́рыи́и́| со́ скѡ́тѡ́м
 зѣ́и́л'и́ ка́к| ѡ́браи́:ѣ́тиѣ́х||

А были такие, которые могли пошептать, полечить?

да п^был'и|| даа| н'имношкэ помн'у|| а вѳт это:| н'э^фс'эм данѳ|| јѳх
сѳч'ас скѳл'к'э вѳтѳ л'уд'эц л'ич'ѳт| ѳбјав'ѳлѳсѳ в'ѳзд'ѳ|| тѳко в ѳаз'ѳты
пѳч'итѳѳц| дѳк'ѳ|| тѳк' ѳц рѳншѳ тѳжѳ тѳг'жѳ|| ну:| рѳнѳц кѳк' тѳ бол'ѳц
с'ѳ| знѳл'и|| ѳт кѳкѳц т:рѳвѳ там мѳжѳт|| пѳл'зѳ јѳс' бѳл'шѳ||

И скотина терялась?

а кѳг'жѳ|| а зв'ѳр'ѳц мѳло пѳ тѳк'ѳм л'ѳсѳм вѳт|| и зв'ѳр'и| сјѳдѳл'и| и
ѳтѳ| и пѳт'ѳр'ѳитѳѳц| дѳк' конѳшѳно|| ѳх'ѳц ѳа н'ѳ знѳѳц|| бѳл'и тѳкѳѳц"
л'јѳд'и| ш'тѳ знѳл'и тѳжѳ кѳк' нѳѳт'ѳ||

А вот не было так, чтобы писали что-то на бересте...

а ѳтѳ ѳа знѳѳц|| мѳ с' пѳдрѳѳшѳкѳц| <...> тѳл'ѳт| нѳ ан'ѳ ѳш

Васинцева З. Д.

Дер. Халчиха Слободского сельсовета

Харовского р-на Вологодской обл.

Запись И. И. Исаева

н'и к:ладѳвѳч'к'и| н'ич'ѳвѳ|| хѳд' ѳѳ клѳдѳвѳкѳ бѳлѳ дѳк'ѳтѳ| лѳн:ѳ|| ѳ'т
ѳ нѳз'з'имѳѳц| тѳжѳ м'ѳстѳ мѳлѳ|| дѳк' ѳ нѳс хѳд' дѳм'тѳ болѳшѳѳц|| кѳдѳ хѳш
тѳг' ѳѳ ѳносѳѳц|| ф'п'ѳр'ѳдѳѳц| дѳк' хѳрѳшѳ ѳ нѳз'зд'ѳс' тѳк'|| пѳѳхѳ|
н'ис:кѳ дѳ|| дѳв'ѳт нѳс| вѳт ѳжѳ до мѳт'ѳѳѳцѳ дѳстѳѳѳц рѳкѳѳц| дѳк'|| фс'ѳ
гнѳтѳ'т|| крѳѳѳѳѳц нѳб'ѳл'и шѳф'ѳрнѳц| вѳт ѳѳ пр'ѳгнѳлѳ с:ѳл'нѳ||

Почему?

дѳк| шѳф'ѳрѳм дѳк' ѳн ѳжѳ т'ѳжѳс'|| т'ѳѳсѳм ѳѳ бѳлѳ пѳкрѳѳтѳ дѳк'|
мѳ ѳѳ н'ѳ тѳк' т'ѳжѳлѳ|| а мѳѳ вѳт в'м'ѳш'ѳт'ѳх'и жѳ'ѳл'и| ѳ'к'ѳш:ѳ
дрѳнѳкѳ крѳл'и||

Как ее делали?

а вѳт ѳс:ѳснѳ'н'и'л'ѳл'и ч'ѳрѳки| нѳзѳвѳл'ѳз бѳбѳш:к'и|| а пѳтѳм ѳѳх'|
ѳтѳт тѳкѳѳц стѳнѳѳк'шѳ дрѳл'и дрѳнѳкѳц| тѳкѳѳ тѳнѳкѳѳц|| ѳнѳ ѳстѳѳѳчѳк| вѳт
в'ѳш ѳн сн'ѳч'ѳч'нѳѳц кѳрѳѳѳк|| нѳѳжѳнѳ вѳт:ѳк' ѳд'ѳт ѳнѳ||

Гвоздями прибивали?

дѳ|| дрѳнѳшѳнѳ гѳѳѳд'и сн'ѳѳѳл'нѳ ѳѳс'| ѳн'ѳ тѳнѳк'ѳѳ|| дѳ| тѳк'ѳѳ'жѳ
гѳѳѳд'ѳ||

Или деревянные?

н'ѳт н'и д'ѳр'ѳв'ѳн:ѳѳц||

Ну, то есть обычные?

дѳ дѳ|| тѳн'ѳн'к'ѳѳ||

А деревня Ильинское жива?

эд'эз' б'ыло^о|| выхóд'ил'и'и|| т'ут'ш':о пондрáв'ифс'э там жэн'йх|| рáн'шэ пондрáв'ифс'э| гóрэд'у жы'в'од'дэк|| из'гóр'эдэ пр'иц'эхэл <...>|| ч'ио д'ер'ен'э'тэ| нá'й'гóр'эд'т'wòт| тák'и'одда'вáл'и||

Не хотели в деревне оставлять?

дáа| н'и'хот'эл'и|| а'мн'э'тэ'судá| иá| б'ывáлэ| д'э'вкэх'тэ| в'э'тэ'м'ес':т'и|| н'э'н'и'пандрáилэс|| <...> с'и'дá'апéд'ит':ит'кэрáч'унэ'в'áмуш|| дэ'и'дорóг'и'тэ'н'эт|| мы'пр'иц'ж:áл'и'с'удáзä'з'ер:нóм'б'ывáлэ|| ц'эр'коу'нэ'дорóг'и'стáйт|| дуд'б'ыло| склáт|| э'тэт|| с'эл'пóо|| с'эл'пó'зэгóтовл'áлэ'хл'эп|| тут'пр'ин'имáл'и'с'э|| ну'и'мы'во'зэ'з'ер:нóм'пр'и'эж:áл'и'мн'э'н'и'пóндрáв'илэс'шэ'мы'вытá| с'кэл'иу|| кол'о'сэ'э'тү|| т'эл'э'гу'под'н'имáл'и| и'иш'иэ'дэ| дорóг'и'н'э'т|| зä'jéd'эм| ш:о'н'и'кák'н'и'в'иц'хэд'дák'пó'дымáл'и|| лóш'ыд'и'пум'угáи|| нá'кóн'эх'вóз'ил'и'тэ'в'ит'н'и'нá'трáкт'эр'и|| ну|já'э'тá'м'и'стэ'знáлэ| мн'е'н'и'ндрáв'илэс| ну|| ч'о| иж:ылá| л'юд'э'и'н'и'см'иш'у|| двóцä'д'и'т'э'и|| н'у|хот'элэ'иш:о'род'и'т|| ну|н'и'удáлóс|| б'ылá'иá'ф'пóлож'эн'и|| н'и'до'ход'и'лэ|| у'мá'мнóгo'дák|| нá'лóшáд'э'пó'и'зэд'ил'и'и'в'и'т'р'ислэ^о|| в'ык'ид'ыш'пáл'уч'и'всэ|| дэгóн'áлэ| б'ыл'и'кóн'ухэм| кóне'ц'зäгóн'э'лэ|| jéd'и'лэ'jéd'и'лэ| м'у'жэ'дóмэ'н'э'б'ыло| в:óлэгду'й'ц'еж:á'у| зä'жы'р'и'ц'и'ом|| <...> кóм'у'jэс'нáдэ'и'т'и'шóб'ы'н'э'род'и'ш:ы| вóн'кá'к'стáрáц'и'у:э|| т'э'жб'лэ'цэ'пóды'нá'ц'ут| фс'э'рáнó'н'и'кák|| а'иá'у'жэ'п'á'ты'и'м'эс'и'дз'б'ылá:|| б'эр'эм'инэс'у'м'эн'á|| дэ'já'и'э'тóо'н'э'д'у'мáлэ| ш:ó'мн'э'н'э'род'и'т|| мн'э'и'хот'э'лос'род'и'т^h|| <...> н'э'род'и'лос: || род'и'лэ'в'дорóг'и'у'жэ'|| пó'вэс'л'и'м'эн'á|| ф'хáр'эф'с'ку| ну:|н'и'дэ'в'эзл'и|| м'и'хá'ц'лоскэ'знá'и'т'и|| прó'т'и'в'ыл'й'и'нс:кóо'там'зä'р'екó'ц'зä'к'у'б'и'но'и|| там'в'мэ'т'и'н'и'т'э'у'жэ'р'од'и'лэ|| в'эс'л'и'нá'трáкт'ор'э||

Summary

Vowels in the Sloboda dialect

The article deals with vowels in one Northern Russian dialect. The vowels of stressed and first pretonic syllable are analyzed. The author shows how the dialect system is arranged and develops. The article is supplied by the transcription of the dialect texts.

Некоторые вопросы восточноболгарского вокализма

В современных восточноболгарских диалектах различная позиция гласного по отношению к ударению обуславливает определенные артикуляционно-акустические различия между гласными ударных и безударных слогов и, как следствие этого, различный состав единиц в подсистемах ударного и безударного вокализма.

В подавляющем большинстве восточноболгарских говоров (как северо-, так и юго-восточных) в позиции под ударением различается шесть гласных звуков: *ú, é, ъ, á, ó, ý*. Однако тот или иной характер соотношения (эквивалентности) данных ударных гласных с безударными (в результате словоизменения или словообразования) зависит от *типа* редукции безударных гласных, который определяет в конечном итоге состав и дистрибуцию гласных в безударной позиции. Именно тип редукции обуславливает одно из важнейших различий в области вокализма в восточноболгарских диалектах.

Для говоров, различающих в позиции под ударением шесть указанных гласных (т. е. *ú, é, ъ, á, ó, ý*), самыми распространенными являются два типа соотношения ударных и безударных гласных. Условно их можно назвать 'вертикальным типом' и 'горизонтальным типом' редукции гласных.

При '**вертикальном**' типе редукции (см. таблицу 1) ударные гласные неверхнего подъема *é, á, ó*, оказавшись в безударной позиции, повышают подъем, оставаясь в пределах своего ряда: *é → и, á → ъ, ó → у*). Повышение подъема может быть либо максимальным (это безударные гласные *и, ъ, у*, например, *м'ét : м'идъ, мác : мъстъ, плót : плудув'é*); либо неполным (и тогда в безударной позиции произносятся гласные *е, а/ѧ, о — м'едъ, мастъ/мѣстъ, плодѡв'é*); либо смешанным (в этом случае безударные *и* и *е, ъ* и *а/ѧ, у* и *о* свободно варьируются друг с другом: *м'ét : м'идъ/м'едъ, мác : мъстъ/мастъ /мѣстъ, плót : плудув'é/плѡдѡв'é*). Ударные гласные верхнего подъема *ú* и *ý*, а также нелабиализованный гласный среднего подъема *ъ*, попав в безударную позицию, фактически не меняют своих артикуляционно-акустических признаков (т. е. *ú → и, ý → у, ъ → ъ*), например: *кур'úта : кур'ита, кúм : кумъ, зѣрну : зѣрна*. Таким образом, при 'вертикальном' типе редукции, если изменения и касаются артикуляционных характеристик ударных гласных, оказавшихся в безударной позиции, то они ограничиваются только повышением подъема (у ударных гласных неверхнего подъема *é, á, ó*; что касается гласных верхнего подъема *и* и *у* и среднего подъема *ъ*, то данный артикуляционный признак у них сохраняется), при этом важно подчерк-

нуть, что в безударном слоге ряд гласного остается прежним. В результате выстраивается следующее соотношение ударных и безударных гласных — $\acute{u} : u$; $\acute{e} : e, u$; $\acute{a} : a, a/\bar{a}$; $\bar{b} : \bar{b}, a$; $\acute{o} : o, y$; $\acute{y} : y$. Такой тип редукции, который мы назвали ‘вертикальным’, характеризует вокальные системы многих **северо-восточных болгарских говоров**.

Вокализм большинства **юго-восточных говоров** также характеризуется ‘вертикальным’ типом редукции гласных. Однако наряду с ‘вертикальным’ им известна, в качестве сосуществующей, и иная модель соотношения ударных и безударных гласных. Важно, что в сферу действия этой иной модели включены не все ударные гласные, а только нелабиализованные гласные верхнего и среднего подъема, локализующиеся в пределах переднего ряда и употребляющиеся после мягких согласных; а именно ударные гласные $\acute{u}$ и $\acute{e}$. Данные ударные гласные, оказавшись в безударной позиции, заменяются гласным средне-нижнего подъема и передвигаются в средний ряд (т.е. $\acute{u} \rightarrow \bar{b}, \acute{e} \rightarrow \bar{b}$), например: $t'\acute{u}l : t'\bar{u}l\bar{b}$, $s'\acute{e}lu : s'\bar{e}l\bar{a}$. Принципиальным отличием указанного типа редукции от ‘вертикального’ является не только изменение подъема (в данном случае его понижение), но, что особенно важно, — изменение рядности, т.е. переход из переднего ряда в средний. По данному признаку такой тип редукции можно условно назвать ‘горизонтальным’ (он показан в таблице 2).

Таблица 1

‘Вертикальный’ тип редукции

$\acute{u} \rightarrow u$		$\acute{y} \rightarrow y$
$\acute{e}$	$\bar{b} \rightarrow \bar{b}$	$\acute{o}$
	$\acute{a}$	

Таблица 2

‘Горизонтальный’ тип редукции (позиция после мягких согласных)

$\acute{u}$		
$\acute{e} \rightarrow \bar{a}$	$\bar{e}$	
	$\bar{a}$	

Необходимо отметить, что в болгарской диалектологической литературе указанный безударный гласный средне-нижнего подъема и среднего ряда может варьировать свое образование в пределах зоны от среднего до средне-нижнего подъема и от передне-среднего до средне-заднего ряда и выступать в соответствии с этим в своих многочисленных произносительных оттенках. Обозначается такой гласный целым рядом транскрипционных знаков, таких

как ъ, 'ъ, ѓ, 'а, 'е и др. (в таблице 2 в зоне среднего ряда и среднего подъема указано только два из перечисленных транскрипционных знаков — а и е). В данной статье для обозначения этого безударного гласного мы будем пользоваться лишь одним транскрипционным знаком, а именно — е, который в шкале вокальных артикуляционных характеристик занимает место пересечения таких признаков, как средний ряд и средний подъем.

Следовательно, наличие 'вертикального' или 'горизонтального' типов редукции в восточноболгарских говорах обусловлено различным синтагматическим поведением в безударной позиции только двух нелабиализованных ударных гласных переднего ряда — é и í. В соответствии с 'вертикальным' типом эти гласные заменяются безударным и, в соответствии с 'горизонтальным' — безударным е. Предшествующие согласные при этом являются мягкими. Остальные четыре ударных гласных (это á, ъ, ó, ý) во *всех* восточноболгарских говорах (в том числе и в юго-восточных) изменяются в безударной позиции по 'вертикальному' типу, и их редукция относится к числу безысключительных позиционных явлений.

Важно еще раз подчеркнуть, что в большинстве своем вокальные системы северо-восточных говоров характеризуются, как правило, одним лишь 'вертикальным' типом редукции гласных. В вокальных же системах многих юго-восточных говоров сосуществуют оба типа редукции, при этом дистрибуция безударных и и е (в соответствии с ударными é и í) в разных говорах (ЧДС) различна (см. ниже). Необходимо при этом отметить, что такие вокальные системы, которые характеризовались бы изменением ударных é и í в безударной позиции исключительно только по 'горизонтальному' типу редукции, в болгарской диалектологической литературе не описаны, т. е., судя по диалектологическим исследованиям, в восточноболгарском наречии существуют лишь говоры с одним 'вертикальным' типом редукции гласных и говоры с сосуществующими 'вертикальным' и 'горизонтальным' типами редукции гласных. Это означает, что 'вертикальный' тип редукции, по сравнению с 'горизонтальным', распространен в болгарских говорах значительно шире.

Следует отметить, что в вокальных системах многих *северо-восточных* (и *некоторых юго-восточных*) *говоров* 'вертикальная' редукция ударных é и í в безударном слоге представляет собой позиционное явление, т. е. соотношение этих ударных гласных и соответствующего им безударного и, обусловленное 'вертикальной' моделью редукции, строго фонетически обусловлено. Поэтому в данных говорах на месте *любых* ударных гласных переднего ряда é и í в безударной позиции произносится только гласный переднего ряда верхнего подъема и (или верхне-среднего подъема е).

Если такие системы с ‘вертикальным’ типом редукции в северо-восточных говорах обычно не вызывают у болгарских диалектологов сомнения в их фонетической, позиционной, обусловленности, то фонетический (позиционный) характер ‘горизонтального’ типа редукции для них не столь очевиден. В данном случае обращает на себя внимание то, что ‘горизонтальный’ тип редукции осуществляется, как правило, в целом ряде определенных аффиксальных морфем, например, *glád’ĕn* (ср. *stud’én*), *kót’ĕta* (ср. *k’uf-t’ĕta*), *ŭtr’ĕ* (ср. *dŭbr’ĕ*), *argát’ĕn* (ср. *gusnud’ín*), *zǒtv’ĕx* (ср. *izduv’íx*) и т. п. Указанный факт дал основание некоторым болгарским историкам и диалектологам полагать, что ‘горизонтальный’ тип редукции в синхронном плане следует считать, скорее всего, явлением нефонетического характера: так, в словоформах типа *glád’ĕn*, *zlát’ĕn* безударный *ĕ* может быть результатом либо непосредственной рефлексации гласных **ъ*, **ѣ*, **е* (например, в *glád’ĕn*, *zlát’ĕn* — рефлекс **ъ* в суффиксе *-*ьнѣ* (Мирчев 1958: 132)¹, либо рефлексации **ъ* и **е* в позиции перед сонорными (через стадию «нового» *ѣ*) (Miletič 1903). И. Кочев на основании изучения материала сливенского *о*-говора сделал вывод, что в настоящее время случаи типа *ŭc’ĕn*, *ór’ĕw*, *drǎv’ĕn* и др. и особенно — типа *vrátŭn’ĕk*, *rǎzrŭnd’ĕl* и др. нельзя относить к редукции, обусловленной фонетической позицией: по его словам, это явление характеризуется преимущественно «суффиксальной» сферой употребления и «не имеет опоры в фонетике говора» (Кочев 1983: 297–299).

В результате в болгарской диалектологической литературе утвердилось два понимания термина «редукция»: одно широкое — как *любое* изменение ударных гласных в безударной позиции, другое — узкое — как изменение *только* степени подъема гласных (ее повышение)². В настоящей статье тер-

¹ Т. е., по мнению К. Мирчева, в словоформах типа *glád’ĕn*, *zlát’ĕn* заударный *ĕ* неправильно было бы считать фонетической заменой (т. е. редукцией) ударного *ĕ* безударным *ĕ*, и, следовательно, синхронным фонетическим явлением; скорее всего это, по его мнению, сохранившийся архаический рефлекс **ъ* в ст.-болг. суффиксе прилагательных *-*ьнѣ*.

² Действительно, при исследовании соотношения ударных и безударных гласных в восточноболгарских диалектах некоторые болгарские диалектологи (в частности, И. Кочев) предпочитают употреблять термин «редукция» только по отношению к явлениям явно позиционного (фонетического) характера. В этом случае имеется в виду автоматическое изменение ударных гласных в безударной позиции, связанное с повышением степени их подъема (или уменьшением степени раствора ротовой полости). Данной редукции подвержены так называемые «широкие» гласные — *ѣ*, *ѧ*, *ѡ*, которые в безударные позиции повышают подъем, оставаясь в границах одного и того же тембрового класса: *ѣ* > *е* > *и*, *ѡ* > *о* > *у*, *ѧ* > *а* > *ъ* (ср., например, в сливенском *о*-говоре *бизбѡжну*, *тилигѧмъ*, *бѣши*, *пучѣти*, *сѣйми*, *зѣли* и др.; *д’ѧду*, *кун’ѣ* и др.; *грѣѡ*, *злѧта* и др.). Вся история развития болгарского языка свидетельствует о том, что такая редукция гласных, в основе которой — повышение подъема гласных (или уменьшение степени раствора), со-

мин «редукция» употребляется в широком смысле, а различные типы изменения ударных гласных в безударной позиции уточняются определениями «вертикальный» (это традиционная редукция «широких» гласных, действующая в рамках одного тембрового класса) и «горизонтальный» (т. е. изменение ударных *é, í* в безударной позиции в гласный *е*, которое выходит за рамки одного тембрового класса).

Выше указывалось, что «горизонтальный» тип редукции (т. е. изменение ударных *é* и *í* в безударный *е*) в большинстве юго-восточных болгарских говоров сосуществует с «вертикальным» типом (ударные *é, í* : безударный *и*). Однако важной характеристикой сосуществования двух типов редукции в этих говорах является известная автономность их функционирования. Это означает, что в одной ЧДС практически невозможно вариативное изменение гласных в морфах одной морфемы одновременно и по «вертикальной», и по «горизонтальной» моделям редукции (например, *п'ѣрати'ѣк* и *п'ирати'ук*, *п'ил'е* и *п'ил'и*, *т'ѣл'ь* и *т'ил'ь* — такие варианты в речи одного и того же лица не употребляются). Все это свидетельствует о том, что вокальные системы в юго-восточных говорах с двумя типами редукции являются значительно более сложными, чем в северо-восточных с одним, «вертикальным», типом редукции. При этом, с точки зрения того места, которое в рамках вокальной системы каждого из говоров с двумя типами занимают «вертикальная» и «горизонтальная» редукции (что обусловлено характером распределения безударных *и* и *е* по морфемам — см. ниже), все говоры имеют как совпадающие черты, так и черты, отличающие их друг от друга³.

ставляет одну из характерных его черт. Кстати, эта редукция гласных в восточноболгарских говорах и сейчас продолжает оставаться живым фонетическим явлением. Например, в сливенском о-говоре в речи местной интеллигенции она носит последовательный характер и с большим трудом поддается влиянию орфоэпических норм современного болгарского литературного языка. Что касается других видов изменения ударных гласных в безударной позиции (в частности, *'é > 'е*, *'í > 'е*, например, *йѣс'ѣн*, *слѣм'ѣн*, *иурап'ѣ* и др.), которые зафиксированы в некоторых юго-восточных говорах, то, по мнению этих диалектологов, к редукции они не относятся, так как в данном случае имеет место переход из одного тембрового класса в другой, а автоматичность (т. е. безысключительность) в реализации данного явления отсутствует. Следовательно, в болгарской диалектологии редукцией не считается изменение *ѣ* (< ст.-болг. ѣ, ꙗ, ѣ, ꙗ) в *е* (ср. *ѣр'ѣн*, *възрѣс'ѣн*, *дрѣв'ѣн*, *глад'ѣн*, *иурап'ѣ*, *др'ѣнакъ*, *пѣм'ѣн*, *сѣрч'ѣн*, *възмѣж'ѣн* и др.) и изменение *и* в *е* (возникшее, вероятно, по модели перехода *ѣ* в *е*) в таких суффиксах, как *-ник*, *-ин*, *-ил* (ср. *ѣрати'тк*, *вѣшин'тк*, *иглин'тк*, *губѣр'тн*, *рѣзрунд'тл* и др.) (Кочев 1983: 297–300).

Вот почему изучение функционирования двух типов редукции и правил их употребления и сосуществования в разных ЧДС юго-восточного ареала является актуальной задачей болгарской диалектологии.

Поэтому при анализе функционирования двух типов редукции гласных переднего ряда *и́* и *е́* (а именно — *и́* : *и* и *е́* : *и/е* или *и́* : *е* и *е́* : *е*) в юго-восточных болгарских говорах важно обратить специальное внимание не только на позиционные особенности, т. е. различия в употреблении каждого из гласных в фонетических (линейных) сегментах C'V#, C'VC, C'VC', но и на их распределение по морфемам (т. е. необходим тщательный анализ дистрибуции *е́* : *и*, *е́* : *е*, *и́* : *и* и *и́* : *е*), поскольку именно сочетание двух указанных факторов — позиционного (фонетического) и морфологического — формирует специфику вокальных систем с двумя типами редукции⁴.

В данной статье будут рассмотрены характерные особенности реализации 'вертикального' и 'горизонтального' типов редукции ударных гласных *е́* и *и́* в безударной позиции в некоторых юго-восточных болгарских говорах, относящихся к подбалканскому наречию (Стойков 1968: 80), а именно: а) в говорах села Кортен (Болгария, Новозагорско) и переселенческого села Кирютня (Республика Молдова); материал в них был собран по специально составленной фонетической программе Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой и И. Кочевым в 1985–1988 гг.; эти говоры представляют собой две части некогда единого диалекта, разделившегося около 200 лет тому назад, и в настоящее время являются чрезвычайно близкими между собой по многим чертам фонетики и по устройству фонологической системы (Калнынь, Попова 2007); далее условно объединяем их в «говор КН-КЯ»; и б) в обследованных И. Кочевым в 50-х гг. XX в. говорах ряда сел, локализующихся на востоке Сливенского и в Ямболовском районах, ЧДС которых в своей совокупности рассматриваются им как один «сливенский о-говор» (Кочев 1975).

В подбалканском говоре сел Кортен (КН) и Кирютня (КЯ) безударный нелабиализованный гласный среднего ряда среднего подъема *е*, который находим на месте ударных *е́* и *и́* (в соответствии с 'горизонтальным' типом редукции), употребляется, в основном, в заударной позиции (в аффиксальных морфемах), в то время как в предударной позиции (в корневых и префиксальных морфемах) он встречается значительно реже. Нелабиализованный безударный гласный переднего ряда верхнего подъема *и*, эквивалентный ударным *е́* и *и́* (в соответствии с 'вертикальным' типом редукции), зафиксирован и в предударной, и в заударной позициях (в префиксальных, корневых и аффиксальных морфемах).

⁴ Если болгарские диалектологи, как правило, отмечают факт существования 'горизонтального' типа редукции гласных как очень яркого и специфического диалектного явления, то определение — в рамках одной ЧДС — сферы действия 'вертикального' и 'горизонтального' типов и их взаимоотношений остается, к сожалению, за пределами их интересов.

Выше отмечалось, что болгарские историки и диалектологи не склонны относить 'горизонтальный' тип редукции гласных к позиционным (фонетическим) явлениям. Например, И. Кочев в (Кочев 1983) свою точку зрения о том, что изменение $\acute{e} > \epsilon$, $\acute{u} > \epsilon$ не является фонетически обусловленной редукцией, обосновывал (основываясь на данных, содержащихся в исследованиях по болгарской диалектологии и истории языка, и особенно — на основании собранного им лично материала сливенского *о*-говора) следующими аргументами:

а) фонетическая редукция — это повышение подъема «широких» ударных гласных звуков, оказавшихся в безударном слоге; такое изменение ограничено пределами одного и того же тембрового класса (например, $\acute{e} > \epsilon > u$, $\acute{o} > \rho > y$, $\acute{a} > a/\bar{a} > \bar{a}$), данная редукция в своей реализации характеризуется последовательностью и предсказуемостью;

б) изменение же ударных гласных звуков в безударном слоге, которое не ограничивается пределами одного тембрового класса, не относится к фонетической редукции; оно затрагивает не только подъем, но и ряд гласного (например, $\acute{e} > \epsilon$, $\acute{u} > \epsilon$), сфера реализации данного изменения ударных $\acute{e}$ и $\acute{u}$ ограничена, поскольку такое изменение в рамках одной ЧДС всегда сосуществует с истинной редукцией;

в) если переход $\acute{e} > \epsilon > u$, $\acute{o} > \rho > y$, $\acute{a} > a/\bar{a} > \bar{a}$ имеет автоматический характер, то переход $\acute{e} > \epsilon$, $\acute{u} > \epsilon$ фиксируется, как правило, в тех или иных аффиксальных морфемах.

Однако позднее (в конце 80-х годов) наличие большого материала, собранного Л. Э. Калнынь, Т. В. Поповой и И. Кочевым в другом юго-восточном говоре, а именно — в кортенско-кирютненском говоре (далее — КН-КЯ говор), убедило И. Кочева в том, что исключать фонетическую обусловленность перехода $\acute{e} > \epsilon$, $\acute{u} > \epsilon$ было бы неправильно: в подавляющем большинстве собранных примеров безударный гласный ϵ на месте ударных $\acute{e}$ и $\acute{u}$ употреблен в соседстве с предшествующими или последующими сонорными согласными; именно под воздействием этих согласных нелабиализованные гласные переднего ряда и верхне-среднего подъема понижают свой подъем и передвигаются в средний ряд (Кочев 1989: 492). О влиянии носовых и плавных на изменение подъема гласных и нейтрализацию такого признака, как степень раствора, см. в (Трубецкой 1960: 261–262). При этом дистрибуция безударного ϵ в КН-КЯ говоре не ограничивается употреблением только в аффиксальных морфемах, он широко представлен и в корнях, например: корневые морфемы — *с'ѣла́*, *б'ѣла́* 'была', *п'ѣро́*, *ш'ѣр'ина́*, *ис'ѣнтъ*, *м'ѣр'иши́*, *иѣрма́*, *буйѣна́к*, *к'ѣр'ѣч'* и мн. др.; аффиксальные морфемы, субморфы, морфонологические

сегменты — *к'ис'ел*, *уч'ит'ел*, *йофт'ен*, *л'ед'ен*, *ор'еф*, *тур'еф*, *изгám'ен't'и*, *с'ир'ен'и*, *п'ил'ефта* и др. Такая распространенность безударного *е* в речи носителей говора и особенности его синтагматики послужили аргументом для того, чтобы интерпретировать вокализм КН-КЯ говора как *вокализм сонорного типа*, который в славистике еще не был описан (Кочев 1989).

Действительно, наблюдение И. Кочева справедливо: в подавляющем большинстве случаев безударный *е* в КН-КЯ говоре фиксируется в соседстве с сонорными согласными. Однако немало случаев употребления этого согласного и в соседстве с другими согласными, например: в предударной позиции — *ч'ехк'ин'а*, *ч'етмо*, *мараф'етл'ийка*; в заударной позиции — *кож'ета*, *лж'ет*, *зайч'ета*, *бакърч'ета*, *фт'ич'ефта*, *клонч'еста*, *дун'ек*, *лан'ета*, *с'ип'ет*, *кун'ех*, *истбд'еф*, *ч'еш'е*, *утр'е*, *с'етн'е* и др. Данное обстоятельство свидетельствует о чрезвычайно широкой сфере употребления безударного *е* и явной его продуктивности в вокальной системе КН-КЯ говора (Калнынь, Попова 2007: 86–89, 98–103).

Наряду с определением фонетических условий, в которых фиксируется 'горизонтальный' тип редукции в КН-КЯ говоре, большой интерес представляет и его реализация в рамках тех или иных морфем. Так, безударный *е* находим в немногих корневых морфемах, например: **в соответствии с ударным *е́*** — в *ж'др'еб'ец* (при *ж'др'ецув'и*), *ж'елтаву* (при *ж'елт*), *с'ела́* (при *с'елу*), *ч'ела́* (при *ч'елу*); **в соответствии с ударным *и́*** — в *б'ела́* (при *б'ил*), *ид'енáйс'и* (при *ид'ин*) и в некоторых других корнях. Что касается аффиксальных морфем, в рамках которых также употребляется безударный *е* (соответствующий ударным *е́* и *и́*), то их список довольно внушителен, строго определен и поддается перечислению. Так, **на месте ударного *е́*** безударный *е* находим в суффиксе прилагательных и причастий *ен/ен* (*дол'ен* : *з'ил'ен*, *зготв'ен* : *дув'ен*), в морфонологическом сегменте *ет/ет*, расширяющем основу сущ. ср. р. мн. ч. (*кот'ета* : *к'уфт'ета*, *кутл'ефта* : *пул'етафта*), во флексии наречий (*утр'е* : *дубр'е́*); **соответствие ударному *и́*** зафиксировано в таких аффиксах, как субстантивный суффикс и суффикс притяж. прил. *ин/ен* (*ц'иган'ен* : *густуд'ин*, *баб'ен*, *маик'ен*), в аористной связочной морфеме (*нагрáб'ех* : *надруб'их*) и др. Важно, что указанные аффиксальные морфемы обслуживают в говоре большой круг слов, поэтому их частотность в языке достаточно высока, а следовательно — высока и частотность употребления безударного *е* (там же: 112–121).

Таким образом, в КН-КЯ говоре чередование нелабиализованных ударных гласных переднего ряда *е́* и *и́* с безударным нелабиализованным гласным среднего ряда *е* (т. е. по правилам 'горизонтального' типа редукции) обнару-

живает как фонетическую обусловленность (безударная позиция и преимущественное соседство с сонорными), так и зависимость от знакового строения текста.

Характерной чертой этого говора является и то, что в нем 'горизонтальный' тип редукции сосуществует с 'вертикальным'. В связи с этим закономерно возникает вопрос об особенностях функционирования — в условиях данного сосуществования — также и 'вертикального' типа редукции. Т. е. важно установить, имеются ли в КН-КЯ говоре определенные факторы, обуславливающие изменение ударных гласных *é* и *í* в безударной позиции именно по 'вертикальному' типу редукции, если известно, что в тех ЧДС, в которых 'вертикальный' тип редукции выступает в качестве единственной модели соотношения ударных и безударных гласных, он представляет собой фонетическое (позиционное) явление, обуславливается только фонетическим контекстом, осуществляется в рамках одного тембрового класса и характеризуется последовательностью и безысключительностью в своей реализации, т. е. имеет эффект «охвата всех слов» (Панов 1967: 405).

Однако в КН-КЯ говоре эти характеристики 'вертикального' типа редукции имеют весьма относительный характер, так как в целом ряде случаев ударные гласные *é* и *í* изменяются в безударной позиции, как это было показано выше, не по 'вертикальному' типу, а по 'горизонтальному', и, следовательно, принцип «охвата всех слов» для 'вертикального' типа редукции в этом говоре уже неприменим. Поэтому очевидно, что для определения сферы действия чередований ударных *é* и *í* с безударным *и* также необходимо обратиться к знаковому строению текста. Дело в том, что изменение этих ударных гласных и в 'вертикальном' типе происходит в рамках многих аффиксальных морфем (но не тех, которые характерны для 'горизонтального' типа редукции). Например, безударный *и* как эквивалент ударных *é* и *í* отмечен в следующих аффиксах: **на месте ударного *é*** — во флексии мн. ч. неопределенных и определенных сущ. м. р. (*снóп'и* при *кун'é*, *стulóв'ит'и* при *плудув'ét'и*), во флексии ед. ч. неопределенных и определенных сущ. ср. р. (*лóz'и* при *маз'é*, *б'éb'иту* при *н'иб'étу*), в суффиксе сущ. м. р. *éц/иц* (*турла-ч'án'иц* при *лъж'éc*, *с'ин'éc*), в суффиксе прилагат. *эш'к/иш'к* (*н'íl'иш'ка* при *ч'ув'эш'ка*), в глагольной флексии 3 л. ед. наст. (*уж'én'и* при *къл'н'é*), в вокальном элементе и членной морфеме мн. ч. (*кун'ét'и*, *кл'уч'уфт'и*, *ж'е-н'ит'и*, *л'ибóмн'иц'ит'и*, *кумиш'ий'ён'ит'и*, *ур'ид'ён'ит'и*); **в соответствии с ударным *í*** — во флексиях мн. ч. сущ. и прилаг. ж. р. (*гуш'и* при *душ'í*, *мóк-р'и* при *дубр'í*), в суффиксе *ík/ик* сущ. м. р. (*св'ихч'én'ик* при *вуйн'ík*), в суффиксе *иц/иц* сущ. ж. р. (*гúгур'ица* при *кукув'ица*), в уменьшительном суф-

фиксе *ич'к/ич'к* (л'эл'ич'ка при кул'ич'ка), в суффиксе сущ. ср. р. *ичч'/ичч'* (назв'ичч'и при л'ит'ичч'и), в морфонологическом сегменте *иш'т/иш'т* сущ. м. р. мн. ч. (двор'иш'та при грѣд'иш'та). В отличие от 'горизонтального' типа редукции, широко представлено изменение указанных гласных по 'вертикальному' типу и в корневых морфемах, например: **в соответствии с ударным *é*** — м'идѣ при м'ѣт, с'истра́ при с'ѣс'т'р'и, н'имк'ин'а при н'ѣм'иц и мн. др.; **в соответствии с ударным *ú*** — кур'ита́ при кур'иту, стр'игѣт при устр'иган, б'икѣ́ при б'ик и мн. др. (там же: 117–121).

Исследованный материал КН-КЯ говора показал, что чередования ударных гласных *é* и *ú* с безударным *и*, реализуемые по правилам 'вертикального' типа редукции, занимают в говоре господствующее положение. Это, по-видимому, может свидетельствовать о том, что именно 'вертикальный' тип редукции был той основой, на которую позднее наслои́лся 'горизонтальный' тип редукции. К сожалению, как уже отмечалось выше, в болгаристике нет работ, посвященных изучению сосуществования двух типов редукции в юго-восточных болгарских говорах как в синхронном, так и в диахроническом аспектах. Что же касается сосуществования этих типов в КН-КЯ говоре, то необходимо обратить внимание на следующий важный факт, о котором кратко упоминалось выше: сфера действия как 'вертикального', так и 'горизонтального' типов редукции строго разграничена и закреплена за определенными словоизменительными, словообразовательными и лексическими (т. е. корневыми) морфемами. Это говорит об известной автономности двух редукций, которые не конкурируют друг с другом, а функционируют порознь, т. е. самостоятельно, каждая в своем участке языковой системы. Важно еще раз подчеркнуть, что именно поэтому в отдельной ЧДС практически невозможно вариативное изменение ударных гласных *é* и *ú* в морфах одной морфемы одновременно и по 'вертикальной', и по 'горизонтальной' моделям редукции.

Одной из существенных диалектных особенностей юго-восточных говоров является то, что разные ЧДС, вокальные системы которых характеризуются двумя типами редукции, имеют различную дистрибуцию безударных *и* и *е*, соответствующих ударным *é* и *ú*. Это обуславливает наличие вариативного произношения некоторых словоформ с *и* и *е* в разных ЧДС, т. е. наличие вариативности в лингвогеографическом плане (например, в ЧДС₁ — пл'ѣмн'ик, в ЧДС₂ — пл'ѣмн'ек). Данное обстоятельство красноречиво иллюстрируется сопоставлением материала юго-восточных говоров: КН-КЯ и сливенского о-говора.

Так, в сливенском о-говоре, исследованном И. Кочевым (Кочев 1975), распределение по аффиксальным морфемам результатов 'горизонтального' и

‘вертикального’ типов редукции во многом совпадает с КН-КЯ говором. Однако можно отметить, что чередование ударных *é* и *í* по ‘горизонтальной’ модели редукции охватило в сливенском говоре, по сравнению с КН-КЯ говором, значительно большее число аффиксальных морфем. Например, суффикс сущ. м. р. *-íк*, который в заударной позиции в КН-КЯ говоре произносится как *ик* (*пл'émн'ик* при *вуйн'íк*), в сливенском говоре реализован как *-эк*: *кóшн'эк*, *дóмн'эк*, *упáсн'эк*, *чéтн'эк*, *дрéшн'эк*, *чистíл'н'эк*, *тíкв'ен'эк*, *нивéрн'эк*, *клéтн'эк*, *ч'сóвн'эк* (при *стр'шн'íк*, *г'рузн'íк*, *г'льшн'íк*, *белан'íк*, *м'ьн'íк*). Флексия мн. ч. сущ. м. р. *-í* (ср. *руг'í*, *урл'í*) в КН-КЯ говоре в заударной позиции, по законам ‘вертикальной’ редукции, выражена безударным *и* (ср. *баíр'и*), в сливенском же говоре, по законам ‘горизонтальной’ редукции, реализована безударным *е* (*ка́мьн'е*, *машинíст'е*, *м'ьндáр'е*, *сно́п'е*, *б'ьт'уш'е*). Вокальный элемент членной морфемы мн. ч. в сущ. м. р., представленный в КН-КЯ говоре заударным *и* (ср. *кл'úч'уфт'и*), в сливенском говоре выражен гласным *е* (*купóнт'е*, *кóсурт'е*, *ч'у́к'ьнт'е*, *ол'у́фт'е*, *клáсуфт'е*, *р'одуфт'е*, *п'ьнт'ьлóнт'е*); однако вокальный элемент той же членной морфемы мн. ч., но в сущ. ж. р. в сливенском говоре (как и в КН-КЯ) реализован заударным *и* (*бу́л'к'ит'и*, *ры́ч'эт'и*, *ж'ин'ít'и*). Напротив, суффикс притяжательных прилагательных, который в безударной позиции в КН-КЯ говоре содержит гласный *е* (*ба́б'ен*, *ма́йк'ен*), в сливенском говоре образуется вариативно — и с безударным *е*, и с безударным *и* (*ма́йк'ен/ма́йк'ин*, *ба́шт'ен/ба́шт'ин*). Создается впечатление, что в сливенском говоре и в корневых морфемах безударный *е* употребляется также чаще, чем в КН-КЯ говоре.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что в разных говорах юго-восточной Болгарии сферы реализации как ‘вертикального’, так и ‘горизонтального’ типов редукции совпадают далеко не полностью, поэтому и их удельный вес в вокальных системах этих говоров является различным.

Вот почему применительно к юго-восточным болгарским говорам важно определить в каждом из них границы двух подсистем безударного вокализма, в одной из которых действуют правила ‘горизонтального’ типа редукции ударных гласных *é* и *í* в безударной позиции, а в другой — ‘вертикального’. Для этого необходимо прежде всего выявить инвентарь аффиксальных и корневых морфем, в рамках которых на месте *é* и *í* употребляются безударные гласные *е* или *и*, а также фонетические позиции, актуальные для данных гласных.

На основании всего вышесказанного возникает вполне закономерный вопрос: являются ли в настоящее время, на современном этапе развития, сосуществующие в одной ЧДС чередования, реализуемые по правилам как ‘вер-

Материал юго-восточных говоров показал, что фонетическая обусловленность характеризует в известной степени и ‘горизонтальный’ тип редукции. Действительно, данная редукция также отмечается в безударной позиции. Но для ее осуществления необходимо наличие еще одного, дополнительного, фонетического условия. Выше упоминалось, что анализ фактов фонетической реализации ‘горизонтального’ типа редукции в КН-КЯ говоре, проведенный И. Кочевым (Кочев 1989), продемонстрировал достаточно ярко выраженную зависимость появления безударного гласного среднего ряда среднего подъема *e* не только от ударения, но и от консонантного контекста. В подавляющем большинстве зафиксированных примеров безударный гласный *e* на месте ударных *é* и *ú* употреблен в соседстве с предшествующими или последующими сонорными согласными, и не только в аффиксальных морфемах, но и в корневых, ср., например, наличие: твердого и мягкого латерального сонанта [л, л’] — *с’э́ла, б’э́ла* ‘была’, *пру́л’э́ть, к’у́л’э́фть, к’и́с’э́л, ку́л’э́ло, уч’и́т’э́л*; твердого и мягкого вибранта (переднеязычного сонанта) [р, р’] — *мъга́р’э́ть, н’э́ро, к’э́р’э́ч, ш’э́р’и́на, зв’э́рув’э́, о́р’э́ф, ту́р’э́ф, с’и́р’э́н’и, у́тр’э́, м’э́р’и́ш’и, твердого и мягкого назального сонанта [н, н’] — и́оф́т’э́н, ст’э́на, о́г’э́н, о́г’э́н’э́, ц’и́гън’э́н, ж’и́л’э́з’э́н, с’э́т’н’э́; мягкого губного назального сонанта [м’] — хрóм’э́л, т’м’э́н, с’м’эху́в’э́, с’и́м’э́на, игза́м’э́н’т’и; спира́нта (среднеязычного сонанта) [й] — и́ерма́, буйе́нак, за́йек, гу́л’э́йет, ц’э́йва́нъ; мягкого губного сонанта [w’] — зóгтw’э́х, д’э́w’э́р, зв’э́руw’э́, д’э́rw’э́н’и́цъ и мн. др. В подавляющем большинстве случаев безударный *e* в данном говоре фиксируется именно в соседстве с сонорными согласными, что позволяет констатировать в указанном явлении фонетическую обусловленность. Наличие значительно меньшего числа примеров с безударным гласным *e* в соседстве с другими согласными (*ла́н’э́ть, исп’э́д’э́ф* и под.) — на фоне множественного употребления этого гласного рядом с сонорными —*

не опровергает справедливости вывода, сделанного И. Кочевым; см. также (Калнынь, Попова 2007).

Итак, данные факты свидетельствуют о том, что фонетическая обусловленность явно присутствует как в 'вертикальном', так и в 'горизонтальном' типах редукции гласных. Но при этом присутствует и ограничение указанной обусловленности морфологическим фактором. Иными словами, в КН-КЯ говоре при 'вертикальном' и 'горизонтальном' типах редукции гласных имеет место сочетание чисто фонетических факторов (т. е. положения гласного в безударном слоге и в соседстве с сонорными согласными) с морфологическими (т. е. положением гласного в определенных аффиксальных и корневых морфемах). Это, естественно, затрудняет интерпретацию такого явления вокализма юго-восточных говоров, как чередования гласных, обусловленные, с одной стороны, 'горизонтальным', а с другой — 'вертикальным' типами редукции, сосуществующими в рамках одной ЧДС.

Известно, что в диахроническом плане чередования звуков могут менять свой статус позиционных чередований на морфонологические. Это происходит тогда, когда чередования уже не могут быть объяснены современными звуковыми закономерностями данной языковой системы, свойствами самих звуков и правилами их дистрибуции, т. е. перестают быть фактом фонетики. Такие чередования становятся носителями определенной грамматической информации, усиливая или дублируя грамматические значения аффиксальных морфем. И обязательны они лишь для определенных, часто очень ограниченных, участков грамматической системы языка (Славянская морфонология 1987: 5–7).

При этом важно учитывать, что чередования звуков, изначально выступающие как позиционные, а в дальнейшем получившие статус *морфонологических чередований*, формируются, как правило, *самостоятельными фонемами одного ранга*. В *позиционных же фонетических чередованиях* участвуют *фонемы разного ранга*: это чередования *фонем с архифонемами* — в КН-КЯ говоре, например, вокальные фонемы представлены ударными гласными, а вокальные архифонемы — безударными, в которых реализуется нейтрализация вокальных фонемных оппозиций (Калнынь, Попова 2007: 112–131, 145–148).

В связи со сказанным результаты изменения ударных *é* и *ý* по 'вертикальному' и 'горизонтальному' типам редукции в КН-КЯ говоре (а также и в сливенском) следует интерпретировать в качестве *позиционных*, т. е. *фонетических* (а не морфонологических) чередований по следующим причинам.

Во-первых, как в КН-КЯ, так и в сливенском говорах соотношение ударных *é* и *ý* с безударными гласными *и* или *е* имеют значение чередования фо-

нем, реализованных ударными *é* и *ú*, с архифонемами, реализованными безударными *и* и *е*, что характерно именно для позиционных чередований.

Во-вторых, наличие данных безударных гласных в *корневых морфемах* в КН-КЯ и сливенском говорах (в соответствии с нелабиализованными ударными гласными переднего ряда *é* и *ú*) не связано с грамматическим фактором и обусловлено только правилами чередования звуков либо по ‘вертикальному’, либо по ‘горизонтальному’ типам редукции гласных.

И, наконец, в-третьих, важным является то обстоятельство, что данные чередования реализуются *автоматически*, но только или в границах (в поле) действия ‘горизонтального’ типа редукции, или в границах (в поле) действия ‘вертикального’ типа редукции; причем границы данных полей не пересекаются между собой: они могут быть четко определены путем выявления инвентаря аффиксальных морфем (отдельно для ‘вертикальной’ и отдельно для ‘горизонтальной’ редукции) и составления корпуса (также отдельно для каждого типа редукции) корневых (лексических) морфем. Этот факт подтверждают, например, такие заимствования из русского языка в говоре КЯ, как *nár’ɛn*, *barxútk’ɛn*, *K’íjɛʃ*, *raxáŋg’ɛl*, *pukazát’ɛl*, *un’ɛraɥ’íjɛ*, *d’ɛr’ɛktur*, *íɛwruplán*, *bal’iʃ’ɛw’ík*, *izám’ɛnt’u*, *g’ɛrmáɥk’u*, *prɛst’ɛtútkɔ* и др. (с реализацией ‘горизонтального’ типа редукции) и *kalxózn’ik*, *sw’ixɥ’én’ik*, *íástr’ub’iɥɔ*, *kúfn’iɥ’ka*, *názw’ixɥ’u*, *t’il’ixón*, *x’irúrk*, *g’im’iróy* и др. (с реализацией ‘вертикального’ типа редукции). В данных словоформах заударные *е* и *и* употребляются в тех же аффиксальных морфемах, которые отмечены и в исконных болгарских словоформах (ср., например, *guydár’ɛn*, *kum-i’íjɛn*, *g’brm’ɛl*, *uɥ’ít’ɛl*; *l’iɥ’ébn’iɥɔ*, *w’ɛɥ’t’iɥɔ*, *z’ímɥ’ik*, *ʃtórɥ’ik*, *r’ɛn’iɥ’ka* и др.). Что касается безударных *е* и *и* в корневых морфемах, то в заимствованиях эти гласные так же, как и в исконных болгарских словах, характеризуются строгим выбором той или иной морфемы (так, например, в КЯ в заимствованиях из русского языка произносится только *izám’ɛn’t’u*, но не ⁺*izám’in’t’u*; *t’il’ixón*, но не ⁺*t’ɛl’ɛxón* и т. д., и эти, как и другие русизмы, не допускают вариативного произношения отдельной словоформы одновременно с *ɛ* и с *и*).

Все перечисленные факторы свидетельствуют о том, что рассмотренные изменения ударных *é* и *ú* в безударной позиции, фиксируемые в рамках одной морфемы, отвечают статусу позиционных чередований, функция которых заключается в преобразовании одного позиционного набора звуков (максимального — в ударном слоге) в другой (укороченный — в безударном слоге; см. подробнее об этом в (Калнынь, Попова 2007).

Однако материал, характеризующий два типа редукции гласных в двух юго-восточных болгарских говорах (КН-КЯ и сливенском) показал, что интерпретация сегментных чередований как позиционных (фонетических) или морфонологических может быть неоднозначной, и это зависит от той теоретической концепции, которая положена в основу описания⁵.

Литература

- Калнынь 1978 — *Калнынь Л. Э.* Позиционное чередование звуков как элемент сопоставительной диалектной системы // Общеславянский лингвистический атлас Материалы и исследования. 1976. М., 1978. С. 115–140.
- Калнынь, Попова 2007 — *Калнынь Л. Э., Попова Т. В.* Фонетика двух болгарских говоров, функционирующих в условиях разной языковой ситуации. М., 2007. С. 265.
- Кочев 1975 — *Кочев Ив.* Фонологичната система на сливенския о-говор // Въпроси на структурата на съвременния български език. София, 1975. С. 33–91.
- Кочев 1983 — *Кочев Ив.* Тембровка характеристика на източнобългарската редукция // Български език. 1983, кн. 4. София. С. 296–300.
- Кочев 1989 — *Кочев Ив.* За сонорния тип фонологични системи // Български език. 1989, кн. 6. София. С. 491–494.
- Мирчев 1958 — *Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. София, 1958.
- Miletič 1903 — *Miletič L.* Das Ostbulgarische. Wien, 1903.
- Панов 1967 — *Панов М. В.* Русская фонетика. М., 1967.
- Славянская морфология 1987 — *Славянская морфология. Субстантивное словоизменение /* Отв. ред. Т. В. Попова. М., «Наука», 1987.
- Трубецкой 1960 — *Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.

Summary

On the vocalism of East Bulgarian dialects

This article presents the analysis 2 types of reduction of vowels in south-eastern Bulgarian dialects. We also research the question of their interpretation as phonetic or morphonological phenomena.

⁵ Трудностям в интерпретации чередований как явлений, которые могут относиться и к области фонетики, и к области морфонологии, посвящена статья Л. Э. Калнынь, которая дала подробное сопоставительное описание многочисленных разновидностей сегментных позиционных чередований в четырех восточнославянских говорах (двух северо-восточных русских, одном украинском гуцульском и одном белорусском полесском). Проанализировав звуковое содержание этих чередований, их фонетическую и — в ряде случаев — фонетико-морфологическую обусловленность, а также последовательный и непоследовательный характер их реализации, автор показала специфические особенности организации того звена сопоставительной диалектной системы, которое образовано позиционными чередованиями, не выходящими за рамки фонетического уровня (Калнынь 1978).

Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского р-на Московской обл.*

Округ, в котором находится знаменитая деревня Лека, носит название Ялмоть, по речке Ялма, притоке реки Пры. Топоним Ялмоть употребителен в речи жителей до сих пор, но существует и другой — Пышелецкий куст — по теперешнему административному центру Пышлицы. Районный центр — г. Шатура. Естественной границей с Владимирской и Рязанской обл. служит цепь озер (Святое, Дубовое, Шагара, Великое), к юго-востоку от которых, уже на Рязанщине, находятся другие лингвистически привлекательные деревни — Деулино и Новосёлки, говорам которых посвящено немало исследований, а лексика говора дер. Деулина собрана в «Словаре современного русского народного говора» под ред. И. А. Оссовецкого.

Округ Ялмоть (или Ялмат) — обособленная в этнографическом и лингвистическом отношении группа населения.

Лингвистическая ситуация д. Деулина и деревень, входящих в округ Ялмоть, даёт основание для сопоставления их языковых систем, поскольку и те, и другие представляют собой островные говоры. Островное положение способствовало сохранению в обоих говорах целого ряда архаических черт, которые прослеживаются на разных уровнях языковой системы.

В начале XX в. по деревням Ялмоти прошли в одной из своих экспедиций И. Г. Голанов и Н. Н. Дурново. Они были в 1910 году в двух километрах от деревни Лека, обнаружили в этом говоре семифонемный вокализм, то есть существование двух дополнительных фонем средневерхнего подъема — *ʋ* и *ω* (см. Голанов, Дурново 1910). В 1912 и 1915 гг. там побывал А. А. Шахматов, опубликовавший в 1913 году свою знаменитую работу (Шахматов 1913).

Через 43 года после А. А. Шахматова, летом 1945 года, в Ялмоти, в основном в деревне Лека, побывала экспедиционная группа под руководством С. С. Высотского — С. В. Бромлей, Т. С. Коготкова, Н. Н. Кононова. В 1949 году появилась статья (Высотский 1949). С. С. Высотский отмечает островное, изолированное положение этих говоров. Он пишет, что «окраины Ялмоти... представлялись когда-то как границы культурного мира: за лесом и озерами живут “мамái”, “куршаки”, “баляки”, и говорят там по-другому...» (Там же: 8).

Летом 1991 г. экспедиционная группа в составе Л. Л. Касаткина, Р. Ф. Касаткиной и Кристиана Саппока (Бохумский университет, Германия) посетила

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 07-04-0234а «Активные процессы в современной фонетической системе русского языка».

Ялмоть (деревни Шеино и Лека). Было записано 7 часов звучания диалектной речи. Это была разведывательная поездка, которая показала, что за прошедшие со времени экспедиции С. С. Высотского 46 лет говор претерпел лишь незначительные изменения, и многие архаические черты в его системе сохранились. Семифонемная система гласных под ударением, обилие дифтонгических реализаций гласных фонем, следы архаической системы предупредительного вокализма, следы цоканья в системе консонантизма, сохранение твердости согласными в позиции перед /e/ явились ярким доказательством тезиса об устойчивости диалектных звуковых систем: «Устойчивость современных русских диалектов в их фонетике и морфологии предстает как бесспорный факт» (Калнынь 1997: 121). О стабильности языковых систем см. также (Калнынь 1989).

В говоре продолжает сохраняться семифонемный вокализм, произношение немягких согласных перед фонемой /e/, как это было и при А. А. Шахматове. С. С. Высотский добавил к этому следующие наблюдения над архаическими явлениями в фонетике говоров Ялмоти: фонемы /e/, /o/ могут реализовываться не только в монофтонгах [e], [ɔ], но и в дифтонгах [ou], [ei]. Он был первым, кто обратил внимание на особый характер гласного *ы* под ударением: в говорах Ялмоти в соответствии с *ы* произносится гласный напряжённый, сдвинутый в область заднего ряда: с[ы̯]н, пал[ы̯], вад[ы̯]. Раньше такой характер *ы* был отмечен только в севернорусских говорах.

Еще во время краткого пребывания в Леке в 1991 году мы отметили случаи дифтонгической реализации фонемы /y/: ш[бу̯]ба, р[оу̯]шили, обр[оу̯]шить, сл[оу̯]шать, запр[оу̯]да и др. См. (Саппок и др.: 1993), а также (Касаткин 1999: 378; Варбот 2008). Всё это факты, свидетельствующие о сохранении глубокой архаичности фонетической системы описываемых говоров.

Поэтому мы продолжили сбор речевого материала и летом 2007 г. в том же составе посетили некоторые деревни Ялмоти (Пышлицы, Лека, Горелово, сделали 20 часов аудиозаписей). В 2008 году мы снова побывали в Леке и Горелове, а также и в других деревнях этого куста: в Кушэвице, Зименка́х, Филима́кине, Дорофе́еве, Фили́сове (записали 30 часов звучания).

Материал, собранный во время двух последних поездок в деревни Ялмоти, позволил добавить к уже имеющемуся набору дифтонгов два других: [иа̯] и [йо̯]: [п'иа̯]ть – пять, [м'иа̯]со – мя́со, [в'йо̯]л – ве́л, [с'йо̯]ла – се́ла). О дифтонгах такого типа в других русских говорах см. (Бубрих 1913; Касаткин, Пауфощима 1981).

Кроме того, мы отметили существование архаических грамматических форм (например, формы 3-го лица наст. времени глаголов 1-го спряжения без

конечного -*т* (*берё, идё, несё, течё*), формы плюсквамперфекта у глаголов, напр., *он был уехал*), архаизмов в лексике (*золóвь* – ‘золовка’, *новиня́* – ‘нынче’ и др.) — всё это позволяет причислить говор Ялмоти к числу наиболее привлекательных объектов для системного диалектологического исследования.

Наши основные информанты — женщины 1925, 1926, 1927 гг. рождения. Во время экспедиции С. С. Высотского им было по 18–20 лет.

С динамикой развития говора можно связать появление случаев монофтонгизации дифтонгов, которые мы отметили во время последних экспедиций: (*прио*[хвó]т*ила* – *приохóтила*, *пропо*[лвó]т*ь* – *прополóть*, *по*[лвó]т*ь* – *полóть*, *о*[хвó]т*а* – *охóта*, [кво]н*ь* – *конь*, [хвó]т*ца* – *хóчется*, [двó]б*рый* – *дóбрый*, у[м'јé]л*ый* – *умéлый*, в[ów]д*у* – *вóду*, з[ów]д*у* – *зóду*, ко[нз́й]ц*ь* – *конéц*, м[з́й]т*ров*, [п'ја]т*ь* – *пять*, [м'ја]с*о* – *мясо*). Были записаны также гиперкорректные формы: [т'ó]р*дый* – *твёрдый*, д[уó]е – *двóе*, д[уó]р – *двор*, в которых этимологический согласный ([w]) как бы «поглощается» первым компонентом дифтонга [уо]. По поводу этой диалектной инновации замечу, что здесь мы имеем дело с развитием диалектной системы, не зависящим от влияния литературного языка.

Не останавливаясь на всех основных чертах фонетики говора, сосредоточусь только на некоторых, которые в диалектологической литературе до сих пор не нашли адекватного объяснения. Это касается предударного вокализма и некоторых особенностей консонантизма.

Предударный вокализм

С. С. Высотский писал: в говоре Леки «после смягченного согласного в предударном слоге ...представлено еканье с четко произносимым звуком *е* ... По материалам Дурново и Шахматова, еканье считается основным признаком вокализма для всей данной округи» (Высотский 1949: 35). Но Н. Н. Дурново даже на основании своего экстенсивного обследования отметил в говоре также и элементы яканья, что он объяснял активным воздействием со стороны южнорусского наречия. Спорадическое употребление форм сильного яканья «в смешении с еканьем при характерном колебании качества предударного звука» отмечал и С. С. Высотский в статье 1949 г.: «Часто он (предударный гласный после мягких согласных. — *Р. К.*) представлен в виде гласного, лишь слегка пониженного по сравнению с *е*, но уже, безусловно, принадлежащего категории переднего *а*. Менее часто слышится совсем явно выраженное образование *а*, возможное при яканье» (Там же: 35).

Это неустойчивое, колеблющееся состояние предударного вокализма после мягких согласных сохранилось в говорах Ялмоти и до нашего времени.

Поскольку в нашем распоряжении имеется большое количество аудиозаписей речевого материала¹, надежная звукозаписывающая аппаратура и компьютерные программы для анализа речевых сигналов, мы смогли представить более полную картину соотношения звукотипов [е] и [а] в первом предупредарном слоге в обсуждаемом говоре.

Сплошное прослушивание большого массива записей показало, что присутствие большого количества *а*-образных гласных (наряду с *е*-образными) в первом предупредарном слоге продолжает быть характерной чертой говора. Эти реализации возможны в разных позициях, не зависят от качества гласных под ударением и от качества следующего согласного (*с[е]стрá* – *с[’а]стрá*, *р[е]кá* – *р[’а]кá*, *ч[е]сóв* – *ч[’а]сóв*, *н[е]мú* – *н[’а]мú*, *н[е]тóк* – *н[’а]тóк*). И по нашим данным, как и по данным С. С. Высотского, количественно преобладает еканье — около 70% всех случаев.

Л. Л. Касаткин провел эксперимент по восприятию разными аудиторами (20 человек) гласных 1-го предупредарного слога после мягких согласных в текстах, записанных от разных информантов, живущих в разных деревнях Ялмоти (Касаткин 2009). Анализ аудиторских ответов, обработанных статистически, подтвердил правильность наших предварительных наблюдений: выявились три зоны перцептивных эталонов варьирующих гласных: [е] (количественно преобладающая), [’а] (значительно меньшая) и зона смещения этих двух звукотипов. Близость южнорусских говоров² свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в прошлом они составляли единое целое с говорами Ялмоти.

При анализе прослушанного материала обращают на себя внимание два момента. 1) Выделяется позиция после *ч* — здесь явно преобладает яканье: *но[ч’а]вáла*, *[ч’а]сóв*, *но[ч’а]мú*, *ни[ч’ав]ó*, *в[ч’а]рá* — 66% случаев произношения [’а] против 34% случаев произношения [е]. 2) Также особым образом ведут себя местоимения: в них тоже больше случаев яканья: *[йа]гó*, *[йа]мú*, *[с’а]бé*, *[ч’а]гó* — 60% якающих форм против 40% екающих. К обсуждению позиции после *ч* обратимся в разделе о консонантизме, а что касается местоимений, то они ведут себя как особая подсистема и могут дольше сохранять приметы более раннего архаического состояния фонетической системы (об этом см. Савинов 2002).

Совершенно новое явление в предупредарном вокализме после твердых согласных говора Ялмоти, обратившее на себя наше внимание и не замеченное

¹ У С. С. Высотского не было магнитофонных записей.

² «Южные пределы Ялмоти соприкасаются с узкой полосой говоров с явной южнорусской основой (с ассимилятивно-диссимилятивным яканьем)... там дольше сохранялся южнорусский женский костюм — панева и “рога”» (Высотский 1949: 7–8).

предшествующими исследователями, — присутствие элементов диссимилиативного аканья.

Границы распространения диссимилиативного аканья проходят значительно восточнее, чем это обычно считается и чем это представлено на карте № 1 ДАРЯ (ДАРЯ 1986). Мои исследования показали, что такой тип вокализма представлен не только на западе южнорусской территории, как это обычно считается, но и значительно восточнее, в говорах Тульской и даже Восточной (Рязанской) групп южнорусского наречия. Об этом свидетельствуют, в частности, магнитофонные записи текстов в звучащей хрестоматии «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие», а также в статье (Касаткина 1998). Это отмечено также в (Савинов 2003).

В говоре Ялмоти отмечены следы диссимилиативного аканья (у всех 5 информантов из Леки и Горелова, записи речи которых были прослушаны), что проявляется в произношении гласного [э] в позиции перед ударным [á]: *ст[э]ять, н[э]яла, с[э]ма, н[э]хали, настр[э]гала, пр[э]щай, стр[э]гала, ск[э]зál, н[э]вáришь, ник[э]дá*.

Кроме того, были обнаружены случаи произношения гласного [э] в позиции перед фонемами /o/-открытое и /e/-открытое в таких словах, как *т[э]ко́й, з[э]зе́та, пл[э]то́к, н[э] то́рф*, что соответствует отражению реликтов архаического диссимилиативного аканья.

Следует отметить, что при отходе диалектных систем от архаического состояния диссимилиативное аканье, даже его архаические типы, в говорах держится значительно дольше, чем яканье. Объяснение, к которому неоднократно прибегал в своих устных выступлениях С. С. Высотский, следует искать в социолингвистическом аспекте. Яканье — яркая диалектная черта³, которая негативно оценивается горожанами и которой стыдятся носители диалекта, поэтому понятно их стремление отказаться от этой диалектной черты. Диссимилиативное аканье менее заметно для слушающих, поэтому держится в говорах дольше.

Кроме того, важна и фонетическая реальность. В упомянутой выше статье я писала: «Возникает вопрос, почему фиксация разных типов диссимилиативного аканья более затруднительна, чем разных типов яканья. Дело в том, что артикуляционный контраст между гласными переднего ряда [a], [a] и [э] оказывается гораздо менее четко выраженным, чем между гласными переднего ряда [æ], [e] и [и], более удалёнными друг от друга в артикуляционном пространстве» (Касаткина 1998).

³ С. С. Высотский называл эту произносительную диалектную особенность «серой, мужицкой».

О некоторых чертах консонантизма

Частотность а-образных реализаций предударных *a*, *e* в говоре Ялмоти (по[ч'а]мў, [ч'а]сў и т. п.), возможно, связана с тем, что говор в недалёком прошлом был цокающим. На следы твердого цоканья в говоре Леки обратил внимание С. С. Высотский. Оно, в частности, сохраняется в местной топонимике (Кушóвица — из Якушéвичи, Пы́шлица — из Пы́шеличи). В наших записях зафиксировано неоднократно произнесенное *Церка́сово* (Черкасово)⁴. Кроме того, С. С. Высотский пишет, что «как реликты утраченного цоканья сохранились те редкие слова, которые не встретили в речи литературного типа соответствующий образец “для исправления” — *кэцеды́к, цур-цура*» (Высотский 1949). В наших записях отмечен случай *рэчка течё цóрная* с прогрессивной дистактной диссимиляцией, форма *сцáс*, а также *вну́чка, дóчка, Пóлицка* — при передаче речи женщин старшего поколения — матери или бабушки. Отмечена также гиперкорректная форма *чад́ят* вместо *цед́ят* (сказано: *их через ма́рлю чад́ят*).

Неожиданной находкой явилось произношение несколькими информантами γ-фрикативного в соответствии с фонемой /г/, и отмечено оно было преимущественно в подсистеме местоимений: [ч'аγó], [н'ич'аγó], [каγó]. Зафиксировано такое произношение также и в случаях [маγў], [браγў]. В случае [сва́г'и] (*сва́и* — им. мн. от *сва́я*), записанного от одной из наших информанток, мы имеем дело с гиперкорректной формой, где вместо [j], в котором может реализоваться /γ'/, ошибочно (в соответствии с литературным языком) произнесен [г'].

Заключение

Итак, со времени первых фиксаций основных особенностей говоров Ялмоти прошло почти сто лет. Островное положение говоров и устойчивость их языковой системы делают возможным сохранение фонетического строя, в том числе и таких его фрагментов, которые являются свидетельствами южнорусского происхождения этих говоров. Изменения, происходящие в нем, — результат скорее внутреннего развития самого говора, нежели воздействия со стороны литературного языка.

Остатки яканья, отмечавшиеся и ранее Н. Н. Дурново и С. С. Высотским, и существующие в говоре Леки до нашего времени, а также следы диссимилятивного аканья, в том числе и диссимилятивного аканья архаического ти-

⁴ Топонимы Кушевица и Пышлица зафиксированы на картах, а *Церкасово* отмечено только в устной речи (на картах — Черкасово).

па, отмеченные нами в двух последних экспедициях, свидетельствуют о южнорусском происхождении этого говора. По-видимому, еканье — более позднее явление, которому предшествовало яканье (сильное или, возможно, какого-то другого типа, который утратился уже к началу 20-го века).

Литература

- Бубрих 1913 — Бубрих Д. В. Фонетические особенности говора с. Пустошей (Ягодинск. вол. Суходогск. уезда Владимирской губ.) // Известия ОРЯС. 1913. Т. 18. Кн. 4.
- Варбот 2008 — Варбот Ж. Ж. Факультативная дифтонгизация этимологического у в русских говорах // Русский язык в научном освещении. № 1 (15), 2008.
- Высотский 1949 — Высотский С. С. О говоре д. Лека // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 2. М., 1949.
- Голанов, Дурново 1910 — Голанов И. Г., Дурново Н. Н. Отчёт экспедиции для определения границ оканья и аканья // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 3, 1910.
- ДАРЯ 1986 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I: Фонетика. М., 1986.
- Калнынь 1989 — Калнынь Л. Э. О факторах фонетической стабильности языкового идиома в условиях языковых контактов // Deseta konferencija Međunarodne komisije za fonetiku i fonologiju slovenskih jezika. Sarajevo, 1989.
- Калнынь 1997 — Калнынь Л. Э. Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. 1997, № 3.
- Касаткин 1999 — Касаткин Л. Л. Современная русская и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2009 — Касаткин Л. Л. Особенности восприятия звуков речи, выступающих в разных фонетических позициях // Вопросы языкознания (в печати).
- Касаткин, Пауфощима 1981 — Kasatkin L. L., Paufošima R. F. The use of the segmenting apparatus in the analysis of the vocalism of Russian dialects // Symposium: Processing of dialectological data (Tallinn, November 23–25, 1981). Summaries. Tallinn, 1981.
- Касаткина 1998 — Касаткина Р. Ф. Южнорусское наречие. Новые данные // Вопросы языкознания. 1998, № 6.
- Савинов 2002 — Савинов Д. М. Об особенностях произношения местоимений в форме родительного падежа (типа *его*) в южнорусских говорах // Проблемы фонетики IV / Отв. ред. Р. Ф. Касаткина. М., 2002.
- Савинов 2003 — Савинов Д. М. О диссимилативной основе предупредного вокализма в говорах Тульской обл. // Русистика на пороге XXI века: Проблемы и перспективы. М., 2003.
- Сапкок и др. 1993 — Сапкок К., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Новые наблюдения над говором д. Лека (по следам А. А. Шахматова и С. С. Высотского) // Die Welt der Slaven. 1993. Jg. 38.1 (N. F. 17, 1).
- Шахматов 1913 — Шахматов А. А. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия ОРЯС. 1903. Т. 18, кн. 4.

*Summary***New Data on the Dialect of the Leka Village
(Shatura District, Moscow Region)**

Nearly 100 years have passed since the main features of Yalmot dialect were first recorded. Our research proves that the changes in the phonetical system of the dialects that have taken place during this period are not significant, being the result of the dialects' development, not the standard language's influence.

Позиции регрессивной аккомодации и гармонии гласных в закарпатском говоре с. Синевир*

0. Настоящая статья посвящена позиционному распределению «узких» и «напряженных» аллофонов гласных фонем /ɪ/, /e/ и /o/ после твердых согласных (вне зависимости от ударения) в говоре с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл. Украины. В научной литературе закарпатское позиционное изменение гласных /e/ и /o/ известно под названиями «аккомодации» и «вокальной гармонии». Оно отражено в диалектологических атласах (АУМ 2, карта 58; ЛАЗО III, карты 310, 389) и, по данным атласов, распространено на всей территории собственно закарпатских (не гуцульских) говоров.

АУМ и ЛАЗО несколько различаются в подаче материала при картографировании явлений сужения *o* и *e* независимо от ударения¹. В АУМ отдельными изоглоссами показаны явления аккомодации и вокальной гармонии. В первом случае речь идет об изменении гласных перед мягкими согласными и *j* (*ós'in'*, *nópil*, *qb'id*, *toq'i*, *soq'i*, *toji*, *dvér'i*, *otéc'*, *tést'*, *rubél'*), *w* (*dówge*, *golówka*, *jqowč*, *zowíw'a*, *déwjat'*) и слогом с *y*, *ï* (для *o*) (*xódžu*, *wódžu*, *wódu*, *golúbka*, *wolí(w)*, *nášomu*) — при этом выделяются отдельные зоны (в основном за пределами Закарпатья), где происходит только сужение *e* перед мягкими согласными [*otéc'*, *tést'*, *rubél'*, *dvér'i*] или только сужение *o* перед слогом с *y* [*xódžu*, *wódžu*, *na wódu*, *golúbka*]². Во втором случае (вокальная гармония) речь идет об изменении гласных в слогах, предшествующих аккомодированному (*nérstěn'*, *tépér'*, *legén'kij*; *kolódjaz'*, *woróbéc'*, *otéc'*); изоглоссы вокальной гармонии имеют разную конфигурацию и практически не выходят за пределы Закарпатской области (за исключением с. Волосянка Сколевского р-на Львовской обл.), не захватывая при этом некоторых северных и северо-восточных закарпатских пунктов. В ЛАЗО явления

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

¹ Явления сужения *o* и *e* только в безударном положении имеют совершенно иное географическое распределение (так, сужение безударного *e* в разных позициях широко распространено по всей территории II тома АУМ, кроме среднеполюсских говоров, — АУМ II: карты 32–34, 36, 37, 39; сужение безударного *o* отмечается на территории II тома АУМ во Львовской, Волынской, Житомирской областях — АУМ II: карты 55–56).

² За пределами Закарпатья аккомодация *o* и *e* перед мягкими согласными и *j* отмечается АУМ в нескольких пограничных прикарпатских пунктах, аккомодация *e* — также в некоторых пунктах на территории Ивано-Франковской и Тернопольской областей.

аккомодации и вокальной гармонии объединены в одной изоглоссе (совпадающей для гласных *о* и *е*), и позиция изменения гласных определена следующим образом: «сужение *е* в позиции перед мягкими согласными и как следствие регрессивной ассимиляции к суженному *е*, возникшему перед палатальными» (карта 389); «сужение *о* в позиции перед палатальными согласными, лабиализованными *у*, *й*, *в* и вследствие регрессивной ассимиляции к суженному *о*, возникшему перед палатализованными и лабиализованными» (карта 310). По данным ЛАЗО, эти явления свойственны всем закарпатским говорам, кроме гуцульских.

Нас интересуют регрессивные позиционные изменения гласных, связанные с вокальной гармонией, т. е. такие иницирующие их факторы, действие которых продолжается в дальнейших предшествующих слогах.

1.1. Впервые явления регрессивной аккомодации и вокальной гармонии были подробно исследованы Олафом Брокком в его классической работе «Угро-русское наречие села Убли (Земплинского комитата)» (Брок 1899) — на материале лемковского украинского говора в восточной Словакии (с рефлексом **ō* > *û*). О. Брок выделяет следующие позиции изменения гласных: 1) перед палатализованными согласными (в «палатализованных слогах», по терминологии автора); 2) *о* перед звуками «группы *и*»; 3) действие палатализации и звуков «группы *и*» на гласные более отдаленных слогов («ретрогрессивная вокальная гармония»). Вопрос о «палатализирующем действии *ĩ*» (*j*) был оставлен открытым в связи с разнородностью примеров.

1) В «палатализованных слогах» О. Брок отмечает «узкие» (*narrow*) гласные *ê*, *ô*, *û*³, (*î* — непоследовательно). Фонетическая природа этих звуков характеризуется следующим образом: «Если попытаться подвести наблюдения над действием палатализации на отдельные гласные под общее правило, чтобы найти живой принцип палатализации в нашем наречии, то само собою разумеется, что результат будет несколько различным, смотря по тому, будем ли сравнивать гласную палат. слога (*ê*, *ô*, *î* и т. д.) с соответствующею непалатализованною *неударяемою* (*е*, *о*, *и*, *у* и пр.) или же с соответствующею гласною непалат. *ударяемою* (*é*, *ó*, *í*, *ű*⁴ и пр.) В последнем случае можно бы сказать, что движение языка от непалат. гласной к положению палатализиро-

³ Гласный *û* в «укающем» говоре Убли является также как рефлекс **ō*.

⁴ Запись *î* обозначает у О. Брока ударный гласный средне-верхнего подъема ([i]): «Старое *i* под ударением сильно приближается по звуку к *е*, если не действуют особенные звуковые моменты против такой склонности» (Брок 1899: 10); *ű* — ударный рефлекс **и*, **о*, в отличие от среднего *û* и «закрытого» *û*, — звук между *high-back-wide* (*u*) и *middle-back-narrow* (*o*) (ibid.: 15).

ванной частью идет и “вперед”, а не только “вверх”. Но по-моему нет сомнения, что характеристическая черта палатализации в ее действии на гласные, заключается в “суживании”, более или менее полном (ср. *ĩ*), притом всегда с *напряжением*)» (Брок 1899: 42).

2) «Суженный» гласный *ô* появляется, как правило, также перед «звуками *и*» (в том числе *ц*) «в том же или следующем слог» (с некоторыми исключениями — [ibid: 43–44]).

3. «Любопытнейшим явлением» О. Брок называет «ретрогрессивную вокальную гармонию», «в отдельном слог» и в нескольких, если они принадлежат к одному и тому же такту в фразе», замечая, что твердые правила можно дать только в некоторых случаях. Основная область действия этой гармонии — «гласная *e* и еще более *o*», хотя отмечаются следы ее действия и в гласных группы *i* и группы *и*. Правила для них формулируются следующим образом:

«а) Где в одном слове *e* (под влиянием палатализации) переходит в *ê*, *e* непосредственно предшествующего этому слога также переходит в *ê*.

б) Где в одном слове или же в одном такте в фразе *o* (под влиянием палатализации или же действием звука *и*) переходит в *ô*, там все *o* переходят в *ô*, если их не разделяет от *ô*, явившегося непосредственно упомянутым образом, слог с другою гласною.

с) Изменение, упомянутое под б), частью является и через слоги с другими гласными» (Брок 1899: 46).

В качестве примеров вокальной гармонии с разными гласными приводятся, во-первых, регулярные случаи типа *ô – ê* (*ôtéç'*, loc. *ôzêr'i, vôrôbbél'*, сюда же *dô zéml'i* и др.; *dobrén'kij*, gen. pl. *sónêc'* — «с звуком средним между *o* и *ô*»; исключение — loc. *kolêst'*); во-вторых, отдельные примеры вокальной гармонии с участием других гласных: *ô – a – ô* (imp. 2 pl. *pôlahól'te* ‘ждать’; *dô cár'skô[ji]* [в быстрой речи]); *e – ĭ*⁵ («слабые оттенки закрытости в *e* перед *i*: *šybenica – šybenic' i* [‘виселица’], где однако обозначение *e – ê* было бы слишком грубо по данному определению и обыкновенному соотношению этих звуков»); *ĩ – ê* (*hĭbnuti – hĭbbêl', pohĭbbêl' – gen. pohĭbeli*); *ô – y* («действие палатализации через слог с гласною не *o*»: *kopýto, korýto – loc. kôpýt'î, kôrýt'î*). Наконец, специально отмечено отсутствие вокальной гармонии в отдельных случаях: *e – ô* (gen. *studénôĭi*); так же с другим узким гласным: *e – û* (3 pl. *bérût'*); *o – y – ô* (*odysšou* ‘отошел’); отсутствие «действия *и* через *a* на *o*»: *prodáu*.

В примечаниях О. Брок неоднократно указывает, что в разных примерах и в разных позициях (в частности, в зависимости от расстояния от ударного

⁵ Знак *ĩ* означает у О. Брока звук «*i*» между *i* и *i*, т. е. между high-front-wide и high-front-narrow.

слога) «степень напряжения и суживания» гласных *e* и *o* оказывается «не мало различной».

В 30-е годы XX в. И. Панькевич в классической работе «Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей» привел результаты экспериментального исследования артикуляции «широких» и «узких» *o* и *e* (по его данным, щель между губами при произнесении «узкого» *o* примерно в два раза меньше, чем при произнесении «широкого»), а также уделит внимание географическому распределению сужения *o* и *e* в позициях, указанных О. Бромком, на территории закарпатских говоров и привел примеры произношения отдельных слов из более чем 30 сел от В. Руны и Вел. Бычкова до Бардеева (в нынешней Словакии) (Панькевич 1938: 75–79, 101–105).

1.2. Исследования О. Брока в XX в. были продолжены О. Лешкой в работе «Говор села Убля восточной Словакии» (Leška 1973) и далее в книге «Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини» (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998), где фонетический строй говоров описывается в терминах акустических дистинктивных признаков. Явления аккомодации и вокальной гармонии в этих терминах описываются как контраст/гармония гласных по признакам напряженности и лабиализованности. В книге 1998 г. дается краткий очерк фонетики трех говоров — Убли, Звалы и Нижней Яблоньки (соответственно с рефlekсами **ō* > *u*, *ü* и *i*).

Приведем систему говора Убли, оказавшегося наиболее подробно изученным.

Система вокализма Убли (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 245):

Табл. 1.

/î/				/û/
/i/		/y/		/u/
/e/				/o/
		/a/		

(где **ě*, *ē* > /î/, **ō* > /û/).

Под ударением произносятся пониженные аллофоны высоких ненапряженных гласных — [i̠], [y̠], [u̠].

О. Лешка приводит следующие позиции регрессивного изменения гласных:

- 1) перед мягкими согласными;
- 2) перед *j*;
- 3) перед напряженными аллофонами средних гласных;
- 4) перед /v/;
- 5) перед (безударным) /u/;

6) перед высокими напряженными гласными (фонемами /î/, /û/);

7) перед добавочно лабиализованными аллофонами [ɔ], [y].

Распределение аллофонов гласных в этих позициях, представленное в отдельных таблицах (ibid: 272–274), можно суммировать следующим образом:

Табл. 2. Регрессивное изменение гласных в говоре Убли

	/_C/	/_C'/	/_j/	/C'_j/	/_C'î/	/_Cû/	/_v/	/_Cu/	/_'Cu/	[_Cê]	[_Cô]	[_Cɔ], [_Cy]
/î/							[ŷ]					
/i/	[i], [i]	[i]			[i]	[i], [i]	[i]					
/e/	[e]	[ê]			[ê]	[e]				[ê]	[e]	
/o/	[o]	[ô]	[ô]/[ô]	[ô]	[ô]	[ô]	[ɔ]	[ɔ]	[o]	[ô]	[ô]	[ɔ]
/u/			[û]	[û]/[û]	[û]	[û]	[y], [ÿ]	[y]	[u]			[y]
/a/	[a]	[ä]/[â]										

Позиции вокальной гармонии, вызывающей изменения гласных дальше чем на один слог к началу слова, таким образом, оказываются следующими:

Табл. 3. Вокальная гармония в говоре Убли

	/_C/	/_C'/	/_C'î/	/_Cû/	/_v/	/_Cu/ (безударн.)	[_Cê]	[_Cô]	[_Cɔ], [_Cy]
/e/	[e]	[ê]	[ê]	[e]			[ê]	[e]	
/o/	[o]	[ô]	[ô]	[ô]	[ɔ]	[ɔ]	[ô]	[ô]	[ɔ]
/u/					[y], [ÿ]	[y]			[y]

К ним примыкает также контекст /C'_j/, где /u/ может произноситься как [û] в качестве одного из вариантов (и, следовательно, далее вызывать в предшествующих слогах гармонию по напряженности).

Как нарушение системных принципов выглядит контекст /_Cu/, показывающий зависимость от акцентных условий и «имеющий силу» только в безударном положении; контекст /_v/, не имеющий такого ограничения, тем самым оказывается более сильным фактором лабиализации, чем /_Cu/.

Сравнивая описания О. Брока и О. Лешки, мы находим в последнем, кроме способа описания с помощью акустических дистинктивных признаков и четкого табличного определения позиций, несколько принципиально новых наблюдений. Прежде всего это разделение вокальной гармонии по напряжен-

ности и лабиализованности и соответствующих аллофонов /o/; выделение позиции перед высокими напряженными гласными (**i**, **û**) (О. Брок не отличал ее от позиции перед мягким согласным, выделяя лишь в общем «палатализованные слоги»). Кроме того, О. Лешка постулирует позицию перед любым аллофоном /v/, в том числе и не в таутосиллабической позиции, т. е. [v], и наблюдает зависимость от ударения в контексте /_Cu/. Однако можно заметить и «утраты» по сравнению с описанием О. Брока: изменение /i/ фиксируется только в слоге, непосредственно предшествующем мягкому согласному или слогу с высоким напряженным гласным, и, таким образом, /i/ исключается из вокальной гармонии; не отмечается изменения *o* в слоге «через у» (лос. *kôp'ít'î*, *kôr'ít'î* — Брок 1899: 48).

Поскольку в синевирском говоре **ō* > *û*, приводим здесь также итоги анализа вокализма говора Звалы.

Система вокализма Звалы (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 269):

Табл. 4.

/i/				/ü/
/i/		/y/		/u/
/e/				/o/
		/a/		

(где **ĕ*, *ē* > /i/, **ō* > /ü/).

Распределение аллофонов гласных в позициях, связанных с регрессивной аккомодацией и вокальной гармонией, можно суммировать в следующих таблицах:

Табл. 5. Регрессивное изменение гласных в говоре Звалы

	(в первом предшествующем слоге)						(в дальнейших предшествующих слогах)			
	/_C/	/_C'/	/_C ^o ŋ/, /_C ^o ü/	[oC_]	[_Cu]	/_v/	[Cê]	[Cô]	[_Cov], [_Co]	
/i/	[i]/[i]	[i]/[i]	[i]/[i]							
/e/	[e]	[ê]/[ê] ⁶	[ê]				[ê]	[e]		
/o/	[o]	[ó]/[ô]	[ô-]/[ô]		[o]	[o]	[o]	[ô]		[o]
/u/	[u]	[û]/[û]	[û]	[u]						

⁶ Аллофоны восстановлены из приведенных примеров ввиду явной опечатки в таблице (Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 272).

Табл. 6. Вокальная гармония в говоре Звалы

	/_C/	/_C'/	/_C ^(*) i/, /_C ^(*) ü/	[oC_]	[_Cɯ]	/_v/	[_Cê]	[_Cô]	[_Cɔv], [_Cɔ]
/e/	[e]	[ê]/[ĕ]	[ê]				[ê]	[e]	
/o/	[o]		[ô·]/[ô]		[ɔ]	[o]	[o]	[ô]	[ɔ]
/u/	[u]			[ɯ]					

2.0. В настоящей работе рассматриваются фонетические позиции регрессивного сужения и вокальной гармонии гласных *o*, *e* и *ɪ* (праслав. **i*) после твердых согласных на материале говора с. Синевир Межгорского р-на Закарпатской обл., записанном на магнитофон в 1993–2009 гг. во время экспедиций Института славяноведения под рук. С. Л. Николаева.

Говор с. Синевир во время Карпатских экспедиций Института славяноведения был выбран для углубленного изучения и составления диалектного словаря (см. [Толстая 2002]). Практическая работа по составлению словаря и расшифровке текстов привела к необходимости более аккуратно разобраться в факторах, влияющих на сужение гласных⁷.

Синевирский говор по данным АУМ не попадает в основную закарпатскую зону, для которой явления аккомодации и вокальной гармонии характерны в полной мере. В ближайших к нему пунктах АУМ — с. Колочава и райцентр Межгорье — зафиксировано отсутствие вокальной гармонии *o* (т. е. отсутствие произношения типа *отѣц*’, *колѣд*’аз’, *воробѣц*’)⁸, а в Межгорье также и отсутствие аккомодации *o* (представлена только аккомодация *e* перед мягким согласным — *отец*’, *тест*’, *рубѣл*’, *двер*’*i*). Что касается изоглосс повышения *o* и *e* в безударных слогах, не связанного с аккомодацией, то в этом районе АУМ отмечает повышение *e* и не отмечает повышения *o*. Наши материалы показывают, что повышение как *e*, так и *o* и *ɪ* (из праслав. **i*) в безударной позиции встречается, как правило, в речи более молодых носителей говора.

Как отмечал О. Брок и как следует из фонетических описаний О. Лешки, в разных позициях и в разном фонетическом окружении можно услышать много оттенков «суженных» звуков на месте гласных *o*, *e* и *ɪ*. Задача «дискретизации

⁷ Предварительные итоги были подведены в заметке С. Л. Николаева (Николаев 2006), содержащей краткое описание синевирского вокализма, где были сделаны важные выводы, в частности, о наличии двух фонетических ступеней повышения гласных. Однако, как это и отмечалось в статье, это краткое описание не охватывает всего материала и представляется неполным.

⁸ Данные АУМ подтвердил В. В. Цимбота: по его словам, в Межгорье говорят *ĉ[ɔ]mí*, в отличие от синевирского *ĉ[ɔ]mí*.

континуума» этих звуков успешно решалась О. Лешкой с помощью акустических дистинктивных признаков. Однако при таком решении, с одной стороны, приходится иметь дело с рядом аллофонов одной фонемы, различие которых часто трудноуловимо на слух; с другой стороны, реальное произношение гласных в конкретных позициях в разных или даже в одной словоформе часто варьирует у разных или даже у одного носителя, зависит, кроме консонантного окружения, от темпа речи, фразовой интонации и т. п. Полное описание всех аллофонов гласных потребовало бы учета всех этих факторов и, тем самым, фактически представляло бы собой полное описание звукового строя говорящего, что в данном случае не могло входить в нашу задачу. Для практических целей записи речи нам было важно выделить типичные аллофоны и выявить позиции их различения; поэтому мы стремились ограничиться анализом фонетических минимальных пар, по возможности внутри одной словоизменительной и/или словообразовательной парадигмы (например, *seredína* – loc. *na šerēdīn'ī*; *siníc'a* – gen. *siníc'ī* – dim. *siníc'a* ‘птенец синицы’), и ударного вокализма⁹. Для экспериментально-фонетического исследования использовались программы Speech Analyzer и Phonology Assistant версии 3.0.1.

Материалом для настоящей работы служили записанные на магнитофон ответы на вопросы Фонетической программы¹⁰, формы из текстов, а также ответы на специальный вопросник (более 3000 словоформ), записанные у достаточно молодого (1964 г. р.) носителя говорящего — Василия Васильевича Цимбóта (со средним образованием, по профессии — строитель). Материал, таким образом, отражает главным образом младшую норму говорящего. Как правило, словоформы записаны в изолированной фразовой позиции. Во многих случаях было полезно обращение к языковому сознанию носителя говорящего¹¹; вопросы ставились примерно так: «Если бы у нас были все недостающие буквы, то какую букву нужно было бы написать в этом месте?». Для иллюстраций используются также формы из Фонетической программы, записанной А. В. Тер-Аванесовой у Анны Михайловны Бонкáло, 1932 г. р., и отдельные формы, записанные у А. С. Цимбота, Олены Алексеевны Иванíна (1924 г. р.)

⁹ Тем самым повышение гласных в безударном положении, не связанное с аккомодацией и вокальной гармонией, как правило, не мешает анализу.

¹⁰ Фонетическая программа опубликована в (Бушкевич, Николаев, Толстая 1994: 79–83). См. о ней также: наст. изд., с. 293.

¹¹ В. В. Цимбота — сын Анны Степановны Цимбота (1940 г. р.), главного информанта для словаря синевирского говорящего, лингвистически очень талантливой. Как оказалось, сын во многом унаследовал от матери внимательное чувство языка. Благодарю его за терпеливую помощь, без которой многие детали оказались бы упущены.

и Василины Михайловны Мещанин (1928 г. р.). Весь исследованный материал был «нарезан» на звуковые файлы отдельных словоформ и обработан с помощью программы Speech Analyzer.

При обсуждении фонетического устройства аллофонов гласных используются знаки фонетической транскрипции, принятые в (Дыбо, Замятина, Николаев 1993). Приводим соответствующую таблицу (ibid.: 330).

Табл. 7. Знаки фонетической транскрипции

подъем	ряд	передний		передне-средний		средний		средне-задний		задний	
		не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.	не-огуб.	огуб.
верхний	1	i (i̯)	ü	ĩ	ũ	ɨ	ɥ	ɤ	ɥ	ɯ	u
	2	ɪ	ʊ (i̯)	ɯ	ʊ	ʏ	ɥ	ʏ	ɥ (ɥ̥)	ɯ	u (u̯)
средний	1	e	ø (ø̯)	ə (ɐ̯)	ɔ̃	ə (ə̃)	ɛ̃	ɤ̃	ɥ (ɥ̃)	ʌ	ɔ̃
	2	e	ø (ø̯)	ə (ɐ̯)	ɔ̃	э (ə̃)	ɛ̃	ɤ̃	ɥ (ɥ̃)	ʌ	o
	3	ɛ (ɛ̃)	ø̃ (ø̃̃)	ə̃ (ɐ̃̃)	ɔ̃̃	э̃ (ə̃̃)	ɛ̃̃	ɤ̃̃	ɥ̃̃ (ɥ̃̃̃)	ʌ̃̃	ɔ̃̃ (ɔ̃̃̃)
нижний	1	æ	æ̃ (œ̃)								
	2	ä	ä̃	á	á̃	a	á	ǎ	ǎ̃	α	ǎ̃

2.1. В своем принципиальном устройстве синевирская система аккомодации и гармонии гласных близка к лемковским системам, описанным О. Брокком и О. Лешкой.

Как и в лемковских говорах, существует два вида факторов, запускающих механизм сужения предшествующих гласных, которые можно условно назвать «палатальными» и «лабиальными» факторами. К «палатальным» относятся гласный /i/ (из праслав. *ѣ, *ѣ̃); любой мягкий согласный, а также консонантная группа, включающая мягкий согласный; гласный /ü/ (из праслав. *ѡ̃). Эти факторы влияют на все рассматриваемые гласные (o, e, ɪ). К ним примыкает j, позиция перед которым в конечном счете оказывается идентичной позиции перед мягкими согласными (см. ниже, 3.1.1.)¹². «Лабиальные» факторы — гласный /u/ и таутосиллабический w; в сферу их действия входит только гласный o.

Повышенные аллофоны гласных, вызванные действием «палатальных» факторов, как и в лемковских говорах, как правило, являются напряженными.

¹² О нечеткости картины перед j в говоре Убли см. в (Брок 1899: 42–43; Лешка 1973: 48).

2.2. Система синевирского вокализма (по [Николаев 2006]):

Табл. 8.

Суперверх.	<i>i</i>				
Верх.	<i>ī, (i)</i>	<i>(i)</i>			<i>u</i>
Верх.-сред.	<i>ɪ</i>				<i>oo</i>
Ср.-верх.	<i>(e)</i>				<i>(o)</i>
Сред.	<i>e (e)</i>				<i>o (o)</i>
Ср.-ниж.	<i>(ε)</i>				<i>(o)</i>
Ниж.	<i>(ä)</i>	<i>(ä)</i>	<i>a</i>		

В таблице в скобках показаны артикуляционные позиции наиболее частотных аллофонов.

Фонемы /i/ и /ü/ всегда реализуются как напряженные [i], [û].

Выделение двух фонетических степеней сужения гласных является условным. Реально, как отмечал еще О. Брок, мы имеем дело с многими оттенками «закрытых» гласных в разных позициях в зависимости от качества окружающих согласных, удаленности от «фактора сужения» и положения по отношению к ударению.

В кратком описании (Николаев 2006) было выделено два ряда повышенных аллофонов для средних гласных *o* и *e* и один повышенный аллофон для «полуверхнего» *i* (праслав. *i). Детальный анализ материала показал, что и для *i* также приходится выделять две степени повышения, условно *ī* и *ī*¹³ (считая в данном случае критерием выделения особого аллофона наличие фонетических минимальных пар при идентичном консонантном окружении: ср. *vīlīc'a* ‘челюсть’ – loc. *vīlīcī* – pl. *vīlīc'i*; *serdītōoj* – dat. fem. *serdītūij* – pl. *serdīt'i*).

Кроме того, в рамках аллофона *o* вслед за О. Лешкой можно разделять «палатализованный» и «лабиализованный» варианты — *o* ~ *ô*: ср. *nōša* – pl. *nōši* – асс. *nōšu*, ins. *yódom* – gen. *yōdu* – gen. pl. *yōdii*. В рамках «слабозакрытого» *o* это различие трудноуловимо (см. подробнее ниже).

В нейтральной позиции под ударением отмечаются средне-нижние («открытые») аллофоны гласных /o/, /e/ — [ɔ] и [ε], в разных позициях аккомодации и вокальной гармонии — повышенные аллофоны среднего (средневерхнего) и верхнесреднего подъема — [o], [e] и [o] ([ō]), [ε]. Фонема /i/ в нейтральной позиции реализуется в виде «полуверхних» аллофонов [ɪ] и [y] (в зави-

¹³ Т. е. добавляется «средний» аллофон. Выше в табл. 8 (из [Николаев 2006]) верхнему аллофону *ī* соответствует обозначение *ī*.

симости от консонантного окружения)¹⁴, в позициях аккомодации и вокальной гармонии представлены верхнесредний аллофон [ɪ] и верхний [i]. В безударном положении нейтральные аллофоны переднего ряда у многих информантов сдвигаются несколько назад и вверх, заднего ряда — вверх и несколько вперед (ср. разницу по подъему между ударными и безударными верхними ненапряженными гласными в говоре Убли — [Лешка, Шішкова, Мушинка 1998: 245]). В соседстве с [r], [r'] отмечаются более открытые аллофоны фонем /ɪ/ и /e/. В ауслауте, как правило, произносятся закрытые аллофоны /o/ и /e/.

В отчетливом произношении нейтральные аллофоны гласных /e/, /o/, /ɪ/ представляют собой открытые ненапряженные гласные (аллофоны фонемы /e/ к концу обычно раскрываются до [ɛ], [æ], фонемы /o/ — до [ɔ], [ʌ], [ɑ̃], фонемы /ɪ/ — до [ɐ], [ə], [ə̃]): *b[ɛ]r[ɛ]za*, *t[ɛ]šča*, *xroob[ɛ]t*, *d[ɛ]nc[ɛ]*; *p[ɔ]le*, *n[ɔ]ša*, *[ɔ]čr*; *š[ɪ]la*, *n[ɪ]va*, *n[ɪ]tka*, *k/[ɪ]n*, *d[ɪ]v[y]t s'a* (А. М. Бонкало; ср. рис. 1, 3, 6, 7, 21).

«Слабозакрытые» аллофоны *ɪ*, *ɛ*, *o* — более узкие звуки, не раскрывающиеся или сужающиеся к концу звучания и на слух не отличающиеся по напряженности от *ɪ*, *e*, *o*. Они надежно выявляются лишь в составе фонетических минимальных пар и не воспринимаются носителями как звуки, отличные от нейтральных аллофонов соответствующих гласных (см. ниже, 2.2); в ряде позиций они свободно варьируются с нейтральными аллофонами.

«Высокие» аллофоны (*ɛ̃*, *õ*, *ɪ̃*), напротив, осознаются носителями как звуки, отличные от нейтральных аллофонов; они являются напряженными и закрытыми и отличаются от нейтральных аллофонов более высокой степенью подъема, хорошо заметной на слух.

Аллофон *ɛ̃* у большинства информантов среднего и младшего поколения чаще всего произносится близко к [ɪ], нейтрализуясь по подъему, таким образом, с нейтральным аллофоном фонемы /ɪ/ из *i: у А. М. Бонкало *č[ɪ̃]l'ustɪ*, *d[ɪ̃]n'*, *mlin[ɪ̃]c'* ‘блин’, *v[ɪ̃]čür*, pl. *m[ɪ̃]ži* и т. д. (знаком $\checkmark$ обозначена здесь напряженность гласного, не связанная с изменением подъема), но возможно и произнесение его как [ɛ]: *odov[ɛ]c'* ‘вдовец’ (см. рис. 2, 15). Аллофоны /e/ в этой позиции, как правило, все же отличаются от нейтральных аллофонов /ɪ/ (см. ниже) напряженностью и закрытостью.

¹⁴ После губных, шипящих и свистящих аффрикат и спирантов, мягких согласных и *j* перед твердыми и в конце слова под ударением обычно произносится передний аллофон [ɪ]; после твердых зубных смычных, свистящих аффрикат и спирантов и твердых сонантов *n*, *r*, *l* обычно произносится передне-средний аллофон [y]. Ср. аналогичное распределение, отмеченное С. Л. Николаевым в говоре с. Торунь (Николаев, Толстая 2001: 7–8).

У В. В. Цимбота отчетливо противопоставляются аллофоны ϵ перед твердыми дентальными (возможные только в позиции перед /ü/ следующего слога) аллофонам ϵ в других позициях: ср. *stud[é]ncoj*, dat. fem. *stud[é]nüj* – pl. *stud[í]n'i*; *ze[é]ncoj*, dat. fem. *ze[é]nüj* – pl. *ze[í]n'i*, что хорошо заметно на слух и воспринимается как противопоставление по подъему. К сожалению, в дикторских записях от других информантов примеры произношения ϵ не перед мягкими имеются только перед шипящими.

Аллофон ϵ отличается от нейтрального аллофона /e/ незначительной степенью подъема: у В. В. Цимбота *tr[é]ta* ‘третья’ (e) – gen. *tr[é]toj* (e), pl. *tr[í]t'i* (e); *t[é]rnič'a* (e) ‘инструмент для обработки льна’ – loc. *t[é]rnič* (e) – gen. *t[é]rnič'i* (e). У А. С. Цимбота: *t[ε]líc'a* (e) – *t[ε]lila* (e) (см. рис. 5, 6).

«Палатализованный» аллофон ϱ под ударением является напряженным звуком средневерхнего подъема средне-заднего (реже заднего) ряда: в произношении А. М. Бонкало *d[ǫ]l'a/d[ǫ]l'a*, *p[ǫ]l'a* ‘птица’, *k[ǫ]l[ǫ]d'as'*, pl. *k[ǫ]n'i*, *n[ǫ]ši*, loc. *šp[ǫ]r'i* ‘кухонная печь’, gen. pl. *γ[ǫ]du* (см. рис. 8, 10, 11, 13). «Лабializedанный» аллофон ϱ у А. М. Бонкало в сопоставимых контекстах — сравнительно более задний и более ровный гласный того же подъема: асс. *n[ǫ]šu*, gen. *γ[ǫ]du*, *d[ǫ]wcoj* (см. рис. 9, 12, 14), но ср. *kr[ǫ]w*, *naγ[ǫ]l[ǫ]wnik* ‘часть упряжи’, асс. *v[ǫ]du*. Смещение ϱ в сторону средне-заднего ряда обычно для всех информантов — ср. у О. А. Иванина: *b[ǫ]čka*, loc. *b[ǫ]cc'i* – асс. *b[ǫ]čku*; *st[ǫ]wp*, *st[ǫ]wpók*; у В. М. Мещанин: асс. *v[ǫ]du*; у В. В. Цимбота: 3 pl. *k[ǫ]s'at* – асс. *k[ǫ]su* и т. п. «Лабializedанный» аллофон, в отличие от лемковских систем, описанных О. Лешкой, также является напряженным (хотя и в меньшей степени, чем «палатализованный»). Это дает основание не разделять «палатализованный» и «лабиализованный» варианты в дальнейшем описании.

В безударном положении аллофоны ϱ , ϱ обычно отличаются более высоким подъемом, чем под ударением, и звучат как [u], [ʊ] и даже могут по подъему приближаться к [u]: *kōža*, gen. *kōži* – pl. *k[ʊ]ží*, *d'ivočka* – асс. *d'iv[u]čku*, *žōlut'* – *ž[ʊ]ludok* и т. п.

Примеры произношения аллофона ϱ : *pos[ǫ]vč'a* (o) – loc. *pos[ǫ]vč* (o) – loc. *sl[ǫ]v'i* (o); ins. *b[ǫ]čkow* (o) – асс. *b[ǫ]čku* (o), loc. *b[ǫ]cc'i* (o) – ном. *b[ǫ]čka* (o) (В. В. Цимбота); *v[ǫ]r[ǫ]bēc'*, *od[ǫ]vēc'* ‘вдовец’ (А. М. Бонкало) (см. рис. 15).

«Палатализованный» аллофон $\mathfrak{I}$ по подъему приближается к [i], однако не достигает напряженности [i] (/i/) и является более широким: pl. *kas[í]c'[i]* ‘цветы’, *šl[í]j[i]* ‘часть упряжи’, *ve[í]k'[i]* (А. М. Бонкало), loc. *vepr[í]n'[i]* ‘крыжовник’, gen. *kúr[í]c'[i]* (О. А. Иванина), gen. *te[í]c'[i]*, *kop[í]c'[i]* ‘стог’,

лос. *kɔl[ɨ̞]b[ɨ̞]* (В. В. Цимбота) и т. п. «Слабозакрытый» аллофон *ɨ̞* по сравнению с нейтральным аллофоном *ɨ* — более узкий звук; в произношении В. В. Цимбота в некоторых позициях он может свободно варьировать с *ɨ* (*vɨ̞lɨ̞c'a/vɨ̞lɨ̞c'a* ‘челюсть’, dat. *sɨ̞rɔt'i/sɨ̞rɔt'i* и т. п.).

Таким образом, существенным признаком «высоких» аллофонов /*o*/, /*e*/ и /*ɨ̞*/ оказывается напряженность, отчетливо заметная на слух у «высоких» аллофонов *ɔ*, *e̞*, *ɨ̞*. У «слабозакрытых» *ɔ*, *e̞*, *ɨ̞* на слух напряженность неразличима. Позиционное распределение аллофонов обсуждаемых гласных можно суммировать в следующей таблице:

Табл. 9.

	нейтральная позиция	позиция сужения	позиция сужения + напряженности
/ɨ̞/	<i>ɨ̞</i>	<i>ɨ̞̞</i>	<i>ɨ̞̞̞</i>
/e̞/	<i>e̞</i>	<i>e̞̞</i>	<i>e̞̞̞</i>
/o/	<i>o</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɔ̞</i> (<i>o̞</i>)

2.2. Высокие аллофоны *ɨ̞*, *e̞*, *ɔ̞* по сравнению с нейтральными аллофонами тех же гласных осознаются В. В. Цимбота как другие «буквы» по сравнению с *u*, *e*, *o*. Ниже его «буквенное восприятие» приводится в фигурных скобках.

Аллофон *ɨ̞* воспринимается как «буква» {*и*}; при этом не возникает никаких проблем в записи *ɨ̞* после непарных по твердости–мягкости согласных (шипящих и губных), а после остальных согласных приходится делать оговорку, напр. *jedɨ̞nɨ̞c'a* ‘единственная дочь’ {–ниця} – gen. *jedɨ̞nɨ̞c'i* {–ніці}: «не [n'ɨ̞] — писать будешь [n'ɨ̞] (*ни*), а [n], твердо так, [nɨ̞]». Аллофон *e̞* всегда воспринимается как «буква» {*и*}. Для аллофона *ɔ̞* нет готовой буквы (по словам В. В. Цимбота, он записывал бы этот звук как «*o* с двумя точками»), и он описывается как «ненастоящее», «неправильное», «грубое» (*ɣrúbɔɔj* ‘большой, крупный’), «твердое» *o* — в противоположность «настоящему», «файному» (*fájɨ̞ɔɔj* ‘красивый, хороший’), «голосному» (*ɣolosnóɔj* ‘громкий’) *o*. Ниже эта «буква» условно обозначается как {*ø*}.

Аллофоны *ɨ̞*, *e̞*, *ɔ̞*, как правило, не воспринимаются как «буквы», отличные от *u*, *e*, *o*¹⁵.

¹⁵ Интересно, что фонема /*oo*/ воспринимается В. В. Цимбота как «пропуск буквы», например, в окончании прилагательного м. р. *sínɔɔj* ‘синий’: «просто там как будто *n* и дальше сразу *й*».

3.0. Действие механизма аккомодации и вокальной гармонии в общем случае происходит в пределах фонетического слова, включая предлоги, но исключая последующие энклитики¹⁶. Ср.:

do méne – dɔ d'íwkoɔ, dɔ n'óɔo, dɔ nǽji; po zemlǐ – pɔ vɔd'í; po sínɔmtu ('по синему') – *pɔ súdovɪ* ('после суда') и т. д.;

ščɔs' ('что-то') – *ščó s'a kazít* ('то, что ломается'); gen. *žábl'ačqji* ('лягушачьей') – *ščó ji bjút* ('что ее бьют') и т. д.

Примечание. «Постфикс неопределенности» *-s'* имеет двойственный статус: он влияет на гласные односложных форм и не влияет на гласные двусложных: ср. *ščɔs'*, *tkɔs'* ('кто-то'), *dɛs'* ('где-то') – *čoyós'*, *koyós'*. «Вставной» гласный в этом постфиксе является закрытым: *ɪš čímɔs'* ('с чем-то').

Однако правила поведения предлогов и приставок в этом отношении не являются жесткими, ср. ниже в разделе 3.3.

3.1.0. Распределение аллофонов в непосредственно предшествующем слоге показано в таблице 10.

Табл. 10.

	<u>C^o</u> i	<u>(C)</u> C'	<u>C</u> ü	<u>C</u> u	<u>w</u>
<i>ɪ</i>	<i>ɪ̣</i>	<i>ɪ̣</i>	<i>ɪ̣</i>		
<i>e</i>	<i>ɛ̣</i>	<i>ɛ̣</i>	<i>ɛ̣ (/ɛ̣)</i>		
<i>o</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>	<i>ɔ̣</i>

Ниже материал, записанный от В. В. Цимбота, дается без пометы; формы, записанные у других информантов, специально оговариваются.

Фонема /ɪ/. Примеры: *telítɪ s'a – tɛlɪc'a* – gen. sg., nom. pl. *tɛlɪc'í; pšɛnɪc'a* – loc. *pšɛnɪcɪ* – gen. *pšɛnɪc'í; list* – loc. *na lɪs'c'í* ('на листе бумаги'), coll. *lɪs'c'a* ('листья, листва') – gen. pl. *lɪstü; díkoɔj* – pl. *dɪk'í* – dat. sg. fem. *dɪkɪj; Prɪslɪp* (топоним) – gen. *Prɪslɔp; sínɔɔj* ('синий') – dat. fem. *sɪnɪj; čístɔɔj* – pl. *čɪs'c'í* – dat.-loc. sg. fem. *čɪstɪj; ɣnítɪ – ɣnɪl'at'* ('гниль') – *ɣnɪlɪs'c'* ('гнилость, гниль')¹⁷; *blɪskawka* ('молния') – *blɪs'koɔj* – pl. *blɪs'k'í* {блѣ-}.

Исключение: *dɔwžmá* ('длина') – loc. *dɔwžn'í* {-инѣ}.

Высокий аллофон *ɪ̣* после *r* в нескольких лексемах заменяется на [i̥], т. е. фонема /ɪ/ переходит в /i̥/, с соответствующим смягчением предшествующе-

¹⁶ Т. е. не оказывают воздействия на предшествующие гласные в тактовой группе энклитики *n'a, t'a, s'a, ji, tu, jüj*.

¹⁷ Но gen. *ɣnɪl'í* у В. В. Цимбота перед «новым» окончанием *-i* (вместо *-ɪ < *i*), вопреки общему правилу.

го согласного: pl. t. *skrípɪc'i* // *skr'ípɪc'i*; *pr'ír'is/pr'íl'is* (gen. -za, 'черемша'); *pr'ípečok* в старшей норме (результат выравнивания приставки по косвенным формам — gen. **prípička* и т. д.) // *pr'ípičok* (младш.) — ср. *príselok* той же словообразовательной структуры с выровненной основой (gen. *príselka* и т. д.) у всех информантов. Ср. также adv. *pr'ít'ma* ('круто в гору или под гору') неясной этимологии.

Ввиду отсутствия в синевирском говоре противопоставления твердых и мягких губных трудно определить фонемный состав ряда словоформ с ожидаемым *ɪ* после губных¹⁸. Кажется надежной замена /ɪ/ на /i/ в этой позиции в формах инфинитивных основ глаголов **viděti* и **visěti*: *vid'itti*, *vis'itti*¹⁹ (у всех информантов), первая из которых, по мнению С. Л. Николаева, является контаминацией с глагольным корнем **věd-* 'ведать', а переосмыслению второй формы могло способствовать смещение с близким по значению глагольным корнем **věs-* 'вешать'²⁰. У В. В. Цимбота наблюдается варьирование [ɪ] и [i] после губных: *povítəoj* – pl. *povít'i/povít'i*, *vítka* – loc. *vít'c'i*, *príbítəoj* – pl. *príbít'i*, *kopíc'a* ('стог') – gen. *kopíc'i/kopíc'i*.

Фонема /e/. Примеры: *de* ('где') – *dēs'* ('где-то'); *sérce* – *na sérc'ovr*; *nébo* – *na nébi*; *mězá*, acc. *mězu* – pl. *měži*; *tělt* *s'a* – *těl'at s'a* – *těl'in'a* ('отел'); *věčür* – gen. *věčera*; *berú* ('сельский голова') – gen. *beróva*; *studénəoj* – pl. *studén'i*, dat. fem. *studénij* – 1 sg. *zastudén'u* ('оказать леденящее воздействие'); *klěn'* ('клен') – loc. *klěn'ovr/klénɪ*, dim. *klénɪk* – pl. *klén'i*, gen. pl. *klén'ü*; *klěj*, gen. *klėja*; *veseləoj* – dat. fem. *vesělúj* {весе-}; *veprína* ('крыжовник') – loc. *veprín'i* (О. А. Иванина) и т. д.

Фонема /o/. Примеры: *vül*, instr. pl. *vólə/volámɪ* – num. *vólü*; *vóle* ('зоб') – *vól'a* ('воля') – gen. *vól'i* ('воли'); *vəwk*, *vəwna* ('шерсть'); *nüs*, gen. *nósa* – loc. *na nös'i*, gen. pl. *nösü*; *nóša* – gen. *nóši*, acc. *nóšu*; *nüş*, dim. *nóžɪk* – pl. *nóži/nóži* – gen. pl. *nóžü*; *kóža* – gen. *kóži* – acc. *kóžu* – instr. *kóžəw*; *bóčka* – acc. *bóčku* – instr. *bóčkəw* – loc. *u bócc'i*; *nosítɪ* – 1 sg. *nóšu*, 3 sg. *nósit*, 3 pl. *nös'at*.

3.1.1. Позиция перед *j*. По наблюдению С. Л. Николаева, в традиционном синевирском говоре представлено чередование /j/ ~ /Ø/ в позиции перед /i/, /ɪ/, /e/: ср. *ístɪ*, *póístɪ*, а также адъективное окончание gen. sg. fem. -*qi* (*c'ílqi*, *velíkqi* и т. д.); адъективное окончание nom. sg. fem. -*oe* (*c'ílóe*, *móe* и т. д.); ins. pl. *mótmɪ*, 3 sg. *stoít* и т. п. (ср. рис. 16–17). При этом /Ø/ в этой позиции

¹⁸ Такая же картина наблюдается и после других непарных согласных, ср. *čístəoj* – pl. *čís'c'i*, *močilo* ('яма для вымачивания льна, конопля') – loc. *móčil'i* {чи-}.

¹⁹ Praes. *vidit*, *visit* и т. д.

²⁰ О. Брок отмечал формы *v'íd'iti*, *ü'íd'iliste/víd'iliste*, *v'ís'iti*–*vīs'iti* в говоре Убли, где противопоставление губных по твердости–мягкости сохранено (Брок 1899: 40–41).

может реализоваться как нуль звука или глайд ([ɪ], [ɥ], [ə] и т. д.); в младшей норме говора возможно также восстановление фонетического [j]²¹.

В сочетании /tj/ у В. В. Цимбота отмечается *ɪ/ɪ*: *prístup* – *príjma* ‘примак’; лос. *puít* – *tíjka/tíjka* ‘тетрадь’, лос. *tíjc’i*; *šlǐja*, pl. *šlǐi*; у О. А. Иванина – *ɛ*: *prímorozok* (‘заморозок’) – *préjma* (ср. верховинский говор с. Торунь Межгорского р-на, где *ɪ* не встречается перед *j*, заменяясь на *ɛ* [ɛ] — Николаев, Толстая 2001: 8).

В слове *čijь ‘чей’ {чий} все информанты произносят [i]: *čij*, *čija*, *čije/čijoe*, pl. *čiji*.

В редком сочетании /ej/ у В. В. Цимбота представлено *ɛ*: *peréjślooɟ* ‘устаревший, просроченный’ (*/peréjślooɟ*, см. 3.3); *fějsa* (‘топор’), лос. *fějs’i*; *fēr-yějst* (‘часть упряжи’).

Замечание. Слово *děwjat* показывает, что контекст *_wj* по воздействию на *e* равен контексту *_j*. В (АУМ II: карта 58) на основании записей этого слова делается вывод об «аккомодации *e* перед [ɥ]». Однако никакие другие примеры не показывают изменения *e* перед *w*: ср. *derewcé*, *derewník* ‘боярышник’, gen. pl. *čeréw/čerew* ‘живот’, dim. *čerewkó*, adj. *čerewnóɟ*, *lew* ‘лев’, *muraščewník* ‘тысячелистник’, *rew* ‘рѣв’, *rewta* ‘ревматизм’ и т. п. Отдельно стоит форма instr. sg. fem. личного местоимения 3-го л. **njejo* — *nɪw* (с ненапряженным гласным), в которой естественно видеть аналогию с формой мужского рода *nɪm* **njímь*, как предлагал В. Панькевич (1938: 79; другое его предположение состоит в том, что «вузьке ê... походить з того часу, коли за е слідував ĵ: *nĕju*, в наслідок чого появлявся м’який склад а тим самим умовина для переходу *e – ê*»).

О том, что аккомодацию вызывают также сочетания согласных с *j*, т. е. *j* ведет себя как обычный мягкий согласный, свидетельствуют слитные сочетания *vĕr-Javǝrǝvĕc’* (**вѣгхъ-*), отмеченное в Синевире еще у В. Панькевича (1938: 77), gen. *vĕr-Javǝrǝwĕc’a*, и *vĕr-Jasĕnǝvĕc’*, gen. *vĕr-Jasĕnǝwĕc’a* (топонимы, названия гор).

В сочетании /oj/ у всех информантов отмечается *o* (перед таутосиллабическим *j*, а также /a/ и /o/ следующего слога²²): *vójna*, *ǝójkatɪ* (‘кричать’), *jójkatɪ* (‘жалобно кричать’), *mója*, *tvója*, *svója*, *pójas*, *bojáti s’a*, *bojajús* (‘трус’), *dvǝjǝkooɟ*, *nastǝjǝščooɟ*, *stǝjáča* (вода), *ɣnǝjánka* (‘навозная муха’), gen. *slója*, *rója*, *zbója* (nom. *zbüj* ‘утоптанный снег во дворе, чтобы можно было привезти и собрать сено’), *zvója* (nom. *zvüj* ‘штука ткани’), 3 pl. *dójat*, *pójat*, *ǝójat* (‘лечить, заживлять’), *stǝját*, *strǝjat*, *rójat s’a*, *usǝpǝkǝjat* (‘успокоить’), *prǝjat*

²¹ У В. В. Цимбота [j] регулярно восстанавливается в nom. pl. основ м. р. на *-j*: *sló[j]i*, *zbó[j]i*, *zvǝ[j]i*.

²² Позиции перед /jɪ/, /jü/, /ju/ попадают в общий класс позиций перед /i/, /ü/ и /u/ следующего слога соответственно.

(сало, муку на огне – ‘готовить соус’), *slójat* (‘класть слоями’); *vojováti*, ins. *qlójom*, *ynójom*, *pojójom*, *zbójom*, loc. *qlójovi*, *rójovi*, *slójovi*, *zvójovi*, ins. pl. *slójamti*. Во всех этих словах В.В.Цимбота слышит «грубое» {ø}. Возможно, исключением у него является *bojovooj* ‘бойкий’, в котором он слышит «нормальное» *o*: {бойо-}.

Это правило, однако, не распространяется на глагольные приставки, по крайней мере *po-*: ср. *pojasáti* {пə-} – *pojáviti s’a*, *pojasníti*, *pojamčíti* (‘сделать ямки для посадки картофеля’) {по-}. Ср. также с предлогом *do*: *do jálqvoti*.

В тех же основах перед /e/ и /i/ следующего слога, т. е. в условиях чередования /j/ ~ /Ø/, произносятся нейтральные аллофоны: у В.В.Цимбота *dvóe*, *tróe*, *c’ílóe*, *malóe*, *staróe*, *čudóvóe* (‘удивительное’), *čerlénóe*; *doíti*, *joíti*, *proíti*, imp. 2 sg. *zdoíti*, 3 sg. *póit*, *dostóit* (‘должит’), *stróit*, *próit*, prt. fem. *proíla*, pl. *roíli s’a*, ins. pl. *svóimti* и т. п. (везде {o}). Качественного материала от других информантов, к сожалению, мало. А.М.Бонкало: 3 pl. *stoját* – 3 sg. *stóit*; В.М.Мещанин: *mn’asnóe*. О.А.Иванина: *püsnoé* (‘постное’), *takóe*, *s’a-kóe*, также *dvóe*; А.С.Цимбота: *takóe*, *staróe*, *malóe* и т. п.

3.1.2. Элементы или следы похожего распределения по отношению к гласному следующего слога перед шипящими обнаруживаются у В.В.Цимбота в формах *i*-глаголов с корневым /o/: *voróšiti*, 3 sg. *voróšit*, 3 pl. *voróšat* (см. рис. 19, 20); *poróšiti*, 3 sg. *poróšit*, 3 pl. *poróšat*; *zabožiti s’a*, 3 sg. *zabóžit s’a*, 3 pl. *zabóžat s’a* / *zabóžat s’a*; *namóčiti*, 3 sg. *namóčit*, 3 pl. *namóčat*; *skóčiti*, prt. *skóčiw*, 3 sg. *skóčit*, 3 pl. *skóčat*; *pološiti s’a* (‘пугаться’), 3 pl. *polóšat s’a*; *moróčiti*, 3 sg. *moróčit*, 3 pl. *moróčat*, — но *proróčiti*, *proróčit*, *proróčat*; *dorožiti*, 3 pl. *dorožat* / *doróžat*; *pomnožiti* (‘перелить, пересыпать через край и т. д.’), 3 pl. *pomnožat*, и *pomnožiti* (‘умножить (числа)’), 3 pl. *pomnožat* / *pomnožat*; *storožiti*, 3 sg. *storóžit*, 3 pl. *storóžat* / *storožat*; *voróžiti*, 3 sg. *voróžit*, 3 pl. *voróžat*. Ср. *koropčiti* (‘вырезывать, выдалбливать — ложку, корыто и т. д.’), 3 sg. *korópčit*, 3 pl. *korópčat*; *kórciti* (‘мять’), 3 sg. *kórčit*, 3 pl. *kórčat*; *izmórščiti*, 3 sg. *izmórščit*, 3 pl. *izmórščat*.

Можно заметить, что такое распределение *o* и *ø* перед шипящими, где оно есть, поддерживается здесь общей моделью спряжения *i*-глаголов, характерной для большинства основ, по типу *xodíti* – *xódit* – *xód’at*. В других морфологических условиях сужение /o/ перед шипящими не зафиксировано, ср. *nóša*, *kóža*, *móčar* ‘топкое болото’ и т. п. Не отмечено также сужения /e/ в *i*-глаголах с исходом основы на шипящий: ср. *superéčiti* ‘перечить’, 3 sg. *superéčit*, 3 pl. *superéčat* (таких глаголов, правда, крайне мало).

Аллофоны *ø* в формах 3 pl. глаголов с основой на шипящие воспринимаются В.В.Цимбота как более «слабые» по сравнению с *ø̌* в формах 1 sg.:

põrõšu – *põrõšat*; ударный гласный в последней форме описывается как «твердое о», но «лишь так немножко, не так сильно твердое, лишь так себе».

Материал, выявленный у других информантов, крайне скуден: *bõžat s'a* (А. М. Бонкало), но *bóžat s'a* (В. М. Мешанин)²³.

3.2. Распределение аллофонов во втором предшествующем слоге (вокальная гармония) показано в табл. 11.

Табл. 11.

	_C ^(*) i		_(C)C'		_Cü		_Cu		_w	
I	<i>I/I</i>	<i>I</i>	<i>I/I</i>	<i>I</i>	<i>I</i>	<i>I</i>				
	<i>I</i>	<i>e</i>	<i>I/I</i>	<i>e</i>	<i>I</i>	<i>e/e</i>				
	<i>I/I</i>	<i>o</i>	<i>I</i>	<i>o</i>	<i>I/I</i>	<i>o</i>				
e	<i>e</i>	<i>I</i>	<i>e/e</i>	<i>I</i>	<i>e/e</i>	<i>I</i>				
	<i>e/e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e</i>	<i>e/e</i>	<i>e/e</i>				
	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>e/e</i>	<i>o</i>				
o	<i>o</i>	<i>I</i>	<i>o/o</i>	<i>I</i>	<i>o</i>	<i>I</i>				
	<i>o/o</i>	<i>e</i>	<i>o</i>	<i>e</i>	<i>o/o</i>	<i>e/e</i>				
	<i>o/o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o/o</i>	<i>o</i>

Примеры:

Фонема /i/: *vĩlɨc'a/vĩlɨc'a* ('челюсть') – loc. *vĩlɨcɨ* – pl. *vĩlɨc'i/vĩlɨc'i*; *skrĩpɨc'i* pl. t. ('деталь ткацкого стана') – loc. *na skrĩpɨc'ax*; *dĩčɨn'a* ('мясо дичи') – loc. *dĩčɨn'i* {дичині}; *šɨɨn'a* – loc. *šɨɨn'i* {ширині}; *lɨsɨc'a* – loc. *lɨsɨcɨ*, dim. *lɨsɨča* ('лисенок') – pl. *lɨsɨc'i*; *pɨɨbĩtɔɔj* – pl. *pɨɨbĩt'i* – dat.-loc. fem. *pɨɨbĩtũj*; *pɨɨvĩtɔɔj* – pl. *pɨɨvĩt'i* {'привіті}; *fɨdĩwka* ('крышка кастрюли') – loc. *fɨdĩwc'i* {фидівці}; *pĩwnɨc'a* – gen. *pĩwnɨc'i* – loc. *pĩwnɨcɨ*;

bĩtɨ, bĩtɨ – bĩɨɨn' ('бьющая часть цепа'); *čolɨɨɨc'* ('приспособление, надеваемое на морду теленка, не дающее ему сосать молоко у коровы') – loc. *na čolɨɨn'covɨ / na čolɨɨnɨ*; *velĩkɔɔj – Velĩɨɨɨɨɨn'*; *učĩɨɨɨɨl'ka* – gen. *učĩɨɨɨɨl'c'i* – *učĩɨɨɨɨl* – pl. *učĩɨɨɨɨl'i* – gen. pl. *učĩɨɨɨɨlũ*;

velĩkɔɔj – Velĩkɔɨɨn'a; *šɨɨɨɨɨtɨ* – dat.-loc. *šɨɨɨɨɨt'i*; *nĩtɔɨɨɨka* – dat.-loc. *nĩtɔɨɨɨc'i*; *šɨɨɨɨɨkɔɔj* – pl. *šɨɨɨɨɨk'i* – dat.-loc. fem. *šɨɨɨɨɨkũ*; *Nɨkólɔɨ* (осенний праздник) – loc. *po Nɨkól'ix* – gen. *Nɨkũl*.

²³ Как уже сказано выше, энклитика *s'a* никогда не влияет на предыдущие гласные в тактовой группе; кроме того, гласный *a* никогда не «пропускает» вокальную гармонию (см. ниже, 3.5).

Фонема /e/: *térnɪc'a* – loc. *térnɪcɪ* – pl. *térnɪc'i*; *Perénɪs'* / *Perénɪs'*, loc. *na Perénɪzɪ* (топоним); *serdítɔɔj* – pl. *serdít'i* – dat.–loc. sg. fem. *serdítɪj/serdítɪj*; *telʲɪc'a* – dat.–loc. *telʲɪcɪ* – pl. *telʲɪc'i*; *ščerbína* – loc. *ščerbɪn'i* {щи-}; *serstína* ('шерстинка') – loc. *serstɪn'i*; *peréɣoroda* ('затоп на реке при лесосплаве') – *peréjślɔɔj* ('устаревший, просроченный'); *peréitkɔɔ* ('твердые ости, не доеденные коровой'); *feryéjst* ('часть упряжи');

čéres ('широкий пояс') – loc. *čéres'i*, gen. pl. *čéresü*; *bérex* ('высокий склон') – loc. *na bérez'i*; gen. *véčera* – adv. *uvečér'i* ('вечером'); *geléta* ('деревянный подойник') – loc. *u gelét'i* – dim. *gelét'a*; *veselóɔj* – dat. fem. *veselútj* {весе-}; gen. pl. *deréw* – coll. *deréwl'a* ('деревья'); *svéter* ('свитер') – loc. *na svéter'i* – gen. pl. *svéterü*;

gréɣút ('каменистое место в горах, сухой щебень') – gen. *gréɣota* – loc. *gréɣot'i*; *berezónɔɔj* – pl. *berézóvi* – dat.–loc. fem. *berézóvüj*.

Фонема /o/: *močʲilo* ('яма для вымачивания льна, конопля') – loc. *močʲɪl'i*; *bodlʲɔɔj* – gen. fem. *bodlʲɔvi* – dat.–loc. fem. *bodlʲɔvüj* – pl. *bodlʲɔvi* {бодли-}; *rozbítɔɔj* – dat.–loc. fem. *rozbítɪj*, gen. *rozbítɔvi*, pl. *rozbít'i* {рѳбѳ-}; *blɔšćɪc'a* ('клоп') – pl. *blɔšćɪc'i* – gen. pl. *blɔšćɪc'*; *poslónɪc'a* – loc. *poslónɪcɪ* – pl. *poslónɪc'i*; *bólnɪc'a* (О. А. Иванина);

kóleso – loc. *kólɛs'i*; *izmórśčenoj* ('сморщенный') – pl. *izmórśčɛn'i*; *póčesnoɔj* ('достойный, честный') – pl. *póčɛs'n'i* {пѳчи-}; *blóder* ('духовка') – loc. *blóder'i*; gen. *stolá* – *stólɛc'* ('стул'); *slópéc'* 'капкан' (О. А. Иванина);

porɔs'a – 3 sg. *porosít s'a*; *ɣorodítɪ* – 1 sg. *ɣoróžu*, 3 pl. *ɣoród'at*; *ɣolová* – ins. *ɣolɔvów*, loc. *pó ɣolɔvi*; *borodá* – acc. *bórɔdu*, ins. *bórɔdów*; *postóɣatɪ*, *dostóɣatɪ* – 3 sg. *postóit*, *dostóit*; *dodoítɪ* – 1 sg. *dodóju*.

3.3. Системные нарушения приведенного распределения связаны с особыми свойствами отдельных морфем.

Адъективное окончание gen. sg. fem. *-oi* часто не вызывает ожидаемого повышения предшествующего /e/: *zelénɔɔj* – *zelénɔi/zelénɔi* {зеле-}, *studénɔɔj* – *studénɔi* {де-}, *séma* ('сѳдьмая') – *sémɔi* и т. п., но *veselóɔj* – *veselóɪ/veselóɪ*, *ščerbá* ('щербатая') – *ščerbóɪ*. Ср. *berezónɔɔj* – pl. *berézóv'i*, gen. fem. *berézóvɔi*; *ternónɔɔj* – pl. *ternón'v'i*; *gréɣút* ('каменистое место в горах, сухой щебень'), gen. *gréɣota* – loc. *gréɣot'i*; *bodlʲɔɔj* – gen. fem. *bodlʲɔvɔi*; gen. masc. *rozbítɔɔj* – fem. *rozbítɔɪ*. Отсутствие изменения *e* перед окончанием */-oi/* отмечено и в Убле О. Брокком и О. Лешкой и приводится ими как пример невоздействия *ô* на *e* (Брок 1899: 48; Лешка 1973: 58).

Вне действия правил аккомодации и вокальной гармонии могут оставаться безударные предлоги и приставки. Выше (3.1.1) уже говорилось о неизме-

нении гласного в глагольной приставке *po-* в позиции перед *j*. Напротив, в аллеговой речи эта приставка может произноситься с повышенным аллофоном независимо от фонетического контекста: *pobíli/p[ɔ]bíli*, *pokróta/p[ɔ]-króta* и т. п. Об особом поведении *po-* в говоре Убли см. (Лешка 1973: 49).

Вне действия вокальной гармонии может оставаться приставка *pere-* (как под ударением, так и в безударном положении), по крайней мере в младшей норме говора: *peréjšloo/p[ɛ]réjšloo*; *per[ɛ]s'ijali/per[ɛ]s'ijali*; *per[ɛ]s'isti* {пири-} – *per[ɛ]s'iw*, *per[ɛ]s'ila* {пере-}.

Примеры с предлогами показывают еще большую свободу от действий правил вокальной гармонии: у В. В. Цимбота *d[ɔ] d'íwko*, но *d[ɔ] r'íkó / do r'íkó* {до}; *bes k[ɔ]n'á – bes kobóloo*, *b[ɛ]š č[ɛ]l'adi / b[ɛ]š č[ɛ]l'adi* 'без людей' – *b[ɛ]š č[ɛ]p[ɛ]ry[ɔ]* 'без раздвоения ствола у дерева' (во всех случаях {бес}).

Приставка **ne-* под ударением у старшего поколения произносится как [nɪ] независимо от позиций аккомодации и вокальной гармонии: *níbool*, gen. *níboolr*; *níčis'c* ('земноводные и пресмыкающиеся'), gen. *níčistr*; *nítrut* и *nítrud[ɛ]n* ('лентяй, бездельник')²⁴. У младшего поколения наблюдается колебание между произношением старого типа и «стандартным» произношением и поведением приставки *ne-* под ударением: *némüč* ('немочь'), gen. *némočr*; *n[ɛ]čis'c / n[ɛ]čis'c*, gen. *n[ɛ]čistr*, но loc. *n[ɛ]čistr* (*níčistr*) у В. В. Цимбота. Частица **ne* в безударном положении всегда произносится как [nɪ]: *nɪ móš* 'нельзя', *nɪ bóloo* 'не было' и т. п. Под ударением (в противопоставительных конструкциях, а также в качестве отрицания 'нет') она образует самостоятельное фонетическое слово и имеет вид [nɛ]: *Tó d[ɛ]z' dawnó bóloo*, *n[ɛ] t[ɛ]p[ɛ]r* (А. С. Цимбота).

3.4. Распределение аллофонов гласных в дальнейших предшествующих слогах нуждается в дополнительном исследовании. При одинаковых гласных поддерживается вокальная гармония: напр., gen. *kólokola* – loc. *k[ɔ]l[ɔ]k[ɔ]l'i*; *ɣolová* – loc. *p[ɔ] ɣ[ɔ]l[ɔ]v*; *sélemeno* ('стропила') – loc. *s[ɛ]l[ɛ]m[ɛ]n'i*; *poloníná* – loc. *p[ɔ]l[ɔ]n[ɪ]n'i*; *Merešúr* (название села) – loc. *M[ɛ]r[ɛ]š[ɔ]r'i*, ins. *Merešórom*; dat. *odo-víci* ('вдова') – pl. *o[ɔ]d[ɔ]v[ɪ]c'i*; *p[ɔ]r[ɔ]sn[ɪ]c'a / p[ɔ]r[ɔ]sn[ɪ]c'a* ('свиноматка') – loc. *p[ɔ]r[ɔ]sn[ɪ]c* – pl. *p[ɔ]r[ɔ]sn[ɪ]c'i*, *metélík* ('бабочка') – gen. pl. *m[ɛ]t[ɛ]l[ɪ]k[ɪ]*. Другие примеры:

²⁴ В безударном положении эта приставка, как правило, также произносится как [nɪ] независимо от фонетического контекста: *n[ɪ]š[ɪ]n[ɔ]j* ('некрасивый'), *n[ɪ]d[ɔ]st[ɪ]l[ɔ]j* ('незрелый') и т. п.; ср. мараморешский говор села Сокирица Хустского р-на, где «фонема /e/ в ненаголошенных частях та префикс *ne* в будьяк-й позиции... реализуется в звуку [ɪ]» (Сабодош 2008: 5); таким образом, по-видимому, в старшей норме говора приставка имеет вид /nɪ/.

Второе возможное решение — трактовать ударный [ɪ] в старшей норме как *ɛ*, т. е. аллофон фонемы /e/, и рассматривать такое произношение как эмфатическое. В пользу этого решения говорит повышенная напряженность ударного гласного.

póvelĭkooj ('великоватый') – dat. fem. *póvelĭküj*, pl. *póvelĭk'i*; *óžēlet'* ('гололед — на деревьях и т. д. '), gen. *óželedĭ/óžēlēd'i*; *verxóvĭnec'* – *verxóvĭnka* ('жители Верховины'); *čolĭnec'* – loc. *na čolĭn'covĭ* / *na čolĭncĭ*. У А. М. Бонкало: *vorq-bēc'* (-[ĭ]c'), но *odovēc'* (-[ĕ]c').

Неясно также, насколько распределение аллофонов в дальнейших слогах зависит от акцентных условий.

3.5. Вопрос об участии в вокальной гармонии других гласных до конца не исследован. Очевидно, что в «палатализованных» (по О. Броку) слогах, в позиции перед /'i/ следующего слога произносятся «палатализованные» аллофоны гласных /a/, /o/, /u/, но вопрос в том, оказывают ли они воздействие на гласные предшествующего слога. Для /a/ у нас нет примеров такого воздействия, ср. *lopáta* 'совковая, хлебная лопата' – асс. *lopátu* – loc. *lopát'i*. Примеры для /u/: *minúta*, *minútka* – loc. *mĭnúť'i*, *mĭnúcc'i*, но *selepúya* 'опилки' – loc. *selepúz'i*. Примеры для /o/: *koróoto* – loc. *koróót'i*, *koróoto* – loc. *koróót'i*, *sokóora* ('топор') – loc. *sokóór'i* (ср. аналогичные примеры, отмеченные в Убле О. Броком: *korúto*, *korúto* – loc. *kôpúr'i*, *kôrút'i* — Брок 1899: 48).

4. Как отмечено выше, принципиальное устройство синевирской системы аккомодации и вокальной гармонии сходно с лемковскими системами. Вокальная гармония связана с напряженностью и действует в пределах слогов с включенными в «систему сужения» гласными — «палатальное» сужение в пределах /o/, /e/, /ɪ/, «лабиальное» — только в пределах *o*; слоги с иными гласными «не пропускают» гармонию дальше к началу слова. Очевидно также, что существуют более сильные и более слабые факторы, влияющие на сужение гласных: из «палатальных» таким фактором является контекст _C^(*)i, в котором /ɪ/ повышается до *ɪ*, из «лабиальных» — контекст _Cu, всегда вызывающий *o* во втором предшествующем слоге. (Выше в таблицах распределения аллофонов гласных порядок столбцов соответствует «силе» факторов, влияющих на сужение гласных, и, соответственно, степени напряженности аллофонов.) Существенное отличие синевирской системы от лемковских (по описанию О. Лешки) — участие /ɪ/ в вокальной гармонии, т. е. релевантность контекстов _Cɪ, _Cɪ для предшествующих гласных. Несколькo более четкой в Синевире выглядит картина перед /j/. С другой стороны, для синевирского говора нерелевантен контекст _[v]; зависимость от акцентных условий проявляется только в повышенном качестве безударного *o*, а не в позиционном распределении аллофонов, как в говоре Убли.

Аккомодация и гармония гласных в синевирском говоре требует дальнейшего изучения — прежде всего недостаточно исследованной старшей нормы произношения, а также поведения гласных /u/ и /oo/, фонемного статуса шипящих согласных, поведения гласных в отдаленных слогах.

Литература

- АУМ 2 — Атлас української мови. Т. 2. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. Київ, 1988.
- Брок 1899 — *Брох О.* Угросское наречие села Убли (Земплинского комитата). СПб., 1899.
- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — *Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М.* Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // *Славяноведение*, 1994, № 3.
- ЛАЗО III — *Дзенделівський Й. О.* Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області України (Лексика). Ч. III. Ужгород, 1993.
- Лешка 1973 — *Leška O.* Govor sela Ublja vostočnoj Slovákii. Etjudy po ukrainskoj dialektologii 1. Praha, 1973.
- Лешка, Шішкова, Мушинка 1998 — *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки Східної Словаччини. Нью-Йорк—Прага—Київ, 1998.
- Николаев 2006 — *Николаев С. Л.* Заметки о вокализме закарпатского говора с. Синевир // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 380–383.
- Панькевич 1938 — *Панькевич И.* Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. Ч. I. Звучня і морфологія. Прага, 1938.
- Сабадощ 2008 — *Сабадощ І. В.* Словник закарпатської говірки села Сокириця Хустського району. Ужгород, 2008.
- Толстая 2002 — *Толстая М. Н.* Опыт составления толкового словаря говора // *Исследования по славянской диалектологии*. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. М., 2002.

Summary

Positions of accomodation and vocal harmony in Transcarpathian Sinevir dialect

The article deals with positons of raising of vowels *e*, *o* and *i* for the space of word according to next palatal and labial conditions in Transcarpathian Sinevir dialect. The dialect data was recorded during expeditions in 1993–2009.

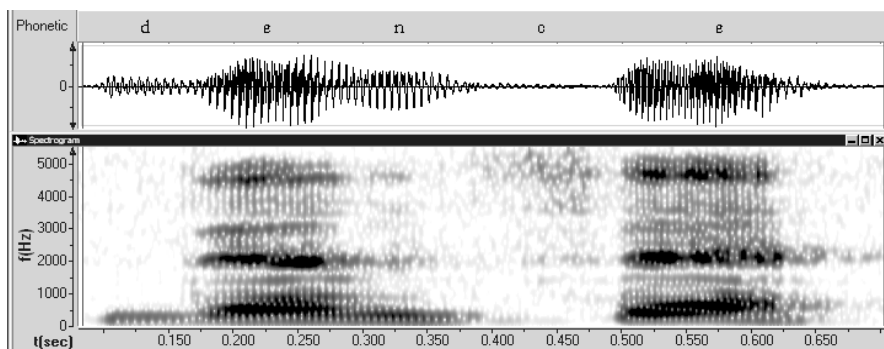

Рис. 1. Произношение слова *dencé*: $d[\epsilon]nc[\acute{\epsilon}]$ (А. М. Бонкало)

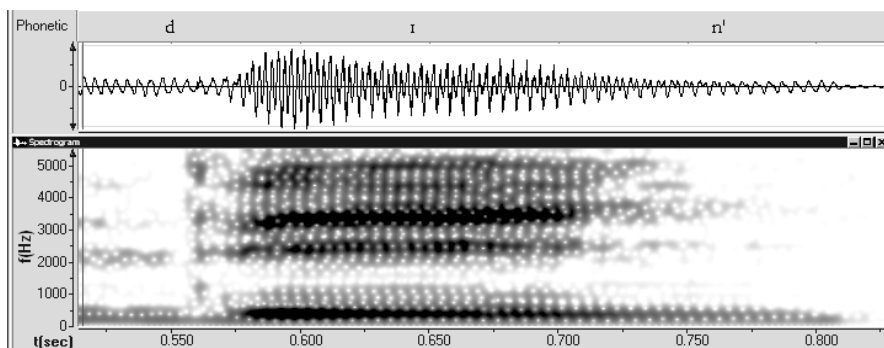

Рис. 2. Произношение слова *den*: $d[\text{ĩ}]n'$ (А. М. Бонкало)

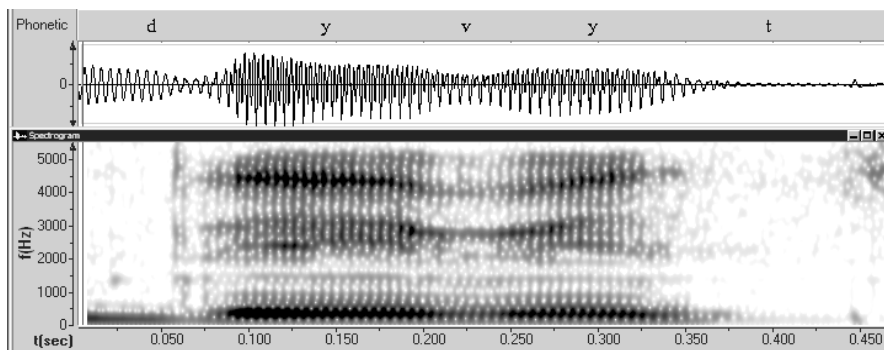

Рис. 3. Произношение слова *d'vut* (*s'a*): $d[\acute{y}]v[y]t$ (А. М. Бонкало)

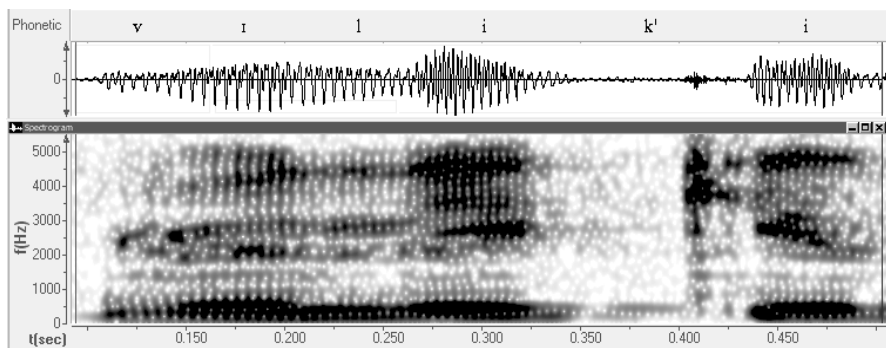

Рис. 4. Произношение слова *vel'ik'i:* *v[i]l[i']k'[i]* (А. М. Бонкало)

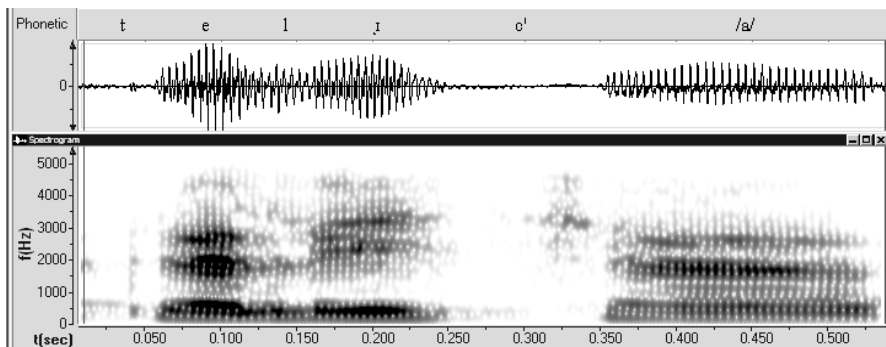

Рис. 5. Произношение слова *tel'ic'a:* *t[e]l[i']c'a* (А. С. Цимбота)

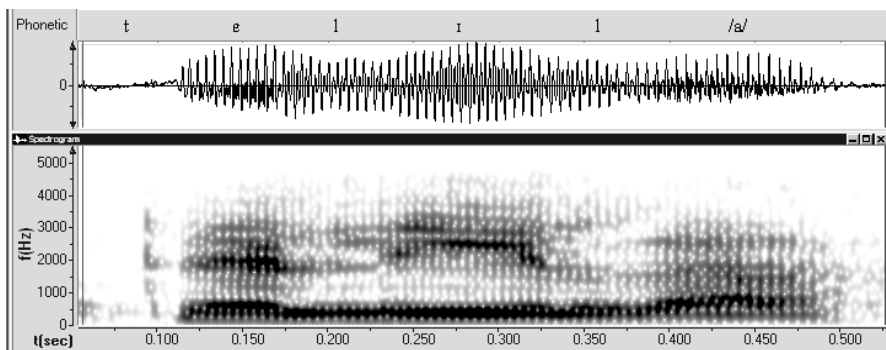

Рис. 6. Произношение слова *tel'ila:* *t[ε]l[i']la* (А. С. Цимбота)

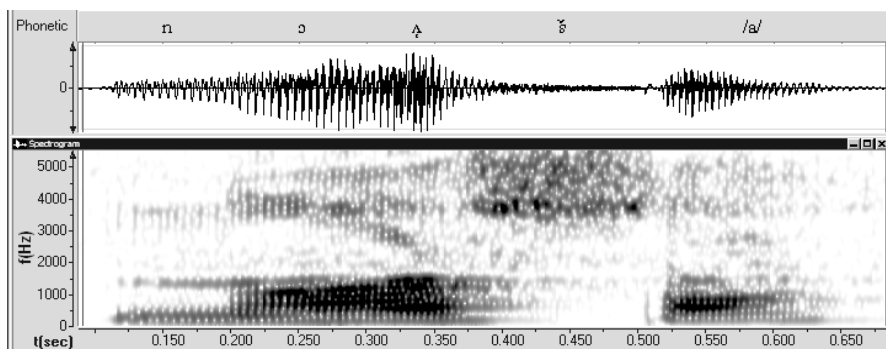

Рис. 7. Произношение слова *n[ɔ̌]ša* (А. М. Бонкало)

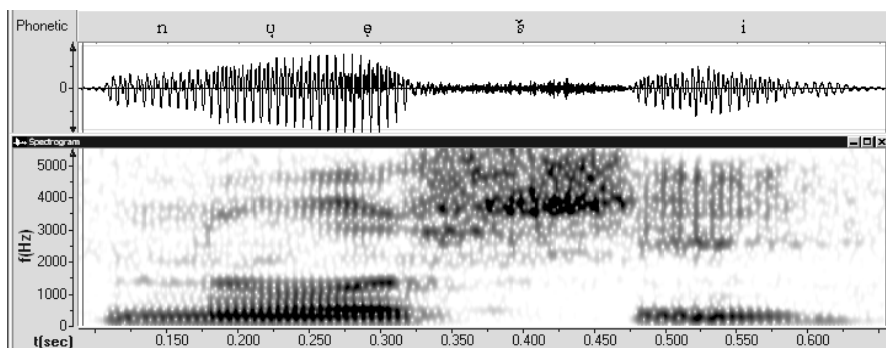

Рис. 8. Произношение слова *n[ɔ̌]ši* (А. М. Бонкало)

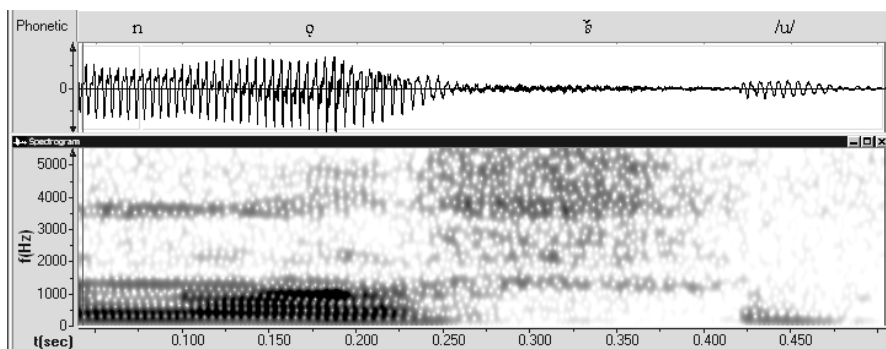

Рис. 9. Произношение слова *n[ɔ̌]šu* (А. М. Бонкало)

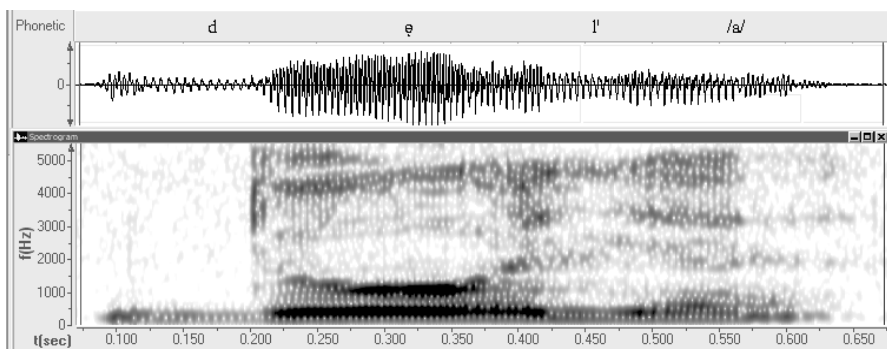

Рис. 10. Произношение слова *dól'a: d[ǫ]l'a* (А. М. Бонкало)

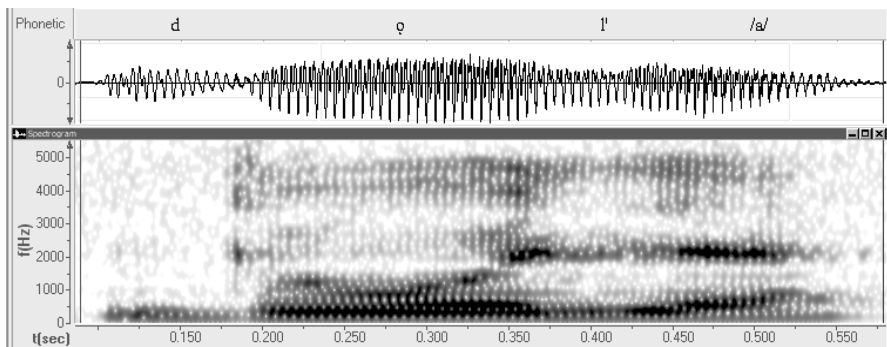

Рис. 11. Произношение слова *dól'a: d[ǫ]l'a* (А. М. Бонкало)

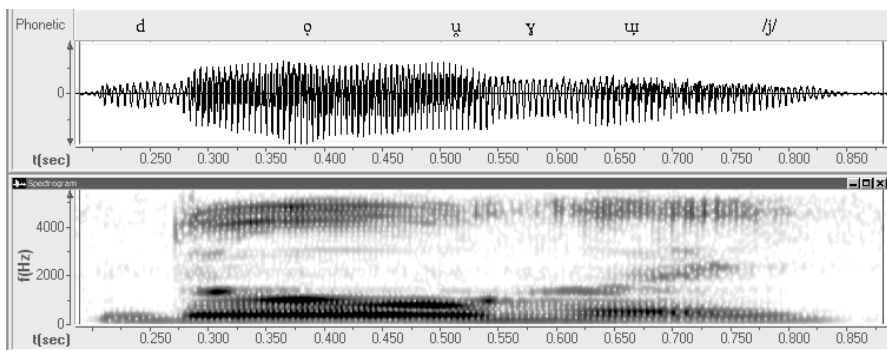

Рис. 12. Произношение слова *dǫwɔɔj: d[ǫ]wɔɔj* (А. М. Бонкало)

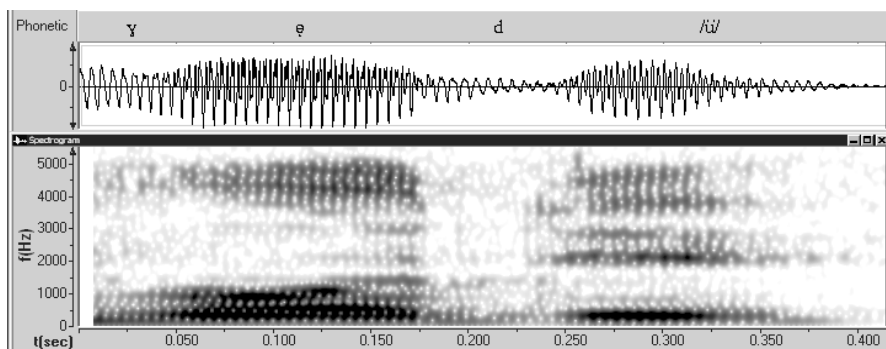

Рис. 13. Произношение слова $y\check{o}d\ddot{u}$ (gen. pl.): $y[\check{o}]d\ddot{u}$ (А. М. Бонкало)

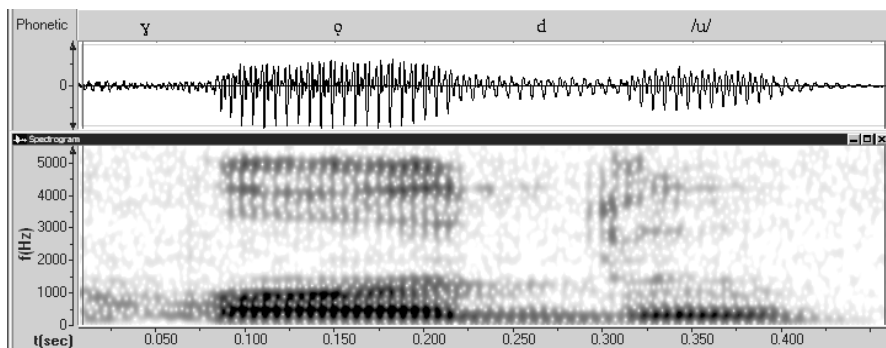

Рис. 14. Произношение слова $y\check{o}du$ (gen. sg.): $y[\check{o}]d\ddot{u}$ (А. М. Бонкало)

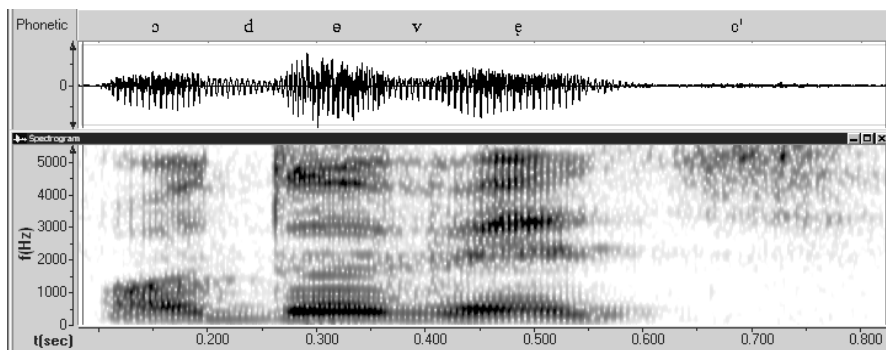

Рис. 15. Произношение слова $odov\acute{e}c$: $[o]d[e]v[\acute{e}]c$ (А. М. Бонкало)

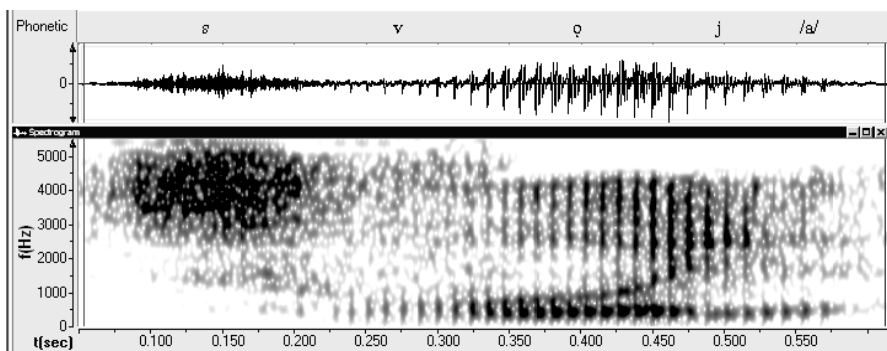

Рис. 16. Произношение слова *svója: sv[ǫ̌]ja* (В. В. Цимбота)

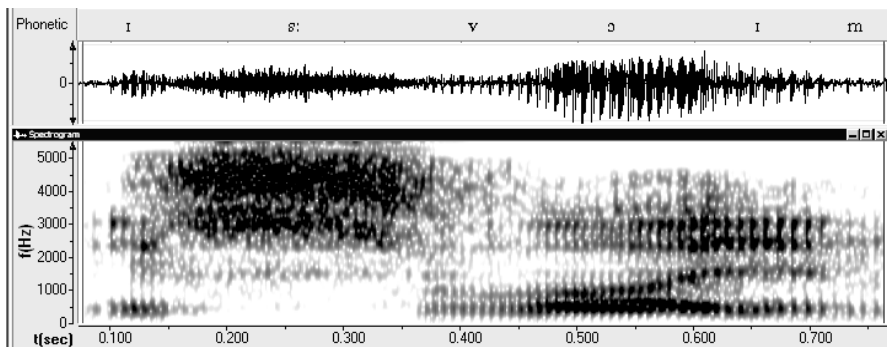

Рис. 17. Произношение слова *is svóim: is ssv[ǫ̌]im* (В. В. Цимбота)

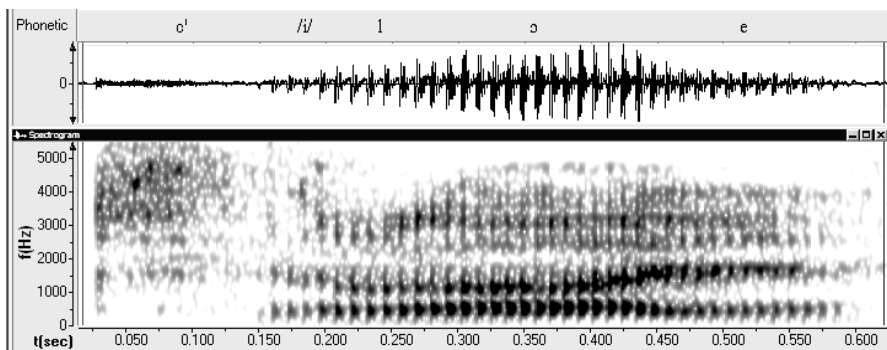

Рис. 18. Произношение слова *c'ilóje: c'il[ǫ̌]e* (В. В. Цимбота)

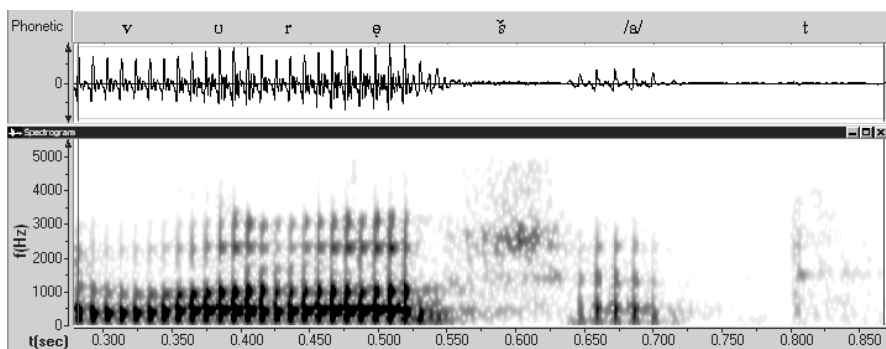

Рис. 19. Произношение слова *vqróšat* (3 pl.): *v[ǔ]r[ǝ]šat* (В. В. Цимбота)

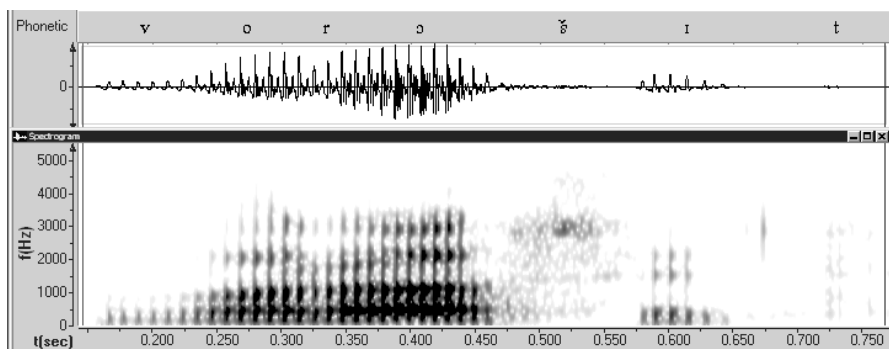

Рис. 20. Произношение слова *voróšit* (3 sg.): *v[o]r[ǝ]šit* (В. В. Цимбота)

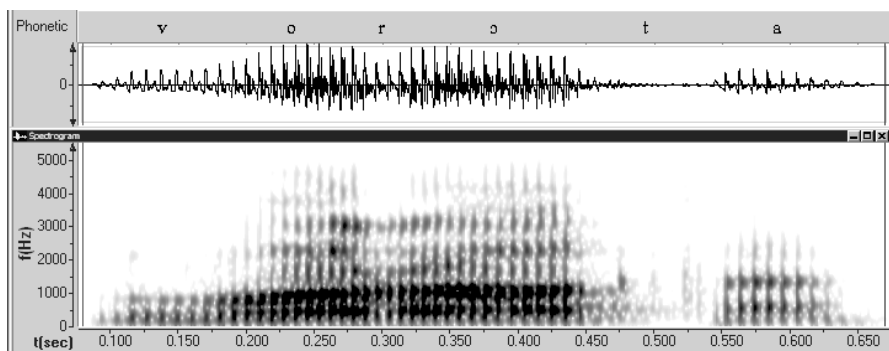

Рис. 21. Произношение слова *voróta*: *v[o]r[ǝ]ta* (В. В. Цимбота)

Количественная оппозиция гласных в 1-м предударном слоге в а-основах в тверском говоре д. Гниловка*

Говор д. Гниловка Селижаровского р-на Тверской обл. (Дубровского с/с) известен по большому корпусу аудиоматериалов, записанных М. Н. Толстой на магнитофон в 1999–2006 гг. от Татьяны Михайловны Смирновой (дев. Моренковой) 1919 г. р., проживающей в д. Дубровки Селижаровского р-на. Гниловка, географически изолированная болотами и заболоченными лесами от окружающих деревень, перестала существовать как населенный пункт в 1970-х гг.¹ Из других носителей говора доступным для нас информантом осталась только родная сестра Т. М. Смирновой Елизавета Михайловна Ширяева 1922 г. р., также проживающая в д. Дубровки, от которой удалось записать лишь один короткий текст, поэтому Т. М. Смирнова фактически является единственным информантом.

Говор д. Гниловки относится к западно-селижаровской подгруппе селигеро-торжковских говоров. Фонетика говора весьма архаична. Ранее автором было обнаружено противопоставление фонем /ou/ и /u/ в слогах под ударением на месте праслав. *u и *o соответственно. Обнаружена также симметричная переднерядная пара /ei/ и /i/, однако история этих фонем не ясна — формально они восходят к праслав. *i (Николаев 2002).

В говоре д. Гниловка ударный и 1-й предударный слоги образуют просодическую вершину фонетического слова. 1-е предударные слоги превосходят по интенсивности ударные (это происходит всегда, если в обоих слогах находятся гласные одного и того же подъема, либо в ударном слоге находится гласный верхнего подъема, а в 1-м предударном среднего или нижнего), или интенсивности гласных обоих слогов приблизительно равны. Если слово записано в эталонной фразовой позиции (в изолированном положении с интонацией ФП-1 по Е. А. Брызгуновой), то 1-й предударный слог является наибо-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Создание базы данных по фонетике западных и северо-западных русских говоров», № 07-04-12128в) и Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

¹ Находилась между дер. Тверское, Волково и Плющево. Следует отличать ее от д. Гниловка Ананкинского с/с, расположенной на юго-востоке Селижаровского р-на и являющейся пунктом ДАРЯ (Зап., № 143). На карте Менде 1850 г. Гниловка Дубровского с/с обозначена как Гниловцы, а Гниловка Ананкинского с/с — как Гниловка. Материал из д. Гниловка см. также в «Материалах по фонетике западнорусских говоров» в настоящем сборнике.

лее высоким по тону. Гласный звук в ударном слоге равен по долготе 1-му предударному или превосходит его по долготе. В ударных слогах в нем различаются не противопоставленные по квантитативному признаку 7 (или 8, если считать /ы/ отдельной фонемой) гласных фонем — /i/ (/ы/), /ei/, /e/, /u/, /ou/, /o/, /a/. В 1-х предударных слогах, напротив, заднерядные гласные /u/ и /a/ образуют пары, противопоставленные по долготе, в этих слогах противопоставлены фонемы /i/ (/ы/), /u:/, /u/, /a:/ и /a/.

Аллофоны долгих гласных фонем обычно имеют длину звучания в диапазоне от 135 до 160 мс, аллофоны кратких фонем — от 80 до 110 мс. Средняя продолжительность звучания долгих гласных приблизительно в 1,5 раза превышает продолжительность звучания кратких. Правила распределения аллофонов по шкале долгот внутри указанных диапазонов до конца не исследованы.

Разрыв в 25 мс между фонологическими диапазонами фонологически важен, несмотря на свою кажущуюся незначительность — зафиксировано незначительное число примеров внутри «зоны неопределенности», когда длительность гласного находится в диапазоне 115–125 мс. При этом сравнение вариантов одних и тех же слов показывает, что гласные с продолжительностью звучания 110–115 мс являются аллофонами кратких. Предударные гласные с продолжительностью 120–125 мс («полудолгие») в подавляющем числе случаев отмечены перед интервокальным *-r-* (позиция вторичного удлинения). Предударные гласные с продолжительностью звучания в диапазоне 115–120 мс практически не зафиксированы.

Следует отметить, что правила установления точной границы между гласным и согласным трудно формализовать (точнее говоря, трудно установить эталонный диапазон пограничной «зоны неопределенности» даже при разбиении согласных на максимальное число фонетических классов), а поэтому замеры нами делались «по минимуму», и граница устанавливалась внутри гласного в позициях, в которых консонантные форманты максимально ослаблены, а вокалические вполне сформированы. Одновременно с визуальным определением границ гласный/согласный на спектрограммах «приграничные» отрезки записей прослушивались. В качестве масштаба измерения выбрана линейка с делением ценой в 5 мс.

Разумеется, субъективность определения границы между гласными и согласными (вспр. длительности звучания гласного) «на слух» и «на глаз» снижает достоверность приводимого материала. Однако даже установленная не очень строгими методами оппозиция долгих и кратких фонем в говоре Гниловки находит историческое объяснение.

В настоящей работе в качестве материала использованы ответы на вопросы программы по акцентуации праславянских **а*-основ в изолированной фразовой позиции. Первичная обработка материала (переведение аналоговой записи в дигитальную и нарезка примеров) выполнена М. Н. Толстой. Длительность звучания гласных получена автором из осциллограмм и спектрограмм, сделанных с помощью компьютерных программ WinCECIL и Praat.

Историческое происхождение долгих и кратких гласных видно на примере корневых гласных в окситонированных *а*-основах. Рядом с примерами указаны физические долготы (в мс) предупредных гласных; формы, иллюстрированные в приложении, отмечены знаком °.

Фонемы /а:/ и /а/

В парадигматических формах с праслав. односложными окончаниями долгая фонема /а:/ регулярна на месте праслав. исконно долгих **а*, **ę* и **ě*. В формах с праслав. двусложными окончаниями (I sg. *-oj* < **-ojǫ*, L pl. *-ax* < **-axъ*, DI pl. *-am* < **-amъ*, I pl. *-am'i* < **-ami*) в корне регулярно фиксируется краткая фонема /а/. В списках слов формы с двусложными окончаниями приводятся после разделительного знака «~».

b'ādá 135, 155°, A sg. *b'ādú* 145 < **bēda*

d'āsná 140°, A sg. *d'āsnú* 135 < **dēsna*

gr'ādá 140, 160, 150, A sg. *gr'ādú* 150 < **gręda*

ž'v'āzdá 170, A sg. *ž'v'āzdú* 145 < **gvězda*

jādá 165, A sg. *jādú* 145 < **jēda*

jāzdá 135, 140 (2×), A sg. *jāzdú* 160 < **jēzda*

jāgá 135, 140, A sg. *jāgú* 135 (2×) < **jęga*

kъл'ādá 135, 140, 150 ~ DI pl. *kъл'adám* 115 < **kolęda*

l'ib'ādá 150°, A sg. *l'ib'ādú* 150, G sg. *l'ib'ādбі* 140 < **lebēda*

m'āzdrá 155, 165, A sg. *m'āzdrú* 145 < **męzdra*

r'āká 140, 155 ~ L pl. *r'akáx* 90 < **rēka*

skātá 135, A sg. *skātú* 150 < **skala*

sl'āgá 135, 145, A sg. *sl'āgú* 135 < **slęga*

s'c'āná 140 (2×) ~ L pl. *f s'c'anáx* 105 < **stēna*

str'ātá 135 (3×), 140, A sg. *str'ātú* 140, 145 ~ I sg. *str'atój* 105 < **strēla*

trāvá 135 < **trava*

Перед *-s-* отмечены 2 случая сокращения долготы:

A sg. *krasú* 100 (2×) ~ DI pl. *krasám* 100 при регулярной долготы в *krāsá* 140° (2×) < **krasa*

kʲɫbasá 95, A sg. *kʲɫbasú* 100, G sg. *kʲɫbasý* 105 < *kʲɫbasa

Кроме того, долгая фонема /a:/ регулярно обнаруживается во 2-м слоге «полногласия» в основах с корнями вида *TeRT:

č'ir'ādá 135° (2×), A sg. *č'ir'ādú* 150 < *čerda

č'ir'āpáxa 135, A sg. *č'ir'āpáxi* 140 < *čerpaха

p'ilaná 135 (2×), A sg. *p'il'aní* 135 ~ I *p'il'anój* 100, 105 < *pelna

В основах с корнями вида *ToRT в части основ отмечена устойчивая краткая фонема /a/, в других наблюдается колебание между /a:/ и /a/.

pʲɫasá 85, 100 < *polsa

skʲv(ʲ)radá 90, 105 (2×) < *skovorda

stʲraná 85, 105 (2×) < *storna

bʲraná 105 (2×) и *bʲrāná* 135 < *borna

A sg. *bʲrazdú* 105 и *bʲrāzda* 145 < *borzda

gʲtavá 100°, 110 (2×), G sg. *gʲtavý* 100 и *gʲtāvá* 135 < *golva

Только долготный рефлекс в *borda: *bʲrādá* 160° (2×) < *borda

Краткая фонема /a/ регулярна как рефлекс праслав. кратких *e, *o, *ъ, *ь (в том числе и в последовательностях *TʲBRT):

pč'atá 80, 105°; A sg. *pč'alú* 90 < *bъčela

bʲaxá 90°, 105, 110 < *bʲlxa

gʲsražá 95, 105 (2×), 110 (2×) < *gospodja

kʲnapl'á 80, 100 < *konoplja

kʲč'ar'gá 105, 110°, A sg. *kʲč'ar'gú* 105 < *kočʲrga

kasá 100° (2×) ~ I pl. *kasám'í* 100 < *kosa (орудие)

kasá 90°, 95, 100 < *kosa (волосы)

karmá 90, 80, 85 < *kʲrma

m'azá 105, 110 < *medja

m'attá 80, 105, 110 (2×), A sg. *m'attú* 90 < *metrya

mač'á 70, 90 < *moča

matvá 95, 105 < *mʲlva

nagá 90, 95 (3×) ~ L pl. *nagáx* 91 < noga

nazdr'á 105, A sg. *nazdr'ú* 85 < *nozdrja

patá 105, A sg. *patú* 105 < *pola

rasá 105, A sg. *rasú* 105 < *rosa

s'astrá 95, 100 (2×), A sg. *s'astrú* 90 ~ DI pl. *s'astrám* 100 < *sestra

skabá 95, 105, 110 < *skoba

smalá 85, 105 < *smola

snaxá 75, 90, 100, A sg. *snaxú* 105 < *snʲxa

sasná 80, 95, 105, A sg. *sasnú* 105 ~ L pl. *f.sasnáx* 90 < **sosna*

savá 95, 100, 105, A sg. *savú* 105, 100 < **sova*

saxá 105 (2×), A sg. *saxú* 100 ~ L pl. *saxáx* 95 < **soxa*

stapá 80 (2×), 105, A sg. *stapú* 90 < **stopa*

straká 105, A sg. *strakú* 100 ~ L pl. *f.strakáx* (фонетически [střákáx] 145) <

**stroka*

vadá 95 < **voda*

z'aml'á 90, D sg. *z'aml'é* 105 < **zemlja*

Фонемы /a:/ и /a/ нейтрализуются в долгом /a:/ перед интервокальными *z* и *r*. При этом в парадигме наблюдается стандартное чередование количеств между формами с односложным (долгий) и двусложными окончаниями (краткий корневой гласный). В некоторых примерах (возможно, возникших по аналогии с многосложными формами) краткий корневой гласный отмечен также и в формах с праслав. односложными окончаниями. Однако тот факт, что вариантов с краткостью в основах с *-r-*, *-z-* значительно больше, чем в других долготных основах, по-видимому, указывает на то, что область позиций сохранения старых долгот. Позиция перед *-r-* (но не перед *-z-*) синхронно является позицией вторичного фонетического удлинения («полудолгий» аллофон [ǣ] в диапазоне 120–130 ms).

Только долготные рефлексy:

grāzá 145°, A sg. *grāzú* 135 < **groza*

ťázá 135°, 140, A sg. *ťázú* 140 < **loza*

gārá 155° < **gora*

Долготные и краткостные рефлексy:

kāzú 130, G sg. *kāzý* 140 и *kazá* 95, 100° < **koza*

s'l'ázá 135, 140, A sg. *s'l'ázú* 155 и *s'l'azá* 105 ~ L pl. *f.s'l'azáx* 90 < **slъza*

kārá 140°, 150, 160, A sg. *kārú* 145 и *kará* 105 (ср. «полудолготу» в A sg. *kǣrú* 120) ~ I sg. *kǣrój* 120 («полудолгота») < **kora*

nāra 135 (2×), 140, A sg. *nārú* 135, но «полудолгота» в *nǣrá* 125 ~ L pl. *naráx* 85 < **nora*

pārá 140 (2×) и *pará* 110 < **pora*

По-видимому, старое удлинение (до падения слабых еров) перед *-r-* и *-z-* в истории говора происходило только в предударном слоге в словах, где ударный гласный был конечным. Если же за ударным слогом находились заударные, то удлинения не происходило. Ср. регулярную фонологическую краткость в 1-м слоге «полногласия» (*ToRT, *TeRT).

b'ar'óžь 60°, 100, A sg. *b'ar'óžu* 90, G sg. *b'ar'óžы* 106 – «полудолготы» в G sg. *b'ar'óžы* 120, 127 < *berza

č'ar'ěšň'ь 85 (2×), 90, pl. *č'ar'ěšň'i* 97 < *čeršnja – «полудолготы» не отмечены

darógь 100 (3×), 105, pl. *daróg'i* 105 – «полудолгота» в *ďarógь* 120°, G pl. *ďarók* 125 < *dorga

karónь 90, 95, 100, 105°, A sg. *karóvu* 100 – «полудолготы» в G pl. *kǎřóf* 115, 120 (3×), 125 < *korva

karóstь 95 (2×)°, A sg. *karóstu* 110, pl. *karóstы* 110 – «полудолгота» в A sg. *kǎróstu* 125 < *korsta

m'ar'ózь 102, 110, A sg. *m'ar'óžu* 110, pl. *m'ar'óžы* 95 < *merža – «полудолготы» не отмечены

sarókь 100, A sg. *saróku* 110, G pl. *sarók* 100 < *sorka – «полудолготы» не отмечены

Возможно, краткая /a/ регулярна в рефлексах анлаутных *oRT-, хотя оба примера сомнительны с точки зрения исконности слов в данном говоре:

ład'já 100, 105 < *oldĭja

rabá 100, A sg. *rabú* 105, I sg. *rabój* 95, 105 < *orba

Фонемы /u:/ и /u/

Фонема /u:/ в *a*-основах засвидетельствована как обычный рефлекс праслав. исконно долгого *u перед носовыми и плавными сонантами.

č'umá 135 (2×), 140° ~ I sg. *č'umój* 105 < *čuma

kūmá 150°, 155, 160 (2×), A sg. *kūmú* 140 ~ I sg. *kumój* 105, DI pl. *kumám* 90 < *kuma

lūná 140, 135 < *luna

skūtá 135 (2×), 155, A sg. *skūtú* 150, 160 (но *skutá* 105) < *skula

strūná 135, 140 (но *struná* 100) < *struna

Перед другими согласными на месте *u и *q в корнях *a*-основ засвидетельствовано как ожидаемое долгое /u:/, так и краткое /u/, причем в ряде основ отмечена только краткость. Краткостные рефлексy *u и *q встречаются в среднем чаще, чем долготные, что, видимо, связано с тенденцией к нейтрализации количественной оппозиции у гласных высокого подъема (у исторических фонем */i:/ и /i/ процесс уже завершился полной нейтрализацией в краткой фонеме /i/).

dudá 105, A sg. *dudú* 110 и *dūdú* 135 < *duda

dugá 75, 100°, A sg. *dugú* 100 и *dūgú* 135, 140 < *doga

gubá 110, A sg. *gubú* 85, 95 и *gūbú* 135 < *gǫba
muká 75, 80, A sg. *mukú* 110, G sg. *muké* 90, 75 и A sg. *mūkú* 145 < *mǫka
ptugá 85 и *ptūgá* 140, A sg. *ptūgú* 140 (2x) ~ L pl. *ptugáx* 110 < *pluga
 ‘плуг’
stugá 80, 105 и A sg. *stūgú* 135 ~ I pl. *stugám’i* 80 < *sluga
 Только долготные рефлексy:
rūdá 150, A sg. *rūdú* 135 < *ruda
 Только краткостные рефлексy:
duša 100°, 105 < *duša
krupá 70, 75°, A sg. *krupú* 75 < *krupa
ruká 105, 110 ~ L pl. *rukáx* 100, 105 < *rǫka
s’l’udá 95, A sg. *sl’udú* 105 < *sljuda
strujá 100, 110, A sg. *strujú* 110 < *struja
sud’já 100, A sg. *sud’jú* 105 ~ I pl. *sud’jám’i* 85 < *sqǫbja

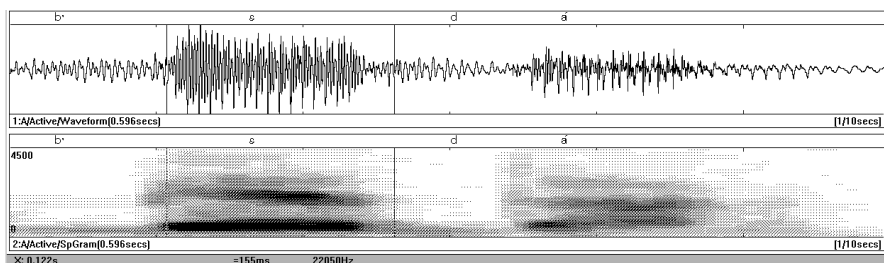
Литература

Николаев 2002 — Николаев С. Л. Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. Институт славяноведения РАН. М., 2002.

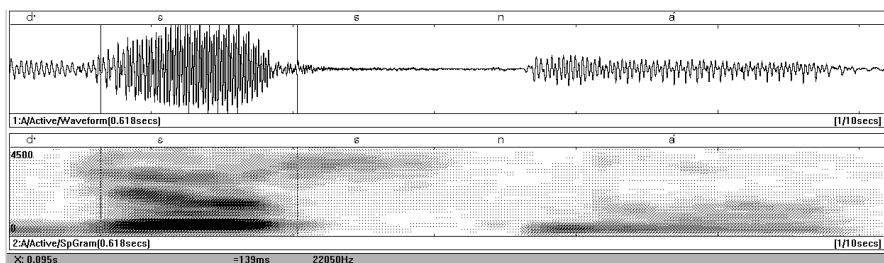
Summary

Quantitative opposition of vowels in the 1st pretonic syllable of *a*-stems in Gnilovka dialect

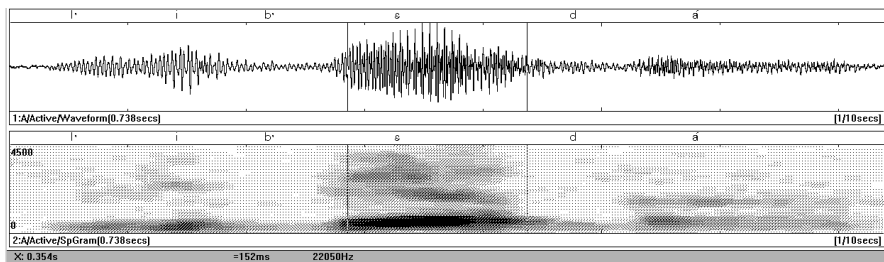
Such opposition was found in one dialect of Seliger area (Tver’ region) and seems to be concerned with the historical evolution of Protoslavonic vowels in this dialect. The data cited is based on computer analysis of dialectal phonetics, recorded in expeditions.

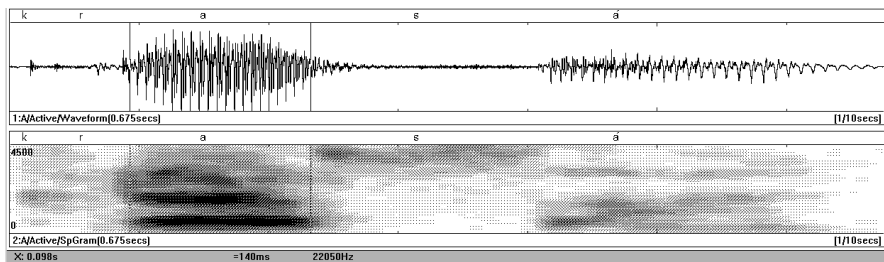
b'ādá < *bēda

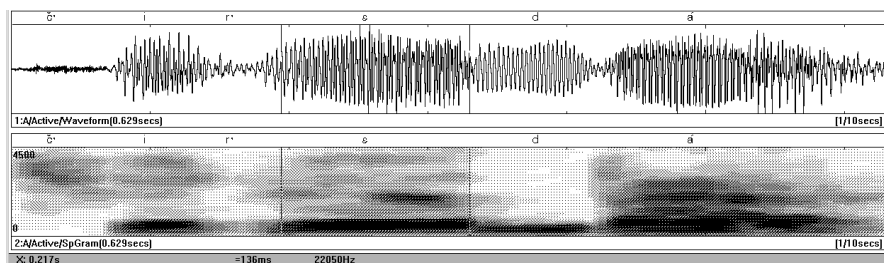
d'āsná < *dēsna

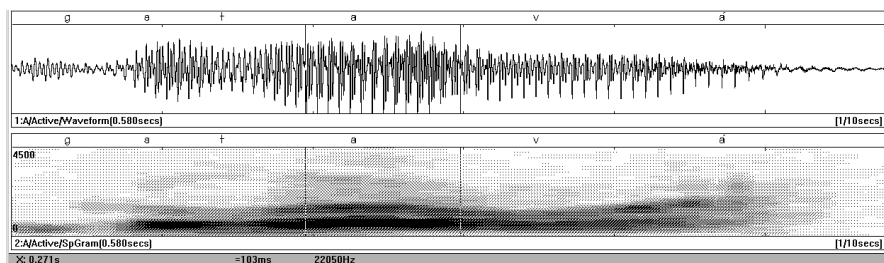
l'ib'ādá < *lebēda

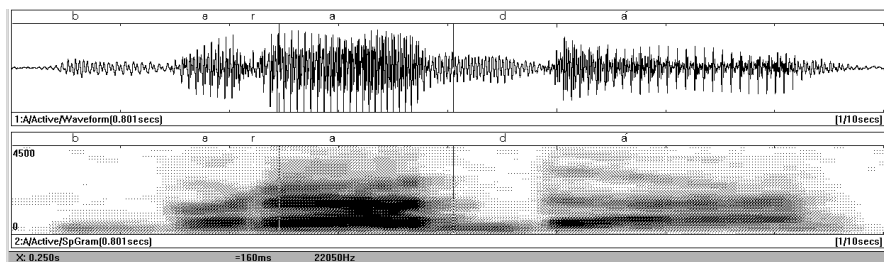
krāsá < *krasa

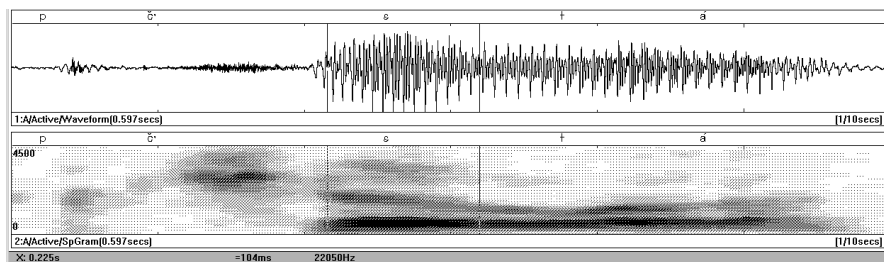
č'ir'ādá < *čerda

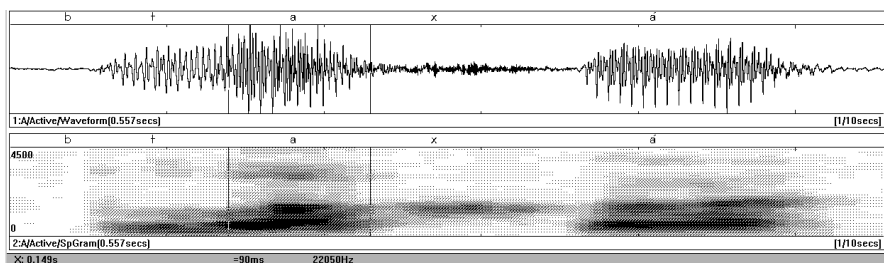
gɔtává < *golva

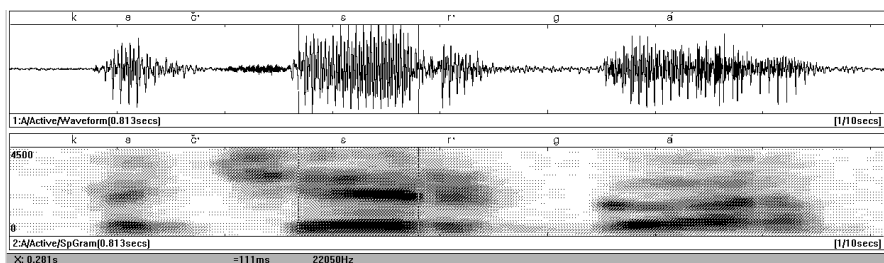
bɔrādá < *borda

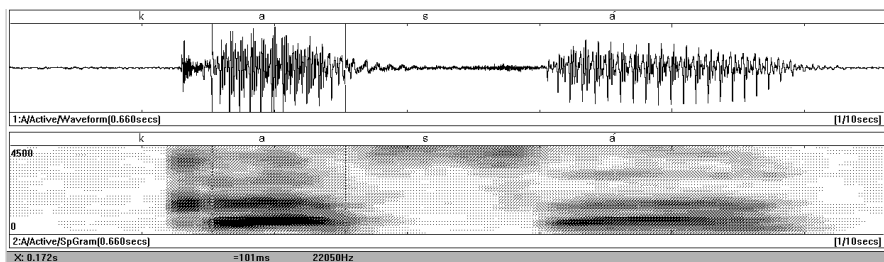
pč'atá < *bъčela

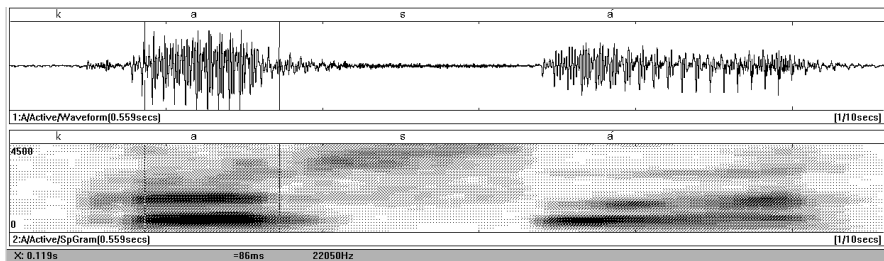
blaxá < *blъxa

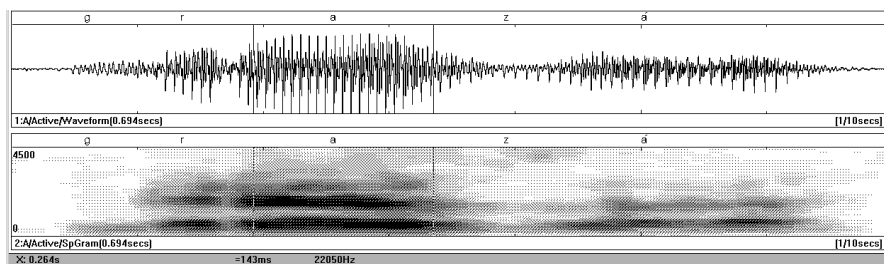
kъč'ar'gá < *kočъrga

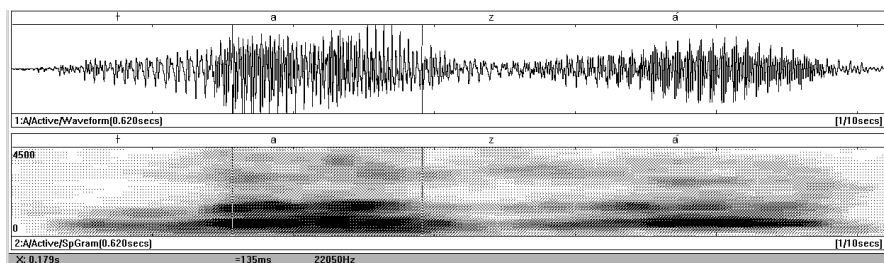
kasá < *kosa (орудие)

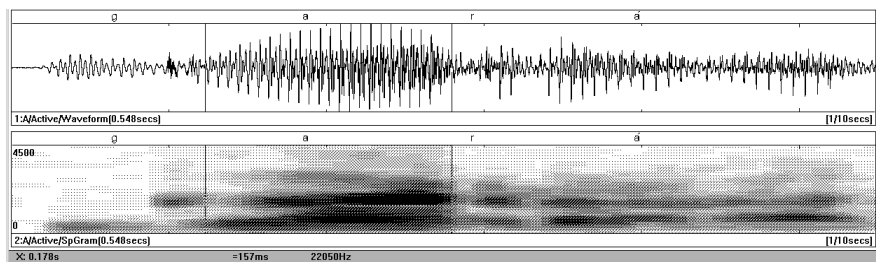
kasá < *kosa (волосы)

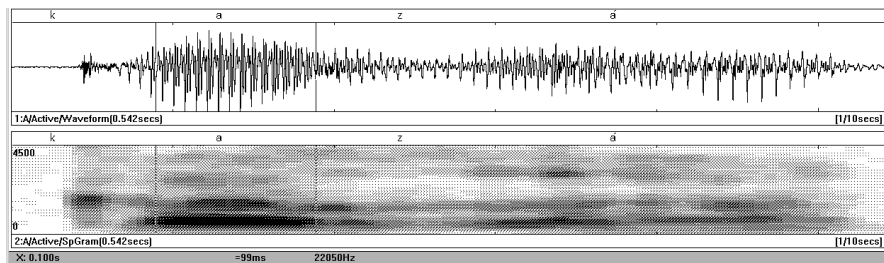
grāzá < **groza*

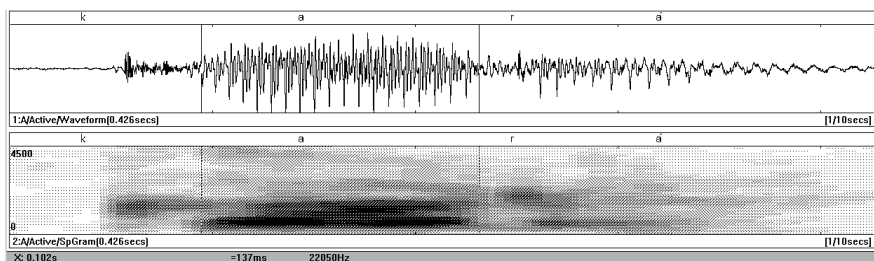
tāzá < **loza*

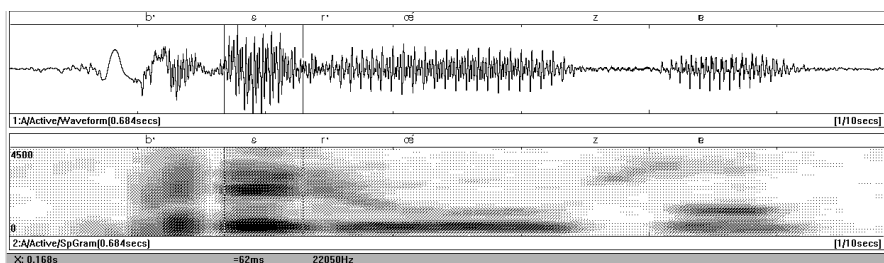
gārā < **gora*

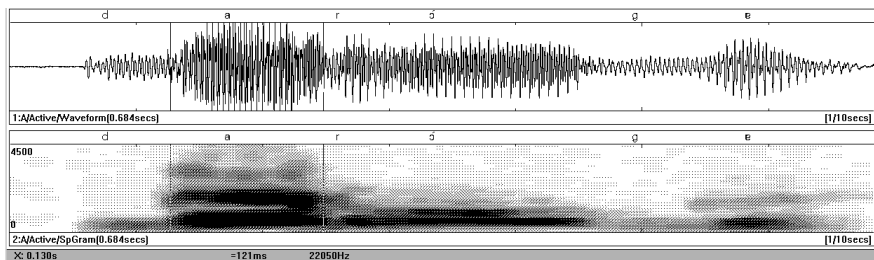
kazá < **koza*

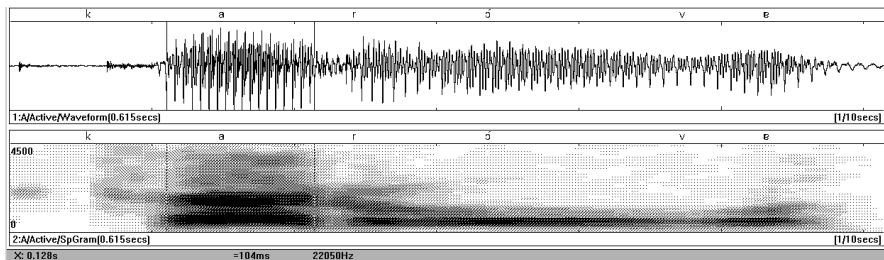
kārá < *kora

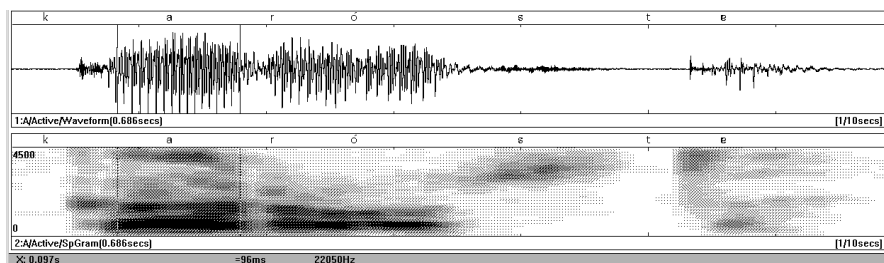
b'ar'óz < *berza

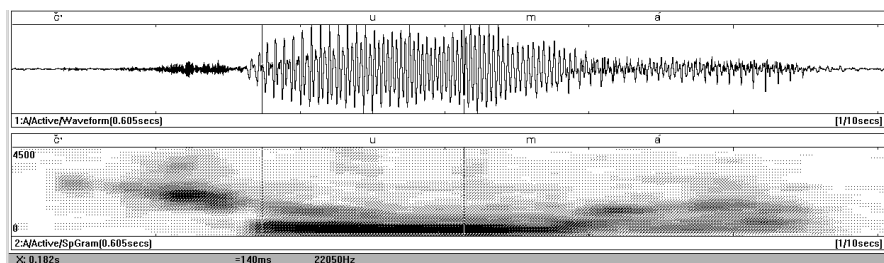
daróg < *dorga

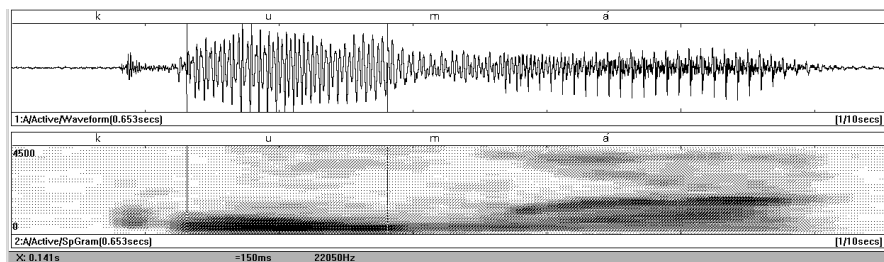
karón < *korva

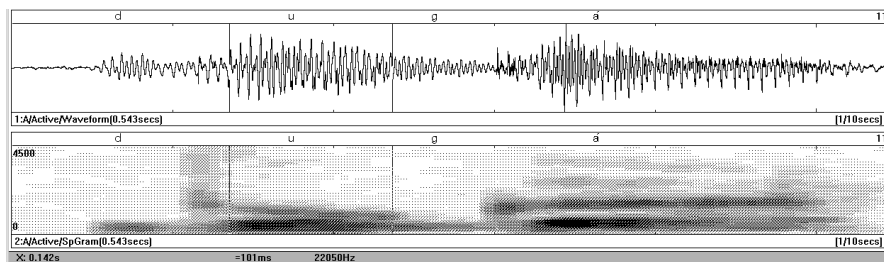
karóstv < *korsta

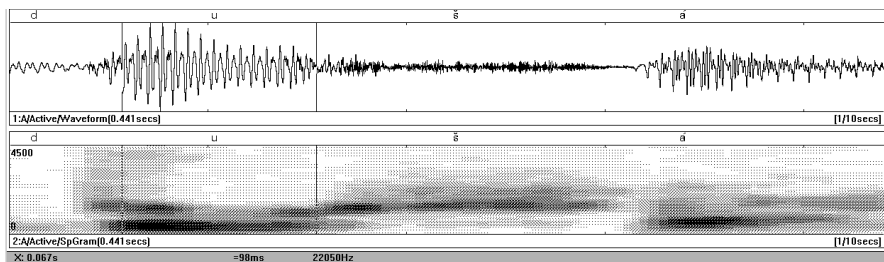
č'umá < *čuma

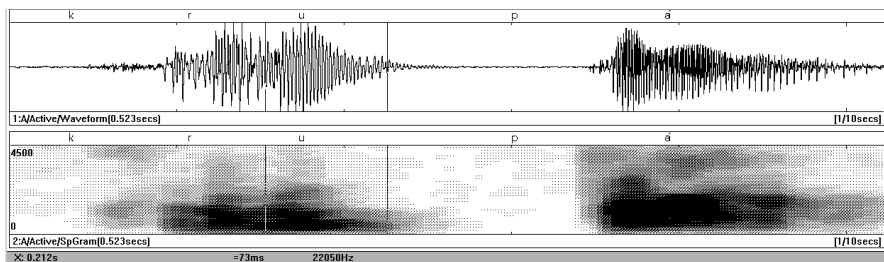
kūmá < *kuma

dugá < *doga

duša < **duša*

krupá < **kru**p**a*

Т. М. Смирнова. 2005 г.
(фото автора)

Коротко о фонологии и морфонологии вологодского слободского говора

Этот говор, занимающий часть Харовского р-на Вологодской обл. (бывшие Слободской и Катромский с/с), неоднократно привлекал внимание диалектологов благодаря различению в нем двух фонем «типа *о*» и двух фонем «типа *е*», а также отсутствию палатализации согласных перед гласными переднего ряда и на конце слова. В ряде работ, опубликованных за последние 40 лет, предлагались различные суждения об устройстве и истории формирования фонологической системы слободского говора (Азарх 1967; Пауфошима 1983; Касаткин 1999), см. библиографию в (Касаткин 2005а). Эта короткая заметка предлагает описание (беглое и фрагментарное) фонетической системы говора в терминах дескриптивистской фонологии и морфонологии, как границы последней понимаются в (Чурганова 1973), (Поливанова 1976), (Лешка 1979). В работе использованы данные, записанные в деревнях *Арзубиха*, *Захари́ха* и *Зло́биха* бывш. Слободского с/с Харовского р-на Вологодской обл.

Слободской говор структурно и географически очень близок говору Тотемского уезда, описанному Олафом Броком (Брок 1907) и позже экспедицией «по следам Брока» (бывш. Кожуховский с/с Бирыковского, ныне Междуреченского р-на Вологодской обл., к которому относится бровковская д. Ихалица) (Пауфошима 1983; Касаткин 1999). Вместе слободской и тотемский говор образуют единый, можно сказать, непрерывный ареал систем с различением двух *о* и двух *е*, захватывающий также юг Вожегодского р-на и запад Сямженского. Другой известный севернорусский ареал подобных систем вокализма расположен на западе Вятской обл. (ДАРЯ I, карта 43).

«Полумягкость» согласных перед гласными переднего ряда отмечается и в других русских говорах с различением двух *о* и двух *е*; общей чертой этих говоров является отсутствие палатализации согласных перед /*е*/ < **е*, **ь*. Названные особенности ярко выражены в среднерусском говоре села Пустоша́ (и д. Чернятино) (Бубрих 1914) и других деревень бывш. Ягодинской вол. Судогодского у. Владимирской губ. (ныне с. Пустоша относится к Шатурскому р-ну Московской обл., а находящаяся примерно в 20 км восточнее д. Ягодина с окрестными деревнями, все практически обезлюдившие, — к Гусь-Хрустальному р-ну Владимирской обл.). В значительной степени указанные особенности консонантизма сохранились и в среднерусском акающем говоре с. Лека и его окрестностей (область Ялма в 40 км к югу от Пустошей, бывш.

Егорьевский у. Рязанской губ., ныне Шатурский р-н Московской обл.) (Шахматов 1914; Высотский 1949). Южнорусские говоры с различением двух фонем «типа *о*» имеют системы с последовательным противопоставлением палатализованных и непалатализованных согласных, причем последние выступают в них в том числе перед **e*, **ь*.

Категория твердости/мягкости согласных в говорах с двумя *о* проявляется по-разному. В некоторых севернорусских говорах она вообще отсутствует (вологодские слободской и кожуховский говоры); напротив, в южнорусских эта категория последовательно выражается в противопоставлении парных палатализованных и непалатализованных фонем. В среднерусском говоре Пустошей категория твердости/мягкости также выражена в противопоставлении непалатализованных и палатализованных фонем; при этом признак мягкости является градуальным: имеется три класса позиций, в которых выступают аллофоны мягких фонем разной степени палатализованности, а статистически преобладают слабо палатализованные («полумягкие») аллофоны.

Наличие или отсутствие в говорах категории твердости/мягкости, разумеется, не связано с наличием или отсутствием палатализованных согласных фонем. Так, в слободском говоре палатализованными являются фонема /*c'*/ и новая фонема /*č'*/; в говоре Пустошей фонемы /*ž'*/ и /*š'*/ представлены одинаково палатализованными аллофонами во всех позициях.

1. Состав **согласных** фонем говора показан в таблице 1.

Таблица 1. Согласные фонемы

b	d				g
p	t	c' (č')			k
v	z	ž	ždž		γ
f	s	š	šč		x
m	n	r		j	
	l				

Примечание. Фонема /*č'*/ не свойственна традиционному говору, однако она есть у большинства 60–70-летних информантов, не говоря уже о более молодых. /*γ*/ имеется в нескольких основах церковнославянского происхождения; *ždž* и *šč* часто считаются сочетаниями фонем.

Фонемы /*c'*/ и /*č'*/ представлены палатализованными аллофонами во всех позициях. Прочие фонемы представлены непалатализованными звуками во всех позициях, кроме 1) позиции после [i] на конце слова и перед согласным, где прочие согласные слабо палатализируются, что особенно заметно на слух в

случае заднеязычных, /ž/, /š/ и /šč/ (ix', dómik', liš', liš'nej, níž'nej и под.), об этом см. (Пауфошима 1973: 103; Азарх 1973: 93–94); 2) позиции перед гласными переднего ряда [i] и [e] (в том числе перед дифтонгами и дифтонгоидами, начинающимися с [i] и [e]), где согласные /p/, /b/, /v/, /f/, /m/, /t/, /d/, /s/, /z/, /n/, /l/, /r/, /k/, /g/, /x/ приобретают слабую палатализацию, приспособляясь к следующему гласному. Палатализация согласных перед [i] сильнее, чем перед [e]; если перед [e] качество согласных мало отличается от их качества перед гласными непреднего ряда, то степень палатализованности согласных перед [i], воспринимаемая на слух, колеблется очень сильно — от «близкой к твердости» до «близкой к мягкости». Обычно при описании консонантизма говоров данного типа указывается, что перед гласными переднего ряда возможны как твердые и полумягкие, так и мягкие губные и дентальные согласные, что мягкие согласные представляют собой новое явление и появляется такое произношение под внешним влиянием, а также приводятся данные о встречаемости твердых и мягких согласных в позициях перед разными аллофонами гласных, см. подробно о кожуховском и слободском говоре в (Касаткин 1999: 145–170).

Непалатализованные согласные в говоре не веляризованы. Согласные дентального ряда являются альвеолярными и даже постальвеолярными у некоторых говорящих (Касаткин 1999: 184–186; Кузнецова 1969); с этими типами артикуляции в русских говорах исследователи связывают слабое развитие палатализации, а также наличие «среднего» («европейского») [l] [там же]; с ним же, по-видимому, связано и [č']-образное («шепелявое») качество /c'/'.

На конце слова и перед глухими представлены только глухие шумные согласные фонемы (см. примеры ниже).

Перечисленные особенности консонантизма заставляют выделять в говоре 12 **гласных** фонем переднего и непреднего ряда. Десять из них попарно соотносены по ряду: /a/ – /ɛa/, /o/ – /ɛo/, /ɯo/ – /iɯo/, /u/ – /iɯ/, /y/ – /i/, и две фонемы переднего ряда, /e/ и /iɛ/, не имеют пары (см. таблицу 2).

Таблица 2. Гласные фонемы под ударением и их аллофоны

гласные фонемы переднего ряда		гласные фонемы непреднего ряда	
неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
i	iɯ – [iɯ], [ü]	y	u
iɛ – [iɛ], [e]	iɯo – [iɯo], [ɥo]		ɯo – [ɯo], [o]
e – [eɪ], [e]	ɛo – [ɛo], [õ]		o – [ou], [o]
ɛa – [ɛa], [ä]		a	

В безударном положении различается 3 ступени подъема и 9 гласных (см. таблицу 3). О соотношении ударного и безударного вокализма и о чередованиях гласных фонем см. ниже.

Таблица 3. Аллофоны гласных фонем в безударной позиции

гласные фонемы переднего ряда		гласные фонемы непереднего ряда	
неогубленные	огубленные	неогубленные	огубленные
i	iu – [iu], [ü]	y	u
e	eo – [eo], [ö]		o
ɛa – [ɛa], [ä]		a	

Парные гласные фонемы переднего ряда, кроме /i/, при «полном типе произнесения» (в сильной фразовой позиции — под фразовым акцентом) представлены дифтонгами или полифтонгами с *i*-образной или с *e*-образной начальной фазой. Подъем начальной фазы дифтонга зависит от подъема его ядерной части, см. таблицу 2. Исключение составляет позиция после палатализованных согласных /cʲ/, /čʲ/ и /j/, где аллофоны парных гласных фонем переднего ряда /ɛa/, /iu/, /eo/, /iuo/ обычно не имеют выраженного дифтонгического характера. Напротив, после заднеязычных дифтонгический характер парных фонем переднего ряда проявляется очень отчетливо. Непарная фонема-дифтонг /je/ после любых согласных представлена (в сильной фразовой позиции) дифтонгом.

Фонемы /je/, /io/, /iuo/, /e/, /o/ в сильной фразовой позиции представлены дифтонгами (в случае /iuo/ — полифтонгами). В слабой фразовой позиции фонемы-дифтонги представлены монофтонгами или дифтонгоидами, а /e/ и /o/ — только монофтонгами. Подробно о качестве гласных в слободском говоре см. (Пауфошима 1973), ср. также описание тотемского вокализма в работе О. Брока (Брок 1907).

2. Сочетания «согласный + гласный», начальные гласные, конечные согласные

2.1. Согласные /p/, /b/, /f/, /v/, /m/, /t/, /d/, /s/, /z/, /n/, /l/, /r/, /k/, /g/ сочетаются с парными гласными фонемами как переднего, так и непереднего ряда. После /ž/, /š/, /šč/, /ždž/, /x/ встречаются только парные гласные фонемы непереднего ряда (но после /x/ — обычно /i/, см. ниже). После согласных /cʲ/, /čʲ/, /j/ представлены только парные гласные фонемы переднего ряда, причем, как правило, своими недифтонгическими аллофонами.

Примеры сочетаний согласных с парными гласными. Сочетания «согласный *p, b, v, m, t, d, s, z, n, l, r* + парный гласный» в основах: *vaw* ‘вал’ – *zaveǵaw* ‘завял’, *vow* ‘вол’ – *veow* ‘вёл’, inf. *fýrkat* – *Rufína*, *tɔt* ‘тот’ – *tɔtókta* ‘тётка’, *kruk* – *kriúk*, *býli* – *bili*; сочетания «согласный *ž, š, x, c’, j* + парный гласный» в основах: *šak*, *slyxáju* ‘бывает, что слышу’, ‘время от времени слышу’, *žok*, *xorošúǵo*, *košúleǵa* ‘шуба, крытая сукном’, *žýla*; *c’ásto*, *c’óšot*, n. sg. m. *otc’úǵow* ‘отцовский’, *perc’úǵowka* ‘перцовка’ (водка), 3 sg. *c’újot* ‘слышать; чують’, *c’isto*, *jáma*, *jǵowka*, *júk*.

Те же сочетания на стыке именных основ и окончаний и примеры конечных согласных: *gólup* – gen. sg. *gólubǵa*, *lop* – gen. sg. *lóba*; gen. pl. *lap* – n. pl. *láru*, *násyp* – gen. sg. *násypi*; *bórow* – n. pl. *bórovy*, *krow* – gen. sg. *króvi*; *som* – n. pl. *somý*, *sem* – gen.–dat.–loc. *semi*; *klat* – n. pl. *kladý*, *glat* – gen. sg. *gládi*; *pot* – gen. sg. *póta*, *nókot* – gen. sg. *nókteǵa*; *ovǵós* – gen. sg. *owsá*, *karás* – gen. sg. *karasǵa*; *las* – n. pl. *lázy*, *gres* – gen. sg. *grézi* ‘грязь’, *kon* – gen. sg. *kóna*, *kuǵon* – gen. sg. *kongá*; *dvuǵor* – gen. sg. *dvorá*, *ščukár* – acc. sg. *ščukareǵa* (птица);

nuǵoš – gen. sg. *nožá*, n. pl. *nožý*, *šaláš* – gen. sg. *šalašá*, n. pl. *šalašý*, *doš* – gen. sg. *doždžá* и *doždǵa*, *xwuǵoš* – gen. sg. *xwošǵa*, *kraj* – n. pl. *krajá*, *otéc* – gen. sg. *otc’á*. Дополнительные примеры на стыке именных основы и окончания см. в таблице 4.

В глагольных окончаниях и суффиксе страдательных причастий парные гласные переднего и непереднего ряда /ǵu/ и /u/ противопоставлены после *n, l, r*; после *c’, j* представлена /ǵu/; после губных, дентальных, кроме *n, l, r*, твердых шипящих и заднеязычных — /u/. Распределение /ǵo/ и /o/, /ǵa/ и /a/ зависит от предшествующего согласного (после твердых шипящих /o/, /a/, после остальных согласных — /ǵo/, /ǵa/):

/ǵo/ — 3 sg. *grebeǵot*, *zoveǵot*, *vozmeǵot*, *bydeǵot* ‘бодает’, *rosteǵot*, *vezeǵot*, *na-c’neǵot*, *lineǵot* ‘немного нальёт, плеснёт’, *oreǵot* ‘кричит’, *stéleǵot*, *xrámlǵot* ‘хромает’, *tekeǵot*, *strigǵot*, *plijǵot*, *skác’ot*; part. p. p. *grebeǵonj*, *neseǵonj*, *stélǵonj*, *soleǵonj*, *spec’ón*, *postrǵójón*; /o/ — 3 sg. *skážot*, *mášot*, *iščot*, part. p. p. *strižon*, *navuǵóžon*, *naruǵóšon*, *zamiǵésonj*;

/ǵa/ — 3 pl. *grábeǵat*, *speǵat*, *luǵomeǵat*, *lóveǵat*, *sadeǵat*, *nuǵoseǵat*, *vuǵozeǵat*, *soleǵat*, *pojáǵat*, *mowc’át*; /a/ — *lóžat*, *dýšat*;

/ǵu/ — 1 sg. *lǵbliú*, *otlomiú*, *koliú*, *pošliú*, *striú* ‘выстрелю’, *uronǵú*, *gorǵú*, *doǵú*, *vorc’ú*, *sujú*, *skac’ú*, *xoc’ú*; 3 pl. *šliú*, *stéliut*, *xrámlut*, *kuǵóliut*, *plijú*, *plác’út*, *xuǵoc’út*; /u/ — 1 sg. *idú*, *ngosú*, *teǵanú*, *bǵorú*, *zapreǵogú*, *bežú*, *xožú*, *jǵěždžu*, *pišú*, 3 sg. *greǵobút*, *vozmút*, *búdut*, *ngosút*, *mážut*, *pášut*, *iščut*.

2.2. Сочетания заднеязычных с гласными. Заднеязычные обычно сочетаются с фонемой /i/, а не /y/. Исключение составляют сочетания типа *ky* 1) у

части прилагательных на стыке основы, оканчивающейся на *k*, и безударного окончания gen. sg. f.: *məákkyjō*, *tónkyjō*, но *Xárowskijō*, *málenkijō*, ср. под ударением *takijō*, *baskijō*, *drugijō*; 2) на стыке корня с суффиксом *-íva/-l/-yva/-*: 3 sg. *sprýgyvaat*, inf. *stréáxyvat*; 3) в основе *mizgýr* (~ *myzgýr* ~ *mizgír*) ‘паук’.

Заднеязычные сочетаются с гласными переднего ряда /*ǣ*/ (только на стыке основы и окончания: dat.–loc. sg. *rukǣ*, *nogǣ*), /*ǣo*/ (только на стыке основы и окончания: 3sg. *pekeǣot*, *beregeǣot*, *légeot* ‘ляжет’, *skeǣot* ‘сучит’ (нить)). Кроме того, стоящие после *c*, *č*, *j*, *l* заднеязычные могут сочетаться с фонемой /*e*/, тоже в редких морфологических позициях: gen. pl. *znač* ‘*kéj*’ ‘значков’ (см. таблицу 4), inf. *melkét*, pret. pl. *melkéli* ‘мелькать’.

2.2.1. В положении **после гласной** заднеязычные сочетаются с парными гласными /*a*/, /*o*/, /*ɔo*/, /*u*/, /*i*/; на стыке морфем — также с /*y*/, /*ǣo*/, /*ǣ*/, см. выше.

Отметим специально, что предшествующая заднеязычному фонема /*i*/ оказывает ощутимое на слух палатализирующее воздействие только на конечный или стоящий перед согласным заднеязычный (а также шипящий); в сочетаниях «/*i*/ + заднеязычный (или шипящий) + непредний гласный» палатализация начальной фазы согласного на слух ощущается только в случае фриктивного /*x*/:

n. sg. *starik*’, gen. *stariká*, dat. *starikú*, in. *starikóm*, loc. *starik*’*ǣ*, *starik*’*i*; *ix*’, *ix*’*nij*, *Ǫx*’*xalic*’*ä* (Ихалица); *liš*’, *liš*’*nij*, 3 sg. *ližot*; *Aržúbix*’*xa*, *Zlóbix*’*xa*, *FetǪx*’*xa* (названия деревень).

2.2.2. В положении **после согласных** смычные фонемы /*k*/, /*g*/ (вместе обозначаются как /*K*/) могут сочетаться как с парными гласными переднего, так и непреднего ряда. Фонема /*x*/ сочетается только с парными гласными непреднего ряда и /*i*/: n. sg. *Ǫlxa*, gen. *Ǫlxi*, in. *Ǫlxoǵ*.

Сочетания «*CK* + парная гласная переднего ряда, кроме /*i*/» обычно встречаются на стыке основы и окончания существительных и прилагательных. В глагольных формах такие сочетания редки; сочетание *CKǣa*, чередующееся с *Ске*, встречается в нескольких производных глаголах: inf. *melkét*, pret. *melkeǣala* ‘мелькать’, inf. *ǵket*, pret. *ǵjkǣala* ‘ойкать’. Сочетание *CKǣo* встречается только в praes. трех глаголов: *skeǣot* ‘сучит’ (inf. *skat*), *tkeǣot* ‘ткёт’ (inf. *tkat*), *žgeǣot* ‘жжёт’ (inf. *žgat*).

Фонемы /*k*/, /*g*/ сочетаются с парными гласными переднего ряда в тех случаях, когда им предшествуют палатализованные фонемы /*c*/, /*č*/, /*j*/ или непалатализованные фонемы /*t*/, /*d*/, /*s*/, /*z*/, /*n*/, /*r*/, /*l*/ (и /*ž*/ только в формах презенса глагола *žgat*).

После сочетаний *c'k, č'k, jK, lK* всегда следует парная гласная переднего ряда: *svíc'ķea, rúč'ķea, májķea, Válķea* (название деревни), *tuólķeo* 'только'. После сочетаний *sk, tk, rK, nK* возможны парные гласные фонемы как непереднего, так и переднего ряда, например, *polióska* – n. sg. f. *Xárowsķea, zakváska* – *Vásķea*, n. sg. m. *baskój* 'красивый' – *lonsķeój* 'прошлогодний', *moskuów-skěj*, n. sg. *skot* – 3 sg. *skęot, vuótka* – *Voluótķea, górka* 'горка' – *górķea* 'горькая', gen. sg. *bugorká* – *xorkęá* 'хорёк', *bánka* 'банка' – *bánķea* 'банька', gen. pl. *stankuów* – *ogonkiuów*, dat. sg. *stankú* – *ogonkiú*, dat.–in. pl. *dengeám*.

После сочетаний *pk, mk, wK, šk, žg, kk* возможны только парные гласные непереднего ряда: *zýpka, zolówka*, in. pl. *dowgám, puówka, Vówga, nuóska*, inf. *žgat*, n. pl. m. *lēókkoj*; исключение — формы praes. глагола *žgat*: *žgeot* и под.

Таким образом, у согласных *p, b, v, f, m, t, d, s, z, n, r, l* способность сочетаться с парными гласными и переднего, и непереднего ряда является «фонологически значимым» признаком (или свойством), тогда как та же способность у *k, g* является позиционно обусловленной: проявлением этой способности предшествующего согласного. Очевидна связь сочетаний «*k, g* + парная гласная фонема переднего ряда» с фонетической мягкостью предшествующего согласного. Важно также, что подобно палатализованным и палатальному согласным ведет себя /l/, требуя после себя сочетаний типа *Kķea, Kĭu*. Однако эти закономерности нарушаются сочетаниями типа *Kķeo* в глагольном формообразовании, не зависящими от качества предшествующего им сегмента.

2.3. В начале слова представлены парные фонемы непереднего ряда, но из пары /i/ – /y/ в начале слова допустима только /i/, в том числе после твердого согласного: *dom i dviuor*.

2.4. Сочетания согласных с непарными гласными. Непарные фонемы /ĭe/ и /e/ могут сочетаться с любыми согласными (после /ž/, /š/, /ždž/, /šč/ эти гласные фонемы представлены аллофонами среднего ряда, а сами сочетания типа /žĭe/ — только на стыке основы и окончания). Различия в сочетаемости парных и непарных гласных фонем удобно показать на примерах склонения слов с различными исходами основы.

2.5. «Двухвариантность склонения» в слободском говоре как следствие противопоставления парных гласных фонем переднего и непереднего ряда. В таблице 4 показаны «твердая» и «мягкая» разновидности II склонения существительных мужского рода в слободском говоре, которые определяются парными фонемами непереднего и переднего ряда в составе флексий. Непарные гласные фонемы /ĭe/ и /e/ представлены в сериях окончаний

как «твердой», так и «мягкой» разновидностей склонения. Такая же «двухвариантность» свойственна существительным I склонения (*šeostrá, njošká, kjoža* – *zemlěá, víc'ä, rúc'kěa, šějä*), II склонения среднего рода (*zěornjó, okóško, leniščo* ‘лентяй’ – *pólěo, lic'ô, jeic'kěo, kosjô*), III склонения (*voš*, gen. sg. *vóšy, roš*, gen. *ržý* – *sol*, gen. *sóli, noc'*, gen. *nóc'i*), где «твердая разновидность» представлена только у основ на твердый шипящий, а также склонению прилагательных и местоимений (n. sg. m. *lenój* ‘ленивый’, *stároj, tjoť, xorušoť, naš, vseákoť, tónkoť* – *síněoť, mjoť, lisij* ‘лисий’, *xárowskěoť*).

Таблица 4. «Твердая» и «мягкая» разновидности II склонения (*kjoť* ‘кот’, *stjoť* ‘стол’, *bórow* ‘поросёнок; часть дымохода’, *ugolók* ‘уголок’, *stanók* ‘станок’; *njoš* ‘нож’; *nókot* ‘ноготь’, *stébel* ‘стебель’, *c'erw* ‘червь’, *c'éren* ‘черенок лопаты, вил’; *oguréc* ‘огурец’, *ugolěók* ‘уголёк’, *bubeněók* ‘коровий колокольчик’).

	«твердая разновидность»		«мягкая разновидность»	
	завершители основ			
	<i>p, b, v, m, t, d, s, z, n, r,</i> <i>-l-/-w#, k, g, x, кроме</i> <i>-eoK#</i>	<i>š, ž, šč, ždž</i>	<i>p, b, v, m, t, d,</i> <i>s, z, n, r,</i> <i>-l-/-l#</i>	<i>c', č', j,</i> <i>-eoK#</i>
sg. n.	<i>kjoť</i> <i>stjoť</i> <i>bórow</i> <i>ugolók, stanók</i>	<i>njoš</i>	<i>nókot</i> <i>stébel</i> <i>c'ew</i>	<i>oguréc'</i> <i>ugoleók</i> <i>bubeněók</i>
gen.	<i>koťá</i> <i>stoťá</i> <i>bórova</i> <i>ugowká, stanká</i>	<i>nožá</i>	<i>nóktä</i> <i>stéblä</i> <i>c'erveá</i>	<i>ogurc'á</i> <i>ugolkeá</i> <i>bubenkeá</i>
in.	<i>koťóm</i> <i>stoťóm</i> <i>bórowom</i> <i>ugowkóm, stankóm</i>	<i>nožóm</i>	<i>nókteom</i> <i>stébleom</i> <i>c'erveóm</i>	<i>ogurc'óm</i> <i>ugolkeóm</i> <i>bubenkeóm</i>
loc.	<i>koťě</i> <i>stoťě</i> <i>bórove</i> <i>ugowkie, stankie</i>	<i>nožě</i>	<i>nókte</i> <i>stéble</i> <i>c'ervie</i>	<i>ogurc'ě</i> <i>ugolkie</i> <i>bubenkie</i>
pl. n.	<i>koťý</i> <i>stoťý</i> <i>ugowki, stanki</i>	<i>nožý</i>	<i>nókti</i> <i>stébli</i> <i>c'ervi</i>	<i>ogurc'i</i> <i>ugolki</i> <i>bubenkí</i>

gen.	<i>kotúów</i> <i>stolúów</i> <i>ugowkúów, stankúów</i>	<i>nožėj</i>	<i>noktėj</i> <i>c'ervėj</i> <i>c'érnów</i>	<i>ogurc'ėj</i> <i>otc'űów</i> <i>ugolkėj</i>
dat.-in.	<i>kotám</i> <i>stolám</i> <i>ugowkám, stankám</i>	<i>nožám</i>	<i>noktėjám</i> <i>konėjám</i> <i>c'ernėjám</i>	<i>ogurc'ám</i> <i>ugolkėjám</i> <i>bubenkėjám</i>

Таблица 4 не претендует на полное отражение падежно-числовых показателей II склонения в слободском говоре, а именно, она не показывает распределения показателей loc. sg. *-/je/* и *-/u/*, n.(acc.)pl. *-/a/*, *-/y/* (безударного), *-/y/* (ударного), *-/i/*, gen. pl. *-/čov/*, *-/ej/*, *-∅*. Относительно подробно оно описано в (Тер-Аванесова 2005). Эти показатели распределены в том числе относительно завершителей основ, причем их распределение лишь отчасти совпадает с делением на «твердую» и «мягкую» «разновидности» склонения, основанным на парности гласных фонем в составе флексий.

Подобную «двухвариантность» можно увидеть и в слободском спряжении, см. таблицу 5.

Таблица 5. «Твердая» и «мягкая» разновидности I и II спряжений (*kladú* ‘кладу’, *bęorú* ‘беру’, *pišú* ‘пишу’, *xramliú* ‘хромаю’, *porjú* ‘порю’, *pojú* ‘пою’ (inf. *pit* ‘петь’), *plác'ű* ‘плачу’ (inf. *plákat*), *dyšú* ‘дышу’, *hožú* ‘хожу’, *morjú* ‘моря’, *pojú* ‘пою’ (inf. *poit*), *mowc'ű* ‘молчу’ (inf. *mowc'ét* ‘молчать’).

	«твердая» разновидность		«мягкая» разновидность	
	завершители основ презенса			
	<i>p, b, v, m, t, d, s, z, n, r, l, k, g</i>	<i>š, ž, šč, ždž</i>	<i>p, b, v, m, t, d, s, z, n, r, l</i>	<i>c', č', j</i>
I спряжение 1 sg.	<i>kladú bęorú</i>	<i>pišú</i>	<i>xramlĭú porĭú</i>	<i>pojú plác'ü</i>
3 sg.	<i>kladeót bereót</i>	<i>pišot</i>	<i>xrámlęot puóręot</i>	<i>pojót plác'öt</i>
3 pl.	<i>kladút bęorút</i>	<i>pišut</i>	<i>xrámlĭut puórĭut</i>	<i>pojút plác'üt</i>
II спряжение 1 sg.	—	<i>dyšú</i>	<i>xožú morĭú</i>	<i>pojú mowc'ü</i>
3 sg.	—	<i>dýšyt</i>	<i>xuódit morit</i>	<i>poit mowc'it</i>
3 pl.	—	<i>dýšat</i>	<i>xuódeat moreát</i>	<i>poját mowc'át</i>

3. Таблица 4 демонстрирует, помимо сказанного выше, следующие явления фонетики, фонологии и морфонологии слободского говора.

3.1. В безударном положении фонемы /цo/ и /o/, /ĭe/ и /e/ не различаются; в этой позиции выступают о- и е-образные *монофтонги* различных ступеней подъема, который зависит, как кажется, прежде всего от фонетического окружения. Иначе (Касаткин 2005в) о распределении /цo/ и /o/ в безударном положении. Ниже безударные гласные области среднего подъема обозначаются как /o/, /e/.

3.2. **Латеральные и губные.** Из таблицы 4 видно, что в говоре единственная латеральная фонема /л/ представлена непалатализованным аллофоном [l] перед гласными, на конце слова и перед согласными. Дистрибуция /л/ не отличается от дистрибуции других согласных, способных сочетаться с парными гласными и переднего, и непреднего ряда. К таким согласным относится и /v/, с тем отличием, что на конце слова и перед согласными /v/ представлена губно-губным аллофоном [w], отличным от губно-зубного [v], обычно представленного перед гласными.

Фонемы /л/ и /v/ противопоставлены внутри корня и на морфемном шве, что видно из таблицы 6; примеры в таблице 6 также показывают, что в некоторых морфемах в определенных фонетических позициях происходит чередование фонем /л/ и /v/ (точнее, их аллофонов [l] и [w]).

Таблица 6. Позиционное распределение аллофонов фонем /л/ и /v/.

	перед гласной непереднего ряда	перед гласной переднего ряда, перед <i>j</i>	на конце слова	перед согласной
/л/	[l] <i>lápa;</i> <i>pílá</i>	[l] <i>leágu, ljöt;</i> <i>zemleá, loc. sg.</i> <i>piljé</i>	[l] <i>bol</i>	[l] <i>gen. sg. lnu;</i> <i>bólno</i>
/v/	[v] <i>vŭót ‘вот’;</i> <i>sová</i>	[v] <i>věáloj, c’erveák;</i> <i>sovjé</i>	[w] <i>stuw ‘стул’;</i> <i>staw (imp. ‘ставь’,</i> <i>n. sg. ‘став’ (ткацк.),</i> <i>pret. ‘стал’)</i>	[w] <i>pównoj;</i> <i>siwkóm;</i> <i>tráwka;</i> <i>ostáwte</i>

Аллофоны фонем /л/ и /v/ показаны в таблице 6 огрубленно. Так, Л. Л. Касаткин указывает, что в слободском и козюковском говорах у /л/ есть палатализованный аллофон [л’], который встречается наряду с [l] в позициях перед гласными переднего ряда и особенно часто — перед согласным и на конце

слова (Касаткин 1999: 171–174). Аллофон [w] фонемы /v/ преобладает в позиции между огубленными гласными (*korúówu*, *gólowu*); в этой фонетической позиции перед суффиксом -/ušk-/ фонема /v/ представлена нулевым аллофоном (*golúóuška*, *svekrúúška* и под.). Перед глухим согласным /v/ может быть реализована как [w], но также и как глухой губно-губной: *ψsje* // *wsje* и под.

На морфонологическом уровне выделяется две латеральные морфемы ⟨l⟩ и ⟨ʃ⟩, что совпадает с результатами фонологического анализа в рамках концепции МФШ (ср. [Русская диалектология 1973: 85], где [l] (или [л]) и [w], чередующиеся в основах типа *stow*, *stolá/stolá*, считаются аллофонами фонемы ⟨л⟩; однако Л. Л. Касаткин, посвятивший проблеме латеральных в севернорусских говорах отдельную работу, видит в подобных случаях чередование фонем /л/ и /в/ [Касаткин 1999: 173–175]).

Распределение альтернантов морфонем ⟨l⟩, ⟨ʃ⟩ и ⟨v⟩ показано в таблице 7. Каждая из этих морфем представлена особым рядом позиционно чередующихся альтернантов. При этом в части позиций ⟨l⟩ и ⟨ʃ⟩ не различаются, совпадая в альтернанте /l/, и вместе противопоставлены морфеме ⟨v⟩; в прочих позициях не различаются ⟨ʃ⟩ и ⟨v⟩, совпадая в /v/ ([w]), и вместе противопоставлены морфеме ⟨l⟩. Весьма существенно, что ⟨l⟩ и ⟨ʃ⟩ противопоставлены на конце слова, перед согласными внутри корня или опростившейся основы и перед согласными в составе определенных суффиксов, тогда как нейтрализация этого противопоставления имеет место перед гласными и *j* (а также перед согласными в составе определенных суффиксов).

Таблица 7. Позиционное распределение альтернантов морфонем ⟨l⟩, ⟨ʃ⟩ и ⟨v⟩

	перед гласной непереднего ряда	перед гласной переднего ряда, перед <i>j</i>	на конце слова	перед согласной
⟨l⟩	—	/l/ <i>leágu</i> , <i>ljü</i> ‘лью’; <i>zemleá</i>	/l/ <i>bol</i> <i>žal</i>	/l/ // /v/ <i>na ldú</i> ; <i>bólno</i> , <i>žáwko</i> ‘жалко’
⟨ʃ⟩	/l/ <i>lápa</i> , <i>pólon</i> ; <i>pilá</i> , <i>šla</i>	/l/ <i>pilié</i> , <i>šli</i> pret. m. ‘идти’	/v/ ([w]) <i>piw</i> (pret. m. ‘пить’ и gen. pl. ‘пила’); <i>šow</i> ‘шёл’	/l/ // /v/ ([w]) <i>pównoj</i> ; <i>silnoj</i> , <i>siwki</i> ‘силки’
⟨v⟩	/v/ <i>vuot</i> ; <i>sová</i>	/v/ loc. sg. <i>sovié</i> , <i>c’ervęák</i>	/v/ ([w]) <i>c’erw</i> ‘червь’, gen. pl. <i>sow</i>	/v/ ([w]) <i>tráwka</i> <i>ostáwte</i>

Некоторые дополнительные примеры, подтверждающие распределение, показанное в таблице 7:

⟨l⟩: перед парными гласными фонемами переднего ряда и /j/ в корнях: *lḗagu* ‘лягу’, *lēgeot* ‘ляжет’, imp. *lek*, *lékte* ‘ляг, лягте’, pret. *lēok*, *lēoglá* ‘лѣг, легла’, *leglí* ‘легли’, inf. *lekc’i* ‘лечь’, *lēon* ‘лѣн’ (растение) и ‘шейный отдел позвоночника’, *lēot* ‘лѣд’, *lédnik* ‘погреб’, *ljes* ‘лес’, loc. sg. *w líse* ‘в лесу’, 1sg. *lĭězu* ‘лезу’, 3 sg. *lĭžeot* ‘лезет’, *lis* imp. ‘лезь’, gen. pl. ‘лиса’ и n. sg. ‘лист’, inf. *lit* ‘лить’, 3 sg. *lĭjöt* ‘льѣт’; на стыке основы и окончания: n. sg. *zemlēá*, in. *zemlēój*, gen. *zemlí*, loc. *zemlĭě*;

перед согласными в корнях и опростившихся основах: *Ólgea*, *ólxa*, *puólza*, *nelzeá* ‘нѣльзя’, inf., 3 sg. *lstit*, inf., 3 pl. *prilnúit*, loc. *na ldú*, gen. *lnu*;

на конце слова: *sol* ‘соль’, *žal* ‘жалъ, жалко’, *rubl* ‘рубль’;

⟨l̥⟩: перед парными гласными непреднего ряда в основах — [l]: *lápa* ‘лапа’ и ‘стопа’, *Klawdián*, *luk* ‘лук’ и ‘луг’, *lýko* ‘лыко’, *poluóska* ‘полоска’, n. coll. *volósĭjō* ‘волосы’; на стыке основы и окончания — [l]: n. sg. *polá*, in. *polój*, gen. *polý*, gen. sg. *stúla*, in. *stúlom*, pret. *šla*, *šlĭo* ‘шла, шло’;

перед парными гласными переднего ряда и /j/ в основах — [l̥]: loc. sg. *polĭě*, pret. pl. *šli*, n. pl. *stúlĭä*, n. sg. coll. *stúlĭjō*, n. sg. coll. *kuólĭjō*;

перед согласными в корнях — [w]: *pównoj*, *sównyško*; в случаях *vowk*, *towstój* и под. имеет место неразрешимая нейтрализация ⟨l̥⟩ и ⟨w⟩;

на конце слова — [w]: n. sg. *kuow* ‘кол’, *Rafaíw*, pret. m. *šow*, n. sg. *stuw*.

На конце корня перед согласными, входящими в состав некоторых суффиксов, противопоставление ⟨l̥⟩ и ⟨l̥⟩ нейтрализуется и репрезентант той и другой морфемы определяется суффиксом:

/l̥-#n-: ⟨l̥⟩ — *samowuólnoj*, *zemélnoj*, ⟨l̥⟩ — *sílnoj*, *dwustwuólno*, *bolnój*;

/l̥-sk-: ⟨l̥⟩ — *Kargopólskej*, ⟨l̥⟩ — *sélskej*;

/v/-#k- (не диминутивный суффикс): ⟨l̥⟩ — *f samowuówku*, ⟨l̥⟩ — *siwki*, *teówka*, *dwustwuówka*, *propuówka*.

Перед согласным в составе диминутивного суффикса -#k- морфемы ⟨l̥⟩ и ⟨l̥⟩ противопоставлены: *dólĭgea*, *Estólĭgea*, *Efálĭgea* (диминутивы от собственных имен *Евстолия* и *Евфалия*) — *smuówka*, *pc’ówka*.

Приведенные примеры (в том числе в таблицах 4, 5, 6) показывают, что распределение альтернантов морфем ⟨l̥⟩ и ⟨l̥⟩ слободского говора соответствует распределению, свойственному морфемам ⟨л̥’⟩ и ⟨л̥’⟩ литературного языка, за исключением положения перед гласными; морфонологические свойства суффиксов -#n-, -sk-, -#k- в слободском говоре и литературном языке, как они описаны в (Чурганова 1973), (Поливанова 1976), одинаковы.

Такие свойства морфем ⟨l̥⟩ и ⟨l̥⟩, как (1) распределение после них флексий «мягкой» («переднерядной») и «твердой» («непереднерядной») разновид-

ностей склонения, (2) распределение альтернантов /л/ и /v/ этих морфем перед нулевыми окончаниями «мягкой» и «твердой» разновидностей склонения, (3) распределение альтернантов /v/ и /л/ в сочетаниях типа *wKa*, *wKi* и *IKęa*, *IKęu*, (4) нейтрализация противопоставления ⟨л⟩ : ⟨ѣ⟩ и совпадение их перед ⟨ј⟩ в [л] (как и их нейтрализация перед согласными суффиксов, обладающих различными морфонологическими свойствами), — позволяют считать, что ⟨л⟩ и ⟨ѣ⟩ противопоставлены как парные «мягкая» и «твердая» латеральные морфемы.

С точки зрения истории говора подсистема латеральных морфем представляет собой остаток предшествующей системы с фонологическим противопоставлением твердых и мягких согласных, сохранившийся благодаря раннему переходу **l > [w]* на конце слова и перед согласным, в то время, когда различие **л/ : *л'/*, по крайней мере в этих позициях, еще существовало. Последующая депалатализация согласных привела к совпадению **л'/* (например, в **sol'*, **dol'ka*, **l'ipa*) с **л/* (например, в **lapa*). Степень палатализованности мягких согласных в системе, предшествующей современной, не ясна. Во всяком случае, судьба **l* перед гласными переднего ряда и **lj* в слободском говоре одинакова; то же можно сказать о **n* и **nj*, **r* и **rj*.

Данных об отвердении конечных губных ранее, чем имела место фронтальная депалатализация согласных, в говоре нет. Напротив, о длительном сохранении палатализованных конечных губных говорит отсутствие «нарушений» противопоставления «твердой» и «мягкой разновидностей» склонения и словообразования у основ на губные, вроде п. sg. *gólup* – gen. *gólubęa*, п. sg. *zup* – gen. *zúba*, п. sg. *c'erw* – gen. *c'eręá*, п. sg. *c'eręák*. Ср. в говорах западной диалектной зоны, с ранним отверждением конечных губных: заонежск. п. sg. *gólub* – gen. *góluba*, п. sg. *č'ér'ev* – gen. *č'ervá*, п. pl. *č'ervý*, п. sg. *č'erváč'ók*, но gen. pl. *č'ér'ev'ej* наряду с *č'ervav* и под.

4. Свидетельством сравнительно недавней депалатализации согласных в истории слободского говора являются **чередования гласных фонем**, не зависящие от места ударения, широко распространенные в севернорусских вологодских и архангельских говорах, которые получили в русской диалектологии названия «переход *a > e* между мягкими согласными», «переход *ě > i* между мягкими согласными», «переход *e > o* перед твердыми согласными» и «ёканье». В говоре эти чередования представлены как между непалатализованными согласными, так и в соседстве с палатализованными и палатальными согласными. В речи они часто нарушаются (видимо, под влиянием литературного языка и по внутрисистемным причинам).

В чередования входят фонемы-дифтонги и фонемы-монофтонги переднего ряда, причем фонема-монофтонг совпадает с начальной фазой чередующейся с ней фонемы-дифтонга, см. таблицу 8.

В таблице 8 показаны гласные фонемы переднего ряда на месте *е, *ь, *ѣ, *ѥ, *’а в позициях, определяемых отчасти синхронно, отчасти диахронически. (1) Группа позиций, в которых выступают монофтонги, — а) перед /j/; перед палатализованными согласными; перед /l/, стоящей на конце слова и перед согласным; перед слогом, содержащим гласную фонему переднего ряда¹; б) перед слогом, содержащим гласную фонему переднего ряда в древнерусском языке до падения редуцированных, или иначе, перед согласным или группой согласных в позиции «вторичного смягчения»; перед рефлексам праславянских сочетаний «согласный + j», не шипящими. (2) Группа позиций, в которых выступают дифтонги, — а) в середине слова в позициях, отличных от (1), б) на конце слова. Очевидно, что появление монофтонгов связано с мягкостью следующего согласного — синхронной (позиции 1а, кроме позиций перед /l/, 2б) или исторической (позиции 1б и позиции перед /l/).

Таблица 8. Чередования гласных фонем — дифтонгов и монофтонгов

	(1)	(2)
*е, *ь	/e/ <i>nétel</i> ‘нетель’; <i>pen</i> ‘пень’, <i>ves</i> ‘весь’, <i>peněók</i> ‘пенёк’	/eo/ <i>otěow</i> ‘отёл’; <i>lic’ô</i> ‘лицо’, <i>pólô</i> ‘поле’, 2 pl. <i>beretěó</i> ‘берёте’; <i>lěon</i> ‘лён’, <i>lěonnoj</i> ‘льняной’
*ѣ	/i/ <i>mil</i> ‘мель’, <i>lin</i> ‘лень’	/je/ (без ударения /e/) <i>mjěwko</i> , <i>lenój</i> ‘ленивый’; loc. w <i>kuťjě</i> , w <i>dóme</i>
*ѥ, *’а	/e/ imp. <i>ne pěl</i> ‘не пяль’, <i>guleť</i> ‘гулять’	/ɛa/ <i>rospeđaw</i> ‘распял’, <i>guleđala</i> ‘гуляла’

¹ Это и следующее «правило» зависимости альтернанта гласной от ряда гласной фонемы следующего слога, по-видимому, действует последовательно в тех случаях, когда два гласных разделены одним согласным или сочетанием согласных, относящимся к одной морфеме (*mjěsto* – *na mǐste*), и часто нарушается, если внутри сочетания согласных проходит морфемная граница (*tiđotka* – *k tiđótke*). Детальное изучение условий осуществления и неосуществления чередований гласных не проводилось (зависимость от морфемной границы, структуры слога, качества гласных и согласных, категории слова и под.).

Некоторые дополнительные примеры чередований гласных фонем переднего ряда. *e: (1) /e/ — *sem* ‘семь’, n. sg. *pec* ‘ / *péc*’a ‘печь’; gen. sg. *semí*, *peklí* ‘пекли’, *medvíť* ‘медведь’, *zemlěá* ‘земля’; (2) /ɛo/ — *pɛok* ‘пёк’, *pɛoklá* ‘пекла’, *nažə́ot* ‘навоз’, *mɛot* ‘мёд’; 2 pl. *jeditě́o*, *nesetě́o*, *saditě́o*;

*ь: (1) /e/ — imp. *pej*, *lej*; gen. *penkěá* ‘пенёк’; (2) /ɛo/ — *opɛónok* ‘опёнок’;

*ě: (1) /i/ — inf. *pit* ‘петь’, *xotít* ‘хотеть’, *píli* ‘пели’, *wmístě* ‘вместе’; *lisník* ‘лесник’, *c’iwc’á* ‘шпулька в ткацком челноке’, 2 pl. *jísí* ‘ешь’, (2) /jɛ/, без ударения /e/ — *míěw* ‘закваска из пивного сусла’, *síěno*, *míěsto*, *píěla*, 1 sg. *jíem* ‘ем’; n. pl. *mestá*, loc. *na vóle*, ср. /ɛo/ на месте *ě в конечном слоге окончания gen. sg. f. *jejó*, *stáryjō*;

*ɛ: (1) *lek* ‘ляг’, *légeot* ‘ляжет’, *set* ‘сядь’, *sédeot* ‘сядет’, *pet* ‘пять’, *zɛp* ‘зябь’, праер. *prem* ‘напротив’ (< **prɛm*), (?) *v lýke ne vezə́ot* ‘лыка не вяжет’ (возможно, здесь праes. **vezti* ‘везти’, а не **vɛzti* ‘вязать’); (2) *lěágu* ‘лягу’, *prə́atoj* ‘пятый’, *prɛ́atoj* ‘прямой’, *ozə́ap* ‘озябь’, *və́ázot* ‘вяжет’. Форма возвратного постфикса указывает на развитие из *se: *zdawšə́o*, *sobrawšə́o*, — но возможно здесь и особое развитие конечного *ɛ.

Специально отметим, что примеры *zɛp*, *prem*, *sem*, *tem* ‘темень’ свидетельствуют о наличии палатализованных конечных губных в системе, предшествующей современной, см. выше свидетельства длительного сохранения мягких губных на конце слова. Ср. древнее отверждение конечных губных в формах in. sg. m. *tíem*, 1 sg. *jíem*, задолго до появления рассматриваемых чередований гласных фонем.

Таким образом, чередования дифтонгов и монофтонгов отчасти определяются синхронными фонетическими позициями. В позиции перед конечной согласной /p/, /v/, /m/, /t/, /s/, /n/, /r/, /k/, /x/ возможны как дифтонги, так и монофтонги переднего ряда. Дальнейший поиск позиционной обусловленности дифтонгов и монофтонгов переднего ряда приводит на уровень морфонологии и морфологии.

Так, монофтонги представлены перед конечным согласным (или группой согласных) именной основы, относящейся к «мягкой» разновидности склонения (иначе, в слове перед нулевым окончанием «мягкой» разновидности склонения: *zɛp*, *gres* ‘грязь’, *kóren* и под.), дифтонги — перед конечным согласным именной основы, относящейся к «твердой» разновидности склонения (иначе, в слове перед нулевым окончанием «твердой» разновидности: *lĭes*, *mɛot* и под.).

В корнях производных имен выбор между дифтонгом и монофтонгом переднего ряда в конечном счете определяется исходом производящей основы и морфонологическими свойствами суффиксов: (1) *rizbá* ‘резьба’, *nedílnoj*

‘недельный’, (2) *mjésnoj* ‘местный’, *męasnój*, *gręáznoj*; *lęókkoj*, *męákkoj*. Так же в глагольном формообразовании: «огласовка» таких форм, как *imp. set* ‘сядь’, *lek* ‘ляг’, *odín* ‘одень’, *lis* ‘лезь’, *jít* ‘езжай’, но *jíeš* — перед твердым шипящим; *inf. pít* ‘петь’, *lis* ‘лезть’, *strilét* ‘стрелять’, *sidít* ‘сидеть’, — фактически определяется исходом основы и присоединенным к ней формообразовательным суффиксом.

Чередующиеся фонемы — дифтонги и монофтонги, входя в состав алломорфов одной морфемы, на морфонологическом уровне попарно объединяются в одну морфему. Условия чередований, которые в говоре являются «историческими», отчасти определяются в терминах фонетических позиций, отчасти морфологических; то есть чередования гласных в говоре после отвердения согласных в значительной степени превратились в грамматически обусловленный аблаут.

Можно, наоборот, утверждать, что на морфонологическом уровне дифтонгический либо монофтонгический альтернант гласной морфемы свидетельствует о «морфонологической твердости» либо «морфонологической мягкости» следующего согласного в составе морфа. В небольшом числе случаев «морфонологическая мягкость» согласного соответствует фонетической палатализованности/палатальности (в случае *c*’, *č*’, *j*), а «морфонологическая твердость» — непалатализованности (*š*, *ž*, *šč*, *ždž*).

5. Статус глайдов *ĩ* и *ę* в начале дифтонгов. Подъем начальной фазы дифтонгов переднего ряда зависит от подъема ядерной части дифтонга: /*ĩu*/, /*ię*/, /*ĩɔ*/ (гласные верхнего и верхне-среднего подъема), но /*ęa*/, /*ęo*/ (гласные среднего и нижнего подъема).

Фонетическая выраженность, а именно значительная длительность, и регулярность начального компонента дифтонгов, парных монофтонгам, после твердых согласных как в ударной, так и в безударной позиции позволяют выделять его в самостоятельную фонему /*ĩ*/. В этом случае парные гласные фонемы переднего ряда должны рассматриваться как бифонемные сочетания, например, [ęa] = /*ĩ*/+/a/. Число гласных фонем сокращается в этом случае до семи: /a/, /o/, /*ɔ*o/, /e/, /*ię*/, /i/, /u/.

Фонема /*ĩ*/ имеет дистрибутивные особенности, отличающие ее как от гласных, так и от согласных фонем. Она не встречается в начале, в конце слова, между согласными. Позиция ее появления — после согласной (не палатализованной, не палатальной, не твердой шипящей) перед гласной непереднего ряда, т. е. в сочетаниях типа *Cĭa*, *Cĭo*, *Cĭuo*, *Cĭi*, *Cĭu*. В принципе при такой дистрибуции эту единицу естественно считать компонентом гласной фонемы.

Однако на морфонологическом уровне выделение ⟨i̇⟩ в высшей степени целесообразно при описании именного словоизменения. Относя ⟨i̇⟩ к именной основе, удастся избежать ложной «двухвариантности» склонения и спряжения, базирующейся на парности гласных фонем по ряду. Репрезентантом ⟨i̇⟩, завершающей основу, перед нулевым окончанием является нулевой альтернант. Примеры морфемного членения существительных:

n. sg. ⟨vod=á, kuóž=a, stáj=a, vuóli̇=a, zem#li̇=a, vjic(i̇)=a, bání#k=a⟩,
 gen. pl. ⟨vod=∅, kuóž=∅, staj=∅, vuoli̇=∅, zem#li̇=∅, vjic(i̇)=∅, bání=#k=∅⟩,
 n. pl. ⟨sad=i, krjaž=i, sloj=i, kuóni̇=i, kór#ni̇=i, kljuc(i̇)=i, og#ni̇=#k=i⟩,
 gen. pl. ⟨sad=úov, krjaž=éj, sloj=úov, koni̇=ej, kor#ni̇=ej, kljuc(i̇)=éj, og#ni̇=#k=éj⟩.

Примечание. В этой записи выделены жирным шрифтом глайды, представленные фонемным нулем в определенных фонологических позициях: (1) на конце слова (gen. pl. ⟨vuóli̇=∅, zem#li̇=∅⟩); (2) перед /e/ (gen. pl. ⟨kor#ni̇=éj⟩ – /kornéj/, ⟨koni̇=ej⟩ – /konéj/, а также «дрейфующий» глайд в ⟨og#ni̇=#k=éj⟩ – /ogonkéj/). Сочетанию морфем ⟨i̇i̇⟩ соответствует /i/ (n. sg. ⟨vjicj̇=a⟩, nom. pl. ⟨kuóni̇=i, kór#ni̇=i⟩, ср. также «дрейфующий» глайд в ⟨og#ni̇=#k=i⟩ – /ogonki̇/). «Дрейф» глайда в морфонологической записи снимается (кроме последнего примера, еще nom. sg. ⟨bání=#k=a⟩ – /bánk̄a/). В скобки взят глайд, представленный фонемным нулем, «приписанный» палатализованному согласному. Дополнительное распределение /j/, /i̇/, /i̇j/, (/i̇j/), очевидное уже в приведенных примерах, является тривиальным фактом русской морфонологии.

Примеры морфемного членения глагольных словоформ, показывающие, что внутри дифтонга может проходить морфемная граница:

1 sg. ⟨klad=ú, piš=ú, kolj̇=ú, sýplj̇=u, solj̇=ú, poj̇=ú, skac(i̇)=ú⟩;
 3 sg. ⟨klad=jȯ=t, piš=iȯ=t, kuóli̇=iȯ=t, sol̇=i̇=t, poj̇=iȯ=t, poj̇=i̇=t, skác(i̇)=iȯ=t⟩;
 3 pl. ⟨sad=i̇á=t, lóž=i̇á=t, stoj̇=i̇á=t, sol̇=i̇á=t, skuóc(i̇)=i̇á=t⟩.

Примечание. На материале спряжения к перечисленным выше добавляются следующие позиции, в которых глайд представлен фонемным нулем (такие глайды выделены жирным шрифтом): (3) после твердых шипящих, (4) после ⟨i̇, i̇j, j̇⟩.

6. В дискуссии о том, насколько древним в говорах типа слободского является отверждение согласных и существовала ли в них когда-либо категория твердости/мягкости согласных, мы принимаем более распространенную среди диалектологов точку зрения, что отверждение согласных в них является достаточно поздним. Современной системе слободского говора предшествовала система с последовательно проведенным «вторичным смягчением согласных» перед гласными переднего ряда; к числу ранних процессов относится переход **l > w* на конце слога и отверждение шипящих; позже, но до утраты

противопоставления парных твердых и мягких согласных, возникли чередования дифтонгов и монофтонгов. В системе, предшествующей современной слободской, степень палатализованности согласных в позициях «вторичного смягчения» не ясна, также неизвестно, совпали ли в первоначальной системе результаты «вторичного смягчения» **l*, **r*, **n* с результатами их йотации; в современном слободском говоре эти согласные во всех позициях одинаково отвердели.

Звучание слободского говора неискушенным сторонним наблюдателям напоминает украинскую речь именно благодаря обилию твердых согласных и, возможно, мягкому *ц*. Отвечая на вопрос, не украинка ли она, жительница Захарихи, замечательная информантка, воскликнула: *Ja nikaká ne xoxlúška, ja c'ísto rúskeja vologóc'keja!*

Литература

- Азарх 1967 — Ю. С. Азарх. Отверждение парных мягких согласных в вологодско-кировских говорах // Очерки по фонетике севернорусских говоров. М., 1967.
- Азарх 1973 — Ю. С. Азарх. О корреляции согласных по твердости–мягкости в одном вологодском говоре // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Брок 1907 — О. Брок. Описание одного говора из юго-западной части Тотемского уезда // Сборник ОРЯС, 1907. Т. 83.
- Бубрих 1914 — Д. В. Бубрих. Фонетические особенности говора д. Пустоша // Известия ОРЯС. 1913. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4.
- Высотский — С. С. Высотский. О говоре д. Лека (по материалам экспедиции 1945 г.) // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. II. М.–Л., 1949.
- ДАРЯ I — Диалектологический атлас русского языка. Т. I. Фонетика. М., 1986.
- Касаткин 1999 — Л. Л. Касаткин. Современная русская литературная и диалектная фонетика как источник для истории русского языка. М., 1999.
- Касаткин 2005а — Л. Л. Касаткин. К истории изучения слободских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III (IX). М., 2005.
- Касаткин 2005б — Л. Л. Касаткин. Консонантизм слободских говоров // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III (IX). М., 2005.
- Касаткин 2005в — Л. Л. Касаткин. Фонемы /o/, /ω/, /a/ в слободских говорах // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III (IX). М., 2005.
- Кузнецова 1969 — А. М. Кузнецова. Некоторые вопросы фонетической характеристики явления твердости–мягкости согласных в русских говорах // Экспериментально-фонетическое изучение русских говоров. М., 1969.
- Лешка 1979 — Русская грамматика. Т. I. Фонемика. Морфонемика (автор разделов О. Лешка). Praha, 1979.

- Пауфошима 1973 — Р. Ф. Пауфошима. О распределении мягкости в двойных сочетаниях зубных согласных в некоторых окающих говорах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973.
- Пауфошима 1983 — Р. Ф. Пауфошима. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М., 1983.
- Поливанова — А. К. Поливанова. Морфонология русского субстантивного основообразования. АКД. М., 1976.
- Русская диалектология 1973 — П. С. Кузнецов (ред.). Русская диалектология. М., 1973.
- Тер-Аванесова 2005 — А. В. Тер-Аванесова. Фрагмент системы именного словоизменения и акцентуации слободского говора // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. III (IX). М., 2005.
- Толстая 1998 — С. М. Толстая. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
- Чурганова 1973 — В. Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973.
- Шахматов 1914 — А. А. Шахматов. Описание Лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии // Известия ОРЯС. 1913. СПб., 1914. Т. 18, кн. 4. С. 171–220.

Summary

Notes on phonology and morphonology of Sloboda dialect (Vologda region)

The article deals with phonologic and fragments of morphonologic system of a North Russian Vologda dialect with distinction of two *o*-phonemes. It is characterized by absence of palatalization of consonants before front vowels and by absence of palatalized consonants in the final position. In this dialect depalatalization must have taken place after a number of phonetic changes known to the most part of Vologda dialects.

Еще раз о долгих шипящих в восточнославянских говорах

Долгие шипящие и их соответствия на месте древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* в русских говорах в фонетическом и фонологическом аспектах, а также в плане их исторического развития исследовал Р. И. Аванесов (Аванесов 1948). Детальная характеристика звуков, соответствующих русским литературным [ш'ш'] и [ж'ж'] в севернорусских и среднерусских говорах, по материалам, собранным для ДАРЯ, дана в монографии (Образование 1970: 29–33), в которой автором соответствующего раздела является В. Г. Орлова. Рассматриваемое явление в русских говорах детально отражают карты ДАРЯ (ДАРЯ 1: №№ 48–53; автор Н. Н. Пшеничникова). Долгие шипящие и их соответствия в говорах восточнославянских языков ранее рассматривались мной в фонетическом, лингвогеографическом, фонологическом и историческом аспектах (Пшеничникова 1998: 39–62). В названной работе представлены и карты, на которых показаны зоны преобладания тех или иных вариантов произношения и в пределах этих зон отдельные вкрапления других разновидностей произношения на месте древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'*. Кроме того, материал русских говоров, относящийся к сосуществованию вариантов произношения на месте глухих долгих шипящих из общеславянских **skj*, **stj*, **sk'* не на стыке морфем (этот материал может быть представлен практически неограниченным числом примеров) был проанализирован статистически (Пшеничникова 1973: 80–91). Согласные на месте *ж'д'ж'* из общеславянских **zgj*, **zdj*, **zg'* статистически не анализировались, так как круг слов с корневым *ж'д'ж'* ограничен, в связи с чем в материалах примеров приводится очень немного (рассматриваются согласные на месте *ж'д'ж'* не на стыке приставки и корня).

В данной статье я хотела бы еще раз обратить внимание на схему развития древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* в говорах восточнославянских языков.

Территория восточнославянских говоров по распространению в них вариантов произношения на месте *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* делится на две части, которые частично пересекаются: 1) северо-восточный ареал — подавляющая часть русских говоров и единично соседние с ними украинские и белорусские — в этих говорах преобладают долгие шипящие (мягкие в центре русской территории и твердые по ее периферии); 2) юго-западный ареал — почти все белорусские и украинские говоры, а также пограничные с ними русские — в этих говорах как правило в качестве единственного варианта употребляется звуковое сочетание со взрывным элементом — преимущественно

твердые [шч] и [ждж]. Ареал звуковых сочетаний со взрывным элементом продолжается на север, северо-восток и далее на восток — на территорию русских говоров Гдовской и Новгородской групп среднерусских, большей части севернорусских (Ладого-Тихвинская, Онежская, Вологодская группы, Лачские и Белозерско-Бежецкие говоры, некоторые Костромские) и восточной части Нижегородской подгруппы среднерусских. В этих говорах, в отличие от украинских и белорусских, звуковой комплекс со взрывным элементом как правило отмечается наряду с долгим шипящим, мягким или твердым. Украинские и белорусские говоры в отношении рассматриваемого явления относительно единообразны. По-видимому, в связи с этим процесс изменения древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* в трудах по диалектологии и истории белорусского и украинского языков так детально, как в русских говорах, не рассматривался. См. литературу в (Пшеничникова 1998).

Р. И. Аванесов отмечает, что «в соответствии с долгими мягкими шипящими литературного языка и части говоров в других говорах мы находим иные весьма разнообразные звуки, явившиеся в результате того, что они сохранили разные стадии имевшего место фонетического процесса, а отчасти потому, что ими были пережиты разные фонетические процессы» (Аванесов 1949: 329). Процесс изменения древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* Р. И. Аванесов представляет в виде схемы. В этой схеме выделяются главные направления, которые отражают основные тенденции развития рассматриваемых согласных — к отвердению и утрате затвора, и побочные, менее распространенные, — к упрощению звуковых сочетаний путем утраты конечного фриктивного элемента:

Схема 1

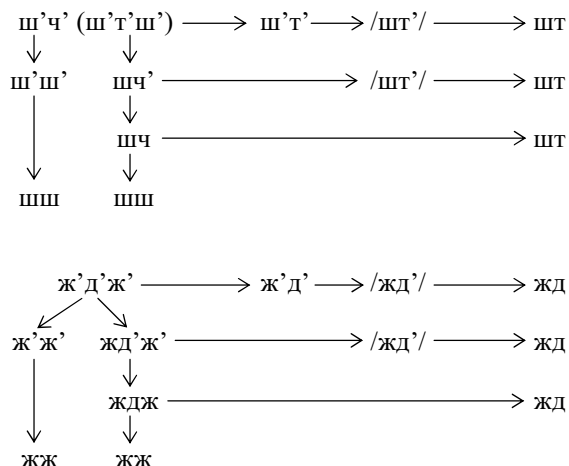

Схема, предложенная Р. И. Аванесовым, очень убедительна, и такое представление о путях изменения *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* заслуженно считается общепризнанным. Точка зрения Р. И. Аванесова принята, в частности, и авторами упомянутой выше монографии (Образование 1970: 29–33). С этой схемой не расходятся и показания белорусских и украинских говоров.

Однако лингвогеографический и статистический анализ материала, существенно более полного, чем тот, которым располагал Р. И. Аванесов, позво-

ляет уточнить и детализировать схему возникновения и изменения долгих шипящих, предложенную Р. И. Аванесовым. Употребление долгих шипящих или их соответствий как единственных, разные виды сосуществования вариантов произношения, соответствующих литературным [ш'ш'] и [ж'ж'], и их лингвогеографическая характеристика, статистический анализ материала, отражающего сосуществование вариантов произношения, соответствующих глухому долгову [ш'ш'] в русских говорах (подробно см. в: Пшеничнова 1973: 80–91), позволяют показать диалектные различия в произношении звуков на месте древнерусских *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* в говорах восточнославянских языков в виде следующей схемы, которая представляет не одно основное и побочные направления развития древнерусского *ш'т'ш'*, как предложил Р. И. Аванесов, а два основных и побочных направления.

Схема 2

В косых скобках даны те разновидности, относительно которых нельзя сказать с определенностью, являются ли они обязательной ступенью в процессе изменения, изображенного соответствующей ветвью дерева схемы. Можно предполагать, что твердые разновидности [шч], [шт] и [жд] могли развиваться и через ступень неполного отвердения обоих элементов звукового комплекса, которую можно условно обозначить соответственно как [ш·ч·], [ш·т·] и [ж·д·].

Данная схема отражает больше, чем у Р. И. Аванесова, логических возможностей рассматриваемого процесса и, следовательно, обладает большей предсказуемостью. Кроме того, она хорошо согласуется с лингвогеографической характеристикой рассматриваемого явления на всей восточнославянской территории. Так, в центральных русских говорах (центр Ростово-Суздальской Руси) основная тенденция — утрата смычного элемента, но еще не отверждение, т. е. преобладание [ш'ш'], [ж'ж']. В белорусских и украинских говорах основная тенденция — отверждение при сохранении смычного элемента, т. е. преобладание [шч], [ждж]. Между этими говорами распространены такие, в которых эти две тенденции по-разному соединились. Это западные русские говоры, соседние с белорусскими и украинскими, и русские северные и северо-западные говоры — во всех этих говорах распространены твердые [шш], [жж] как единственные или наряду с [шч], [ждж], которые свойственны почти всем белорусским и украинским говорам. Во многих случаях отмечен и глухой долгий мягкий шипящий, который может быть результатом влияния литературного языка.

Лингвогеографическая характеристика рассматриваемого явления позволяет предполагать, что не во всех русских говорах [шш] и [жж] развились через ступень соответственно [ш'ш'] и [ж'ж'], как это следует из схемы Р. И. Аванесова, но что по крайней мере в русских говорах западных и северо-западных территорий (бывш. Смоленское, Полоцкое и Новгородское княжества) [шш] и [жж] могли развиваться и таким путем, как: *ш'ч' (ш'т'ш') → шч (штиш) → шш*; *ж'д'ж' → жддж → жж*.

Таким образом, в процессе изменения сочетаний [ш'т'ш'], [ж'д'ж'] в говорах восточнославянских языков правомерно выделять не одно главное и два побочных направления, как считал Р. И. Аванесов, а два главных и побочных, что и отражено в схеме 2. При этом следует отметить, что чем больше удалены друг от друга разновидности произношения как некоторые ступени в процессе изменения [ш'т'ш'] и [ж'д'ж'], т. е. чем больше расстояние между узлами на ветвях дерева схемы, тем реже сосуществуют такие разновидности (более детальный анализ схемы см. в: Пшеничникова 1973).

Картографирование наглядно показало справедливость высказанного Р. И. Аванесовым положения о том, что развитие глухих и звонких долгих шипящих проходит параллельно, в одном и том же направлении, в их развитии наблюдаются одни и те же тенденции, с той однако разницей, что звонкие в своем развитии «обгоняют» глухие. Глухое сочетание более напряжено и потому позднее освобождается от взрывного элемента, а возникающий на его месте долгий глухой шипящий дольше сохраняет мягкость, поддержи-

вающую его напряженность. Звонкое сочетание как менее напряженное легче освобождается от взрывного элемента, а развивающийся на его месте долгий звонкий шипящий — от мягкости. Ср. (Аванесов 1970: 330; Образование 1970: 30).

Результаты статистического анализа материала, относящегося к глухим долгим шипящим и их соответствиям в русских говорах, позволяют внести еще некоторые дополнения в характеристику процессов изменения [ш'т'ш'] и [ж'д'ж']. Согласные на месте звонкого сочетания *ж'д'ж'* статистически не анализировались ввиду лексической ограниченности материала. Однако, как было уже сказано, пути развития *ш'т'ш'* и *ж'д'ж'* в говорах восточнославянских языков в основных направлениях были общими.

Разная интенсивность основных тенденций развития древнерусского *ш'т'ш'* (утрата взрывного элемента и отверждение) отражается не только в употреблении каждого из вариантов как единственного или в сосуществовании с другими, но и в неодинаковой по говорам употребительности, т. е. относительной частоте каждого из сосуществующих в одном говоре вариантов произношения. Статистические характеристики русских говоров с сосуществованием рассматриваемых рефлексов древнерусского *ш'т'ш'* приведены и проанализированы в (Пшеничнова 1973). Лингвогеографический ландшафт рассматриваемого явления, определяемый действием двух названных тенденций развития древнерусского *ш'т'ш'* и их неодинаковой по говорам интенсивностью, хорошо согласуется со статистическим типом изучаемого явления. Почти все виды сосуществования разновидностей произношения характеризуются постепенным изменением количественного соотношения разновидностей в говорах ряда, упорядоченного по относительным частотам вариантов произношения (эти данные см. в: Пшеничнова 1973). Такой тип явления мы условно называем континуальным типом (Пшеничнова 1991: 7–8). В лингвогеографическом плане для сосуществования двух разновидностей свойственно нарастание признака по мере приближения к более компактным ареалам соответствующей разновидности, т. е. и территориально отмечается постепенное нарастание (убывание) признака. Так, при сосуществовании [ш'ш'] и [шш] относительная частота примеров с [ш'ш'] в говорах возрастает по мере приближения к основному ареалу [ш'ш'] и понижается по мере удаления от этого ареала, т. е. в направлении к северу, западу и югу от центра. Соответственно понижается или возрастает относительная частота примеров с [шш] по мере удаления или приближения нас. пунктов, в говорах которых имеется такой тип сосуществования, к основному ареалу [шш]. При сосуществовании в говорах более двух разновидностей произношения доля

той или иной разновидности как правило определяется тем, вблизи какого ареала находится данный нас. пункт.

Таким образом, статистическая характеристика явления — отнесение явления к континуальному типу (плавное изменение количественных характеристик) — хорошо согласуется с представлением о постепенном фонетическом развитии, разные этапы которого отмечаются в современных восточнославянских говорах.

Литература

- Аванесов 1948 — *Аванесов Р. И.* О долгих шипящих в русском языке // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. 1948, вып. 6. Перепечатано в: *А. А. Реформатский.* Из истории отечественной фонологии. М.: Наука, 1970.
- ДАРЯ 1 — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР. Вып. 1. Фонетика. М., 1988.
- Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970.
- Пшеничникова 1973 — *Пшеничникова Н. Н.* Статистический анализ многочленного диалектного соответствия (Глухие долгие шипящие в русских говорах) // Вопросы языкознания, № 6, 1973.
- Пшеничникова 1991 — *Пшеничникова Н. Н.* К вопросу об интенсивности и направлении развития диалектных систем // Современные русские говоры. М.: Наука, 1991.
- Пшеничникова 1998 — *Пшеничникова Н. Н.* Согласные на месте древнерусских [ш'т'ш'], [ж'д'ж'] // Восточнославянские изоглоссы 1998. Вып. 2. М., 1998.

Summary

Once again about the long hushing sound in the Eastern Slavic dialects

In the article author proposes and substantiates the essential broadening of R. Avanesov's scheme of developing long hushing sounds and their equivalents from Old-Russian *u'm'u', ж'д'ж'* in the dialects of Eastern Slavic languages.

Фонетический фонд белорусского языка как оптимальная совокупность образцов речи

Проблемы современной лингвистики, связанные с исследованием функциональных разновидностей языка в отношении к сферам их применения, анализом форм сознательного воздействия общества на язык, в новом столетии для белорусского языка приобрели особую актуальность. Целый ряд общеизвестных факторов нелингвистического характера обусловил появление определенных тенденций, которые непосредственно затрагивают систему белорусского языка на уровне его базовых функций. Изучение активных языковых процессов, анализ отношений между кодифицированной нормой и имеющимся узусом использования белорусского языка, обусловлены современной социолингвистической ситуацией. В современной языковой ситуации, когда вновь сузились коммуникативные функции белорусского языка, и, в первую очередь, естественно, использование устной формы разговорного и литературного языка, создание фонетического фонда приобретает принципиальное значение. Последнее особенно важно, потому что лексику можно возобновить по словарям, морфологию и синтаксис — выучить по письменным источникам, а вот фонетику, произношение, орфоэпию без записей можно потерять навсегда.

На современном уровне исследования фонетической маркированности различных функциональных разновидностей языка, когда уже описаны основные функциональные стили и известны фонетические особенности той или иной разновидности, необходимо, с одной стороны уточнить функциональную типологию белорусской речи, и, со второй, более углубленно изучить фонетическое своеобразие выделенных функциональных типов, выявить стилистически значимые фонетические средства, установить степень функциональной дифференциации белорусской речи в городах и основных сельских регионах страны. Именно в соответствии с уточнением функциональной типологии современной белорусской речи решается вопрос об актуальности создания фонетического фонда.

Актуальность создания фонетического фонда современного белорусского языка предопределена рядом причин, среди которых:

- необходимость теоретической разработки концепции фонетического фонда современного белорусского языка с учетом как зарубежного опыта создания фондов национальных языков, так и социолингвистической ситуации в Беларуси;

- систематизация и современное представление белорусских звуковых материалов срочно необходимы для того, чтобы сохранять образцы устной

речи и сделать их доступными для исследователей, а также всех, кто в своей профессиональной деятельности связан с функционированием литературного языка в его устной форме (дикторов, теле- и радиожурналистов, артистов, юристов и т. д.);

– проведение акустического анализа речи на современном научном уровне требует технически более качественной и совершенной записи устных текстов в исполнении более широкого круга лиц.

В связи с решением этих вопросов сотрудники Института языка и литературы НАН Беларуси провели перезапись материалов фонотеки, созданной в 70–90-х годах XX столетия под руководством академика А. И. Подлужного. В то время именно лаборатория экспериментальной фонетики являлась единственным в республике центром, в котором систематически проводились исследования звукового состава языка. В результате целенаправленной работы здесь был осуществлен ряд фундаментальных исследований в области артикуляционной, акустической и перцептивной фонетики, результаты которых отражены в известных монографиях, кроме того, собрана коллекция записей белорусской устной речи на магнитной ленте. Разнообразные по характеру и содержанию записи диалектной и литературной речи, которые входили в состав фонотеки белорусского языка и послужили основой выполненных исследований, были сделаны при помощи техники звукозаписи, которая сейчас уже не используется. Для того чтобы сохранить наиболее ценные звуковые манифестации, было проведено их прослушивание и выборочная перезапись, соответствующая современным международным стандартам, предъявляемым к материалам подобного типа. Это позволило использовать их при формировании определенных блоков информации фонетического фонда современного белорусского языка.

Идея создания фонетического фонда современного белорусского языка принадлежит доктору филологических наук Лилии Тихоновне Выгонной, которая имела богатый научно-практический опыт в предложенной тематике. Как руководство к действию остались ее опубликованные труды, книги, статьи, светлые воспоминания, которые заставляют реализовывать задуманное.

Современное изучение звукового строя языка является логическим продолжением предыдущих этапов исследования звуков, фонетики слова/фразы на сегментном и суперсегментном уровне. Исследование комплекса функциональных возможностей фонетических, просодических средств в оформлении устных текстов разных жанров, обусловленных ситуационными отношениями, является одним из актуальных вопросов современной белоруси-

стики. В разработанную базу данных устной речи включены различные звуковые манифестации: образцы диалектной, разговорной, лабораторной, сценической речи, чтение связных текстов, речь с акцентом (интерферирующая), детская речь, пение и т. д.

Путем создания фонетического фонда современного белорусского языка планируется получить материалы, которые будут соответствовать современным международным требованиям к звуковым записям устной речи, а их использование позволит продолжить разностороннее описание звукового строя белорусского языка с опорой на представительные устные тексты.

Особое внимание в этой связи отводится изучению фонетики диалектного языка в его территориальных разновидностях как основы национального языкового развития. Как известно, частные фонетические системы разных диалектов, входящих в состав языка, тождественны в одних своих элементах и отличаются друг от друга в других. С точки зрения социально-языковой ситуации интересными представляются среднебелорусские говоры, которые наиболее близки к литературному языку, а особенности их фонетики, грамматики и лексики имеют, как правило, выразительную «двухдиалектную» природу. Это — довольно широкая полоса говоров, которая сложилась в результате совмещения и продолжительного исторического взаимодействия северо-восточного и юго-западного диалектных массивов. Их изучение всегда притягивало внимание исследователей как ценный материал для создания полной картины звуковой организации устной речи, особенно в ее фонетическом облике, в произношении. Типичным примером отражения синхронного состояния среднебелорусских говоров могут послужить записи звучащей речи информаторов Борисовского района Минской области. Эти говоры неоднократно были предметом изучения в белорусской диалектологии. Так, в (Хрестаматыя 1962) приведены транскрибированные тексты из н. п. Дроздино и Лавница, сделанные в 1950 году; в (Хрестаматыя 1990) — записи из н. п. Стайки, Сычь, Черневичи, сделанные в сер. 60–80-х гг. XX столетия. Кроме того, говоры н. п. Дроздино, Житьково, Лавницы, Пупеличи, Рогатка, Стайки, Струпень, Устроны обследованы по программе (ДАБМ 1963); н. п. Стайки под № 349 включен в сетку Общеславянского лингвистического атласа (1988–2008); н. п. Палик, Стайки обследованы по программе (ЛАБНГ 1993–1998).

Ниже даются некоторые сведения об особенностях фонетики говоров Борисовского р-на Минской области, которые могут быть извлечены из записей фонда.

Вокализм

Ударный вокализм говоров Борисовского района, как и других говоров центральнобелорусских районов, совпадает с вокализмом литературного языка. Отличия проявляются только в фонетике лексически и грамматически ограниченных форм. Это проявляется в звучании части наречий. Например: *ты́лько асталóся* ‘только́’, *удво́х* ‘удвух’. При этом отметим, что последняя форма встречается в языке художественной литературы, а в ТСБМ помечена как областная: *Вось адбіта мяжа ўся — Аглядаем удвох. Куляшоў*.

Как и в других говорах центрального региона, фиксируется употребление гласного /o/ в положении перед /ў/ в глаголах ед. ч. прош. времени и в отдельных существительных и прилагательных: *зоўтрашні, у зубы доў, пагара-воў, пашукоў, проўда, разадроў папалам, староўся, узёў, зашоў, укроў, цягоў* (ср.: ДАБМ, карта 28).

Как и в других говорах, эта черта не носит всеобъемлющего характера и даже в речи одного и того же человека проявляется с разной степенью последовательности. Вместе с тем она имеет выразительно отличительный от литературной нормы характер и является чертой, по которой определяется диалектная принадлежность говорящей личности. Кстати, эта позиционная фонетическая особенность является, по мнению исследователей, единственной, которую можно считать самобытной по своей природе чертой среднебелорусских говоров, а не результатом междиалектных контактов. Однако характеризует она среднебелорусское диалектное произношение, преимущественно в центральной и западной частях этого диалекта.

Характерным является также произношение гласного /o/ под ударением в целом ряде глаголов, где в литературном языке зафиксирован гласный /a/ не только без ударения, но и под ударением: *зрóбілі* ‘зрaбілі’, *схво́ціш* ‘схва-цaш’, *схво́цуюць* ‘схвацaць’, *пасóдзіш* ‘пасаdзіш’, *утрóпіўся* ‘утрапaўся’. Это явление встечается не только в корневых морфемах, но и в префиксах: *прó-жыла* ‘пpажыла’, *сóйдуцца* ‘сaйдуцца’, *разóйдзімся* ‘pазaйдзёмся’.

В речи одного информатора из н. п. Сыч отмечено распространение ненормативного /o/ и на часть иных форм: *у чо́м* ‘у чым’, *у калго́се* ‘у калгасе’. Лексически обусловленным является, видимо, употребление /o/ в глагольной форме *распо́хла* в соответствии с литературной ‘распухла’.

Распространение /o/ под ударением после мягких согласных, соответствующее нормативному, в основном исчерпывается теми позициями, которые А. А. Кривицкий причислял к типичным для вокализма полоцко-минского произношения.

Это — произношение /о/ в соответствии с *е в положении перед твердыми согласными и перед конечным /ж/ в окончаниях существительных и местоимений в Т. пад. ед. числа: *авёс, ёлка, ідзём, плячём, зямлёй, душой, з маёй, з усёй*; отмечается также, что в окончаниях глаголов 1-го л. мн. ч. более распространен /о/ не только после мягких, но и после твердых согласных: *тра-п/лó/м, нат/кó/м*;

— эпизодически в положении перед мягкими согласными в словах, образованных от слов, где этот гласный выступает перед твердыми согласными: *далёкі, цёця*;

— в отдельных лексико-грамматических случаях и в положении после мягких согласных перед непарными твердыми: *адзёжа, цёшча*;

— в конечном положении под ударением после мягких и непарных согласных в существительных ср. р. в И. пад. ед. ч.: *плячó, яйцó*; в притяжательных и некоторых других местоимениях в И. пад. ед. ч. ср. р.: *сваё, чыё*; в абсолютном конце слова в глаголах во 2-м лице мн. ч. изъявительного наклонения: *ідзецё, глідзіцё, дайцё*; в конечном положении в отдельных случаях типа *ужó, ёсць* (Крывіцкі, Падлужны 1984: 182–183).

В инфинитиве и формах прош. времени глаголов типа *маўчаць, дрыжаць, крычаць* отмечается как ударный /а/, так и ударный /е/: *маўчаў и маўчэў, маўчэлі, дрыжаў и дрыжэў, дрыжэлі*.

Безударный вокализм характеризуется обычным для среднебелорусских говоров набором гласных:

і / ы	у
е	
	а

Их употребление связано с акцентно-ритмической структурой слова и качеством предыдущего согласного. В первом предударном слоге после твердого согласного гласные верхнего подъема сохраняют свое качество независимо от ударного гласного: *б/ы/лá, ч/ы/слá, др/ы/гвá, кр/ы/вáвы, пр/ы/йшлі, па-ч/ы/лáсь, б/ы/лó, муж/ы/кóвы, к/у/стáрнік, кр/у/гóм*.

Редукция /ы/ в виде ъ встречается в речи отдельных информаторов в ограниченном количестве лексем, типа *бѣлá* ‘была’. Создается впечатление, что появление гласного ъ обусловлено особенностями фразовой просодии, поскольку обычно редуцированный звучит в слабоеударных слогах (*бѣлá, зрѣбіла*), в быстром темпе, в слабой позиции в фразе. Отметим, что редукция /ы/ на Борисовщине отмечалась и составителями ДАБМ (карта 23).

Гласный /а/ в первом предударном слоге после твердых согласных в большинстве случаев сохраняет свое качество перед всеми гласными. Напр., в начале слова: /а/кóн, /а/стáўся, /а/ò; перед /у/: у з/а/òў, п/а/сýшана, гав/а/рý; перед /о/: к/а/зó, п/а/тóм, п/а/нóс, з/а/рóда, жар/а/бóк, в/а/сьмóга; перед /і/: сп/а/ллі, т/а/гды, ут/а/рýя, н/а/сілі, п/а/гібла, з/а/білі, п/а/хадзілі, ст/а/навілі, хар/а/нілі, п/а/мёрла, гал/а/вёшка, паг/а/рýшыя, х/а/цэлі, пагал/а/сіла.

Особое внимание привлекает реализация гласного /а/ в первом предударном слоге перед ударным /а/. В большинстве случаев в этой позиции отмечался /а/ менее продолжительный, но сохраняющий свое качество: з/а/кáпвалі, з/а/стáўся, пах/а/рónены, ст/а/ў, мал/а/днiяк, п/а/нáў, хв/а/тáлі, в/а/нá, к/а/зáла, к/а/лiяды, к/а/нчáлася, р/а/скáпвалі, даст/а/вáлі, х/а/вáліся, сх/а/вáўся, гад/а/вáліся, па/а/ткáпвалі. Однако параллельно, хотя и в меньшем количестве случаев, отмечается в этой позиции и редуцированный гласный: стр/ь/дáць, тр/ь/вá, кр/ь/вáтка.

Во втором предударном слоге реализация гласных после твердых согласных аналогична той, которая отмечается и в первом предударном.

Обращает внимание отсутствие редукции гласных в заударных слогах, как открытых, так и закрытых: тóж/а/, дáж/а/, Натáш/а/, сóр/а/к, тýт/а/ка, кóс-т/а/чкі, вiск/а/чыц, зрáз/а/чку, прáнік/а/м, кóнч/ы/лі, дóшч/а/чк/а/, прóст/ы/ню, вiскач/ыў/. К числу мало описанных явлений диалектного вокализма среднебелорусских говоров относится употребление предударного закрытого /ò/, который локализуется на ступени средне-верхнего подъема: д/ò/ўнiей, н/ò/чáўся. Такое произношение тем более интересно, что говоры Борисовщины находятся на север от тех, которые размещены в Минской области на юге от Минска (напр., слуцкие), принадлежат к юго-западному диалектному произношению и имеют в составе своего ударного вокализма закрытые /ò/ и /ë/. Возможно, безударный /ò/ отражает старую северную границу распространения закрытых гласных. Тем более, что при составлении ДАБМ зафиксированы в этой зоне случаи употребления закрытых /ë/ и /ò/ под ударением в словах: л/ë/с, хл/ë/б, б/ë/лы, на наз/ë/; д/ò/м, к/ò/нь, в/ò/л (ДАБМ, карты 34, 35).

После мягких согласных в первом предударном слоге отмечается следующий набор гласных: /'е/, /'і /, /'а/, /'у/.

В соответствии с гласными /е/ и /а/ ударного слога отмечается предударный /а/ перед /а/: /ја/нá, /ја/шчэ́, /н'а/шчáсце, /ц'а/гáў, /л'а/жáла, прад/ја/ў-лiялi, мапад/н'а/кóў, /с'а/стрá; перед ударным /о/: /ја/зó, /н'а/кóнчыла, /с'а/д-мóга, /н'а/рóдны, ку/л'а/мёце, /н'а/пóмню, /н'а/бóшчыца; перед ударным /у/: /ја/мý, /б'а/дý, /н'а/бýдзе; перед /е/ и /і/, /ы/: /і/м'анiны, /н'а/мёцкая, /ја/нi, /дз'а/рзýню, па/б'а/жыш, за/б'а/рýце, /с'а/дзéла, /ц'а/бé, /с'а/кéра, /н'а/вé-

рыцца, /ня/вы́скачыў, /м'а/не́, /ц'а/пе́рака, /ца/пі́шча/, /н'а/йды́, у/з'а/лі, у/ц'а/клі.

Реализация /'а/ во всех этих позициях превалирует, однако употребляются еще гласные /'е/ и /'і/: /je/мў, пры/б'е/аюць, /с'ц'е/пán, /б'е/гóm, а/н'е/ра́тар, у /л'е/сáх, у/ц'е/ка́ць, /je/ў, /н'е/ зна́ю; за/дз'е/ржа́лася, /н'е/ схавáўся, пры/б'е/га́юць; /в'і/здэ́, /н'і/ было́, /н'і/ мо́жа, за/б'і/ру́ць, /ji/шчэ́, ва/с'і/м-на́ццаць, /ц'і/не́р, /н'і/ ве́даю, /н'і/ма́, /в'і/нча́е.

Во втором и третьем предупредарных слогах после мягких согласных в соответствии с /'е/ и /'а/ под ударением преобладают гласные /'е/ и /'і/: /je/нвара́, /je/рунда́, /дз'е/равéнскага, /Б'е/лару́сь, /Л'е/нингра́д, /н'е/разжыва́ць, /н'е/ра-глядзéліся, па/н'е/рарэ́зали, /н'е/расла́ла, /н'е/радзéцца /м'е/шкаві́ну, /в'е/ся-лэй, /н'е/рапі́ска, /н'е/раначавáў, /н'і/ракрысці́цца, /н'і/раво́зная; хотя отмечается и /'а/: /ц'а/гачы́, /дз'а/равéнскі. Однако отметим, что в наших примерах основное количество составляют формы с приставкой *пера-* и отрицанием *не*, а в них /'е/ может сохраняться в связи с возникновением дополнительного ударения (ср. ДАБМ, карта 10).

В заударных слогах после мягких согласных в соответствии с /'а/ и /'е/ под ударением отмечаются гласные /'а/ и /'е/: па́/м'а/тні́к, дзé/с'а/цэ́, дзé-/в'е/ра, в'і/дз'е/ла, па́/л'е/ц, ці/х'е/нька, пя́/ц'е/ра, ма́/л'е/ц, пахаро́/н'е/ны. В (Хрэстаматыя 1962) отмечался также /і/: ма́/л'і/ц, ска́/ц'і/рка, цё/ц'і/нька, б́у/дз'і/м, чэ́/в'і/ра.

Часть явлений заударного вокализма связана с диалектными грамматическими особенностями. Так, в говорах преобладают формы 3-го л. ед. числа без окончаний в невозвратных глаголах первого тематического спряжения, которые произносятся в безударном /е/: найма́/jel/, адпраўля́/jel/, пры́й/дз'е/, б́у/дз'е/, паве́ша/jel/, вы́сах/н'е/, стаўля́/jel/, вы́пал'е/, чу́/jel/, задзіра́/jel/. В глаголах второго тематического спряжения в тех случаях, когда ударение падает на основу, чаще употребляется /'а/: лó/б'а/, схó/дз'а/.

Заударные гласные /'е/ и /'і/ преобладают и в других глагольных формах: в́ы/ле/з'і/м, часту́/jel/м, б́у/дз'е/м, паду́ма/jel/м, но́й/дз'е/м, ве́да/jel/це, аткры-ва́/jel/це, зна́/jel/м, ну́сці/ц'е/, іды́/ц'е/, жні́/ц'е/, но гля́/дз'і/ц'а, прывя́/дз'і/ц'а. В окончаниях 3-го лица мн. числа глаголов реализуется не под ударением звук /у/ там, где в иных разновидностях диалектной речи выступает гласный /а/: прыхóдзюць, пасóдзюць и др. В существительных в II. пад. преобладает /'е/: на лé/с'е/.

Консонантизм

Общий инвентарь согласных звуков совпадает с тем, что зафиксирован в литературном языке. Случаи замены /ф/ другими звуками или их сочетания-

ми нетипичны, например, *фóрма*, *ф́эст*, *фрóнт*, *ф́унт*, за *афіцэрамі*, *Фэня*, *фі́нскія*, *філіял*, но *ко́/п/та* ‘кофта’, */п/асо́ль* ‘фасоль’. Звук /ф/ не выступает альтернантом к /в/, но в говоре отмечается билабиальный спирант /ʃ/, который чередуется с /ф/: */ʃ/тары́*, */ʃ/таро́е*.

Составителями ДАБМ при картографировании лексемы *фасоля* (карта 44) отмечалось, что на большей части территории Борисовского района преобладали названия с начальным /кв/: */кв/асо́ль* и */кв/асо́ля*, в одном н. п. была зарегистрирована лексема с начальным /п/ */п/асо́ль*, а начальный /ф/ — */ф/асо́ль* и */ф/асо́ля* — отмечен в говоре двух н. п.

Для говоров характерно употребление твердого /р/. Отмечаются лишь лексикализованные случаи мягкости вибранта /р’/: *цю/р’/ма*. Ср. (ДАБМ, карта 42), где отмечены единичные случаи /р’/ на этой территории: *ку/р’/ицэ*, *ку/р’/ý/*, */р’/э/зацэ*, *за/р’/а/*, *сух/а/р’/*.

В говоре достаточно широко отмечается удлинение зубных и переднеязычных согласных /д/, /т/, /дз’/, /ц/, /ц’/, /з/, /з’/, /с/, /с’/, /л’/, /н/, /н’/, /ч/, /ж/, /ш/: *а/д’:/а́ў* ‘аддаў’, *а/т’:/у́ль* ‘адтуль’, *а/ц’:/а́* ‘атца’, *па ча́ра/ц’:/ы* ‘па чарачцы’, *трына́/ц’:/ацэ* ‘трынаццаць’, *дзэ́/ц’:/а* ‘дзеца’, *хрысці́/ц’:/а* ‘хрысціцца’, */з’:/а́ду* ‘здаду’, *ра/з’:/нако́міўся* ‘раззнако́міўся’, *ры́/з’:/е* ‘рыззе’, *да/ж’:/у́* ‘дажджу’, *ра/с’:/трэ́л* ‘расстрэл’, *шэ́/с’:/о́т* ‘шэсцьсот’, *пара/с’:/яка́лі* ‘парассякалі’, *со́/л’:/ю* ‘соллю’, *пап’а́/л’:/е* ‘папполле’, *вае́/н’:/ы* ‘ваенны’, *пу́жа́/н’:/е* ‘пужанне’, *бярэ́/н’:/е* ‘бярвенне’, *сві́/н’:/і* ‘свінні’, *се́/н’:/я* ‘сёння’, *зда́/н’:/і* ‘зданні’, *мо́/н’:/а* ‘модна’, *спа́/н’:/іца* ‘спадніца’, *дру́жы/н’:/іка* ‘дружынніка’, *пуля́м’/ч’:/ык* ‘пулямётчык’, *сі́/ч’:/ык* ‘сітчык’, *Лё́/ч’:/а* ‘Лётча’, */ш’:/о́стага го́да* ‘с шостага года’.

Удлиненные согласные образуются как на месте последовательности первоначально одинаковых согласных (*t + t*, *ð + ð*, *z + z*, *c + c*), так и получивших сходство в результате ассимиляции (*дц > цц*, *чц > цц*, *дн > нн*, *л’ј > л’л’*). Удлинение согласного регулярно используется как средство передачи аффективной речи: */н’:/ічаво́* — “Усе́ знішчылі /н’:/ічаво не засталос’я”; */у/с’:/я́* — “у/с’:/я́ ў гра́зі прышла”; *кра/с’:/івы* — “Та́кі кра/с’:/івы быў, ладны”.

Удлинение согласных в определенных условиях является позиционной фонетической особенностью борисовских говоров, которая характерна для разновидностей северо-восточного диалектного произношения.

Ассимилятивные процессы в говорах проходят по трем направлениям: по глухости ~ звонкости, твердости ~ мягкости и по локальному ряду зубных и переднеязычных фрикативных.

Финальные звонкие согласные сохраняют участие голоса в своей артикуляции, если далее следует слово, начинающееся на сонорный согласный или гласный. Ср. *заму́/ж/ зышла*, *пасяро́/д/ лягла*, *пагі́/б/ на фронце*.

Глухие согласные в позиции перед звонкими согласными озвончаются: *бы/з/* *здох* ‘бык здох’ (смычный заднеязычный), *хлопе/дз/* *з дзеўкай* ‘хлопец з дзеўкай’, *у дзе/д:/о/ме* ‘у дзетдоме’.

Регулярным является оглушение звонких согласных перед глухими и в абсолютном конце слова: *жара/нк/а* ‘жарабка’, *бо/х/* ‘бог’, *лё/х/* ‘лёг’, *дабе/х/* ‘дабег’, *пабе/х/* ‘пабег’, *нагру/ск/у* ‘нагрузку’, *голу/п/* ‘голуб’, *хола/т/* *пашоў* ‘холад пашоў’, *Вало/ц/к/а* ‘Валодзька’, *дзя/ц/к/а* ‘дзядзька’, *ю/нк/а* ‘юбка’, *абе/т/* ‘абед’, *папоў/ц/* ‘папоўз’, *ксё/н/ц/* ‘ксёнз’, *усё /ш/* *пасушана* ‘усё ж пасушана’. Глухие согласные отмечены также в тех случаях, где в литературном языке фиксируются звонкие согласные: *а/т/арвала* ‘адарвала’, */с/людзьмі* ‘з людзьмі’. В ДАБМ (карта 46) отмечено последовательное оглушение: *ка-/ск/а*, *зага/тк/а*, *но/шк/а*, *гу/бк/а*, *ма/ск/а*, *шчо/тк/а*, *ко/шк/а*, *ша/нк/а*.

Ассимилятивное смягчение в текстах фиксируется последовательно в тех же случаях, что и в литературном языке: *ра/з’в’ёд/ка*, */с’в’ет/*, */ц’в’ятк/і*, */з’м’ей/*, *прывё/з’л’і/*, */з’ж’э/з’дз’іла/*, */з’дз’іэў/*, */з’н’імуць/*, */з’б’іваць/*, */з’б’е-жаў/*, *го/с’п’італь/*, *спал/с’л’іся/*, *па/с’ц’ілку/*, */с’ц’анá/*, *да/с’ц’іпня́я/*, *паня́-/ц’л’івая/*. Аналогичное смягчение регистрируется и при добавлении предлогов *з*, *с* к следующему слову: */с’ц’і/фу* ‘з ціфу’, */з’дз’іцем* ‘з дзіцем’, */з’ж’ей* ‘з ёй’, */с’л’юдзьмі* ‘з людзьмі’.

Сближает борисовские говоры с северо-восточным диалектным произношением такая черта, как произношение мягких */з’/*, */с’/* перед мягкими заднеязычными */г’/*, */к’/*, */х’/*: */с’к’інулі/*, */с’х’ітрыў/*, *ра/с’к’інуўся/*. Однако она не фиксируется во всех случаях, ибо чаще в этой позиции звучат твердые */з/* и */с/*: */зг’інуць/*, *ра/ск’інуць/*, */ск’ібка/*.

В возвратном аффиксе в форме прош. времени глаголов встречаются как мягкие, так и твердые согласные: *разойдзім/с’а/* ‘разойдзімся’, *дзэла/с’а/* ‘дзелася’, *застаў/с’а/* ‘застаўся’, но *астало/с/а/* ‘засталося’, *разышло/с/а/* ‘разышлося’, *купáў/с/а/* ‘купаўся’.

Ассимиляция зубных фрикативных согласных переднеязычным проходит в говорах так же, как и в литературном языке: *няма/ш/* *чаго* ‘нама з чаго’, *бе/ш/* *чутва* ‘бес чутва’, *ра/шч/аравалася/* ‘расчаравалася’.

Очень часто консонантное сочетание */с’ц’/* в конце слова упрощается, теряя финальный смычный: *вола/с’/* ‘воласьць’, *шэ/с’/* ‘шэсць’, *пад’е/с’/* ‘пад’есць’, *жо/с’/* ‘ёсць’. Однако это явление, видимо, следует рассматривать в широком контексте изменений, связанных с фразовой фонетикой. Это становится очевидным, если обратить внимание на другие упрощения консонантной структуры слова, которые выступают в нашем материале как элементы спонтанной разговорной речи на фоне общего полного стиля произношения, на

который обычно был настроен информатор. Записаны следующие формы: *васьмо́а* ‘восьмага’, *када́* ‘кагда’, *палядзэ́ла* ‘паглядзела’, *ка́уць* ‘кажуць’, *пе́/е/ся́т* ‘пяцьдзесят’, *ка/н’а́/к* ‘каньяк’.

Протетические согласный /в/ и гласный /и/ в говорах употребляются шире, чем в литературном языке: у /в/о́ришу ‘у Оршу’, у /в/а́трад ‘у атрад’, у /в/а́він ‘у авін’, у /в/а́днім доме ‘у адным доме’, у /в/э́тай ‘у этай’; *іздэ́лалася* ‘здзелалася’, *і́ствары́ла* ‘стварыла’, *і́збіў* ‘збіў’.

В виде отдельных грамматико-лексиколлизированных фонетических вариантов можно отметить форму местоимения *гэ́сты*, *гэ́стыя*, существительных *хадзя́ін* ‘гаспадар’, *га/зэ́/та* ‘газета’, *ка/нб/а́йн* ‘камбайн’, *гу/ба/рня́нтка* ‘гувернантка’.

Достаточно важной фонетической особенностью борисовского произношения является ударный гласный /о/ в конце существительных среднего рода в И. пад. ед. ч. Это явно гибридное явление, возникшее в результате схождения и контаминации северо-восточных тождественных по значению диалектных лексем с суффиксом /-’онак/ с юго-западными диалектными лексемами с конечным гласным /а/: /ц’ал’о́нак/ + /ц’ал’а́/ → /ц’ал’о́/, /на́рас’о́нак/ + /на́рас’а́/ → /на́рас’о́/. Ср. ЛАБНГ (карта 115): /зус’ан’о́нак/ + /зус’ан’а́/ → /зус’ан’о́/.

Таким образом, характер диалектного произношения среднебелорусских говоров вообще, как и части их, говоров борисовского региона, определяется смешанным составом среднебелорусских говоров, которые являются его территориально-диалектной базой. В своей основе это твердоэрое северо-восточное диалектное произношение с примесью особенностей юго-западного или наоборот, юго-западное с чертами северо-восточного. При этом в произношении имеет место в одних случаях как бы равноправное сосуществование разных диалектных фонетических особенностей, в других — разграничение их в рамках своего морфонемотического распространения, в третьих — контаминация и наличие вместо них специфических гибридных явлений. Этими особенностями существенно отличается произношение описанного региона в частности и среднебелорусское произношение в целом.

Параллельно с описанием звукового диалектного материала в ходе выполнения работы по созданию фонетического фонда белорусского языка отбирается звуковой материал для четырех жанровых блоков речи, при этом составлены списки слов, текстов, их фрагментов в устной реализации разными носителями белорусского языка, сделана их оценка с учетом нормативности и фонетической представительности.

Літэратура

Крывіцкі, Падлужны 1984 — *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.

ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Мінск, 1963.

ЛАБНГ — Лексічны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1–5. Мінск, 1993–1998.

ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. У 5-ці т., 6-ці кн. Мінск, 1977–1984.

Хрэстаматыя 1962 — Хрэстаматыя па беларускай дыялекталогіі. Мінск, 1962.

Хрэстаматыя 1990 — Вусная беларуская мова. Хрэстаматыя. Мінск, 1990.

Summary

The phonetic fund of the Belarusian Language as an optimum totality of speech patterns

The necessity of making the phonetic fund of Belarusian Language is considered in the article. Some materials of the Central Belarusian dialects phonetic system are analysed. Records and text of orall speech of informants from Borisov District (Minsk Region) have become the subject of the investigation.

Морфологические последствия некоторых фонетических явлений в польских периферийных говорах

В данной статье на материале польских говоров, традиционно называемых польскими восточными периферийными говорами, рассматриваются некоторые морфологические следствия фонетических процессов, как системных, так и не имеющих в настоящее время системного характера. Главным образом мы используем материал северо-восточной разновидности указанного диалектного континуума (говоры на территории Литвы и Белоруссии, относящиеся к виленскому и смолвенскому ареалам этой диалектной зоны) (Turska 1982).

Вначале мы остановимся на некоторых морфологических последствиях ряда системных фонетических особенностей (процессов), а затем приведем примеры морфологических результатов фонетических явлений, не имеющих в настоящее время системного характера, т. е. не являющихся актуальными и сохраняющимися только в определенных лексико-фонетических позициях.

Сразу отметим, что непоследовательный характер, вариативность того или иного фонетического явления должна, казалось бы, отражаться «вторичным светом» на морфологии, т. е. если тот или иной фонетический процесс характерен для части идиосистем, то, соответственно, только в этой части микросистем должно быть представлено и морфологическое следствие данного процесса. Однако диалектный материал показывает, что это утверждение не совсем верно.

Продemonстрируем наличие морфологического результата синхронного фонетического явления в редких микросистемах с отсутствием данного фонетического процесса на примере широко распространенного в трех ареалах восточных периферийных говоров (т. е. не только в виленском и смолвенском, но и в ковненском) произношения широкого *e* или *a* (*e^a*, *a*) на месте безударного *e* литературного польского языка (далее — ЛПЯ)¹ и в предударной позиции (I, II, III предударных слогах), и в заударной позиции (в том числе на конце слова): *postarínak* “posterunek”, *pśastémca* “przestępca”, *e^amarytúra* “emerytura”, *al'éktryka* “elektryka”, *z apatýtam* “z apetytem”, *nóžam* “nożem”, *p'íšét'e^a* “piszecie”. Расширенно подтверждается континуант общепольского *ę*: *vantróba* “wętroba” (литер. *wątroba*).²

¹ Учитывая историю возникновения данного диалектного массива, выделение ЛПЯ в качестве точки отсчета, «исходного» эталона вполне допустимо.

² С учетом обычного парокситонического характера ударения в анализируемых говорах мы в дальнейшем будем ставить ударение только в случаях нарушения парокситонезы.

При этом «аканье» на месте *e* ЛПЯ конкурирует в заударных слогах (особенно после *g, k, x*) с «иканьем»: *tvarog'im načyn'ic'* Видзы, 1991 г.; *požuč-k'im; vysok'i dževy; fšysyk'i meščyz'n'i* Майшегала, 1970 г. Ср. записи Г. Турской: *pjask'im syp'i; kožux'im* (Turska 1982: 70).

В некоторых (редких) микросистемах вообще отсутствуют как «аканье», так и «иканье». Ср. пример из Г. Турской: *pod gank'em* (Turska 1982: 70).

Тем не менее в таких двух морфологических позициях, как Вин. п. ед. ч. существительных ж. р. на *-a* (и местоимение *ta*) и 1 л. ед. ч. презенса глаголов, соответствующих глаголам I и II спряжений (или *e-* и *i-/y-*спряжений) ЛПЯ и в этих идиолектах, как и в большинстве микросистем с «аканьем», представлены омонимичные морфологические показатели *-a*. Примеры: *v'iza kub'eta* “widzę kobietę”; *n'osa* “niosę”; *p'eka na pl'ic'e^a* “piekę na plicie”; *vl'eja* “wleję”; *či ja rob'a; či ja n'e rob'a* “czy ja robię, czy ja nie robię”; *syp'a* “sypię”; *vl'eja l'itr i vloža tyx galoskuf* “wleję, włożę”; *ta voda zagotujš* “tę wodę”; *ido na tloka* “na tłokę”; *glova gdyžyš* “głowę”; *ugašča* Видзы, 1991 г.

Наличие этих омоморфем, происхождение которых, безусловно, связано с фонетическим системным явлением, стало системной морфологической чертой диалектного глагольного и субстантивного словоизменения. Об этом свидетельствует употребление форм с *-a* в 1 л. ед. ч. презенса (типа *moga, niosa, nabiora* и под.) и в Вин. п. ед. ч. существительных на *-a* писателями-кресовцами (уроженцами северо-восточных кресов) для передачи местной диалектной речи. Ср. у Т. Конвицкого в повести «Bohiń» кучер Константы говорит: «On Piłsudskich tych, co **ta maszyna** na parę aż z Warszawy sprowadzili».

Под влиянием показателя *-a* в Вин. п. ед. ч. существительного и в 1 л. ед. ч. презенса *-a* появляется и в Вин. п. ед. ч. прилагательного, определяющего субстантив в форме Вин. п. ед. ч. (а не только в адъективном местоимении *ta*): *ida f prava strona; v'iza mala z'eřcyna*.

Третья морфологическая позиция, где также частотна флексия *-a* (соотносящаяся с *-e* ЛПЯ) — это Им. п. мн. ч. прилагательных. Так, в говоре с. Майшегала (под Вильнюсом) с «иканьем» в этой позиции были зафиксированы единичные примеры, в основном, после заднебных: *fšysyk'i meščyzny; vysok'i dževy* (хотя отмечено и *nog'i i rency połamany*). Однако подавляющее число примеров представлено с показателями *-a*, в том числе и после заднебных: *sam'e^a čysta byl'i; šp'il'k'i ostrā; an'olk'i mala; pše^al'otna ptak'i; šin'a p'ury; žec'i rospusna; my tam m'ejscova; slaba głovy; stara l'už'i; naša tovary; połamana // połamany* (у одного и того же информанта), *kon'i v'el'k'a; jak'e^a fajna pol'ick'i; modl'itvy tak'e^a; v'el'k'a koły; doktorsk'e^a kury; rusk'e^a* (субстантиват) *хожи* и мн. др.

Нарушение фонетической закономерности, в соответствии с которой после *k, g, x* в заударных слогах фиксируется «иканье», широкая представленность здесь *-a* свидетельствует о том, что флексия *-a* становится более или менее системным показателем формы Им. п. мн. ч. адъективов.

Таким образом, как флексия, возникшая вследствие системного диалектного фонетического явления, может в процессе морфологизации утрачивать непосредственную связь с обусловившим ее возникновение фонетическим процессом (омоморфемы 1 л. ед. ч. презенса и Вин. п. ед. ч. существительных ж. р. *-a*, функционирующие в идиолектах со слабой степенью «аканья» или без такового вообще), так и морфологическая позиция, морфологическая категория могут в определенной степени обусловить направление фонетического процесса. Так, при наличии процессов «аканья» и «иканья» (на месте *e* ЛПЯ) никогда в Им. п. ед. ч. существительных мягкой разновидности ж. р. на *-a* и м. р. не отмечается «аканье» (*z'em'i*, а не **z'em'a*, *naša ojcy*, а не **ojca*), в то время как в Пр. п. ед. ч. обычно *-e^a/-a* (очень редко *-i/-y*): *vod'e^a* “w wodzie”, *v L'itv'e^a* “w Litwie” (литер. *na Litwie*), *v dom'e^a* “w domie” (литер. *w domu*), *na fabryce^a*, *na vojn'e^a* “na wojnie”; *f Pol'scy*, *f kalkoz'eⁱ*, *v Majśagal'i*.

Преимущественная фиксация в наречиях с безударным вокальным элементом, которому соответствует *e* в ЛПЯ, *a*-образного звука (*e^a, a, ə^a*) на фоне редких форм с *-y* (*dobży* “dobrze”) также свидетельствует о воздействии на направленность фонетического процесса морфологической категории: в наречиях обычен суффикс *-a* (наряду с *-u, -o > o^a//u*).

Примеры наречий: *peln'e^a*, *bestolkovn'e^a*, *fkruca*, *dobża*, *zafśa*, *zvykl'a*, *ščęs'liv'a*, *n'epšyjemn'e^a*, *ugul'n'e^a*, *strašn'e^a*, *xentn'e^a*, *na raz'e^a*, *fśenz'a* (формы зафиксированы у многих информантов в двух ареалах). Только с *-a* представлены неопределенные числительные: *il'a*, *tyl'a*, *v'el'a* “ile, tyle, wiele”.

Итак, если фонетическое явление может быть причиной возникновения той или иной морфологической особенности, то и, в свою очередь, морфологическая позиция может обусловить характер направления того или иного фонетического процесса, способствовать или препятствовать его проявлению.

Перечислим еще ряд последствий морфологического характера, обусловленных «аканьем» (широким произношением диалектного соответствия *e* ЛПЯ).

1) Наличие чередования *a ~ Ø* (ноль звука):

- а) в существительных с суффиксом *-ak* ($\leq ek$ ЛПЯ), *-ačak* ($\leq eczek$ ЛПЯ); наличие *-ak* поддерживается продуктивным суффиксом *-ak* нефонетического происхождения (*pros'ak*, *c'el'ak*): *ž'ec'onečak*, *skavronak*, *vozak*, *fiorak*, *pjontak*, *žaburak*, *šnurak*, *vureč^aak*, *kośc'olak*, *pśatačak* и т. д.;

- б) в парадигме существительных ж. р. на *-ka* при наличии в ней Род. п. мн. ч. с нулевой флексией (более частотным диалектным показателем является флексия *-of / -uf*): *curak – curka, kobylak – kobyłka, dużo bonak jest – bonk* “овод, слепень”, *skvare^ak – skvarka*; ограничения — позиция после *j* (ср. *Jedv’iga* “Jadwiga” и *jajik* “jajek”);
- в) в существительных на *-e^ac / ac* ($\leq ec$ ЛПЯ): *zvon’e^ac ~ zvon’ca*;
- г) в отдельных словах: *ščav^al’ “sczaw” ~ ščavl’i*;
- д) в формах претерита: *pšy^asat ~ pšy^ašl’i*;
- 2) Совпадение показателей мужского и женского рода в 1 и 2 л. ед. ч. прошедшего времени при употреблении показателей лица (для данных говоров в большей степени характерно отсутствие личных окончаний: *ja był, ja była, my był’i* и т. д.): м. р. и ж. р., 1 л. *-am*, 2 л. *-aš* (*byłam — 1 л. ед. ч. м. и ж. р.) byłaś — 2 л. ед. ч. м. и ж. р.; fstałam — 1 л. ед. ч. м. и ж. р., fstałaś — 2 л. ед. ч. м. и ж. р.*).
- 3) Повсеместно возвратная частица имеет вид *s’/a/s’a*. Только в 3 л. мн. ч. возвратных глаголов под влиянием *o* в глаголе в некоторых говорах появляется в возвратной частице *o* нефонетического происхождения (Пакульня под Видзами: *myjon s’o*; *o n* в глаголе см. ниже).
- 4) Расширяется число глаголов с морфологической моделью инфинитива на *-at’* (а также на *-it’* вследствие «иканья» и аналогического влияния морфонологической модели на *-ic’/-yc’*): *sły^asat’ “słyszec’” — v’iz’it’ “widzieć”*.
- 5) Возрастание числа фонетических вариантов морфологических показателей. Здесь мы как раз и имеем дело с презентацией на морфологическом уровне (в виде вариантов флексий) высокой степени диалектной фонетической вариантности.

Например: в Тв. п. ед. ч. сущ. м. р. *-e^am*, *-am// -im*, *-ym* (в большей степени после задненебных, но не только: *nožam//nožym*). Однако формы с ударным окончанием свидетельствуют о том, что основным видом флексии (морфом) является *-em*.

Варианты флексии *-aj/-ij/-yj* представлены также в Дат. п. – Род. п. – Пр. п. адъективов ж. р. (*choz’iłam do ruskaj školy; z żytn’e^aj moŋk’i; s c’enk’ij* – Видзы, 1991 г.).

Второе системное явление в области безударного вокализма, характерное для северо-восточной разновидности периферийного польского диалекта, — это «уканье»: произношение в предударных и заударных слогах (особенно явственно после губных и задненебных) *-o^u / -u* в качестве соответствия **o** ЛПЯ: *pumożym “pomożym”* (литер. *pomożemy*), *v’ezu “wiedzą”* и т. д.

Вследствие «уканья» (которому подвергается и континуант общепольского носового заднего ряда) в 3 л. мн. ч. презенса представлены показатели *o^u / u*

(наряду с вариантом *-o*): *čytaju, nošu/nošo, čytajo*. Наличие в глаголах типа *spać, tarć, darć* (литер. *trzeć, drzeć*) с односложными презентными формами 1 л. ед. ч., 2 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в форме 3 л. мн. ч. ударного *o* (*tšo, džo, sp'o*) показывает, что основным видом презентной флексии 3 л. мн. ч. является *-o*, а *o^u*, *u* — это лишь ее фонетические варианты.

Такой же основной вариант представлен в Тв. п. ед. ч. существительных и адъективов ж. р. (ср.: *z bapc'o//matku, z moju bapc'o*, но *s to mšo, z n'o* “*znia*”).

Таким образом, «уканье» приводит лишь к увеличению числа фонетических вариантов морфа (подобно результатам «аканья» и «иканья» в Тв. п. ед. ч. существительных м. р. или Дат. п. — Род. п. — Пр. п. прилагательных ж. р.)

В-третьих, остановимся на одном интересном явлении из области глагольного словоизменения, связанном с континуацией носовых гласных. Общеизвестно, что носовых фонем в восточных периферийных польских говорах нет, поскольку они не фиксируются в позиции конца слова. Это не означает, что в середине слова на месте общепольских носовых произносятся чистые гласные. Здесь произносятся бифонемные сочетания *on; om; en; em* и т. д. (*koni* “*kąć*”, *demp* “*dać*”, *zemby* “*zęby*” и т. п.). Перед фрикативными (далее обозначаем их знаком *S*) также произносятся *en* и *on* (*gonska* “*gąska*”, *gen's* “*geś*”); а иногда вокальный элемент даже слабо назализируется (*gõnska, gẽn's*). Любопытно, что в 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. презенса возвратных глаголов перед *śa* / *s'a* (начинающимися также с фрикативного) на месте генетического носового произносятся сочетания «гласный + носовой согласный» (т. е. аналогичные сочетанию континуанта носового перед *S* в середине слова). В отличие от произношения типа *gonska* в 1 л. ед. ч. презенса возвратных глаголов перед *s'* (*ś*) представлен не зубной, а губной носовой согласный (возможно, под влиянием *m* в 1 л. мн. ч. или форм *am*-спряжения типа *čytam*), т. е. на образовании презентной парадигмы возвратных глаголов повлияло переплетение фонетических и аналогических факторов.

Таким образом, парадигма настоящего времени рефлексивных глаголов выглядит следующим образом: 1 л. ед. ч. *bojam s'a*; 2–3 л. ед. ч. *boji s'a*, 1 л. мн. ч. *bojim s'a*, 2 л. мн. ч. *bojit'i s'a*, 3 л. мн. ч. *bojon s'a*.

В говорах окрестностей с. Видзы в 3 л. мн. ч. фиксируется не *s'a*, а *s'o* (*bojon s'o*), под влиянием *o* в глагольной флексии. Подобные формы 1 л. ед. ч. на *-m* отмечают как исследователи польских периферийных говоров (*bojem s'a* — Turska 1982: 72), так и писатели-кресовцы (*bojam się* у М. Ваньковича в повести “*Szczenięce lata*”). Рефлексивы с *s'o* приводит Г. Турская, указывая на то, что подобная тенденция к обобщению вокалического элемента в воз-

вратной частице и глагольной флексии известна также белорусским говорам (Turska 1982: 72).

В-четвертых, вследствие смешения *v* и *u* (под влиянием белорусского языка) в данных говорах у предлога и префикса *v* “w” появляется вариант *u*: *usyp* ‘a “wsypia”, *uzlaz* ‘ic “włazić” (литер. *włazić*) (*tak n’e uzl’ez’i*), *u l’utym* “w lutym”, *u Łatv’iji żyła pšy Pol’sšca* “w Łatwii” (литер. *na Łotwie*), *u pośolku* “w posiołku”, *u m’edn’ičku* “miedniczku”.

Вследствие ассимиляций типа *targowal’i žepkam’i* “z jabłkami” появляется палатализованный фонетический вариант префикса *z*.

На фоне обычного парокситонического характера ударения в исследуемых говорах представлены также примеры с окситонезой, имеющей морфологизированный или лексикализированный характер. Так, окситоническое ударение фиксируется, как правило, во 2 л. ед. ч. императива, в сравнительной степени наречия и (реже) в претеритальных формах м. р.

Примеры:

- а) императив: *vuxóc’*, *mn’e vytlumáč*, *n’e xóc’*, *nadybáj mn’e*, *puv’éc’*, *zan’és*, *patšáj*, *čytáj*, *zdexn’ij* и др.;
- б) компаратив: *čyšc’ěj*, *šupčėj* и т. д.;
- в) претерит м. р.: *pšyv’ós*, *pšyn’ós*, *znal’ás*.

В заключение остановимся на двух примерах морфологических результатов фонетических явлений, не имеющих в настоящее время системного характера, не являющихся актуальными и сохраняющимися только в определенных лексико-фонетических позициях.

1) Как пишет Г. Турская (Turska 1982), для начального этапа формирования периферийного северо-восточного диалекта на литовском субстрате характерно смешение *i* и *u* (следствие отсутствия в литовском звука *y*). Возможно, что смешение *i* и *u* связано также с воздействием северо-мазовецких говоров, для которых характерно совпадение *i* и *u* в одном звуке. Во всяком случае в настоящее время только в сочетании с *r* в отдельных словах (*riba*, реже *gry’ka*), а иногда после *šč* можно услышать старое *i* < *y*.

В морфологии же в качестве следствия прежнего смешения *i* и *u* закрепились в качестве системной в глаголах *am*- и *em*-спряжений флексия 1 л. мн. ч. презенса *-m’i*: *xcem’i*, *gadam’i*. Того же происхождения гиперкорректная sporadически фиксируемая субстантивная флексия Тв. п. мн. ч. *-my* (*nogamy*, *renkamy*).

2) Вследствие сложных соотношений — отсутствия результатов заместительной долготы в большинстве слов (*nok* — литер. *nóg*; *dvor* — литер. *dwór*), а с другой стороны, наличие *u* < *o* в словах типа *młutšy* “młodszy”, *zdrufšy*

“zdrowszy”, *cus*’ “coś”, *ktus*’ “ktoś” — в северо-восточном подтипе “польщизны кресовой” представлены:

- а) Вариантность вокалического элемента в субстантивной флексии Род. п. мн. ч. *-of* // *-uf* (*mal’inoŋ, kopytoŋ* // *mal’inuŋ, kopytuŋ*); чаще фиксируется окончание *-of*.
- б) Отсутствие морфологического чередования в словоизменной парадигме лексем м. р. типа *noś – noża* (литер. *nóż – noża*), *dvor – dvora* (литер. *dwór – dworu*), *stoł – stola* (литер. *stół – stołu*) и т. п. и ж. р. типа *sol’ – sol’i* (литер. *sól – soli*); при этом вариантность на фонетическом уровне (поскольку возможны и более редкие формы с *u* — *dvur, stuł*) обуславливает и вариантность на морфонологическом уровне.
- в) Представленность чередования *o – u* при образовании некоторых форм сравнительной степени прилагательных: *zdrowy → zdruŋsy* (литер. *zdrowszy*), *młody → młutŋy* (литер. *młodszy*).

Аналогичная ситуация с чередованиями (только другими) представлена в юго-восточной разновидности периферийных польских говоров. Под влиянием украинского языка (а в части говоров не без воздействия и малопольского диалекта) фиксируются следующие варианты: *xl’iv; xl’ip* (с *i < o*) ~ *xl’eva; xl’eba* (чередование); *xl’iv – xl’iva* (отсутствие чередования); *xl’ev – xl’eva* (отсутствие чередования). То же в формах инфинитива. В отличие от северо-восточного подтипа в юго-восточной разновидности польских периферийных говоров представлено чередование *u – o* в типе *dvur – dvoru* (аналогично ЛПЯ).

- г) Отсутствие морфонологического чередования *o – u* при окситонезе в формах 2 л. ед. ч. императива *pułóŋ – литер. polóŋ; pumóŋ – литер. pomóŋ*.

Поскольку мы считаем, что отсутствие категории среднего рода в исследуемых говорах не связано с их фонетическими особенностями, эта проблема здесь не затрагивается. Подробнее о причинах отсутствия категории среднего рода в «литовской» разновидности «польщизны кресовой» см. (Ананьева 2008: 15–17).

Подведем некоторые итоги:

1. Системная морфологическая особенность может быть следствием как актуально действующего системного фонетического процесса, так и результатом фонетического явления, утратившего системный характер.
2. Морфологическая позиция, процессы взаимодействия и взаимовлияния между парадигматическими классами слов могут «скорректировать» направление фонетического процесса и даже элиминировать его проявление (ср.

функционирование в северо-восточном подтипе единого типа спряжения, соответствующего *-e-* и *-i/-y-* спряжениям ЛПЯ, с флексиями 2 л. ед. ч. *-iš / -uš*, 3 л. ед. ч. *-i / -y*, 1 л. мн. ч. *-im / -ym*, т. е. при 1 л. ед. ч. *n'osa – n'es'iš, n'es'i, n'es'im*, а не **n'es'aš, *n'es'a, *n'es'am* вследствие аналогического воздействия окончаний парадигматических классов типа *xod'it', patšyt'*).

3. Обычным следствием того или иного фонетического процесса является увеличение числа фонетических репрезентантов того или иного морфа (ср. результаты «уканья» в анализируемых говорах).

4. Релевантной для морфологического уровня является возможность возникновения вследствие реализации той или иной фонетической закономерности большого числа омонимичных флексий (омоморфов, омофлексий). Например, в результате «аканья» на месте общепольского *e* увеличивается число омофлексий *-a* как в пределах одного и того же парадигматического класса (глагола, существительных, прилагательных), так и в рамках всей словоизменительной системы (всей совокупности именных и глагольных показателей).

Литература

- Ананьева 2008 — Ананьева Н. Е. К типологии славянских периферийных диалектов, межславянских и славяно-иноязычных контактов (на материале некоторых западнославянских и южнославянских языков) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 октября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008. С. 7–27.
- Turska 1982 — Turska H. O powstaniu polskich obszarów językowych na Wileńszczyźnie // Studia nad polszczyzną kresową. T. I. Wrocław i in., 1982. S. 19–121.

Summary

The morphological features as a result of some phonetic processes in peripheral Polish dialects

The article is devoted to some morphological peculiarities of the North-Eastern subtype of peripheral Polish dialects which appeared as a result of different phonetic processes. The author tried to differ and compare the morphological results of the synchronic phonetic processes and the morphological results of the phonetic features which are not actual.

Основные фонетические процессы в современных переселенческих лемковских говорах в Польше и на Украине

После Второй мировой войны украинское население восточной Польши (жители Лемковщины, Холмщины, Надсанья, Подляшья) подверглось принудительным массовым переселениям в различные регионы Польши и Советской Украины. Долгое время языковые изменения в говорах переселенцев оставались вне поля зрения ученых, во многом из-за существовавшего в советское время негласного запрета на их изучение. Сегодня исследование современного состояния переселенческих говоров является одной из актуальных задач украинской диалектологии. В настоящей статье в сопоставительном аспекте рассматриваются основные фонетические процессы в современных лемковских говорах в Польше и на Украине.

Лемковские говоры — самые западные украинские говоры — относятся к карпатской подгруппе юго-западного наречия украинского языка. До 1945–47 гг. их носители (лемки) проживали в Карпатах на границе между Польшей и Словакией. В 1945–46 гг. большинство лемков принудительно вывезли на территорию Советской Украины, оставшихся же переселили в 1947 г. на западные и северные земли Польши, полученные от Германии. Таким образом, единая группа лемковских говоров распалась.

После переселения лемковские говоры оказались в новом для себя языковом окружении (Алексеева 2008). Лемковские говоры на Украине оказались отрезанными от контактов с польским языком, при этом усилилось влияние украинского литературного и разговорного языка. Кроме того, важную роль в их дальнейшем развитии стал играть русский язык. Лемковские говоры в Польше испытывают сильнейшее влияние польского языка, которое проявляется практически на всех языковых уровнях, в том числе фонетическом.

* * *

В настоящей статье анализируются те фонетические черты, развитие которых под влиянием контактирующих языков осуществляется по-разному в переселенческих говорах в Польше и на Украине, что приводит к расхождению двух «ветвей» современного лемковского диалекта. Материалом послужили записи, сделанные во время диалектологических экспедиций в Польше и на Украине в 2005–2006 гг.

Типы интерференции в лемковских говорах

Языковая интерференция со стороны контактирующих языков, в том числе фонетическая, проявляется в лемковских говорах по-разному. Влияние контактирующего языка может быть *поддерживающим* или *нивелирующим* (нейтрализующим). При поддерживающем влиянии сохраняются те лемковские элементы, которые в равной степени присущи контактирующему языку¹. Нивелирующее влияние проявляется: а) в прямом переносе отдельных иноязычных элементов или фонетических правил из языка-источника; б) постепенном исчезновении в говоре элементов или явлений, неизвестных доминирующему языку; в) при наличии в лемковских говорах конкурирующих тенденций или явлений, в развитии тех из них, которые объединяют лемковские говоры с контактирующим языком, и подавлении тех, которые контактирующему языку чужды.

Фонетическая интерференция со стороны польского языка в лемковских говорах на территории Польши

А. Поддерживающее влияние польского языка:

– *сохранение парокситонического ударения*. Лемковские говоры — это единственные говоры украинского языка с парокситоническим ударением — ударением, фиксированном на предпоследнем слоге. В современных лемковских говорах на территории Польши парокситоническое ударение последовательно сохраняется. Этому, несомненно, способствуют постоянные контакты с доминирующим польским языком, в котором ударение также фиксировано на втором слоге от конца слова. Парокситоническое ударение характеризует речь представителей как старшего, так и младшего поколения, вне зависимости от типа ситуации функционирования говора (село/город, компактное/некомпактное проживание). Ср.: *beśidúvaŭ, brytkóho, doučyŭ ša, dru-hóho, fčéra, ide doróhom, naródyŭ s'a, obyčajóvym, ohran'ičýl'i, pjaděšat, polemk'ifsky, s'a skládat, s'a utrymujéme, s tymy zeml'ámy, vyžénut, v zošýtax*;

– *сохранение согласных ś, ź, ć*. До переселения среднеязычные палатальные согласные [ś], [ź], [ć] в соответствии с переднеязычными палатализованными согласными [s'], [z'], [c'] были распространены на территории практически всей Лемковщины. В современных лемковских говорах на территории Польши среднеязычные палатальные согласные сохраняются вне зависимо-

¹ А. Зелинская называет это стимуляцией-поддержкой («*stymulacja-wspieranie*») общих для двух языков явлений (Zielińska 1996: 109).

сти от возраста носителей и типа ситуации функционирования говора. Ср.: *bešiduju, dšat, fšady, jalýci, jél'ci, krášn'i, kúšćok, kustrýća, pereselén'ća, sérća, šv'itovym, v Berěšci, v obóži, vóžme, žíl'a, žl'i*;

– **сохранение билабиального $\mu < *l$** . Губно-губной звук $[\mu]$ на месте твердого переднеязычного $*l$ перед гласными непереднего ряда $[a]$, $[o]$, $[\mu]$, $[\gamma]$ звучал в большинстве центральных и западных лемковских говоров до переселения. Сохранению $[\mu]$ в современных лемковских говорах в Польше способствуют контакты с польским языком, в котором звук $[\mu]$ также имеется. Ср.: *uopáta, hauišky, kudúaty, mácy, moćódych, naprykúat, okróhcy, orécy, pékcy, pov'idácy, pozarostácy, v hoćón'i, vuroćokáty, vyšyvácy, škócy, škócy, hoćón'i*. Наличие этого фонетического сходства облегчает заимствование новых полонизмов с $[\mu]$: *powácy, do uiška, żyvócyot*.

У большинства носителей диалекта отмечается параллельное употребление в речи билабиального $[\mu]$ и веларизованного $[ɣ]$, что описывал З. Штибер еще на материале предвоенных говоров (Stieber 1982: 84–87). Можно говорить о тенденции к распределению этих звуков по определенным позициям. Так, перед гласными $[o]$, $[a]$ билабиальный $[\mu]$ выступает регулярно, в то время как перед гласным $[\gamma]$ этот звук встречается довольно редко.

В отдельных новых полонизмах билабиальный $[\mu]$ встречается перед гласным $[e]$, что нехарактерно для лемковской фонетики: *zue, š:ádye, cáye*. Наличие $[\mu]$ в этой позиции свидетельствует об отсутствии фонетической адаптации заимствованного слова.

Б. Нивелирующее влияние польского языка:

– **прогрессивное оглушение согласного v** в позиции после глухого согласного — перенос правил звукового взаимодействия из польского языка в лемковские говоры. До переселения такой тип оглушения был не свойствен лемковским говорам. Сегодня польское фонетическое правило может распространяться на исконные лемковские слова и давние заимствования. Ср.: *baćf'in'sko-rusyn'sk'ij; oftoréno; pośf'áty; stforéno; šfit*;

– **нарушения правил дистрибуции гласных верхнего подъема i – y – $ы$** . Большинству лемковских говоров до переселения была свойственна трехчленная оппозиция гласных верхнего (верхне-среднего) подъема²: $[i]$ переднего ряда — $[\gamma]$ среднего (средне-переднего) ряда — $[\mu]$ заднего (средне-заднего) ряда. Гласный $[i]$ мог выступать на месте $*ě$ (со смягчением предшествующего согласного), на месте $*o$ и $*e$ в новых закрытых слогах, а также в ряде западнолемковских говоров на месте $*i$ (без смягчения предшествую-

² Представленная в говорах в нескольких модификациях (Stieber 1974).

щего согласного). В большинстве говоров на месте **i* после согласных звучал гласный [y], однако в позиции после шипящих [š], [ž], [č] он переходил, как правило, в гласный заднего ряда [ɨ]. На месте **у* на территории практически всей Лемковщины звучал [ɨ] (после шипящих [š], [ž], [č], заднеязычных [k], [x], [h], [g], а также после губных и переднеязычных зубных согласных). В современных лемковских говорах на территории Польши все три гласных в целом сохраняются: *jaŕyry*, *korováty*, *perestudžyn'a*, *prawdźiwky*, *pyróhy*, *rodŭcy*, *tepérky*, *tróty*, *vérxy*. Однако достаточно часто на месте [ɨ] находим гласный [y]. Вероятно, это вызвано влиянием польского языка, не знающего трехчленной оппозиции гласных верхнего подъема. На это указывает тот факт, что [y] на месте [ɨ] (прежде всего после губных и переднеязычных согласных) чаще встречается в речи городских лемков, более подверженной польскому влиянию, и в первую очередь у молодых носителей. В новых заимствованиях из польского языка гласный [y] чаще звучит после губных, переднеязычных и, реже, после заднеязычных и шипящих. Ср.: *do-róhy*, *drúhy*, *fčyw*, *gazéty*, *gural'ámy*, *hnobyly*, *hóry*, *hryby*, *kabáty*, *kózy*, *kýjok*, *lemkámy-rusynámy*, *my*, *názvy*, *poéty*, *potréby*, *smykáty*, *spidnýčky*, *syr*, *uc'ámy*, *xudóby*, *zavózy*, *štyr'i*, *vérxy*.

Случаи перехода [ɨ] в [y] описывал еще З. Штибер, что говорит о том, что этот процесс имел место уже до переселения (Stieber 1982: 31). Усиление влияния польского языка может привести к развитию наметившейся тенденции и нейтрализации трехчленной оппозиции гласных с превращением ее в бинарную.

Фонетическая интерференция украинского и русского языка в лемковских говорах на Украине

Лемковские говоры на Украине испытывают интерференцию со стороны украинского языка и его говоров, а также русского языка. Влияние литературного (и разговорного) украинского языка, а также русского языка на лемковские говоры в большинстве случаев направлено на стирание различий между контактирующими языками, в то время как влияние поднестровских говоров в ряде случаев способствует сохранению лемковских фонетических особенностей.

А. Нивелирующее влияние украинского и русского языков:

– *расшатывание акцентуационной нормы*. Под влиянием украинского и русского языков все большее распространение получает непарокситоническое ударение. Степень проявления этой тенденции во многом зависит от возраста носителей и условий функционирования говора. Парокситон более

последовательно сохраняется у лемков старшего возраста, компактно проживающих в селах, особенно у тех, кто не выезжал надолго из села. Ср.: *b'ida vél'ka, do séya, do Xarkóva, fšýtko óno propáde, horóbci, kapýtan, mob'il'izuvá-ny, na kón'a, na pléčax zanésly, na práv'ij rúcy, názađ, nýjak, pereselenčóho, prý-jšow hnóčy, pryjixády, s trýcet pjatóho³ róku, tovarn'ákax, traktórom kós'tat, vitpravýly, višn'óho k'inc'a, zax'idn'ij, žarýly, móho táta sestra*.

Однако в речи лемков старшего возраста достаточно часты формы с ударением не на втором с конца слоге во многом под влиянием украинских СМН, а также украинизированной речи детей. Ср.: *čolov'ik, devjátóho, d'icý-yna, johó, kolýs', nazáđ, tepér, jixaly, lémkifska, nakrúčuvaly, pereskákuvaly, pojixaly, po-nášomu, tudá, po-lémk'ivsky, s'udá, taká, týs'aču, ukráinc'i, ukráínskoj, v'ijný, výrosly*.

У среднего поколения сельских жителей формы с непарокситоническим ударением фиксируются чаще, у младшего поколения нефиксированное ударение решительно преобладает.

В речи лемков, проживающих в городских условиях, форм с непарокситоническим ударением существенно больше, в их речи заимствования из украинского языка реже поддаются адаптации.

Расшатывание акцентуационной нормы приводит к появлению в идиолектах акцентуационных вариантов: *k'in'cý – k'inc'i, vovký – vóvky, seló – sélo, l'isový – l'isóvy, na záxod'i – na zaxód'i, zapýsano – zapysáno, výdana – vydána, v'ijná – v'ijna*. В таких парах формы с непарокситоническим ударением можно трактовать по-разному: как формы неадаптированных заимствований из украинского языка, как проявление расшатывания диалектной акцентуационной нормы под влиянием украинского языка⁴ или же как наложение украинской и лемковской форм.

– **нарушение дистрибуции гласных верхнего подъема *i – y – ы***. Украинскому литературному языку и большинству его говоров не свойственна трехчленная оппозиция гласных верхнего подъема. Гласные **i* и **y* слились в нем в одном звуке [y]. Под влиянием украинского языка у лемков-переселенцев звук [y] все чаще появляется на месте [ы] (после губных и переднеязычных, реже после шипящих и заднеязычных согласных).

В речи информантов старшего поколения, компактно проживающих в сельской местности, звук [ы] реализуется более регулярно. Ср.: *báby, barsú-*

³ Числительные почти у всех носителей произносятся, как правило, с украинским ударением.

⁴ Лемки сами обращают на это внимание: *kolysy kazalu ne v Améryku, a v Amerýku, Hamerýku* 'когда-то говорили не в Амэрику, а в Америку'.

кы, bor'іukы, čыraj, fšыtkы, hnóчы, hrúбы, jafыrkы, jahóды, klúмбы, kuščы́, lamánчык, láхы, M'ылык, peróхы, prožы́ly, samы́ma, stakánчык, сыр, téркы, truskávкы, večы́ркы, vночы́, v Pól'šчы, vы́hl'at, хаты, хы́žы, z hóры, zo solóмы, зы́mu, žы́to, žv'ыры. Однако замещение гласного заднего ряда [ы] гласным [у] в указанных позициях встречается и у них. Ср.: z hóры, býly, čы́ston'ko, fšáды, mýky, peróху, pol'áky, sm'ы́ŋka.

Колебания [ы]/[у] прослеживаются у представителей среднего и младшего поколений (примеры из одного идиолекта): *deportoványы, knы́ška, lemčы́ха, Lemkivščы́n'i, lémкы, róкы, pol'áкы, хаты, жы́ly*, но: *býla, do хаты, knы́šku, M'ылык, my, s'a lyšы́la, soterы́ny, жы́jut*.

Сильнее тенденция к сокращению позиций гласного [ы] проявляется в речи городских жителей. Чаше звук [ы] сохраняется после заднеязычных и шипящих, реже после губных и переднеязычных. Ср.: *bat'кы́, jáкы, lémкы, ты, paпcáкы, r'áкы, сыр, stéры, vónкы, zeml'áŋкы, жы́ly*, но: *buráкы, drováмы, holóвы, Lemk'ivš'ыny, lémкы, my, umóвы, vovкы́, хаты, жы́t'a; do taks'ivкы, pa-l'ы́кы, po-n'eméчкы, po-aŋg'él'sкы, хы́rbet*, но: *automáты, bandы́ркы, čы́sl'i, do-жы́ly, hrabúнкы, hróшы, hrýбы, kapúсты, peróху, po-lemk'ivsky, pojы́zdy, pol'akáмы, puharýкы, шы́tkы, val'ы́zy, хы́rbet*.

Таким образом, расшатывание диалектной нормы приводит к развитию фонетической вариативности, т. е. в речи одного носителя в одной и той же позиции встречаются оба конкурирующих звука;

– **изменение среднеязычных палатальных согласных в мягкие переднеязычные** под влиянием украинского литературного (и русского) языка. В говорах лемков-переселенцев на Украине судьба среднеязычных палатальных согласных во многом зависела от ситуации функционирования и языкового окружения. В городских условиях под нейтрализующим влиянием украинского литературного языка наблюдается тенденция к постепенной замене среднеязычных палатальных согласных мягкими переднеязычными. Так, в речи лемков, живущих во Львове и его окрестностях, формы с согласными [s'], [z'] и [c'] преобладают: *bešы́duváты, Bóže Šv'áтыj, vžáты*, но: *fš'i, fš'o, hán'-byš' s'a, kolýs', ne pryznáјut s'a, ob'ic'áлы, pobes'idу́јеме, pos'idы́ly, róc'i, v zeml'án'c'i, z'ыbráлы, z'ыly; čívóho, désat, na šk'ipku, šылы, šым, šp'iváŋкы, šv'áta, šv'ítu*, но: *Dz'áma, f potóc'i, fš'áды, fš'im, hóc'i, jáјc'a, koc'úba, r'ыžnyč'i, sxodы́те s'a, vz'áты*. В целом значительно лучше сохраняется согласный [š], в то время как [ž] и [č] звучат в единичных случаях, даже у информантов с хорошей сохранностью говора.

С палатальными согласными связано одно заслуживающее внимания наблюдение. В речи некоторых информантов среднеязычный [ž] практически

не фиксируется, [é] — встречается в единичных случаях. При этом среднеязычный [š] последовательно сохраняется в ограниченном наборе лексем, т. е. происходит лексикализация этой фонетической черты: *bešida, bešiduváty, dešát, devjadtěšát, ščěšća* в устойчивой формуле — «*na ščěšća, na zdoróvl'a, na tot Nóvyj r'ik*». Большинство этих слов воспринимается лемками как ключевые, «типично лемковские» слова, своего рода лексические опознавательные знаки принадлежности к лемковской этнической группе. Так, обращает на себя внимание то, что слова *bešiduváty, bešida* ‘говорить’, ‘язык’ употребляются почти всегда с дорсальным согласным: *rozum'ila bešidu lemk'ivsku, bešiduje na svóij bešid'i po-pól'sky, po-lemk'ifsky to kažéme, bešidujeme; ja z n'ima maŭ táku možl'ýv'ist bešiduváty; ne mály práva náv'it' bešiduváty; d'ivčatýska ne bešiduvály; ja inákšoj bešidy né čuw; ne peredály lemk'ifskoj bešidy, ros'ijsk'ij bešid'i, t'ícko na moskál'sk'ij bešid'i*. Можно предположить, что в данном случае среднеязычные палатальные звуки приобретают дополнительные «смыслы», становятся своего рода фонетическими маркерами «лемковскости»;

– **преобладание переднеязычного / над неслоговым ɟ (<*l)**. В лемковских говорах на Украине прослеживается тенденция к замене неслогового [ɟ] переднеязычным [l] в позиции перед гласными непятого ряда [a], [o], [y], [u] в соответствии с нормой украинского литературного языка⁵.

У представителей среднего и младшего поколения сельских жителей доминирует переднеязычный [l]. При этом в позиции перед [y] этот звук уже практически не встречается. Пр.: *stáŭo ša*, но: *býla, čytála, máslo, p'išly, plakála, platýly, sxovála; býŭo, zm'isáŭo*, но: *býla, býlo, holová, išly, nahólos, nášly, po-slovácky, sélo, slovák'iw, škóly*.

В речи городских жителей украинский [l] доминирует, губно-губной звук встречается в целом реже (в основном перед гласными [o], [a]). Ср.: *býŭo, žýŭa*, но: *býlo, holóŭy, kólo, plakála, povysel'ály, roskazovála; býŭy, išŭo, jixŭa, ɟyškáty, moŭódyx, nemáŭo, od Jásŭa, pryjixáŭa, veséŭo, zabavl'áŭa*, но: *býly, jyšly, hmérła, kázála, mála, mály, pékly, pov'idály, sv'atkuvály*;

Б. Поддерживающее влияние поднепровских говоров украинского языка, способствующее сохранению фонетических особенностей лемковских говоров:

– **сохранение среднеязычных палатальных согласных š, ž, č**. Среднеязычные палатальные согласные значительно лучше сохраняются в тех лем-

⁵ Как уже отмечалось, в лемковских говорах в Польше билабиальный [ɟ] также конкурирует с [l] (веляризованным), но в большинстве говоров [ɟ] является более частотным аллофоном.

ковских говорах, которые оказались в окружении украинских поднестровских говоров на территории Львовской, Тернопольской, Ивано-Франковской областей. Еще в середине XX в. в поднестровских говорах были также повсеместно распространены согласные [ś], [ž], [ć] на месте [s'], [z'], [c'] (Бевзенко 1980: 210; Dejna 1957: 59–60), хотя сегодня среднеязычные палатальные свойственны в основном речи старшего поколения носителей поднестровских говоров. Это способствовало сохранению дорсальных и в переселенческих лемковских говорах, функционирующих в сельской местности. Более последовательно дорсальные согласные слышны в речи старших лемков, хотя наряду с ними звучат мягкие свистящие. Ср.: *bóju śa, fśo, śidyť, stáne śa, suśid'iu, źjid'at*, но: *knýśc'i, ukráinc'i, prysnýła s'a, šějs'at; śim m'isác'iu, vértat śa, vzaų, no: c'iuu, kaplic'u, prysnýło s'a, vz'áty; ćilyj, fśix, na rázi, našikly, p'ivnýća, po dorózi, śa ne podivila, śin'i, vžáły, zvála m śa*, но: *černýc'i, fs'o, s'a podyvity, sp'idnýc'i, s'váta; kúśćok, zv'iduje śa; ja śa ne krempúju, l'isnýčyj, pójaši, ruśiny, śim*, но: *fs'i, hranýc'a, m'is'c'i, s'a pokoxáły, r'iznýc'i, vs'il'áky; do śv'íta, fśády, fśákы, holóvci, košť'umy, ośv'ity, po morózi, piśl'a, pyvnyća, ne r'izáły śa, śimji, śp'iváju, śviže, veśil'a, vžáty*, но: *čas'i, nev'is'c'i, s'a zabývvat, s'udá, vz'áły, zustríla s'a*.

У среднего и молодого поколения мягкие [s'], [z'], [c'] доминируют. У некоторых носителей переднеязычные палатальные согласные преобладают при более беглой речи, в то время как при старательном произношении среднеязычные сохраняются более последовательно.

В целом наиболее последовательно сохраняется согласный [ś], в то время как согласные [ž], [ć] активно вытесняются мягкими [z'], [c'];

– **более регулярное сохранение неслогового ц.** У старшего поколения носителей лемковских говоров, компактно проживающих в селах, также возможны колебания [ɥ]/[l], но звук [ɥ] преобладает, особенно перед гласными [o] и [a]. Этому, безусловно, способствовало соседство с поднестровскими говорами, многим из которых также известен переход *l > ɥ* (Djna 1957: 74–78). Ср.: *bbyco, koųotněća, moųódy, puač, pitpaųty, pojixáća, poskuádaų, skočýća, xųor, zarob'iuam*, но: *bbyła, bbyło, čolón'ik, jizdýła, plakáły, pomérła, slotvínka, zatrymála s'a; býco, c'iuu, jáśća, séća*, но: *dála, móhla, prysnýło s'a, xt'íla; býco, jýdco, kóųo, kuųbu, kuųp, másco, moųóda, ne dúųo, p'íšća, skśisųo, soųonýny, xųórc'iu*, но: *bbyło, Holóvač, jábluk, nakláły, solótom, zvála m śa; býća, dáća, jábųok, škóća, sųovákamy, vųádom, xųórc'i*, но: *býła, jáblok, kláły, málo, robýła, rodýło*.

Таблица⁶

Явление	Лемковские говоры в Польше (влияние польского языка)	Лемковские говоры на Украине	
		Влияние литературного украинского и русского языка	Влияние поднестровских говоров
Парокситоническое ударение	+	—	—
Среднеязычные палатальные согласные	+	—	+/-
Неслоговой <i>ц</i>	+	—	+/-
Трехчленная оппозиция <i>i—y—yi</i>	—	—	—

Таким образом, фонетические процессы в современных переселенческих лемковских говорах в Польше и на Украине во многом обусловлены влиянием контактирующих языков. Фонетическая интерференция со стороны польского и украинского языков может как способствовать сохранению специфических лемковских особенностей, так и приводить к их вытеснению. Рассмотренные фонетические черты показывают, что тенденции в их развитии различают современные переселенческие говоры в Польше и на Украине и что в будущем можно ожидать дальнейшего расхождения этих двух «ветвей» лемковского диалекта. Причем если влияние польского языка отчасти способствует сохранению наиболее ярких лемковских черт, то влияние украинского литературного стандарта и разговорного языка ведет к стиранию лемковской диалектной специфики.

Литература

- Алексеева 2008 — Алексеева М. Лемковские говоры в контактах с другими славянскими языками // Исследования по славянской диалектологии. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта. М., 2008. С.44–57.
- Бевзенко 1980 — Бевзенко С. П. Українська діалектологія. Киев, 1980.
- Dejna 1957 — Dejna K. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.
- Stieber 1974 — Stieber Z. Systemy wokaliczne dawniej Łemkowszczyzny // Świat językowy Słowian. Warszawa, 1974. S. 464–468.

⁶ Поддерживающее влияние +, нивелирующее влияние —.

Stieber 1982 — *Stieber Z.* Dialekt Łemków. Fonetyka i fonologia. Wrocław, 1982.

Zielińska 1996 — *Zielińska A.* Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Warszawa, 1996.

Summary

Modern phonetic processes in resettled Lemko dialects in Poland and Ukraine

The article describes the changes in the phonetic system of modern Lemko dialects caused by the influence of dominating Polish, Ukrainian and Russian languages. The comparative aspect helps to demonstrate the growing differences between two “branches” of the Lemko dialect.

Орфография и фонетика Строевского списка Псковской летописи

В настоящей работе рассматриваются некоторые особенности орфографии и фонетики основного почерка Псковской летописи по Строевскому списку (так наз. Псковская третья летопись, далее ПТЛ)¹. Этот список датируется серединой XVI в.; самая объемная часть памятника — погодные записи, относящиеся к XV в. Известно, что по крайней мере в некоторых отношениях Строевский список отражает яркие особенности не книжного псковского диалектного языка (см. Каринский 1909²; Зализняк 2004: 119, 194; Николаев 2005; Шевелева 2006).

1. Орфография

1.1. Членение текста (конец строки, пробелы, пунктуация)

Строки оканчиваются на гласные (в конце или в середине словоформы (*потроша*// 45 об, *домо*//нт 5 об, *сме*//пть 5 об, *вел*//ликии 6), на редуцированные (-ь и -в), на согласный с паерком, на сочетание строчной (обычно гласной) буквы с выносной (обычно согласной, ср. впрочем *зн*^а//мене 69 об). При записи словоформы на конце строки у писца, по всей видимости, имелись следующие альтернативы (кроме тех, которые существовали и внутри строки): 1) буква могла быть вынесена над строкой или оставлена в строке; 2) если на конец строки приходится согласный, он мог быть записан с паерком или с редуцированным; 3) если на конец строки приходится сочетание согласных в середине слова, перенос может быть сделан между согласными или перед ними. Распределение указанных вариантов не может полностью объясняться необходимостью поддерживать правый край, так как он идет достаточно неровно (расстояние между концами самых коротких и самых длинных строк составляет 2–3 буквы). Вынос конечной буквы в некоторых случаях, как кажется, закреплен за конкретными словоформами. Выбор точки переноса в кластере определяется морфологической границей. Там, где морфологическая граница явно проходит между согласными в кластере, перенос соответствует этой границе: *пере*^е*хав*//ше 21 об, *пригнав*//ше 30, *псков*//скии 45, *псков*//сково 74 об, *черторыз*//скы^х 78, *рим*//скаго 80, *крѣп*//ко 22, *нем*//ци 22, *вел*//ми 45 об, *нов*//горо^о 46, *горы*//шее 64,

¹ Список хранится в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина (№ 1413), исследовался по цифровой фотографии.

² В работе Каринского Строевский список назван Погодинским.

псковь//скїи 78 об, *нов'//город*^о 79, *Топар'//копъ* 175 об, *псковь//скыа* 179 об, *пс'ковь//скои* 185–185 об, *тферь//скои* 201 об. Там, где такая граница не выделяется, перенос обычно предшествует кластеру: *ми//трополію* 172, *сыропу//стноюу* 172, *тол//ржищем* 172, *Шел//стакъ* 175 об, *свел//рхъ* 177, *оудол//брити* 177, *тол//лко* 178, *тол//сковоу* 178 об, *вел//сны* 180, *с чел//стью* 179 об, *прол//стыа* 214. Это распределение может нарушаться как переносом после гласной без выделения морфологической границы (например, *индик'//та* 68 об, *кок'//шинско*^а 173), так и переносом перед кластером, по которому проходит морфемная граница (*лито//пскїи* 6, *поушел//чнеи* 112, *намб//стникопъ* 175 об, *живонача//лныа* 178 об). Отметим, что нарушения первого типа (как *индик'//та*) редки, а нарушения второго типа могут в какой-то степени объясняться деривационными особенностями этих слов (в двух приведенных нами случаях деривация осложняется чередованием в основе, в двух других непосредственные словообразовательные связи с синхронной точки зрения затемнены).

В случае, когда конец строки идет после первой согласной буквы словоформы, начинающейся с кластера, обычно после этой буквы пишется редуцированный: *Пь//сковъ* 39 об, 179 об, *въ Пь//сковъ* 76, *по Пь//скопъ* 52, 65, *пъ//скова* 178 об, *оу Пь//скова* 36, *по Пь//скопе* 29 об, 55 об, *по Пь//скопъ* 59, *пъ//скопичи* 17, 28, 65 об, *на пъ//скопичъ* 29 об; *пъ//скопскїи* 47 об, *пъ//сков'скоє* 177; *дъ//митреєпича* 52 об, *въ//зложипъ* 59, реже – паерок: *по П'//скопе* 13, 25, *зап'//скопъ* 43. При строчной записи этих же словоформ редуцированный не употребляется.

Основными разделителями внутри строки являются пробел, а также точка или запятая, которые ставятся на нижней границе строки и выделяются с обеих сторон пробелами. Возможно, следует различать крупную и малую точку. Точка и запятая могут комбинироваться с точкой посередине строки (например, после *ємоу* 165 об., 9 строка) или с кендемой (двойной вариет). Кендема обычно стоит непосредственно над точкой (или запятой) и немного выходит за верхнюю границу строки, в редких случаях кендема сдвинута на предыдущую букву — например, *пѣдаєте вѣ*. 163 об. Внутри словоформ разделители не отмечены. Значительные группы словоформ (иногда вся строка) пишутся без разделителей. Основные разделители — запятая и небольшая точка — выделяют небольшие фрагменты текста, чаще всего синтаксически связанные (в частности, обязательно выделяют обозначение числа). В некоторых случаях такой пунктуатор может противоречить предполагаемому синтаксическому членению, например, ставится между согласуемыми словами:

при посадниче, Еорѣме 44об, имно², пакости починиша 44об³. Пробел используется сходно с точкой и запятой, но встречается значительно реже. Кендема с точкой или с запятой (или большая точка) отделяют более крупные отрезки текста, которые можно идентифицировать с предложением. Другим средством выделения предложения является киноварный инициал. Эти средства (пунктуатор и инициал) могут комбинироваться.

1.2. Надстрочные знаки

Над строкой могут ставиться следующие символы: выносные буквы (т. е. элементы стандартного алфавита, обычно отличающиеся от строчных вариантов размером и иногда — формой; в частности, совершенно особую форму имеет надстрочный вариант ера — паерок), титло, прикрытие (во многих работах прикрытие обозначается тем же термином «титло») и другие диакритические знаки (спиритус, оксия, вария, камора и кендема).

Над строкой обычно ставится конечный согласный или первый согласный в кластере. Титло ставится над некоторыми частотными словами, записанными с пропусками гласных и над буквами в числовом значении. Прикрытие факультативно ставится над выносными буквами. Многие буквы и сочетания букв могут выноситься без прикрытия. Часто предполагается, что набор букв, которые пишутся над строкой без прикрытия, во многом определяется их графическими свойствами. Основной набор букв, которые выносятся без прикрытия (например, в [Щепкин: §87]) приводится набор букв, которые обычно выносятся без прикрытия в полууставе: *д, жс, з, м, т, х*) — это прежде всего те буквы, которые вообще часто и регулярно выносятся, причем отнюдь не только в конце строки. В Строевском списке, впрочем, прикрытие вообще употребляется достаточно редко, с прикрытием отмечены, в частности (в скобках приведены страницы, на которых есть такие написания): *п* (41), *з* (38об), *к* (48об), *л* (21об, 41, 46об – 2х), *и* (47об), *п*, *р* (40об). Без прикрытия встречаются, в частности, такие буквы: *а* (часто, например 28об, 38об, 39об, 41об – 2х), *б* (40, 46об), *д* (часто), *жс* (часто), *земля* (часто, например, 46об), *м* (вариант, как на рис. 1, 3), *и* (39об), *ѣ* (45), *ц* (28об), *ю* (39об, 47об, 49), а также сочетания: *ха, до, де* и др.. Следует также отметить, что у согласной, вынесенной без прикрытия, может ставиться паерок. В некоторых случаях опускается гласный после выносной согласной

³ Несинтаксическое использование знаков препинания отмечалось в литературе: например, в Уложении 1649 г. запятая предположительно выделяет не синтаксические группы, а отрезки сходной длины (Черных 1953: 189–184), точка, как кажется, ставится совершенно случайно в псковском Прологе 1383 г. (Кандаурова 1957: 188).

— как под прикрытием (в отчествах на *-ич*, в местоименном окончании *-го*), так и без (*того же лѣ^м* и под.).

Спиритус ставится над начальной гласной, вария на конечной, оксия на гласной внутри слова. Камора обычно ставится на *о* (а также над *ю* – *всю* 29, 48об; над *е* – *юрѣпа* 29), она часто в той или иной степени сдвинута на предшествующую букву. Оксия и вария над вторым («неприкрытым») гласным в сочетании двух гласных ставятся автоматически и не обозначают место ударения (т. е. в этих позициях ударение не может быть недвусмысленно обозначено), в остальных случаях оксия, вария и камора являются иктусными знаками. Кендема используется нечасто. Графически двойная вария является омографом выносного *и*, что усложняет интерпретацию (ср. [Голышенко 1997: 33]). В некоторых случаях, однако, этот знак затруднительно интерпретировать как *и*, пример: *на злѣ присно является* 12об (*и* после *зло* можно было бы интерпретировать как выделительное, но предпочтительнее кажется считать это кендемой); *якоже бѣ и акрита* 10об; *сѣча злѣ и бишася* 16. Кендема в основном ставится над односложными словами, что является обычным для этого знака, см. (Гальченко 2000: 134).

Ударение почти никогда не обозначается при выносе букв, редко обозначается в односложных словоформах и над *ѣ*. Если исключить эти контексты, ударение обозначено примерно в 2/3 словоформ. В статье (Николаев 2005) утверждается, что ударение регулярно не ставится в словоформах с псковскими диалектизмами. В некоторых случаях над словоформой стоит 2 иктусных знака, например *псковѣчѣ* 20, достаточно часто над именами собственными: *Сидѣрь*, *Іосѣфъ*, *Тѣмѣѣи*. Возможно, это свидетельствует о колебаниях в месте ударения.

1.3. Графемы

Состав графем:

Гласные: *а, Ѧ, ѡ, е, є, и, ї, о, ѱ, оу, Ѣ, ю, ѣ, ы*.

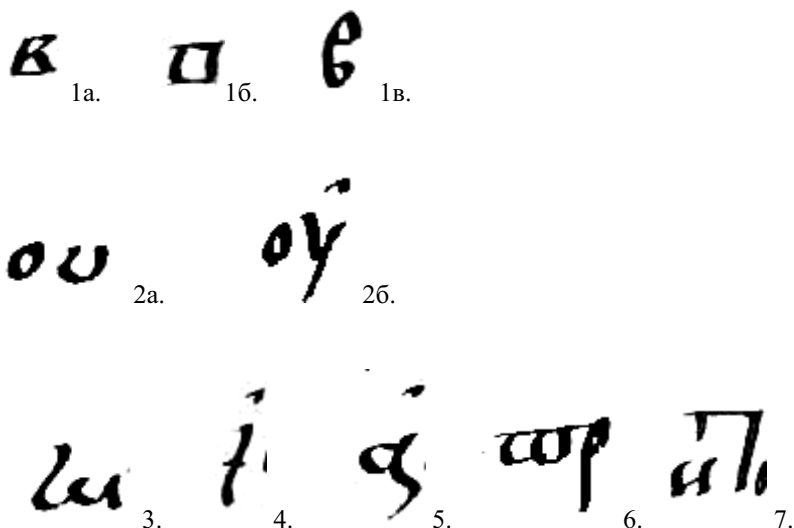
Согласные: *б, в, г, д, ж, з, с, к, л, м, н, п, р, с, т, х, ф, ѳ, ѱ, ч, ш, щ*.

Редуцированные: *ъ, ь*.

Приведен минимальный состав графем. Рукопись написана полууставом и содержит характерную для полуустава вариативность начертаний.

На рис. 1 изображения 3–6 иллюстрируют некоторые характерные для полуустава Строевского списка варианты написания (встречающиеся наряду с более обычными кириллическими буквами). Интересно начертание *п* в виде «очков» (византийского происхождения), встречающееся обычно в лигатуре *пр*, например на 19об, 29, 38об, 56 (на 69об эти «очки» ошибочно

Рис. 1.

1а – в, 1б – квадратное п, 1в – в «калачиком»; 2а и 2б – варианты диграфа оу; 3 – м, 4 – и, 5 – а, 6 – пр; 7 – ит

употреблены в значении омеги). Буква *т* в начертании 7 всегда нависает над предыдущей графемой (в данном случае над *и*).

Диграф *оу* имеет два варианта начертания второго элемента, известные и в других полууставных почерках XV–XVI вв. ([Соболевский 1901], табл. IV) — см. рис. 1 (2а и 2б); вариант 2б употребляется в начале слова, вариант 2а — в других позициях (отметим отклоняющееся написание *сыропоу//стную* (172), где второй экземпляр диграфа имеет начертание 2б). Структурно это распределение совпадает с распределением, известным из позднего (XIV–XV вв.) восточнославянского устава (*оу* в начале слова, *у* в других позициях).

Графема *о* отмечена в таких вариантах, как *о* с точкой (*око* 175) и *о* с крестом внутри (*окр(ес)тныа* 41).

Графема *в* реализуется по крайней мере тремя вариантами начертания: *в*, *п* и *в* «калачиком» (см. рис. 1, 1а–1в). Начертания *в* и *п* в Строевском списке различаются довольно сильно прежде всего потому, что в графеме *п* почти не видно следов перемычки посередине (для Назирателя XVI в., в котором графема типа *п* ближе к обычному *в*, В.С.Голышенко (Голышенко 1973:

88, 91) предлагает считать графемы типа *п* и *в* графическими вариантами, что в принятой терминологии означает наличие незначительных различий при структурном графическом тождестве). Вариант *в* «калачиком» обычно встречается в начале строки или предложения в качестве способа выделения, ср. такую же функцию этого начертания в сборнике собр. Увар. 566 (Голышенко 1997: 17). Вопрос об употреблении вариантов *в* и *п* будет подробно рассмотрен в п. 2. Возможно, их следует считать разными графемами.

Графемы *и*, *ї* находятся в дополнительном распределении – для записи фонемы [и] перед гласными употребляется *ї*, в других положениях *и* (ср., впрочем, *тїмофеи* 9 об, *едїнь* 10 об, *проподїша* 11, *хранограви* 12 об).

Фонема [а] после мягких согласных записывается как *а* (ср., впрочем, *гонячиса* 39). Сочетание [ја] после согласной обычно записывается как *ѡа*: *вельѡане* 49, *вельѡанина* 49 об, *в лоѡахъ* 29, *посоѡья* 37 об, однако *братѡа* 27 об, *пан'кратѡа* 40 об. Сочетание [ја] после гласной записывается как *а* на стыке морфем (между приставкой и корнем: *приашиа*, *приати* и т. п., между основой и флексией: *оукрашаа*, между корнем и суффиксом: *стоати* 28, *стоаше*, между двумя субморфемами окончания: *прочаа*), исключения: *побѣжаа* 10 об при наличии рядом регулярной формы *побѣжаа* 11, *стоала* 201 при наличии регулярных форм, *оксен'теа* 48 об. Внутри морфемы [ја] после гласной записывается как *ѡа*: *боѡар-*, *кипреѡанъ*, *ѡкоѡже*, *ѡвиса* и др.

Относительно распределения диграфа *оу* и «ук» (ѡ) можно отметить, что варианты по крайней мере отчасти связаны с конкретными морфемами: например, в окончании 3 мн. ч. имперфекта чаще всего пишется *хоу* (*плакахоуса* 11 об, *гонахоу* 14 и т. п.).

Графема ⟨ѡ⟩ может писаться на конце слов после твердых согласных. В рукописи обнаружено чуть больше 50 таких примеров, вот некоторые: *пригонивѡ* 123 об, *чюдинѡ* 103, *великѡ* 236 об, *съ его кн(ѡ)зѡ^{ми}* 84 об.

Рефлекс праслав. **tъrt* обычно записывается последовательностью *ер* (в соответствии с восточнославянской фонетикой): *мертвоую*, *Черниговѡ*, *верстѡ*, *держали*, *Твердиславлич* и множество подобных примеров. Кроме стандартной записи с *ер*, встречаются записи с *ѡр* и *рѡ*. Написания *ѡр* на месте праслав. **tъrt* отмечены в 17 случаях: *прѡѡѡе* 4, 172, *прѡѡѡ* 46, *прѡѡѡе* 47 об, *трѡѡѡти* 17 об, *потрѡѡша*, *потрѡѡше* 25, *дрѡѡжа* 45 об, *дрѡѡжаху* 52, *оуздерѡѡжат* 114, *дрѡѡжѡли* 139 об, *прѡѡсеи* 52, *прѡѡсѡи* 86, *прѡѡси* 105, 113 об, *на прѡѡсѡхъ* 113 об, *идоложрѡѡце* 135, *Прѡѡвозванноѡ* 150. Немногим больше примеров (24 словоформы), в которых эта последовательность передается как *рѡ*: *сѡѡврѡшѡна* 13, 83, 91, *сѡѡврѡшѡна* 216 об, 233 об, *сѡѡврѡшилѡ* 77 об, 78, *сѡѡврѡшилѡна* 105, 121, 117, *дрѡѡжѡти* 66, 74 об, *дрѡѡжит* 133, *дрѡѡжѡчи* 190 об, *самодрѡѡжѡ*

цы 211 об, *одръжмых* 216, *дръжавою* 57 об — 3х, *оумръших*, *оумръшихъ* 32, *поврѣгли* 20, *потръпѣша* 25, *помръзсы* 161 об. Отметим, что для глагола *свършити/совършити/свершити* южнославянская запись с *ръ* фиксируется большим количеством примеров (10 словоформ), чем восточнославянская (5 словоформ: *свершень* 35 об, *свершена* 38, 51, 201 об, 208).

Интересна местоименная форма *всь* (ед. ч. м. р.), см. про эту форму в псковских памятниках XV в. (Каринский 1909: 166–169). Не исключено, что справедливо предположение Н. Каринского о том, что эта орфограмма «маскирует» произношение [*все*], с северо-западным диалектным окончанием ед. ч. м. р. *-е*.

Употребляется сокращенное написание *не^о* для форм лексемы *недѣля*, например, 176 об.

2. Историческая фонетика

2.1. Вокализм

Отмечаются достаточно немногочисленные примеры аканья: *жонак* (196), *немак*, *чюдакъ* (201), *здоровы* (236), *начевавъ* (219 об), *поазгло* «поожгло», ср. *пожгло* в Архивском списке (127 об). Некоторые другие примеры аканья, приводимые Каринским, вызывают сомнения. Не кажется очень вероятным, что в форме *хахилевѣ* в *при поѣѣ иване хахилевѣ* (60) действительно представлено аканье, ср. в Синодальном списке Псковской летописи: *Ивана священника Хахиловича* (s. v. 1415) и фамилию *Хахин* (Тупиков 1908: 859). Выражение *тое же лѣта* (113 об) — отклонение от стандартной формулы *того же лѣта* (которая встречается, в частности, 5 раз только на той же странице)⁴. То же можно сказать и о *тое лѣта* (119 об): форма *тое* может иметь грамматическое значение ед. числа ср. рода (например, *на тое обидное мѣсто* 93), однако для выражения темпорального значения обычно используется беспредложный родительный, а не винительный падеж. В примере *не было вѣдома* (123 об) представлен, вопреки Каринскому, родительный падеж от существительного *вѣдомъ*, а не предикативная форма *вѣдомо* (характерная скорее не для старорусской, а старобелорусской и староукраинской письменности) с аканьем. Примеры написания *а* на месте безударного этимологического **о* отмечались многими исследователями в псковских памятниках XIV и особенно XV вв. (см. Галинская 2002: 90 со ссылками), по материалам деловых текстов XVII в. для псковского диалекта реконструируется вокализм гдовского типа (т. е. аканья нет перед ударными гласными среднего подъема, [о], [е]), см. (Галинская 2002: 91). Отметим, что скупые

⁴ В издании *того же лѣта* без указания на то, что исправлена описка.

данные Строевского списка противоречат схеме гдовского вокализма (нерегулярными в этом случае оказываются обе формы с предупредным *а*: *здоровы, поазгло*).

Кроме флексий (окончание *-овъ*, как в *соуздацловъ, новгородцовъ* и др., следует считать результатом морфологического обобщения, см., в частности, Галинская 2002: 18), переход **e > [o]* фиксируется лишь редкими примерами: прозвище *Щока* (84), *жонак и робят* (196), *с берега* (197 об). Отметим, что указанный переход фиксируется в памятниках псковско-новгородской зоны позже и менее последовательно, чем в памятниках ростовско-суздальской. Об отсутствии перехода **e > [o]* по данным псковских памятников XIV в. см. (Кандаурова 1957: 196–199), о новгородских памятниках XV в. см. (Горшкова 1968: 101–105), о новгородских, псковских и великолукских памятниках XVI–XVII вв. см. (Галинская 2002: 202).

Смещение рефлексов **'а* и **е* почти отсутствует в корнях под ударением (ср., впрочем, *всекия* 122 об). Отметим пример в безударной позиции в корне: *єрославъ* 201 об. Случаев смещения этих гласных в безударных окончаниях довольно много, в работе Каринского приводится их подробная классификация, приведем несколько характерных примеров: переход **е > [а]* в князя великого *здоровьям* (201) и рефлексация **а > [е]* при *Стефане Гахоновича* (120). По крайней мере две группы примеров потенциально имеют не только фонетическое объяснение. Во-первых, это окончание 3 л. мн. ч. аориста *-ше* (вместо *-ша*) – видимо, форма отсутствовала в живом языке, форма *-ше* могла быть заимствована из 3 л. ед. числа имперфекта (см., в частности, (Соболевский 1907: 236)). Во-вторых, это окончание дательного падежа множественного числа *-ам*: *псковичамъ* (22 об, 106 об, 113 об–114, 199 об), *псковичам* (51, 55 об, 74 об, 195, 199 об 2х, 209 об), *псковичам* (198 об, 199 об), *плесковичам* (3 об вставной почерк, 26 об), *москвичам* (204 об), *новгородчамъ* (115 об), *старцам* (205 об), ср. регулярные *псковичемъ* (5 об, 11 об и др.). Для XVI в. можно допустить отражение процесса унификации окончаний, однако в Строевском списке все примеры инновационного *-ам* обнаруживаются после [ч] и [у] (в других основах сохраняется старое окончание: *по городомъ* (15 об), *по селомъ* (30), *попомъ* (31) и др.).

Праславянская фонема «ять» в исследуемом тексте под ударением обычно отражается в виде *ѣ*, а в безударной позиции как *ѣ* или как *е*. Такое же Распределение было обнаружено Л. Васильевым в московских грамотах XVI – нач. XVII вв. и потом подтверждено другими исследованиями. По всей видимости, в Москве XVII в. это в значительной степени стало орфографическим приемом, однако для нашего памятника кажется естественной собственно

фонетическая интерпретация: под ударением *ѣ* и *е* различались, а в безударной позиции совпали. В XVII в., по данным (Галинская 2002: 87), рефлекс *ѣ* и *е* в Пскове совпали и в ударной позиции.

Фонетическая интерпретация написаний *е* на месте *ѣ* в безударной позиции подтверждается тем, что рефлекс праславянской фонемы **е*, отражаясь как *е* в ударной позиции, записывается то как *е*, то как *ѣ* в безударной позиции. Примеры исторически нерегулярных написаний: *питебѣскъ* 20, *поѣдѣтъ* 27 об, *мѣтахоуса* 29, *изборѣскъ* 27 об, *сѣшине* 139 об.

В некоторых лексемах с накоренным ударением всегда пишется этимологический *ѣ* (*мѣсто* 49х; *дѣло* 34х; *хлѣбъ* 31х). Для лексемы *наместникъ* на 64 этимологически правильных написаний приходится 2 нерегулярных (*наместника* (74), *наместникъ* (206)); при этом соответствующее притяжательное прилагательное оба раза зафиксировано с *е*: *денги наместниччи* (166 об), *денгоу наместничю* (170 об). Для глагольной основы *-дѣлати* на 26 регулярных написаний приходится 4 нерегулярных (*зделаше* 68 об – 2х, *делаше* 99 об, *издела* 113).

Отмечены отдельные примеры рефлексов *и* на месте *ѣ*: *привиишили* 91 об, *поне^{ди}льникъ* 48 об, см. также (Каринский 1909: 81).

Рефлекс сочетания **јѣ* записывается графемой *є* (так же как и *је*), иногда просто *е*. По всей видимости, это орфографическое, а не фонетическое явление.

2.2. Консонантизм

В рукописи есть несколько примеров написания *ы* на месте стандартного *и*, которые можно интерпретировать как отражение отвердения согласного в этой позиции: *за по^лтынѣ* 53 об (вставной почерк, однако написано поверх основного текста и скорее всего совпадает с ним), *за полтыноу* 119 об и ряд других примеров, см. (Каринский 1909: 82).

Встречается написание *ч* на месте этимологического **с*: *к владычѣ* 97, *городеч* 99 об, *по неколичех днех* 130, *ис коньчовѣ* 160 об, *ис кончевѣ* 186 об; несколько реже обратное явление – написание *ц* вместо *ч*: *Олексиница* 14, см. также (Каринский 1909: 84).

Употребление графем *с* и *ш* в Строевском списке подробно рассмотрено в статье (Николаев 2005). Рефлекс **s* и **z* (в том числе и результатов III палатализации) могут обозначаться графемами *ш* и *жс* соответственно в позиции перед переднерядными гласными и мягкими согласными: *княжеи* 179 об, *вожили* 180⁵, *о шю стороноу* 167 об, *вшоу* ‘всю’ 130 об, *сѣшине* ‘с весны’ 139 об. Следует также отметить нерегулярный рефлекс *кажноу* ‘казну’ 130 об.

⁵ В [Николаев 2005: 110] ошибочный адрес 190.

Рефлексы *š и *ž иногда обозначаются графемами *с* и *з* перед согласной: *здя* 'ождая' 146, *послине* 176об, *помръзсы* 161об⁶. Любопытно, что рефлексы праславянских **sj* и **zj*, как кажется, отличаются от рефлексов исконных *š и *ž: **sj* и **zj* перед гласной в целом ряде случаев записываются графемой *с*: *десевь* 167об, *въпрасивати* 122 (конечно, нельзя исключать для подобных случаев действия морфонологической аналогии). Для исконных *š и *ž С. Л. Николаев отметил только один рефлекс *з* (*зельзою* 61), который встречается в таком виде не только в псковских диалектах и объясняется ассимиляцией; не исключено, что ассимиляцией объясняется и пример *сестники* 174об, *сестники* 175 < *шестники*. Е. А. Хелимский показал, что лексему *шестники* лучше всего интерпретировать как производную от *шест*, обозначающую автохтонное финно-угорское население (ср. ту же внутреннюю форму у *вежники*) (Хелимский 1998).

Вопрос о фонетической мягкости или твердости фонем, обозначаемых как *ж*, *ш*, должен решаться на основании двух явлений. С одной стороны, написания типа *жа*, *шо* могут свидетельствовать о мягкости согласных, с другой стороны, написания типа *жы*, *шы* с большой вероятностью свидетельствуют о твердости этих согласных.

Восточнославянские написания *а* и *ю* после *ж* и *ш*, не соответствующие южнославянской традиции, по крайней мере для памятников XII–XIII вв. служат свидетельством мягкости соответствующих согласных (Древнерусская грамматика 1955: 66–68). Для XVI в. такие написания тоже имеют известную информативность. Примеры после *ш*: *нашо* 16, 112об, 167об, *слышо* 122, *Шюискои* 187, *слышавъ* 169об, *взаша* 197об и др.; после *ж*: *доложу* 122об, *Иванка Торгошо* 123об, *дръжали* 139об, *жалоби* 179об, *роубъжа* 179об, в том числе и после *ж* < **z*: *вжаше* 123об. Неясно, как следует интерпретировать написание *за* в *зажитъе* 2 (приписано на полях киноварью дополнительным почерком; в издании помещено под 1об) – ср. *зажитие* 'место для войск, стан, поселение на период длительных военных операций'. Возможно, это результат ассимиляции по мягкости следующему согласному: [з] > [з'].

Написание *ы* после шипящих появляется в псковской письменности в конце XV в. и регулярно представлено в текстах XVII в. (Галинская 2002: 101). В Строевском списке отмечено только 2 примера таких написаний — *моужы* 49об, *жытницы* 227об (дополнительный почерк) — на которых было бы рискованно основывать какие-то выводы. Можно допускать, что в диалекте, отраженном в изучаемом памятнике, шипящие были еще мягкими.

⁶ В [Николаев 2005: 110] ошибочный адрес 161.

Написание *ц* для Строевского списка вполне обычно, что отражает твердость фонемы [ц].

Рефлекс праславянского **v* перед согласными иногда записывается графемой *у* (например, *у свою вотчину* 167), что должно интерпретироваться как свидетельство билабиального характера соответствующего звука.

Большой интерес представляет употребление начертаний *в* и *п*. Как кажется, по крайней мере в части рукописи существует некоторое правило распределения этих вариантов (нестрого соблюдаемое), что означает, что эти варианты следует выделить в разные графемы.

Таблица 1. Употребление *в* и *п* на лл. 21 об – 37

	<u> </u> V	<u> </u> C
<i>п</i>	400	64
<i>в</i>	41	101

Рассматриваются только сочетания внутри словоформы (или на стыке предлога и имени), где после *в* или *п* следует графема, обозначающая гласную или согласную (либо непосредственно, либо отделенная паерком). Таким образом, не рассматриваются употребления перед *ъ* и *ь*, не рассматривается использование *в* «калачиком». По крайней мере на лл. 10–40 перед гласным обычно используется *п*, а перед согласным — *в*. Обнаруженное правило распределения можно связать с аллофонами фонемы <в> ([v] перед гласным, [ц] перед согласным).

Литература

- Галинская 2002 — Галинская Е. А. Историческая фонетика русских диалектов в лингвогеографическом аспекте. М., 2002.
- Гальченко 2000 — Гальченко М. Г. О времени появления и характере распространения ряда графико-орфографических признаков второго южнославянского влияния в древнерусских рукописях конца XIV – первой половины XV вв. // Лингвистическое источниковедение и история русского языка. 2000. М., 2000.
- Гольшненко 1973 — Гольшненко В. С. Введение // Назиратель. Подг. В. С. Гольшненко, Р. В. Бахтурина, И. С. Филиппова. М., 1973.
- Гольшненко 1997 — Гольшненко В. С. Введение // Книга нарицаема Козьма Индикоплав. Подг. В. С. Гольшненко, В. Ф. Дубровина. М., 1997.
- Горшкова 1968 — Горшкова К. В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). М., 1968.

- Древнерусская грамматика — *Иванов В.В., Иорданиди С.И. и др.* Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.
- Зализняк 2004 — *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004.
- Кандаурова 1957 — *Кандаурова Т.Н.* К истории древнепсковского диалекта XIV в. (о языке псковского Пролога 1383 г.) // Труды института языкознания АН СССР. Т. VIII. М., 1957.
- Каринский 1909 — *Каринский Н.М.* Язык Пскова и его области в XV веке. СПб., 1909.
- Николаев 2005 — *Николаев С.Л.* Рефлексы *s (*z), *š (*ž) и *sj (*zj) в псковских говорах и в двух псковских рукописях XV–XVI вв. // Исследования по славянской диалектологии. 6. М., 2005.
- Соболевский 1901 — *Соболевский А.И.* Славяно-русская палеография. СПб, 1901.
- Соболевский 1907 — *Соболевский А.И.* Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Тупиков 1908 — *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных имен. СПб., 1908.
- Черных 1953 — *Черных П.Я.* Язык Уложения 1649 года. М., 1953.
- Шевелева 2006 — *Шевелева М.Н.* Некнижные конструкции с формами глагола быти в Псковских летописях // Вереница литер. К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215–241.
- Щепкин 1999 — *Щепкин В.Н.* Русская палеография. М., 1999. (3-е изд.)
- Хелимский 1998 — *Хелимский Е.А.* К интерпретации древнерусских текстов: 1. нарци; 2. шестники // Балто-славянские исследования 1997. М., 1998. С. 563–569.

Summary

The orphography and historical phonetics of Stroeв copy of Pskov chronicle

The article describes the main script features of the Stroeв chronicle, interesting because of its non-bookish traits. A part of the manuscript shows a distribution of two ways of writing standart [v]: ordinary Cyrillic *ѡ* и square *ѡ* (specific for XVI–XVII centuries): *ѡ* is mostly used before consonants and *ѡ* — before vocals. The distribution can indicate the phonetic distinction between [v] (before vocals) and [u](before consonants).

Фонетика, отраженная в графике ранних памятников серболужицкой письменности

Начало серболужицкой письменности относится к периоду Реформации и связано с территорией Нижней Лужицы. Именно здесь в XVI веке появились первые рукописные переводы церковных текстов: самый крупный памятник нижнелужицкой письменности раннего периода — перевод Нового Завета М. Якубицы, 1548 г. (Schuster-Šewc 1968), первая печатная книга — «Книга песнопений и катехизис Альбина Моллера», 1574 г. (Schuster-Šewc 1958, 1959), «Енхиридион Вандаликум», 1610 г. Х. Тары (Tharaeus 1610; Hórník 1869, Radłowski 1967), Вольфенбюттельская псалтырь, вторая половина XVI в. (Trautmann 1928).

Первые памятники нижнелужицкой письменности возникли на окраинах основной нижнелужицкой области — в северных, западных и восточных районах; они отражали черты тех диалектов, которые были распространены в местностях, где создавались переводы.

На основании дошедших до нашего времени ранних нижнелужицких памятников письменности можно говорить о ряде диалектов, которые представляли народный язык (Volkssprache) серболужичан, распространенный на территории Нижней Лужицы. Согласно классификации нижнелужицких диалектов, предложенной А. Мукой (Mücke 1891: 3–5, 8–11), можно говорить о следующих нижнелужицких диалектах: на востоке Нижней Лужицы — жаровский и губинский, на западе — куловский, на севере — бесков-шторковский. Для центральной и южной частей нижнелужицкой территории речь идет о диалектах, распространенных к западу и востоку от реки Шпрее: западно-коттбусский и западно-пейтцкий; западно-шпрембергский; восточно-коттбусский, восточно-пейтцкий; восточно-шпрембергский; к северу от них — шпреевальдский диалект. Отметим, что в хрестоматии серболужицких памятников, составленной Г. Шустером-Шевцем, все нижнелужицкие памятники разделены на две основные группы — западно-нижнелужицкие и восточно-нижнелужицкие (Schuster-Šewc 1967).

В данной статье исследовались особенности соотношения фонетики и графики на материале наиболее крупных нижнелужицких памятников, в которых отражены черты нижнелужицких диалектов начального периода нижнелужицкой письменности XVI — начала XVII веков (см. выше).

Перевод М. Якубицы отражает особенности нижнелужицкого диалекта, расположенного к востоку от реки Нейсе в районе Жарова и Жемры (о диа-

лектной принадлежности языка памятника см. Schuster-Šewc 1967: XIV–XXIV; Šewc 1997: 31–52). Точки зрения на язык перевода М. Якубицы иногда принципиально различались. Так, в статье Г. Шустера-Шевца (Šewc 1997: 31–52), посвященной данному памятнику, вычленяются три языковых слоя: 1) теперь уже не существующий, родной для автора перевода, восточно-нижнелужицкий диалект, распространенный в XVI веке в окрестностях Жарова; 2) относительно большой слой чешских элементов, главным образом, в графике и лексике перевода (результат влияния чешского образца); 3) слой, содержащий верхнелужицкие языковые элементы, которые не всегда можно четко отграничить от элементов, возникших под влиянием чешского образца, и от особенностей, свойственных мужаковскому диалекту. Г. Шустер-Шевц приходит к заключению о сознательном стремлении автора перевода создать уже в ранний период серболужицкой письменности письменное койне для всех серболужичан.

В другом памятнике нижнелужицкой письменности раннего периода — первой известной в Лужице печатной книге — «Сборнике себолужицких песнопений и малом катехизисе» второй половины XVI в. (1574 г.) А. Моллера — отражен один из западно-нижнелужицких диалектов — шпреевальдский (или Lubbenau/Lübbener) диалект, распространенный в окрестностях Штраупица (Mucke 1891: 8; Schuster-Šewc 1958: 92–94). Большая часть территории распространения этого диалекта к концу XIX в. была уже германизирована. Его следы сохранились лишь в южной части в окрестностях г. Бург, а весь церковный приход Штраупиц теперь находится на территории распространения немецкого языка в Шпреевальде (Schuster-Šewc 1958: 92). Не вызывает сомнений и западно-нижнелужицкий характер языка Вольфенбюттельской псалтыри (диалект окрестностей Лукау (Lukau) второй половины XVI в. (Trautmann 1928).

Памятник, относящийся к первой половине XVII в., — «Энхиридион Вандаликум» А. Тары 1610 г. — возник в северной части нижнелужицкой языковой территории (границы польско-полабской языковой области) в тогда еще серболужицких окрестностях Шторкова (южная область современного Бранденбурга).

Все исследователи этого памятника (М. Горник, А. Мука, А. Лескин, З. Штибер, Г. Шустер-Шевц, М. Радловский), по-разному оценивая его язык, признают, что он не является чисто шторковским, а имеет смешанный характер. По мнению М. Горника (Hórník 1869: 108–119), он обнаруживает близкое родство с жаровским диалектом (перевод М. Якубицы); по мнению других, он включает элементы родного диалекта автора перевода — мужаков-

ского (Mucke 1891: 10; Leskien 1877: 176–179; Stieber 1934: 89; Radłowski 1967).

Авторами первых нижнелужицких переводов библейских текстов чаще всего были сельские священники — серболужичане по происхождению, а иногда и немецкие пасторы, овладевшие языком своих прихожан — серболужичан. В некоторых случаях автор перевода на нижнелужицкий диалект попадал в данный приход из местности, где был распространен другой серболужицкий диалект, что создавало дополнительные трудности в процессе перевода. Перед переводчиком стояла трудная задача — создать перевод на соответствующий нижнелужицкий диалект, понятный серболужичанам данной местности и, следовательно, максимально привязанный к местному живому диалекту серболужичан, обученных немецкой орфографии в школе. Графика перевода должна была отражать особенности фонетики данного диалекта.

Поскольку каждый из ранних нижнелужицких переводов библейского текста представлял изолированную попытку фиксации на письме того или иного нижнелужицкого диалекта при отсутствии возможности обращения к переводческим опытам, осуществленным в других местностях, то графика каждого перевода основывалась целиком на субъективных особенностях языкового сознания переводчика — носителя языка, при этом применяемая им графика, являясь вспомогательным инструментом, с помощью которого переводчик пытался отразить фонетическое своеобразие данного диалекта, не способна была передать все богатство артикуляционных и акустических оттенков, свойственных живой речи носителей данного диалекта (ср. замечание Н. С. Трубецкого об особенностях фонетической транскрипции: Трубецкой 1987: 11).

В первых нижнелужицких переводах не могло быть речи о последовательной языковой или графической (или орфографической) норме. Каждый автор создавал свой перевод на основе родного диалекта, используя самые разнообразные контаминации немецкого алфавита (немецкой фразатуры, швабаха). Графика первых серболужицких переводов очень непоследовательна и не дает возможности говорить о ее системном характере. Одна из ее особенностей — отсутствие диакритических знаков, что не способствовало более точной передаче на письме фонетических особенностей соответствующего диалекта. Необходимо также учитывать большое влияние на переводчика немецкой графической системы, отражающей особенности немецкой фонетики. Об определенном влиянии других орфографических систем, в частности, чешской, можно говорить лишь в связи с передачей на письме слов чешского происхождения.

Графические особенности первых нижнелужицких переводов получили различные (иногда прямо противоположные) оценки современных исследо-

вателей ранних нижнелужицких памятников. Так, например, современный исследователь и издатель серболужицких памятников письменности Г. Шустер-Шевц считает перевод Библии М. Якубицы наиболее совершенным среди других нижнелужицких памятников именно с точки зрения графики: уровня ее разработки не достигают все другие ранние нижнелужицкие памятники (Schuster-Šewc 1968: XXV). Напротив, А. Лескин считает графику, применяемую М. Якубицей, в высшей степени неудовлетворительной: главным ее недостатком он считает отраженное в ней сильное влияние немецкой фонетической системы и чешской графики (Leskien 1876: 163), а также непоследовательность в применении отдельных графем.

Выбор графики перевода М. Якубицы в качестве исходной системы при анализе графических особенностей нижнелужицких переводов библейских текстов раннего периода в определенной степени определяется тем, что используемые им способы передачи на письме тех или иных фонетических особенностей нижнелужицкого диалекта наблюдаются и в более поздних нижнелужицких переводах библейских текстов. Но более важной причиной является то обстоятельство, что при всей своей непоследовательности и несовершенстве графика перевода М. Якубицы дала возможность использовать ее для воссоздания достаточно полного, такого важного фрагмента морфологической системы языка перевода М. Якубицы, как субстантивное словоизменение (Ермакова 1984; 1989; 1990), с присущей ему вариативностью флексий в отдельных словоформах субстантивной парадигмы и несколькими типами словоизменения в рамках отдельных родов. Это свидетельствует о сравнительно высоком уровне графической системы перевода М. Якубицы.

Отметим, что примеры, приводимые в данной статье, имеют ту графическую форму, в которой они выступают в тексте перевода в издании Г. Шустера-Шевца (Schuster-Šewc 1968).

Обозначение гласных звуков

Наиболее распространенным способом передачи на письме гласного звука является использование одного знака, указывающего на гласный звук. Наряду с ним употребляется удвоение знаков, присоединение к соответствующему знаку, обозначающему гласный звук, знака *h*, а также использование маленькой буквы *e* над графемой, обозначающей собственно гласный звук, и, наконец, комбинации разных графем.

Одной графемой, как правило, обозначаются гласные со старой или новой акутовой интонацией (Schuster-Šewc 1968: XXVI) типа *bloto*, *brjemje*, *zrodlo*, *młócić*, *wroćić*, *brozda*, *droga*, *prosb*).

Удвоение знака, обозначающего гласный, и добавление к знаку *h* не связано с указанием на долготу гласного, что не свойственно серболужицкому языку (Schuster-Šewc 1968: XXV–XXVI). Однако К. Э. Муке (Mucke 1891: 146) рассматривает подобные случаи именно как указание на долготу соответствующего гласного, так же как и более редкие случаи употребления комбинации графем, обозначающей гласный, со звуком *e* типа *lued*, *nuesa*, *stoelow*, и в таких единичных случаях, как *duoma*, *muoschno*, *we Puólnocy*.

Для передачи на письме звука *a* используются следующие знаки: *ae*, *a*, *ae*; для звука *o*: *o*, *oe*, *oe*, *uo*, *u̇o*, *uoo*, *u̇o*; для звука *u*: *u*, *u*, *ue*, *w*; для звука *i*: *i*, *ih*, *y*, *ie*, *i̇*; для звука *y*: *i*, *y*, *ie*, *ye*, *e* (только во флексиях); для звука *ě*: *i*, *y*, *ie*; для звука *e*: *e*, *ee*, *ehe*.

Использование комбинированного знака для обозначения гласного звука с маленькой буквой *e* над ним свидетельствует о влиянии на графику переводчика средне- и ранне-верхненемецкой традиции. В написании флексий в словах *Prorokuom*, *Galatuom* иногда усматривают чешское влияние или воздействие западно-польских диалектов, где наблюдается явление лабиализации праславянского **o* как *uo*: *zbože*, *muošte*k (Schuster-Šewc, 1968: XXVII). Нами было отмечено написание флексии Д. мн. только *c-om*: *Prorokom* (Jap. XXVI, 27), *Paroukom* (Jap. IV, 29), *Sluschebnikom* (М. XIII, 34), *Wyffchim-tefchnikom* (М., XIV, 10), *(k) pcyzbogom* (1. Kor. XII, 2); *pohanom* (Mat. XX, 19), *(ktim) Haitmanom* (L. XXII, 52), *pohanom* (Jap. XXVI, 20), *(k) Bla[nom]* (Rom. I, 22), *Bratrom* (1. Tim. IV, 6), *(ktim) Japo[chtolom]* (Jap. IX, 27), *zartom* (Z. J. IX, 20), *(tim) Schydom* (J. V, 15), *(k) Scholtom* (1. Kor. VI, 4), *(tim) zlowekom* (J. XVII, 6), *Duchom/duchom* (1. Tim. IV, 1; Heb. XII, 23), *kni[om]* (Ef. VI, 5; Tit. II, 9); *Fari[om]* (Mat. XXIII, 8), *(k) Mu[chom]* (Jap. X, 21), *Pczaczelom* (L., XII, 4); *Ptakom* (2. J. XIX, 17); *kuonom* (Z. J. IX, 7), *wruhu[chom]* (Z. J. IX, 19); *duomot* (1. Tim. III, 12); *Hrowom* (Mat. XXIII, 27); *wetrom* (L., VIII, 25), *grechom* (Heb. VIII, 12).

Все упомянутые выше способы передачи на письме гласных звуков применяются непоследовательно, хотя для определенных лексем можно говорить о преимущественном употреблении того или иного способа. Ср., например, передачу */o/* в формах парадигмы следующего слова: И. ед. *Schona/Schõna* (М. X, 12; XII, 22; L. I, 24); Р. ед. *(wot) Schony/Schõny* (Mat. XIX, 3, 9; М. 2, 11; L/ XVI, 18), *(bes) Schony/[choni]* (1. Kor. VII, 33; XI, 11).

Ср. также такие примеры, где графические варианты при обозначении одного и того же звука не связаны с какими-либо определенными условиями или позициями данного звука в слове.

Для звука /o/: *to dǫbro* (Jal. III, 18) // *Dobra* (Heb. IX, X, 11), *ku dobru* (1 Petr. I, 4); *Schrodla* (Jak. III, 11), (*s*) *dobrem* (L. I, 53), (*tich*) *Dobr* (Heb. VIII, 2), (*na*) *colo* (Z. J. XIV, 9), *na cole* (Z. J. XVII, 5); *welblodowy* (M. X, 25); L. XVIII, 25) // *wellaudu* (Mat. XIX, 24); (*w*) *wookne* (Jap. XX, 9); (*na*) *more* // *moore* (Jap. XXVII, 5, 30, 43); (*s*) *morem* (2. Kor. X, 2), (*na*) *moru* // *mooru* (J. VI, 19; XXI, 1; Jap. X, 16), *woog[ko* (Jap. XIX, 34, 37.) // *wog[ko* (Mat. XXII, 7); *duom* (L. XIX, 46), (*s*) *duomom* (1. Tim. III, 12) // *domaeh* (Mat. XI, 8); (*do*) *Boonu* (J. XII, 42); (*do*) *Hrowu* (Jap. VII, 16), (*do*) *Romu* (Jap. II, 10), (*na*) *Stǫle* // *Stoele* // *Stole* // *Stoole* // *[tole* (Mat. XIX, 28; XXIII, 2; XXV, 31; Heb. VIII, 1; XII, 2; Z. J. III, 21; V, 7, 13; VI, 16; VII, 10); (*do*) *duomu* (Mat. XII, 4); (*ku*) *duomowy* (J. II, 16), (*nad*) *duomet* (Jap. VII, 10), (*w*) *duome* (Mat. XXVI, 6), (*oto*) *duomow* (L. XVI, 4).

Вариативность в употреблении графем, обозначающих звук *o*, наблюдается в словоформах парадигм существительного *woko*. Ср. ед. ч.: И. (*to*) *wooko* (M. VII 22), Р. (2) *wooka* (Mat. VII, 4, 5); Т. (*s*) *wookem* (M. IX, 47), М. (*w*) *wooky* (Mat. VII, 3); дв. ч.: И. *wooczy* (L. XXIV, 16), Р. (*f*) *wooczowu* // *wocowu* (Jap. IX, 18; Z. J. VII, 17), В. (*dwe*) *wooczy* (Mat. XVIII, 9), Т. (*s*, *pred*) *woczma* // *wooczma* (Mat. XVII, 14; L. V, 25) — (*pred*) *wooczyma* // *woczima* // *woocyma* // *wocyma* (Mat. XXI, 42; L. XIX, 42; Jap. XXVIII, 26, 27; Heb. IV, 13, 2; Kor. X, 7); мн. ч.: И. *wooczy* // *woczy* (Mat. XIII, 15; Z. J. I, 7); Р. (*do*) *woczow* // *wooczou* // *wocow* (Jap. I, 9; M. VIII, 23); В. (*pred*, *mesy*) *wooczy* // *woocy* // *wocy* (J. VI, 5; IX, 6, 11, 17, 32; XI, 37, 41; XII, 40; Mat. XVII, 8; L. VI, 20; VII, 21; IX, 51; XVIII, 13; XXIV, 5; Jap. IX, 8, 40; XXVI, 18; Rom. XI, 8; 2. Petr. II, 14; Gal. II, 11; III, 1; IV, 15; L. J. IV, 8; V, 6; Ef. I, 18). Т. (*s*, *pred*) *wooczmy* // *wooczmy* (Mat. XIII, 13, 15; M. IV, 12; XII, 11; L. IV, 21; J. XII, 40; Jap. III, 16; 1 Jan. I, 1; Rom. III, 18).

Вопреки замечанию Г. Шустера-Шевца (Schuster-Šewc 1968: XXVI), возможно написание корневой гласной с помощью удвоенной графемы. Ср. (*za*) *bloto* // *blotto* (J. IX, 6) // (*we*) *bloocze* (2. Petr. II, 22).

Для звука /a/: (*na*) *czalu* // *czaalu* (1. Kor. VII, 34); *czaalo* (Mat. XXVI, 26), (*k*) *czalohy* (Jap. IX, 40); *Czala* (Z. J. XI, 8), (*s*, *nad*) *czalem* // *czaalem* // *zcaaalem* (1. Kor. V, 3; XV, 35; Jud., 19); *laata* (L. XIII, 7); *laato* (Jak. IV, 13), (*wot*) *laata* // *laatach* (2. Kor. VIII, 10; J. XIII, 13); *laath* // *laat* (L. II, 36; XII, 19; XIII, 11; Heb. XII, 9; Mat. XXIV, 32; 2. Petr. III, 8), *laatam* (Heb. I, 12), (*pred*) *latamy* (2. Kor. XII, 2; 1. Tim. V, 9), (*pczy*) *latach* // *laatach* (L. I, 7; II, 36; Gal. I, 18).

Для звука /e/: (*to*) *meenǫ* (2. Tess. I, 12), (*w*) *meeno* (1. Jap. III, 23), *meene* (L. I, 13), *Meenee* (Jap. IV, 12); (*w*) *meenw* // *meenǔ* (L. X, 17); *meenǎ* (*dla*) // *do meenah* (J. II, 23), (*s*, *pod*) *Meenem* // *menehem* (Mat. XXIV, 5; Jap. XX, 9), (*s*) *pczymenem* (L. XXII, 3), *Meen* (Z. J. XI, 13), *meenhe* (Rom. IV, 20), *meenǎ* (*dla*)

(L. XXI, 12), (*pre*^l *tu*) *Mueru* (Jap. IX, 25) // *meeru* (L. XI, 33), (*w*) *Syne* // *Syne*^e (Mat. XXVI, 69; L. XXII, 55), (*dwe*) *leecze* // *lecze* (Jap. XIX, 10; XXVI, 27; XXVIII, 30); (*wot*) *brega* (L. V, 3), (*na*) *breceheg* // *Breg*^h (J. XXI, 9, 11), *breegem* (Jap. XXI, 1), (*na*) *Bregu* (Mat. XIII, 2) // (*pczy*) *bree*^l*eh* (Jap. XXI, 5); *kameene* // *kamenie* (Mat. XXVII, 52), (*s*) *kamenow* (Z. J. XVIII, 12), (*s*) *kameny* // *kamenie* (Mat. III, 9; Z. J. VI, 15), (*nad*) *kaamenem* (L. XXVI, 6), (*wo*) *kameen* (L. IV, 11). Ср. также примеры: В. ед. *breme* (2. Кор. VI, 14; Gal. VI, 14; Mat. XX, 12); Р. ед. *breme*ⁿ // *breheme*ⁿ (L. J. II, 24; Jap. XV, 28); Р. мн. (*stog*) *breemen* (L. XVI, 7); Т. мн. (*s*) *bremenaty* (L. XI, 46), где отмечены в корне для обозначения гласного не только одиночные графемы (ср. Schuster-Śewc 1968: XXVI).

Для звука /u/: *to Musso* (Jak. V, 3), (*na*) *musso* // *m*^u*ss*^o (Gal. VI, 8; Fil. III, 3), *muffa*(Z. XXIV, 39), (*temu*) *muffowy* (Gal. V, 17), *muffowy*(Rom. VIII, 12), (*w*) *muffu*// *Mussu*, *m*^u*ffu* (Rom. VII, 5; 18; VIII, 12).

Ср. также использование графемы *w* или *ue*, *u* для обозначения звука /u/: *M*^u*l*^{ch} (Jap II, 22) // (*wo*) *M*^u*l*^{ch}*u* (L. I, 34), (*s*) *mue*^l*chem* (L. II, 36); (*k*) *suedu* (J. IX, 39), (*s*) *Suedem* (L. VIII, 16), (*pred*) *S*^u*dem* (L. XI, 31), (*wo*) *luedu* (Jap. X, 35); (*moy*) *lued* (2. J. XVII, 4).

Ср. также: (*k*) *pokayanw* // *pokaianw* (L. V, 32; Jap. XIX, 4); (*k*) *lowenu* (L. V, 4); (*k*) *wodawanu* (L. III, 3); (*k*) *modlenu* (L. VI, 12); (*k*) *prawenu* (L. III, 8); *šchiewenu* (Mat. VII, 14); (*ku*) *ška*^e*enw* (L. IV, 34).

В словоформах существительных среднего рода с основой на мягкий согласный (Д. ед., М. ед., Т. ед.) возможны варианты графем при обозначении флексии *u*: *zabiczu* (Jap. VIII, 32); (*k*) *wobietczu* (2. Tim. II, 16), (*k*) *špczelaczu* (Rom. III, 15), (*ku*) *poznaczu* (Ef. I, 17), (*ku*) *šchnešchu* (J. IV, 38), (*napczeczywo*) *Šchetczu* (Jap. IV, 27), (*na*) *polu* (L. XII, 27), (*na*) *lo*^l*y*^l*chczu* (L. V, 18), (*w*) *modlenu* (L. VI, 12) // (*w*) *ziednanw* (Jap. XXVIII, 30), (*po*) *polubenw* (Gal. III, 29), (*po*) *wiwole*ⁿ*w* (Rom. XI, 5), (*w*) *zgoru*^l*awanw* (Fil. III, 11), (*pczy*) *lowenu* (L. V, 9), (*w*) *plawenw* (Jap. XX, 16), (*w*) *wytrczenw* (Jap. XXII, 17).

Для звука *y*: наряду с наиболее распространенной графемой *y* используются и другие варианты, в том числе и комбинации графем типа *-ye*, *-ie*. Ср., например, в словоформах Р. ед. существительных женского рода: *Mrokawi* // *mrokawy* (M. IX, 7; L. IX, 35), (2) *Swaczby* (L. XII, 36); (*z*, *do*) *Oliuny* // *Oliuni* (Rom. XI, 24), (*šteye*) *Gory* (Mat. VIII, 1), *Sotry* (Z. Jan., 13), *wotmolwy* (L. XIV, 6), (*wele*) *bitwy* (L. XII, 47), *wery* (L. XII, 28); (*wot ieye*) *chodoby* (M. XII, 44), (*m*^e*l*^{to}) *Rieby* (L. XI, 11), *Swoyby* (L. II, 14), *wuczby* (M. XI, 18), (*do*) *Schko*^l*ly* (L. IV, 16), (*iedniye*) *Jegly* (Mat. XIX, 24), (*do*) *p*^u*l*^{czyny} (L. V, 16), *Wyni* // *Wyny* / *wyny* (L. XXIII, 4, 14, 22), (*do*) *woynie* // *Woynie* (Z. J. IX, 7, 9), *gemeyny* (Jap.

XI, 22), (*mesy*) *gemeumye* // *Gemeune* (1. Kor. XIV, 28, 35); (*me*ʃy) *iedney Schoone, kne*ʃchne (1. Kor. VII, 33). Последние формы, употребленные после предлога *mesy*, вероятно, также имеют значение Р. ед. (хотя обычно после предлога *mesy* употребляется форма со значением творительного падежа (ср. *me*ʃy *gemeuni* — Кор. XIV, 34).

Графема -у (-ie, -e) выступает при передаче окончания -/y/ в И./В. мн. существительных женского и мужского рода с основой на твердый согласный. Ср., например, (*te*) *kurwie* // *kurwy* (Mat. XXI, 31, 32), *Jolomo*ʃchny (Jap. X, 4); (*te*) *Kny*ʃchny (Mat. XXV, 11); *Gory* (L. III, 5); (*pred*) *Schko*ʃy (M. XIII, 9), (*dwe, tczy*) *mer*y (J. II, 6); *wudowy* (Jap. IX, 39); *lupy*ny (Jap. IX, 18), *modlit*by (J. X, 4); *Jamy* (Mat. VIII, 20); *wudowy* (1. Tim. V, 3); Р. ед.: *kczyw*dy (Mat. XX, 13), *gruedy* (L. VI, 41), *woody* (L. VII, 14); *mzdy* (L. X, 7); *Soboty* (M. II, 28) // (*dla*) *Soboti* (M. II, 27).

Ср. также: *Tich Starich* (*Schoon*) (1. Tim. V, 1, 2); *Wiel*(=wyj), *mlodich* (1. Tim. V, 1, 2); (*wokolo*) ʃ*tunde* // (*do*) ʃ*tundy* (M. XV, 34, 33, 25; Mat. XX, 3, 5, 6, 9; J. I, 39); у существительных мужского рода: *te Haitmany* (Jap. XVI, 22), *bla*ʃny (1. Kor. IV, 10), (*te*) *Japo*ʃchtoly // *Apo*ʃftoly // *Japo*ʃftoli // *Japo*ʃftoly (Jap. IV, 33, V, 29, VIII, 14; XI, 1; L. IX, 10. XVII, 5; Gal. I, 17); *Brattr*y // *Brattri* (Jap. XI, 2; M. III, 31–33); *Mi*ʃtry / *My*ʃtri (Mat. XXIII, 10; Heb. V, 12).

Графема у выступает также при передаче окончания -/y/ у существительных с основой на -/s/, -/z/, -/c/. Ср. Р. ед. (*teye*) *wo*ʃliczy (Mat. XXI, 5), (*Ńchadneye*) *To*boliczy (M. VI, 8), (*do*) *Me*ʃchaniczy (J. XIII, 5), (*do*) *Gal*y (Jap. VIII, 26), (*do*) *wynic*zy (Mat. XX, 4, 8); (*podla*) *Pokladnic*zy (J. VIII, 20), *prec*y (2. Kor. X, 15). Д. М. ед. — (*k*) *prawic*zy // *prawic*y (M. X, 37, 40; XII, 36), (*k*) *lewic*zy (M. X, 37, 40), (*napzczecywo*) *pokladnic*zy (M. XII, 41), (*k*tey) *proc*zy (Jap. VI, 3); (*na*) *wo*ʃlicy (Mat. XXI 5), (*w*) *Te*ʃchniczy (2. Kor. VI, 5), (*podobne*) *Orlic*y (Z. J. IV, 7). Ср. также у существительных с нулевым окончанием в исходной словоформе с основой -/s/, -/z/, -/c/: (*wopuol*) *noocy* (Jap. XXVII, 27), (*ku*) *potoc*y (2. Kor. XIII, 8), (*wetey*) *noc*zy (Jap. IX, 24); (*te*) *mo*cy (M. XIII, 25); (*pelny*) *Moocy* (Jap. VI, 8), (*do*) *v*ʃy (Mat. XXVI, 36); (*te*) *Reec*y (Jap. XV, 15).

Для звука /i/ в тексте перевода употребляются чаще всего графемы *i*, *y*, наряду с которыми встречаются и варианты *ie*, *ihi*. Ср., например: *Loe*ʃchy // *loe*ʃchi (L. V, 3; Mat. XIV, 13); (*k*) *lo*ʃchy (J. VI 19), (*w, na*) *loe*ʃchy // *lo*ʃchy (M. I, 9; J. XV, 8) (*dwe*) *loe*ʃchy // *lo*ʃchy (L. V, 2, 7). Графемой *y* (или *i*) передается обычно окончание -/i/ у существительных с нулевым окончанием в исходной словоформе с основой на мягкий согласный. Ср.: (*teye*) *czwi*ely (L. XVI, 28); (*teye*) *sm*erzi // ʃ*mercy*, (*do*) *Smer*czy (L. I, 79; M. VII, 10), (*teye*) *ka*ʃny (L. II, 27); *wy*ʃly (M. X, 49), *ma*ʃczy (L. VII, 37), *ko*ʃczy (J. XIX, 36), (*pelno*) *zlo*ʃczy (L.

XI, 39); (*pelno*) *mudrofczy* (Jap. VI, 3); (*ku*) *rozkoſſczy* (2. Petr. II, 18), (*k*) *yaroſſczy* (2. Petr. II, 18), (*ku*) *czełczy* (J. XI, 4), (*w*) *miłli* (Jap. II, 6), // (*w*) *luboſczy* (J. XV, 10) *miłły* (Jap. II, 46), (*po tey*) *weczery* (L. XXII, 20), (*w*) *wecznołczy* (J. VI, 51), (*w*) *łchiełchy* (Jap. XIII, 42; XVIII, 12). (*w*) *ſwittofczy* (Z. I, 75).

В некоторых случаях трудно определить, идет ли речь о передаче звуков *-i/* или *-e/*: например, И. мн. (*wynowe*) *granie* (L. VI, 44) // (*wynowe*) *graneh* (Mat. VII, 16); В. мн. (*te*) *kałne* (M. X, 19; L. XVIII, 20), (*woonneh*) *małczy* (L. XXIII, 56), *Seczy* (L. V, 2).

Непоследовательность в графической передаче звуков в тексте перевода иногда не позволяет однозначно оценивать значение конечных графем *eu*, *y* (= *ě*, *e?*). Ср. в М. ед. слова *krwey* (*krw*) — (*na tey*) *krwe* (Mat. XXIII, 30; XXVII, 24), *w krwy* (L. XXII, 20).

Наиболее последовательно звук */i/* обозначается графемой *y* после *-k/*, *-g/*. Ср., например, конечная графема *y* в парадигме слов женского рода с основой на *-k/*, *-g/*: (*te*) *Schouky* (L. XII, 45), (*bes, sla*) *walky* (L. XXII, 6; XXIII, 25), *mukky* (L. XIII, 21). (*podla*) *wełky* (J. IV, 4); *matky* (Jap. XII, 12), (*do*) *Arky* (Mat. XXIV, 38), (*do*) *Myłky* (XXVI, 23) // (*do*) *Miłky* (M. VI, 25); (*te*) *lyłchky* // *Liłchky* (L. IX, 58/ Mat. VIII, 20); *zozporky* (1. Kor. XI, 18); (*steie*) *drogy* (L. XI, 6); (*te*) *noogy* (Jap. III, 7); (*wot*) *Figy* // *figy* (M. XIII, 28), *pczysigy* (M. VI, 26).

Ср. также Т. мн. (*s, pred*) *Nogamy* // *nogamy* // *noogamy* (Mat. VII, 6; J. XIII, 18; Heb. X, 29; XII, 13; Z. J. III, 9) / (*pelny*) *wołłichy* (J. XIX, 29), слова м. р. И. мн. (*te*) *zloweky* (Jap. XVI, 17), *Sudnikiy* (Mat. XII, 27), *Modlenyky* (J. IV, 23), *dlułchnicy* (Rom. VIII, 12), *Snanky* (Jap. III, 15).

Для звука */ě/* в переводе употребляются графемы *i*, *y*, *e*, *ie*, *ee*. Ср., например, (*tich*) *weetz* (L. XXI, 26) / *weeczy* (L. XXIII, 56) // *weczy* (J. VII, 32), (*s*) *weczmy* (J. XIX, 40), (*we*) *weczach* (M. VI, 20); *wetz* // *weetz* (L. I, 37), *Reetcz* // *reetcz* (M. XIV, 70; L. V, 15) / (*twoieie*) *reczy* (*dla*) (J. IV, 42), (*nad teiu*) *reczu* // *reecu* (M. X, 22, 24) / *Reecy* (Jap. XV, 15), (*za*) *reeczy* (L. XXIV, 17); (*wot*) *Chleba* / *chleba* (J. VI, 51; XIII, 26; Jap. II, 42; Kor. XI, 26–28; L. IX, 3, 13), *hnewa* // *Hnewa* // *gnewa* (Jap. XIII, 45; Rom. IX, 22; Ef. II, 3; 1. Tim. II, 8), *miera* // *Miera* // *Myra* (Rom. XVI, 20; 1. Kor. XIV, 33; Jap. XXVII, 5), (*podla*) *wetru* (Jap. XXVII, 40); (*na*) *Swetcze* // *Swełche* (Ef. II, 12; J. XII, 25), *pełku* (Rom. IX, 27), (*wot*) *pretku* (Jap. XXVII, 30), (*to*) *swetlo* (L. XI, 35), *grełchnicy* (Rom. III, 23), (*tego*) *Swittego* (Jap. III, 14–15), (*te*) *gwełdy* (Jap. VII, 43), (*na*) *Gwełdach* (L. XXI, 25), *Juljgk* (L. I, 64), *Juljika* / *Juljyka* (M. VII, 33, 35), *geła* (Rom. XIV, 17) // (*nad*) *geełu* (Rom. XIV, 15); *knił* (Jap. XXIII, 11), (*wot*) *knyła* (L. I, 45), (*pred*) *kniłem* // *Knyłem* (L. Im 15, 76), *Knełche* (M. IX, 24), *Myłcze* (L. XI, 39), (*w*) *Miłcze* (M. VI, 27–28), *znek* (Mat. XXVIII, 3).

Обозначение согласных звуков

При обозначении согласных звуков в переводе М. Якубицы используются отдельные немецкие буквы или их комбинации; в некоторых случаях автор перевода обращается к чешской орфографии.

Обозначение взрывных согласных (*p, b, t, d, k, g*)

Для передачи звука /p/ М. Якубица использует знаки *p, ph, pp*; *b* звук /b/ обозначается графемами *b, p, bp*; звукам /k/ и /g/ соответствуют графемы *k, kh, gk, g; gh, k, gk*; для передачи звуков /d/ и /t/ используются одиночные графемы *d, t* или их удвоение — *dd, tt*, а также комбинации графем *dt, dh; th* (или графема *d* — для передачи звука /t/). Ср., например, передачу звука:

/p/: (*k*) *Petrowy* (J. XX, 2), *Japo[chtolowe* (Jap. XV, 23), (*te*) *Pohany* (Jap. IV, 25), *po[lla* (Jap. VII, 23), *wopu[chczy* (M. X, 29–30), *Pilatowy* (Mat. XXVII, 2); *Panowe* (Ef. VI, 9); *Sleppy* (Mat. XXIII, 26), (*k*) *poppelowy* (2. Petr. II, 16), (*k*) *Sluppogy* (Z. J. III, 12) // *lupowe* (Gal. II, 9);

/b/: *Bla[nowe* (L. XI, 40), *Brattrowe* (J. VII, 5), *te diablowe* (Jak. II, 19), *lube* (Jap. I, 16), *Slu[chebnika* (1. Kor. III, 5), *Ribaka* (M. I, 16), *Rube[chnicy* (1. Kor. VI, 10), (*ten*) *Bogh* (Jap. VII, 32), (*na*) *Swaczbu* (Mat. XXII, 3), *Golube* (Mat. X, 16), (*z*) *Swoib* (2. J. XI, 9); *Rieb* (J. XXI, 6), *wurupka* // *wurubka (dla)* (1. Petr. V, 2; 1. Tim. III, 8; Tit. I, 7, 11);

/d/: (*w*) *Sydonu* (L. X, 13), *plood* (Jak. III, 18), *gloodt* (1. Kor. IV, 11), *zapadu* (L. XIII, 29), *Naroda* (L. VII, 31), (*w*) *gloodu* (2. Kor. XI, 27), *Sudowe* // *Juddowe* // *Suddowe* (Rom. XI, 33; Z. J. XVI, 7; XIX, 2), *Suedy* (L. V, 37), (*z*) *Raddy* (Jap. IV, 15) // (*do*) *Raady* (L. XXIII, 51), (*wokolo*) *ltundt* (Jap. V, 7), (*do*) *wuzd* (Z. J. XIV, 20), *Gwe[d* (Z. J. XII, 4), *dhyma* // *dyma* (Z. J. IX, 2, 18);

/t/: (*w*) *Bettleheme* (Mat. II, 16), (*te*) *wettry* (Z. J. VII, 1), *ſchwyoty* (L. XXIII, 29) // *ſchiewott* (1. Kor. XII, 12); (*we*) *li[tach* (2. Petr. III, 16); (*do*) *Korintu* (Rom. I, 23), (*do*) *Gaatha* // *Gaathu* (J. V, 7; 4), (*k*) *Gattowy* (J. IX, 7), *Swettogy* (Gal. VI, 14) // *Swettowy* (J. VI, 33); *Slotto* (Jak. V, 3), *mitto* (Mat. X, 41), *ſchitto* (Jap. XXVII, 38), (*za*) *bloto* // *blotto* (J. IX, 6; Fil. III, 8); (*s*) *blottem* (J. IX, 6), (*s*) *Slottim* (1. Tim. II, 9), *Sweruta* (Z. J. VI, 7) // *Swerutta* // *Swerutha* (Jap. X, 12); Tit. I, 12; L. J. IV, 6; XIX, 4), (*s*) *Swerutt* (Z. J. IV, 8) // *Swerut* (Z. J. V, 11; VI, 1), *ſwerutam* (Rom. I, 23), (*mesy*) *Swerutamy* // *ſweruttamy* (Z. J. VI, 6; 1. Kor. XV, 32), (*wod*) *robott* (Z. J. XIV, 13.), (*tusint*) *laath* (L. J. XX, 2), (*te pytz*) *Pokrut* (L. IX, 16).

Передача звуков /k/ и /g/ указанными выше соответствующими графемами и их комбинациями не связана с определенной позицией этих звуков в слове. Ср., например, употребление графем /k/ и /g/ в конце слова и перед гласными: (*ten*) *zloweg* (Jap. XIX, 16) // (*Irego*) *zloweka* (L. VIII, 29), (*te*) *zloweky* (Jap.

XVI, 17); (*Ty schalkostny*) *Parouk* (Mat. XVIII, 32); *Wilk* (J. X, 12), *Raak* (2. Tim. II, 17); *Drak* (2. J. XII, 3), *Ju[igk* (L. I, 64), (s) *yul[ikem* (1. Kor. XIV, 4); *zbytek* (2. Kor. VIII, 14), *vu[chitek* (Gal. V, 22), *po[chitek* (Fil. IV, 17), *po[obk* (Heb. XI, 26), *stane[* (Heb. IX, 8), *ku[tk* (1. Kor. XVI, 10); (*ten*) *Bogh* (Jap. VII, 32; XI, 17), (*pred*) *Boghem* (L. XII, 6); *Boghy* (J. X, 34), *rozbrog* (Mat. XXVI, 5), (*na*) *bregu* (Mat. XIII, 2), (*dwa*) *Roogy* (Z. J. XIII, 11). Ср. также другие примеры, свидетельствующие о непоследовательности в употреблении графем *k* и *g*: (*zly*) *druk* (Petr. IV, 15) // *zly drug* (J. XVIII, 30); *pluk* (L. IX, 62), *znek* (M. XXVIII, 3), *lu[chebnik* (Mat. XXIII, 11) — см. Schuster-Sewc 1968: XXIX).

Как свидетельствуют приведенные выше примеры на обозначение в переводе М. Якубицы звуков /t/, /d/, /b/, /p/, употребление графем, обозначающих эти звуки, также не связано с определенной позицией соответствующих звуков в слове. Например, в позиции начала слова и перед гласными: *Slapy* (1. Rom. XIV, 2) // *Slabego* (1. Rom. XIV, 1); *den* (= *ten*) (2. Tim. II, 6); *dego* (1. Kor. XII, 7); *za topu* (L. IX, 61) (= *za tobu*); в позиции перед шипящими: *naybupschy* (Mat. XII, 18); *gczi[ch* (Mat. XVI, 24) // *kczi[ch* (Mat. X, 39); перед сонорными: *zknyl* (Mat. XIII, 48) — от *zgni[*, *kratnutcz* (1. Röm. II, 21) — от *kradnu[*; *newignul* (J. VII, 15) — от *wuknu[*.

У существительных с основой на -ch/ употребляется графема *ch*. Ср.: (*ten*) *patriarcha* (Heb. VII, 4) — *te Patriarchowe* (Jap. VII, 9); *Duch* (Jap. XI, 15), *duchy* (1. Jan. IV, 1), *grech* (1. Kor. XV, 56), *grechy* (M. II, 9), (*wot*) *wircha* (Mat. XXVII, 51), (*do*) *Brucha* (Mat. XV, 17), (*bes*) *ztrachu* (1. Kor. XVI, 10), (*bes*) *brachu* (Heb. IX, 14); (*w*) *Kelichu* (Z. J. XIV, 10), *bruchy* (Tit. I, 12).

Графема *h* используется преимущественно в заимствованных словах чешского или немецкого происхождения. Ср., например: *hosc[om* (J. I, 5), *zahn[utz* (Jak. I, 10), *tarhl* (M. I, 26), *holowatz* (L. XVII, 31), *Hilbeta* (L. I, 5, 7), *wohledatz* (L. VIII, 19–21), *Haitmanow* (Jap. XXI, 32), *Hospodny* (1. Tim. III, 2), *Handel* (1. Tim. III, 3), *Haniczerogy* (1. Tim. III, 7).

Звук /w/ в переводе М. Якубицы обозначается графемами *w*, *wh*, *u*; графема *v* используется здесь под влиянием чешской орфографии.

Звук /f/ обозначается графемой *f* или с помощью ее удвоения — *ff*. Ср., например: ...*newotwue[ui*e *ku[chdy* *zwas*, *[woiego* *woolu*, / *albo* *wool[ta* *w Sobocz*e *wot [chloba*, *a wee[*e *tego k napowanw?* (L. XIII, 15), *Jakubowy* (L. VIII, 51); (k) *Filipowy* (J. VI, 5), *wenkach* (L. VIII, 19–21), *wohledatz*, *wie Bla[nowe* (Mat. XXIII, 17), (*potim*) *Fur[stu* (Ef. II, 2), *Landfoyt*em (Mat. XXVII, 17), (*ieden*) *Weywod* (2. J. I, 5), (*ieden*) *Lewitta* (L. X, 32), *Lewhartowy* (Z. J. XIII, 2), *virtutowe* (Rom. VIII, 38), *virtuti* (1. Petr. III, 22), *vro[chyli [e* (L. XXIII, 48), *v[chyly* (L. XXIII, 49), *strachou* (1. Petr. III, 14).

Для обозначения звука /j/ в переводе М. Якубицы используются графемы *j*, *i*, *y*, *g*, (*h*), (*ch*).

Ср., например, в Л. III, 30: *ten byl / ieden Syn Judou, Ten byl ieden Syn Jonou*; см. также (*k*) *ſchiewenohy* // *ſchiewenogy* (Rom. V, 21; 1. Tim. I, 16; 1. Kor. XV, 45; 2. Kor. II, 16); (*k*) *ſemenowy* (L. I, 55) – *ſemenohy* (Rom. IX, 16), (*k*) *teenowy* // *teenowy* (Jap. IX, 14; XXVI, 9, Rom. X, 13) – (*k*) *Menohy* (Jap. IX, 21); ср. также (*do*, *s*, *z*), *Kragyn / krachin / kragin* (M. V, 1, 10, 17; VIII, 10; Mat. VIII, 28; M. VI, 55); *Synohy* (Mat. XXII, 2), (*k*) *Biſkupogy* (1. Petr. II, 25); (*k*) *Janohy* (Jap. III, 11); *potocznikogy* (F. I, 1), *zakladaiuczy* (Heb. VI, 1); (*k*) *kniſlogy / Kniſohy* (Kol. III, 20, 23; Jap. II, 34, 36); *[a]toian[two]* (1. Tim. III, 1), *[lu]cheia* (1. Tim. III, 10).

Наиболее последовательно графически в тексте перевода М. Якубицы передаются звуки /r/, /l/, /m/, /n/. Ср., например:

/l/ — обозначается как *l*: *Japoſtoly* (Rom. XVI, 7), *ten Diabel* (L. IV, 3), *diabla* (J. VIII, 4), *Blaſny* (L. XXIV, 25), *lotrowy* (Mat. XXVI, 25), *Paulowy* (Jap. XIV, 12); *Polſſlou* (L. XIV, 32), *[pa]ſſitelem* (1. Tim. II, 3), *wopiſſtwe* (1. Tim. III, 8);

/r/ — как *r* или *rh*: *brattry* (Jap. I, 16), (*tego*) *Furſta* (L. XII, 58), (*te*) *zartowe* (L. VIII, 35, 38), (*ten*) *Kriſt* (Jap. XVII, 3), (*ten*) *Mordar* (Jap. III, 14–15), (*w*) *Prorokach* (J. VI, 45); *zborily* (Jap. XVII, 13), *zryzyl* (1. Kor. II, 7);

/m/ — как *m*, *mm*: (*w*) *Adamu* (Kor. XV, 22), *Mistr* (L. XXII, 11), (*wetim*) *Mammonu* (L. XVI, 11), *Abrahamu* (L. XVI, 30), *Meschnikowe* (Heb. VII, 20), *Paroukom* (Jap. IV, 29), *ludmy* (2. Kor. VIII, 21), *knomu* (Jap. VII, 31);

/n/ — как *n*, *nn*: *Synn* (1. Kor. XV, 28) // *Syna* (Gal. II, 20), *Synowy* (Mat. XII, 32), *Synowe* // *Synnowe* (Jap. II, 17; 2. Kor. VI, 18; M. X, 35) // *Syny* (Mat. XX, 21), *Satan* (L. IV, 8), (*te*) *Samaritany* (J. IV, 40), (*te*) *Pohany* // *pohani* (Jap. IV, 25; VII, 45), *iedno mysly* (Jap. II, 1), *Tymona*, *Parmena* (Jap. VI, 5), *poſluſchny* (Jap. VI, 7).

При обозначении спирантов и аффрикат /s/, /z/, /š/, /ž/, /š/, /ž/, /č/, /c/, /dž/ в тексте перевода наблюдаются следующие особенности.

Звуки /š/, /ž/ обозначаются одними и теми же графемами и их комбинациями: для звука /š/ используются графемы и комбинации графем — *ſ*, *z*, *ſſ*, *ſſch*; для звука /ž/ — тот же набор графем, за исключением комбинации графем *ſsch*; для обозначения звуков /š/, /ž/ используются графемы *ſch*, *ſſ*, *ſ*; для звука /č/ — комбинации графем *tcz*, *tcz*, *zc*, *zcz*; для звука /dž/ — *cz*, *c*; для звука /s/ — *ſsch*, *ſsch*, *ſſ*; для звука /z/ — *ſch*, *ſsch*, *z*.

По утверждению Г. Шустера (Schuster-Šewc 1968: XXX), автор перевода при передаче названных выше звуков, в основном, исходил из немецкой ор-

фографической традиции, но при обозначении сибиллянтов /z/ и /c/ использует знаки из чешской графики.

Ср. обозначение звуков /š/, /ž/: *našchich* (Jap. VII, 12), *wopuſchczy* (M. X, 29–30), *teſch* (L. VI, 13), *gdiſch* (M. X, 29–30), *Schied* (Jap. XIX, 34); *Schiedowe* (Jap. XVII, 5); *Schoſta* (Mat. V, 25), *(tego) ſchiewenah* (Jap. III, 15); *(k) Scholcze* (Mat. V, 25); *Meschnykowy* (M. I, 44), *(k) Sluſchebnikowy* (Jap. XIII, 5), *greſchnikowy* (L. XVIII, 13), *(k) wymoſchnikowy* (Jap. VII, 35), *towariſchku* (Fil. IV, 3), *ty ſchalku* (L. XIX, 22), *rubeſchnika* (Jap. XIX, 37), *dluſchnyкову* (L. VII, 41), *wobskarſchounicy* (Jap. XXV, 18); *rozkoſnycy* (1. Kor. VI, 9), *(tich) wyſſichmeschny/kow* (J. XVIII, 3), *(jedno) Duchy Boſche* (2. J. IV, 5), *Mwſch* (Jap. II, 22).

При обозначении звуков /š/, /ž/ в большинстве случаев употребляется комбинация графем *ſch* или *ſ*. Ср., например, *ſeſchytey* (Mat. XX, 21), *wyweſonej* (L. XXIII, 32), *(by) pcyypoweſchano* (L. VIII, 19–21); *wopuschczy* (M. X, 29–30); *Scheſchy* (J. V, 10, 16, 18), *Suſaſchy* (L. I, 58; J. IX, 8), *pczyſche* (L. XV, 6), *ſchywowaly se* (M. VIII, 37), *pſcheto* (M. II, 21), *ſeſchitz* // *ſchesitz* (J. XV, 3; XIII, 1) (= *žesyć*), *gromaſiſchny* (Jak. II, 2) (= *gromažizna*); *Sloſchey* (J. X, 1), *ſeſchuchy* (J. XX, 12), *ſchywwa* (J. X, 41) // *ſchywy* (Mat. XI, 21, 23); *Scheſſchy* (Jap. VII, 5); *(k) wooſche* (Jap. XVI, 13), *(w) ſtunſche* (Mat. IX, 22), *(napczeczywo) prawſche* (2. Tim. III, 8), *liſchcze* (L. XIII, 32), *(tu) kczelniczu* // *kłczesniczu* (L. III, 3; Jap. XIII, 24), *(tu) Pſchenyczu* (L. III, 17), *Woſchcza* (Mat. X, 37), *(to) loeſch* (M. IV, 37); *kczydla* (L. XIII, 34) // *gczydla* (Z. J. XII, 14), *ſchinſa* (Jap. IV, 9).

Для обозначения звука /č/ М. Якубица использует графемы *c*, *cz*, *tz*, *tcz*, *ſch*. Например: *(w) Sobocze* (M. III, 2, 4); *(k) tey) dobrocze* (2. Kor. VIII, 19) // *(na tey) dobroſche* (Jap. IV, 9); *(k) ſromocze* (1. Jan. II, 28), *Hilbecze* (L. I, 57), *(k) woplacze* (2. Tess. I, 6), *(k) Pomſcze* (1. Petr. II, 14), *(w) draſcze* (M. XII, 38); *Maatz* // *maatcz* // *Maatz* // *mahatz* (L. I, 43, 60; II, 48; VIII, 19; J. XIX, 25) *drogotz* (L. IV, 25), *bystrotz* (L. VI, 48); *Boyocz* (L. I, 65), *Smylnolcz* (L. I, 50), *Ratoloſcz* (J. XV, 6), *(s) maſczu* (L. VII, 38, 46), *(teye) ſmerczy* // *ſmerczy* (L. I, 79; Rom. I, 32; L. XXII, 33), *(ku) czeſczy* (J. XI, 4), *zloſcz* (Mat. IX, 4), *(w) luboſczy* (J. XV, 10), *(tu) Seetz* (J. XXI, 8), *Maczer* (Mat. XIX, 5, 19), *wohledatz* (L. VIII, 19–21), *zaganowatz* (M. XVI, 18); *(na) Swetcze* // *Swelſche* (Ef. II, 12; J. XII, 25).

Звук /c/ передается графемами *c*, *cz*, *z*, *tz*, *tcz*, *zc*, *zcz*. Например: *(k) ruecze* // *ruce* (Mat. XXV, 34; L. XXII, 69; Jap. XXVIII, 4), *(w, na) Bancze*, *Myſcze* (Mat. XXIII, 26; L. XI, 39), *(w) Babce* (2. Tim. I, 5), *(w) ſtucze* (2. Kor. IX, 3), *wowetz* // *wowecz* (Mat. XVIII, 12; L. XV, 4); *(do) Jutczta* (L. III, 20).

Звук /dž/ в переводе М. Якубицы обозначается чаще всего с помощью комбинации графем *cz* или графемы *c*. Ср., например, *naroczena* (Tit. III, 5);

brez czygk (F. I, 14) (= *przez džěk*); *zgeczony* (Jap. XII, 23) (= *zjedżony*), *buce* (Jap. XIX, 27), *nebuce* (Jap. XVII, 15).

Следует выделить те случаи, где после звуков /p/, /t/, /k/ часто применяется комбинация графем *czt*, *rczt*, наряду с обычными знаками *cz* и *s* (в случае *woscze* (M. VIII, 25), *nutcz* (Mat. VIII, 5), *napczeczywo* (L. VII, 30). Ср., например, *preczihitz* (L. VII, 20), *preczyl[chla* (L. VII, 45), *pczri[chla* (M. XIV, 41), *nutczkach* (Mat. XXIII, 28), *nutrczei[chy* (Jan. XI, 2), *jutcze* (Mat. VI, 30), *trczy* (Heb. XI, 23), *prjewelchecze* (1. Kor. II, 8), *Petrcze* (Jap. XI, 7).

По мнению Г. Шустера-Шевца, использование подобной комбинации графем является попыткой автора перевода отразить здесь еще не исчезнувший фрикативный элемент (*r), характерный для данного диалекта в указанном случае (Schuster-Šewc 1968: XXXI; ср. Mucke 1891: 232, где речь идет о возможном влиянии чешского языка).

Для обозначения звуков /s/, /z/ в переводе используются указанные выше графемы и их комбинации. Ср., например, *Festul* (Jap. XXV, 23), *knił* (Jap. XXIII, 11), *Jelulłowy* (J. XVIII, 22; L. VIII, 35); *Pilatulłowy* (L. XXIII, 11), *Hannałowy* (J. XVIII, 13), *Fariļeuł* (L. VII, 36); *zmyou* // *łmyiow* (Mat. XXIII, 33; Rom. III, 13), *(ze) łubamy* (Jap. VII, 54), *zakonu* (Heb. VIII, 7), *(na) łtrome* (L. XIII, 7), *(pczy) breeļe* (J. XXI, 4), *(po, w) naloļe* // *naloze* (Jap. XV, 1; XXI, 21; L. I, 9; XXIII, 17); *łwircha* (Jak. III, 15), *(bes) ztrachu* // *łtrachu* (1. Kor. XVI, 10; Fil. I, 14), *(w) ztrachu* (Jap. XIX, 40); *zaas* // *zcas* (Z. J. XII, 14; J. XIII, 1), *(woł) zcałła* (Mat. IV, 17), *(bes) wobraļu* // *obrazu* (1. Kor. VIII, 9; Rom. VIII, 29); *(to) zname* (Jap. IV, 16), *łeme* (Rom. IV, 18).

Особенностью графики, примененной в переводе М. Якубицы, по сравнению с другими ранними памятниками нижнелужицкой письменности, является попытка графической передачи смягчения согласных; ср., например, применение графемы *i* после мягкого согласного — *wopiet* (2. Petr. II, 21) // *wopet* (Jak. V, 19); *nie weme* (1. Kor. IX, 1), *(To) predgowanie* (Rom. X, 17), но *modlene* (L. I, 13), *wółane* (Jap. XXIII, 9), *(to) polubene* (Gal. IV, 23), *zgorustawene* // *zgorustawanie* (Jap. XXIII, 8; 1. Kor. XV, 13); *kuonie* (Z. J. IX, 17) // *kuonom* (L. J. IX, 7), *(pod) Rebriem* (Tim. VI, 1), *schen za dniem* (2. Petr. II, 8).

Примеры свидетельствуют о непоследовательности обозначения мягкости согласных звуков в переводе М. Якубицы и подтверждают наблюдение Г. Шустера-Шевца (Schuster-Šewc 1968: XXXI) о более последовательном обозначении мягкости согласных во второй части рукописи перевода.

Между тем, отсутствие обозначения мягкости конечного согласного основы слова часто не дает возможности однозначно решить вопрос о характере исходного согласного основы, например, *-[n]* или *-[n']* в слове *(to) meenó* (2.

Tess. I, 12) // *meene* // *Meene* (L. I, 13; II, 22), *meenee* (Jap. IV, 12), (to) *meenehe* (Rom. IV, 29), *meene* (L. VI, 22). Лишь по форме М. ед., которая употребляется только с окончанием *-u* (*w*) *meenw* // *meen^u* // *meen^w* (L. X, 17; IX, 48, Mat. XVII, 5; J. XVII, 12; Jap. III, 6), свойственным существительным с мягким исходом основы, можно предположить для данного существительного мягкий тип основы.

Анализ графической системы перевода М. Якубицы, ее соответствия фонетическим особенностям диалекта, лежащего в основе перевода, показывает, что графика, применяемая автором перевода, в силу ряда особенностей во многих случаях не дает возможности однозначно оценить фонетическое значение той или иной графемы или комбинации графем.

Характерной особенностью графики перевода М. Якубицы, как и других ранних памятников нижнелужицкой письменности, является большая вариативность, свойственная передаче на письме тех или иных звуков. В наибольшей степени эта вариативность и непоследовательность в передаче фонетических особенностей диалекта проявляется в переводах А. Мюллера (Schuster-Sewc, 1958).

В основе этого явления лежит сильное влияние на авторов переводов немецкой графической системы, которую они пытаются приспособить к передаче звуков серболужицкого языка, незнание с графическими системами других славянских языков, отсутствие диакритических знаков как одного из средств более точной передачи фонетических особенностей нижнелужицких диалектов.

Трудности, возникающие у авторов переводов на нижнелужицкий диалект, связаны с субъективной позицией автора перевода в процессе передачи на письме фонетических особенностей диалекта. Основу перевода может составлять несмешанный диалект. В этом случае при наличии большой вариативности в графике речь идет о преодолении произвола в графической фиксации звуков данного диалекта и установлении по возможности реальной связи между выбранными графемами и соответствующими им звуками.

В ряде случаев язык автора перевода представляет собой своего рода тип коэне (смешанный язык), в основе которого — собственно нижнелужицкий диалект в сочетании с фонетическими (и другими) особенностями других диалектов. Такой характер диалектной основы перевода может объясняться как сознательным стремлением автора создать язык для всех серболужичан (как, вероятно, в случае перевода М. Якубицы), так и языковыми особенностями владеющего серболужицким языком автора перевода — ср. замечания Г. Шустера-Шевца (Tharaeus 1610: 25–45) о языке Х. Тары, а также точки зрения названных выше авторов.

Несовершенная и непоследовательная графика ранних нижнелужицких памятников, ориентированная на немецкую орфографическую систему, вариативность графем в передаче звуков нижнелужицких диалектов препятствуют однозначному толкованию фонетического значения соответствующих графем и может привести к ложным выводам, в том числе и в процессе транскрипции текста памятника при его издании с использованием современной графической системы.

Ср., например, у А. Моллера употребление наряду друг с другом графем *y* и *ÿ*, не соответствующим никаким звуковым нюансам, для обозначения звука /y/, а, наряду с ними, также и графем *i*, *ie*, древней лигатуры *ij*.

Чисто графический характер имеет применение комбинации графем *th*, у Моллера отмечается частая взаимозаменяемость знаков *d* и *t* для передачи звуков /d/ и /t/, /k/ и /g/ — для звуков /k/ и /g/ (см. таблицу). Большой непоследовательностью в переводе А. Моллера отличается и передача на письме спирантов и аффрикат (Schuster-Šewc 1958: 16–21).

Для перевода А. Моллера характерно отсутствие в графике указания на мягкость согласного.

Непоследовательность в применении знаков наблюдается и в графике Х. Тары (Tharaeus 1610: 47–99).

Ср., например, применяемая часто в переводе Х. Тарой комбинация графем типа *ā* (*h*), которая употребляется для обозначения звука /e/ после твердых согласных — *hāw* (*hew*), *sā(h)* (*se*), *czālemu* (*celemu*), *pissanāh* (*pisane*), *sassā* (*zase*), но она может применяться и при передаче звука /a/ с предшествующими или последующими мягкими согласными — *dla* (*dla*), *dupeenā* (*dupjenja*), *gōspodār* (*gospodār*), *tatañ* (*tatañ*). При смешанном характере языка перевода Х. Тары оказывается трудным определить, является ли *glāadasch* отражением мужаковского *gladać* или собственно нижнелужицкого *glědaś*, тем более что наряду с ними применяются написания с *a* и *e*, то есть *gladasch*, *gledasch* (Tharaeus 1610: 47). Как предполагает Г. Шустер-Шевц, графема *ā* у Х. Тары могла указывать на возможность прочтения ее как 'e' (*ě*) или *a* — *masā* (*mjesa*), *mjasa*, *czālemu* (*celemu*, *calemu*), *lāschasch* (*lěžaś*, *lažaś*), *latach* (*letach*, *latach*).

Различное фонетическое толкование возможно и для графем *ü*, *ö* с предшествующим или последующим мягким согласным типа *weerü* (*wjerju*), *meenü* (*mjenju*), *kublö* (*kublo*).

Характерно, что графема *ü* у Х. Тары иногда употребляется и для обозначения /y/, например *tü neissü* (*ty njejsy*); *tüch* (*tych*).

Неоднозначно можно толковать и графему *ö* — как мужаковское /e/ — *njewumjeje*; или как собственно нижнелужицкое *njehumjejo*.

Звук /i/ у Х. Тары обозначается графемами у или i. Звук /y/ – графемами ü или i — *ssülu tü* (*sy-li ty*).

Для передачи звука /ě/ обычно используются графемы *e*, *ee*, например, *meer*, *grech*, *geesch* (*jež*), *chleb*, *schelo* (*šelo*), *czewka* (*dżewka*), но когда употребляются графемы *i*, *ô*, *ü* в словах *nint* (*něnt*), *witzej* (*wěcej*), *schölom* (*šělom*).

Для нижнелужицкого звука /ó/ применяется исключительно графема *o* перед лабиальными и велярными, что Г. Шустер-Шевц объясняет незначительными фонетическими различиями звуков /o/ и /ó/ и отсутствием в немецком инвентаре графем соответствующего знака (Tharaeus 1610). Графема *o* для нижнелужицкого /ó/ перед лабиальными и велярными наблюдается и в переводе М. Якубицы и в Вольфенбюттельской псалтыри.

Наибольшие трудности при анализе графики ранних нижнелужицких памятников связаны с выявлением фонетического качества графем, обозначающих звуки /č/, /ž/, /š/, /ž/, /š/, /ž/, /c/, /z/. В большинстве случаев они обозначаются комбинациями графем и лишь в единичных случаях — одиночными графемами /s/, /c/ (см. таблицу). Например, в переводе Х. Тары: *pschijacelow* (*pšijačelow*), *stworiczela*, *czrewe*, *Gescz* (*jesc*), *Pysch* (*piš*), *czewka* (*dżewka*), *czschen* (*džen*), *zersütei* (*džěrzytej*), *büsch* (*byš*), *swaczba* (*swašba*), *scheekowasch* (*žekowaš*).

В переводе А. Моллера, который не всегда различает твердые и мягкие согласные, часто применяется графема *h* после смягченного согласного. Ср.: *nhemo*||*o*, *Nhebe*||*ke*, *Nheplodni*, у глаголов с отрицанием *nje-*. Ср. также случаи, где перед смягченными согласными выступает *j*-эпентетикум: *Nhybeske*, *nahyn* (**na njь*). Моллер не обозначает палатальность согласных перед гласными переднего ряда и перед *j*. Ср., например, *Pudarena*, *ſachopena*. Отметим, что в переводе М. Якубицы смягчение согласного часто обозначается с помощью одной или двух точек, или маленькой буквой над следующим гласным. Ср., например, *dopelnôny*, *dnâch*, *pelnôno*. Однако указание на палатальность согласного не является постоянной. Во многих случаях она вообще не обозначена.

А. Тара обозначает мягкость согласных последовательно, применяя, наряду с точкой, также и графему *e* над знаками *a*, *o*, *u*, что указывает на мягкость предшествующего или следующего согласного. Ср., например, *Weczowânſtwo*, *Stworizela*.

Наиболее последовательно и точно палатализация обозначается в Вольфенбюттельской псалтыри с помощью точки или штриха как знака смягчения согласного — *â*, *á*, *ô*, *ó*, *ê*, *é*, *ÿ*, *ü*, *û* и т. д.). В конце слова мягкость

согласного обозначается с помощью диакритического знака ‘ над графемами — *ŷ, ě, ř, řč* и т. д.

Если значение графической системы определяется связью с живой речью, то на основании ранних памятников нижнелужицкой письменности, их графических особенностей трудно сделать определенные выводы о точном произношении отдельных звуков. Можно лишь предположить, что фонетика, отраженная в графике этих памятников, хотя очень непоследовательно и неупорядоченно, в общем соответствует современному состоянию языка. На основании графических систем ранних нижнелужицких памятников можно представить общую картину состояния фонетических систем, представленных в них с разной степенью совершенства, что во многом определяется такими субъективными факторами, как знание нижнелужицкого языка самим переводчиком и влиянием на него немецкого языка, а также задачами, поставленными автором в процессе создания перевода.

Изучение фонетики, отраженной в графике ранних памятников нижнелужицкой письменности, дает определённое представление об особенностях тех или иных нижнелужицких диалектов, составляющих основу языка соответствующих памятников.

Особенности графики памятника в целом свидетельствуют и о месте диалекта, фонетика которого отражена в его графической системе, среди других серболужицких диалектов.

Графические особенности языка перевода иногда могут указывать на определенный фонетический процесс, совершающийся в языке в период, когда осуществляется перевод на определенный нижнелужицкий диалект. Так, в переводе М. Якубицы применение после /p/, /t/, /k/, наряду с обычными графемами *cz* и *s* (см. выше) комбинации графем *czer*, *rcz* или *rs* отражено наличие фрикативного элемента первоначального *ř, еще полностью не исчезнувшего.

Результаты некоторых фонетических процессов, находящие отражение в графике, свидетельствуют о существовании диалектных различий, как, например, в Вольфенбюттельской псалтыри изменение **e* > *a* представлено на примерах типа *pšinjaso, janeg, kolaso, jazoroju, jažow, rježadz, mjesac*; у Моллера, как и в восточных собственно нижнелужицких диалектах *y* > *a*, распространено в меньшей степени. Здесь, наряду с формами *džaseš, lažy, jedno, nježarže* употребляются также формы с сохранившимся /e/ типа *mjetwej, mjec, wjesoły, se wjeseliš, njemaš* и т. д. Серболужицкие диалекты к востоку от Ниссы не имеют перехода *e* > *a*: см. у М. Якубицы — *jednemu, wjecor, njematam, mjezy, zažeržac, ležy* (СЛИА, 14: 74).

В переводе А. Моллера отмечается употребление комбинации графем *dʃ*, *dʃʃ* для передачи звука /ž/ и *dʃ*, *tz* — для передачи звука /ś/. По предположению Г. Шустера-Шевца (Moller 1958), такое написание свидетельствует о том, что в языке перевода А. Моллера еще не все аффрикаты *ž*, *ś* изменились в спиранты *ž*, *ś*, что представляет древнее состояние нижнелужицкого языка, подобное тому которое представлено сохранившееся в верхнелужицком языке и восточно-нижнелужицких диалектах — слепянском и мужаковском.

Графическая передача звуков в переводах М. Якубицы и А. Моллера

Звук	М. Якубица	А. Моллер
a	a, aa, aha, ^ē a, ae	
o	o, oo, oho, ^ō o, oe, uo, uoo	o, oh, ho
ó		u, o
e	e, ee, ehe	e, ee, he, eh, ehe
ě	i, y, ie	y, ŷ, i, ie, ye
u	u, w, uu, uhu, ^ū u, ue	u
i	i, ihi, y, ie, [i]	y, ŷ, i, ie
y	i, y, ie, ye, e	y, ŷ, i, ie
b	b, p, [bp]	b, p
p	p, ph, [b]	p
d	d, td, dd, dh	d, [td]
t	t, tt, d, th	t, d, th
g	g, gh, k, gk	g, k, ch, g
k	k, kh, gk, g	k, g, gk, c
c	c, cz, z, tz, tcz, zc, zcz	tz, z
ć	tcz, tz, cz, c	dʃ, z, [tz]
dź	cz, c	dʃ, dʃʃ
dž		dʃ, dʃʃ
w	w, u, v	w, u, wh, uh
f	f, ff	f, ff
z	ʃ, ʃʃ, z, ʃch, [ʃʃch]	ʃ, ʃʃ, [ʃch], [β], dʃ, dʃʃ
s	ʃʃ, ʃ, z, ʃch, ʃʃch	ʃ, ʃʃ, ʃch, ʃʃch, [β]
ž	ʃch, ʃ, ʃʃ	ʃ, ʃʃ, s, ss, β, [z], dʃ, dʃʃ
ś	ʃch, ʃ, ʃʃ	ʃ, ʃch

ch	ch, [g]	g, gh, ch, [h]
h	h	h
j	y, i, g, j	g, i, y, j
l	l	l, ll
r	r, rh	r
m	m, mm	m
n	n, nn	n, nn
š	[ch, [sch, [j]	[ch, [j], [j, [j]ch, [β]
ž	[ch, [sh, z	[ch, [j], [j, [β], [(jz), [d[j]

Примечания:

1. В таблице учтены данные орфографических обзоров, приведенных в Schuster-Šewc, 1968: XXXII, и Schuster-Šewc, 1958: 10.
2. В квадратные скобки заключены графемы, применяемые в единичных случаях.
3. В переводах М. Якубицы и А. Моллера нет регулярного обозначения мягкости согласных.

Литература

- Ермакова 1984 — Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения: Парадигматика имени существительного по данным перевода М. Якубицы // Lětopis Instituta za serbski ludospyt. Bautzen, 1984. Rjad A, č. 31/2, s. 139–165.
- Ермакова 1989 — Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения. II // Lětopis. 1989. Rjad A, č. 36, s. 53–62.
- Ермакова 1989 — Ермакова М.И. Из истории серболужицкого именного словоизменения. III // Lětopis. 1990. Rjad A, č. 37, s. 35–45.
- Трубецкой 1987 — Трубецкой Н.С. Принципы фонологической транскрипции (Предложения Пражского лингвистического кружка) // Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Hórnik 1989 — Hórnik M. W kotry podzyći pisaše Tharaeus w lěće 1610? // Časopis Mačicy Serbskeje, 1869.
- Leskien 1876 — Leskien A. Das sorbische Neue Testament von 1548 // AfslPh I, 1876. S. 161–249.
- Leskien 1877 — Leskien A. Bemerkungen über die niedersorbischen Dialekt des Tharaeus // AfslPh, 2, 1877.
- Mucke 1891 — Mucke K.E. Historische und vergleichende Laut- und Formenlegre der Niedersorbischen (Nieder-laesetzisch-wendischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenz-dialecte und des Obersorbischen. Leipzig, 1891.
- Radłowski 1967 — Radłowski M. Enchiridion Vandalicum Andreae Tharaei. Zabytek dolnołużycki z 1610. Wrocław – Warszawa – Kraków, 1967.

- Schuster-Šewc 1958 — *Schuster-Šewc H.* Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958.
- Schuster-Šewc 1959 — *Bielfeldt H. H., Schuster-Šewc H.* Albin Moller. Niedersorbisches Gesangbuch und Katechismus. Budissin, 1574. Berlin, 1959.
- Schuster-Šewc 1968 — *Schuster-Šewc H.* Das niedersorbische Testament des Miklawuš Jakubica 1548, herausgegeben und mit einer Einleitung und wissenschaftlichen kommentaren versehen von Heinz Schuster-Šewc. Berlin, 1968.
- Schuster-Šewc 1967 — *Schuster-Šewc H.* Sorbische Sprachdenkmäler 16.–18. Jahrhundert. Bautzen, 1967.
- Šewc 1997 — *Šewc H.* Mikławša Jakubicowcy pželožk Noweho zakonja do serbšćiny z lěta 1548 // Lětopis. Lětnik 1997, № 2.
- Stieber 1934 — *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- Tharaeus 1610 — *Tharaeus A.* Enchiridion Vandalicum. Ein niedersorbisches Sprachdenkmal aus dem Jahre 1610. Bautzen, 1990.
- Trautman 1928 — *Trautman A.* Der Wolfenbütteler Niedersorbische Psalter (Einleitung und Edition). Leipzig, 1928.

Сокращения

- Mat. – Euangelium S. Matheussa
 М. – Euangelium S. Marka
 L. – Euangelium S. Lukassa
 J. – Euangelium S. Jana
 Jap. – Japoschtolske
 Rom. – Epistola Swittego Paula ktim Romarom
 1. Kor. – Prwna Epistola ku korintskym
 2. Kor. – Druga Epistola s. Pawła ku kornitskim
 Gal. – Epistola S. Paula k Galatuom
 Ef. – Epistola S. Pawła k Effeskym
 Fil. – Epistola S. Pawła k Filipenskim
 Kol. – Epistola S. Pawła ku Kolocenskim
 1. Tess. – Epistola S. Pawła prwna k Tessalonicenskim
 2. Tess. – Epistola druga S. Pawła k Tessalonicenskim
 1. Tim. – Prwna Epistola k Timoteowy S. Pawła
 2. Tim. – Druga Epistola S. Pawła k Timoteowy
 Tit. – Epistola S. Pawła k Titowy
 F. – Epistola S. Pawła k Filemonowy
 Heb. – Epistola k Hebreyskim
 1. Petr. – Prwna Epistola Swittego Petra

2. Petr. – Druga Epistola Swattego Petra

1. Jan. – Epistola prwna Swattego Jana

2. Jan. – Druga Epistola S. Jana

3. Jan. – Trzecza Epistola S. Jana

Jak. – Epistola S. Jakuba

Jud. – Epistola S. Judassa

Z.J. – Zgewene S. Jana.

Summary

Phonetics reflected in early Sorbian texts

The article is investigating the drawing of the one of the largest early specimens of the Lower Sorbian written language, the translation of the New Testament of M. Jakubica (1548), which reflects the phonetic features of a certain dialect. The drawing system of this literary is being compared with the observations of phonetics-drawing correlation of the other early Lower Sorbian ones of XVI–XVII centuries.

Диахронические особенности русской диалектной фонетики по данным лингвогеографии*

1. Введение. **2.** (2.1; 2.2; 2.3.). *Явления, связанные с рефлексацией редуцированных гласных.* **3.** (3.1; 3.2; 3.3; 3.3.1; 3.4). *Явления, связанные с рефлексацией *е.* **4.** *Участие протезы в рефлексации *о.* **5. Выводы.**

1. Включение явлений русской диалектной фонетики в контекст многоязыковых атласов может дать повод для внесения коррекции в имеющиеся представления о генезисе, хронологии, структуре отдельных явлений. В подтверждение этого далее некоторые особенности русских диалектов характеризуются с учетом тех данных, которые содержатся на картах ОЛА и в картеотеке ОЛА, а также в других диалектных атласах.

Созданию любого диалектного атласа как особого типа лингвистического исследования необходимо предшествовать определенный уровень предварительной изученности диалектной дифференциации того диалектного континуума, который становится объектом лингвогеографической интерпретации. Именно установленный состав диалектных различий определяет содержание вопросника, по которому обследуются говоры, включенные в сетку атласа. В особенности это относится к собственно грамматическому уровню языка, т. е. к вопросам, касающимся особенностей фонетики и морфологии диалектов. Условием создания диалектной карты является сопоставимость материала, полученного при обследовании говоров. Если при сборе материала обнаруживаются ранее неизвестные и не предусмотренные программой явления, то они могут быть отражены на карте как эксклюзивные факты, но сопоставимости в масштабах карты эти явления лишены, так как остается неизвестным, имеется ли такое же явление в других пунктах карты. В этой связи стоит привести мнение Р. И. Аванесова, высказанное им на начальном этапе работы над ОЛА. «В лингвистической географии в принципе величину данную, известную представляет языковое явление в его местных вариантах, а величину искомую — его территориальное распространение». И далее — задача ОЛА состоит в том, чтобы «через известные нам сведения о диалектных различиях установить и территориальное размещение их вариантов» (Аванесов 1962: 508).

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории». Проект «Русские диалекты в общеславянском контексте».

Специфика информации, которую может дать многоязыковой атлас, обусловлена тем, что в таком атласе содержание и динамика диалектного явления должны рассматриваться в пространстве диалектного континуума, составляющего атлас, в целом, а не в применении к отдельным его фрагментам в виде языков/диалектов. На принципиальность такого подхода к интерпретации данных ОЛА указывал С. Б. Бернштейн. Разделяя мнение, согласно которому в атласе «славянский диалектный континуум следует рассматривать в аспекте единого языка», он писал: «карты ОЛА на карте Европы обособляют славянский мир и показывают его диалектные типы» (Бернштейн 1990: 6, 12). И далее — «атлас имеет дело не с отдельными славянскими языками, а с диалектами единого славянского языка». Лишь при таком подходе к объекту изучения в атласе «карты могут решать проблемы сравнительно-исторической грамматики, а не истории отдельных языков» (Бернштейн 1993: 212).

Это, в частности, означает, что логика возникновения различающихся компонентов сходного по своему происхождению явления может быть понята при условии, что явление рассматривается как компонент славянского континуума, а не отдельных языков.

Представление о составе и содержании диалектных различий может меняться в зависимости от территории картографирования. Явление, не включенное в состав диалектного различия в определенном ареале, может стать компонентом такого различия (или частным проявлением «соответственного явления», см. Аванесов 1974: 124), если картографирование выходит за пределы этого ареала. В то же время следует иметь в виду, что существуют такие явления, одни компоненты которых включены в диалектное различие в составе континуума в целом, а другие показывают дифференциацию одного языка и не имеют соответствий за его пределами. Примером этого могут служить явления, связанные с рефлексацией *о в новом закрытом слоге в украинских диалектах. Замена *о гласным *i* включена в диалектное различие, отражающее разное развитие *о в новом закрытом слоге в славянских диалектах. Но наличие ~ отсутствие палатализации согласных перед *i* из *о не имеет никаких соответствий (даже нулевых) за пределами украинских диалектов, поскольку там отсутствует развитие *о в *i*. Поэтому различие в качестве согласных перед *i* из *о не может быть предметом картографирования в пределах Славии — это различие актуально только в пределах украинских диалектов.

Диалектный материал, являющийся объектом картографирования, обычно имеет в трудах по истории отдельных языков установившуюся диахроническую интерпретацию, которая отражена и в национальных диалектных атласах. Но при переходе от атласов отдельных языков к многоязыковому атласу,

когда на одной плоскости сопоставляются факты разных языков в их территориальном распространении, принятая структурная и диахроническая интерпретация этих фактов может потребовать коррекции. Могут быть выделены хроно-топо-изоглоссы, обозначающие распределение во времени вариантов одного явления (Аванесов 1963: 311).

Далее рассматривается вопрос о том, какую информацию об особенностях фонетики русских диалектов, в синхронном и диахроническом плане, дают карты, на которых русские диалекты включены в общеславянский континуум. Используются фонетические карты ОЛА, некоторых других атласов, а также картотека ОЛА.

Обращаясь к рассмотрению отдельных фонетических фактов в масштабах ОЛА, считаем необходимым подчеркнуть, что это занятие не следует относить к числу частных задач, находящихся на периферии славистических исследований. Именно адекватная интерпретация конкретных фонетических явлений (иногда независимо от частоты их реализации) в разных диалектах создает основу для общих выводов, выходящих за пределы собственно синхронной локализации явления.

Фонетическая часть Вопросника ОЛА предполагает фиксацию сегментов (гласных, согласных, ноль звука), выступающих в современных диалектах на месте реконструированных элементов позднего праславянского периода. Каждый их континуантов конкретного прасл. элемента имеет свое объяснение как в рамках общих сравнительно-исторических штудий, так и в исследованиях по истории отдельных славянских языков. При этом не исключено, что в отношении одних и тех же явлений высказываются разные суждения. Это, в частности, может касаться таких вопросов, как относительная хронология появления фонетического различия, его структуры и др.

Ориентация на предварительно апробированную модель фонетического развития может быть причиной того, что при анализе фонетики славянских диалектов явления, сходные по своей звуковой экспликации и соотносящиеся с одинаковым праславянского элементом, могут получать разную интерпретацию. В одних случаях констатируется соответствие принятой модели фонетического развития, а в других — нефонетическое происхождение явления, внешне сходного с первым.

Среди причин, по которым явление в диалекте не считается результатом закономерного фонетического развития прасл. элемента, может быть влияние кодифицированной формы языка, заимствование из церковной формы языка и др. Но чаще всего сегмент, не признаваемый за результат фонетического развития, объясняется действием аналогического выравнивания в пределах

словообразовательной или словоизменительной парадигмы, т. е. морфологической аналогией. В соответствии с этим, современные рефлексы одного и того же праславянского элемента, одинаковые по своей фонетической экспликации, получают разный статус в зависимости от позиции в морфеме. В одних морфемах они квалифицируются как результат фонетического развития. Позиции в других морфемах расцениваются как не содержащие условий, необходимых для фонетического развития — в этих случаях современному соответствию праславянского элемента приписывается нефонетическое происхождение.

Использование фактора аналогии при объяснении фонетического явления традиционно популярно в славистике. Констатация действия аналогии предполагает выявление образца, который вызвал преобразование другой формы, и доказательство того, что рассматриваемое явление в этой форме не является частным случаем общего фонетического процесса. Следует, однако, отметить, что на практике приоритет обычно отдается предварительно принятой модели развития соответствующего фонетического явления. Если явление не соответствует апробированным представлениям о фонетически закономерном развитии, то подбирается и тот сегмент, по образцу которого фонетически закономерное явление могло бы замениться фонетически незакономерным. Однако некоторые решения такого рода, будучи соотнесены с контекстом более широким, чем один национальный язык, могут получить иное толкование. Повод для этого дает материал ОЛА, который содержит сопоставимые факты в виде современных соответствий одной и той же праформы для всех славянских языков.

2. Явления, связанные с рефлексацией редуцированных гласных

2.1. Проблема рефлексации праславянских редуцированных гласных достаточно репрезентативно отражена в материалах ОЛА и на картах двух фонетико-грамматических выпусков ОЛА (ОЛА 2006; ОЛА 2003). На этом фоне заслуживает внимания вопрос о рефлексации *ь, *ь перед слогом с гласным полного образования, чему соответствует список фонетических явлений, объединенных в разделе 16. Вопросника ОЛА (Вопросник 1965: 26). Это — формы G sg *krъta (вопрос 36), *lъna (885), *lъba (3331), *lъgalъ (1981), *sъna (1605), *vъši (127), *mъxa (453), *rъži (584), *dъžža (2447), *bъza (420), N sg *stъklo (1038), *stъblo (615), *stъza (772), *mъgla (2423), L sg *na rъtĕ (1387), *vъsi (1996), а также *dъno (881).

Не все из этих праформ имеют континуанты в отдельных говорах сетки ОЛА, а там, где они имеются, редуцированные гласные или утрачены, или заменены гласными полного образования (вокализовались). Утрата гласного закономерно эксплицирует рефлексацию слабых редуцированных (*ь, *ь). В

отношении же замены редуцированных гласными полного образования имеется альтернатива — считать это явление фонетическим или нет.

Интерпретация развития *ѣ, *ь перед слогом с гласным полного образования связана с представлением о том, в каких позициях редуцированные гласные получали статус «сильных» или «слабых».

Согласно «правилу Гавлика», статус редуцированного гласного не на конце слова определяется качеством гласного в следующем слоге. Редуцированные перед слогом с гласным полного образования являются слабыми и должны утрачиваться, а если в этой позиции появляется вокальная замена редуцированного, то это вызвано причинами, выходящими за рамки правил рефлексации *ѣ, *ь как фонетического явления. Это может быть аналогическое выравнивание основы в рамках парадигмы (Klemensiewicz 1955: 115; Lamprecht 1986: 48; Stanislav 1958: 351), стремление избежать труднопроизносимых сочетаний, образующихся в случае возможного выпадения редуцированного гласного и развитие в составе таких сочетаний вторичных/вставных гласных. (Мирчев 1978: 124; ОЛА 2003: 8). А. А. Шахматов, анализируя судьбу редуцированных в древнерусском языке, специально выделяет главу «Нарушение старых отношений под влиянием аналогии» (Шахматов 1915: 248). В. В. Колесов считает, что аналогия, как способ преодоления «фонетического процесса разъединения словоформ многих слов», играла существенную роль в рефлексации редуцированных в древнерусском языке (Колесов 1980: 122). В перечисленных трудах действие морфологической аналогии всегда относится к периоду, когда слабые редуцированные были утрачены, а сильные заменены гласными полного образования.

При констатации морфологической аналогии за образец для выравнивания парадигмы в трудах, рассматривающих эту проблему, принимается практически любой член парадигмы. Например, считается, что континуант гласного *ѣ в польском *deszczu*, *deszczem* обобщен по форме N–Acc sg *deszcz*, а появление корня *desk-* во всей парадигме связывается с влиянием формы G pl (Klemensiewicz 1955: 115). В (ОЛА 2003) в комментариях к картам 1, 2 континуант N sg **ръѣ* связан с влиянием косвенных падежей, а континуант G sg **ръѣ* — с влиянием формы N sg на косвенные падежи. В п.77 такому объяснению соответствуют формы N sg *rà:ž*, *ř:ž* и G sg *ř:ži*, *raži*. При составлении фонетических карт ОЛА иногда предлагается отводить от картографирования или, по крайней мере, снабжать специальными знаками те явления, которые обусловлены морфологической аналогией (ср. комментарии к картам 1, 2 в ОЛА 2003).

Морфологическое выравнивание не регулируется правилами, привнесенными извне — оно, по словам де Соссюра, «первоначально принадлежит исключительно сфере речи; оно — случайное творчество отдельного лица» (Соссюр 1999: 165). Далее оно может стать индивидуальной чертой языкового идиома или их группы. Морфологическая аналогия — это всегда нарушение какого-то фонетического правила, вызванного конкретными причинами в конкретном идиоме. Именно поэтому факты изменений под влиянием морфологической аналогией индивидуализированы и обычно в описаниях перечисляются списком. Констатация результатов морфологической аналогии обычно не вызывает вопросов, когда речь идет о явлениях одного языка. Но по-иному можно оценивать те же явления, если они фиксируются в сходном виде на многоязыковой территории, как это имеет место на картах ОЛА.

На картах ОЛА при анализе рефлексов *ъ, *ь результаты морфологической аналогии в составе континуантов отдельных праформ констатируются в больших собраниях диалектов или даже в языке в целом. Ср. распространение G sg *rVži* (здесь и далее V — это обобщенное обозначение гласного) в сербских, хорватских, словацких говорах (ОЛА 2003: карта 2), G sg *lVna* (ibid: карта 23) в большей части диалектов, за исключением польских и русских, а для южнославянских диалектов форма определяется как «единственно возможный рефлекс»; G sg *dVžža* во всех восточнославянских (ОЛА 2006: карта 5) и др.

К тому же в формах указанного типа действие аналогии приобретает и большую временную протяженность, если учесть разную хронологию падения редуцированных в разных группах славянских языков.

По-другому можно интерпретировать те же явления славянской фонетики, если исходить из того, что «правилом Гавлика» не исчерпывается позиционное распределение сильных и слабых редуцированных гласных,

В традициях русской лингвистики принято считать, что редуцированные гласные могли иметь статус сильных не только перед слогом со слабым редуцированным, но и в начальном слоге слова под ударением независимо от качества гласного в следующем слоге, включая гласный полного образования (Шахматов 1915: 250; Селищев 1951: 153, 295; Черных 1952: 97; Бернштейн 1961: 249; Иванов 1990: 171). В (Якубинский 1953: 141) как примеры закономерного развития редуцированного гласного в такой позиции в русском языке приводятся слова *сѡхнуть*, *дѡхнуть*, *дѡску* Асс, *мѡха* Ген, *стѣкла* рl, *пѣстрый*, *тѣща* и др. В (Селищев 1941: 84) высказано предположение о том, что после падения слабых редуцированных или одновременно с этим в открытом начальном слоге редуцированный мог менять свой статус от сла-

бого к сильному с перспективой в дальнейшем заместиться гласным полного образования.

Следует отметить, что и в комментариях к некоторым картам ОЛА также иногда констатируется фонетически закономерное развитие $*\text{ь} > o$ в сильной позиции, хотя далее следует слог с гласным полного образования. Так интерпретируются формы N pl *wVši* (ОЛА 2006: карта 7), *mVgla* в южнославянских диалектах (ОЛА 2003: карта 35); относительно континуанта L sg *vVsi* в слн. пунктах сказано — «рефлекс всегда вокализировался несмотря на то, что он всегда находится в слабой позиции» (ОЛА 2006: 152). Как рефлекс редуцированного в сильной позиции квалифицируется континуант $*\text{stьblo}$ в виде *stVblo* в южнослав., чеш., слц., белорус., укр. говорах (ОЛА 2003: карта 36); то же сказано о *stVblo* < $*\text{stьblo}$ в (ibid: карта 37). Но для вокализации гласного $*\text{ь}$ в $*\text{stьza}$ / $*\text{stьga}$ предлагается альтернативное решение — «результат ликвидации сочетания согласных или морфологическая аналогия» (ibid: карта 38).

Разное объяснение дается словоформам с гласным в первом слоге, продолжающим праформу $*\text{mьgla}$, в комментарии к карте 35 в (ОЛА 2003). В южнославянских диалектах — это рефлекс редуцированного в сильной позиции, преимущественно под ударением, но также и без ударения. В белорус. *my'la* (п. 345), *m'y'la* (376, 385, 394), рус. *myg'la* (526), *mug'la* (688-689) — восстановление утраченного гласного, а в укр. *molha* (498), *mol'ha* (466), *myh'la* (467) — лексикализированный рефлекс $*\text{ь}$.

Далее, в соответствии с темой статьи, рассмотрим рефлексацию редуцированных перед слогом с гласным полного образования в русских говорах на фоне общего материала ОЛА.

Праформы с редуцированными гласными перед слогом с гласным полного образования в русских диалектах показывают следующие континуанты $*\text{ь}$, $*\text{ь}$.

G sg $*\text{dьžza}$, G sg $*\text{krьta}$ — всегда гласный *o* на месте $*\text{ь}$; в (ОЛА 2003: карта 11; ОЛА 2006: карта 5) вокальный континуант объясняется аналогией с формой N sg. В русских говорах в континуантах этих праформ отношение гласного *o* < $*\text{ь}$ к ударению варьируется — ударение на первом слоге встречается редко и преимущественно в говорах юго-запада территории (см. карты ОЛА).

$*\text{stьblo}$, $*\text{stьza}$ / $*\text{stьga}$ — континуанты этих праформ зафиксированы в многих русских говорах (ОЛА 2003: карты 36, 38). Более распространены формы $*\text{stьblь}$ и $*\text{stьзька}$, где в первом слоге $*\text{ь}$ находится в сильной позиции. Гласный *e* на месте $*\text{ь}$ выступает в предударном слоге.

*stʲklo — гласный *e* на месте *ь во всех русских говорах, кроме пп. 801, 825, 840 (*sklo* наряду с *s'tek'lo*), 846 (только *sklo*); рефлекс *ь находится всегда в предударном слоге, исключая пп. 568 (*s't'eklo*), 590, 634, 645 (*s't'oklo*) (ibid: карта 38).

G sg *sʲna — не только в русских, но и в подавляющем числе других говоров представлен только нулевой рефлекс *ь; вокализация редуцированных отмечена в немногих хорватских и украинских пунктах (ОЛА 2006: карта 3).

*mʲgl̩a — в тех русских говорах, где имеется континуант этой праформы, представлена нулевая рефлексация редуцированного гласного (контрастная ситуация представлена в южнославянских диалектах, где тот же континуант имеет гласный под ударением на месте *ь — ОЛА 2003: карта 35). Образовавшееся трехчленное сочетание согласных иногда сокращается за счет утраты латерального сонанта, что дает *mga*, *mʲa*, *im'ʲa*, а в п. 802, как вариант, зафиксирована форма без *g* — *im'la* // *im'ʲa*. Трехчленное сочетание может разрезаться с помощью вокальной вставки после *m* — *myg'la* (526), *mug'la* (670, 688, 689, 707), *məʲ'la* (726, 762, 773, 787). То, что этот гласный не является продолжением *ь, свидетельствует твердость губного согласного; ср. в этой связи белорус. *m'i'ʲla* (327, 376, 394).

L sg *vʲsi — в восточнославянских говорах континуантов этой праформы нет (ОЛА 2006: НМ 4)

G sg *bʲza — в русских говорах отсутствует (ibid: НМ 2). Континуант этой праформы представлен в белорус. пунктах, но с гласным *e* на месте *ь (*'bezu/a*), в чем, вероятно, отражено польское влияние. В укр. пунктах также показан континуант *'bezu*, но есть и *'bozu* (407, 408, 414, 419, 422), где гласный *o* соотносится с восточнославянской рефлексацией *ь.

В русских говорах не имеют гласного после сонанта континуанты праформ *gʲdʲa (ОЛА 2003: карта 3), *gʲzālʲ (ibid: карта 4), *lʲgālʲ (ibid: карта 21).

В русских говорах сетки ОЛА в континуантах праформ *gʲʒi, *lʲna, *mʲxa, *lʲba (ОЛА 2003: карты 2, 23, 34, НМ 6), *vʲʒi (ОЛА 2006: карта 7) на месте редуцированных гласных представлены как ноль звука, так и гласный полного образования. Частотное соотношение этих рефлексов различно в континуантах разных праформ. Так, вокальный рефлекс наиболее часто выступает в *mʲxa — 216 русских пунктов, далее *vʲʒi — 101, *lʲna — 30, *lʲba — 6, *gʲʒi — 4; соответственно, нулевая рефлексация реже всего встречается в *mʲxa. В одном говоре редко одинаковый тип рефлексации редуцированно-го проявляется в континуантах всех перечисленных праформ.

Характер рефлексации редуцированных гласных в названных праформах включен в диалектное различие в масштабах ОЛА. Это имеет следующий вид.

*гъѣ — почти всегда нулевая рефлексация *ъ в русских говорах ~ вокализация редуцированного в хорватских, сербских, словацких;

*ѣба — почти всегда нулевая рефлексация *ъ в русских говорах ~ достаточно частая вокализованная рефлексация в белорусских ~ только вокализованная рефлексация в украинских;

*ѣпа — преобладание нулевой рефлексация в русских, некоторых чешских говорах ~ более частая, чем в русских, вокализованная рефлексация в белорусских (42 пп.), украинских (31 пп.) говорах ~ только вокализованная рефлексация в южнославянских;

*ѣгаѣ — нулевая рефлексация в чешских, польских, белорусских, западно-русских говорах ~ последовательность IV в хорватских, сербских;

*въѣ — варьирование нулевой и вокализованной рефлексации *ъ в русских говорах ~ только вокализованная рефлексация в белорусских, украинских, части сербских.

В *тъха вокализованная рефлексация редуцированного представлена во всех западно- и восточнославянских говорах. Лишь немногие русские и единичные польские говоры имеют нулевую рефлексацию.

Общим для континуантов этих праформ является то, что в идиомах со свободным ударением континуант *ъ находится в ударном слоге. Единичные отступления от этого — в русских говорах *то'xu* (540, 544), *тə'xa* (771), *та'xu* (747), *vo'sy* (610), *va'sy* (725, 760, 773); в белорусских — *та'ха*, *va'sy*, *la'ba* (331), *мы'xu* (352), *то'ха* (382); в украинских — *wo's'i* (410, 418), *wu's'i* (414).

Обращает на себя внимание разная склонность диалектов к появлению гласного на месте редуцированного в первом слоге перед гласным полного образования в континуантах разных праформ. Так, в континуанте *гъѣја (ОЛА 2003: карта 3) представлены сочетание *#rž* в русских, польских говорах и последовательность типа *rV* в части словацких, македонских и украинских пунктов; в континуанте *ѣгаѣ нет гласного после *l* в русских говорах, а в южнославянских представлена последовательность *IV* (ibid: карта 21); в континуанте *ѣпа нет гласного после *l* в польских, русских, некоторых чешских говорах и представлена последовательность *IV* в белорусских, украинских, хорватских, сербских.

Рефлексацию гласного *ъ перед слогом с гласным полного образования отражают также континуанты праформы *ѣпо, показанные в выпуске ОЛА, посвященном рефлексам *о (ОЛА 2008: карта 50). Континуанты этой праформы имеют гласный на месте *ъ в хорватских и сербских пунктах — *dāno* (39, 40), *'dano* (41), *dānò* (52), *dāno* (53, 54); во многих болгарских — *'dāno/u* (114, 116, 120, 124, 127–131, 134–137, 140–142, 144, 145, 167, 850–853), *'dano/u*

(123, 133, 143); в немногих белорусских — 'dona (351, 352, 380, 381) и русских — 'dona (656, 658, 660, 674, 693, 694, 696, 712, 726, 726а, 729, 746–748, 758, 760, 771, 785). В безударном слоге первый гласный находится только в двух русских пунктах — də'no (725), da'no (797).

Как было сказано, гласный на месте редуцированных в этих словоформах часто объясняется морфологической аналогией и относится к числу явлений нефонетического происхождения. Аналогия может проявляться под влиянием отдельных членов парадигмы или однокоренных дериватов (например, рус. 'dona как 'donce, 'donyško). Такое суждение может казаться корректным в рамках современных фактов. Если же обратиться к генезису явления, то возникают следующие вопросы.

Во-первых, когда реализовалась аналогия — до или после падения редуцированных, т. е. происходило выравнивание [mъxá, mъxъ → mъxa, mъxъ; vъši, vъšъ → vъši, vъšъ] или [mxa, mox → móxa, mox; vši, voš → vóši, voš]? Альтернатива состоит в том, возникла ли потребность в выравнивании основы в предвидении фонетического разъединения форм одного слова в парадигме или после того, как это разъединение уже состоялось. Если выравнивание происходило до падения редуцированных, то оно достигалось переносом ударения, что автоматически меняло статус редуцированного гласного в корне. Такое же выравнивание после падения редуцированных не только меняет длину корневой морфемы, но и преобразует акцентный контур словоформы. Между тем, претензии на унификацию парадигмы в идиомах со свободным ударением могут быть вполне удовлетворены и без переноса ударения с флексии на корень, т. е. mo'xa, mox как sto'la, stol. Однако этот более простой путь унификации парадигмы, когда ударение продолжает оставаться на флексии в русском материале ОЛА представлен немногими приведенными выше примерами.

Второй вопрос — почему унификация парадигмы, осуществляемая включением интерконсонантного гласного, действовала избирательно и не распространялась на парадигму слов *дьнь, *рьсь, *рьпъ, очень редко *сьпъ и др., т. е. здесь «фонетический процесс разъединения словоформ многих слов» (Колесов 1980: 122) не встречает сопротивления.

Для объяснения этой ситуации привлекаются и фонетические аргументы. Считается, что морфологическая аналогия, ведущая к изменениям типа mxa > mox, была одним из способов устранения инициального сочетания согласных, неудобного по той причине, что оно нарушает принцип восходящей sonorности в начале слова, т. е. появлялся слог с перевернутой дугой sonorности (Иванов 1990: 175). Из рассмотренных выше примеров этот принцип после па-

дения редуцированных нарушался в словоформы *mxa*, *rži*, *lba*, *mgla*, а также *vši*, если учесть билабиальное образование спиранта, по своим синтагматическим особенностям совпадающего или сближающегося с сонантами (ср. *wšy*, *ušy*; проблема контраста по уровню сонорности снята при оглушении $v \rightarrow f$). В словоформе *l'na/lna* и сочетание в целом не противоречит принципу восходящей сонорности начала слова. Тем более это относится к *dno*.

Если считать, что формы G sg *mVxa*, *rVži* образовались для устранения инициального сочетания типа *Sont*, то непонятна разная интенсивность устранения *mx* и *rž* в диалектах одного языка. Так, в русских пунктах форма *'toxa* зафиксирована в 216 пунктах, а *'rožy* всего в 8 пунктах. Даже форма *'vošy* / *'wošy* встречается в русских говорах чаще, чем *'rožy*, хотя промежуточный в отношении сонорности статус губного спиранта делает контраст между ним и шумным спирантом не меньшим, чем между *r* и *ž*. В то же время форма *rVži* свойственна многим хорватским, сербским, словацким говорам, а форма *mVxa* почти всем западно- и восточнославянским.

Учитывая сказанное, можно предположить, что ко времени падения редуцированных в славянском континууме существовали варианты праформ с сильным и слабым редуцированным гласным в первом слоге перед следующим гласным полного образования. Сильный редуцированный гласный выступал при ударении на корне, слабый — при ударении на флексии, т.е. **mŕxa* // **mŕhá*, **lŕna* // **lŕná*, **rŕži* // **rŕží*, **vŕši* // **vŕší*, **lŕba* // **lŕbá*, **rŕtě* // **rŕtě* (но, вероятно только **rŕtŭ*). Эти варианты были компонентами диалектного различия и в разной степени и с разной частотой были представлены в разных диалектах.

В пользу такого решения говорит и особенность территориального распространения вокализованной рефлексии редуцированных в континуантах отдельных праформ. Как показывают карты, такая рефлексия может быть свойственна группе языков (ср. **mŕxa*, **lŕna*), отдельным языкам (**lŕgalŕ*), группе говоров в пределах одного языка (**vŕši*). Именно факт такой ареальной фиксированности явления заставляет усомниться в реальности того, что фонетический облик словоформы обусловлен морфологической аналогией. Морфологическая аналогия вызывается конкретными причинами в конкретном идиоме. Среди таких причин могут быть артикуляционная база идиома, правила построения фонетической программы слова, особенности лексического состава, контакты с другими идиомами и др. Именно поэтому факты фонетического изменения под влиянием морфологической аналогии индивидуализированы и обычно приводятся списком. Трудно представить морфологическое выравнивание как стимул изменения фонетики слов, действующее

в большом собрании диалектов, т. е. уже на уровне макросистемы. Таким образом, если признать, что гласный в *mVxa*, *IVna* и др. нефонетического происхождения, то морфологическая аналогия выступает как необъяснимый в своей распространенности на громадной территории феномен и приобретает значение некоей универсалии, действующей независимо от различий в звуковом строе отдельных диалектов.

В континуантах рассмотренных праформ морфологическая аналогия возможна при ударе на флексию. А. А. Шахматов русскую форму *'toxa* интерпретирует как результат фонетического развития, а на *mo'xu* — как следствие подравнивания к *tox* (Шахматов 1915: 243–245); то же в (Якубинский 1953: 141).

В пользу того, что вокальные континуанты редуцированных гласных в названной позиции не всегда связаны с морфологической аналогией, можно привести следующие аргументы.

В идиомах со свободным ударением замена формы *m'xa* (< *mъxá) на *'toxa*, *l'na* на *'lena* и под. меняет не только длину корневой морфемы за счет включения в нее гласного, но и преобразует акцентный контур словоформы. Между тем претензии на унификацию парадигмы могли быть вполне удовлетворены и без переноса ударения (*'tox*, *mo'xa* как *s'tol*, *sto'la*). Такие примеры имеются в диалектах со свободным ударением, но в материалах ОЛА их мало. Так, в белорусских пунктах форма Gen *la'ba* зафиксирована один раз (п.331), а во всех других дается форма *'loba*, как и во всех украинских (ОЛА 2003: НМ 6); форма Gen *ro'žy* только в п. 341. В русских пунктах примеры с ударением на флексии также немногочисленны — *mo'xu* (540, 541), *mə'xa* (771), *ma'xu* (747), *vo'sy* (610), *va'sy* (725, 760, 773). Ударение на флексии в формах *rVži*, *IVna* (ОЛА 2003: карты 2, 23) зафиксировано в некоторых словенских пунктах. В континуанте праформы L sg *rъtѣ ударение на флексии в укр. п. 404 (*u ro't'i*), в рус. п. 751 (*v ra't'e*). В континуанте праформы D–L sg *rъtu, напротив, при наличии гласного в корне, в восточнославянских диалектах ударение преимущественно падает на флексию. Отступления от этого в рус. пп. 525, 667, 689 (*na'rotu*).

Как было сказано, в русских говорах сетки ОЛА континуанты праформ *dъžža, *stьklo произносятся с гласным на месте *ъ, *ь (ОЛА 2006: карта 5; ОЛА 2003: карта 37). Вокальный рефлекс в континуанте *dъžža представлен во всех говорах ОЛА, где этот континуант имеется. А наличием гласного в континуанте *stьklo русские говоры совпадают с хорватскими, сербскими, восточной частью белорусских и отличаются от чешских, словацких, польских, украинских, где представлен нулевой рефлекс редуцированного и про-

изошло упрощение инициальной группы согласных (чеш., слц., укр. *sklo*, пол., белорус. *škło*, *šklo*).

Сама по себе такая ареальная ситуация дает повод для того, чтобы искать фонетическое объяснение вокальному рефлексу редуцированных гласных, хотя в литературе присутствие гласных в этих словоформах принято объяснять исключительно стремлением унифицировать звуковой состав основы в парадигме. Считается, что в русской парадигме *stǫklo возобладала основа pl, где *ъ, находясь под ударением, был сильным, т. е. *stǫkla. Между тем в других языках доминирующей стала основа sg, что с точки зрения аналогического выравнивания логично, поскольку формы pl как бы вторичны по отношению к sg. Аналогическое выравнивание, обуславливающее появление вокального континуанта *ъ, *ь перед слогом с гласным полного образования, обычно ассоциируется с переносом ударения с флексии на корень. В. В. Колесов это считает необходимым условием выравнивания (Колесов 1980: 122). Но по данным ОЛА континуант *dъžža с ударением на первом слоге в говорах со свободным ударением представлен лишь в немногих западных русских говорах и примыкающих к ним белорусских, а в *stǫklo — в нескольких рус. пунктах: *s'teklo* (568), *s'oklo* (590, 634, 645).

В связи со сказанным можно заметить, что достоверность проявления морфологической аналогии неодинакова в корневой и во флективной морфеме. В флективной морфеме, особенно если она выражена одним гласным, морфологическое воздействие очевидно — ср. рус. диал. G–Dat–L sg *že'n'e*, '*bab'e* или *že'ny*, '*babы*. В корневой морфеме действие морфологической аналогии однозначно просматривается в тех случаях, когда мена соответствующих звуков никак не может быть принята за фонетически закономерную — например, рус. диал. на фоне аканья *la'v'it'*, '*lav'it*, *ta's'it'*, '*toš'it*, так как есть *va'it'*, '*val'it*, *na's'it'*, '*nos'it*. При аканье замена предударного гласного *a* гласными *o* или *a* под ударением дифференцирована по морфемам, а приведенные примеры этот принцип нарушают. Такой бесспорности доводов в пользу нефонетического происхождения гласных на месте *ъ, *ь в *dъžža, *stǫklo нет, поскольку в принципе в начальном слоге редуцированные могут быть сильными и перед слогом с гласным полного образования. Поэтому для данных словоформ в русских говорах равновероятны два решения: 1) гласный на месте *ъ, *ь отражает нормальное фонетическое сильных редуцированных; 2) тот же гласный является результатом тенденции к унификации звукового состава основы в парадигме.

Среди явлений, связанных с рефлексацией редуцированных гласных после сонантов в начальном слоге, на картах ОЛА показана последователь-

ность #*VI*, #*Vr*. Свойственно это преимущественно восточнославянским и немногим южнославянским диалектам. Ср.: *гъѣи — слн. *ar'ži*, мак. *'aržišće*, рус. *ir'žы*; *гъѣја — слн. *ar'ja*, мак. *ar'ga*, зап. рус. *ir'ža*, *ar'ža*, белорус. *ir'ža*, укр. *yr'ža*, *гъѣаль — зап. рус. *ir'žal*, белорус. *ir'žaц*, укр. *yir'žac*, в трех мак. пунктах — *aržel* (92, 99), *'aržal*; *гъѣаль — только в зап. рус. и белорус. *ir'val* / *ц*; *Іѣгаль — только рус. и белорус. *i'gal* / *ц*; *Іѣна — в зап. рус. и единичных белорус. *il'na*, в единичных юго-зап. укр. *yl'na*; *мъха — в единичных зап. рус., белорус. *im'xa*, в одном укр. *ym'xa* (649); *мъгла — в немногих зап. рус. и белорус. *im'la*, *im'la*, укр. *ym'la*. В русских говорах инициальный сегмент *VI* имеется также в континуанте G sg *Іѣба — *i'ba*.

Это принято объяснять тем, что сочетание согласных, которое могло возникнуть в результате утраты редуцированного, т.е. #*Sont*, противоречило принципу восходящей сонорности начала слова, свойственному периоду до падения редуцированных (Иванов 1990: 175). С целью устранения этой новации сонант мог получать слоговость, отделяясь от следующего согласного слоговой границей. По мнению А. А. Шахматова, сонанты в начале слова были слоговыми перед слабыми редуцированными еще до падения этих гласных (Шахматов 1915: 229–241). Слоговой сонант в начале слова преобразовался в сочетание *VSon*, т.е. *мъха → *m̥xa* → *im̥xa*. Ср. также наблюдение Р. И. Аванесова над русским литературным произношением — в начале слова повышенная звучность сонанта перед минимальной звучностью шумного согласного создает условия для появления побочной слоговости, и далее — «в диалектах побочная слоговость нередко имеет дальнейшее развитие и перед сонорным выделяется гласный» (Аванесов 1956: 57).

В континуантах *гъѣаль, *Іѣна согласные не контрастируют по уровню сонорности, поэтому основанием для придания слоговости первому сонанту мог быть контраст по способу образования. В п. 727 зафиксировано произношение слогового сонанта в *І'na*.

Протетический гласный в перечисленных словоформах является как бы компенсацией утраты слабого редуцированного и именно так интерпретируется в комментариях к соответствующим картам в (ОЛА 2003). Однако эта компенсация в рамках конкретного говора выступает не как позиционное лексически неограниченное явление, а как фонетическая особенность конкретных словоформ. Поэтому в одном и том же говоре протетический гласный развивается отнюдь не во всех словах, содержащих для появления гласного подходящую позицию (см. соответствующие карты в ОЛА 2003).

Допуская возможность развития протетического гласного через слоговой сонант, в то же время следует учитывать и другие основания для появления

этого гласного. Дело в том, что в юго-западной зоне ДАРЯ (а именно в ней сосредоточены те русские пункты ОЛА, где зафиксирован протетический гласный) появление этого гласного не ограничено позицией перед консонантным сочетанием, начинающимся на сонорный согласный. В материалах к картам 14, 15 (ДАРЯ 1986. Вступит. статьи: 111) дается много примеров, в которых представлен протетический гласный перед любым инициальным сочетанием, а не только перед начинающимися на сонант.

Ср. перед SonSon: *имнэ* (= мне), *инрэвится*, *иннэй* (= дней), *иннэпр* (= Днепр), *инно́* (=дно), *арвóта*, *альóт*;

перед tSon: *иглэ́б*, *ипрёт*, *игна́ть*, *ижну́*, *ижнёт*, *ишлёт*, *ижнэ́вень*, *игру́ша*, *атворо́г*;

перед tt: *итка́л*, *изде́сь*, *иш'иш'ас*, *иштúка*, *истп́чка*, *исту́жа*, *атхóрь*, *атст́я* (=Gsg *тесть*), *аш'иш'енки*;

перед Sont: *иржа́ть*, *альдо́м*, *имха́*, *имиш́ить*, *имж́ить*, *имга́*, *альго́та*, *алгúн*, *альну́* и др.

Существует мнение, что протетический гласный перед сочетанием, начинающимся на шумный согласный, возник под влиянием того же гласного перед Sont, SonSon (Бурова 1983: 29). Роль стимулятора аналогических изменений приписывается сравнительно небольшой группе слов, имеющих в своем начале Sont, SonSon — это связано, по словам автора, с тем, что такие слова «для данной языковой территории могут иметь относительно высокую частоту употребления, поскольку включают в себя названия важных для этой местности сельскохозяйственных культур (*ржи*, *льна*)» (ibid: 30). Этот аргумент случаен, и в основе его лежит априорное представление о нефонетическом происхождении гласного перед начальными сочетаниями tSon, tt.

Между тем ситуация выглядит несколько по-иному, если посмотреть на нее с точки зрения реализации слова как фонетического процесса. Речь идет о том, что консонантному началу слова может предшествовать гласный приступ, т. е. слабая вокальная артикуляция. О. Брок так писал о «приступе голоса» перед начальным звонким смычным согласным: «при артикуляции в славянской речи выдыхаемый ток, вдавливаемый по образованию затвора в закрытую полость рта, сопровождается всегда голосными, глухо звучащими вибрациями» (Брок 1910: 141). Р. Ф. Пауфошима отмечает гласный приступ, или протетический гласный, перед инициальным сочетанием звонких смычных согласных в русском литературном произношении (Пауфошима 1977: 117), т. е. не только перед сочетанием типа Sont, как сказано у Р. И. Аванесова.

Гласный приступ, предвеляя артикуляционное усилие, начинающее слово, должен быть более интенсивен перед сочетанием согласных, чем перед

одним согласным. При этом можно допустить, что уровень интенсивности гласного приступа различается в разных диалектах и может быть достаточно высоким не только перед сочетанием, начинающимся на звонкий согласный (SonSon, Sont, Sond), но и перед сочетанием, начинающимся на глухой (tSon, tt). Гласный приступ относится к особенностям артикуляционной базы идиома, определяющим начало произнесения слова. Различие в артикуляционной базе можно считать компонентами диалектного различия. Особенность артикуляционной базы, обуславливающая развитие протетического гласного перед инициальным сочетанием согласных характерна для юго-западной зоны русского диалектного континуума.

На возможность того, что в этих говорах протетический гласный связан с абсолютным началом высказывания, где гласный приступ максимально эксплицирован, указывают наблюдения Е. Г. Буровой. В материалах ДАРЯ приводятся факты, указывающие на то, что на стыке слов, первое из которых оканчивается на гласный, вокальная протеза перед инициальным сочетанием согласных не появляется, т. е. *ирв́ать*, но *волосá рв́ал*, *ильно́м*, но *на льну́* (Бурова 1983: 31). Характерно, что и в русских материалах ОЛА также встречается варьирование форм с протетическим гласным и без него, т. е. *il'na* // *l'na* (пп. 527, 713, 762), *im'g'la* // *mg'la* (711), *im'xa* // *txa* (652) *ir'žy* // *ržy* (526, 655, 726, 729, 787). Не исключено, что эти варианты записаны в разных фразовых позициях, но в ответе на вопрос программы это не отражено, поскольку вопрос ориентирует на фиксацию изолированного слова.

Можно допустить, что в русских говорах, где протетический гласный появляется перед любым сочетанием согласных, такой гласный и перед #Sont вызван не только гипотетической слоговостью сонанта и является опосредованным следствием падения слабого редуцированного. Это явление может отражать правила построения фонетической модели слова, компонентом которой является гласный приступ как особенность артикуляционной базы соответствующего идиома. В последнем случае протетический гласный вообще не связан с вокализмом и должен рассматриваться в связи с правилами организации инициальных консонантных последовательностей.

2.2. В (ОЛА 1994) включены карты, посвященные континуантам интерконсонантных сочетаний редуцированного с плавным сонантом в **tʁt*, **tʁt*, **tʁlt*, **tʁlt*. Особенности развития сегментов **ʁl*, **ʁl* в украинских и белорусских говорах дают основание предполагать, что еще до падения редуцированных (т. е. до распада древнерусского языка на три восточнославянских), существовали различия между ними и прарусскими диалектами.

Такой вывод можно сделать на основе правил изменения латерального сонанта в билабиальный спирант ($l > w, ʎ$). Это изменение известно разным славянским диалектам в позиции перед согласным и на конце слова. Но особенность большей части украинских и белорусских говоров состоит в том, что изменение $l > w, ʎ$ здесь представлено не на уровне позиции, а в фиксированных морфемах. Это — морфемы, содержащие континуанты интерконсонантных $*ɫ, *ɫl$ и форма 1-ptc sg m, имевшая в своем конце $*-lʲ$. В этих же говорах изменение $l > w, ʎ$ отсутствует в сочетаниях типа lt , возникших после падения редуцированных, и в конце N subst sg m на $*-lʲ$. Судьба латерального сонанта в 1-ptc sg m, с одной стороны, и в N subst sg m, с другой, а также в словах, содержащих суффикс $*-lʲk-$, отражена в материалах и картах фонетико-грамматической серии ОЛА — $*jědlʲ, *mériʲlʲ, *jěxalʲ, *bělilʲ$ (ОЛА 1988); $*žęʲlʲ, *vęʲzəlʲ, *dęʲtelʲ$ (ОЛА 1990a); $*qgʲlʲ$ (ОЛА 1990б), и в лексико-словообразовательной серии — $*běʲlʲka, *perepeʲlʲka$ (ОЛА, животный мир) и др.

Разное отношение латерального сонанта к изменению в $w, ʎ$ в украинских диалектах отражает произношение $vóʎk, róʎnyʎ, žóʎč, bíʎ, stáʎ$ и $góʎka, bíʎka, stíl, póʎil$. Это не распространяется на часть юго-западных говоров, выделенных «условной изоглоссой» в (АУМ 2, карта 127), где лабиализация сонанта происходит на уровне позиций перед согласным и на конце слова.

В белорусских говорах, соответственно, произносится — $vóʎna, vóʎk, dóʎx, bíʎ, nasiʎ$ и $magílʲka, víʎgal, kól$. Принципиальность ситуации не меняется от того, что, по данным картотеки ОЛА, в некоторых белорусских говорах континуанты сочетания $*ɫʲlt$ произносятся не только с $ʎ$, но и с l . В каждом отдельном говоре примеров с l всегда меньше, чем с $ʎ$ (ОЛА 1990б: 153–157), и нет белорусских говоров, где был бы в этих сочетаниях отмечен только сонант l . В описании белорусской диалектной фонетики спирант $ʎ$ на месте латерального сонанта также фиксируется только в континуантах $*ɫʲlt, *ɫʲlt$ (Крывіцкі, Падлужны 1984: 148).

Замены латерального сонанта билабиальным спирантом на уровне позиции, с одной стороны, и в фиксированной лексической группе, с другой, не только разделены хронологически, но и исходно имеют разный структурный статус.

В правосточнославянских диалектах устранение закрытых слогов достигалось особенностью слогораздела. Если слогораздел проводился после сонанта, то сочетание редуцированного с латеральным обретает статус дифтонга, т. е. $ɫl, ɫʲl$. Преобразование сочетания редуцированного с латеральным в дифтонг происходило во всех правосточнославянских диалектах, но в праук-

раинских и белорусских диалектах дифтонг подвергся специфическим изменениям. Сонант в интерконсонантных сегментах **ьl*, **ьl* приобретал веляризованность перед следующим согласным ($l > \bar{l}$), что вызвало, в свою очередь, передвижение предшествующего гласного в задний ряд ($*ь > ь$) (Шахматов 1915: 132; Селищев 1951: 197). Подтверждением того, что веляризация сонанта перед согласным в исконных сочетаниях первоначально имела позиционный характер, является то, что при реализации полногласия (сочетания **tolt*, **telt*) сонант, оказавшись перед гласным, утрачивал веляризацию — в укр. говорах, имеющих *l*, этот согласный произносится в *молоко*, хотя первый гласный с несомненностью указывает на существование в прошлом веляризованного латерального согласного, вызвавшего изменение $*е > о$ перед *l* (ср. сохранение $*е$ перед *l* в южно- и западнославянских диалектах). Редуцированный гласный в составе такого дифтонга был «сильным» независимо от качества гласного следующего слога (поэтому в дальнейшем получилось не только *volk*, но и *volna*). Такое свойство редуцированный гласный получал потому, что он был компонентом единого комплекса, каковым был дифтонг, по своей длительности равный гласному полного образования.

В праукраинских и прабелорусских диалектах происходило повышение вокализованности дифтонгов, что достигалось превращением их в нисходящий *υ*-дифтонг (*ьυ*, *ьυ*). Возможность для этого содержалась в самой артикуляции сонанта *l*, которая реконструируется как лабиовеляризованная (Шахматов 1915: 62). Устранение переднеязычного зубного сближения усиливало лабиальный компонент артикуляции. Проявление «сильных» редуцированных проявилось в изменении *ьυ*, $> оу$, а в дальнейшем эта последовательность стала восприниматься как сочетание гласного с губным согласным ($о + v/w$). Именно это отражают записи из украинских диалектов в (ОЛА 1996б) — '*čoven*, '*dovhyj*, '*tovstyj*, '*wovna*, '*povnej*, '*mov'čyt*', '*stoфp*. Отождествлению *υ* ($< \bar{l}$) с согласным *v/w* способствовало то обстоятельство, что *υ* в континуантах интерконсонантных **ьl*, **ьl*, находясь в составе постоянного сочетания со следующим согласным, ни при каких словоизменениях не обнаруживает связь с сонантом *l*.

Лабиализация латерального сонанта на конце формы *l-ptc sg m*, может быть результатом того, что данная форма утратила редуцированный гласный раньше, чем другие формы, имеющие финальный $*ь$ (например, *subst N m sg*). В этом случае пауза сыграла такую же роль, как и согласный после сонанта в **ьlt*, т. е. вызвала *υ*-дифтонг.

Изменение $l > υ$, ограниченное интерконсонантными сочетаниями **ьl*, **ьl* и *l-ptc sg m*, изначально было формой повышения вокализованности конца

слога в условиях недопустимости закрытых слогов. Дифтонг на *ɥ* до падения редуцированных мог быть компонентом вокализма праукраинских и прабелорусских диалектов. Этот дифтонг был альтернативой развитию слогового латерального сонанта или последовательности типа *IV* в других славянских диалектах.

Известное многим славянским диалектам изменение *l > ɥ* на уровне позиции никак не связано с устройством слога до падением редуцированных гласных. Эта особенность синтагматики, ставшая актуальной после падения редуцированных, не разрушает связь между сонантом и билабиальным согласным — она наглядно проявляется при словоизменении. Поэтому в фонетических описаниях этих говоров иногда пишут о позиционном чередовании *l : w* или оценивают *ɥ* как вариант фонемы /l/.

Из сказанного можно сделать вывод, что рефлексация интерконсонантных сочетаний **ɥl*, **ɥl* выделяет в масштабах Славии украинские и белорусские диалекты, как имевшие до падения редуцированных тенденцию повышения уровня вокальности в пределах слога — изменение *ɥl > ɥɥ* означает усиление признака вокальности в сегменте. Такая выделенность названных диалектов наглядно подтверждается материалами и картами ОЛА.

По наблюдениям А. М. Селищева, лишь «на северо-западе кашубского края» наблюдается сходная ситуация — *l > ɥ* в *ɥlt* (из **ɥlt*, **ɥlt*), поэтому *voɥk*, *voɥna*; то же в *polɥ* — *poɥtorä*; в прочих морфемах *l > l* (Селищев 1941: 328). В описаниях фонетики кашубских говоров, включенных в ОЛА (пп. 241–245), латеральный сонант сочетания **ɥlt* включен в общий контекст рефлексации **l* (OF 1994: 32–52).

Предложенное объяснение рефлексации интерконсонантных сочетаний **ɥl*, **ɥl* в ее отношении к изменению *l > ɥ* в украинских и белорусских диалектах отличается от точки зрения, традиционно принятой в исторической фонетике восточнославянских языков. Согласно этой точке зрения, сочетания типа *lt* в морфемах, содержащих интерконсонантные **ɥl*, **ɥl*, с одной стороны, и сочетания, появившиеся после падения редуцированных, имели одинаковое развитие. Так, А. А. Шахматов относил изменение *l > ɥ* к периоду после падения редуцированных и считал, что изменение происходило в позиции конца слога после лабиализованных гласных. Сохранение же *l* в этих позициях обусловлено аналогией, т. е. сначала *stou*, *poɥ*, а потом *stol*, *pol* по аналогии с *stol*, *pol* (Шахматов 1915: 308).

Ю. Шевелёв рассматривает лабиализацию латерального согласного в украинском языке как единый процесс, относя его во всех проявлениях к периоду после падения редуцированных. Автор считает, что изменение *l > ɥ* выража-

лось в уподоблении латерального сонанта предшествующему *o* из *ъ, что способствовало усилению единства слога, реализуя вариант слоговой гармонии по лабиализованности (Шевельов 2002: 533). После континуанта *о лабиализация латерального не происходила, так как в новом закрытом слоге это был гласный *o* ~ *u* ~ *uo*, а развитие *ц* после *uo* могло бы провоцировать трифтонг, что недопустимо. Поэтому *вовк* и *золка* / *зілка*.

Однако по поводу этого суждения можно отметить следующее. В восточнославянских диалектах после падения редуцированных в пространстве типа CVC актуализировалось уподобление согласного и гласного следующему сегменту. Это — палатализованность согласного перед гласным переднего ряда; *e* > *o* перед твердым согласным; изменение *t'at'* > *t'et'*. Уподобление гласным согласным могло быть и прогрессивным — например, белорус. *y* > *u* после губных согласных. Но уподобление *согласного предшествующему гласному после падения редуцированных* проблематично. Тем более это относится к эвентуальному изменению *l* > *ц* после *o*. Что касается ссылки на дифтонг *uo* как на препятствие изменению *l* > *ц* — то, если бы изменение латерального в зависимости от предшествующего лабиализованного гласного действительно было актуально, то оно могло бы возобладать над дифтонгом и задержать изменение *o* в новом закрытом слоге на стадии *o* или *u*, т. е. избежать трифтонга.

Таким образом, карты ОЛА с достаточной долей вероятности дают повод для того, чтобы констатировать на уровне древнерусского единства (до падения редуцированных) диалектное различие, вызванное спецификой рефлексации *tъlt, *tъlt. Это различие противопоставляло прарусские диалекты другим восточнославянским.

2.3. В контексте проблемы редуцированных гласных может быть рассмотрен вопрос об особенностях фонетики одной морфемы, выражающихся в наличии ~ отсутствии в морфеме гласного *ь

Вопрос 2738 в (Вопросник ОЛА 1965) предполагает картографирование рефлекса *е в форме *sedmъ(-jъ). Материал ОЛА показал, что континуанты этой праформы выделяют русский язык в масштабах Славии. Связано это не с рефлексами *е, а с особенностью образования формы *adj prp*.

На восточнославянской территории эта форма образуется с основой *sedm- и *sedъm-. В основе *sedm- сочетание *dm* > *m* — белорус. *'s'omyj*, укр. *'semyj*, *'s'omyj*, рус. *s'e'moj*, *s'o'moj*, *s'a'moj*. В материале ОЛА сохранение *dm* отмечено в белорус. пункте 337 — *'s'odmy*, возможно, под польским влиянием. При этом в форме с основой *sedm- в белорус. и укр. ударение всегда на первом слоге, а в рус. — на втором.

Основа *sedьm- свойственна русским говорам (*s'ed"moj*, *s'ad"moj*) и отдельным белорус. и укр., преимущественно близким к русским. Это белорус. пп. 352, 352 (*s'až"mej*), 359 (*s'ad"my*), 362 (*s'ed"my*), 370 (*s'až"my*), 372 (*s'id"myj*) 387 (*s'až"moj*), 388 (*s'až"myj*); укр. пп. 445 (*s'ad"moj*), 446 (*s'ed"moj*), 481, 493, 514, 524 (*s'id"myj*), 494 (*s'9d"moj*). Формы с основой *sedьm- всегда имеют ударение на втором слоге.

Форму *s'ed"moj* в русском языке иногда объясняют церковнославянским влиянием. Ср. «форма с *д* несомненно книжного церковнославянского происхождения (ст.-сл. седьмъ, седмыи)» (Черных 1952: 97). П. С. Кузнецов, не исключая такой возможности, допускает и другое объяснение, а именно — «наличие в древнем языке параллельной формы с *ь* между согласными (на нее указывает как будто мягкость *д'*)» (Кузнецов 1953: 180). А. М. Селищев реконструировал праформу *adj pron* *sedьmъ (Селищев 1951: 215).

Согласный *д'* появился благодаря существованию после него гласного *ь. На то, что форма с *д'* является результатом закономерного фонетического развития, указывает ее территориальная локализация: во всей Славии это только русские говоры. Поэтому можно считать, что основа *adj pron* *sedьm- — это признак прарусских говоров, отличающий их от других праславянских говоров, в том числе и восточнославянских.

В одном говоре могут присутствовать варианты двух праформ, чему, в частности, соответствуют варианты с *о* под ударением и без ударения и только «не *о*» без ударения. Ср. '*s'omyj*, '*s'id"mej* (726а), '*s'omyj*, '*s'id"moj* (812), '*s'otaj*, '*s'ad"moj* (822), '*s'o"moj*, '*s'ed"moj* (647, 738, 756). То же отмечено в отдельных белорусских говорах — '*s'оты*, '*s'až"мы* (391), '*s'отaj*, '*s'až"mej* (352), '*s'отыj*, '*s'ed"мы* (362). Эти примеры показывают отсутствие изменения *е > о* перед палатализованным согласным *д'*.

3. Явления, связанные с рефлексацией гласного *е

3.1. К числу фонетических явлений, допускающих определенные уточнения в своем объяснении в масштабах ОЛА, может быть отнесено изменение гласного *е* в *о* после палатализованного/палатального согласного.

Эта особенность вокализма присуща таким языкам северной Славии, как польский, серболужицкие, русский, белорусский, и эксплицирована передвижением переднего гласного по направлению к заднему ряду и его лабиализацией. В этом проявилась реакция на тот контраст между сегментами слева и справа от гласного, который возник вследствие формирования консонантной корреляции палатализованности (смягчение полумягких согласных), допустимости закрытого слога. Перестала быть обязательной присущая пространству открытого слога синтагматическая ориентация гласного на предшествую-

щий согласный. Допустимость закрытого слога обусловила антиципацию следующего согласного при выборе гласного — синтагматические решения не ограничивались сегментом $t'e$, но стали актуальными и в сегментах $t'et$, $t'et'$.

В языках/диалектах, которые принято объединять по признаку изменения $e > o$, конкретная реализация этого изменения образует ряд диалектных различий. Общей чертой является лишь *отсутствие* изменения $e > o$ перед палатализованным согласным.

В разных языках изменению в o подвергается гласный e разного происхождения.

В польск. и серболуж. после мягких согласных гласным o заменяется континуант $*e$, но не $*b$. Имеются разные объяснения этого различия. Предполагается, что изменение $e > o$ происходило до вокализации сильных редуцированных (но после утраты слабых) (Rospond 1971: 78). Относительно ситуации в серболужицких языках высказывается мнение, что первоначальная замена $*b$ не совпадала с гласным e (Stieber 1934: 28, 29; Селищев 1941: 235). В ОЛА единичные серболуж. примеры с o на месте $*b$ — *koćoł*, *kźoł* (236), *keżow* (234), *kozow* (237) — отражают инерцию изменения $e > o$ после совпадения $*b$ с e .

В русском и белорусском языках лабиализации подвергается гласный, восходящий к $*e$ и $*b$.

Позиционные условия изменения гласного e также неодинаковы.

В польском они связаны с переднеязычной локализацией того согласного, который следует после гласного, а случаи появления гласного o перед губными и задненебными согласными считаются «нарушением процесса» (Klemensiewicz: 1955: 80). В серболужицких, русском и белорусском языках позиция изменения $e > o$ связывается с твердостью (веляризованностью/лабиовеляризованностью) следующего согласного независимо от его локализации (Mucke 1891: 51; Taszycki 1928: 131; Michalk 1962: 92; Fasske 1964: 90; Обращение 1970: 22; Иванов 1990: 184; Горшкова, Хабургаев 1997: 94).

В цитированных трудах по сорабистике отмечается непоследовательность изменения $e > o$ в серболужицких диалектах — оно происходит не во всех морфемах, содержащих подходящую для изменения $e > o$ позицию. То же отмечено в польских диалектах (Klemensiewicz 1955: 80). Возможно, это связано с краткостью периода, когда еще не совпали рефлексy $*b$, $*b$ — появление гласного e после твердого согласного на месте $*b$ устранило предпосылки для изменения $e > o$ после мягких согласных. Анализ ситуации в нижнелужицких диалектах в (Калнынь 1970: 11–16) показывает, что переход $e > o$, возникнув здесь как фонетическое явление, реально осуществился на уровне от-

дельных морфем, а отчасти и на уровне отдельных словоформ. Изменение на уровне морфем проявляется в том, что в говоре при наличии колебаний между гласными *o* и *e* на уровне позиции, характерной для изменения *e > o*, в составе конкретных морфем этих колебаний нет: каждая морфема выступает или с *o* или с *e*. Изменение на уровне словоформ проявляется в том, что в говоре одна и та же морфема в составе разных словоформ имеет неодинаковый звуковой состав — с *o* или с *e* в тождественно фонетической позиции. В дальнейшем гласный *e*, не попавший в сферу изменения *e > o*, в нижнелужицком заменялся гласным *a* (*br'aza*, *jazor*, *lacor*, *l'an* и др.) (ibid: 33). Вероятно, непоследовательность изменения *e > o* в серболуж. является причиной того, что в синхронной фонологической модели, данной в (*Sorbischer Sprachatlas* 13), не отражена допустимость сочетания гласного *o* с мягкими согласными.

Гласный *e*, не изменившийся в *o* под ударением перед твердым согласным, в составе отдельных примеров фиксируется и в русских говорах. Это реликтовое явление появляется в разнообразных единичных словах, в разных морфемах (Образование 1970: 29). Но русская ситуация не демонстрирует того уровня непоследовательности изменения *e > o*, который представлен в серболуж. диалектах.

3.2. Изменение *e > o* относится к числу явлений, отличающих украинский язык от других восточнославянских.

По мнению А. А. Шахматова, изменение *e > o* относилось ко всем православнославянским диалектам и осуществлялось в два этапа. Раньше всего в восточнославянском пространстве изменение *e > o* произошло после палатальных согласных, что было вызвано диссимилиацией переднего гласного палатальному согласному и происходило перед согласным, за которым следовали непередние гласные — в качестве иллюстрации этого приводятся слова *чоловік*, *жона*, *чоло*, *жолудь* (Шахматов 1915: 133, 135); то же в (Якубинский 1953: 150). В этой связи можно отметить, что иное объяснение дается произношению *o* вместо *e* в сходных примерах в словацких говорах в словах *tacocha*, *čort*, *čolo*, *vajco* — это называется «диспалатализацией *e > o*», вызванной отверждением предшествующих палатальных согласных, и констатируется ассимиляция гласного согласному (Pauliny 1963: 47). В обоих случаях стимул изменения гласного приписывается предшествующему согласному, но качество согласного и направление вокального изменения разные — палатальный согласный и диссимилиация гласного у Шахматова, отвердевший согласный и ассимиляция гласного у Паулини.

Второй этап изменения $e > o$ в восточнославянском пространстве происходил, по А. А. Шахматову, после смягчения полумягких согласных и отражен в русском и белорусском языках (Шахматов 1915: 135). Исходя из идеи древнерусского единства, продолжавшегося до XIV в., А. А. Шахматов считает, что смягчение полумягких согласных происходило и в укр., но в дальнейшем мягкие согласные перед e , i отвердели, и реконструируется для укр. Процесс типа $[t'i, t'e > t'i, t'e > ti, te]$ (ibid: 127). Еще более длинную цепь преобразований реконструирует Н. Н. Дурново. Он считает результатом вторичного смягчения произношение мягких согласных перед $*i$, $*e$ в некоторых североукраинских карпатских говорах, т. е. имеет в виду $[t'i, t'e > t'i, t'e > ti, te > t'i, t'e]$ (Дурново 1924: 233).

Из приводимых А. А. Шахматовым аргументов в пользу его точки зрения наиболее существенным является отверждение прасл. палатальных согласных перед i , e , т. е. *нива*, *книга*, *від них*, *поле*. Однако, учитывая немногочисленность таких сочетаний, можно допустить, что отверждение согласных в них произошло именно в целях подравнивания к значительно более многочисленным сочетаниям твердых согласных с i , e .

В. В. Иванов относит твердость согласных перед гласным e к еще более позднему времени, считая, что в украинском отсутствие результатов изменения $e > o$ не после исконно палатальных согласных является результатом вторичной делабиализации гласного o (т. е. $t'e > t'o > t'e > te$. — Л. К.) (Иванов 1990: 185), что маловероятно.

Кажется более правдоподобным, что в украинском языке изменение $e > o$ ограничилось позицией после исконно палатальных согласных и касалось только рефлекса $*e$ (*жона*, *чоло*, *пионо*, *чого*, *чобіт*, *вчора*). Это не опровергается примерами типа *жовти*, *човен*, *жовч*, *чорни*, *жорна*, в которых можно видеть результаты особого развития дифтонгов, продолживших сегменты $*tblt$, $*tbrt$.

Новые палатализованные согласные (т. е. «смягчение полумягких») в прайукраинских диалектах не появлялись перед гласным e из $*e$, $*b$ (а также перед $*i$) — так считают многие лингвисты, и в том числе — (Шевельов 2002: 229–254).

Объяснение украинской ситуации можно получить, если твердость/мягкость согласных перед континуантом гласных переднего ряда рассмотреть через призму правил организации фонетического слова после падения редуцированных. Среди этих правил приоритетное значение имеет принцип антиципации следующего сегмента при выборе предыдущего. Мягкость согласного перед континуантами $*\dot{e}$, $*\dot{e}$ в закрытом слоге, $*\dot{e}$ является реакцией

на напряженность этих гласных. Для *ѣ, *е это исходное качество, для *е — напряженность образовалась как компенсация долготы. Напряженность артикуляции, повышая подъем гласного, осложняет переключение согласного в гласный и облегчает это переключение повышением тона согласного.

Гласные *i, *е (*_ѣ) были ненапряженными и мягкость согласных перед ними не развивалась. Компоненты сегмента CV, содержащими такие гласные, были автономны, когда согласный не связан с качеством следующего гласного, а качество гласного с согласным. Именно этим объясняется характер изменений, которым подверглись в укр. континуанты *i, *е. Для *i это изменение подъема от верхнего до среднего, т. е. *míxu*, *díka* (надсянский говор) ~ *míxo*, *díka* (многие говоры и литературный язык) ~ *mí^exo*, *dí^eka* (бойковский говор) ~ *téxo*, *déka* (гуцульский говор). Континуанты *е (*_ѣ) располагаются в диапазоне от верхней зоны среднего подъема через его нижнюю зону до нижнего подъема — *těta* (надсянский говор) ~ *téma* (во многих говорах и в литературном языке) ~ *tăta* (гуцульский говор).

В сочетаниях типа *t'i*, *t'e* мягкость согласного в известной мере стабилизирует подъем гласного, а при твердости согласного последующий передний гласный более свободен в изменении подъема.

Твердость согласных перед континуантами *i, *е (*_ѣ) можно расценивать как отражение особенностей исходной синтагматики в праукр. диалектах.

Здесь не было возникшего после падения редуцированных контраста по высоте тона между согласными слева и справа от гласного, который мог стать предпосылкой к изменению *e > o*. Высокий тон согласных сохранялся в том случае, если в фонетической программе слова присутствовала антиципация уже утраченного *_ѣ — поэтому в укр. допустимы сегменты типа *t'#, t'p*, *t'k*. Современные же примеры типа *t'e* не связаны с характером синтагматических связей в сегменте **te*, а отражают употребление гласного *e* в соответствии с *_ѣ, **a* (см. об этом Калнынь 1994: 122).

В то же время в современных украинских диалектах существуют примеры, в которых гласный *o* все-таки выступает на месте **e*, *_ѣ после палатализованных согласных. В материалах ОЛА это *lon* (ОЛА 2003), *'s'omyj*. Ю. Шевелёв связывает это с чередованием сегментов *te* : *t'-*, ставшим возможным после падения редуцированных (*len* : *l'nu*, *'semyj* : *s'im*): по аналогии мягкий согласный появляется перед гласным *e*, что вело к «расподоблению *e > o*» после мягкого зубного согласного перед твердым (*len > l'en > lon*) (Шевелёв 2002: 824 и сл.). Такое позднее появление мягкости согласного перед гласным *e* и пролонгированное изменение *e > o* кажется маловероятным. Скорее можно допустить, что некоторые из переднеязычных согласных в от-

дельных диалектах могли первоначально получить повышение тона перед гласным *e* из **e*, **ь* и далее отреагировали на контраст согласных в последовательности *t'et* изменением в *o*.

В пользу такого предположения говорит ареал распространения гласных *e* и *o* в названных словоформах на украинской территории. Гласный *e* с предшествующим твердым согласным локализован на юго-западе в регионе Карпат, а *o* после палатализованного согласного — на остальной территории. Такая определенность локализации указывает на исходно разное развитие соответствующих праформ.

В укр. диалектах гласный *o* после мягкого согласного возможен в слове *ʎod* > **leď* (см. материалы ОЛА). Это — примеры, в которых гласный *e* в новом закрытом слоге не изменился в *i*, *u*, *o*, и под. Поскольку изменение *e* в новом закрытом слоге может сопровождаться лабиализацией, то и форму *ʎod* можно включить в этот процесс — тем более, если учесть сосуществование в одном говоре форм *ʎod* // *ʎud* (п.497), *ʎod* // *ʎid* (480, 505, 524). В тех немногих случаях, когда *e* сохраняется в новом закрытом слоге, перед ним произносится твердый согласный, т. е. *led*, *let*, что отмечено также в юго-западных говорах.

Изменение *e* > *o* в украинском языке/диалектах не связано с формированием корреляции палатализованности. Оно эксплицирует иной тип синтагматической связи гласного с консонантным окружением, чем тот, который представлен в языках/диалектах, развивших эту корреляцию, и где позиция после исконных палатальных отождествляется с позицией после новых палатализованных согласных.

3. 3. В белорусских и русских диалектах гласный *o* на месте **e* **под ударением** представлен не только перед твердым согласным, но и **на конце слова** (*t'o#*), а в русских окающих диалектах также и **без ударения**. Это же свойственно и серболужицким диалектам, хотя при фиксированном месте ударения гласный *o* на конце слова выступает преимущественно в заударном слоге (Sorbischer Sprachatlas 11: карты 24–26). Что касается примеров, показывающих гласный *o* на месте **e* под ударением в конце односложного слова, то они в серболужицких диалектах немногочисленны. Ср. *čo* (**trʲje*), *jo* (**jɛstʲ*), *wšo* (**vʲɛ*) (Michalk 1962: 92); *žo*, *jo* (Fasske 1964: 91); Gen–Acc личного местоимения 1 л. *mno* (Schroeder 1958: 86); в ОЛА континуант праформы **kʲde* — *žo* 234, *žo* 236.

Вопрос об изменении *e* > *o* перед паузой обсуждался в статье (Калнынь 2006) в связи с определением объекта картографирования на фонетических

картах ОЛА. Некоторые из положений этой статьи использованы далее в контексте диахронической интерпретации изменения $e > o$.

Относительно происхождения гласного o на месте $*e$ на конце слова существуют разные точки зрения. Результат не фонетического развития, а морфологической аналогии в этом случае констатируют (Дурново 1924: 152; Иванов 1990: 184; Бернштейн 1961: 278); позиция на конце слова, как исключаящая фонетическое объяснение гласного o , охарактеризована в (Шульга 1988: 257). Образцы для морфологического выравнивания иногда подбираются не вполне убедительно. Так, в (Иванов 1990: 184) сказано, что в русском языке «произношение *моё, твоё, всё* возникает под влиянием форм типа *то, оно, само*». Но эти две группы местоимений по своей морфологии и семантике настолько различны, что отождествление их в сознании говорящих, необходимое для действия аналогии, маловероятно. В то же время надо признать, что стремление видеть результат морфологической аналогии в произношении o вместо e во флексиях во многом поддерживается фактами очевидного проявления этой аналогии — ср. рус. *Inst sg землѣй* как *женой*.

Напротив, фонетически закономерным изменение $e > o$ перед паузой считают (Соболевский 1907: 62; Якубинский 1953: 150, 151; Stieber 1934: 13–17; Šuster-Sewc 1958: 42).

Материал ОЛА в сочетании с данными национальных диалектологий позволяет в сопоставимом плане рассмотреть вопрос о континуантах $*e$ в позиции перед паузой.

В материале ОЛА для показа рефлексии $*e$ перед паузой даются праформы *subst n N sg* с мягкой основой $*polje$, $*moŕje$, $*jaŕe$, $*jaŕse$, $*sŕlncę$, $*sŕrdce$, $*veselŕje$, $*zelŕje$. Континуанты этих праформ в восточнославянских диалектах имеют разный акцентный контур — суффиксально не осложненные *subst na* $*je$ имеют ударение на основе, а суффиксальные формы имеют флексию под ударением и без ударения. В серболужицких и польских диалектах финальная позиция в словах длиннее одного слога всегда безударна.

Восточнославянские диалекты различаются в зависимости от того, имеют ли они *под ударением* гласный o в соответствии с $*e$ в континуантах указанных праформ.

Во всех восточнославянских пунктах ОЛА ударную флексию имеют континуанты праформы $*jaŕse$. В белорусских говорах преобладает произношение *jaŕ'co*, а *jaŕ'ce*, *jaŕ'c'e* отмечено в пунктах близких к территории украинского языка (пп. 362, 363, 372, 376, 382, 384, 385, 395, 399). В ответах из украинских говоров представлено только *jaŕ'ce*. Флексия *-o*, зафиксированная в пп. 439, 441, 442, 445, считается результатом влияния русских диалектов. В русских пунктах — только *jaŕ'co*, *jaŕ'c'o*.

В белорусских говорах имеется диалектное различие в виде [флексия -о ~ не -о под ударением] после мягких согласных в форме subst n N sg. В (Крывіцкі, Падлужны 1984: 154, 177) приводятся примеры из восточнополюсских говоров — *жыцц':о́, кас':о́, пл'ачо́, ружйо́* и др. А в юго-западном регионе при отсутствии изменения *е > о* в основе (*дал'еко́, б'ёрдо́, жэ́ртка*) гласный *е* под ударением произносится и во флексии subst n — *ружйе́, йайце́, пл'аче́, кас'йе́* (ibid: 197; Крывіцкі 2003: 165).

В русских говорах в рассматриваемой форме флексия под ударением имеет только вид -о (*плечо́, яйцо́, рваньё́, тряпё́, бельё́* и т. п.). Если в говоре существуют варианты одного слова с ударной и безударной флексией, то под ударением выступает именно гласный *о*. Так, в ОЛА, при распространенном в русских пунктах произношении *'z'el'ja /e/ o*, в п. 715 под ударением показан вариант *'z'el'jo*. Ср. также русские варианты форм adj subst n N sg *'s'in'e* и *s'in'o*, а также *пéнье* и *пеньё́, спáнье* и *спанё́, ко́лотье* и *колотё́* и др. (Обратный словарь). В северо-восточной части севернорусского наречия формы 2 pl praes при ударении на флексии имеют на месте *е* гласный *о* в конце слова — *несит'о́, сидит'о́* (Русская диалектология 1964: 164).

Приведенные данные дают основание считать, что в русских и белорусских диалектах появление *под ударением* гласного *о* на месте **е* на конце слова (перед паузой) является результатом фонетического изменения. Этому может быть дано следующее объяснение.

В связи с тем, что после падения редуцированных, благодаря допустимости сегмента *t'ʃ*, палатализованные согласные утратили обязательную связь со следующим гласным переднего ряда (*t'e, t'i*), а гласные *е* и *о* оказались в отношении дополнительного распределения (*to, t'e*). Это с определенностью проявлялось и в варьировании флексий с гласным *о* или *е* в зависимости от твердости-мягкости предшествующего согласного. Такие отношения способствуют сближению или совпадению гласных в определенном контексте. Сохранению гласного *е* способствует ситуация, когда на артикуляцию гласного действует антиципация следующего сегмента высокого тона, что имеет место в последовательности *t'e'*. Если такой поддержки переднее образование гласного *е* не имело, то артикуляция гласного передвигалась по направлению к заднему ряду, что ассоциировалось с лабиализованностью. Это имело место в последовательностях типа *t'et, t'eʃ*, особенностью которых является то, что им свойственен контраст, состоящий в наличии сегмента высокого тона перед гласным и отсутствием такового после гласного. П. С. Кузнецов, определяя изменение *е > о* в русском языке как ассимиляцию гласного следующему согласному, отмечает, что «в таком случае фонетический пере-

ход $e > o$ на конце слова был бы непонятен» (Кузнецов/Якубинский 1953: 359). Переход становится понятным, если приоритетное значение придать позиции, препятствующей изменению $e > o$, т. е. позиции $t'et'$.

В русском языке гласный e под ударением сохраняется и в последовательности типа $t'et'$ (*учёба* и *учёбник*, *сёстры* и *сёстринский*, *лёжок* и *лёгче*; *лёгкий* по аналогии с *лёжок*). Для таких случаев допустимо констатировать антиципацию переднего гласного (высокого тона) при выборе гласного под ударением (Калнынь 2001: 28). Изменение $e > o$ является одной из причин того, что в русском языке в системе вокализма под ударением фонематически незначим ряд гласного, но используется признак наличия ~ отсутствия лабиализации (Аванесов 1956: 95).

Результаты фонетического изменения $e > o$ под ударением на конце слова выделяет белорусские и русские языки/диалекты на пространстве современной северной части Славии, так как только в них в этом регионе допустимо ударение на конечном гласном в *неодносложном* слове. Если же принять во внимание *односложные* слова, то фонетическое изменение $e > o$ под ударением в финальной позиции следует констатировать и в серболужицких диалектах.

Существенным является вопрос об изменении *безударного гласного* $e > o$ на конце слова. Является ли в этом случае безударный гласный o после мягкого согласного, как и под ударением, результатом фонетического развития или же вызван морфологической аналогией?

В современных восточнославянских диалектах результаты изменения $e > o$ по-разному относятся к *ударности* / *безударности* слога.

Считается, что исконно в русских говорах изменение $e > o$ не зависело от положения гласного относительно ударения (Орлова 1970: 22; Иванов 1984: 185). Подтверждением этого является ёканье во многих окающих русских говорах (*n'o'su*, *'vyn'osu*). Но безударный гласный o после мягкого согласного невозможен в тех говорах, чей вокализм организован по модели яканья/еканья/иканья. Поэтому русские акающие говоры и белорусские находятся за пределами вопроса об изменении $e > o$ в безударном слоге, в том числе и перед паузой.

Континуанты перечисленных в Вопроснике ОЛА праформ с $*e$ на конце слова в форме subst n N sg представлены в русских окающих говорах, где они имеют безударную флексию *-o* или *-e* после мягкого согласного. Варьируется как сам состав континуантов, зафиксированных в отдельных пунктах, так и количество таких, которые имеют именно флексию *-o* после мягких согласных.

Для выяснения вопроса о причине появления *безударного* гласного *о* после мягкого согласного перед паузой в subst n N sg можно обратиться к картам ДАРЯ, показывающим изменение безударного гласного *е* перед твердым согласным. К рассматриваемому сюжету ближе всего по позиции употребления **е* является карта 21 ДАРЯ «Гласный на месте *е* (из **е* и **ь*) в заударном неконечном слоге перед твердыми согласными». Северная часть этой карты заполнена знаками, показывающими варьирование произношения *вы[н'е]су, ó[з'е]ро // вы[н'о]су, ó[з'о]ро*. В комментарии к карте (ДАРЯ. Вступит. статьи: 119) сказано, что причины варьирования *е//о* «не могли быть в полной мере выявлены в условиях экстенсивного обследования говоров».

На карте 4 ДАРЯ «Гласный на месте *е* из **е* и **ь* в первом предударном слоге после мягких согласных» показано, что произношение предударного гласного *о* на месте *е* перед твердым согласным реализуется с неодинаковой последовательностью в разных окающих говорах. Как сказано в комментарии к карте (ДАРЯ. Вступит. статьи: 95), более последовательное употребление *о* характерно для Владимирско-Поволжской группы говоров, а варьирование *о//е* — для северного наречия. В целом, карты ДАРЯ позволяют сделать вывод, что в безударной позиции изменение *е > о* перед твердым согласным в русских говорах осуществлялось не так последовательно, как под ударением.

На фоне такого знания об изменении безударного *е > о* перед твердым согласным в русских говорах, гласный *о* после мягкого согласного на конце слова допускает следующее толкование. Если в говоре гласный *о* представлен достаточно часто в корпусе привлеченных для картографирования словоформ, то в этом допустимо видеть результат закономерного фонетического изменения, подобного тому, которое происходит под ударением на конце слова. Но и в варьировании *о//е* нельзя совсем исключить непоследовательность в фонетическом изменении безударного *е > о*, если в данном говоре это же представлено перед твердым согласным. В этой связи стоит отметить следующий факт. Произношение *'pol'o, 'mor'o* в описаниях русской диалектной фонетики чаще всего приводится как пример аналогического выравнивания по формам *'delo, 'ozero*. Но в материалах ОЛА континуанты **pol'je, *mor'je* показывают не только совпадение во флексии, но и различие. Так, в пп. 551, 552, 554, 555 — *'mor'o, 'pole*, а в пп. 556, 576, 577, 586-591 — *'mor'e, 'pol'o*. Это также похоже на результат непоследовательного изменения *е > о* на конце слова.

В ОЛА имеются пункты, где гласный *о* в конце слова зафиксирован в одном-двух словах, при наличии гласного *е* в остальных представленных в говоре континуантах раформ с конечным **е*.

Ср. примеры с гласным *o* в материалах ОИА — 535 'serco, 'mor'o; 551 v'e's'el'jo, 'mor'o; 553 'zel'jo, v'e's'el'jo; 554, 555 'mor'o; 556 's'er'c'o, 'mor'o; 560 'zel'jo; 578 'mor'o, 'pol'o; 584 v'e's'el'jo, 'mor'o; 586 'zel'jo, 'mor'o; 592, 593 'son'c'o, 'pol'o; 605 v'e's'el'jo; 608 'sonco, 'mor'o; 612 's'erco, v'e's'el'jo; 616 'pol'o; 617, 620 's'er'c'o, 'pol'o; 623 's'er'c'o; 628 v'e's'el'jo; 634 'mor'o, 'pol'o; 638 'pol'o/e; 646 'mor'o/e; 647 'zel'jo; 661 's'erco, 'mor'o; 663 v'e's'el'jo, 'mor'o; 665: 's'erco, 'pol'o; 685 'zel'jo; 688 's'erco, 'mor'o; 719 'pol'o; 720 'mor'o, 'pol'o; 744 'zel'jo; 745 'pol'o; 738, 742, 743 'mor'o; 744 'zel'jo; 756 'pol'o/e; 757 'mor'o, 'pol'o. Эти случаи допускают альтернативное объяснение: проявляется в этом непоследовательность фонетического изменения или же имеют место факты морфологической аналогии.

Существенный аргумент в пользу фонетического происхождения изменения *e > o* в безударном слоге на конце слова дает территория распространения явления в русских окающих говорах — на карте явление занимает достаточно большой регион. Такое тотальное распространение факта морфологической аналогии, т. е. фонетически не поддержанного явления, маловероятно.

Для сравнения приведем следующий факт из польского материала ОИА. Здесь казалось ни что не мешает проявлению морфологической аналогии на конце слова, тем более, что аналогическое выравнивание основ в отношении употребления гласного *o* вместо *e* в польском достаточно распространено (Rospond 1971: 79). Тем не менее, флексия *-o* отмечена только в *shun'co* (п. 299), *serco* (пп. 277, 299) и *jajo* (<*jaje) во многих пунктах. В комментариях к материалу сказано, что в *jajo* конечный гласный *o* является результатом аналогии с *lato*, *jablko*. Остается вопрос, почему именно это слово в отличие от других так широко включалось в морфологическую аналогию в польских диалектах. В фонологических описаниях польских диалектов, включенных в сетку ОИА, гласный *o* на месте **e* на конце слова не зафиксирован (OF 1982, 1983, 1984). Единичность польских примеров, ассоциирующихся с морфологической аналогией, однозначно подтверждает связь изменения *e > o* с согласным, следующим после гласного, и недопустимость такого изменения перед паузой. Фонетическая недопустимость гласного *o* перед паузой после мягкого согласного препятствует и морфологической аналогии.

Как показано в (Крывіцкі, Падлужны 1984: 215; Крывіцкі 2003: 163), имеются юго-западные белорусские говоры, чей вокализм определяется как неполное аканье/яканье. Принцип аканья/яканья нарушается в заударной части слова, и одним из проявлений этого является произношение гласного *o* после мягкого согласного в конце слова — *nól'o*, *v'ac'él'o*, *adž'én'o*, *snán'o*,

з'ёл'о (Кривіцкі, Падлужны 1984: 215), а также варианты с'м'ёц''іе (-йо), в'ас'ёл'іе (-йо), зап'ёчы (-йо) (Кривіцкі 2003: 166, 176). В (ДАБМ: карта 17) картографируется гласный на месте *e* в subst n N sg с мягкой основой. Произношение *кам'ённ[о]*, *в'ёцц[о]* обозначено специальным знаком в компактной зоне в регионе Гродно и Бреста.

В материалах ОЛА в этих же белорусских говорах (пп. 343, 353–356, 365) показана флексия *-o* после мягкой (в том числе исконно) основы в континуантах праформ, которые Вопросником ОЛА предложены для установления рефлексов **e* без ударения на конце слова. Конкретные ответы на Вопросник ОЛА в названных белорусских пунктах выглядят следующим образом: 343 'po'lo, 'mor'o, 'serco, 's'lonco; 353 'moro, 'serco, 'sonco; 354 'po'lo, 'mor'o, 'v'a's'e'l'-jo, 'serco, 'sonco; 355 'po'lo, 'v'a's'e'l'jo, 'z'e'l'jo, 'serco, 'sonco; 356 'po'lo, 'mor'o, 'v'a's'e'l'jo, 'serco, 'sonco; 365 'po'lo, 'mor'o, 'v'a's'e'l'o, 'z'e'l'o, 'sonco. Сделать выводы относительно происхождения гласного *o* перед паузой в этих белорусских говорах затруднительно, поскольку неизвестно, отражено ли в этих говорах фонетическое изменение *e > o* в заударных слогах перед согласным.

На территории ОЛА явление, подобное фонетическому изменению безударного гласного *e > o* на конце слова в русских окающих говорах, отмечено в серболужицких пунктах. Приводятся следующие ответы на Вопросник ОЛА: 234 *syonco, zel'e, mer'o, polo, jajo*; 235 *syonco, zyl'o, mor'o, polo, jejo*; 236 *slojnco, zel'e, mōr'o, pōl'o, jajo*; 237 *syonco, zel'o, mor'o, polo, jejo, hōsc'o, luž'o, w'esel'o*. При этом, как показано на картах в (Sorbischer Sprachatlas 11, Карты №№ 24–26), в серболужицких говорах формы subst n N sg делятся на две группы. Континуанты праформ на **je* почти без исключения имеют флексию *-o* — *mor'o, jajo, po'lo, žyšč'o*. У существительных же на *-*bje* сравнительная частота финальных гласных *o* и *e* в отдельных словах неодинакова. Так, на названных картах употребление гласных *o* и *e* в слове *zbože / zbožo* образует 11 ареалов, а в слове *biće/o, biše/o* — 7 ареалов. При этом распределение флексивных гласных *o* и *e* может быть семантически маркировано. Окончание *-o* ассоциируется с отглагольным существительным со значением предмета (*twarjenjo* 'строение', *swěcenjo* 'керосин'), а *-e* свойственно отглагольным существительным со значением действия (*rachowanje, pisanje*) (ibid: S. 110).

В целом специфика употребления гласного *o* на месте **e* на конце слова дает основание считать, что в серболужицких диалектах на конце слова после мягкого согласного также могло иметь место фонетическое изменение безударного гласного *e* в *o*, но в определенной лексике оно осуществляется непоследовательно.

Реализация изменения $e > o$ после палатализованных согласных показывает *синхронную* дифференциацию диалектов части северной части Славия по ряду параметров.

Это выражается в:

1) составе сегментов, перед которыми представлен результат изменения $e > o$ — [перед твердыми согласными и паузой ~ только перед твердым согласным];

2) локализации твердого согласного, перед которым представлен результат изменения $e > o$ — [согласный любой локализации ~ только переднеязычный согласный];

3) представленности результатов изменения $e > o$ перед паузой в их отношении к современному ударению — [под ударением и без ударения ~ преимущественно без ударения];

4) непоследовательности появления гласного o на месте e в подходящих для этого позициях — такая непоследовательность касается изменения безударного гласного $e > o$ и просматривается в серболужицких диалектах, а также в русских окающих говорах.

Эта синхронная информация, может быть интерпретирована с включением фактора времени. Как отметил Р. И. Аванесов в своем докладе на V ММС (Аванесов 1963: 299), на лингвогеографической карте совмещаются сходные внешне явления, но имеющие разную хронологию. Поэтому показания карты могут быть сведены не только к «топо-изоглоссам», но и к «хроно-топо-изоглоссам», которые показывают временную глубину образовавшихся диалектных различий и дают повод для суждения о причинах, первоначально породивших соответствующее явление.

Если рассматривать изменения $e > o$ через призму хроно-топо-изоглосс, то можно прийти к выводу, что это изменение, исходно имея одинаковый стимул, в разных диалектах имело неодинаковые хронологические и структурные характеристики.

Изменению $e > o$ способствовала утрата слабых редуцированных и появление в результате этого палатализованных согласных, не связанных позиционно со следующим передним гласным. Следствием этого стало то, что правила синтагматики согласных и гласных перестали ограничиваться пространством слога (to , $t'e$). В частности, стал актуален принцип антиципации твердости или палатализованности следующего согласного при выборе предшествующего гласного среднего подъема после палатализованного согласного, т. е. тон гласного (высокий / низкий) ориентировался на тон следующего согласного (et' , ot — твердый и мягкий согласный также различаются высотой

тона). Этим *общность* условий изменения $e > o$ исчерпывается. Общим является и контекст отсутствия изменения — это позиция между палатализованными согласными ($t'e'$).

Далее вступает различие в относительной *хронологии* изменения. В серболужицких и польских диалектах изменение $e > o$ происходило *до полного совпадения* $*_b$ с гласным e . После реализации такого совпадения условия для изменения $e > o$ утратились: гласный e стал допустим как после мягкого, так и после твердого согласного, и гласные e и o перестали находиться в отношениях дополнительного распределения. Относительной краткостью периода, в котором существовали условия для изменения $e > o$, возможно объясняется непоследовательность изменения в серболужицких диалектах. Изменение $e > o$ в польском и серболужицком ареале хронологически является более ранним, чем то же изменение в диалектах, лежащих в основе белорусских и русских языков, где изменение $e > o$ происходило на фоне разного развития переднего и непереднего редуцированных — $*_b > e$, $*_b > o$.

Различие в *позициях, требующих изменения* $e > o$, эксплицирует разный тип синтагматической связи гласного e с предшествующим и последующим сегментами в звуковой последовательности. Различие в сегменте, антиципация которого вызывала изменение $e > o$, имеет вид [согласный t , не дифференцированного относительно места образования согласного, и $\#$] $\sim$ [согласный t , только фиксированного места образования].

Если изменение $e > o$ происходило не только перед согласным, но и перед паузой (на конце слова), то это указывает на такое правило синтагматики, при котором определяющей является антиципация сегмента, не обладающего высоким тоном, независимо от конкретной локализации этого сегмента. Такая типологическая общность свойственна позициям $-et$, $e\#$. Это является результатом того, что связь гласного с предшествующим согласным, характерная для периода до падения редуцированных, нарушена. При такой синтагматической ситуации сохранение гласного e поддерживалось только палатализованностью следующего согласного ($-et'$).

Но только перед сегментом, состоящим из переднеязычного согласного, представлены результаты польского изменения $e > o$ (*piórko*, но *piekar*, *ciosać*, но *ciepło*, *ciekły*).

Механизм польского изменения $e > o$, согласно объяснению, приведеному в (Klemensiewicz 1955: 77), состоит в нарушении баланса переднего и заднего компонента в артикуляции гласного e — после палатализованного/палатального согласного ослабляется передний компонент гласного, что перед твердым согласным ведет к изменению $e > o$; автор называет это «диспала-

тализацией *e*». Изменений в соотношении переднего и заднего компонента артикуляции гласного *e* после палатализованного/палатального согласного не наступало перед губными, задненебными согласными и перед паузой (конец слова).

Если рассматривать польское изменение $e > o$ через призму контраста между согласными слева и справа от гласного *e*, то можно отметить следующее. Твердые переднеязычные согласные, с одной стороны, и губные и задненебные, с другой, по определению, различаются уровнем веляризованности (лабиовеляризованности), которая ассоциируется с низким тоном звука и в большей степени свойственна второй группе согласных. Поэтому позиция перед губным и задненебным согласным в принципе могла бы в большей степени способствовать тому нарушению баланса переднего и заднего компонента в артикуляции гласного *e*, о котором пишет З. Клеменевич. Но этого не произошло. С. Б. Бернштейн, комментируя польскую ситуацию, отметил, что на вопрос о позиционной особенности польского изменения $e > o$ «удовлетворительного ответа получить нельзя» (Бернштейн 1961; 277).

Однако необходимость поисков такого ответа содержится в самом статусе изменения $e > o$, который считается признаком ряда языков/диалектов северной Славии. Различия в реализации этого изменения имеют значение для дифференциации соответствующего ареала и хронологии появления соответствующих различий. Как вариант объяснения позиционной обусловленности польского изменения $e > o$, можно предложить следующее.

Влияние согласного на выбор предшествующего гласного означает включение в фонетическую программу слова принципа антиципации, которая способствует или стабильности гласного или его артикуляционному сближению со следующим сегментом. При этом надо иметь в виду, что иногда именно высокий уровень контраста между первым и вторым сегментом может способствовать артикуляционной стабильности первого сегмента. Так, в русском языке в сочетаниях согласных, образовавшихся после утраты $*_b$, мягкость согласных сохраняется перед следующими твердыми губными и задненебными, а перед зубными согласными утрачивается (*письмо, дерьмо, резьба, редька*, диал. *верьх*, но *верный, грязный, холодный* и др.). Высокий уровень контраста между согласными в сравнении с состоянием тех же сегментов до падения редуцированных ($t'_b p$ и $t'p$, $t'_b k$ и $t'k$) препятствует ассимиляции первого согласного второму (об этом см. Калнынь 2005: 472 и сл.).

Вариант сходной синтагматической ситуации можно допустить для польского изменения $e > o$. В сегментах типа $t'ep$, $t'ek$ (*ciepło, piekło*) имел место высокий уровень артикуляционного контраста между сочетанием палатали-

зованного/палатального согласного с гласным *e*, с одной стороны, и следующим лабиовеляризованным согласным, с другой. Этот контраст способствовал сохранению традиционной (актуальной в условиях открытого слога) ориентации артикуляции гласного *e* на предшествующий согласный высокого тона (палатальный, мягкий) и препятствовал изменению *e > o*. Сходное синтагматическое воздействие на гласный *e* оказывала последующая пауза (конец слова) — отсутствие согласного, на который мог бы ориентироваться гласный, способствовало сохранению гласного. Это значит, что в польском языке/диалектах стабильность гласного *e* обеспечивалась контекстом разного типа — унифицированный по высоте тона *t'et'* и, напротив, содержащий значительный перепад от высокого тона к низкому — *t'ep*, *t'ek*, а также *t'e#*.

В сегменте типа *t'et_l* (переднеязычный согласный) благодаря более слабой выраженности, в сравнении с *p*, *k*, лабиовеляризованности согласного *t*, артикуляционный контраст по тону между первым согласным и вторым был менее выражен. Поэтому ослаблялась связь гласного с предшествующим палатализованным согласным и включалась антиципация согласного при выборе гласного, т. е. происходило изменение *e > o*.

Таким образом, в позиции перед согласным польское изменение *e > o* обусловлено иным типом синтагматических связей гласных и согласных в линейной последовательности, в сравнении с серболужицкими, белорусскими и русскими диалектами. Аналогию польскому изменению *e > o* можно видеть в польской же рефлексации **ě* (передний ряд гласного перед губными и задненебными согласными и непередний — перед переднеязычными).

Варианты изменения *e > o* на славянском пространстве соответствуют разным хронологическим этапам реализации этого явления.

Наиболее ранний этап изменения проявился в прапольских диалектах. Это происходило до совпадения рефлексов **e* и **ь* и на фоне дифференцированного включения в фонетическую программу слова антиципации согласного при выборе гласного. Согласные низкого тона (лабиовеляризованные) как резко контрастные переднему гласному в антиципацию не включались и поэтому не вызвали лабиализацию гласного *e*. Это означает, что в звуковой последовательности сохранялись элементы синтагматических связей, характерных для фонетической программы слова периода до падения редуцированных, когда превалировала связь гласного и предшествующего согласного в пределах слога.

Следующий этап изменения *e > o* отражен в пралужицких диалектах. Он отличается от прапольского меньшим консерватизмом в отношении прасл. правил сочетания согласного и гласного. На выбор гласного влияет антици-

пация твердого согласного любой локализации, а также пауза. Это означает, что возобладали в полном объеме новые принципы синтагматической организации фонетической программы слова. Изменение $e > o$ происходило до совпадения рефлексов $*e$ и $*b$. Видимо, короткий период актуальности изменения $e > o$ (до совпадения $*b$ с e) обусловил его непоследовательность в луж.

Наконец, наиболее позднее проявление изменения $e > o$ имело место в прарусских и прабелорусских диалектах. Это происходило после совпадения рефлексов $*e$ и $*b$ в позиционных условиях, аналогичных тем, которые были актуальны в пралужицких диалектах, т. е. перед твердым согласным и паузой.

Затруднено сопоставление результатов изменения $e > o$ в современных диалектах в связи с различием ударения в них. При свободном ударении в русском и белорусском можно констатировать последовательное изменение $e > o$ под ударением и допустимость его в безударных слогах; последнее демонстрируют окающие говоры. При фиксированном ударении можно лишь предполагать, что $e > o$ первоначально происходило под ударением, а в связи с акцентной перестройкой оказалось и в безударных слогах. Здесь первоначальное отношение к ударению с надежностью демонстрируют лишь односложные слова, которых мало.

Картографическая интерпретация диалектных различий, связанных с изменением $e > o$ **под ударением**, может быть дана на пространстве ОЛА с учетом сравнительной хронологии изменения и типа синтагматической связи гласного e с консонантным окружением (см. приложенную карту).

Объектом картографирования являются два параметра: (1) этимология гласного e , подвергшегося лабиализации, и (2) контекст, препятствующий изменению $e > o$. Хронологическое значение параметра (1) очевидно и не нуждается в комментариях. Параметр (2) отражает сохранение ~ утрату того типа синтагматической связи между гласным и согласным в сегменте $t'e$, который был актуален до падения редуцированных (открытый слог) и выражался в унифицированности высоты тона гласного и предшествующего согласного. Сохранение такой синтагматики препятствует возникновению ориентации гласного на последующий согласный (антиципация последующего сегмента) и проявляется в сохранении гласного e . Во всех диалектах это контекст $t'et'$, а в польском еще и последовательности $t'ep$, $t'ek$, $t'\#$. На этой же карте обозначена хронология изменения — цифры I, II, III обозначают этапы по направлению от более раннего к последующим.

На этой же карте обозначено изменение $e > o$ после палатальных согласных в украинских диалектах, как относящееся ко времени до формирования корреляции палатализованности и не зависящее от качества согласного после e .

3.4. В связи с рефлексацией гласного **e*, подлежащей картографированию в ОЛА, заслуживают внимания континуанты праформ, которые реконструируются как содержащие инициальный **e*, прикрытый ~ не прикрытый спирантом *j*. В Вопроснике ОЛА подобная вариативность отражена в том, что спирант в соответствующих праформах дается в скобках, т. е. *(*j*)*e*. Эти праформы объединены под рубрикой 7 в (Вопросник 1965: 24).

В современных славянских диалектах континуанты этих праформ содержат в своем начале [*je ~ e ~ o*] (в данном случае не учитывается изменение гласного *e* в разных диалектах). Традиционно принято считать, что гласный *o* в этом ряду является новообразованием, отличающим восточнославянские диалекты от южно- и западнославянских. В соответствии с этим, констатируется изменение **je > e > o* (Шахматов 1915: 138) или **je > o* (Якубинский 1953: 134). Условием появления гласного *o*, по мнению авторов, была позиция перед слогом с передним гласным, исключая **ъ*. Это могло означать регрессивную диссимиляцию слогов.

Между тем, как отмечено в (Бернштейн 1961: 227), объяснить фонетически переход **je* в *o* в словах *озеро* и под. невозможно. Кажется справедливым мнение автора, что соответствующие морфемы уже в праславянский период существовали в виде вариантов с инициальными гласными **e* и **o*. При этом появление спиранта *j* перед **e* относится к более позднему времени (ibid: 228). О праславянских дублетах **osenъ*/**esenъ* и вторичном развитии спиранта *j* перед **e* сказано также в (Иванов 1990: 134), хотя этот же автор не исключает для восточнославянской языковой области изменение *e > o* (при отсутствии *j*) не только перед слогом с передним гласным, но и с **ъ*, **o*.

Мысль о существовании праслав. дублетов не является новой, так как была высказана еще А. И. Соболевским: указывая на разную этимологию инициальных **e* и **o* в рассматриваемых праформах, он пишет: «мнимая особенность русского языка восходит к глубокой до-славянской древности» (Соболевский 1907: 32): О праславянском происхождении вариантов с гласным *o* может свидетельствовать то, что в восточнославянских диалектах перед этим гласным часто представлена такая же протеза, как и перед континуантом инициального **o* (см. об этом Калнынь 1998: 27).

Представление о праславянском происхождении **e* и **o* в праформах, которые в Вопроснике ОЛА объединены, как имеющие инициальное сочетание *(*j*)*e*, дает основание для экспоненции вариантов в виде исходно разных объектов картографирования.

Вариант с **o* локализован только в восточнославянских диалектах и практически показывает рефлексацию инициального **o*. Вариант с *(*j*)*e* фиксиру-

ется в западно- и южнославянских диалектах, а в континуантах некоторых праформ также и в восточнославянских. Для праформ, предусмотренных Вопросником ОЛА, это может выглядеть следующим образом:

**(j)/e/senʲ // *o/senʲ* — в западнорусских говорах перед **o* представлена губная протеза, в белорусских, украинских — губная и заднеязычная;

**(j)/e/zero // *o/zero* — протезы перед **o* в тех же говорах и того же качества, что и в предыдущей праформе;

**(j)/e/lenʲ // *o/lenʲ* — протеза перед **o* представлена реже, чем в континуантах выше названных праформ, и только в некоторых украинских говорах;

**(j)/e/ž- // *o/ž-* — корень с **o* в составе деривата с суффиксом *-ik-* зафиксирован только в белорусских говорах и всегда с губной протезой (*wožyk*); в русских говорах гласный *o* имеет другое происхождение — это результат изменения *e > o* после *j* (*ёж*, *ёжик*).

Континуанты праформ, данных в Вопроснике ОЛА с инициальным **(j)e*, в разном объеме известны всем диалектам ОЛА. Но они не имеют инициального спиранта *j* в македонских (*'ela*, *'elen*, *'ezero*, *'esen*) и западноболгарских (*e'la*, *e'len*, *e'zero*, *e'sen*) говорах. Как сказано выше, хронология этого различия и соответствующая ему изоглосса допускают разное толкование (поздняя утрата *j* ~ исконное отсутствие спиранта).

4. Участие протезы в рефлексации инициального гласного **o*

В фонетико-грамматическом выпуске ОЛА, посвященном *рефлексам *o*, имеются карты, показывающие континуанты **o* в начале слова. В соответствии с этим, выделяется диалектное различие, связанное с наличием ~ отсутствием протетического согласного перед континуантом инициального **o*.

Наличие ~ отсутствие протезы перед инициальным гласным является производным от особенностей артикуляционной базы идиома, проявляющихся в правилах переключения артикуляционных органов из состояния паузы в вокальную артикуляцию, в данном случае в лабиализованный гласный. Альтернатива состоит в том, начинается вибрация голосовых связок одновременно с поступлением струи воздуха или же «струя воздуха взрывает препятствие в гортани и лишь вслед за этим происходит вибрация голосовых связок» (Брок 1910: 136; Селищев 1941: 219). Второй способ артикуляции инициального гласного создавал эффект придыхания (фрикации), которое при известном усилении превращалось в фрикативный согласный. П. С. Кузнецов видел условия перехода от паузы к артикуляции в «постепенном переходе органов речи от состояния покоя к работе, требующейся для образования соответствующего начального гласного» (Кузнецов/Мейе 1951: 430).

В славянской сравнительно-исторической грамматике принято считать, что развитие протезы в рефлексе инициального **o* относится к праславянскому периоду и поэтому предшествует современному состоянию всех славянских языков/диалектов (Шахматов 1915: 57; Мейе 1951: 57; Бернштейн 1961: 186). При этом считается, что в дальнейшем протеза в одних языках сохранилась, а в других утратилась. Материалы и соответствующие карты ОЛА дают повод для внесения коррективов в это представление.

Наличие ~ отсутствие протезы в рефлексах инициального **o* показывают континуанты праформ **oko*, **ognь*, **otьcь*, **ocьtь*, **onь*, **ona*, **osmь*, **osmьjь*, **ovьsь*, **ostрьjь*, **ovьca*, **orěхъ* (Вопросник 1965: 23). Если констатируется протеза, то она имеет вид *w/v*, *h/γ*, *j*.

Имеющийся материал позволяет выделить ареалы трех типов: (1) протеза присутствует во многих словах, (2) протеза отсутствует вообще, (3) протеза фиксируется редко в отдельных словах.

Тип (1) демонстрируют некоторые словенские, нижнелужицкие, чешские, отчасти польские, украинские, белорусские говоры. В хорватских говорах на территории ОЛА протеза достаточно часто отмечена в пп. 31, 32, 35.

Тип (2) представлен в части словенских и хорватских, в сербских, македонских, болгарских говорах.

Тип (3) реализуется в отдельных словацких (пп. 155, 231–233) и многих русских говорах.

В отдельных болгарских пунктах отмечен инициальный согласный *v/w* перед гласным *o* ('*vor'əx* п. 138, '*wo:gən* п. 143, '*vojg'en*' п. 850). Это является результатом развития *o* > *u* > *yo* > *wo*, *vo* (Мирчев 1978: 137).

Можно отметить, что выделенные по признаку протезы сходные ареалы не соприкасаются друг с другом. Ареалы с высокой частотой протезы в чеш. и укр. разделены словацким и польским пространством, где протезы нет или она фиксируется в отдельных словах; русские диалекты от сходных словацких отделены украинскими; словенские с протезой на южнославянской территории занимают западную периферию.

Такое ареальное противопоставление дает основание предполагать, что развитие протезы перед **o* не было общеславянским явлением. Если протеза появлялась, то неясно, по какой причине она должна была исчезнуть. Она могла менять свою артикуляцию, но не заменяться нулем звука.

Если был повод для утраты протезы, то он должен был бы коснуться аналогичных инициальных согласных перед гласным *o*. Например, при утрате губной протезы логично ожидать утрату аналогичных губных согласных, по своему происхождению не являющихся протезами, — если *woko* > *oko*, то и

woda > *oda*. О том, что такой параллелизм вероятен, свидетельствуют белорусские говоры: при сосуществовании в говоре протетических *h* и *v* это варьирование распространяется и на согласные, не являющиеся протезами — не только *góчы* / *vóчы*, *góž'era* / *vóž'era*, *gútka* / *vútka*, но и *garóх* / *varóх*, *gúci* / *vúci* (Кривіцкі 2003: 218).

По материалам ОЛА в тех говорах, где отсутствует протеза, перед рефлексом **o* согласный *v/w* представлен в континуантах праформ **vojьna*, **voda*, **volja*. Македонский пример **oda* в пп. 112–113а (FO 1981) может быть частным случаем общего ослабления губного согласного в этих говорах (Конески 1965: 62). Такое же объяснение применимо к произношению *u'da*, *'o'la*, *u'na* в болгарских пп. 129–131, 140, 141 и др.

Можно полагать, что в диалектах большей части южнославянского региона протезы перед рефлексом **o* не было изначально. Вероятно, южнославянские диалекты уже на праславянском уровне обладали такими свойствами артикуляционной базы, которые не способствовали образованию протезы перед инициальным гласным *o* — в этом случае не было асинхронности начала в движения воздушной струи и вибрации голосовых связок, т. е. имелся не мягкий, а твердый приступ (синхронность указанных параметров). Различие в артикуляционной базе можно отнести к числу ранних славянских диалектных различий.

Можно также отметить, что наличие ~ отсутствие протезы в рефлексе **o* дифференцирует и близкородственные диалекты. Так, в украинских диалектах ОЛА в картографируемых словах высока частота протезы в ее губном и заднеязычном вариантах. В русских же говорах имеется только губная протеза и в узком круге слов. Поскольку образование протезы ассоциируется с достаточно ранним временем, можно считать, что рассматриваемое явление особым образом маркировало праукраинские диалекты в восточнославянском континууме. В значительной мере это относится и к прабелорусским диалектам. Русские же диалекты отличались от других восточнославянских уже на стадии «древнерусского единства», в частности, отсутствием протезы перед **o*.

5. Подводя итог сказанному, можно сделать следующий вывод.

Фонетические карты ОЛА показывают территориальное распределение компонентов диалектных различий, предусмотренных Вопросником ОЛА. Каждое из этих различий имеет свою интерпретацию в сравнительно-исторической грамматике, применяемую к отдельным славянским языкам. Это касается генезиса, структуры, относительной хронологии диалектных явлений.

Объектом исследования в ОЛА является не простая сумма территорий отдельных языков, а единый славянский диалектный континуум. В соответст-

вии с этим и каждое диалектное различие должно рассматриваться как компонент общей территории Славии, а не отдельных ее фрагментов в виде языков и диалектов.

В предлагаемой статье в масштабах Славии рассматривается ряд фонетических особенностей, присущих, в частности, русским диалектам.

Анализ рефлексации редуцированных гласных подтверждает мнение о том, что редуцированные имели статус сильных в первом слоге под ударением несмотря на наличие в следующем слоге гласного полного образования. Это явление образовывало диалектное различие еще до падения редуцированных, поэтому его результаты в разной степени представлены в разных диалектах. В восточнославянских диалектах такая рефлексация редуцированного — достаточно частое явление.

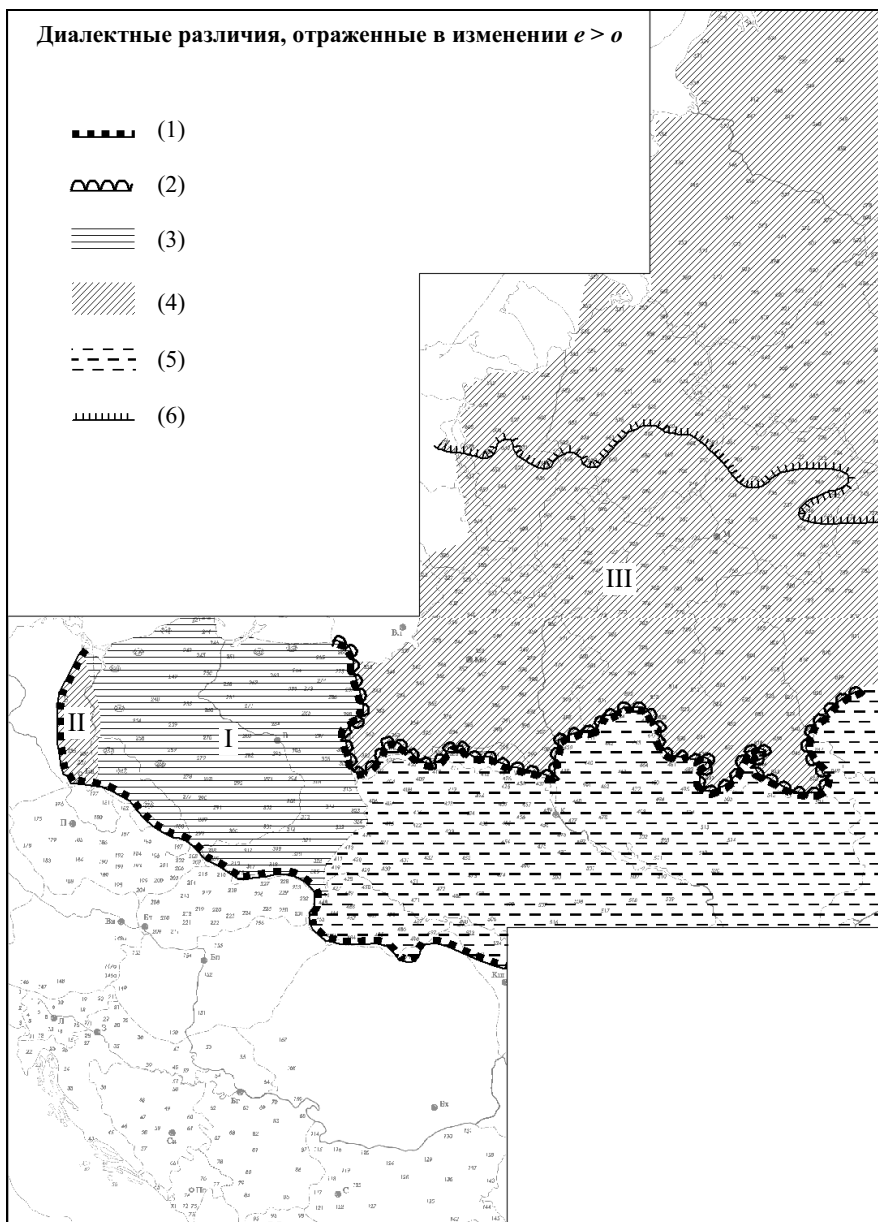
Рассмотрение изменения $e > o$ в масштабах Славии показывает, что это изменение репрезентирует разные этапы перестройки фонетической программы слова, наступившие после падения редуцированных. В условиях наиболее архаических отношений это происходило в прапольских диалектах. Наиболее поздние изменения (после совпадения $*ь$ с e и включения антиципации твердого согласного любой локализации при выборе гласного) представлены в русских и белорусских диалектах. Промежуточное положение с точки зрения сравнительной хронологии занимают серболуж. диалекты. Структурным импульсом изменения $e > o$ было падение слабых редуцированных. Этот импульс оказался достаточно пролонгированным и на востоке Славии вызвал уже изменение гласного e на месте $*ь$.

Диалектное различие, проявившееся в восточнославянском пространстве в период до падения редуцированных и противопоставившее русские диалекты украинским и отчасти белорусским, связано с рефлексацией $*ьlt$, $*ьlt$. Различие состояло в наличии ~ отсутствии дифтонгизации интерконсонантного сочетания редуцированного с плавным.

Карты ОЛА свидетельствуют о том, что развитие протезы перед инициальным $*o$ не было общеславянским процессом. Русские диалекты отличаются в этом отношении от других восточнославянских и проявляют сходство с диалектами юго-западной зоны Славии.

Наконец, восточнославянские диалекты отличаются тем, что в них сохраняется прасл. соотношение инициальных $*(j)e \sim *o$.

Эти наблюдения над фонетическими картами ОЛА приводят к выводам, которые вносят известную коррекцию в те точки зрения на соответствующие явления, которые приняты в научной литературе и, в частности, касаются русской исторической фонетики.

Значение знаков, использованных на карте «Диалектные различия, отраженные в изменении $e > o$ »

Карта составлена через призму различения позиций, определяющих наличие/отсутствие изменения $e > o$. Это позволяет показать разную интенсивность и разную хронологию освоения этой фонетической черты в условиях, когда падение редуцированных создало предпосылки для данного фонетического изменения. Контекстом, всегда способствующим сохранению гласного e , является $t'et'$. Различие состоит в составе позиций, имеющих в разных языках такое же значение, как позиция $t'et'$.

(1) $e > o$ до совпадения рефлексов $*e, *b$ в гласном $e \sim$;

(2) $e > o$ после совпадения рефлексов $*e, *b$ в гласном e ;

(3) сохранению гласного e способствует не только контекст типа $t'et'$, но и $t'ep, t'ek, t'e\#$, в чем отражены следы той синтагматической ориентации гласного на предшествующий согласный, которая была актуальна до падения редуцированных. Лишь в сегменте $t'et$ проявляется синтагматическая ориентация гласного на последующий сегмент (антиципация твердого переднеязычного согласного);

(4) сохранению гласного e способствуют только контексты типа $t'et'$, в чем отражена возникшая после падения редуцированных синтагматическая ориентация гласного на последующий сегмент, не обладающий высоким тоном (антиципация согласного и паузы);

(5) изменение $*e > o$ после палатальных согласных, происшедшее до падения редуцированных и не связанное с оформлением корреляции палатализованности;

(6) на русской территории изоглоссой обозначена территория оканья.

Цифры I, II, III обозначают этапы изменения $e > o$ по направлению от более раннего к последующим.

Литература

- Аванесов 1956 — Аванесов Р.И. Фонетика современного русского литературного языка. М., 1956.
- Аванесов 1962 — Аванесов Р.И. К вопросу об общеславянском атласе // *Slavia. Roč. XXXI* (1962), seš. 4.
- Аванесов 1963 — Аванесов Р.И. Описательная диалектология и история языка // *Славянское языкознание. Доклады советской делегации. V MCC. М., 1963.*
- Аванесов 1974 — Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974.

- АУМ 2 — Атлас української мови. Ч. 2. Київ, 1988.
- Бернштейн 1961 — *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн 1990 — *Бернштейн С. Б.* Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). Критические заметки // Вопросы языкознания, 1990, № 6.
- Бернштейн 1993 — *Бернштейн С. Б.* [Выступление на:] Представление первых томов ОЛА научной общественности // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993.
- Брок 1910 — *Брок О.* Очерк физиологии славянской речи. СПб., 1910.
- Бурова 1983 — *Бурова Е. Г.* Протетические гласные в позиции первого предупредительного слога в русских говорах // Русские народные говоры. Лингвогеографические исследования. М., 1983.
- Вопросник 1965 — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
- Вопросы 1962 — Вопросы теории лингвистической географии. Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1962.
- Горшкова, Хабургаев 1981 — *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.
- ДАБМ — Дыялекталагічны атлас беларускай мовы. Карты. Мінск, 1963.
- ДАРЯ. Вступит. статьи — Диалектологический атлас русского языка. Вып. I. Фонетика. Вступительные статьи. Комментарии к картам. М., 1986.
- Дурново 1924 — *Дурново Н.* Очерк истории русского языка. Л., 1924.
- Иванов 1990 — *Иванов В. В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1990.
- Калынь 1970 — *Калынь Л. Э.* Из истории нижнелужицкого вокализма // Исследования по серболужицким языкам. М., 1970.
- Калынь 1994 — *Калынь Л. Э.* Об одном диалектном различии в украинском вокализме // Проблемы сучасної ареалогії. Київ, 1994.
- Калынь 1998 — *Калынь Л. Э.* Протетические согласные перед лабиализованными гласными // Восточнославянские изоглоссы. Вып. 2. М., 1998.
- Калынь 2001 — *Калынь Л. Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских языках. М., 2001.
- Калынь 2005 — *Калынь Л. Э.* Вопросы «почему» и «зачем» относительно некоторых фонологических новаций в истории славянских языков/диалектов // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М., 2005.
- Калынь 2006 — *Калынь Л. Э.* К вопросу об определении объекта картографирования на фонетических картах ОЛА // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 2003–2005. М., 2006.
- Колесов 1980 — *Колесов В. В.* Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
- Конески 1965 — *Конески Б.* Историја на македонскиот јазик. Скопје, 1965.
- Крывіцкі 2003 — *Крывіцкі А. А.* Дыялекталогія беларускай мовы. Мінск, 2003.
- Крывіцкі, Падлужны 1984 — *Крывіцкі А. А., Падлужны А. І.* Фанетыка беларускай мовы. Мінск, 1984.
- Кузнецов 1953 — *Кузнецов П. С.* Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 1953.
- Кузнецов/Якубинский 1953 — комментарии *П. С. Кузнецова* в книге: *Якубинский Л. П.* История древнерусского языка. М., 1953.

- Кузнецов/Мейе 1951 — комментарий П. С. Кузнецова в книге: Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Мейе 1951 — Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.
- Мирчев 1978 — Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978.
- Обнорский 1927 — Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Л., 1927.
- Образование 1970 — Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / Под ред. В. Г. Орловой. М., 1970.
- Обратный словарь — Обратный словарь русского языка. М., «Советская энциклопедия», 1974.
- ОЛА 1988 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 1. «Рефлексы *ѣ». Белград, 1988.
- ОЛА 1990а — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2а. «Рефлексы *ѣ». М., 1990.
- ОЛА 1990б — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 2б. «Рефлексы *q». Wrocław, 1990.
- ОЛА 1994 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 3. «Рефлексы *ъг, *ъг, *ъл, *ъл». Warszawa, 1994.
- ОЛА 2003 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 4б. «Рефлексы *ъ, *ъ. Вторичные гласные». Скопје, 2003.
- ОЛА 2006 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 4а. «Рефлексы *ъ, *ъ». Загреб, 2006.
- ОЛА 2008 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 5. «Рефлексы *о». М., 2008.
- Орлова 1970 — Орлова В. Г. Изменение /е/ в /о/ // Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М., 1970.
- Пауфощима 1977 — Пауфощима Р. Ф. О реализации сочетаний смычных согласных в севернорусском говоре // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977.
- Русская диалектология 1964 — Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
- Селищев 1941 — Селищев А. М. Славянское языкознание. М., 1941.
- Селищев 1951 — Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I. М., 1951.
- Соболевский 1907 — Соболевский А. И. Лекции по истории русского языка. М., 1907.
- Соссюр 1999 — де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург, 1999.
- Черных 1952 — Черных П. Я. Историческая грамматика русского языка. М., 1952.
- Шахматов 1915 — Шахматов А. А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915.
- Шевельов 2002 — Шевельов Ю. Исторична фонологія української мови. Харків, 2002.
- Шульга 1988 — Шульга М. В. Морфологические и фонетические факторы в истории корреспонденции о — е // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1983. М., 1988.
- Якубинский 1953 — Якубинский Л. П. История древнерусского языка. М., 1953.
- Fasske 1964 — Fasske H. Die Vetschauer Mundart. Bautzen, 1964.
- FO — Fonološki opisi srpskohrvatskih/hrvatskosrpskih, slovenačkih i makedonskih govora obuhvaćenih Opšteslovenskim lingvističkim atlasom. Sarajevo, 1981.

- Klemensiewicz 1955 — *Klemensiewicz Z., Lehr-Splawiński T., Urbańczyk S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1955.
- Lamprecht 1986 — *Lamprecht A., Šlosar D., Bauer J.* Historická mluvnická češtiny. Praha, 1986.
- Michałk 1962 — *Michałk S.* Der Dialekt von Neustadt. Bautzen, 1964.
- Mucke 1981 — *Mucke K. E.* Historische und vergleichende Laut- und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzisch-wendischen) Sprache. Leipzig, 1891.
- OF — Opisy fonetyczne polskich punktów «Ogólnosłowiańskiego atlasu językowego». Zesz. 1, 1982; Zesz. 2, 1983; Zesz. 3, 1984. Wrocław — Warszawa.
- Pauliny 1963 — *Pauliny E.* Fonologický vývin slovenčiny. Bratislava, 1963.
- Rospond 1971 — *Rospond S.* Gramatyka historyczna języka polskiego. Warszawa, 1971.
- Schroeder 1958 — *Schroeder A.* Die Laute des wendischen (sorbischen) Lialekts von Schleife in der Oberlausitz. Lautbeschreibung. Tübingen, 1958.
- Sorbischer Sprachatlas 11 — *Sorbischer Sprachatlas 11. Morphologie. Die grammatischen Kategorien. Die Paradigmatik des Substantives.* Bearbeitet von H. Fasske. Bautzen, 1975.
- Sorbischer Sprachatlas 13 — *Sorbischer Sprachatlas 13. Synchronische Phonologie.* Bearbeitet von H. Fasske. Bautzen, 1990.
- Stanislav 1958 — *Stanislav J.* Dejiny slovenského jazyka. I. Bratislava 1958.
- Stieber 1934 — *Stieber Z.* Stosunki pokrewieństwa języków łużyckich. Kraków, 1934.
- Šuster-Šewc 1958 — *Šuster-Šewc H.* Vergleichende historische Lautlehre der Sprache des Albin Moller. Berlin, 1958.
- Taszycki 1928 — *Taszycki W.* Stanowisko języka łużyckiego // *Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski.* II. Cracoviae, 1928.

Summary

Linguistic Geographical Data on the Diachronic Features of the Russian Dialectal Phonetics

Phonetic maps of the SLA show territorial allocation of the previously estimated dialectal differences, reflected by the SLA questionnaire. Each of these differences has its own interpretation within the bounds of comparative-historical grammar of Slavic languages and national linguistics. It refers to the genesis, structure and relative chronology of the dialectal phenomena. SLA provides for inclusion of factor of territorial localization of events of Slavic continuum in general into these definitions. In a number of instances it is possible to correct the chronologie and structural prerequisites of formation of phonetic events, which differentiate contemporary dialects. It is illustrated by examples of reflexes of reduced vowels, *e, *o, *tɐlt, *tɐlt and correlations of initials *(j)e ~ *o.

Материалы по фонетике западнорусских говоров. Рефлексы праславянских корневых гласных*

Публикуемые материалы по фонетике нескольких западнорусских говоров взяты из Восточнославянской диалектной фонотеки Института славяноведения; они записаны в 1995–2000 гг. в ходе диалектологических экспедиций Института под рук. С. Л. Николаева и представляют собой ответы на вопросы специальной Фонетической программы — списка словоформ (около 1500), специально подобранных с целью узнать рефлексы праславянских фонем в максимальном числе фонетических позиций (см. публикацию в: Бушкевич, Николаев, Толстая 1993). В ходе записи программы информант называет соответствующие слова родного говора, как правило, в изолированной фразовой позиции. ФП устроена таким образом, что ряд словоформ повторяются в разных вопросах программы (для большей надежности ответов и записи и взаимной верификации). Фонетическая программа, с одной стороны, позволяет выявить синхронную дистрибуцию аллофонов фонем исследуемых говоров, и с другой стороны — выяснить позиционные рефлексы праславянских фонем в современных восточнославянских говорах.

С 2007 г. нами разрабатывается база данных по фонетике западных и северо-западных русских говоров, которая имеет целью системное представление записей ФП, представленных в Восточнославянской диалектной фонотеке, и содержит транскрипционные записи, основанные на применении методов компьютерной экспериментальной фонетики, и аудиоматериал, доступный для верификации с помощью компьютерного анализа. БД предоставляет возможность прослушать и сравнить все записи конкретной словоформы (ответа на вопрос программы) в одном или нескольких говорах и самостоятельно проанализировать каждый звуковой файл при помощи внешней программы звукового анализа. В БД представлены материалы более 30 говоров Псковской, Новгородской и Тверской областей.

В настоящей публикации приводится выборочный материал (преимущественно ответы на первую часть Фонетической программы, посвященную вокализму) следующих говоров: Бараново и Дранцы¹ Пушкиногорского р-на

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект «Создание базы данных по фонетике западных и северо-западных русских говоров», № 07-04-12128в) и Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» (проект «Восточнославянский диалектный корпус: праславянское наследие и лингвогеография»).

¹ Ныне не существует; находилась в 2 км от д. Репино.

Псковской обл. (Б, Д); Коная Андреапольского р-на (К), Гниловка² Селижаровского р-на (Г), Хучково Западнодвинского р-на (Х) Тверской обл. Материал распределен по рефлексам праслав. гласных в корнях и первичных основах (для краткости изложения гласные в суффиксальных компонентах первичных основ также называются корневыми). Исключение представляют рефлексы «напряженных редуцированных» перед *j*, материал на которые приводится полностью.

Диалектные формы приводятся в фонетической (аллофонической) транскрипции. Приводимые транскрипции (в большинстве случаев сделанные С. Л. Николаевым) взяты из описанной выше базы данных и имеют источником записи в транскрипционной строке в файлах фонетического анализатора СЕСИЛ. Предполагается, что пользователь базы данных может прослушать звукозапись любой из форм и самостоятельно ее транскрибировать. Поэтому транскрипции, приводимые в самой базе (и перенесенные в настоящую публикацию), имеют не энциклопедическое, а эвристическое значение; их качество и подробность неравномерны, они во многом зависели от сиюминутного интереса автора к конкретному звуку речи в конкретном говоре. Однако публикация «сырого» материала фонетически малоизвестных западнорусских говоров «кривичского» происхождения всё же представляется небесполезной.

В транскрипции в квадратных скобках приводятся неразборчивые фрагменты слов, что связано с плохим качеством записи и/или «шепотным» произношением информанта.

Славянские праформы диалектных форм приводятся по признаку наибольшей вероятности; они, как и транскрипции, имеют в основном эвристическое значение (в частности, целиком субъективна этимологизация безударной флексии с выбором наиболее тривиального решения). Отсутствие детализированной истории некоторых праславянских фонем в западнорусских говорах не дает возможности различить исконные, заимствованные (как правило, из стандартного, «литературного» языка) и «гибридные» рефлексy.

В реконструкциях символом + отделены служебные морфемы праязыкового происхождения, присоединение которых к конкретным корням/основам вторично. Чаще всего мы встречаемся с заменой морфем «мягкой» серии морфемами «твердой» и обратно — напр., диал. *L sg z'aml'í, vad'ě* регулярно

² Не существует с 1970-х гг.; относилась к Дубровскому с/с, находилась между дер. Тверское, Волково и Плюшево. Следует отличать ее от д. Гниловка Ананкинского с/с, расположенной на юго-востоке Селижаровского р-на и являющейся пунктом ДАРЯ (Зап., № 143). На карте Менде 1850 г. Гниловка Дубровского с/с обозначена как Гниловцы, а Гниловка Ананкинского с/с — как Гниловка. См. также статью С. Л. Николаева в настоящем сборнике.

восходят к *zemji, *vodě, тогда как диал. *L sg z'aml'é, vadý* имеют регулярные рефлексy вокализма раздельно в корнях (основах) и окончаниях, однако такое сочетание основ и флексий вторично с праславянской точки зрения. Знаком + отделены также служебные морфемы, модифицированные в результате переразложения основ, напр. *Prs 3 pl mól'ut < *modl+'qtъ*; здесь ' обозначает морфонологическую мягкость, перенесенную из регулярного mól'at; так же *čьgv+'akъ вместо *čьgvakъ с мягкостью из склонения основы č'erv'. Иногда окончания, присоединенные знаком +, в говорах имеют другие значения, чем в праславянском. В общем случае грамматические пометы при праформах одновременно описывают синхронное и праязыковое состояния, однако в некоторых случаях относятся только к синхронному, напр. в случае нотации «нумеративов» как форм род. п. (флексия таких форм восходит к праслав. род. п. и/или к им.-вин. двойств.).

К некоторым диалектным рефлексам в одних случаях даются *фонологические* и/или исторические комментарии; в других случаях формы приводятся в курсиве без комментария, в этих случаях курсив синонимичен помете NB.

Использованы следующие транскрипционные знаки для гласных:

пер.		пер.-сред.		сред.	сред.-задн.		задн.	
неог.	ог.	неог.	ог.	неог.	неог.	ог.	неог.	ог.
í	ÿ	ì	ÿ	ы		ѣ	ѣ	и
l		у			ѣ		ш	ѣ
е	ö	э	ó	э	ь	ө	ѣ	о
ε								о
ä		ä		а			а	ѣ

корневой *а**в инлауте****под ударением****после исконных твердых****bajati* *Inf* **Б** báic', **К** bárt', **Х** báí[c'], báic', báit' || **po-bajati* *Г* pabáit'**bajetъ* *Prs 3 sg* **Б** báet, **К** báet, **Г** báit**pri-bavjо* *Prs 1 sg* **Г** pr'ibávl'[ü]**kъsarъ* («аллегроя» форма **kěsarъ*) *N sg m* **К** car', **Г** car' (2×)**da* *Part* **Б** da**dajъ* *Imper 2 sg* (вместо **dadъ*) **К** daj ; **dalъ* *Prt m* **Г** dat (4×) ; **dali* *Prt pl* **Г** dál'ı ; **udatja* **Г** udáč'[ä]**zagadъka* *N sg f* **Г** zagátk[ε]**gladъkъjъ* *Adj N sg m* **Г** gátatkij**grabj+i* *N pl f* **Г** grábl'[i]**ka šъd+ъjъ* *Pron N sg m* **Г** káždъj**kako* *Adv* **Б** kak**kamenъ* *N < A sg m* **Д** kámin', kámen' (2×), kámin', kám'in', **Г** kám'in' (2×) ;**kameni* *L sg m* с морфологич. синкопой -е- **Г** na kámn'ı**kapja* *N sg f* **Г** kápl'ä**sъkazъka* *N sg f* **Г** skásk[ъ]**u-kradli* *Prt pl* **Г** ukrál'ı**koda* *Adv* **Д** kudá**kvasъ* *N sg m* **Г** kvas**lajati* *Inf* **Б** láic', **К** láit' ; **lajetъ* 3 *sg* **Б** láet, **К** láet, **Г** láit ; **lajala* *Prt f* **Б** láeta, **К** láeta, **Г** láit[ε], **Х** láeta ; **lavъka* **Г** láfk[ε] ; **lavъk+i* *L sg f* **Г** na láf'k'[i]**malo* *Adv* **Г** máťb**matjexa* *N sg f* **Г** máč'ex[ъ]**na* *Part* **К** ná t'ib'ıé**nasъ* *Pron Adj N sg m* naš ; **nasjě* *Pron Adj N < A pl* **Б** náš[ä] vóťk'ı**nasjevati* *Inf* **Г** nášъvát'**u-radlъ* *Prt m* **Г** upát' ; **u-padla* *Prt f* **Г** upáťe**palъcъ* *N sg m* **Б** pál'ec, **К** pál'ec, **Г** pál'ec (2×), pál'ec, pál'ec, **Х** pál'ec ; **palъci* *L sg m* **Г** na pál'c[ъ] ; **palъci* *N pl m* **Г** pál'cъ**plačjо* *Prs 1 sg* **Г** ptáč'[ü]**pravъda* *N sg f* **Б** právda**ranъnjъjъ* *Adj N sg m* **Б** rán':ij, **К** rán':ij, **Г** rán':ij**sadjа* *N sg f* **Г** sáže

- *sadjati *Inf* Г sažác', sažát' ; *sadjalъ *Prt m* Г sažát' ; *sadjala *Prt f* Г sažáte ;
 *sadjali *Prt pl* Г sažál'ı
 *sadlo *N sg n* Г sáto
 *samojъ *Adj D sg f* Б рѣ sámъj ; *samojъ *L sg f* К нъ sámъj
 *sobaka *N sg f* Б sebáka, Г sebák[ʲ], X sebáka
 *stajami *Instr pl f* Б stáemi, К stájem'ı, X stáim'ı
 *starъjъ *Adj N sg m* Б stárej, К stárъj, Г stárъj, X stárij
 *svatъ *N sg m* Г svat
 *vamъ *Pron D pl* Г vam ; *vasъ *Pron G pl* Г vas
 *varęťъ *Prs 3 pl* К vár'et, vár'et, X vár'et ; *var+’отъ *Prs 3 pl* Б vár'üt, X vár'üc' ;
 *sъ-var+’отъ *Prs 3 pl* Г svár'üt
 *vazjevati *Inf* Г váževъt'
 *zajęcъ *N sg m* Б záec, К záec, Г záic (2×), X záic ; *zajęca *G sg m*, с морфологич. синкопой *-ę- Б zájcä, К zájc'ä, Г zájc[ʲ]

ПОСЛЕ ИСКОННЫХ МЯГКИХ

- *časъ *N sg m* Б čäs, К čas, Г č'äs, X č'ęäs
 *jadъ *N sg m* Б jät, Д jät, К jat, Г jat, jät
 *jalovaja *N sg f* Б jeátevěä, К jatъvěä, játvěä
 *jama *N sg f* Б jámѣ, К jámѣ, Г jámѣ, X jáma ; *jamě *L sg f* Б w jám'e, Г v jám'ı, X w jeám'ı ; *jam+y *L sg f* К v jámъ, К v jámъ
 *pečatъ *N sg f* Б p'ęčác', К p'ęč'át', Г p'ęč'át' (2×), X p'ęč'ęát'
 *šalъjъ *Adj N sg m* Б šátъj, К šátъj, Г šátъj, X šátъj
 *šarъ *N sg m* Б šar, К šar, Г šar (2×), X šar
 *rodъ-skak[o]vati *Inf* Г pętskákovъs'
 *žaba *N sg f* Б žába (2×), К žábѣ, Г žábѣ, X žába ; *žabě *L sg f* Б na žá[b']ä, Г na žáb[i], X na žabi ; *žab+y *L sg f* К na žábъ
 *žarъ *N sg m* Б žär (2×), К žar, Г žar (2×), X žar ; *žarъko *Adv* Б žárkѣ, К žárkѣ, Г žárk[ʲ] (2×), X žárka

НЕ ПОД УДАРЕНИЕМ

ПОСЛЕ ИСКОННЫХ ТВЕРДЫХ

- *blaznitъ *Prs 3 sg* Г bľez'n'ęit (3×)
 *kъsarja *G sg m* К car'á, Г car'á ; *k'ъsarji *N pl m* К car'[ı], Г cęr'ęı
 *dala *Prt f* Г daľä
 *daljeko *Adv* Б dыľ'äkö, Д dal'ókö, Г dыľ'äkö, del'äkö, dыľ'äkö, X dal'üöka, dыľ'ikó
 *drazniti *Inf* Г dъraz'n'ęic' ; *draznilъ *Prt m* Г dęraz'n'ıt

императивная основа *ganja- или (с вторичным выравниванием по *goniti)
 *gonja- : *pro-g[a]njati *Inf* Г гръган'át' ; *pro-g[a]njaľ *Prt m* Г гръган'ęát' ;
 *pro-g[a]njala *Prt f* Г гръган'áте ; *pro-g[a]njali *Prt pl* Г гръган'ál'ı
 *kъľbasa *N sg f* К кѡbasá, Г кѡbasá, Х кѡbasá
 *sadovъ *G pl m* Б sadóf, К sędóf, Г sadóf, Х sadów
 *skatъrtъka *N sg f* Г скѣс'är'ótkę, скѣс'är'ótk[ę
 *o-stavjati *Inf* Г ѡstavl'át' ; *o-stavjalъ *Prt m* Г ѡstavl'át' ; *o-stavjala *Prt f* Г
 ѡstavl'áте ; *o-stavjali *Prt pl* Г ѡstęwl'ál'ı
 *takъjъ *Pron Adj N sg m* Б takój, К tękój, Г tękój
 *trava *N sg f* Б tręvá, Г travá (2×) ; *travę *L sg f* Б ѡ trav'ę, К нь tręv'јę, Г нь
 trav'ę, Х нь trav'јę (2×) ; *trav+y *L sg f* Х не travı
 *tvarogъ *N sg m* Б tvarók
 *xalupa *N sg f* Б халұpa, хѡлұp[a]
 *xvaliti *Inf* Г хval'ęít'
 *xvatati *Inf* Г хvatác'

ПОСЛЕ ИСКОННЫХ МЯГКИХ

*časy *N < A pl m* Б čäsı, К čäs'ý, Х č'äsı ; *čas+ovъ *G pl m* Б čäsóf, К бęs'
 č'ęsorf, Г б'ęs' č'äsóf, Х č'ęsów ; *čas+axъ *L pl m* Б нь čäsáx, К f čęsáx
 (2×), Г нь č'äsáx, Х na č'ęsáx
 *pojasъ *N sg m* Б рјjes, К рјjäs, Г рјis, Х рјjes ; *pojasa *G sg m* Б рјesa, К
 рјjesa, Г рјjesa, Х рјjisa
 *šaliti *Inf* Б šal'íc', Г šal'ęít', Х šal'íc' ; *šaljъ *Prs 1 sg* Б šęl'ú, К šęl'ú, Г šal'ú,
 Х šal'úü ; *šalimъ *Prs 1 pl* Б šal'ım, К šäl'ım, n'ı šęl'ım, Г šal'ım, Х šal'ım ;
 *šaleťъ *Prs 3 pl* Б šal'át, Г šal'át, Х šal'át ; *šaljevъjъ *Adj N sg m* Б šal'óvuıı
 'шалый'
 *žalęjъ *Imper 2 sg* Б n'ı žälęj
 *žara *N sg f* Б žärá, К žerá, Г žerá, Х žará ; *žary *G sg f* Б ѣd žärı (2×), К ѣd žęrý,
 Х ad žarı ; *žarę *D sg f* Г ръ žęr'ę, Х рę žar'јę ; *žar+y *D sg f* Б рę... žarı ;
 *žarъ *A sg f* Б w žärú, К žęrúı, Г v žęrouı, Х v žarú ; *žar+y *L sg f* К нь... žęrý

В АНЛАУТЕ

ПОД УДАРЕНИЕМ

*ablъko *N sg n* Б jábľъka, jábľkо, Х jęábľik[a], jábľika, jęábľika ; *ablъkъ *N sg m*
 К jábľtk (3×), Г jábľtk, jábľtk ; *ablonъ *N sg f* Б jábľtan', К jábľxn' ; *ablonji
L sg f К нь jábľn'[ı] ; *ablon+ja *N sg f* Х jábľın'[ä]
 *ajъca *N pl n* Б jájčä, К jájčę, jájčę ; *ajъc+y *N pl n* Г jájč[x], jájčx, Х jájci ;
 *ajъc+ami *Instr pl n* Г s' jájčęm'ı
 *asenъ *N < A sg m* Б jás'm', jás'in' (2×), К jás'm', Г jás'm', Х jęás'en', jás'm'

*astreḃь *N sg m* **Б** jástr'ep, **К** jástr'ip, **Г** jástr'ip, **Х** jeástr'ep

*azь *Pron 1 sg*, рефлексы аллеговой формы без -z **Б** jā, **К** ja

не под ударением

*agnenъкъ *N sg m* **Б** jeḡn'ónъk, **К** jeḡn'ónъk, **Г** jagn'ónъk, **Х** ifn'ónъk

*ajъce *N sg n* **Б** jejcó, **К** jecó (2×), **Г** jejcó, jājcó (2×), **Х** ijццó ; *ajъc+ě *L sg n* **Г** нь icé ; *ajъca *G sg n* **Б** jejcá, **К** jejcá, icá, **Г** jajcá, **Х** ijcá ; *ajъcъ *G pl n* **Г** jāic ; *ajъčъnica *N sg f* **Г** jāišn'ic[ɐ]

корневой *e

в инлауте

под ударением

*na-četi *Inf* **Б** načác', **К** nčát', **Г** nač'át', **Х** nač'ěác' ; *na-čela *Prt f* **К** nčáta, **Х** nač'áте (наряду с nač'etá, произнесено с двойным ударением) ; *na-čeli *Prt pl* **К** nčál'ı

*čestja *N sg f* **К** č'ěš' 'еловый лапник; ель'

*čestъ *N sg f* **Г** č'ás'c' ; *sъčestъje *N sg n* **К** š'č'ás'je, šč'ás'je, **Г** š':ás'c'je, š'č'ás't'je, š':ás'e, **Х** š'č'ás't'je, š':ás't'[e]

*četelъ *N sg m* **Б** z'ác'et, **К** d'át'et, **Г** d'ác'et, **Х** d'ác'it, d'ěác'et

*pon-eti *Inf* **Б** pan'ác', **К** pón'et', **Г** pan'át', **Х** pan'á[c'] ; *pon-eliъ *Prt m* **Г** pan'át, **Х** pan'eat ; *podъn-eti *Inf* **Б** pan':ác', **Г** pad'n'át' ; *vъz-eliъ *Prt m* **Г** vz'át, vz'eat ; *vъz-eliъ *Prt pl* **Г** vz'ál'ı, vz'ál'ı

*gręzъ *N sg f* **Б** gr'äs', **К** gr'äs', **Г** gr'äs', **Х** fir'ěäs' ; *gręzъnъjъ *Adj N sg m* **Б** gr'áznıj, **К** gr'áznıj, **Г** gr'áznıj, **Х** ư'áznıj

*kъneзъ *N sg m* **Г** kn'äs'

*ležetъ *Prs 3 sg* **Б** l'áz[ı]t, **К** l'áze[?]

*mečjъ *N sg m* **Б** m'áč', **К** m'áč', **Г** m'áč', **Х** m'ěáč'[ı]

*mekъkъjъ *Adj N sg m* **Б** m'ák':ej, **К** máx'k'ij, m'áx'k'ij, **Г** m'áx'k'[ij] (2×), **Х** m'áxk'ij

*meți *Inf* **Б** m'ác', **К** m'et', **Г** m'át', **Х** m'ác' ; *meļъ *Prt m* **Б** m'át, **К** m'át, **Г** m'eat, **Х** m'eat ; *meļa *Prt f* **Б** m'áta, **К** m'áте, **Г** m'áте, **Х** m'áta ; *meļi *Prt pl* **Б** m'ál'ı, **К** m'ál'ı, **Г** m'ál'ı, **Х** m'ál'ı ; *meťъjъ *Ptc N sg m* **Б** m'átıj, **К** m'átıj, m'átıj, **Г** m'eatıj, **Х** m'atyj

*mešo *N sg n* **Б** m'ása, **К** m'áso, **Г** m'áse (3×), **Х** m'ásъ

*meťa *N sg f* **Б** m'átá, **К** m'áте, **Г** m'áте, **Х** m'eatá

*peḃъ *N sg f* **Б** p'ác' (2×) ; *peḃi *G sg f* **Б** z'v'ě p'ăz'ı

*peťъ *Num N sg* **Б** p'ác', **К** p'át' (2×), **Г** p'át' (3×) ; *peťъ na desetъ *Num N sg* **Б** petnác:ic', **К** p'etnác:et', p'ătnác:et', p'ătnác:et', **Г** p'ătnác:[ɣ]t', **Х** p'etnác:ic'

*peṭṭka *N sg f* **Б** p'átka, **К** p'átkv, **Г** p'éatk[v], p'átk[ъ], **Х** p'éátka ; *o peṭṭ *Adv*
Г ap'ác'

*preḍja *N sg f* **Г** pr'éážv

*za-preḡl *Prt m* **Б** zapr'ák, **Х** zapr'éax | *вторичное -е- в* **Б** zapr'üók, **К** zapr'íók,
 zapr'üók, **Г** zep'rók, zap'ríók, **Х** zapr'üóх ; *upreḡḡka *N sg f* **Б** upr'áškve, **К**
 upr'áškve, upr'éáškve, **Г** upr'éášk[v], **Х** upr'éáška ; *zapreḡḡka *N sg f* **К** ze-
 pr'áškve

*reḡḡj *Adj N sg m* **Б** r'ábij (2×), **Х** r'éábij (*наряду с* r'íbój)

*reḍḍ *N sg m* **Б** r'éat, **К** r'át, **Г** r'éat, **Х** r'éat ; *porēḍḡka *G sg m* **Г** par'éatk[v]

*seḍeṭṭ *Prs 3 sg* **Б** s'ád'et, **Г** s'ád'it

*treṣḡ, *na-treṣḡ *Prt m* **Х** tr'éas, natr'éas | *вторичное *-е- в* **Х** tr'üös (2×),
 natr'üös

*veṇṭi *Inf* **Б** v'ánuc', **Г** v'éánuc' ; *veṇṭ *3 pl* **К** v'ánut

*vež *L sg m* **К** ne v'áz'e, ne v'áz'í, ne v'áz'i, **Х** na v'áz'e

*vežetṭ *Prs 3 sg* **Б** v'ázyt, **К** v'jážet, **Г** v'éážyt, v'éážet, **Х** v'éáž[i]c' ; *pri-
 vež[o]vati *Inf* **Г** pr'iv'éáževṇj

*žeti *Inf* **Б** žac' (2×), **К** žat', **Г** žat', **Х** žá[c'] ; *žela *Prt f* **Б** žáta, **К** žátv, **Г** žátv, **Х**
 žátv ; *želi *Prt pl* **Б** žál'i, **К** žál'í, **Г** žál'í, **Х** žál'i ; *žetva *N sg f* **Б** žátv, **К**
 žátv, **Г** žétva, **Х** žátva ; *новообразование* [*žetṭka] *N sg f* **Г** žátk[ъ]

не под ударением

*na-čela *Prt f* **Б** náčəta, **Г** nǝč'átá, **Х** náč'etá (*наряду с* nač'átv) ; *na-čeli *Prt pl*
Б náčəl'i, **Г** nǝč'ál'ei

*desetṭ *Num N sg* **Б** z'és'ec', z'és'[i]c', **Д** d'és'ic', **К** d'és'et', d'és'it', **Г** d'és'it',
 d'és'[i]t', **Х** d'és'í[c'], **Х** d'jés'í[t']

*devetṭ *Num N sg* **Б** z'én'ic', z'én'ec', z'én'[i]c', **Д** z'én'ic', **К** d'én'it', d'én'át',
 d'én'ət', **Г** d'én'it' (2×), d'én'ic', d'én'it', **Х** d'én'í[c'] (2×), **Х** d'én'í[t']

*pon-ēl *Prt m* **Б** pón'et, **К** pón'et ; *pon-ēla *Prt f* **Б** pǝn'átá, **К** pǝn'etá, **Г** pǝn'átá,
Х pǝn'itá ; *vz-ēla *Prt f* **Г** vz'átá

*lēdina *N sg f* **Г** l'ed'éine

*lēguṣḡka *N sg f* **Х** l'äyúška

*mēsēcṭ *N sg m* **Б** m'és'ac, m'és'ec, **Д** m'jés'ec, **К** m'és'ec (2×), **Г** m'és'[i]c,
 m'és'ec (2×), **Х** m'és'ac

*meṣḡḡj *Adj N sg m* **Б** m'äsnój, **К** m'äsn[j], **Г** m'äsnój

*meṭelṭ *N sg f* **Б** m'ic'él', **Д** m'ec'él', **К** m'ət'él', **Х** m'it'él' ; *meṭeli *N pl f* **Г**
 m'ät'él'i

*peṭi *Num G sg* **Б** b'is' p'ác'í **К** b'és p'et'í **К** p'ec'í **Г** b'is' p'át'í **Х** p'et'í

*reḡḡj *Adj N sg m* **К** r'äbój, **Г** r'äbój, **Х** r'íbój (*наряду с* r'éábij)

- *rešɛɲica *N sg f* Б r'ɛs'n'íca, Г r'ɛs'n'íc[ь], Х r'is'n'íca ; *rešɛɲic+y *N pl f* К r'äs'n'ícɣ
- *seg- с лексикализированным развитием в *šeg- : *šeg+ovъ *G pl m* Б šagóf, К šagóf, Г šagóf, Х šayóv ; *sežɛɲkъ *N sg m* Б šasók (sic ?), Х šažók ; *segati *Inf* Б šagác', К šegát', Г šagát', Х šayát'
- *svetǫjъ *Adj N sg m* Б s'v'etóɟ, s'v'ätóɟ, К s'v'etóɟ, Г s'v'ätóɟ (3×), Х s'v'itóɟ ; *svetjenyjě *N pl* Х s'v'ic'üónie, s'v'eč'ón:ëä
- *teŋoti *Inf* Б c'änúc', К c'änúc', Г c'änút', Х t'änú[c'] ; *teželǫjъ *Adj N sg m* Б c'äžótɟ, К t'ēžótɟ (2×), Г t'äžótɟ, Х t'izótɟ[j] ; *teželo *Adv* Б c'izätó, c'izetó
- *trɛsla *Prt f* Б tr'äslá, К tr'ěslá, tr'äslá, Г tr'äslá, Х tr'ěslá || *na-trɛsla Б ntr'äslá, К ntr'äslá, Г ntr'äslá, Х ntr'ěslá ; *trɛsli *Prt pl* Б tr'äsl'í, К tr'ěsl'í, Г ntr'ěsl'í, Х ntr'ěsl'í ; *na-trɛsli *Prt pl* Б ntr'äs(')l'í, К ntr'ěsl'í, Г ntr'ěsl'í, Х ntr'ěsl'í
- *tysetja *N sg f* Б tís'ecä, К tr's'ec'ä, Г tr's'ic'ä, Х tís'äc'[ä]

в анлауте

не под ударением

- *ečɣmenъ *N < A sg m* Б jäch'm'én', jač'm'én', К ječ'm'én' (2×), Г jäch'm'én', Х jič'm'én' ; *ečɣmen'+a *G sg m* Д ičm'en'ä
- *ędro *N sg n* Б jádro, К jędró (2×), Г jędró, jędró, Х jädrró

корневой *e

в инлауте

под ударением перед твердым

- *bǫčely *N pl f* Б pčótɣ
- *pri-čes[o]vati *Inf* Г pr'ic'ósɣvət'
- *odedja *N sg f* Г ad'óže
- *degɣъ *N sg m* Б з'ógɣc', Д з'ęgɣc', з'ógɣc', К d'ógɣt', Х d'üóɣ[c']
- *njetъ *Pron L sg m* Г na n'óm
- *klenъ *N sg m* Б kl'ön (2×), Д kl'ön (3×), К kl'ön, Г kl'ön, Х kl'üön ; с аналогическим -о- *kleně *L sg m* Б na kl'ón'i, Д na kl'ón'i, К na kl'ón'e, Г na kl'ón'i, Х na kl'ón'e (2×)
- *ledъ *N sg m* Б l'üöt, l'öt (2×), Д l'üöt, К l'öt (3×), Г l'öt (3×), Х l'öt, l'üöt
- *medъ *N sg m* Б m'öt (2×), m'üöt, Д m'üöt, К m'öt (2×), Г m'öt (2×), Х m'üöt, m'üöt
- *nebo *N sg n* Б n'óba (3×), К n'óba, n'óbɛ
- *pri-neslъ *Prt m* Б pr'in'ós, К pr'in'üós, Г pr'in'ós, Х pr'in'ós
- *peklъ *Prt m* Б p'üök, К p'ök, Г p'ök, Х p'üök || *jɛz-peklъ Г is'p'ök || *za-peklъ Б zɛp'ök, zap'ök, К zɛp'ök, Х zap'üök

*pletъ *Prt m* Г pl'öt

*rebra *N pl n* К r'öbræ ; *rebr+y *N pl n* Б r'öbri (2×), Г r'ëóbræ, Х r'üóbri ; *rebrъ

G pl n с эннететич. -ъ- и аналогическим -о-: Б r'óber, К r'ób'er, Г r'ób'er

*šcetъка *N sg f* Г š':ótk[ъ]

*sedmъjъ *Adj Num N sg m* Г s'ómaj, s'ómaj, s'óm:aj

*selъ *G pl n* Б s'öt, К s'üöt, Г s'öt, Х s'üöt

*svekrъ *N sg m* с эннететич. -ъ-: Б s'v'ókær (2×), К s'v'ókær, Г s'v'ókær, Х s'v'ókær

*telъка *N sg f* Б c'ótka, К t'ótkæ, t'ótkъ, c'ótkæ, Г c'ótkæ, Х c'üótka

*teplъjъ *Adj N sg m* Б c'óptij, c'óptaj, К t'üóptaj, t'óptaj, Г t'óptaj, t'óptaj, Х c'üóptaj, c'üóptaj ; *teplo *Adv* К t'ópte

*vedъ *Prt m* Д v'öt, К v'öt, Г v'öt, Х v'üöt || *pri-vedъ Б pr'ev'öt, К pr'iv'öt, Г pr'iv'öt, pr'v'ëót, Х pr'iv'üöt

*veselъjъ *Adj N sg m* Б v'es'ótaj, Д v'es'ótaj, К v'es'ótaj, Г v'es'ótaj (2×), v'es'ótaj, Х v'is'ótaj ; *veselaja *Adj N sg f* Б v'es'ótæä

*vezъ *Prt m* Б v'ös, К v'os, Г v'ös, Х v'üös

*zelenъjъ *Adj N sg m* Б z'el'ónaj, Д z'el'ónij, К z'el'ónaj, Г zel'ónaj, Х z'el'üónaj ; с аналогическим -о- *zelen+en[ъ]kъjъ *Adj N sg m* Б z'el'ón'n'k'ij, Д z'el'ón'k'ej, К z'el'ón'in'kaj, z'el'üón'in'kaj, Г z'el'ón'in'k[i...], Х z'íl'ón'in'ki[j]

*želodъ *N sg m* Б žótъc', К žótut', Г žótut' (2×), Х žótic', žótu[t']

*ženy *N pl f* Б žóni, ž[ü]óni, Д žóni, К žóny, Г žóny, Х žóni ; *ženъ *G pl f* Б žön, b'äž:ón (< *bez ženъ), Д b'ež žón, К b'éz žón, Г b'éž žón, Х b'ež žyón ;

*ženъка *N sg f* К žónkæ, žónka, Г žónk[ъ]

под ударением перед мягким

*bresti *Inf* К br'es't', br'es'(наряду с br'es't'í); Г br'es' (2×),

*čeljustъ *N sg f* Г č'él'üs'c'

*česjetъ *Prs 3 sg* Б čěšet, čěšyt, Д čěšit, čěšyt, К čěšyt, čěšet, Г č'ěšyt (2×), Х č'jěšit, č'ěš[it'] ; *česjotъ *Prs 3 pl* Б čěšu[t], Д čěšut, К čěšut, Г č'ěšut, Х č'ěšut, č'ěšu[t], č'ěšu[c']

*desetъ *Num N sg* Б з'és'ec', з'és'[i]c', Д d'és'ic', К d'és'et', d'és'it', Г d'és'it', d'és'[i]t', Х d'és'i[c'], Х d'jés'i[t']

*devetъ *Num N sg* Б з'év'ic', з'év'ec', з'é[i]c', Д з'év'ic', К d'év'it', d'év'ät', d'év'ät', Г d'év'it' (2×), d'év'ic', d'év'it', Х d'év'i[c'] (2×), Х d'év'i[t']

*dlestъ *N sg m* Г l'ēs':

*grebenъ *N < A sg m* Г gr'éb'in', gr'éb'in'

*grebja *N sg f* Г gr'ébl'ä, gr'jébl'ä

*jej[ě] *Pron G sg f* Г u jėj, Х u jėj ; *njej[ě] *Pron G sg f* Б u n'ėj, К u n'ėj

- *meljem₂ *Prs 1 pl* Г м'él'im
 *pečat₂ *N sg f* Б р'еčáс', К р'еč'át', Г р'еč'át' (2×), Х р'еč'éát'
 *pekt'í *Inf* Б р'éc', К р'еč', Г р'еč' || *сь-pekti Г с'р'еč'; *реченьнѣъ *Ptc N sg m*
 Х р'і́еč'án:ej
 *pekt'₂ *N sg f* Б р'еč (2×), р'еčѣ, К р'еč', Г р'еč' (4×), р'еč', Х р'і́еč' (2×),
 р'і́еč'(); *pekt'í *G sg f* Г с' р'éc'і, Х с' р'éc'і; *pekt'í *L sg f* Г на р'éc'і, Х
 на р'і́еč'і; *pekt'₂ *ka N sg f* Б р'éc'ka, К р'і́еč'k[ъ], р'éc'ka, р'éc'ka;
 *pekt'₂ k+ě *G sg f* Б с' р'éc'k'e
 *perel₂ *N sg m* Б р'ép'öt (2×), р'ép'et, К р'ép'et, Г р'ép'it Х р'ép'et, р'ép'ыт
 *peręje *N sg n* Б р'ér'je, К р'ér'je (2×), Г р'ér'je, р'ér'je; *peręja *N pl n* Б
 р'ér'j[ä], Г р'ér'jä, Х р'ér'jä (2×)
 *pleme/+ -e/+ -'o *N sg n* Б pl'ém'ä, pl'ém'ε, К pl'ém'e (2×), pl'ém'ε, Г pl'ém'ä,
 Х pl'ém'ä
 *šč₂melj₂ *N sg m* Г š'č'ám'él', š':ám'él'
 *sedm₂ *Num N sg* Б s'em, s'em, К s'em (3×), Г s'em' (3×), s'em (2×), Х s'em'
 (2×), s'em'
 *šest₂ *Num N sg* Б šes' (3×), šés', К šes't' (5×), Г šes'c' (3×), šés', Х šes' (2×),
 šes'c' (2×), šes'[c'] (2×)
 *postel₂ *N sg f* Б pas'c'él', К pas't'él', Г pəs'c'él', Х pas't'él'
 *strem[e] *N sg n* Б str'ém'ä
 *telit₂ se *Prs 3 sg* Г t'él'its[v]
 *tet₂ka *N sg f* Б c'ótka, c'ótkε, К t'ótka, c'ótkε, Г t'ótkε, Х c'ótka, c'üótka;
 *teta, с вторичным -t'-: Б c'óc'ä, К t'ót'ä, Г c'ót'ä, Х c'üóc'ä
 *večer₂ *N sg m* Б v'éčer, v'écεr, Д v'і́écör, v'і́écör, К v'éčer, Г v'éc'εr (3×),
 v'éc'εr, Х v'і́écεr; *večera *G sg m* К v'éč'öre, v'éc'öre, Г v'éc'εra
 *vesel₂je *N sg n* К v'es'él'je, Г v'es'él'je (2×), Х v'is'él'jä
 *zel₂je *N sg n* Б z'él'jö (2×), Д z'él'jä, К z'él'je, z'él'je, Х z'él'l'e, z'él'l'ε

не под ударением перед твердым

- *b₂čela *N sg f* Г pč'ätä
 *ni č+ego *Pron G* К n'ičövó, Г n'ič'ävó
 *čelo *N sg n* Б čätó, Д č'etó, četó, К četó, Г č'ätó, Х č'etó, čätó, č'etó; *čelo *A sg*
 n Д f četó
 *čelověk₂ *N sg m* Б č[e]ten'ék, Д četav'ék (2×), čitav'ék, čəten'ék, К čitav'ék, Г
 č'etav'ék (2×), č'əten'ék, Х č'itav'і́ék
 *česn₂ka *N sg m* Б česnók, К česnók[k], Х č'äsnók; *česn₂ka *G sg m* К čəsnaká,
 Г č'isnaká; *česn₂k+u *G sg m* Х č'esnakú
 *četyr+i *Num N sg* К čatır'i, Г č'ätır'i; *četvrt₂j₂ *Adj Num N sg m* Б
 čec'v'örtij, Д čac'v'ört[ij], К čet'v'örtıj, Г č'äc'v'örtıj, č'äc'v'ört[xj] | с «ал-

- легровым» -ь- *čtyr+i Num Б čtér'i, К čtér'ı, čtýr'i, Х č'ír'ı; *čtyrtyčъ Adj Num N sg m X č't'v'örtaj, č'tv'örtaj; *četvrtъkъ N sg m Г č'ac'v'érk (2×)
- *jego Pron G sg m Г u jävó, X jäýó, u jäýó; *njego Pron G sg m Б n'ävó, К u n'evó, Г u n'ävó (2×)
- *klen+u L sg m К нъ kl'enó
- *matjexa N sg f Г máč'ex[ъ]
- *medja N sg f Б m'ezá, Д m'ázá (2×), К m'ezá, Г m'ázá (3×), m'ezá, X m'ežá, m'ež:zá; *medj+y G sg f Б dъ m'ázъ, Д dо m'ázı, dъ m'ázı, К dъ m'ežъ, Г dъ m'ázъ, X da m'ıžı³; *medjejo Instr sg f Б зъ m'ázój, Д зъ m'ázój, К зъ m'ezój, ze m'ezój, Г зъ m'ázój, X m'ızój; *medji L sg f Д нъ m'ázı, К нъ m'ezı; *medj+ě L sg f Б нъ m'ežě, Д нъ m'ázě, Г нъ m'ázě (2×)
- *meto Prs I sg Б m'ätú, Д mätü, К m'etú, Г m'ätoú, X m'ıtú; *metъla Г mättá
- *neso Prs I sg Б n'ású, Д n'ású, К n'esóú, Г n'ású, X n'ású || *sъ-neso Г s'n'äsóú; *nesla Prt f Б n'está, Д n'está, К n'está, Г n'ästá, X n'istá || *pri-nesla Г pr'in'ästá
- *pepelъ N sg m Б p'ép'öt (2×), p'ép'et, К p'ép'et, Г p'ép'et X p'ép'et, p'ép'ıt
- *pero N sg n Б p'eró, К p'eró, Г p'eró, p'äró, X p'erúó; *pera G sg n Б b'is p'ára, К p'erá, Г b'is' p'ára, X b'és' p'erá; *perъmъ Instr sg n Б s' p'eróm, К s' p'eróm, Г s' p'eróm, X p'eróm
- *pletla Prt f Г pl'ätä
- *pъšeno N sg n Б pšanó, К pšenó (3×), Г pšanó, X pšenó
- *rebro N sg n Б r'äbró, r'äbró, К r'ebró, Г r'ëbró, X r'ebró; *rebra G sg n Б r'ebrá, К r'ebrá, Г r'ëbrá
- *rešeto N sg n Б r'ışätóę, К r'ešätó, Г r'ışätó, X r'ışetó; Instr sg n *rešetъmъ Б r'ışetóm, К r'ışätóm, Г r'əšätóm, X r'ışetóm
- *ščenъkъ N sg m Б ščanók, К š:enók, Г š':änók, X š:enók (2×)
- *sedъlo N sg n Б s'edtó, К s'edtó (2×), Г s'ädto (2×), X s'edto
- *sego dъn+i G sg m Б s'ävón'i, s'ón'i
- *selo N sg n Б s'etó (2×), К s'etó (3×), Г s'etó (2×), X s'etó, s'etó; *sela G sg n Б s'etá, К s'etá, Г s'äta, X s'etá; *selъmъ Instr sg m Б зъ s'etóm, зъ s'etóm, К зъ s'etóm, Г зъ s'ätóm, X zi s'etóm
- *šestъjъ Adj Num N sg m Б šestój, К šestój, Г šästój, X šəstój; *šestaja Adj Num N sg f Б šestájä, К šostájä, Г šästájä; *šestojо Adj Num A sg f Б šestüü, Г šästüü, X šistüü
- *svekrъvъka N sg f Б s'v'äkróvka
- *teplo N sg n Б c'epto, К t'epto, Г t'äpto, X [t']iptó

³ В говоре д. Хучково в данном слове лексикализированный «юго-западный» рефлекс /ž/ (аллофоны [ž:], [ʒ]) < *dj после праслав. кратких гласных.

- *večer_т *N sg m* **Б** v'éc'er, v'éc'er, **Д** v'íécör, v'íécör, **К** v'éc'er, **Г** v'éc'ér (3×), v'éc'er, **Х** v'íéc'er; *večera *G sg m* **К** v'éc'örv, v'écörv, **Г** v'éc'era; *večer+a *N pl m* **К** v'ic'erá, **Г** v'ic'erá
- *vedo *Prs 1 sg* **Б** v'ädú, **Д** v'ädú (3×), v'edú, **К** v'edú, **Г** v'ädqú, **Х** v'edú; *vedot_т *3 pl* **Б** v'ädúc'; *vedla *Prt f* **Б** v'e'lá, **Д** v'etá, v'átá, **К** v'etá, v'etá, **Г** v'etá, **Х** v'etá || *za-vedla **К** zъv'etá || *na-vedla **К** nъv'etá || *pri-vedla **Г** pr'iv'átá
- *vъčera *Adv* **Г** fč'ára
- *želati *Inf* **Б** že'fat', **К** že'fat', **Г** že'fat'
- *želodъk_т *N sg m* **Б** žatúdek, žatúdek, žetúdek, **Д** žatúdk, **К** že'fúdk, žetúdek, **Г** žatúdk (2×), **Х** že'fúdek, že'fúdek
- *žena *N sg f* **Б** žená, **Д** žaná, **К** žóná, **Г** žená (2×), žaná, **Х** žená; *ženy *G sg f* **Б** žání, u žaní (2×), **К** žený (2×), qù žený, **Г** u žaný, **Х** žení, u žení; *žen+y *D sg f* **Б** g žaní, **Д** g žaní, **К** žený, žený, **Х** žení; *ženq *A sg f* **Б** žanú (2×), žanú, žänú, **К** ženú (2×), **Г** žänú (2×), žänú, **Х** žnú, ženú, ženú; *ženoj_q *Instr sg f* **Б** zъ žänój, ž:änój (2×) (< zъ ženoj_q), **Д** ž:änój (< zъ ženoj_q), **К** ženój, ž:enój (< zъ ženoj_q), **Г** žanój, zъ žänój, **Х** ženój, ž:enój (< zъ ženoj_q)

не под ударением перед мягким

- *bereš_т *Prs 2 sg* **Б** b'er'óš, b'er'óš, **К** b'er'óš, **Г** b'er'jóš, **Х** b'ir'ěš; *beret_т *3 sg* **Б** b'är'ót, **К** b'er'ót, **Г** b'er'jót; *berem_т *1 pl* **Б** b'er'óm, **К** b'er'óm (2×), **Г** b'er'jóm, **Х** b'er'üóm; *berete *2 pl* **Б** ber'óc'ε, **К** b'er'ót'ε, **Г** b'er'jóc'[i]; *berot_т *3 pl* **Б** b'erút, **К** b'erút, **Г** b'ärqút, b'ärút
- *bresti *Inf* **К** br'es't'í (наряду с br'es't', br'es'), **Х** br'es't'í || *per-bresti > **Б** p'ir'èbr'äs'c'í (sic)
- *česj_q *Prs 1 sg* **Г** č'áš[ú]
- *dētel_т *N sg m* **Б** ž'ác'et, **К** d'át'et, **Г** d'ác'et, **Х** d'ác'it, d'ěác'et
- *golen_т *N sg f* **Б** gól'en'
- *jejë *Pron A < G sg f* **Г** jié; *G sg f* **Г** u n'ěé; *njejë с развигием -jë > -jié > -jë > -jó: *Pron G sg f* **К** u n'ejó, u n'ejó, **Г** u n'äjó (2×), u n'ejjó
- *letit_т *Prs 3 sg* **Г** l'ác'et
- *ležit_т *Prs 3 sg* **Г** l'ážit; *leži *3 sg* **Б** l'áži; *ležet_т *3 pl* **Г** l'azát
- *medvėd_т *N sg m* **Г** m'äd'v'éc'
- *vy-nesti *Inf* **Б** vín'is'e, **К** vín'əs't'í, **Г** vín'əs'c'í, **Х** vín'əs't'í; *neset_т *Prs 3 sg* **Б** n'əs'ót, **К** n'əs'ót, **Г** n'əs'jót; *nese *3 sg* **Д** n'äs'jé; *nesete *2 pl* **Б** n'is'óc'ε, **Д** n'əs'óc'ε, **Х** n'is'et'ε; *nesot_т *3 pl* **Д** n'əs'ót; *nesli *Prt pl* **Д** n'əs'l'í, **К** n'əs'l'í, **Г** n'əs'l'et'í, **Х** n'isl'í
- *nevěsta *N sg f* **Г** n'ev'etst[ε]
- *mene *Pron G sg* **Г** et m'an'é

- *pečetъ *Prs 3 sg* Г р'єч'ѣтъ ; *pekli *Prt pl* Д р'äkl'ı ; *pečenъjъ *Ptc N sg m Б* р'єч'ѣтъj, Д р'єч'ѣтъj, К р'єч'ѣтъj, Г р'єч'ѣтъj, Х р'єч'ѣтъj ;
 *pekt'ı *G sg f К* с р'єч'ı ; *pekt'ı *L sg f Б* нь р'äč'ı ; *pekt'ъjъ *G pl f Б* р'äč'ej, Г р'äč'ej, Х р'äč'ej ; *pekt'ъnъjъ *Ptc N sg m Г* р'äč'нъj
 *perę *L sg n Б* нь р'är'ę, К нь р'єr'ę, нь р'єr'ę, нь р'єr'ę, Г нь р'єr'ę, Х нь р'єr'ę
 *pletje *N sg n Г* pl'äč'ō
 *pъšenę *L sg n Б* f pšan'ę, К pšen'ę (2x), Г f pšan'ę ; *pъšenica К pšen'ıcъ, Г pšan'ęıcъ (2x), pšen'ıcъ, Х pšen'ıca
 *rešeto *N sg n Б* r'ışätōъ, К r'ęšätō, Г r'ışätō, Х r'ışetō ; *rešetъmъ *Instr sg n Б* r'ışetōm, К r'ışätōm, Г r'ęšätōm, Х r'ışetōm ; *rešetę *L sg n Б* na r'ışäč'ę, К нь r'ışet'ę, Г нь r'ışät'ę, Х нє r'ışet'јę, na r'ışet'јę
 *sebe *Pron D sg Б* s'äb'јę, К s'ıb'јę, Г s'ęb'ę, Х s'ıb'јę
 *sedmъjъ *Adj Num N sg m c энентемич.* -ъ- Б s'äz'mъj, s'äz'mōj, К s'ęz'mōj, s'ęd'mōj, Х s'ęd'mōj, s'ıd'mōj
 *sekyra *N sg f Б* s'ęk'ırъ, s'äk'ıra, К s'ęk'ırъ, Х s'ık'ıra
 *šesti *Num G sg Б* b'ęš šes'c'ı, К šes't'ı, Г dъ šäs'c'ı, Х dę šıs't'ı
 *tebe *Pron D sg Б* c'äbę, К nā t'ıb'јę, Г c'äb'ę, Х t'ıb'јę
 *teče *Prs 3 sg Б* c'ačō
 *teliti sę *Inf Б* c'äl'ıccā, К t'el'ıcъ, Х c'el'ıcъ
 *telęta *N pl n Б* c'el'äätъ, К t'el'āta, Г t'el'ęātъ, t'el'āt[ъ], Х c'el'ęāta ; *netelъ *N sg f К* n'ęt'ıl'
 *teplęje *Compar Б* c'ępl'ęj[ъ], Г t'äpl'ęe, Х t'ıpl'јęe ; *teplę *L sg n Б* f c'äpl'ę, К f t'ępl'јę, f t'ępl'ę, Г f t'äpl'ę, Х f c'ıpl'ę
 *večer+a *N pl m К* v'ıč'ęrā, Г v'ıč'ęrā
 *vedetъ *Prs 3 sg К* v'ed'ōt, Г v'ed'ōt, Х v'ıd'ōt ; *vede *3 sg Д* v'az'јę ; *vedete *2 pl Б* v'äz'ōc'ę, Д v'äd'ōc'ę, К v'ed'ōt'ı, Г v'ed'ōc'ı, Х v'ıd'ęt'ę ; *vedli *Prt pl Б* v'ęl'ı, К v'el'ı, Д v'äl'ı, Г v'äl'ęı, v'el'ęı, Х v'el'ı
 *veselъjъ *Adj N sg m Б* v'ęs'ōtęj, Д v'ęs'ōtąj, К v'ęs'ōtъj, Г v'ęs'ōtъj (2x), v'ęs'ōtъj, Х v'ıs'ōtъj ; *veselaja *Adj N sg f Б* v'ęs'ōtęä ; *veselъje *N sg n К* v'ęs'ěl'je, Г v'ęs'ěl'je (2x), Х v'ıs'ěl'jä
 *vezetъ *Prs 3 sg Б* v'äz'ōt
 *zelenъjъ *Adj N sg m Б* z'el'ōnąj, Д z'el'ōnij, К z'el'ōnъj, Г zel'ōnъj, Х z'el'ıōnąj ; c аналогическим -o-: *zelen+en[ъ]kъjъ *N sg m Б* z'el'ōn'ık'ıj, Д z'el'ōn'ık'ę(j), К z'el'ōn'ın'kъj, z'el'ōōn'ın'kъj, Г z'el'ōn'ın'k[i...], Х z'ıl'ōn'ın'ki[j] ; *zelenęjetъ *Prs 3 sg Б* z'el'en'ęit, z'ıl'en'ęet, Д z'el'än'ęet, К z'ıl'en'ęet, Г z'äl'än'ęit, z'el'än'ęit
 *želęzo *N sg n Б* žäl'ęzv, žel'ęzv, Д žal'ęzv, К žel'ęzv, žel'ęzv, Г žäl'ęzv, ž(')äl'ęzv, žel'ęzv, Х žel'јęza, žıl'јęza

*zemja *N sg f* Б з'емл'á (2×), з'емл'á, Д з'емл'á, К з'емл'á (2×), Г з'äмл'á (3×), Х з'имл'éá, з'емл'éá, з'имл'éá ; *zemjě *G sg f* Б з'емл'é ; *zemjejo *Instr sg f* Б рѣд з'äмл'óј, Д рѣд з'äмл'óј, К рѣд з'емл'óј, Г рѣд з'äмл'óј, рѣд з'емл'óј, Х рѣд з'имл'üóј ; *zemj+ě *L sg f* Б њ з'емл'é, нь з'емл'é, Д ná з'äмл'é, ni з'емл'é, К нь з'емл'é, нь з'емл'é, Г нь з'äмл'é (2×), нь з'äмл'é, Х не з'имл'јé, нь з'имл'јé

*žen+ě *G sg f* К ѣд žen'јé ; *ženě *D sg f* Б ž'än'é, g žän'é, Г g žen'é (2×), Х žen'јé, žyn'јé, g žin'јé ; *ženilъ sę *Prt m* Б žän'its'ä, К žen'its'ε, Г žän'εits'[i], Х žin'its'ä

в анлауте под ударением перед твердым

*edlъka *N sg f* Б jótká (2×), К jótkε, Г jótkε, jótk[ε], jüótkε, Х jótká

в анлауте под ударением перед мягким

*edlъ *N sg f* Б je'l', К jíél', Г jel' (2×), Х jel'

*esenъ *N sg f* Б ós'en', К ós'm' (2×), Г ós'in', ós'm', Х ós'[i]n'

*estъ *Prs 3 sg* Б jεs'c', jes', Д jes', К jes', jεs' (3×), jes't', Г jés' (2×), jés'c' (4×)

*ezero *N sg n* Б óz'era, К óz'erε, Г óz'erε (4×)

в анлауте под ударением перед *š, *ž и перед *c

*ezjъ *N sg m* Б jöš (2×), Д još, К još (2×), jüöš, Г još, jöš, Х jüöš, jüöš ; *ezjikъ *N sg m* Б jóžyk, jóžxk, Д jóžik, Г jóžxk (2×), Х jóžik ; *ezjika *G sg m* Д jóžika ; *ezjiku *D sg m* Д jóžiku ; *ezjik+e *N pl m* Д jóžik'e

в анлауте не под ударением перед твердым

*edlovъjъ *Adj N sg m* Б jätóvјj, К jeťóvјj, jeťóvјj, Г jätóvјj, jätóvјj, Х jit:óvјj, jeťóvјj

*e to *Pron sg n* с *перег. /e-/ без протезы*: Б éтъ

в анлауте не под ударением перед мягким

*edinъ *Num sg m* Б аз'ín, Г ad'ín, Х ad'ín ; *edina šъdy *Adv* с «аллегровым» -ъ- Б adnázdi, К adnázdy, Г adnázdy, Х adnázđ[i]

*elenъ *N sg m* Б al'én', К al'én', Г al'én', al'én', Х al'én'

в анлауте не под ударением перед *š, *ž и перед *c

*ezja *G sg m* Б jážá, К ježá, Г ježá, Х jížá ; *ezju *D sg m* Б ježú, К ježqú, Х k' ježú ; *ezj+ъjъ *G pl m* Б ježěj, К ježěj, Г jážěj, Х jížěj ; *ezjevika Б ižäv'íkε, К ježev'íkε, Г ižev'εíkε, Х ježev'íka (скандирование)

*TerT 1-й гласный под ударением

*bergъ *N sg m* Б б'ér'ek (2×), Д б'ér'ek, К б'ér'æk, Г б'ér'ik (3×), б'ér'ik (2×), б'ér'ik, Х б'ér'ex (3×)

*derva *G sg n* **Б** з'ér'eva

*nerst_ъ *N sg m* **К** n'ér'est, n'ér'ist, X n'ér'est

*perd_ъ *N sg m* **Б** p'ér'it

*vers_ъ *N sg m* **Б** v'ér'es, **Д** v'ér'es, **Г** v'ér'is

*TerT 1-й гласный не под ударением

*bergl_ъ *Prt m* **Б** b'ér'ók, **Д** b'är'ók, **Х** b'ér'üók || *sъ-bergl_ъ *Г* z'b'ér'ók || *u-bergl_ъ *Г* ub'är'üók

*bersta *N sg f* **Б** b'ér'óstē, b'är'osta, **Г** b'är'éstē, b'är'éstē, **Х** b'ir'üosta

*berza *N sg* **Б** b'ér'ózē, **Д** b'är'üóza, **К** b'ér'ózē, b'ér'ózē, **Г** b'är'ózē, **Х** b'ér'üóza; *berz+y *L sg f* **К** nъ b'ér'ózъ; *аналогическое -о-:* *berzē *L sg f* **Б** nъ b'är'óz'ē, na b'ér'óz'e, ŋ b'är'óz'e, **Д** nъ b'ér'óz'e, **Г** nē b'är'óz'i, **Х** nà b'ir'jéz'e, nē b'ir'éz'e, nъ b'ér'éz'e, nē b'ér'óz'e

*bermē/+ -e /+ -'o *N sg n* **Б** b'ér'ém'e, b'ér'ém'e, b'ér'ém'ä, **К** b'ér'ém'ö, b'ér'ém'ä, **Г** b'är'ém'ä, b'är'ém'ä (2×); *berm+o *N sg n* **Х** b'ir'éma, b'ir'éma

*čerda 'Bidens tripartita' *N sg f* **Б** čer'edá, **Д** čir'ädá, **Г** č'ir'ädá (2×), č'ir'ädá (2×), **Х** č'er'idá; *čerđo *A sg f* **Д** čir'ädú

*perđ_ъnjĕj_ъ *Adj N sg m* **Г** p'är'éd'n'ij

*serda *N sg f* **Б** s'er'ädá, **Г** s'er'ädá, **Х** s'er'edá

*versčati *Inf* **Г** v'ir'äš'ác'; *versčal_ъ *Prt m* **Г** v'ir'äš'át; *versčala *Prt f* **Г** v'ir'äš'átē; *versčali *Prt pl* **Г** v'ir'äš'č'al'ı

*žerben_ъk_ъ *N sg f* **Б** jer'äb'ónēk⁴, **Д** žer'eb'ónēk, **К** žer'eb'ónēk, **Г** žer'eb'üónēk, žyr'äb'ónēk, **Х** žer'ib'üónēk]

*žerdlo *N sg n* **Б** žeret_ъ, žer'eč_ъ⁵, **К** žer'et_ъ (2×)

*TerT вставной гласный под ударением перед твердым

*bergl_ъ *Prt m* **Б** b'ér'ók, **Д** b'är'ók, **Х** b'ér'üók || *sъ-bergl_ъ *Г* z'b'ér'ók || *u-bergl_ъ *Г* ub'är'üók

*bersta *N sg f* **Б** b'ér'óstē, b'är'osta, **Д** b'ir'está, **Г** b'är'estē, b'är'estē, **Х** b'ir'üosta

*berza *N sg f* **Б** b'ér'ózē, **Д** b'är'üóza, **К** b'ér'ózē, b'ér'ózē, **Г** b'är'ózē, **Х** b'ér'üóza; *berz+y *L sg f* **К** nъ b'ér'ózъ; *аналогическое -о- в* *berzē *L sg f* **Б** nъ b'är'óz'ē, na b'ér'óz'e, ŋ b'är'óz'e, **Д** nъ b'ér'óz'e, **Г** nē b'är'óz'i, **Х** nà b'ir'jéz'e, nē b'ir'éz'e, nъ b'ér'éz'e, nē b'ér'óz'e

*meržja *N sg f* **Б** m'er'józa, m'er'üóza, **Д** m'er'óžē, **К** m'ər'óžē, **Г** m'er'óžē, **Х** m'ir'óža

⁴ С лексикализированным рефлексом *že- > je-; развитие *že-, *žь- > je- отмечено во многих псковских говорах.

⁵ В говоре д. Бараново архаичными рефлексам слав. *dl, по-видимому, являются [ʎ], [lʲ] — фонологически, по-видимому, геминаты /t:/, /l:/: je^ʎlʲ, mē^ʎte, š^ʎta, v'ɪ^ʎty, žer'eč^ʎ. В др. основах на месте *dl записаны только «стандартные» рефлексы [l], [lʲ].

***TerT вставной гласный под ударением перед мягким**

- *berme/+ -e /+ -'o *N sg n* **Б** b'er'ém'ε, b'er'ém'e, b'er'ém'ä, **К** b'er'ém'ö, b'er'ém'ä, **Г** b'är'ém'ä, b'är'ém'ä (2×); *berm+o *N sg n* **Х** b'ir'éma, b'ir'éma
 *perdɲnjɛjɲ *Adj N sg m* **Г** p'är'éd'n'ij

***TerT вставной гласный не под ударением перед твердым**

- *bergɣ *N sg m* **Б** b'ér'ek (2×), **Д** b'ér'ek, **К** b'ér'æk, **Г** b'ér'ik (3×), b'ér'ik (2×), b'ér'ik, **Х** b'ér'ex (3×)
 *bersta *N sg f* **Д** b'ir'está
 *čerda *N sg f* 'Bidens tripartita' **Б** čer'edá, **Д** čir'ädá, **Г** č'ir'ädá (2×), č'ir'ädá (2×), **Х** č'er'idá; *čerdɔ *A sg f* **Д** čir'adú
 *derva *G sg n* **Б** 3'ér'eva
 *nerstɤ *N sg m* **К** n'ér'est, n'ér'ist, **Х** n'ér'est
 *perdɤ *N sg m* **Б** p'ér'it
 *serda *N sg f* **Б** s'er'ädá, **Г** s'er'ädá, **Х** s'er'edá
 *versɤ *N sg m* **Б** v'ér'es, **Д** v'ér'es, **Г** v'ér'is
 *žerdlo *N sg n* **Б** žer'etó, žer'e'čó, **К** žer'etó (2×)

***TerT вставной гласный не под ударением перед мягким**

- *verščati *Inf* **Г** v'ir'äš':ác'; *verščalɤ *Prt m* **Г** v'ir'äš':át; *verščala *Prt f* **Г** v'ir'äš':át; *verščali *Prt pl* **Г** v'ir'äš'č'ál'ı
 *žerbenɤkɤ *N sg m* **Б** jer'äb'önək, **Д** žer'eb'önək, **К** žer'eb'ónɤk, **Г** žer'eb'üónək, ž'r'äb'ónɤk, **Х** žer'ib'üónək[k]

***TelT в разных позициях**

- *melko *A sg n* **Б** mɤłakɔ, **Х** mɤłakó
 *želbɤ *N sg m* **Б** žɤłɔɤɤɤ, žɤłɔɤɤɤ, žɤłɔɤɤɤ, žóɤɤɤ, **К** žóɤɤɤ, **Х** žóɤɤɤ (2×)

корневой ɛ**инлаутный****под ударением**

- *bëgalɤ *Prt m* **Г** b'égɤɤ
 *bëljɤ *Adj N sg m* **Б** b'éłj, **Д** b'jéłj, **К** b'jéłɤj, **Г** b'jéłɤj, **Х** b'jéłɤj
 *čelovëkɤ *N sg m* **Б** č[e]ɤv'ék, **Д** četav'ék (2×), čtav'ék, čəɤv'ék, **К** čtav'ék, **Г** č'tav'ék (2×), č'əɤv'ék, **Х** č'tav'jék
 *-dë *Adv* в *jɤ-dë **Б** iz'e; *kɤ-dë *Adv* **К** d'jɤ, **Д** gɤ'ɤ, gɤ'jɤ, **Г** gd'jɤ, gd'e, **Х** hd'jɤ
 | *sɤ-dës-ɤ *Adv* **Б** z'es', **К** z'd'es', **Г** z'd'es', **Х** zd'jes'
 *dëlitɤ *Prs 3 sg* **Б** 3'él'it, **Д** 3'él'it, **Г** d'él'it (2×)

- *dělo *N sg n* **Б** з'ётѣ, **К** d'ётѣ, **Г** з'ётѣ, d'ётѣ, **Х** d'јѣта ; *nedělja *N sg f* **Г** n'äd'él'ä, **Д** n'ez'él'[ä]
- *děvuška *N sg f* **Б** з'ёвушка, **Д** з'ёушка, **К** d'ёвушкѣ, **Г** d'ёвушк[ъ], **Х** d'јёвушка ; *děvušky *N pl f* **Б** з'ёвушк'и ; *děvušk+ě *N pl f* **Д** з'ёвушк'[e] ; *děvnъčka *N sg f* **К** d'ёvnъчкѣ ; *děvnъka *N sg f* **Б** з'ёфка, **Д** з'ёfk[ä], **К** d'ёfkѣ (2×), **Г** d'ёfk[ѣ], d'ёfk[ъ], **Х** d'јѣwкѣ ; *děvnъk+ě *L sg f* **Г** na d'эф'k'[i]
- *grěxъ *N sg m* **Б** gr'ex, **Д** gr'ex, **К** gr'јex, **Г** gr'ex (2×), **Х** yr'јex
- *jěxati *Inf* **Б** jěx[ъ]c', **Д** jјexъc', **К** jěxъt', **Г** jјexъc', **Х** jјexъ[c'] ; *jědo *Prs 1 sg* **Б** jјѣdu, jѣdu, **К** jѣdu, **Д** jѣdu, jѣdu, **Г** jѣdu, jѣdu (2×), **Х** j[ѣ]du ; *jědešъ *Prs 2 sg* **Б** jѣd'iš, **Д** jѣz'ēs, **К** jѣd'ēs, **Г** jѣd'[i]š , **Х** jѣd'ēs
- *kělъjъ *Adj N sg m* **Г** céлъj (2×)
- *kěpъ *N sg m* **Б** c'ep (фонологически /t'ep/), **Х** cep
- *kěvnъka *N sg f* **Б** c'эфка (фонологически /t'ěvka/), **К** céfkѣ, **Г** céfkѣ (2×)
- *květъ *N sg m* **Г** cv'et (3×), cv'jet
- *kolěno *N sg n* **Б** kal'énъ (2×), **Д** kal'énъ, **К** kəl'énъ, **Г** kal'énъ, **Х** kal'énъ ; *kolěno *A sg m* **Д** pъ kal'énъ ; *kolěně *L sg n* **Д** nъ kal'én'и, **К** f kal'én'и, u kal'én'ә, **Г** nъ kal'én'и, **Х** na kal'én'и
- *lěšъ *N sg m* **Б** l'es, **Д** l'ēs, l'es, **К** l'ēs (2×), **Г** l'ēs, l'es, **Х** l'jes ; *lěsa *G sg m* **Б** l'ěsa, **Д** l'ěsa, **К** l'ěsѣ, **Г** l'ěs[ъ], **Х** l'јěsa ; *lěšъ *A sg m* **Д** v l'ēs, w l'es
- *lěsjъjъ *Adj substant. N sg m* **Г** l'ěsjъjъ (2×)
- *lětъ *G pl n* **Б** l'et, **К** l'et, **Г** l'et, **Х** l'јet ; *lětъnjъjъ *Adj N sg m* **Б** létn'ij, **Х** l'ét'n'ij ; *lětъnjъjъ *Adj N sg m* **К** l'étnъjъ
- *mědъ *N sg f* **Б** m'ec', **Д** m'ec', **К** m'et', **Г** m'et', **Х** m'јe[t']
- *měra *N sg f* **Г** m'ere
- *mēsęcъ *N sg m* **Б** m'és'ac, m'és'ec, **Д** m'јés'ec, **К** m'és'ec (2×), **Г** m'és'[i]c, m'és'ec (2×), **Х** m'és'ac
- *město *N sg n* **Б** m'ěsta, **Д** m'ěstѣ, m'ěsta, **К** m'ěstѣ, **Г** m'ěstѣ, m'ěst[ъ], **Х** m'ěsta ; *města *G sg n* **Б** m'ěsta, **К** m'ěstѣ ; *městě *Adv < L sg n* **Б** wm'és'c'[e], **Д** vm'és'c'e ; *městěxъ *Adv < L pl (Adv)* **Г** vm'és'c'ex, vm'és'c'ix 'вместе'
- *ně *Part* **Д** n'ě, pójno
- *ně- < *ne-e- (*c* *e *Prs 3 sg*) : *ne e tu > *ně tu *Adv* **Б** n'et (2×), **К** n'et, **Х** n'et ; *ne e č+ego > *ně č+ego: *Pron* **Г** n'ěč'evъ
- *němъcъ *N sg m* **Б** n'ém'ic', **Д** n'ém'ic, **К** n'ém'ec, **Г** n'ém'ic, **Х** n'ém'ec
- *nevěsta *N sg f* **Г** n'ev'ést[ѣ]
- *orěxъ *N sg m* **Г** ѡr'эх, ar'эх ; *orěx+ě *L sg m* **Б** v ar'эх'e
- *pěna *N sg f* **Г** p'énъ
- *pěsn+ja *N sg f* **Б** p'és'n'ä, **К** p'és'n'ә, **Г** p'és'n'ä, **Х** p'јés'n'ä ; *pěsni *N pl f* **Б** p'és'n'и, **К** p'és'(')n'и, **Г** p'és'n'и, **Х** p'јés'n'и

- *rěky *N pl f* **K** r'ék'i, **X** r'jék'i ; *rěk+ě *N pl* **B** r'ék'e; *rěčьka *N sg f* **B** r'ěčkə, **Г** r'ěč'k[ə], **X** r'jěč'ka
- *rěpa *N sg f* **B** r'ěpa, **K** r'ěpa, **Г** r'ěpə, **X** r'jěpa
- *vъ+sъ-rětja *N sg f* **Г** fstr'ěč'ä
- *rězjo· *Prs 1 sg* **B** r'ěžu, **Г** r'ěžu, **X** r'jěžu
- *sějali *Prt pl* **B** s'ěil'i, **K** s'ějel'i, **Г** s'ěil'i, **X** s'jěil'i
- *sěno *N sg n* **B** s'ěnə, **K** s'ěɲə, **Г** s'ěna, s'ěnə, s'ěäɲə, **X** s'jěna ; *sěna *G sg f* **B** s'ěna (4×) ; *sěně *L sg n* **B** f s'ěn'e, **K** na s'ěn'i, **Г** f s'ěn'i, f s'ěn'i, **X** f s'ěn'i
- *skěpъka *N sg f* **Г** š'č'ěpk[ъ]
- *dvě *Num N f* **B** ʒ'v'ɛ
- *sněgъ *N sg m* **B** s'n'ek, **K** s'n'ek, s'n'jék, **Г** s'n'ek (2×), **X** s'n'jex ; *sněga *G sg m* **B** s'n'ěga, **K** s'n'ěga, **X** s'n'ěfia ; *sněg+u *G sg m* **Г** sn'ėgu
- *po-spějetъ *Prs 3 sg* **Г** pas'p'ět
- *světъ *N sg m* **Г** s'v'et, s'v'jet ; *světa *G sg m* **B** s'v'ěta
- *tělě *L sg n* **B** f c'él'e, f c'él'e, **K** f c'él'e, **Г** f c'él'e, **X** f t'jél'e
- *věnikъ *N sg m* **B** v'én'ik, **Д** v'én'ik, **K** v'én'ik, **Г** v'én'ik, **X** v'jén'ik
- *po-věsiti *Inf* **B** pav'és'[i]c', **Г** pav'és'[i]t' ; *po-věsjo *Prs 1 sg* **B** pav'ěšu, **Д** pav'ěšu, **K** pəv'ěšu, **Г** pav'ěš[u], **X** pav'jěšu ; *po-věšetъ *3 pl* **B** pav'és'[ä]t, **Д** pav'és'ic', **K** pəv'és'ät, **X** pav'jés'ät ; *věsjati *Inf* **B** v'ěšič, **K** v'ěšit', **Г** v'ěšet', v'ěšit', **X** v'jěšet' ; *po-věsjajo *Prs 1 sg* **X** pav'jěšejü ; *po-věsjajъ *Imper 2 sg* **X** pav'jěšj
- *větrъ *N sg m c энентемич.* -ъ- : **B** v'éc'er, v'jéc'er, **Д** v'éc'er, v'éc'ir, **K** v'ét'er, **Г** v'ét'er (2×), v'ét'er, **X** v'jéc'er
- *xěrъjъ *Adj N sg m* **B** s'érj, s'érj, **K** s'érɲj, **Г** s'érɲj, s'érɲj, **X** s'jérj
- *xlěbъ *N sg m* **B** xl'ep, **Д** xl'ep (2×), xl'ep, **K** xl'ep, **Г** xl'ep (3×), **X** xl'jep
- *xlěvъ *N sg m* **B** xl'ef, **Д** xl'ev, **K** xl'ev, **Г** kl'ef (2×), **X** xl'jew
- *xrěnъ *N sg m* **Г** xr'en
- *želězo *N sg n* **B** žäl'ézv, žel'ézv, **Д** žäl'ézv, **K** žel'ézv, žəl'ézv, **Г** žäl'ézv, ž(')äl'ézv, žel'ézъ, **X** žel'jéza, žil'jéza
- *zvětъ *N sg m* **Г** z'v'er' (2×)

не под ударением

- *běda *N sg f* **B** b'edá, **Д** bedá, **Г** b'ádá, **X** b'edá
- *bělějetъ *Prs 3 sg* **B** b'el'ěet, **K** b'el'ěet, **Г** b'el'ěet ; *bělěje *Prs 3 sg* **X** b'el'jěji
- *kěsarjъ *N sg m* > *k'ъsarjъ *c «аллегрным»* -ъ- : **K** car', **Г** car' (2×) ; *kěsarja *G sg m* > *kъsarja **K** car'á, **Г** car'á ; *kěsarji *N pl m* > *kъsarji **K** car'[i], **Г** cer'ěi
- *děliti *Inf* **B** ʒ'äl'ic', **Д** ʒ'el'it', **K** d'el'it'[t'], **Г** d'el'ěit', **X** d'jël'ic'
- *děvica *N sg f* **Г** d'ev'ěic[ə], d'ev'ěic[ъ]

- *gvězda *N sg f* Г з'v'āzdá (3×) (фонологически /d'v'azdā⁶/), z'v'āzdá
 *gnězdo *N sg f* Г gn'ezdó
 *grěxa *G sg m Б* gr'exá, Д gr'exá, К gr'exá, Г gr'āxá ; *grěxy *N < A pl m Б* gr'āxí, К gr'ex'í, Г gr'ex'í ; *grěx+ovъ *G pl m Б* gr'āxóf, Д gr'exóf, К gr'exóf, Г gr'exóf ; *grěxy *A pl m Д* gr'ex'í ; *grěšiti *Inf Б* gr'āšíc', Д gr'ešíc', К gr'ešíc'[t'], Г gr'ešíc't', Х fir'ešíc'[c'] ; *grěšitъ *Prs 3 sg Д* gr'ešít, К gr'ešýt, Г gr'āšýt ; *grěšetъ *3 pl Б* gr'isát, Д gr'ešát, К gr'ešát, Г g'r'āšát
 *podъ-jězdjati *Inf Г* pьdjež' :át
 *kěditi *Inf Г* cъd'ěic' ; *kědila *Prt f Б* cāz'íta, К cъd'íte || *pro-, po-kědila Г pь-ced'ěíte, Х paced'íta
 *kěla *Adj N sg f Б* cātá, К ceťá, Г caťá, Х ceťá ; *u-kělělъ *Prt m Б* ucāl'ét, К ucāl'ét, Г ucel'ét, Х ucel'jét
 *kělujo *Prs 1 sg К* ceťuju ; *kělujъ *Imper 2 sg Б* n'é cātúj
 *kěna *N sg f Б* cāná, К ceňá (2×), Г caná, ceňá, Х cená ; *kěny *G sg f Б* b'es cāní, К b'es' c'ān'ý, Г b'is cēn'ý ; *kěnojo *Instr sg f Б* cānój, К ceňój, Г canój ; *kěniti *Inf Б* cān'íc', К ceň'ít' (2×), Г ceň'ěit', Х ceň'íc' ; *kěnjо *Prs 1 sg Б* cān'ú, Г c'en'ú (фонологически /t'an'ú/ ?), Х ceň'ú
 *kěpъkъ *N < A pl m Д* c'epk'í (фонологически /t'apki/)
 *kěvъje *N sg n Б* cevjó
 *květy *N < A pl m Б* c'v'ātí (фонологически /t'v'at'j/), К cv'et'ý (2×) К cv'et'ý Д c'v'ātí, c'v'et'í (фонологически /t'v'at'j/) 'цветы (садовые, луговые)', Г cv'et'ý, cwet'ý (sic), Х c'v'et'í (фонологически /t'v'at'j/); формы с /kv'-/, по-видимому, заимствованные из сев.-псковских говоров: Б kv'ātí (2×), kv'et'í ; Д kvet'í, kv'et'í 'цветки на деревьях' ; *květъkъ *N sg m К* c'v'etók (фонологически /t'v'atók/), Г cv'ätók
 *krěpъčati *Inf Г* kr'epč'ác'
 *lěs+u *L sg m Б* v l'ēsú, Д v l'āsú, К v l'ēsú (2×), Г v l'āsou, Х v l'ēsú ; *lěs+a *N pl m Б* l'āsá, Д l'esá, К l'ēsá, Г l'āsá, Х l'isá ; *lěsъnoje *Adj G sg f Б* s' l'āsnój, Д s' l'ēsnoj, Х l'isnoj ; *lěsъnoje *Adj Lsg f Б* nъ l'āsn[ó]j, Д nъ l'āsnój, К nъ l'ēsnoj, Г nъ l'āsnój, Х na l'isnoj
 *mēnjajetъ *Prs 3 sg Г* m'en'āt
 *mēsjati *Inf Г* m'āšac' ; *mēsjala *Prt f Г* m'āšáte ; *mēsjali *Prt pl Г* m'āšál'i
 *mēsta *N pl n Б* m'está, Д m'está, К m'está, Г m'āstá (2×) ; *mēst+axъ *L pl n Г* v m'āstáx

⁶ По-видимому, Г z'v'āzdá — форма с «литературным» рефлексом; ср. *zvěť > z'v'er' как в ответе на вопрос ФП, так и в других записях. Регулярный рефлекс *kvě- в говоре д. Гниловка — cv'ě-, cv'a- (с более ранним, чем развитие «цеканья», отверждением аффрикаты).

- *měš+_тк_т *N sg m Б* m'ěšók, *Д* m'ěšók ; *měš+_тч_тк_т *N sg m Б* m'ěšóčak (2x), *Д* m'ěšóčik, *К* m'ěšóč'ek, *Г* m'ášóč'[i]k, *Х* m'išóčik
- *za-mětjati *Inf Г* зьм'яч'яч' (2x) ; *za-mětjal_т *Prt m Г* зьм'яч'ят ; *za-mětjajo *Prs 1 sg Г* зьм'яч'яю ; *za-mětjala *Prt f Г* зьм'яч'ятэ
- *něm_тк_т *Adj N sg m Г* n'am:ój
- *pětux_т *N sg m Б* p'etúx, *К* p'etóux, *Г* p'ätóux, *Х* p'etóux ; *pěvati *Inf вместо* *pējati: *na-pěvati *Б* нп'явác', *К* нп'явát', *Г* нп'явát' || *rodь-pěvati *Г* ретр'явát', рьтр'явát'
- *pěš_тк_т *N sg m К* p'ěšók, *Г* p'ěsók (2x), *Х* p'ěsók ; *pěš_тка *G sg m К* p'eská, *Г* p'aská, *Х* p'iská ; *pěš_тк+ě *L sg m К* f p'esk'é, *Г* f p'ask'é, *Х* [v] p'isk'jé
- *rěka *N sg f Б* r'áká, *К* r'eká, *Г* r'áká (2x), *Х* r'eká ; *rěky *G sg f К* r'ek'í, *Х* r'ek'í ; *rěk+ě *G sg f Г* s' r'ek'é ; *rěkojo *Instr sg f Б* z r'äkój, *К* z r'ekój, *Г* z r'äkój, *Х* z r'ekúj ; *rěk+ě *L sg f Б* r'äk'é, нп' r'ek'é, *Г* нп' r'äk'é, *Х* ná r'ik'jé ; *rěk+y *L sg f К* нп' r'ek'í, *Х* нп' r'ek'í
- *v_т+s_т-rětjati *Inf Г* [f]str'ěč'át'
- *sědjo *Prs 1 sg Б* s'ěžú (4x) ; *sědet_т *3 pl Б* s'ěž'át || с лексикализированным позиционным -i- < -ě- : *sidit_т *Prs 3 sg К* s'id'ít, *Х* s'id'ít ; *sidet_т *3 pl К* s'id'át, *Г* s'id'čát ; *sidě *3 pl Х* s'id'á
- *dvě na deset_т *Num N Б* з'v'enácces', *Д* dv'enác:[i]c', *К* dv'enác:xt', *Г* d'v'ä-nác:[x]t'
- *slěpojě *Adj G sg f Б* s'l'äpój, *Х* dь s()'l'ipój ; *slěpoj_т *Adj D sg f Б* k s'l'äpój, *К* k s'l'epój (2x), *Г* k s'l'äpój (2x), *Х* s'l'ipój (2) ; *slěpojo *Adj A sg f Б* s'l'ipúü, *К* s'l'epúü, *Г* s'l'äpúü, *Х* s()'l'ipúü
- *sněg+u *L sg m Б* f s'n'ägú (2x), *К* f s'n'ägóú, *Г* f s'n'ägóú (2x), *Х* [f] s'n'ihú ; *sněgy *N < A pl m Б* s'n'eg'í ; *sněg+a *N pl m К* s'n'əgá, *Г* s'n'ägá, *Х* s'n'ihá ; *sněg+ov_т *G sg m Б* s'n'egóf, *Г* s'n'ägóf, *Х* s'n'eyow
- *spěvati *Inf вместо* *spējati: *po-spěvati *Inf Б* пьс'p'ěvác', *К* пьс'p'ěvát'[t'], *Х* pas'p'evát'[t']
- *strěljati *Inf Б* str'el'ác', *К* str'el'át', *Г* str'al'át', str'al'ác', *Х* str'il'á[c'] ; *strěljal_т *Prt m Г* str'el'át' ; *strěljala *Prt f Г* str'el'átэ ; *strěljali *Prt pl Г* [s]tr'al'ál'ı
- *svět_тl_тka *N sg f Б* s'v'ec'ótkə
- *vědro *N sg n Б* v'edró, *Д* v'edró, *К* v'adró, *Г* v'edró, v'adró, *Х* v'edró ; *vědr_тм_т *Instr sg n Б* s' v'edróm, v'adróm, *К* v'edróm (2x), *Г* s' v'edróm (2x), v'adróm, *Х* v'idróm (2x) ; *vědr_т *G pl n с энантимич. -ь-: Г* v'ed'ěór
- *věn_тк_т *N sg m Д* v'ănók, *Г* v'enók, *Г* v'ănók, *Х* v'enók ; *věn_тка *G sg m Д* v'änká, *К* v'enká, *Г* v'enká, *Х* v'enká ; *věn_тс_т *N sg m Б* v'in'éc, v'en'éc, *Д* v'en'éc, *Г* v'en'éc (2x), v'an'éc, *Х* v'in'jéc ; *věn_тс_т *D sg m Б* k v'āncú, *Д* k vencú, *К* k v'encú, *Х* k v'incú ; *věn_тс+ě *L sg m Г* v v'āncé ; *věn_тčjati se

Inf Г в'єн'ч'átsє ; *věňčjala sє *Prt f* Г в'ānc'áťs' ; *věňčjali sє *Prt pl* Г в'ān'č'ál'is'

*xěďjъ *Adj N sg m* Б s'ădój, К s'edój, Г s'ădój (2×), Х s'idój

*xlěvy *N < A pl m* Б xl'evъ, К xl'evъ (2×), Г xl'āvъ, Х xl'evі

*zvěgje *N sg n* Х z'v'ir'jüő ; *zvēr+ъkъ *N sg m* Г z'v'ār'ók

анлаутный

под ударением

*ěsti *Inf* Б is', Б jes'c', Д jєz', jes'c' (2×), К jis', Г jes'c', Х jis' ; *ědmъ *Prs 1 sg* Б jem (2×), Д jem, К jem (2×), Г jem, Х jiem ; *ěšъ *Prs 2 sg вместо слав.*

*ěsi: Б jěš, Д ješ, К jiš, Г ješ ; *ěstъ 3 *sg* Б n'є jěst, Д jes[t] ; *ěstъ 3 *sg* К jis', Г jís' ; *sъ+ědlъ *Prt m* Г s'jét ; *ědli *Prt pl* К jél'ı (2×), Г jél'i, Х jél'i ;

*ědl+e *Prt pl* Б jél'e, Д jél'e

*jědōtъ *Prs 3 pl* Г jédut

не под ударением

*ěsi *Prs 2 sg* Х jis'ı ; *ědimъ *Prs 1 pl* Б jăz'ım, Д jєz'ım, єz'ım, К jєd'ım, Г jєd'ım ; *ědite *Prs 2 pl* Б n'ı jăz'ıc'e, Д jєz'ıc'e, К jєd'ıt'ı, Г jєd'ıc'[i] ;

*ědetъ 3 *pl* Б jєz'át, Д jăz'át ; *ěd+otъ 3 *pl* К jєdút' (2×)

корневой *o

инлаутный

под ударением

*bobъ *N sg m* Б бор, бор, К борр, Г бор (3×), Х бұрр (2×)

*bojъ *N sg m* Б бoj

*bokъ *N sg m* Б бok (2×), К борк, Г бok, Х bok

*bolъ *N sg f* Б бол'

*bolj+ěje *Compar* К бól'єє ; *bolj+ъše *Compar* Б бól'še, Д paból'si, К бól'sъ, Г бól's[ъ], Х бól'se

*borъ *N sg m* Б бор

*božitъ sє *Prs 3 sg* К бóžic:є, Г бóžxts[ъ] ; *bož+otъ sє 3 *pl* Б бóžüccä, К бóžuc:є

*brodъ *N sg m* Б в brot

*bьrloga *N sg f* Б б'єrtógє, б'єrtóga, К б'єrtógє, Г б'ärtógє ; *bьrlogъ *N sg m* Х б'єrtóx

*dobrogo *G sg m* Д dóbrɔva

*dolja *N sg f* Б dól'ä (7×), К dól'a, Г dól'ä (2×), Х dól'ä, дуól'ä

*domъ *N sg m* Б dɔm, К dɔm, Г dɔm

*drožž+i *N pl f* Г dróžž:[i]

*drozdъ *N sg m* Б drɔst

*dvorъ *N sg m* Б dvɔr (2×), К dvɔr, Г dvɔr (2×), Х dvor

- *d_hxorj_h *N sg m B* [t]xər', xər' (2×), *K* x_hər', *Г* xər' (2×), *X* xər'
- *gnoj_h *N sg m B* gnəj
- *god_h *N sg m B* gət (3×), *K* gət (2×), *Г* gət ; *prigodj_h *Adj N sg m Г* pr'igóžxj
- *golen_h *N sg f B* gól'en'
- *golqb_h *N sg m B* góʃup, *Г* góʃup'
- *gon_h *N sg m B* gən ; *gonit_h 3 stg *Г* gón'it
- *gorje *N sg n B* gór'e
- *gorj_hk_hj_h *Adj N sg m K* gór'k'ij ; *gorj_hko *Adv B* gór'^hko, *K* gór'ko, *Г* gór'k[ɐ], gór'k[ɛ], *X* h_hər'ka ; *gorj+_hše *Compar Г* górsä
- *gospod_h *N sg m B* gəspóc', gaspóž' bóx
- *gost_h *B N sg m* gəs'c' (3×), gəs' (2×), *Г* gəs'c'
- *govor_h *N sg m B* góvər
- *grom_h *N sg m B* grəm (2×)
- *grozd_h *N sg m B* grəst
- *gvozdz_h *N sg m B* gv_həzt, *Г* gvəs'c'
- *klor_h *N sg m B* kłozp, kłəp
- *kog_ht_h *N sg m B* kóγec', *K* kókəʔ', *Г* kókəʔ', *X* kóhə[t'], kóγə[t'] ; *kog_hte *N pl m B* kókə'ɛ, *X* kóxt'e ; *kog_ht+i *N pl m B* kókə'i (3×), kókə'i, *K* kókt'i, *Г* kókə'[i]
- *kqkolj_h *N sg m B* kukól', kukól'
- *s_h koliko *Adv c «аллегровым»* _h < i : *B* skól'kə, *K* skól'kə, skól'k[ɛ] (2×), *X* sk_hól'ka ; *toliko *Adv c «аллегровым»* _h < i : *Adv B* tól'kə, *K* tól'kə, *Г* tól'k[ɐ], *X* tól'ka
- *kol_h *N sg m B* kəl
- *kom_h *N sg m B* kəm
- *konj_h *N sg m B* kən', kon', *K* kən', *Г* kən' (2×), *X* k_hən' ; *konji *N pl m Г* kón'i
- *kon_h *N sg m B* kən (2×), kozn
- *kon_hčjə *Prs 1 sg Г* kón'č'[u], *X* kón'č'ü
- *kor_ht_h *N sg f B* kórɲec'
- *koren_h *N < A sg m B* kór'm' (2×), *Г* kór'in', kór'm'
- *kot_h *N sg m B* kət (3×), *K* kət, *Г* kət, *X* kot ; *kotj_hka *N sg f B* kóska, *K* kóškə, *Г* kóškə, *X* kóska
- *pod_hkova *N sg f B* patkóva, *K* pətakówə, *Г* pətakówə, *X* patkóva
- *krovja *N sg f B* króvl'ä (2×), krówl'ä (2×), *K* króvl'ə, *X* krówl'ä ; *pokrov_h *B* pakróv
- *lom_h *N sg m B* łəm
- *lov_h *N sg m B* łəw ; *lovja *B* łówl'ä, *K* łóvl'ə, *Г* łóvl'ä, *X* łóvl'ä
- *lož'em_h *Prs 1 pl Д* łóžəm

- *mъnogo *Adv* **Б** mnόgo (2×), **Х** mnόγe (2×), mnόγy
- *modlitъ sę *Prs 3 sg* **К** mól'ic:e ; *modletъ sę *3 pl* **Г** mól'ets[ę] ; *modl+'otъ *3 pl* **Б** mól'üt ; *modl+'otъ sę *3 pl* **Б** mól'üc:ε, mól'üc:ä, **Г** mól'öts[γ], **Х** mól'üc:i
- *po-mogt'ı *Inf* **Г** pamόc' ; *po-moglъ *Prt m* **Г** pamόk
- *mojъ *Pron N sg m* **Б** māj, moj
- *mokrъjъ *Adj N sg m* **Б** mόkrij, **К** mόkrъj, **Г** mόkrъj, **Х** mόkrәj
- *molъ *N sg f* **Б** mäl'
- *morje/+ -o *N sg n* **Б** mór'ε, **К** mór'ε, **Д** mór'ö, **Г** mór'ε, mór'ε, **Х** mór'ε ; *morj/+ -o *A sg n* **Б** na mór'ε, **Д** na mór'ö, **К** ne mór'ε, **Г** ne mór'ε, **Х** na mór'ε ; *morji *L sg n* **Г** na mór'i ; *morj+ě *L sg n* **Б** na mór'ε, **Д** na mór'ε, **Х** na mór'ε ; *morj+u *L sg n* **К** ne mór'u
- *mostъ *N sg m* **Б** mōst (2×)
- *mozgъ *N sg m* **Б** mōsk (2×), **К** mųόsk, **Г** mōsk ; *mozg+ě *L sg m* **Г** v mōzg'[i]
- *mozolъ *N sg f* **Б** mazól'
- *nogъ *G pl f* **Б** nōk, **К** nōk, **Г** nōk (2×), **Х** nıox ; *nožъka *N sg f* **Б** nόškε, **К** nόškε, **Г** nόšk[ъ], **Х** nόska ; *nož+en[ъ]ka *N sg f* **Б** nόžen'kъ, **К** nόžen'kε, **Г** nόžen'k[ъ]
- *nogъtъ *N sg m* **Б** nόгъc' (4×), **К** nόkъt', **Г** nόkъc' (3×), **Х** nόγъ[c'], nόkъ[t'] ; *nogъte *N pl m* **Б** nόkc'ε ; *nogъt+i *N pl m* **Б** nόkc'i, nόkc'i, **Г** nόxc'[i], nόkc'[i] (2×), nόkc'i, nόkc'[i] (2×)
- *nokt'ъ *N sg f* **Б** nōc, **Г** nōc'
- *nosja *N sg f* **Г** nόše
- *nosъ *N sg m* **Б** nōs (2×), **Г** nōs (2×), **Х** nųōs
- *novъjъ *Adj N sg m* **Б** nόvıj, **К** nόvıj, **Г** nόvıj, **Х** nόvıj ; *novogo *Adj G sg m* **Б** nόova, **К** nόvıne, **Г** nόvıne ; *novyji *Adj N pl* **Б** nόvıi, **К** nόvıi, **Г** nόvıi, **Х** nόvıi
- *nozъjъ *N sg m* **Б** nōš, **К** nōpъš, **Г** nōš (2×)
- *orgozja *N sg f* **Г** rεgόže
- *pirogъ *N sg m* **Б** p'erόk
- *plodъ *N sg m* **Б** ptόd, dá
- *pojasъ *N sg m* **Б** pόjes, **К** pόjās, **Г** pόis, **Х** pόjes ; *pojasa *G sg m* **Б** pόesa, **К** pόjesa, **Г** pόjesa, **Х** pόjısa
- *pokojъnikъ *N sg m* **Б** pakόjn'ık
- *polje/+ -o *N sg n* **Б** pól'ä, **К** pól'ε, **Г** pól'ä, **Х** pól'ε ; *polje/+ -o *A sg n* **Б** na pól'ä, **К** ne pól'ε, **Г** ne pól'ä, **Х** na pól'[ä] ; *polji *L sg n* **К** ne pól'i, **Г** na pól'i ; *polj+ě *L sg n* **Б** na pól'ε, **Х** na pól'ε
- *polъ *N sg m* 'floor' *A sg m* *polъ **Б** pōt (2×), **Д** pōt, **К** pōt
- *porъ *N sg m* **Б** pōp (2×), **К** pōp, **Г** pōp (2×), **Х** pōp
- *postъ *N sg m* **Б** pōst (2×)
- *potъ *N sg m* **Б** pōt (2×), **К** pōt, **Г** pōt, **Х** pot

- *pozďɛnjǫjɛ *Adj N sg m* **Г** рѡз'н'ij ; *pozďɛno *Adv* **Б** рѡзнѣ, **К** рѡзнѣ, **Г** рѡзнѣ, **Х** рѡзнѣ
- *požɛnja *N sg f* **Г** рѡžн'ä
- *rodɛ *N sg m* **Б** рѡт (2×)
- *rogɛ *N sg m* **Б** рѡк, **Х** рѡх
- *rojɛ *N sg m* **Б** рѡј
- *rozga *N sg f* **К** рѡzgѣ, **Г** рѡzgѣ (2×), **Х** razýá ; *rozgy *N pl f* **К** рѡzg'ı
- *skokɛ *Adv* **Б** skѡk (3×) ; *poskokɛ *Adv* **Б** skѡk-paskѡk
- *skotɛ *N sg m* **Б** skѡт
- *stɛlojɛ *N sg m* **Б** stѡј (3×)
- *slovo *N sg n* **Б** stѡvѣ
- *snopɛ *N sg m* **Б** snѡp (2×)
- *sokolɛ *N sg m* **Б** sѡkѡт
- *sokɛ *N sg m* **Б** sѡk (2×)
- *solɛ *N sg f* **Б** sѡl' (2×), **К** sѡl' (2×), **Г** sѡl' (2×), **Х** sol' ; *solɛjѡ *Instr sg f* **Б** sѡl'jü (2×), **К** sѡl'jü, **Г** sѡl'jü, sѡl'jü ; *sol+ʹѡтѣ *Prs 3 pl* **К** sѡl'üt, **Г** sѡl'üt ; *solɛtɛ *3 pl* **Б** sal'eat, **К** sѡl'it ; *soljenɛjɛ *Ptc N sg m* **Х** sѡl'eniј
- *somɛ *N sg m* **Б** sѡm (2×), **Г** sѡm, **Х** sѡm, sѡm
- *sorɛ *N sg m* **Б** sѡr
- *sosnɛ *G pl f c энентетич.* -ѣ- : **Б** sѡs'in, **Х** sѡs'en
- *sovɛ *G pl f* **Б** sѡf, **К** sѡf, **Г** sѡf, **Х** sѡw
- *soxɛ *G pl f* **Б** sѡx, **К** sѡx, **Г** sѡx, **Х** sѡx
- *stonɛ *N sg m* **Б** stѡn | также *Prs 3 sg* **Б** stѡn'et с вторичным -о-, субститутом *stenjetɛ
- *stogɛ *N sg m* **Б** stѡk (2×), **К** stѡk (3×), **Г** stѡk, **Х** stѡx (3×)
- *stolɛ *N sg m* **Б** stѡł ; *stolɛ *A sg m* **Б** pѣ[t] stѡł, **К** pѣtѡł (2×), **Г** pѣt stѡł, **Х** pat stѡł < *podɛ stolɛ
- *stropɛ *N sg m* **Б** strѡp
- *stɛvolɛ *N sg m* **Б** stѡvѡł
- *tokɛ *N sg m* 'гумно' **Б** tѡk (2×), **К** tѡk, **Г** tѡk (2×), **Х** tѡѡk ; *protočɛnjɛjɛ *Adj N sg m* **Г** pѣtѡč'n[ɣj]
- *-to *Part* : *čɛ-to *Pron sg* **Б** štѡ ; *čɛto *to Pron* **Б** štѡ-tѡ ; *kɛ-to *Pron* **Б** ktѡ ; *ni kɛto *Г* n'iktѡ ; *o to с «аллегривым» -ѣ : *Adv* **Б** vѡt
- *topoljɛ *N sg m* **Б** tѡpɫ'
- *toporɛ *N sg m* **Б** tѡpѡr
- *topɛ *N sg f* **Б** tѡp'
- *tvarogɛ *N sg m* **Б** tvarѡk
- *vodɛka *N sg f* **Г** vѡtkѣ
- *vodj+i *N pl f* **Г** vѡž':[i], vѡž's'[i]

- *volja *N sg f* **B** vól'ä (3×), **K** vól'ä (2×), **F** vól'ä (2×), **X** vùól'ä (2×)
 *volъ *N sg m* **B** vòt, **F** vòt (3×)
 *vonъ *N sg f* **B** vòn' (2×)
 *vorъ *N sg m* **B** vor
 *voskъ *N sg m* **B** vòsk, **F** vòsk
 *vozъ *N sg m* **B** vòs, **F** vòs (2×), **X** vùòs, vos
 *xobotъ *N sg m* **B** xóbət (2×)
 *proxodjěъ *Adj N sg m* **F** praxóžxj; *proxodjěъ *Adj N sg m* **F** praxóž[xj]; *ходъ *N sg m* **B** xət
 *ox(v)ota *N sg f* **F** axótə
 *xoxolъ *N sg m* **B** xaxót; *xoxol+e *N sg m* **B** xaxótə
 *xvorъъ *Adj N sg m* **F** xvórxj (2×); *xvorъ *N sg f* **B** xvər'
 *xvostъ *N sg m* **B** xvòs; **F** xwòst, xvòst, **X** xvùòs; *xvostjъ *N sg m* **B** xvòš'
 *znojъ *N sg m* **B** znøj (2×)
 *zobъ *N sg m* **B** zəp
 *zonъ *N sg m* **B** zəf
 *zvонъ *N sg m* **B** zvòn (3×)

не под ударением

- *bobrъ *N sg m c энентетич.* -ъ- **B** bab'ór (2×)
 *bojati sę *Inf* **B** bajác:a, **K** bejác:e, **F** bajác:[x], **X** bajác:a; *bojala sę *Prt f* **B** bajátəs', **K** bəjátəs', **F** bajátəs'
 *bolitъ *Prs 3 sg* **B** bal'íc'
 *čelověkъ *N sg m* **B** č[e]təv'ék, **D** četav'ék (2×), čtav'ék, čətəv'ék, **K** čtav'ék, **F** č'tav'ék (2×), č'ətəv'ék, **X** č'tav'íék
 *dolovi *Adv* **F** daťój
 *domovi *Adv* **B** damój, **F** damój
 *dvor+ovъ *G pl m* **B** dvər'óf, **K** dvar'óf, **F** dvar'óf, **X** dvar'ów
 *dъxorj+ъkъ *N sg m* **B** xar'ók, **K** xar'ók, **F** xar'íók, xar'ěók, **X** xar'üók, xar'üók
 *gonjō *Prs 1 sg* **F** gan'ú
 *goręte *Adv* **B** gыр'ěčó, gar'äčó, **D** гыр'ěčó, **K** гыр'ěčó, **F** гыр'äč'ó, **X** гыр'ič'üó
 *gospodъ *N sg m* **B** gəspóc', [g]aspóc'z bók
 *u-gostjati *Inf* **F** ugaš':ác'; *u-gostjalъ *Prt m* **F** ugaš':əát; *u-gostjala *Prt f* **F** ugaš':əátə; *u-gostjali sę *Prt pl* **F** ugaš':ál'is'
 *govorъ *N sg m* **B** góvər
 *kobyła *N sg f* **B** kabýla (2×), **K** kəbýtə, **F** kabýtə, **X** kabíte
 *kogo *Pron G sg* **B** kəvó
 *kolěno *N sg n* **B** kal'éne (2×), **D** kal'éno, **K** kəl'éne, **F** kal'éne, **X** kal'éne;
 *kolěno *A sg n* **D** пръ kal'éno; *kolěně *L sg n* **D** нъ kal'én'i, **K** f kal'én':i (sic?);
 u kal'én'ə, **F** нъ kal'én'i, **X** na kal'én'i

- *kolkoľ *N sg m B* kóľəkəť, kóľəkəť (2×)
 *koles+o *N sg B* kəl'äsó (2×)
 *konja *G sg m B* kan'á, *Г* kan'á (2×); *konju *D sg m Г* kan'ǫú; *konj+ьmь *Instr sg m B* s kan'óm (2×), *K* s kən'óm (2×), *Г* s kan'óm (2×), *X* s kan'ǫóm, s kan'ǫóm; *konj+ě *L sg m B* nē kan'é, *K* nē kən'jé, *Г* nē kan'é, nē kən'é; *konj+u *L sg m X* nē kan'ú; *konj+ьjь *G pl m Г* kan'éj (2×); *konj+ami *Instr pl m Г* kan'am'i; *konj+amь *D pl m Г* kan'am; *konj+axь *L pl m Г* kan'ax
 *koporja *N sg f Г* kǫnapl'á (2×)
 *kopьcь *N sg m B* kan'éc, kən'éc, *Д* kan'éc, *K* kan':éc, *Г* kən'éc (2×), *X* kan'jéc;
 *kopьca *G sg m B* b'is kancá, *Д* kancá, *K* b'és kəncá, *Г* b'əs kancá, b'əs kəncá, *X* b'és kancá; *kopьc+ьmь *Instr sg m B* kancóm, *Д* s kancóm, *K* s kəncóm, *Г* kəncóm, *X* kancóm; *kopьc+ě *L sg m B* nē kancé, *Д* nē kəncé, *K* f kəncə, *Г* nē kancé, nē kəncé, *X* nē kancé; *kopьčjati *Inf Г* kan'č'ác', *X* kan'č'ǣ[t']
 *koren+ьjь *G pl m c* морфологич. синкопой -е-: *Г* b'is kar'n'ej
 *kostь *N sg m c* энентетич. -ь- *B* kas'c'ór
 *kozьľ *N sg m B* kaz'ǫót, *Д* kaz'ót, *Г* kəz'ǫót, *X* kaz'ǫót; *kozьľ+онь *G pl m B* kəz'óf, *K* kəz'óf, *X* kəz'ów; *kozьľeta *N pl n B* kaz'l'át[a], *K* kəz'l'áte, *Г* kaz'l'át[ь], *X* kaz'l'áta
 *kropětь *Prs 3 pl B* křep'át, *Г* křep'át
 *loruxь *N sg m B* łarúx
 *modľjə sę *Prs 1 sg Г* mal'ǫús'; *modlitva *N sg f Г* mal'ǣitvə
 *po-mogla *Prt f Г* pьmagťá; *po-mogli *Prt pl Г* pьmagľ'ǣi;
 *pomogť ь *N sg f B* póməč, bǫx póməč, *Г* póměč', póməč', pómuč', pómux'
 *mojego *Pron Adj G sg m B* mǫjävó, mavó, *K* mǫjěvó, *Г* mǫjävó
 *mostьkь *N sg m B* mastók, *K* mēstók, *Г* mastók, *X* mastók
 *motyga *N sg f B* matígä, *K* metýge, *Г* matýga, matýg[ä], *X* matýga (2×)
 *motyljь *N sg m B* matíl', *K* metýl', *Г* metýl', *X* matíl' (2×)
 *mozolь *N sg f B* mazól'
 *nokt'ьnъjь *Adj N sg m Г* nač'nój
 *vy-nositi *Inf B* vьnas'íc', *K* vьnes'ít', *Г* v[ɣ]nas'ǣit', *X* vinas'ít'
 *nozja *G sg m B* b'iz nažá, *K* nežá, *Г* b'ěz nažá, *X* b'ěz nažá; *nozj+ьmь *Instr sg m B* nažóm, nǫžóm, *K* nežóm (2×), *Г* nažóm, s nažóm, *X* nažóm (2×)
 *pirogy *N < A pl m B* p'eraǣí, *K* p'əraǣí
 *o-plošalь *Prt m Г* ɣptašát (2×), ɣptaš[át]; *o-plošala *Prt f Г* ɣptašáte; *o-plošali *Prt pl Г* ɣptašál'[i]
 *polj+ьjь *G pl n B* pal'ěj, *K* pal'ėj, *Г* pal'ėj, *X* pal'ėj; *poljany *G sg f B* pəl'áni, *K* s pal'ánɣ, *Г* pəl'ánɣ, *X* pal'ǣáni; *poljan+ě *G sg f Д* pal'án'e; *poljaně *L sg f Д* nē ... pal'án'[e], *Г* nē ... pal'án'[i], *X* na ... pal'án'i; *poljan+y *L sg f B* na ... pal'áni, *K* nē ... pəl'ánɣ; *poljany *N pl f K* pəl'ánɣ

- *pr[o]stjajet₂ *Prs 3 sg D* praš:áet
 *u-roditi *Inf F* urad'íc' ; *rodjati *Inf F* ražác'
 *sobaka *N sg f B* sebaká, *F* sebak[ε], *X* sɛbaká ó
 *sokol₂ *N sg m B* sókoł
 *soljǫ *Prs 1 sg B* sel'ú (2×), *F* sel'ǫú ; *soljenǫj₂ *Ptc N sg m K* sal'ónɤj, *F* sal'ó-nɤj, *X* sal'ónɤj, sal'ónij (2×)
 *sosna *N sg f B* sesná, *K* sɔsná, *F* sesná, *X* sasná (2×)
 *stojet₂ *Prs 3 pl B* staját, *K* steját || *po-stojet₂ *F p[ɤ]* stajéát
 *stolǫm₂ *Instr sg m B* pɤc:teɤm, zɤ stałm, *K* stałm, stełm, *F* p[ɤ]t stałm, zɤ stałm, *X* pɤc:tałm, za stałm ; *stolě *L sg m B* nɤ stel'é, *K* nɤ stel'íé, *F* nɤ stalé ([l] sic!), *X* na stal'íé ; *stol+ov₂ *G pl m B* stałf, *K* p'ác'tełf (< *pɤtɤ stolovɤ), *F* stałf
 *svojego *Pron Adj G sg m B* svɤjävó, *K* sveävó, *F* svɤjävó
 *tobě *Pron D sg X* tab'íé
 *topolj₂ *N sg m B* tóɤl'
 *topor₂ *N sg m B* tɤpór
 *voda *N sg f F* vódá ; *vodě *D sg f B* pɤ važ'é ; *vod+y *D sg f D* pɤ vadí ; *vodě *L sg f F* v vad'é (2×) ; *vod+y *L sg f K* u vadý (2×) ; *vodič₂ka *F* vad'íc'k[ε]
 *volov₂ *G pl m F* vałf
 *vɤdova *N sg f F* vdavá ; *vɤdovɤc₂ *N sg m B* udav'éc, *D* vdav'éc, *K* vɤev'éc, *F* vdav'éc, *X* vɤev'íé
 *xobot₂ *N sg m B* xóbat (2×)
 *u-xoditi *Inf B* uxác' || *vy-xoditi *Inf K* vɤxad'ít', *F* vɤxad'éíc' ; *xodjǫ *Prs 1 sg F* xažú
 *xotjǫ *Prs 1 sg B* xačú (2×), *D* xačú
 *xoxol₂ *N sg m B* xaχót ; *xoxol+e *N sg m B* xaχótə
 *xvoja *N sg f B* xvejá (2×), xvajá, xvǫjá, *K* xvǫjá, *F* xvajá, xvejá, *X* xvejéá
 *zolǫv₂ka *N sg f B* załfka, *K* zełfke, *F* załf[k]ε, *X* załwka
 *zorja *N sg f B* zɤr'á, *K* zar'á, *F* zɤr'á (2×), *X* zar'éá

*ToRT

- *obolnǫje *N sg n B* abałn'e
 *bolto *N sg n B* bałóta
 *bord₂ka *N sg f B* barótke, *K* barótkɤ, *F* berót[k]ɤ (2×), berótkɤ, *X* barótka ; *bord₂ *G pl f B* barót, *K* barót, *F* berót, *X* barót
 *borna *N sg f B* bɤraná, *K* bɤróná, *F* bɤraná, *X* bɤraná ; *born₂ *G pl f B* barón, *K* berón, *F* berón, *X* barón ; *borni *Imper 2 sg* || *za-borni *F* zeberen'í
 *borv₂ *N sg m B* bórow, bórof

- *dorgyjě *Adj N pl* (*f) **Б** d̥rag'íε, **Д** d̥rag'íä, **К** d̥ræg'íje, **Х** d̥ray'íje ; *dorg+ěji
N pl Г d̥rag'éi ; *po-doržati *Inf Г* p̥d̥eražát' ; *po-doržajet̥ *Prs 3 sg Г*
 p̥d̥eražait ; *po-žala *Prt f Г* p̥d̥eražáte ; *po-doržali *Prt pl Г* p̥d̥erežál'[i]
 *doržьka *N sg f Б* daróšk̥e, **К** d̥eróšk̥e, **Г** daróšk[ь] ; *dorž+en[ь]ka *N sg f Б* da-
 róžen'k̥e, **К** daróžyn'ka, **Г** daróžen'k[ь], **Х** daróžin'ka, daróžen'ka
 *gold̥ *N sg m Б* gólt̥, **Г** gólt̥
 *gols̥ *N sg m Б* gólt̥s
 *golva *N sg f Г* gótvá ; *golvě *L sg f Г* n̥ g̥tav'é
 *gord̥ *N sg m Б* góret ; *o-gordjeno *Ptc N sg n Г* ɣgaróžəne
 *gorx̥ *Ptc N sg n Б* garóx, **Д** garóx, **К** geróx, garóx, **Г** g̥eróx, **Х** ɣaróx
 *kold+ьc̥ *N sg m (вместо *koldeз̥)* **Б** kaťóž'ec, **К** k̥etód'ec, **Г** kaťód'ec
 *kolkol̥ *N sg m Б* kót̥kať, kót̥kať (2×)
 *kols̥ *N sg m Б* kót̥as ; *kols̥je **Г** kaťós'je, **Х** k̥t̥as'jűó
 *okork̥ *N sg m Б* ókerek
 *korlj̥ *N sg m Б* karól'
 *korva *N sg f Б* karóva, **К** kerón̥e, kerón̥e, **Г** karón̥e, kerón̥e, **Х** karón̥e ; *korvě *L*
sg f Б karóv'ɪ ; *korv̥ *G pl Б* karóf, **К** keróf, **Г** karóf, **Х** karów ; *korv̥ka *N*
sg f Б karófka, **К** kerófke, **Г** keróf[k̥], karóf[k̥], **Х** karúčwka
 *mold̥j̥ *Adj N sg m Б* m̥t̥adéj, **К** m̥t̥edój, **Г** m̥t̥adój, **Х** m̥t̥aduój ; *moldogo
Adj G sg m Б m̥t̥adóva, **Г** m̥t̥adóv̥e ; *mold+yji *Adj N pl Б* m̥t̥ad̥i, **К**
 m̥t̥ed̥í, **Г** m̥t̥ed̥í, **Х** m̥t̥ad̥í ; *mold̥c+ьm̥ *Instr sg m Б* s m̥t̥ac:óm, **Д** s
 m̥t̥ac:óm, **К** s m̥t̥ec:óm, **Г** s m̥t̥ac:óm, **Х** m̥t̥ac:óm
 *molt̥ *N sg m Б* mótet ; *molt̥jo *Prs 1 sg Г* m̥t̥ac'ű
 *morz̥ *N sg m Б* marós
 *norst̥ *N sg m Г* nórest, nórezd gvar' ít | *преобразование* noróst > naróst > n̥arost :
Б nárest, náres (3×), n̥arost (2×), **Д** nárest (2×) (*ср. ниже* *smord̥, *xvorst̥)
 *old̥ka *N sg f Г* łtk[̥]
 *olk̥t̥ *N sg m Б* łk̥e'
 *ols̥ *N sg m Б* łs'
 *orgozja *N sg f Г* r̥egóž̥e
 *orz̥nica *N sg f Г* r̥óz'n'ic[ь]
 *orz̥n̥ *N sg m Х* ražón
 *s̥rpolx̥ *N sg m Б* spaťox, spaťɣ b̥t̥
 *polz̥ *N sg m Б r̥ót̥es, r̥ót̥s
 *porg̥ *N sg m Б* parók (2×), **К** p̥erók, **Г** parók, p̥erók, **Х** paróx ; *porg+ě *L sg m Г*
 n̥ paróg'[i]
 *port̥ *N sg m Б* paróm (3×)
 *porx̥ *N sg m Б* r̥ógx̥*

- *porzdɛnɛjɛ *Adj N sg m* **Г** paróznɛj
 *smordɛ *N sg m* : *преобразование* smoród > smaród > smárod в **Б** smáret (*ср.* выше *norstɛ и ниже *xvorstɛ)
 *soldɛ *N sg m* **Б** sółɛt (2×), sółit
 *solvɛjɛ *N sg m* **Б** sɛłav'ėj, **К** sɛłav'ėj, **Г** sɛłav'ėj, **Х** sɛłav'ėj
 *sorka *N sg f* **Г** sarókɛ
 *sorkɛ *Num N sg* **Б** sórək
 *sormɛ *N sg m* **Б** saróm
 *storž(j)ɛ *N sg m* **Б** stórɟš
 *sɛdorvɛje *N sg n* **Х** zdarówje; **К** sterón'je⁷ : *sɛvolčɛ **Б** svótɛč
 *volstɛ *N sg f* **Б** vółɛs'
 *volstɛ *N sg m* **Б** vółas, vółes, vółes, **К** vółas, **Г** vółas, **Х** vółas
 *vorbɛjɛ *N sg m* **Б** ver[a]b'ėj, **К** vɔreb'ėj, **Г** vɛrab'ėj ; *vorbɛčɛky *N < A pl m* **Г** varab'ěšk'i
 *vorna *N sg f* **Б** verónɛ, **К** verónɛ (2×), vɔrónɛ, **Г** verónɛ, **Х** varóna ; *vornɛ *N sg m* **Б** vóran (2×), vórɛn, **К** vórcɛn, **Г** vórcɛn, **Х** vórcɛn ; *vornɛje *N sg n* **Б** veran'jó, vɛran'jó, **К** veran'jó, **Г** veran'jió, **Х** vɛran'jüó, veran'jüó
 *vorta *N pl n* **Б** varóte
 *vortɛ *N sg m* **Б** vórɛt (2×), vór[ɐ]t ; *vortjo *1 sg* **Г** verač'ú
 *vorɛɛ *N sg m* **Б** vórex (2×)
 *xoldɛ *N sg m* **Б** xółɛt
 *xolpɛ *N sg m* **Б** xɛłɔp (2×)
 *xorbrɛjɛ+šɛjɛ *Adj N sg m* **Б** xeróšɛj, **К** xɔrósɟj, **Г** xaróšɛj, **Х** xarósɟj ;
 *xorbrɛjɛ+aia *N sg f* **Б** xeróšäa
 *xorm[o?] *N sg n* ? **Б** xaróm[o] (*sic?*)
 *xvorstɛ *N sg m* **Г** xvórst | *преобразование* xvoróst > xvaróst > xvárost **Б** xvárest (*ср.* выше *norstɛ, *smordɛ)
 *zolto *N sg n* **Б** zółote

анлаутный

под ударением

- *o to *Adv с протемич.* v- и «аллегрным» -o > -ɛ : **Б** vɔt
 *oči *N pl n* **Г** óč'ı ; *okɛna *N pl n* **Г** ókɛnɛ ; *okɛnɛ *G pl n* **Б** ókɛn
 *onɛ *Pron N sg m* **Б** ɛn (2×), **Г** ɛn, on
 *osmɛ *Num N с эннотемич.* *-ɛ- *Num* **Б** vós'im, **К** vós'im, **Г** vós'im
 *ostrɛjɛ *Adj N sg m* **Б** óɟstrij, **К** (v)óstrɟj, **Г** óstrɟj (2×), **Х** óstrɟj
 *osɛ *G pl f* **Б** ɟs, **К** ɟs, **Г** ɟs (2×)

⁷ Развитие sɛd- > st- или образование от созвучного корня *storv- ?

*osъ *N sg f* Б ѱós', К ѱós'

*ovъcě *N pl f* Γ ófc[ɣ]

не под ударением

*očъk+y *N pl n* Γ ač'k'ěi ; *okъno *N sg n* Б ѣknó, К ѣknó, Γ aknó, X aknó ;

*okъnъ *G pl n* X akųón

*ognъ *N sg m c энантистич.* -ъ- Б egón' (2×), К agón', Γ agón' (2×), X aýón' ;

*ogn+ě *L sg m* Γ nъ agn'ě

*olъxa *N sg f* Б al'xá, К al'xá (2×), Γ al'xá, X al'xá

*ona *Pron N sg f* К ená ; *ono *Pron N sg n* Γ ѣnó ; *oni *Pron N pl (m)* Б an'í, К

en'í ; *ony *Pron N < A pl m или N pl f* Б an'ý ; *oně *Pron N pl < dual* Γ an'ě

*onutja *N sg f* Γ anųúč'[ɥ] ; *onutjejo *Instr sg f* Γ anųúč'ej

*orati *Inf* Γ arác' ; *oretъ 3 *sg* К ar'ųót, Γ ar'ěót ; *oremъ 1 *pl* К ar'ųóm, Γ ar'ěóm

*orěxъ *N sg m* Γ ɐr'ěx, ar'ěx ; *orěx+ě *L sg m* Б v ar'ěx'e

*orъlъ *N sg m* Б ɐr'ót, ar'ųót, a:r'ųót (< *a orъlъ), Γ ar'ót (2×), X ar'ųót

*osъtъ *N sg m* Б ɐsót

*otъcъ *N sg m* Γ ɐc'éc, ac'éc ; *otъc+ъmъ *Instr sg n* Б s ac'óm, К s ɐc'óm, Γ s ac'óm, X s ac'óm

*ovъca *N sg f* Б afcá, Γ afcá (2×), avcá, X avcá ; *ovъc+y *G sg f* Γ avc'ý (2×) ;

*ovъc+ě *D sg f* Γ k avcě ; *ovъcq *A sg f* Б afcú ; *ovъcejo *Instr sg f* Б s afcój

(2×), Γ s avcój, X s avcųój ; *ovъcъ *G pl f* Γ ɐv'éc

*ovъsъ *N sg m* Б av'ós, av'ųós К ɐv'ós, Γ av'ós (2×), X av'ųós ; *ovъsa *G sg m* Δ afsá, Γ avsá, av[c]á

корневой *i

под ударением

после остальных

*bilъ *Prt m* Γ b'it (2×) || *u-bilъ Γ ub'ěit⁸

*blizъko *Adv* Б bl'iske, К bl'iske, Γ bl'ěiske, X bl'iska

*dikъjъ *Adj N sg m* Б 3'íkij, К d'ík'ij, Γ d'ík'ij, d'ík'[ij], d'ěík'ij, X d'ík'ij

*dlin(j)ъ *N sg m* Γ l'in'

*edinъ *Num N sg m* Б az'in, Γ ad'in, X ad'in | *edina šъd+y *Adv c «аллегривым»*

-ъ- Б adnáždi, К adnáždъ, Γ adnáždъ, X adnážd[i]

*gribъ *N sg m* Б gr'ip (3×), К gr'ip Γ gr'ěip, X fir'ip

*griva *N sg f* Γ gr'ěive

⁸ В говоре д. Гниловка под ударением *i > [i] и/или [ei] (фонемы /i/ ~ /ei/?) с неясным историч. происхождением. Параллельные фонемы /u/ и /ou/ (по крайней мере после твердых согласных) имеют разное происхождение: /u/ < *o, /ou/ < *u. См. об этом (Николаев 2002).

*njix₂ *Pron G pl B* u n'ix

*klin₂ *N sg m B* kl'in (2×), *K* kl'in, *Γ* kl'gin, *X* kl'in

*k₂n₂ja *N sg f B* kn'igv, *K* kn'igv, *Γ* kn'gigv (2×), *X* kn'iva

*lipa *N sg f B* l'ipa, *K* l'ipa, *Γ* l'gipa, l'gipe (2×), *X* l'ipa

*lis₂ *N sg m Γ* l'gis (3×)

*list₂ *N sg m Γ* l'ist ; *list₂ja *N pl n D* l'is':ä

*m₂lin₂ *N sg m Γ* bl'gin

*nit₂ *N sg f B* n'ic', *Γ* n'it', *X* n'ic' ; *nit₂ka *N sg f B* n'itka, *Γ* n'itke (2×), *X* n'itka ; *nit₂ky *N pl f K* n'itk'i

*niz₂ *N sg m Γ* n'is

*njiva *N sg f B* n'iva, *K* n'ive, *Γ* n'ive, n'give, *X* n'iva

*pil₂ *Prt m Γ* p'it (2×) || *na-pil₂ sę *Γ* nap'its'[i]

*pisjet₂ *Prs 3 sg Γ* p'gışt

*ščit₂ *N sg m Γ* š':gıt

*sila *N sg f B* s'ite, s'itb, s'ita (2×), *K* s'ita, *Γ* s'gite, *X* s'ita

*sito *N sg n B* s'ita, *K* s'ite, *Γ* s'ite, *X* s'ita

*sliva *N sg f Γ* s'l'ive

*strigt'i *Inf Γ* str'gic', *X* str'ic'

*tri *Num B* tr'i, *K* tr'ji, *Γ* tr'gı (3×), *X* tr'i (2×)

*videti *Inf Γ* v'id'ic' ; *vidjo *Prs 1 sg B* v'izu (2×), *K* v'izu, *Γ* v'gizu (2×), *X* v'izu ; *vidiš₂ *Prs 2 sg B* v'id'is, *K* v'id'is, *Γ* v'gid'[i]š, *X* v'id'is ; *vidit₂ 3 sg *Γ* v'id'it

*vidly *N pl f B* v'ity, *K* v'itx, *Γ* v'gıt (3×), v'itx, *X* v'iti

*višnja *N sg f B* v'isn'ä, *D* v'isn'ä, *K* v'isn'ä, *Γ* v'gışn'ε, v'gışn'ä, *X* v'isn'ä ; *višnj+ y *N pl f D* v'isn'i

после *ž, *š

*šiti *Inf B* šic', *K* šxt', *Γ* šxt', *X* š:it' ; *šidlo *B* šita, *K* šite, *Γ* šite, *X* šita

*žila *N sg f Γ* žıte

*žir₂ *N sg m Γ* žir

*žiti *Inf B* žic', *K* ži[t'], *Γ* žxc', *X* žic'

не под ударением

после остальных

*bit₂je *N sg n K* b'it'jüó, *Γ* b'ic'jó, *X* b'ic'jüó ; *bit₂j+₂m₂ *Instr sg n K* b'it'jóm

*o-dičal₂ *Prt m Γ* ad'ic'át ; *dičala *Prt f Γ* d'ic'átb

*u-divit₂ sę *Prs 3 sg B* u₂iv'iccä, *Γ* ud'iv'gits[γ], *X* ud'iv'ic:a (2×), ud'iv'ic:a

*griby *N < A pl m D* gr'ibı

- *kričati *Inf* Г krič'át', kr'ič'ác' ; *kričętᵑ *Prs 3 pl* Б kr'icát, К kr'ič'át, Г kr'ič'át ;
 *kričalᵑ *Prt m* Г kr'ič'át ; *kričala *Prt f* Г kr'ič'áte ; *kričali *Prt pl* Г kr'ič'ál'ı
 *lice/+ -o *N sg n* Г l'icó ; *lica *G sg n* Г s' l'icá ; *lic+ě *L sg n* Г нь l'icě
 *lisa *N sg f* Г l'isá
 *ni č+ego *Pron GK* n'ičövó, Г n'ič'ävó
 *pitᵑje *N sg n* К p'ic'jüó, Г p'ic'jüó, X p'ic'jüó
 *pirogᵑ *N sg m* Б p'erók ; *pirogy *A pl m* Б p'erag'ı, К p'erag'ı
 *piščati *Inf* Г p'is'ác', p'is'át' ; *piščalᵑ *Prt m* Г p'is'át ; *piščala *Prt f* Г
 p'is'áte ; *piščali *Prt pl* Г p'is'ál'ı
 *pisjо *Prs 1 sg* Г p'isquı
 *ščipati *Inf* Г š'ipát'
 *strigо *Prs 1 sg* Б str'efú, К str'igú, X str'ihú
 *svinᵑja *N sg f* К s'v'in'já, Г s'v'in'já (3×), X s'v'in'já
 *vino *N sg n* Г v'inó
 *vižžati *Inf* Г v'iz'át' ; *vižžitᵑ *Prs 3 sg* Г v'iz':ęit
 *zimovᵑje *N sg n* Б z'imówjä, К z'imóv'je, z'imóv'je, Г z'imóvjä, z'imóv'jä, X
 z'imów'je
 *žitᵑje *N sg n* К žet'jó, žit'jó-bxt'jó, Г žxc'ijó, X žic'jüó

после *ž, *š

- *širokᵑjᵑ *Adj N sg m* Б šerók'ıj, К širók'ıj, Г šyrók'[ij], šyrók'[i], X šerúók'ıj
 *živᵑjᵑ *Adj N sg m* Г žxvój ; *životᵑ *N sg m* Б živót; živód, dá
 *žito *N sg n* Б žíta (2×), žítᵑ, žítᵑ, К žítᵑ, žítᵑ, Г žýtᵑ, X žíta
 с «аллегрным» переходом -i- > -ᵑ-: *sᵑ koliko *Adv* Б skól'kᵑ, К skól'kᵑ, skól'-
 k[ᵑ] (2×), X skuól'ka ; *toliko *Adv* Б tól'kᵑ, К tól'kᵑ, Г tól'k[ᵑ], X tól'ka
 с -y- вместо -i- по аналогии с *kryti : *kridlo *N sg n* > *krydlo Б kričó, К krxčó,
 Г krxčó (2×), kričó, X krečó ; *kridlᵑja *N pl n* > *krydlᵑja Г krč'ıj[e]

корневой *y

после остальных

под ударением

- *bykᵑ *N sg m* Б bik, К byk, Г byk, X bik
 *byti *Inf* Б byc', К byt', Г byt', X bic' ; *bylᵑ *Prt m* Б spačų byt ; *bylo *Prt n* Б
 býtᵑ, byčó, К býtᵑ, byčta, Г býtᵑ, X bíta ; *byli *Prt pl* Б bíl'ı, К bč'ı, Г bč'ı,
 X bíl'ı ; *bystrᵑjᵑ *Adj N sg m* Б bístryj, К bčstryj, Г bčstryj (2×), X bístryj
 *četyr+i *Num N* К čatır'ı, Г č'ätır'ı ; *čᵑtyr+i *Num N* Б čter'ı, К čtər'ı, čtır'ı, X
 č'tır'ı
 *dymᵑ *N sg m* Г dym

- *dynja *N sg f* **B** dín'ä, **K** dýn'v, **Г** dýn'ä (2×), **X** dín'ä
 *kobyła *N sg f* **B** kabýła (2×), **K** kəbýłe, **Г** kabýłe, **X** kabýłe
 *motyga *N sg f* **B** maťigä, **K** metýge, **Г** matýga, matýg[ä] , **X** maťyga (2×)
 *motyljъ *N sg m* **B** maťıl', **K** metýł', **Г** metýł', **X** maťıl' (2×)
 *my *Pron N* **B** mi, mɣ, **K** mɣ, **Г** mɣ, **X** mi
 *mydło *N sg n* **B** mē⁴łe, **K** mýłe, mýła, **Г** mýłe (2×), **X** mıla
 *myśl *N sg f* **B** miś, **K** mɣś, **Г** mɣś (2×), **X** miś (2×); *myśli *N pl f* **Г** mýśi
 *ryba *N sg f* **B** ríba, **K** rýbe (2×), **Г** rýbe, rýbp, **X** ríba ; *ryb+ě *G sg f* **B** ríb'ε ;
 *rybě *L sg f* **B** na ríb'e, **K** na rýb'[ı], **Г** na rýb'ı, **X** na ríb'i
 *synъ *N sg m* **B** sin (3×), **K** sɣn, **Г** sɣn (3×), **X** sin ; *synovъ *G pl m* **B** sinóf, **K** synóf, **Г** sɣnóf, **X** sinów
 *sypjetъ *Prs 3 sg* **Г** sýpl'ıt
 *syгъ *N sg m* **B** sɣr, sir, **K** sɣr, **Г** sɣr, **X** sir
 *syтъjъ *Adj N sg m* **B** sétij, **K** sýtxj, **Г** sýtxj, **X** sítij
 *ty *Pron N* **B** ti, **K** tɣ (3×), **Г** tɣ (2×), **X** ti
 *tysetja *Num sg f* **B** tís'ěčä, **K** tɣs'ěč'ä, **Г** tɣs'ic'ä, **X** tís'äč'[ä]
 *vy *Pron N* **B** vi, **K** vɣ, **Г** vɣ, **X** vi
 *vydra *N sg f* **B** výdra, **K** výdra, **Г** výdre, **X** vídra
 *vyme/ + -e/ + -o *N sg n* **B** vým'ä (3×), vým'ö, **K** vým'ä, **Г** vým'ä (2×), **X** vím'ä
 *vysjъka *N sg f* **Г** výške (неологизм ?)

не под ударением

- *była *Prt f* **B** b[ɣ]łá, **K** bɣłá, **Г** bɣłá, **X** biłá ; *bytъje **K** bɣt'jō, **Г** bɣc'jō, bɣc'jō, **X** bić'jūó (2×) ; *byvalo *Prt n* **B** biváło
 *dyra *N sg f* **B** dirá, **K** dɣrá, **Г** dɣrá (2×), **X** derá (2×)
 *ot-dychajō *Prs 1 sg* **Г** ad:ɣxáü ; *dyšjitъ *Prs 3 sg* **Г** dýšɣt ; *dyšalъ *Prt m* **Г** dɣšát ; *dyšala *Prt f* **Г** dɣšáte ; *dyšali *Prt pl* **Г** dɣšál'ı
 *kъlyky *N < A pl m* **Г** kłɣk'ęı

после велярных

- *po-gynōti *Inf c* восстановленным -b- **B** pag'ıbnɣs', **K** pəg'ıbnut', **Г** pəg'ıbnut' ;
 *po-gyblъ *Prt m* **B** pag'ıp, **K** pəg'ıp, **Г** pag'ıp, **X** paɣ'ıp
 *kynōti *Inf* **B** k'ınuc', **Г** k'ınut', **X** k'ınuc' ; *kyněъ *Prs 2 sg* **Г** k'ın'is
 *kyslъjъ *N sg m* **B** k'ístij (2×), **K** k'ístɣj, **Г** k'ístɣj, k'ístɣj, k'ęístɣj, **X** k'ístej ;
 *kysnōti *Inf* **Г** k'ęisnuc'
 *sekyra *N sg f* **B** s'ek'ıra, s'äk'ıra, **K** s'ek'ıra, **X** s'ik'ıra
 *xylъjъ *Adj N sg m* **Г** x'ítɣj (2×)
 *po-xytiti *Inf* **Г** paɣ'ic'ic'
 *xytrъjъ *Adj N sg m* **B** x'ítɣj, **K** x'ítɣj, **Г** x'ítɣj, **X** x'ítɣj

корневой *ц

в инлауте

под ударением

после исконных твердых

- *brus_ъ *N sg m* **Б** brus
 *burja *N sg f* **Б** búr'ěä, *Д* búr'ä, búr'ε, *Г* bqúr'ä
 *drug_ъ *N sg m* **Б** druk
 *dudlo *N sg n* **Б** dúťa
 *duma *N sg f* **Б** dúma (2×)
 *dux_ъ *N sg m* **Б** dux
 *grusja *N sg f* **Б** [h]rúša
 *po-gubjeñь *Ptc N sg m* **Г** pagóubl'm
 *gul_ъ *N sg m* **Б** gult
 *kučja *N sg f* **Б** kúčä
 *s_ъkuč_ъno *Adv* **Г** skóúšne (2×), «литерат.» skúč'ne
 *kum_ъ *N sg m* **Б** kum
 *kurica *N sg f* **Б** kúr'icä, **К** kúr'ice, kúr'ice, *перез.* **Г** kúr'ice, **Х** kúr'ica
 *kust_ъ *N sg m* **Б** kust (2×)
 *kuzn+'ami *Instr pl f* **Х** kúz'n'ьm'i, kúz'n'em'i
 *lorux_ъ *N sg m* **Б** łapúx
 *luč(j)_ъ *N sg m* < **Б** łuč
 *luk_ъ *N sg m* **Б** łuk
 *lun(j)_ъ *N sg m* **Б** łun'
 *muxa *N sg f* **Б** múxa (2×), **К** mǫúxa, **Г** mǫúxa, **Х** múxa ; *muxojò *Instr sg f* **К** mǫúxъj
 *onutja *N sg f* **Г** anǫúč' [ъ] ; *onutjejo *Instr sg f* **Г** anǫúč'ej
 *n[u]djěno *Adv* **Х** núžñь
 *puzo *N sg n* **Б** púze
 *pux_ъ *N sg m* **Б** pux (3×), **К** pux, **Г** pǫux, **Х** pux
 *ruslo *N sg n* **Б** rúšte
 *slux_ъ *N sg m* **Б** słux
 *strup_ъ *N sg m* **Б** strup
 *studja *N sg f* **Б** stúž[ε], stúžь
 *suka *N sg f* **Б** súka (3×), **К** sǫúka, **Г** sóúkъ, sǫúkε, **Х** súka
 *sušja *N sg f* **Б** sušęa
 *trup_ъ *N sg m* **Б** trúb, dá; trúb étъ pakójn'ik
 *trěbux_ъ *N sg m* **Б** tr'äbú[x], tr'ebúx, **К** tr'εbǫúx (2×), **Х** tr'äbúx
 *tu *Adv* **Г** tu
 *tušja *N sg f* **Б** túša

*v₂nukъ *N sg m* Б mnuk, *непег.* Г vnuk

*xalupa *N sg f* Б ха́лупа, хѣлѣр[a]

*хрупъ *N sg m* Б хрѣп (3×), хрѣп (2×)

*xr[u]stъ *N sg m* Б xrust, Г xrust (4×) < *xrostъ, xrust (2×) < *xrustъ

*zudъ *N sg m* Б zut

после исконных мягких

*bjudo *N sg n* Б bl'úde, Г bl'úde

*čudo *N sg n* Б čúdъ

*kljuka *N sg f* Б kl'úka, Б kl'úka

*ključъ *N sg m* Б kl'üč ;

*kljuvъ *N sg m* Б kl'üv, kl'üf

*ljudi *N < A pl m* Б l'úž'e

*nj[u]xъ *N sg m* Б n'üx

*ščuka *N sg f* Б ščúka, ščúka, Г š':óuk[ε]

*šumъ *N sg m* Б šum, šqum

не под ударением

после исконных твердых

*bulavъka *N sg f* Г buťáfk[ε]

*duplo *N sg n* Б duplǫ

*dušja *N sg f* Б dušá, Д dušá (3×), К dušá, Г dušá (2×), Х dušá ; *dušjejo *Instr sg f* Б dušǫj, Д z dušǫj, К dušǫj, Г z dušǫj, Х z dušǫj

*guljati *Inf* Б gul'ác', К gul'át', Г gul'át', Х gul'á[c'] ; *guljajo *Prs 1 sg* К gul'ájü, Г gul'ájü, Х gul'ájü ; *guljajetъ *Prs 3 sg* Б gul'áet, К gul'át, Г gul'át ; *guljajotъ 3 *pl* К gul'ájüt

*gumъno *N sg n* Б gumnǫ

*st[u]čati *Inf* Г stuč'ác' ; *st[u]čalъ *Prt m* Г stuč'át ; *st[u]čala *Prt f* Г stuč'átε ; *st[u]čali *Prt pl* Г stuč'ál'ı

*sukno *N sg n* Б suknǫ

*suxъjъ *Adj N sg m* Б sux'jéj, sux'éj, suxǫj, К suxǫj, Г suxǫj, Х sux'éj (2×)

*trъbuxa *N sg f* Б tr'ebuxá, Г tr'ibuxá (2×)

после исконных мягких

*bjudo *Prs 1 sg* Г bl'údú

*čeljustъ *N sg f* Г č'él'üs'c'

*juxa *N sg f* Б uxá

*ključъ+ъmъ *Instr sg m* Б kl'üčǫm (2×), К kl'üčǫm, Х kl'üč'ǫm

*ljubjo *Prs 1 sg* Г l'übl'ǫú

*otjutiti sə *Inf* Г аč'üc'éitsə

*tjudjixъ *Adj G pl* Г č'üž'xъ

в анлауте

под ударением

*ulica *N sg f* Б úl'icə, К úl'ica, Г úl'ic[ə], úl'ic[ə], úl'icə, Х úl'ica ; *ulicъnъjъ

Adj N sg m Г úl'ic'nxj ; *ulъjъ *N sg m* Б úl'ij

*umъ *N sg m* Б um ; *umъnъjъ *Adj N sg m* Г úmnxj

*uxo *N sg n* Б úxa, úxa, К úxa, Г qúxə, Х úxa ; *uši *N pl n* Б úšä, úšə К úšx, Г úšx (2×), qúšx, Х (v)úši ; *ux+y *N pl n* К (v)úx'ı

*utro *N sg n* Б útre

не под ударением

*uměľь *Prt m* Г um'ět

*uzda *N sg f* Г uzdá

корневой *q

под ударением

*bqbъnъ *N sg m* Б búb'ən, К búqb'ən, búqb'ən, Г búb'in (2×), Х búb'yn

*dqbъ *N sg m* Б dup, Г dup, *нерег.* d̥up, Х dup

*gqšъ *N sg m* Б gús', К gus', Г gus', Х yus' ; *gqsi *N pl m<f* Б gús'i, К gús'ı, Г gús'i, gús'i, Х hús'i

*lqkъ *N sg m* Б tuk

*mqka *N sg f* Б múka, Б múka (2×), К múkə, Г múkə, Х múka

*mqťъ *N sg f* К mut'

*mqžjъ *N sg m* Б muš, К muš, Г muš, Х muš

*prqťъ *N sg m* Б prut, К prút, Г prut, Х prut ; *prqťje *N sg n* Г prúc'je

*rqčъka *N sg f* К rúc'k'ä

*sqdъ *N sg m* 'iudicium' Г sut

*sqkъ *N sg m* Б suk, Г suk (2×)

*strqkъ *N sg m* Б struk (2×), struk, *нерег.* Г str̥uk (2×)

*trqťъ *N sg m* Б trut

*želqdъkъ *N sg m* Б žätúdek, žätúdek, žetúdek, Д žatúdkъ, К žetúdkъ, žetúdek, Г žätúdkъ (2×), Х žetúdek, žetúdek

не под ударением

*dqbrava *N sg f* Б dobráva, К dubráva, Г dubráve

*golqbъ *N sg m* Б gótup, Г gótup'

*kqkoljъ *N sg m* Б kukól', kukól'

*kɔda *Adv* Д kudá

*lɔg+a *N pl m* Д ħagá

*mɔka *N sg f* Б muká (2×), К muká, Г muká(2×), Х muká

*za mɔʒjɤ *A sg m > Adv* Б zámuš, К zámuš, Г zámuš (2×), Х zámuš ; *mɔʒjikъ Б mužík

*nɔtro *N sg n* Б nutró (2×), Г nutró

*pɔdjati *Inf* Г pugát'

*otrɔb+ʼa *N pl f* Г otrub'á (2×)

*rɔk+ě *G sg f* Б s ruk'ě ; *rɔk+ě *L sg f* Б nɐ ruk'ě, К nъ ruk'jě, Г nɐ ruk'ě, Х na ruk'jě ; *rɔčɤnɤjɤ *N sg m* Г ruč'nój ; *rɔkavica Г rukav'ěic[ɐ], rukav'ěic[ɤ] ; *rɔkavičɤka Г rukav'ěič'k'[ɐ]

*želɔdɤ *N sg m* Б žóťc', К žóťut', Г žóťut' (2×), Х žóťic', žóťu[tʼ]

в анлауте

под ударением

*ɔdɤčɤka *N sg f* Б údɤč'ka, К údɤč'ka, Г qúdɤč'kɐ

*ɔsɤ *N sg m* Б us, К us, Г qús (4×), Х (v)us

*ɔtɤka *N sg f* Г qútkɐ ; *ɔtɤky *N pl f* Г qútk'i (2×) ; *ɔtɤjɤ *Adj N sg m* Б úc'ej 'ути-ный'

*ɔzɤkɤjɤ *Adj N sg m* Б úsk'ij, К vúsk'əj, Г qúsk'ij (2×), úsk'ij, Х úsk'ej

*ɔžjɤ *N sg m* Б uš Б uš (2×), К uš, qúš Г qúš (2×), uš

не под ударением

*ɔsy *N < A pl m* Б usí (2×), К us'ý, Г us'ý (2×), Х usí

*ɔzlɤ *N sg m с энантистич. -ɤ- Б* uz'óť

корневой *ɤ

*blɤxɤ *G pl f* К bɤx, Г bɤx, Х bɤx

*brɤvɤ *N < A sg f* Б brɔf (2×), К brɔf, brɔf', Г brɔf' (2×) ; *brɤvɤjɔ *Instr sg f* Б nad brɔv'jü, К nɐd brɔvju, Г nàd brɔvjü, Х brɔwjü

*drɤžɤ *N sg f* Б drɔš

*drɤvɤ *G pl n* Б drɔf, К drɔf, Г drɔf (3×), Х drɔw

*dɤkt'ɤ *N sg f* Б dɔč, Г dɔč' ; *dɤkt'ɤka Г dɔč'k[ɤ], dɔč'k[ɐ]

*vɤ dɤljɤ *Adj A sg > Adv* К vdɔl', Г vdɔl', Х vdɔl'

*odɤnɤkɤmɤ *Instr sg m* К vɔdnɤkɤm (N sg m *odɤnɤkɤ, с восстановленным по косв. формам -ɤ- в К vɔdnɤk, Х adének, adɔ́nna[k]) ; *bezɤnɤnɤjɤ *N sg m* Б b'ezdɔn:ij, К b'ezdɔn:ɤj, Г b'ezdɔn:ɤj, Х b'ezdɔnnɤj

*dɤzɤjɤ *N sg m* Б dɔšč', dɔš, К dɔš:, Г dɔš (2×), dɔšč', dɔšt'

*jɤgɤlɤka *N sg f* К igótkɐ, Д igótká, Г igótk[ɤ], Х iyótká

- *kl̥k̥ N sg m **Б** kl̥k
 *kog̥t̥ N sg m **Б** kóγec', **К** kók̥t', **Г** kóg̥t', **Х** kóh̥a[t'], kóγ̥[t']
 *kop̥t̥ N sg f **Б** kór̥c'
 *kr̥t̥ N sg m **Б** kr̥t (2×)
 *kr̥v̥ N < A sg f **Б** kr̥f (3×), kr̥v̥^f, **К** kr̥f (4×), **Д** kr̥f' (с «литературным» -f'), **Г** kr̥f, kr̥f' (4×) (с «литературным» -f'), **Х** kr̥v̥, kr̥w̥, kr̥v̥' (с «литературным» -v')
 *l̥b̥ N sg m **Б** l̥p
 *l̥ž̥ N sg f **Б** l̥š, **К** l̥š (2×), **Г** l̥š, **Х** l̥š
 *l̥ž̥ka N sg f **Б** l̥ška, **Х** l̥ške
 *zam̥k̥ N sg m **К** zamók (2×), **Х** zamók
 *m̥x̥ N sg m **Г** m̥x, **Х** m̥x (2×), **Х** m̥x̥
 *nog̥t̥ N sg m **Б** nóγec' (4×), **К** nók̥t', **Г** nók̥c' (3×), **Х** nóγ̥[c'], nók̥[t']
 *ok̥n̥ G pl n **Б** ók̥n, **Х** ak̥ón
 *olk̥t̥ N sg m **Б** l̥k̥c'
 *os̥t̥ N sg m **Б** esót
 *pl̥t̥ N sg m **Б** p̥t̥
 *r̥t̥ N sg m **Б** r̥t **Б** rot
 *r̥ž̥ N sg m **Б** r̥š, **К** r̥š, **Г** r̥š, **Х** r̥š
 *s̥n̥ N sg m **Б** s̥n, **К** s̥n, **Г** s̥n (2×) **Х** s̥n (2×), son ; *s̥n̥n̥n̥ Adj N sg m **К** s̥n̥:ɣj, **Г** s̥n̥:ɣj, **Х** s̥n̥n̥ɣj
 *t̥d̥ Pron N sg m **Б** t̥d d̥m
 *v̥p̥ Adv **Б** v̥p
 *v̥š̥ N sg f **К** v̥š (2×), **Г** v̥š (3×), **Х** v̥š

*̥ в суффиксах и флексиях

- *agn̥p̥k̥ N sg m **Б** j̥egn'ón̥k, **К** j̥egn'ón̥k, **Г** j̥agn'ón̥k, **Х** if̥n'ón̥k
 *č̥es̥n̥k̥ N sg m **Б** č̥esnók, **К** č̥esnó[k], **Х** č̥'asnók
 *č̥l̥n̥k̥ N sg m **К** č̥etnók, **Г** č̥'ātnók (2×), č̥'ātnók, **Х** č̥'ōtnók
 *nar̥st̥k̥ N sg m **Г** nar'ór̥st[ɣ̥]k
 *p̥š̥t̥k̥ N sg m **К** p̥'esók, **Г** p̥'esók (2×), **Х** p̥'esók
 *š̥st̥k̥ N sg m **Г** š̥ästók, **Х** š̥estók
 *v̥ēn̥k̥ N sg m **Д** v̥'ānók, **К** v̥'enók, **Г** v̥'ānók, **Х** v̥'enó[k]
 *ž̥el̥d̥k̥ N sg m **Б** ž̥āt̥d̥ek, ž̥āt̥d̥ek, **Д** ž̥āt̥d̥k̥, **К** ž̥ēt̥d̥k̥, ž̥ēt̥d̥k̥, **Г** ž̥āt̥d̥k̥ (2×), **Х** ž̥ēt̥d̥ek, ž̥ēt̥d̥ek
 *ž̥er̥ben̥k̥ N sg m **Б** jer'āb'ón̥k, **Д** ž̋er'eb'ón̥k, **К** ž̋er'eb'ón̥k, **Г** ž̋er'eb'üón̥k, ž̋er'āb'ón̥k, **Х** ž̋er'ib'üón̥[k]
 *ž̋l̥t̥k̥ N sg m **К** ž̋et̥ók, **Г** ž̋et̥ók, **Х** ž̋ot̥ók

- *oḍḍḥka *N sg f* Б úḍḥkə, К úḍḥ'ka, Г oúḍḥ'kə
 *mṭrkḥvḥ *N < A sg f* К markóf (с «литературным» -f')
 *svekrḥvḥ *N sg f* Б s'v'ákrṽka
 *zohḥvḥ *N sg f* Б zaṭfka, К zəṭfke, Г zaṭf[k]e, X zaṭwka
 *oḍḥṇḥkḥmḥ *Instr sg m* К eḍṇkḥm
 *perḥmḥ *Instr sg n* Б s' p'eróm, К s p'eróm, Г s' p'eróm, X p'eróm
 *rešetḥmḥ *Instr sg n* Б r'išetóm, К r'išätóm, Г r'əšätóm, X r'išetóm
 *selḥmḥ *Instr sg m* Б zḥ s'eřóm, zḥ s'eřóm, К zḥ s'eřóm, Г zḥ s'ätóm, X zḥ s'eřóm
 *stolḥmḥ *Instr sg m* Б pḥc:teřóm, zḥ stařóm, К stařóm, steřóm, Г p[ṭ]t stařóm, zḥ stařóm, X pḥc:tařóm (< *poḍḥ stolḥmḥ), za stařóm
 *syṛḥmḥ *Instr sg m* Б s'eṛpóm, К s'ärpóm, Г s'är'póm, X s'ir'póm
 *šḥstḥmḥ *Instr sg m* Б š:estóm (< *sḥ šestḥmḥ), К šestóm, Г šésṭmḥ, X šestóm
 *vėḍṛḥmḥ *Instr sg n* Б s' v'ėḍróm, v'äḍróm, К v'ėḍróm (2×), Г s' v'ėḍróm (2×), v'äḍróm, X v'ıḍróm (2×)

корневой *ḥ

- *dḥṇḥ *N sg m* Б 3'en' (2×), Д 3'en' (2×), К d'en' (4×), Г d'en' (3×), d'en' (2×), 3'en', X d'en' (2×)
 *lḥṇḥ *N sg m* К l'ṇ, Д l'ṇ, l'üṇ, Г l'ṇ, l'ön, X l'üṇ
 *koldḥcḥ (вместо *koldeḥ) *N sg m* Б kaṭó3'ec, К kəṭó'd'ec, Г kaṭó'd'əc
 *šḥdlḥ *Prt m* Г šóṭ || *pri-šḥdlḥ Г pr'išóṭ || *po-šḥdlḥ Б pašóṭ, К pešóṭ
 *kozḥlḥ *N sg m* Б kaz'üót, Д kaz'ót, Г kez'üót, X kaz'üót
 *lḥgḥkḥjḥ *Adj N sg m* Б l'ók':ij (2×), Д l'ók':ij (2×), К l'ók'k'ij (2×), Г l'ók'k'[ij] (2×), X l'ók'k'ej ; *lḥgḥče *Compar* Б l'ékče, К l'ékč'e, X l'éxč'[e]
 *orḥṇḥ *N sg m* X ražjón
 *orḥlḥ *N sg m* Б eṛ'ót, ar'üót, a:r'üót (< *a orḥlḥ), Г ar'ót (2×)
 *pḥṇjḥ *N sg m* Б p'en' (2×), p'en', К p'ien', p'en', p'en', Г p'en' (2×), p'en', p'i
 *pḥstḥ *N sg m* К p'ös, Г p'ös, X p'ös
 *šḥstḥ *N sg m* Б šost (2×), К šes, šest, šest, Г šest (5×), X šos[t] (3×)
 *sjḥvḥ *N sg m* Б šo[v], sof
 *ṭḥṇḥṇḥjḥ *Adj N sg m* Б c'ómṇəj, К t'ómṇxj, Г c'ómṇxj, X t'ómṇij ; *ṭḥṇḥṇḥjetḥ
Prs 3 sg Б c'ámṇ'é[...], К c'emṇ'éit, t'emṇ'éit, Г c'ámṇ'éit ; *ṭḥṇḥṇḥje *Prs 3 sg* X t'omn'jéi
 *ṭḥstḥ *N sg m* Б c'es', c'es'c', К t'es't', t'es':, Г c'es'c' (3×), X c'es'
 *xrḥbḥḥlḥ *N sg m* Б xr'eb'ót (2×), xr'eb'ód, dá, xr'h'e[b']ót, Д xr'eb'ót, Г xr'eb'ót, X xr'eb'üót, xr'ib'üót
 *ṭḥṇḥkḥjḥ < *ṭḥṇḥkḥjḥ *Adj N sg m* К tónk'ij (2×), Г tónk'ij, X tónk'ej

ѣ, *ь с гласными рефлексами*после шумных и носовых*****ѣ**

- *česnѣka *G sg m K* česnaká, *Г* č'isnaká ; *česnѣk+u *G sg m X* č'esnakú
 *čьlnѣka *G sg m Б* čьlnaká, *К* čьlnaká, *Г* č'ьlněká, *Х* č'ьlněká
 *dѣzdj+u *G sg m Г* dǫž'ü ; *dѣzdji *N pl m* daž'z'í
 *odѣnѣkѣ *N sg m К* edóněk, *Х* adóněk, adǫná[k] (с корневым -ѣ-, восстановленным по аналогии с косв. осн. *odѣnѣk-)

***ѣ**

- *kvѣtetѣ *Prs 3 sg Г* cv'ät'ót, cwec'ót, cwec'ót
 *mѣgla *N sg f Б* muęłá (2×), *К* męłá, *Г* męłá, *Х* męłá, *Х* męłá 'туман'
 *ščьmeljѣ *N sg m Г* š'č'äm'él', š':äm'él'
 *stѣga *N sg f X* s't'iyá
 *stѣklo *N sg f Б* s':ekłó, *К* s'c'ekłó, *Г* s'c'ekłó, *Х* s'c'ekłúó ; *stѣkla *N pl n Б* s'c'ókłe
 *šьstѣmѣ *Instr sg m Б* š:estóm (< *sъ šestьmь), *К* šestóm, *Г* šéstym, *Х* šestóm ;
 *šьsty *N < A pl m Б* šästí, *К* šestř, *Г* šästř, *Х* šästí ; *šьstѣkѣ *N sg m Г* šästók,
Х šestók
 *dѣska < *dьska *N sg f К* daská, *Г* daská, *Х* daská

после неанлаутных *r, *l***ѣ**

- *brѣvi *N pl f К* brǫv'í, *Г* brǫv'í, *Х* brǫv'í ; *brѣv+ 'ami *Instr pl f Б* ned brev'ám'í (2×), *К* brǫv'ám'í, *Г* ned brav'ám'í, *Х* nad brav'ám'í ; *brѣv+ 'амь *Instr pl f Б* nád brev'ám
 *drѣva *N pl n Б* drevá, dravá (3×), *древá, Д* drevá, *Х* drevá, dravá (2×) ; *drѣv+y *N pl n К* drǫvǫ (3×), *дрǫvǫ, Г* drǫvǫ (3×), *Х* drǫvǫ
 *drѣzati *Inf К* dražát', *Г* dražác', dražát', *Х* drežǫt'í ; *drѣžalѣ *Prt m Г* dražát' ;
 *drѣžala *Prt f Г* dražáte' ; *drѣžali *Prt pl Г* dražál'í ; *drѣgnǫti *Inf Б* drǫynuc', *Г* drǫgnut', *Х* drǫfinu[c']
 *krѣta *G sg m Б* kratá, *К* křatá, *Г* křetá, *Х* křetá
 *krѣvi *G sg f Г* krǫv'í ; *krѣvi *L sg f Б* f krav'í, *К* f křev'í, *Г* f krav'ěí, *Х* [v] křev'í ; *krѣvanъjѣ *Adj N sg m Б* kravávij, *К* kravávij, *Г* kravávij, *Х* křevávij
 *ablѣko *N sg n Б* jábľьka, jábľьko, *Х* jeábľik[a], jábľьka, jeábľьka
 *blѣxa *N sg f Б* bľaxá, *К* bľaxá, bľaxá, *Г* bľexá, bľaxá, *Х* bľěxá ; *blѣx+ě *L sg f Б* na bľax'ě, *Г* nъ bľax'ě, *Х* na bľax'ě ; *blѣx+y *L sg f Б* bľax'í, *К* nъ bľax'í
 *pro-glѣtiti *Inf Б* pręgľat'íc', *К* pręgľat'ít', *Г* pręgľet'ěit', *Х* pręgľat'íc' ; *glѣtati *Inf Б* gľetác', *К* gľatát', *Г* gľatát', *Х* hľětá[c']

ъgr̥mitъ *Prs 3 sg Б* gr'em'it, *К* gr'im'it[t], *Г* gr'em'ěit*slъza *N sg ф Б* s'l'ázá, *К* sl'ezá, *Г* s'l'ázá, *Х* s(')l'ezá*xr̥bъtъ *N sg м Б* xr'eb'ót (2×), xr'eb'ód dá, xr̥'e[b']ót, *Д* xr'eb'ót, *Г* xr'eb'ót,
Х xr'eb'üót, xr'ib'üót**особые случаи***g̃rtanъ < *gr̥tanъ *N sg ф Г* g̃rtán' (2×), *Х* ỹrtán'*st̃yženъ < *str̃ženъ *N < A sg м Б* s'c'éržen', *К* s't'éržən', s't'éržen', *Г* s't'éržin',
s'c'éržen', s'c'éržen', *Х* s't'éržen'**после анлаутных *г-, *л-*****ъ***r̥dja *N sg ф Г* r̃ža, *Х* r̃ža; *r̥djaṽčina *N sg ф Б* ʎzáf̃cena, *К* r̃žáf̃cma, *Г* r̃žávč'enē, *Х* r̃žávč'inē; *r̥djaṽjetъ *Prs 3 sg Б* ʎzav'ěit, *К* r̃žav'ěet, r̃žev'ěet,
Г r̃žav'ěit; *r̥djaṽje *Prs 3 sg Х* r̃žav'ěje*r̥ži *G sg ф Б* er̃žā*r̥zjala *Prt ф Г* er̃žātē*l̥ba *G sg м К* sō t̃bá (3×), *Г* da t̃bá, sē t̃bá, *Х* sa t̃bá, dē t̃ba***ь***l̥na *G sg м Б* l'na, íza l'ná, *К* l'na, *Х* l'na, íza l'ná**сильные «напряженные еры»*****ѣ****под ударением****после остальных****в корне***kr̥jъ *Imper 2 sg Б* kr̃oj, *К* kr̃oj, *Г* kr̃oj*m̥jъ *Imper 2 sg Б* m̃oj*v̥jъ *с вторичным корнем ṽj-* (-j- из презентной основы *vy-je/o-): *N sg м Б*
ṽoj**во флексии***j̃n̥jъ *Adj N sg м Б* iñoj (2×), *К* iñoj, *Г* iñoj, *Х* iñoj*m̃ēs̃n̥jъ *Adj N sg м Б* m'ās̃ñoj, *К* m'ās̃ñ[j], *Г* m'ās̃ñoj*mold̥jъ *Adj N sg м Б* m̃tad̃ej, *К* m̃təd̃oj, *Г* m̃tad̃oj, *Х* m̃tad̃ũoj*ñēm̥jъ *Adj N sg м Г* n'ām̃oj*nokt'̥n̥jъ *Adj N sg м Г* nač'ñoj*pekt'̥n̥jъ *Adj N sg м Г* p'äč'ñoj

*rębŋjъ Adj N sg m **K** r'äbój, **Г** r'äbój, **X** r'ibój

*rõčŋnŋjъ Adj N sg m **Г** ruč'nój

*sedmŋjъ Num Adj N sg m с энентетич. -ъ- **Б** s'äz'mój, s'äz'mój, **K** s'ez'mój, s'ed'mój, **X** s'ed'mój, s'id'mój

*šestŋjъ Num Adj N sg m **Б** šestój, **K** šestój, **Г** šästój, **X** šestój

*svetŋjъ Adj N sg m **Б** s'v'etój, s'v'ätój, **K** s'v'etój, **Г** s'v'ätój (3×), **X** s'v'itój

*xëdŋjъ Adj N sg m **Б** s'ädój, **K** s'edój, **Г** s'ädój (2×), **X** s'idój

*živŋjъ Adj N sg m **Г** živój

после велярных

во флексии

*suxŋjъ Adj N sg m **Б** sux'jěj, sux'ėj, suxój, **K** suxój, **Г** suxój, **X** sux'ėj (2×)

*takŋjъ Pron Adj N sg m **Б** takój, **K** tekój, **Г** tekój

не под ударением

после остальных

в префиксе

*otŋ+jŋti Inf (вторично вместо *ot-iti) **Г** ŋtajc'ej

во флексии

*bëlŋjъ Adj N sg m **Б** b'ëtij, **Д** b'jëtij, **K** b'jëtxj, **Г** b'ëttxj, **X** b'jëtxj

*bystrŋjъ Adj N sg m **Б** bistryj, **K** bystryj, **Г** bystryj (2×), **X** bistryj

*četvŋrtŋjъ Adj N sg m **Б** čec'v'örtij, **Д** čac'v'ört[ij], **K** čet'v'örttxj, **Г** č'äc'v'örttxj, č'äc'v'ört[xj] ; *čŋtvŋrtŋjъ N sg m **X** č't'v'örttxj, č'tv'örtij

*čŋrnŋjъ Adj N sg m **Б** čörnij, **Д** čörnij (2×), **K** čörn[x]j, **Г** č'örntxj, **X** čörnij

*čŋstŋnŋjъ Adj N sg m **Б** čésnij, **Д** česnej, **K** čésn[x]j, **Г** č'ésntxj, **X** č'ésnij

*bezdnŋnŋjъ Adj N sg m **Б** b'ezdón:ij, **K** b'ezdón:txj, **Г** b'ezdón:txj, **X** b'ezdónnŋj

*edlovŋjъ Adj N sg m **Б** jätóvij, **K** jetóvtxj, **Г** jätóvtxj, **Д** jätóvtxj, **X** jätóvij, jetóvij

*gręznŋjъ Adj N sg m **Б** gr'áznij, **K** gr'ázntxj, **Г** gr'ázntxj, **X** gr'áznij

*grŋbatŋjъ Adj N sg m **Б** garbátij, **K** grbáttxj, **Г** gerbát[x]j, **X** grbáttej

*k'ëlŋjъ Adj N sg m **Г** cëttxj (2×)

*krŋvanŋjъ Adj N sg m **Б** kravávij, **K** kravávtxj, **Г** kravávtxj, **X** krevávij

*kyslŋjъ Adj N sg m **Б** k'ístij (2×), **K** k'ísttxj, **Г** k'ísttxj, **Д** k'ísttxj, **К** k'ísttxj, **X** k'ísttxj

*lëtŋnŋjъ Adj N sg m **K** l'ëtnxj

*lëvnŋjъ Adj N sg m **Б** l'ëvij, **Д** l'ëvij, **K** l'ëvtxj (2×), **Г** l'ëvtxj (2×), **Х** l'ëvij, l'ëvij

*mëtŋjъ Ptc N sg m **Б** m'átij, **K** m'áttxj, m'áttxj, **Г** m'éattxj, **X** m'áttxj

*mokŋjъ Adj N sg m **Б** mókrjij, **K** mókrtxj, **Г** mókrtxj, **X** mókrjij

*mŋrtvŋjъ Adj N sg m **Б** m'órtvij (3×), **Д** m'órtvtxj, **K** m'órtvtxj, **Г** m'órtvtxj (2×), m'órtvtxj, **X** m'órtvtxj

- *dikɛ́jɓ Adj N sg m Б з'ікј, К д'ік'іј, Г д'ік'іј, д'ік'[іј], д'еік'іј, Х д'ік'іј

- *dylgĕjĕ *Adj N sg m Б* dótĕg'ij (2×), *К* dótĕg'ij, dótĕg'ij, *Г* dótĕg'ij, *дотĕg'ej, X дотĕg'ej* (2×)
- *gladĕkĕjĕ *Adj N sg m Г* gĕátĕk'ij
- *gorĕkĕjĕ *Adj N sg m К* gŏr'k'ij
- *lĕgĕkĕjĕ *Adj N sg m Б* l'ók'ij (2×), *Д* l'ók'ij, *К* l'ók'ij (2×), *Г* l'ók'ij [ij] (2×), *Х* l'ók'ij
- *mekĕkĕjĕ *Adj N sg m Б* m'ák'ej, *К* máx'k'ij, m'ák'k'ij, *Г* m'ák'k'ij [ij] (2×), *Х* m'ák'k'ij
- *qzĕkĕjĕ *Adj N sg m Б* úsk'ij, *К* vúsĕk'ej, *Г* qúsĕk'ij (2×), úsk'ij, *Х* úsk'ej
- *širokĕjĕ *Adj N sg m Б* šerók'ij, *К* širók'ij, *Г* širók'ij, *Х* šerók'ij
- *tĕpĕkĕjĕ *Adj N sg m К* tónk'ij (2×), *Г* tónk'ij, *Х* tónk'ej
- *zelen+en[lĕkĕjĕ] *Adj N sg m Б* z'el'ón'n'k'ij, *Д* z'el'ón':k'ej, *К* z'el'ón'in'kĕj, z'el'ón'in'kĕj, *Г* z'el'ón'in'k'ij [...], *Х* z'el'ón'in'kĕj [ij]

*ĕ

под ударением

в корне

- *bĕjĕ *Imper 2 sg Б* b'ej (2×), *К* b'ej-b'ej, b'ej (2×), *Г* b'ej, *Х* b'ej
- *čĕjĕ *Pron Adj N sg m Б* čej, *К* čej (2×), *Г* č'ej, *Х* č'ej
- *lĕjĕ *Imper 2 sg Б* l'ej, *К* l'ej, *Г* l'ej, *Х* l'ej
- *pĕjĕ *Imper 2 sg Б* p'ej (2×), *К* p'ej, *Г* p'ej, *Х* p'ej

в суффиксах и флексии

- *solvĕjĕ *N sg m Б* s[ɣ]tav'ej, *К* sĕtav'ej, *Г* sĕtav'ej, *Х* sĕtav'ej
- *vorbĕjĕ *N sg m Б* vĕr[a]b'ej, *К* vĕrĕb'ej, *Г* vĕrab'ej
- *pektĕjĕ *G pl f Б* p'äčej, *Г* p'äč'ej, *Х* p'ič'ej
- *polj+ĕjĕ *G pl n Б* pal'ej, *К* pal'ej, *Г* pal'ej, *Х* pal'ej

не под ударением

в суффиксах и флексии

- *ulĕjĕ *N sg m Б* ul'ij
- *qĕjĕ *Adj N sg m Б* úc'ej 'утиный'
- *prigodĕjĕ *Adj N sg m Г* pr'igóžxj
- *lĕtnĕjĕ *Adj N sg m Б* létĕn'ij, *Х* l'ét'n'ij
- *pozĕdĕjĕ *Adj N sg m Г* póz'n'ij
- *ranĕjĕ *Adj N sg m Б* rán':ij, *К* rán':ij, *Г* rán':ij
- *poxodĕjĕ *Adj N sg m Г* paخóžxj
- *proxodĕjĕ *Adj N sg m Г* praخóž[xj]
- *xorbrĕj+šĕjĕ *Adj N sg m Б* xĕrósĕj, *К* xĕrósĕj, *Г* xarósĕj, *Х* xarósĕj

слабые «напряженные еры»**с гласными рефлексами****напряженный *ĕ****в корне***mĕjɔ *Prs 1 sg K* mójü (3×), *Г* mójü, *Х* mójü, *пíjü**rĕjɔ *Prs 1 sg K* róü, *Г* rójü, *Х* rĕjü, *rĭjü*, *rójü***напряженный *ĕ****в корне***šĕja *N sg f Б* šéjā, *К* šéjā, *Г* šéjā, šéjā, *Х* šéj[ā]*čĕja *Pron Adj N sg f Б* čyjā, čijā, *Х* č'ijā*zmĕja *N sg f Б* z'm'εā, *Х* z'm'ijā***ь > Ø****в корне***čĕja *Pron N sg f Б* čjā, *К* čjā, *Г* č'jā**в суффиксе и флексии***svinĕja *N sg f К* s'v'in'já, *Г* s'v'in'já (3×), *Х* s'v'in'já*obolnĕje *N sg n Б* abałn'e*bytĕje *N sg n К* žit'jó bxt'jō, *Г* bxc'jō, bxc'jō, *Х* bic'jüó (2×)*sĕčestĕje *N sg n К* š'č'ás'je, šč'ás'je, *Г* š'ás'c'je, š'č'ás't'je, š':ás':e, *Х* š'č'ás't'je, š':ás't'[e]*k'ĕvĕje *N sg n Б* cεvjō*kolsĕje *N sg n Г* kałs'je, *Х* kĕłas'jüó*listĕja *N pl n Д* l'is':ä*perĕje *N sg n Б* p'ér'je, *К* p'ér'je (2×), *Г* p'ér'je, p'ér'je; *perĕja *N pl n Б* p'ér'j[ä], *Г* p'ér'jā, *Х* p'ér'jā (2×)*pitĕje *N sg n К* p'ic'jüó, *Г* p'ic'jüó, *Х* p'ic'jüó*protĕje *N sg n N sg n Г* prúc'je*sĕdorvĕje *N sg n К* sterón'je, *Х* zdarówje*sĕpanĕje *N sg n Б* spen':ó, *К* span'jō, *Г* span'jō, spen'jō, *Х* span'jüó*veselĕje *N sg n К* v'es'él'je, *Г* v'es'él'je (2×), *Х* v'is'él'jā*vornĕje *N sg n Б* veran'jō, vĕran'jō, *К* veran'jō, *Г* vĕran'jüó, *Х* vĕran'jüó, vĕran'jüó*zelĕje *N sg n Б* z'él'jō (2×), *Д* z'él'jā, *К* z'él'je, z'él'je, *Х* z'él'l'e, z'él'l'ε*zimovĕje *N sg n Б* z'imówjā, *К* z'imón'je, z'imón'je, *Г* z'imónvā, z'imónvā, *Х* z'imów'je

*zvēr̥je *N sg n X z'v'ir'jüó*

*br̥v̥j̥q *Instr sg f B nad brón'jög, K nəd brónju, Γ nəd brónjü, X brówjü*

*sol̥j̥q *Instr sg f B sól'jü (2×), K sól'jü, Γ sól'jü, sól'jü*

***ъ после *j**

***j̥ в инлауте**

*aj̥c̥ *G pl n Γ jāic*

*aj̥č̥nica *N sg f Γ jāišn'ic[ʋ]*

***j̥ в анлауте**

*j̥g̥la *N sg f B iglá, K iglá, Γ iglá, X iylá*

***j̥ < *j̥-, *i- в инлауте**

*ot̥-j̥ti (*вместо* *ot-iti) *Inf Γ etajc'ǵí ; *u-j̥ti Inf Γ ujc'ǵí ; *po-j̥d̥q Prs 1 sg B pejdú K pajdú X pajdu || *pri-j̥d̥q Prs 1 sg B pr'idú, K pr'idú, Γ prejdú, X pr'idú ; *pri-j̥deš̥ Prs 2 sg B pr'id'óš̥, K pr'id'óš̥, Γ pr'ijd'jós̥, X pr'id'és̥ ; *pri-j̥det̥ Prs 3 sg B pr'iz'ót, K pr'ijd'ót, Γ pr'id'jót ; *po-j̥det̥ Prs 1 pl B pajz'óm, K pejd'óm, X pajd'óm*

***j̥ < *j̥-, *i- в анлауте**

под ударением

*j̥ li *Conj B íl'i*

*j̥ščet̥ *Prs 3 sg Γ ón'ǵš':it*

*j̥stina *N sg f B ís':en̥, K ís'c'm̥, Γ ís'c'in̥, X jís't'in̥ ; *j̥stin̥na N sg f B ís'c'ena právda*

*j̥skra *N sg f B ískr̥, X ískr̥*

*j̥m̥ *N sg n B ím'ä, K ím'ä, Γ ím'ä, X ím'ä*

не под ударением

*j̥n̥j̥ *Adj N sg m B inój (2×), K inój, Γ inój, X inój*

*j̥skra *N sg f K iskrá, Γ iskrá *j̥st̥ba B izbá, K izbá, Γ izbá, X izbá*

*j̥-d̥ *Adv B iz'é*

*j̥d̥q *Prs 1 sg B idú, K jä jidú, Γ já idú, X idú*

*j̥gra *N sg f B igrá, K igrá (2×), Γ igrá (2×), X iyrá ; *j̥grati Inf B igrác', K igrát', Γ igrát', X ifrá[c']*

*j̥g̥l̥ka *N sg f K igót̥k̥, Д igót̥ka, Γ igót̥k[̥], X iýót̥ka*

*j̥kra *N sg f B ikrá, K ikrá (2×), Γ ikrá, X ikrá*

*j̥m̥eti *Inf B im'éc', K im'ét', Γ im'éc', X im'jé[c'] ; *po-j̥mati Inf B pajmác', K pejmát', Γ pajmát', X pajmá[c']*

ТърТ*в «новозакрытом» слоге**

*гъгбъ *N sg m Б* гə́рəп, *К* гə́рп, *Г* гəр (2×), *Х* үəгп

*гъгнъ *N sg m Б* гə́гəп

*гъгстъ *N sg f Б* гə́р[í]s'c', górz':erná (*гъгстъ зына), *К* гəр's't', гəр's', гəр's'[t], *Г* gərs'c'

*къгмъ *N sg m Г* kə́гм

*мъгкъv+a *N sg f X* mórkwъ

*тъгъ *N sg m Б* tə́г, tórg dá, *Г* tə́г

в открытом слоге

*гъгбъкъ *N sg m Б* gə́rəbók (мофологич. восстановление вставного гласного по аналогии с косв. надежами), *Х* ɣərbók ; *гъгбатъjъ *Adj N sg m Б* gə́rbátij, *К* gə́rbátj, *Г* gərbát[xj], *Х* ɣərbátɛj

*гъгдло *N sg n Б* gə́rɫɛ, *Г* góɫɛ

*къгмитъ *Inf К* kə́r'm'ít', kə́r'm'í[t'], *Г* kə́r'm'ɛít', *Х* kь́r'm'íc'; *къгмитъ 3 *sg Б* kó́r'm'it, *К* kúórm'it, *Г* kór'mit

*мъгкъvъ *N < A sg f К* markɔ́f (с «литературным» -f')

ТърТ*в «новозакрытом» слоге**

*čьгъ *N sg m Б* čö́rt, *Г* č'ə́rt

*četvьгъкъ *N sg m Г* č'äc'v'érk (2×) с вторичным -тък-ъ по аналогии с косв. надежами

*дъгъ *N sg m Г* d'ér'en, *Х* d'ór'en, d'ór'en ; *дъгнъ *N sg m Б* ɟ'ér'en', *Д* d'ér'en', ɟ'ór'm', *Г* d'íer'in'

*кьгкъv+a *N sg f Б* cérkvъ, *Х* cér'kva (2×)

*u-мьгъ *Prt m Г* qúm'er, qúm'er ; *sъмьгъ *N sg f Г* s'm'er'c' (3×)

*za-мьгъ *Prt m Б* zam'órs, *Д* zam'órs, *К* zam'órs, *Г* zam'órs (2×), *Х* zam'órs

*рърстъ *N sg m Г* p'órst (наряду с «литературным» p'erst, p'erst)

*skatьгъka *N sg f Г* skъc'är'ótkɛ, skъc'är'ótk[ɛ]

*svьгъdlo *N sg n Г* s'v'íɫɔ

*сьгъ *N sg m Б* s'érɛp, *Г* s'erp

*сьгстъ *N sg f c* развитаем s- > š-: *Б* šer's', *К* šers't', *Г* šer's'c'

*na-тъгъ *Prt sg m Б* nac'ór, *К* net'ór, *Г* nac'ór, *Х* nac'üór || *podъ-тъгъ *Б* pac'ór, pac'ór, *К* pat'ór, *Г* pət'ór, *Х* pat'c'üór || *vy-тъгъ *Б* vъc'er, *К* výt'er, *Г* vъc'er, *Х* víc'er

*сьгдъce/+ -o *N sg n Б* s'érce, *К* s'érce, s'érce, *Г* s'érce, s'érce[ə], *Х* s'érce ; *сьгдъci *L sg n Б* na s'ér[ci], *Б* ne s'érci, *Г* na s'érce[x] ; *сьгдъce+ *L sg n К* f s'érce, *Х* na s'érce

*obvɔrtɕka *N sg f* **Г** ab'órtk[ɐ] ; *otvɔrtɕka *Г* atv'órtkɐ (2×)

*vɔrbɛnɕjɛ *Adj N sg m* **Г** v'ér'bnɕj

*vɔrxɕɛ *N sg m* **К** v'ɛrx, v'er'x, **Г** v'ɛrx (5×), **Х** v'ɛr'x

*žɔrdɛ *N sg f* **Г** žer'c'

*žɔrnɛ *G pl n* **Г** žór'en

*žɔrnɛ *N sg m* **Г** žór'en, **Х** žór'en

в открытом слоге

*bɔrdo *N sg n* **Г** b'órde (2×)

*bɔrloga *N sg f* **Б** b'ertógɐ, b'ertóga, **К** b'ertógɐ, **Г** b'ärtógɐ ; *bɔrlogɛ *N sg m* **Х** b'ertóx

*četvɔrtɕjɛ *Adj Num N sg m* **Б** čec'v'órtij, **Д** čac'v'órt[ij], **К** čet'v'órtɕj, **Г** č'äc'-v'órtɕj, č'äc'v'órt[ɕj] ; с «аллеговым» -ь- *čɛtvɔrtɕjɛ *Adj Num N sg m* **Х** č't'v'órtəj, č'tv'órtij

*čɔrnɕjɛ *Adj N sg m* **Б** čórnij, **Д** čórnij (2×), **К** čórn[ɕj], **Г** č'órnɕj, **Х** čórnij ; *čɔrnějetɕ *Prs 3 sg* **Б** čärm'éet, **Д** čern'éet, **К** č'ern'éet, č'er'n'éet, **Г** č'ärn'éit, č'örn'éit ; *čɔrněje *3 sg* **Х** č'ör'n'úi, č'är'n'úi

*čɔrv+'akɕ *N sg m* **Г** č'är'v'ák ; *čɔrv+'aky *N < A pl m* **Г** č'er'v'äk'í ; *čɔrv+'akovɛ *G pl m* **Г** č'er'iv'ákɔf

*dɔrno *N sg n* **К** d'ernó (2×), **Г** d'ärnó

*dɔrzati *Inf* **Б** z'eržác', **К** d'eržát', **Г** d'äržát', däržét', d'äržác', **Х** d'iržá[c'] ; *dɔržitɕ *Prs 3 sg* **Б** z'éržit, **К** d'éržyt, **Г** d'éržɕt, **Х** d'éržit ; *dɔržimɛ *1 pl* **Г** d'éržɕm ; *dɔržalɛ *Prt m* **Г** d'äržát ; *dɔržala *Prt f* **Г** d'äržátɔ ; *dɔržali *Prt pl* **Г** d'äržál'ɪ

*gvɔrstva *N sg f* : древняя метатеза согласных в **Г** gr'estvá

*kɔrkɕɛ *N < A sg f* **Б** cérkɔf' (с «литературным» -f'), cérkɔf (скандирование), **Д** cérkɕf, **Г** cér'kɕf, cér'kɕf' (с «литературным» -f'), **Х** cér'kɕw

*sɕ-mɕkajetɕ sɛ *Prs 3 sg* **Г** s'm'ärkáite[ɛ]

*u-mɕrɔla *Prt f* **Г** um'ärłá ; *mɕrtvɕjɛ *Adj N sg m* **Б** m'órtvɕj (2×), m'órtvij, **Д** m'órtvəj, **К** m'órtvɕj, **Г** m'órtvɕj (2×), m'üórtvɕj, **Х** m'órtvɕj

*mɕrznɔti *Inf* **Г** m'órnɕuc'

*pɕrsta *G sg m* **Г** p'ärstá ; *pɕrstɕmɛ *Instr sg m* **Г** p'ärstóm ; *pɕrsty *N < A pl m* **Г** p'ärstɕ' (2×) ; *pɕrstenɛ *N < A sg m* **Г** p'ér's'c'in' (2×) ; *napɕrstɕkɕ *Г* nap'órst[ɕ]k

*pɕrvɕjɛ *Adj N sg m* **Б** p'érnvəj, **К** p'ér'vɕj, p'ér'vɕj, **Г** p'érnvɕj, p'ér'vɕj, **Х** p'érnvij

*stɕrva *N sg f* **Г** s'c'érvɐ

*sɕrdɕčɕnɕjɛ *Adj N sg m* **Г** s'er'd'éšn[ɕj]

*sɕrpɕmɛ *Instr sg m* **Б** s'erpóm, **К** s'ärpóm, **Г** s'är'póm, **Х** s'ir'póm

*sʏrst+ě *G sg f* с лексикализированным развитием *s- > š-*: **Б** šér's'ä

*tvʏrdʒjɛ *Adj N sg m Г* c'v'órdʒj (2×); *tvʏrdje *Compar Г* c'v'órž[ɣ]

*tʏrpěti *Inf Г* c'är'p'ét'; *tʏrpitɛ 3 *sg Г* c'ér'p'it

*vʏrba *N sg f Г* v'ér'bə (2×)

*vʏrstɛ *G pl f Г* v'örst

*vʏrtěti *Inf Б* v'är'c'éc', **К** v'er't'ét', **Г** v'er'c'éc', **Х** v'er'c'éc[ç]; *vʏrtjɔ *Prs 1 sg Г* v'ärč'ú; *vʏrnɔ sɛ 1 *sg Г* v'ärnús'; *vʏrnetɛ 3 *sg Б* v'er'n'ót, **Х** v'er'n'üó[t]; *vʏrnetɛ sɛ 3 *sg Г* v'är'n'óts[ɣ]

*vʏrxu *G sg m Г* s' v'érx[u]; *vʏrxu *L sg m Б* нь v'ärxú, **К** ne v'erxú, **Г** нь v'ärxú, **Х** na v'erxú

*zʏrno *N sg n Б* z'ernó, **Д** z'ernó, **К** z'ern[ó], **Г** z'ärnó; *zʏrna *G sg n Б* górz':erná (*gʏrstɛ zʏrna); *zʏrna *N pl n Б* z'órna, **Д** z'órne (3×), z'órna (2×), **Г** z'órne, z'órna; *zʏrn+y *N pl n Х* z'órni

*ТЫТ

в «новозакрытом» слоге

*dʏlgɛ *N sg m Б* dɔtk, **К** dɔtk, **Г** dɔtk; *dʏlžɛnɛ *Adj N sg m К* dótžən; *dʏlžɛna *N sg f К* dótžnɛ, **Г** datžná, **Х** datžná; *dʏlžɛno *Adj N sg n Г* datžnó; *dʏlžɛny *Adj N pl Г* datžnɔ

*mʏln+ěja *N sg f Г* mʏlɛn'já (наряду с «литературной» формой mót'm'ie)

*pʏlkɛ *N sg m Б* pɔtk

*stʏlbɛ *N sg m Г* stɔp; *stʏlba *G sg m Г* stɛbá, statbá, **Х** statbá

*sʏlnɛce *N sg n Б* sɔncä, **К** sɔnce, **Г** sɔnc[ə], sɔnce, **Х** sɔnce; *sʏlnɛce *A sg n Х* na sɔnce; *sʏlnɛcy *L sg n Г* na sɔnc[ɣ] (3×); *sʏlnɛce+ě *L sg n Б* na sɔncä, **К** ne sɔnc[ɛ], **Х** na sɔnce (2×); *sʏlnɛce+u *L sg n Г* na sɔnc[ɣ] (3×)

*tʏlkɛ *N sg m Б* tɔtk (2×)

*xʏlmɛ *N sg m Б* xótɛm, **Г** xótɛm

в открытом слоге

*dʏlgy *N < A pl m К* datg'í, **Г** dɛtg'ɛí, **Х** datɣ'í

*kʏlbasa *N sg f К* kɔlbásá, **Г** kʏlbásá, **Х** kɛlbásá

*tʏlstɛjɛ *Adj N sg m Г* tótstɛj

*xʏlsty *N < A pl m Б* xótsti

*ТЫТ

в «новозакрытом» слоге

*vʏlkɛ *N sg m Б* vɔtk (2×), **К** vɔtk, vótɔk, **Г** vɔtk, **Х** vʏvɔtk

*зылѣ́жъ *N sg m* Г жалѣ́жъ ‘желчный пузырь’, возникшее в результате преобразования *joľѣ́жъ < *зылѣ́жъ, с диал. развитием з’- или ž’- > j || *зылѣ́жъ *N sg f* с диал. развитием *z- > ž- Б žoľѣ́жъ, žoľѣ́жъ, žoľѣ́жъ⁹

в открытом слоге

*дылгѣ́жъ *Adj N sg m* Б dótg’ij (2×), К dótg’ij, dótg’iə, Г dótg’ij, dótg’əj, Х dóty’ej (2×); *дылг+yjě *N pl* К dótg’ie; *дылго *Adv* Г dótg[e]

*vy-rylzi *Inf* Б vŕpŕts’ε, К vŕpŕts’t’i, Г vŕpŕts’c’i, Х vŕpŕts’t’i

*рылнѣ́жъ *Adj N sg m* Г рótnŕj; *рылно *Adv* Д рótno

*vylka *G sg m* Б vóŕka, К vŕŕká, Г vŕŕká, Х vóŕka; *vylky *N < A pl m* Б vóŕk’i, К vóŕk’i, Г vóŕk’[i] Х vóŕk’i; *vylk+ovŕ G pl m К vŕŕkóf, Г vŕŕkóf, Х vŕŕkóf[w]; *vylč+ŕŕkŕ Б vŕŕčók, К vŕŕčók, Г vŕŕč’ók, vŕŕč’ók, Х vŕč’(’)ók

*vylna ‘unda’ Б vatná, К vŕŕná, Г vŕŕná, Х vatná

*žyltŕjъ *Adj N sg m* Д žóvtij, К žóŕtŕj (2×), Г žóŕt[ŕj], Х žóŕtŕj, žóŕtij; *žyltŕkŕ К žŕŕtók, Г žŕŕtók, Х žoľtók

Литература

- Бушкевич, Николаев, Толстая 1994 — Бушкевич С. П., Николаев С. Л., Толстая С. М. Этнолингвистические экспедиции в Украинские Карпаты // Славяноведение, 1994, № 3.
 Даль I — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I. СПб.–М., 1880.
 Николаев 2002 — Николаев С. Л. Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 8. Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст. Институт славяноведения РАН. М., 2002.
 ПОС 10 — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 10. СПб., 1994.
 СРНГ — Словарь русских народных говоров. М.–Л.–СПб., 1965–.
 Фенне — Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian (Pskov, 1607). Vol. II. Copenhagen, 1970. Ссылки даются на страницы оригинала.

⁹ Возможно, ž- в примерах из д. Бараново «литературного» происхождения, ср. обычные для псковских говоров рефлексy *зылѣ́жъ f. и *зылѣ́жъ m. в значениях ‘желчь’: f. ёлач Гд., gen. ёлачи-та Слан.; f~m. ёлочъ Слан., Нов., Пл., Сер., Вл., Н.-Рж., Холм., ёлуч, ёльч Гд., ёлачь Слан., ёльч Н.-Рж., елычь Дед.; m. ялыч Дн. и ‘желчный пузырь’: f. ёльчъ Стр.; f~m. ёлуч Слан.; ёлотъ-ть Стр.; ёлоч Сер., Слан.; ёлучъ Гд.; елыч Дн., Порх.; m. ёлачь Гд., елычом Дед. (ПОС 10: 126–127). От этого же корня *zylk- образованы псковск. ёлкий ‘горький, прогорклый’ (СРНГ 8: 343), ёлкнуть, елчать ‘становиться горьким, горкнуть (о масле)’; ёлковатый ‘слегка прогорклый’; ёлкость ‘горький привкус, горечь’ Пск., Смол. (ibid.: 343, 350); ёлко ‘горько (об ощущении горького вкуса)’ Нев. (ПОС 10: 125), ел(к)о (iello : gorko) (Фенне: 257). Ср. с другим (параллельным) значением (и *z- > ž по аналогии с жёлтый) жёлкнуть, желкнуть ‘желтеть, вянуть (о растениях)’ Пенз., Курск., Орл., Калуж. (СРНГ 9: 108), также ‘покрываться желтизной, становиться нечистым’ (Даль I: 547).

Научное издание

Исследования по славянской диалектологии.

14.

Фонетический аспект
изучения славянских диалектов

Сборник статей

М.: Институт славяноведения РАН, 2009. – 344 с.

Утверждено к печати Ученым советом
Института славяноведения РАН 17.03.2009

Отв. редактор:
д. ф. н. Л. Э. Калнынь

Компьютерная верстка:
Д. Ю. Анисимова, М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина, М. Н. Толстая

Подписано в печать 30.07.2009 г. Усл. печ. л. 21,5.
Формат 60×90. Тираж экз. Заказ № .

ООО «Пробел–2000»
121069 Москва, ул. Поварская, д.36